

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

KPF 1848

**HARVARD COLLEGE
LIBRARY**

**FROM THE FUND OF
THOMAS WREN WARD**

**Treasurer of Harvard College
1830-1842**

SAVVA

«MOSKOVSKIE TSARI»

В. Савва.

МОСКОВСКІЕ ЦАРИ

и

ВИЗАНТІЙСКІЕ ВАСИЛЕВСЫ.

КЪ ВОПРОСУ

о вліянніи Византіи на образованіе идеи царекой власти
московскихъ гоеударей.

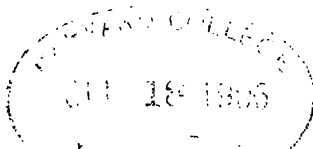
ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная ул., д. № 30-й).

1901.

KPF 1848
~~Slav 615.7~~

Ward fund

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать разрѣшается.
Харьковъ. 26-го Октября 1901 года.

Ректоръ Университета **Н. Куплеваскій.**

Врядъ ли необходимо оправдывать выборъ своей темы тому, кто ставитъ себѣ задачею изслѣдованіе вліянія Византіи на ту или иную сторону русской жизни. Итоги вѣками длившагося вліянія Византіи на русскую жизнь еще не подведены. Въ 1888 г., когда истекало 900-лѣтіе со времени крещенія Руси и болѣе чѣмъ 900 лѣтъ со времени начала вліянія Византіи на Русь, извѣстный византинистъ академикъ Ѳ. И. Успенскій, въ своей рѣчи „Русь и Византія въ X в.“, констатировалъ невозможность „составить себѣ понятіе о количествѣ и качествѣ византійскихъ вліяній на Россію“, пока не будетъ „предпринятъ рядъ отдѣльных изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ: о вліяніи Византіи на древнюю русскую литературу, о заимствованіяхъ изъ Византіи по части художественныхъ идеаловъ, нашедшихъ примѣненіе въ искусствѣ, объ обмѣнѣ въ области юридическихъ понятій, въ устройствѣ государственности, въ домашнемъ быту и т. п.“ (стр. 32 и слѣд. Одесса, 1888 г.).

Издаваемый мною трудъ является однимъ изъ такихъ отдѣльных изслѣдованій. Цѣль его—принести посильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь. Задача его—уяснить, на сколько это было въ моихъ средствахъ, одинъ небольшой, но имѣющій свое значеніе, отдѣлъ въ указанномъ вопросѣ: предполагаемое вліяніе Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей.

Неоднократно высказывавшаяся мысль, что виднымъ проводникомъ византійскаго вліянія въ Кремлѣ была Софья Палеологъ, и что бракъ съ нею далъ московскому государю право смотрѣть на себя какъ на наслѣдника византійскихъ императоровъ-василевсовъ и ихъ титуловъ, побудила меня попытаться прежде всего выяснить предполагаемую роль

византійской царевны. Отсюда я перешелъ къ попыткѣ сопоставить московскаго царя съ византійскимъ василевсомъ въ томъ предположеніи, что, если идея власти московскаго царя заимствована изъ Византіи, то московскій царь долженъ быть подобенъ византійскому василевсу. Съ этою цѣлью я собралъ данныя, проливающія свѣтъ на характеръ власти византійскаго императора, и обратилъ вниманіе на нѣкоторые придворные обряды московскіе и византійскіе, потому что въ обрядахъ этихъ наглядно обрисовываются московскій царь и византійскій василевсъ. Предположеніе, что московскіе государи, начиная съ Іоанна III, смотрѣли на себя какъ на наслѣдниковъ византійскихъ василевсовъ и титуловъ ихъ, побудило меня обратить вниманіе на тѣ доказательства, которыя представляли московскіе цари въ пользу правъ своихъ на царскій титулъ, когда требовали признанія за собою этого титула отъ иноземныхъ государей. Такъ, казалось мнѣ, мы можемъ узнать отъ предполагаемыхъ наслѣдниковъ византійскихъ василевсовъ, дѣйствительно ли они считали себя таковыми.

Сознавая сложность и трудность затронутого мною вопроса, я далекъ отъ мысли, что вопросъ этотъ послѣ моего изслѣдованія перестанетъ быть вопросомъ. Мнѣ кажется, что нельзя говорить о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей, не сопоставляя московскаго царя съ византійскимъ василевсомъ. Такое сопоставленіе въ указанныхъ мною предѣлахъ я и поставилъ главною цѣлью своей работы, полагая, что этимъ могу содѣйствовать разрѣшенію затронутого мною вопроса.

Считаю долгомъ своимъ выразить искреннюю и глубокую благодарность лицамъ, облегчавшимъ мнѣ мой трудъ своею помощію и указаніями—профессорамъ А. С. Лебедеву, М. С. Дринову, Ѳ. Е. Коршу и Я. А. Денисову, а также историко-филологическому факультету Харьковскаго Университета, давшему средства для напечатанія моего труда.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I. Роль Софьи Палеологъ какъ проводника византійскаго вліянія въ Кремлѣ 1—57.

Взгляды на значеніе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ кн. Щербатова, Карамзина, Полевого, Соловьева, Костомарова, Д. И. Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина, Вешнякова, проф. В. С. Иконникова, Терновскаго, проф. Дьяконова, Θ. И. Успенскаго и о. Пирлинга 1—28. Источники, обрисовывающіе Софью Палеологъ и вліяніе ея на Іоанна III 28—37. Отраженіе неполноты источниковъ на мнѣніяхъ изслѣдователей 37—41. Софья Палеологъ до пріѣзда ея въ Москву 41—46. Отношеніе Іоанна III къ „константинопольскому наслѣдству“ 46—48. Сфера вліянія Софьи Палеологъ въ Кремлѣ 48—57.

Глава II. Пространство и характеръ власти византійскаго императора 58—93.

Разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви 58—60. Отношеніе Константина В. къ церкви по свидѣтельству Евсевія 60. Отношенія къ византійскимъ императорамъ отцовъ нѣкоторыхъ вселенскихъ соборовъ и папы Льва В. 61—63. Мнѣнія о власти византійскаго императора въ дѣлахъ церкви Вальсамона и Дмитрія Хоматіана 63—65. Взглядъ императора Льва Исавра на свое положеніе въ церкви 65—66. Свидѣтельство Никиты Хоніата о любви византійскихъ императоровъ къ догматствованію 66—67. Отношенія византійскихъ императоровъ къ патріархамъ по свидѣтельству Георгія Акрополита и Никифора Григоры 68. Названіе императоровъ Византіи святыми 68—70, владыками вселенной 71—72. Византійскіе императоры совершали кажденіе въ храмѣ, знаменовали съ трикиріемъ, вели учительныя бесѣды съ христіа-

II

нами и принимали участие въ совершеніи богослуженія 72—78. Выходы византійскихъ императоровъ въ праздничные дни въ храмъ св. Софіи 78—89. Отношеніе византійцевъ къ императорамъ своимъ 89—93.

Глава III. Церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора сравнительно съ такими же обрядами московскаго двора 94—109.

Императорскіе богомольные выходы въ Византіи сравнительно съ такими же выходами московскихъ государей въ изслѣдованіи г. Марковина 94—104. Выходы византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи въ нѣкоторые праздники въ трудѣ г. Каневского 104—105. Нѣкоторые церковно-гражданскіе обряды въ Византіи и на Руси въ изслѣдованіи анонима 105—107. Взгляды г. Марковина и анонима на значеніе церковно-придворныхъ обрядовъ московскихъ государей 107—109.

Глава IV. Происхожденіе и развитіе обряда вѣнчанія на царство московскихъ государей 110—157.

Вокняженія древнихъ русскихъ князей 110—112. Взгляды на великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III прот. Горскаго, Е. В. Барсова, г. Попова и проф. Покровскаго 112—120. Хиротоніи и производства въ гражданскіе чины въ Византіи 120—121. Чинъ великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III по сравненію съ кесарскою хиротоніею въ Византіи 121—128. Обряды коронованій византійскихъ императоровъ 129—142. Чины вѣнчаній на царство московскихъ государей 142—154. Отличіе позднѣйшаго обряда вѣнчанія на царство византійскихъ императоровъ отъ чина вѣнчанія сыновей царя Алексѣя Михайловича 154—157.

Глава V. Обрядъ въ недѣлю Ваіи въ Византіи и на Руси 158—175.

Празднованіе наканунѣ и въ день Вербнаго Воскресенья въ Византіи по *De cerimoniis aulae Byzantinae* 158—163. Праздникъ Ваіи по описанію Кодина 163—164. Московскіе чины дѣйства въ недѣлю Ваіи 165—167. Различіе между обрядами Ваіи въ Византіи и на Руси 167—169. Время по-

III

явленія дѣйства въ недѣлю Ваій на Руси 169—172. Значеніе этого дѣйства 172—173. Прекращеніе совершенія его 173—175.

Глава VI. Московскій посольскій обрядъ 176—270.

Взгляды Лешкова, Сахарова, проф. Н. И. Веселовскаго, Рихтера, Рамбо и о. Пирлинга на происхожденіе московскаго посольскаго обряда 176—193. Дипломатическія традиции и приемы московскаго посольскаго приказа въ трудѣ Веновитинова 193—196. Опредѣленіе Іоанномъ III мѣста своего среди европейскихъ государей 197—198. Характеръ отношеній московскихъ великихъ князей къ императорамъ Византіи 198—199. Итоги власти византійскихъ императоровъ надъ русскою церковью по опредѣленію проф. Павлова 199—200. Мысли въ Византіи о политической зависимости русскихъ князей отъ византійскаго императора 200—204. Обряды приема византійскими императорами иноземныхъ пословъ по *De cerimoniis aulae Byzantinae* 204—208. Приемъ византійскимъ императоромъ русской вел. кн. Ольги 208—211. Татарскій посольскій обрядъ по извѣстіямъ западныхъ и восточныхъ писателей 212—215. Посольскій обрядъ въ сношеніяхъ Іоанна III и Василя III съ крымскимъ ханомъ 216—230. Посольскій обрядъ въ сношеніяхъ Іоанна III и Василя III съ другими европейскими государями 230—251. Приемъ пословъ германскаго императора въ Москвѣ по описанію Герберштейна 251—259. Московскій посольскій обрядъ въ XVII в. 259—268. Заключеніе 268—270.

Глава VII. Доказательства, представлявшіяся московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ 271—400.

Мнѣнія изслѣдователей о происхожденіи слова „царь“ и времени приложенія его къ русскимъ князьямъ 271—273. Случаи усвоенія царскаго титула Іоанномъ III и Василіемъ III 273—284. Требованіе Іоанна IV отъ германскаго императора признать за нимъ царскій титулъ 285—287. Требованіе того же отъ польскаго короля 287—323. Попытки Рима завязать сношенія съ Москвою 324—335. Поссевино въ роли

IV

посредника между Іоанномъ IV и Баторіемъ 336—340. Титулъ Іоанна IV въ сношеніяхъ съ нимъ англійскаго правительства 340—341. Требованіе Ѳедора Іоанновича къ польскому королю признать за нимъ царскій титулъ 341—345. Умаленіе царскаго титула Ѳедора Іоанновича со стороны англійской королевы 345—347. Титулованіе Ѳедора Іоанновича со стороны Рима 347—356. Умаленіе царскаго титула Бориса Годунова со стороны германскаго императора 356—357. Требованіе Бориса Годунова къ польскому королю признать за нимъ царскій титулъ 357—366. Титулованіе Бориса Годунова со стороны Рима 366—367. Требованіе Разстриги отъ польскаго короля признать за нимъ императорскій титулъ 367—373. Требованіе Василя Шуйскаго отъ польскаго короля признать за нимъ царскій титулъ 378—380. Умаленіе титула Михаила Ѳедоровича со стороны германскаго императора, французскаго и датскаго королей 380—384. Требованіе Михаила Ѳедоровича отъ польскаго короля признать за нимъ царскій титулъ 384—386. Требованіе того же Алексѣемъ Михайловичемъ отъ папы 386—396. Объясненіе московскаго посланника въ Испаніи, почему Алексѣй Михайловичъ титуловалъ себя царемъ 396—397. Переговоры въ Москвѣ съ гонцомъ германскаго императора о признаніи царскаго титула московскаго государя со стороны папы 397—399. Признаніе папою царскаго титула за Петромъ I 400.

Глава I.

Большое значеніе браку Іоанна III съ Софьей Палеологъ придавалъ еще кн. Щербатовъ. Іоаннъ III, по его словамъ, вступилъ въ бракъ съ Софьей, „проникая, что таковымъ супружествомъ можетъ получить нѣкоторое право на Греческій Константинопольскій престолъ, которое, не взирая на отдаленность мѣстъ, помощію самихъ Грековъ надъ неутвержденною властію Оттоманскою можетъ въ дѣйство привести, а при томъ можетъ самымъ же симъ бракомъ приобрѣсти себѣ сообщеніе съ Римскимъ Папскимъ дворомъ, и стараніями онаго имѣть сообщеніе и съ другими европейскими державами, чрезъ что и противу самыхъ Татаръ власть его страшнѣе будетъ; таковыя дальновидныя намѣренія свои объяснилъ онъ митрополиту, матери своей и боярамъ“, которые сказали великому князю, что кромѣ политическихъ основаній, слѣдуетъ имѣть въ виду „и самыя достоинства Греческія княжны“, которыя могутъ укрѣпить „сей бракъ и щастіе государя и народа“, и что слѣдуетъ отправить посла въ Римъ, „который бы видѣлъ княжну Софію и могъ о достоинствахъ ее донести Великому Князю“. Великій князь послѣдовалъ этому совѣту и отправилъ посла въ Римъ ¹⁾.

Такую же картину совѣщанія Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами рисуетъ и Карамзинъ, только у послѣдняго инициатива отправленія посла въ Римъ для ознакомленія съ качествами Софьи исходитъ не отъ совѣтниковъ, но отъ самого Іоанна III. Великій князь, говоритъ Карамзинъ, очень обрадовавшійся исходившему изъ Рима предложенію вступить въ бракъ съ Софьей Палеологъ, „требовалъ совѣта отъ матери, митрополита Филиппа, знат-

¹⁾ „Исторія Россійская“, т. IV, ч. II, стр. 23.

нѣйшихъ бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственного древа, коего сѣнь покоила нѣкогда все Христіанство православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и дастъ Монархамъ нашимъ право Императоровъ Греческихъ. Великій князь желалъ чрезъ собственнаго посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи и велѣлъ для того Ивану Фрѣзину ѣхать въ Римъ "...¹⁾). Карамзинъ понималъ, что „личные достоинства“ Софіи должны были интересоватъ Іоанна III не менѣе, чѣмъ совѣтниковъ его.

Щербатовъ приписалъ Іоанну III мысль о завоеваніи Константинополя и намѣреніе вступить въ сношенія съ европейскими государствами чрезъ Римъ, благодаря браку съ цареградской царевной, Карамзинъ же вложилъ въ уста Іоанна III и его совѣтниковъ только разсужденія о полученіи чрезъ этотъ бракъ правъ византійскихъ императоровъ, и увидѣлъ слѣдствіе его въ томъ то, что „Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотолѣ едва извѣстную, что государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества“ ...²⁾). Подобно Щербатову, Карамзинъ не указалъ источника, на основаніи котораго онъ изобразилъ сцену совѣщанія Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами.

Щербатовъ замѣтилъ, что Іоаннъ III, послѣ брака съ Софьей Палеологъ, старался „сообщенія съ Европейскими странами имѣть“³⁾, Карамзинъ говорить, что главнымъ слѣдствіемъ этого брака были сношенія Московскаго государства съ западной Европой⁴⁾. Обративъ, сравнительно съ Щербатовымъ, болѣе вниманія на личность Софіи, Карамзинъ расширилъ сферу ея вліянія и прибывшихъ съ нею въ Москву грековъ. Отмѣчая культурное ихъ вліяніе, онъ указываетъ, что Софья способствовала „велелѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго“⁵⁾. Какіе об-

¹⁾ „И. Г. Р.“, изд. Эйверлинга, т. VI, стр. 39.

²⁾ Тамъ же, стр. 37.

³⁾ Назв. трудъ, т. IV, ч. II, стр. 89.

⁴⁾ Назв. трудъ, т. VI, стр. 45.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 45.

ряды появились при Московскомъ дворѣ, благодаря Софѣѣ—Карамзинъ не говорить. Онъ склоненъ видѣть вліяніе Софьи въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго. „Пишутъ, говоритъ онъ, что вел. кн. Софія, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: долго-ли быть мнѣ рабынею Ханскою?“ Благодаря Софѣѣ татары были выселены изъ Кремля, и „Іоаннъ III прекратилъ унижительныя для него встрѣчи татарскихъ пословъ“ ¹⁾).

Полевой въ своей „Исторіи русскаго народа“ также говоритъ о совѣщаніи Іоанна III съ „совѣтомъ Святителей и Бояръ“. На этомъ совѣтѣ „говорили, что Богъ посылаетъ Іоанну знаменитую невѣсту, отрасль корени отъ Кесаря Августа“ ²⁾. У Карамзина:— „всѣ думали согласно съ нимъ (Іоанномъ III), что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственного древа“... ³⁾ Но Полевой не вполне слѣдуетъ Карамзину: о думахъ совѣтниковъ великаго князя, будто бракъ съ Софьей Палеологъ сдѣлаетъ Москву какъ-бы новой Византіей, и дастъ Іоанну III и его преемникамъ права византійскихъ императоровъ, авторъ „Исторіи русскаго народа“ умолчалъ. Онъ, подобно Карамзину, приписываетъ Іоанну III инициативу посольства въ Римъ съ цѣлью познакомиться съ достоинствами Софьи: „Іоаннъ III хотѣлъ еще удостовѣриться въ красотѣ и достоинствахъ невѣсты. Ивана Фрязина назвали посломъ и отправили въ Италію“ ⁴⁾. Подобно Щербатову и Карамзину Полевой не указываетъ источника, изъ котораго почерпнуты рѣчи, влагаемыя имъ въ уста говорившихъ на совѣтѣ, созванномъ Іоанномъ III, для обсужденія проекта брака его съ Софьей Палеологъ.

Излагая переговоры о бракѣ съ Софьей и описывая пріѣздъ ея въ Москву, Полевой ссылается на отдѣльное подробное описаніе пріѣзда Софьи въ Москву и переговоровъ, которые предшествовали этому пріѣзду. Въ этомъ описаніи сказано только, что Іоаннъ III, вслѣдствіе предложенія брачнаго союза съ Софьей,

¹⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 58.

²⁾ „Ист. рус. народа“, т. V, стр. 482—483.

³⁾ „И. Г. Р.“ т. VI, стр. 39.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 482.

„помысливъ о семъ со отцемъ своимъ Филипомъ митрополитомъ и съ матерью своею и з бояры“, послалъ Ивана Фрязина видѣть царевну“¹⁾. По возвращеніи Ивана Фрязина въ Москву, Іоаннъ III, прежде чѣмъ послать за Софьей, также „обмыслилъ съ отцемъ своимъ Филипомъ митрополитомъ и съ матерью своею великою княгинею Марьею и з братьею и з бояры“...²⁾. Что говорилось на первомъ и на второмъ совѣщаніяхъ Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами, въ описаніи, на которое ссылается Полевой, не сказано. Должно быть, молчаніе описанія и лѣтописей относительно того, что именно говорилось на этихъ совѣщаніяхъ при обсужденіи проекта брака съ Софьей, было причиною, почему Полевой не послѣдовалъ вполнѣ Карамзину, и счелъ возможнымъ допустить только, что совѣтники Іоанна III говорили о Софѣй какъ о знаменитой невѣстѣ, но не приписалъ Іоанну III и совѣтникамъ его мысли, подобно Карамзину, получить права на Византію чрезъ бракъ съ византійской царевной. Полевой не видитъ отъ этого брака такихъ важныхъ политическихъ послѣдствій для московскаго государства, какъ Карамзинъ. „Супружество Іоанна съ Греческою Царевною не принесло Руси собственно ничего, говоритъ Полевой, кромѣ чести — именоваться русскому царю зятемъ греческихъ императоровъ..... Наслѣдства за Софіею не было. Дружбу Султана Іоаннъ, конечно, предпочелъ бы пустому титулу наслѣдника Византійскаго престола. Онъ и не искалъ сего титула... Но Іоаннъ извлекъ важныя выгоды отъ пріѣзда многихъ грековъ въ / Москву..... Они привлекали къ нему другихъ иностранцевъ; были послами, чиновниками Іоанна, изыскали ему политическія связи Европы, учили русскихъ дипломатіѣ... И прежде выѣзжали въ Русь художники Европейскіе; Іоаннъ началъ самъ искать, вызывать ихъ въ Русь“...³⁾. О вліяніи Софьи на рѣшимость Іоанна III свергнуть иго татарское Полевой не говоритъ. Онъ упомянулъ ими

¹⁾ „Продолженіе др. Рос. Визл.“, ч. III, стр. 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 52. Эти извѣстія описанія о совѣщаніяхъ Іоанна III заимствованы издателемъ, по словамъ его, какъ и самое описаніе пріѣзда Софьи въ Москву, изъ лѣтописи времени царя Ивана Васильевича; тамъ же, стр. 48 прим. 1 и стр. 52 прим. 7.

³⁾ Наз. трудъ, V, стр. 564—566.

ея рассказывая о сверженіи ига татарскаго: „Софія, боясь неудачи въ битвахъ, поспѣшно ѣхала далѣе и далѣе, говоря, что поѣдетъ до самаго моря Окіяна“ ¹⁾. Полевой отмѣчаетъ ропотъ современниковъ, что Софія „бѣжала отъ страха татарскаго“ ²⁾.

Соловьевъ, слѣдуя лѣтописи, говоритъ только, что Іоаннъ III предложеніе руки Софьи „взялъ въ мысль и, подумавши съ митрополитомъ, матерью и боярами, отправилъ въ Римъ своего посла“ ³⁾. Влагаемая Щербатовымъ и Карамзинымъ въ уста Іоанна III и его совѣтниковъ разсужденія (на совѣщаніи) о значеніи для Московскихъ государей брака съ византійской царевной, Соловьевъ обошелъ молчаніемъ. О вліяніи Софьи на своего супруга онъ говоритъ на основаніи свидѣтельствъ Герберштейна, князя Курбскаго и рѣчей опальнаго боярина Берсена Беклемишева. Софья, по мнѣнію Соловьева, принесла съ собою преданія имперіи, которыя способствовали укрѣпленію за великимъ княземъ московскимъ высшаго значенія относительно другихъ князей. Современники, говоритъ Соловьевъ, замѣтили, что со времени брака съ Софьей Іоаннъ III возвысился до царственной недосягаемой высоты въ отношеніи князей и дружины, приписали эту перемѣну внутреннимъ Софьи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство ⁴⁾. Ссылаясь на свидѣтельства Курбскаго и Берсена, Соловьевъ имѣетъ въ виду, что свидѣтельства эти принадлежатъ лицамъ пристрастнымъ, и потому указываетъ на Герберштейна и лѣтописцевъ, подтверждающихъ недовольныхъ князя и боярина ⁵⁾. Отмѣчая вліяніе Софьи на перемѣну отношеній Іоанна III къ князьямъ и боярамъ, Соловьевъ указываетъ, что къ половинѣ XV в. „всѣ отношенія духовенства, дружины и остальнаго населенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія, что къ этому времени все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторые преданія, обычаи,

¹⁾ Тамъ же, стр. 495.

²⁾ Тамъ же, стр. 501.

³⁾ „Ист. Рос.“, т. V, стр. 66, изд. 5.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 70.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 71.

пріемы, отъ которыхъ нужно было освободиться“ ¹⁾. Въ дѣлѣ освобожденія отъ нихъ помогла Софья.

По мнѣнію Соловьева, въ вѣнчаніи Іоанномъ внука своего на царство, сказалось вліяніе мыслей, внушенныхъ своему супругу √ Софьей, которая, конечно, имѣла въ виду вѣнчаніе сына своего ²⁾. Вліяніе же Софьи Соловьевъ склоненъ видѣть въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго, причемъ ссылается на „Чтенія Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“ годъ III, № 4“, имѣя въ виду, конечно, исторію Татищева. Въ этой исторіи, подъ 1479 г., находимъ рассказъ, что великій князь повѣдалъ матери, дядѣ, всѣмъ князьямъ и боярамъ требованіе хана Ахмата, чтобы онъ самъ привезъ дань за прежніе годы или прислалъ-бы ее съ сыномъ своимъ; тогда великому князю „мнози реша: лучше ти, княже, умирить дары нечестиваго, неже кровь христіанскую проліяти“. Софья, слыша это, заплакала и сказала Іоанну III, что отецъ ея и она предпочли лишиться отчины своей, чѣмъ платить дань, что она отказала другимъ богатымъ и сильнымъ князьямъ и вышла замужъ за него, а онъ хочетъ ее и дѣтей ея сдѣлать татарскими данниками; ты имѣешь, говорила она мужу, много войска и помощникомъ своимъ Бога, зачѣмъ же ты предпочитаешь слушать рабовъ своихъ вмѣсто того, чтобы стоять за честь свою и за св. вѣру? Какъ прежде, такъ и теперь откажи хану въ платежѣ дани. Іоаннъ III удивился совѣту жены своей, когда же на другой день явился къ нему посолъ съ ханской басмой, бросилъ ее на полъ и отказалъ послу въ платежѣ дани ³⁾. Вотъ все, что Соловьевъ приписываетъ вліянію Софьи.

Характеризуя дѣятельность Іоанна III, Соловьевъ относится отрицательно къ мнѣнію, образовавшемуся въ XVIII в., будто Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ татарское иго. Относительно послѣдняго Соловьевъ говоритъ, что татары ослабѣвали постепенно, что Димитрій Донской разбилъ Мамай, но былъ принужденъ заплатить дань Тохтамышу, Іоаннъ же III Ахмата не разбивалъ, однако по смерти

¹⁾ Тамъ же, стр. 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 73.

³⁾ „Исторія Рос.“, кн. V, стр. 78.

его татары съ Волги не приходили къ Москвѣ за данью, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло „хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III—съ одною уже тѣнью“¹⁾).

Костомаровъ приводитъ бесѣду опальнаго Берсена съ Максимомъ Грекомъ, какъ свидѣтельство существовавшего во времена Василия III мнѣнія, будто образованію единодержавія много помогло вліяніе Софьи. Но Костомаровъ признаетъ несомнѣннымъ, что Софья „могла только укрѣплять своего супруга въ помыслахъ самодержавія, но не зарождала ихъ въ немъ; обстоятельства, къ которымъ привела Русь вся ея предшествовавшая судьба, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію безъ постороннихъ чуждыхъ вліяній“²⁾. Костомаровъ приписываетъ отчасти вліянію Софьи появленіе царственныхъ пріемовъ и придворнаго величія въ жизни московскаго государя, и полагаетъ, что Іоаннъ III, вслѣдствіе брака съ Софьей, сталъ вообразять себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей. Последнее, по мнѣнію Костомарова, выразилось въ томъ, что Іоаннъ III, въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ, началъ титуловать себя царемъ и вѣнчалъ на царство внука своего³⁾.

Д. И. Иловайскій высказалъ мнѣніе, что бракъ Іоанна III съ Софьей имѣлъ разнообразныя и важныя послѣдствія для московскаго государства⁴⁾. Къ извѣстіямъ, будто на рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго повліяла Софья, Д. И. Иловайскій относится осторожно: „если вѣрить, говоритъ онъ, нѣкоторымъ извѣстіямъ, то на рѣшимость Іоанна III уничтожить самую тѣнь татарской зависимости, т. е. платежъ дани, болѣе всего повліяла его супруга Софья“⁵⁾. Принимая во вниманіе характеръ и вообще образъ дѣйствій Іоанна III, Д. И. Иловайскій полагаетъ, что „кромѣ внушеній Софьи на рѣшимость Іоанна прекратить данническія отношенія къ Золотой Ордѣ повліяло и общественное мнѣ-

¹⁾ „Ист. Россіи“, т. V, стр. 362.

²⁾ „Начало единодержавія въ древн. Руси“, Истор. мон. т. XII, стр. 106.

³⁾ Тамъ же, стр. 108.

⁴⁾ „Ист. Рос.“, т. II, стр. 450, изд. I.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 467.

ніе московскаго населенія: ненависть къ татарскому ярму, сознаніе его унизительности и презрѣніе къ варварамъ-мусульманамъ... все болѣе и болѣе выступали наружу по мѣрѣ внѣшнихъ успѣховъ и политическаго усиленія московскаго государства. Иванъ Васильевичъ не только не опережалъ въ этомъ случаѣ общественныя стремленія, а напротивъ долженъ былъ бороться съ нетерпѣніемъ значительной части своего народа" ¹⁾). Въ завязавшихся дипломатическихъ сношеніяхъ Іоанна III съ иноземными государствами Д. И. Иловайскій видитъ слѣдствіе сверженія татарскаго ига и объединенія Руси въ одно сильное государство. Онъ указываетъ, что усилившееся московское государство обратило на себя вниманіе Европы, и нѣкоторые государи сами искали съ нимъ дружбы и союза ²⁾), что Іоаннъ III на первыхъ порахъ въ своихъ сношеніяхъ съ европейскими державами пользовался нѣкоторыми греко-итальянскими выходцами, знакомыми съ языкомъ и обычаями иноземными, но, вскорѣ подъ руководствомъ великаго князя образовалась собственная русская школа дипломатовъ въ средѣ московскихъ бояръ и дьяковъ ³⁾). Перемѣну отношеній Іоанна III къ боярамъ Д. И. Иловайскій ставитъ въ связь съ усиленіемъ власти московскаго великаго князя и поэтому находитъ естественнымъ, что Іоаннъ III, обладая вообще нравомъ строгимъ, любящимъ повиновеніе, повысилъ тонъ съ боярами сравнительно съ отцомъ, который боролся за великокняжескій столъ большую часть своего княженія и много былъ обязанъ именно боярамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. И. Иловайскій считаетъ несомнѣннымъ, что Софья принесла съ собою въ Москву многія преданія и понятія византійскаго двора, и что ея вліяніе еще болѣе подвняло и безъ того высокія представленія Іоанна III о своей власти ⁴⁾).

Подводя итогъ вліянію Софьи, Д. И. Иловайскій заключаетъ, что Іоаннъ III, благодаря внушеніямъ ея, пришелъ къ намѣренію покончить съ самою тѣвнью постыднаго татарскаго ига и подъ ея вліяніемъ старался окружить свой дворъ возможною пыш-

¹⁾ Тамъ же, стр. 488.

²⁾ Тамъ же, стр. 493.

³⁾ Тамъ же, стр. 496.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 503.

ностью и блескомъ и усилить сторону обрядовую. Но, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, такое вліяніе не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что впослѣдствіи, при сынѣ и внукахъ Іоанна III, нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровость и высокомерное обращеніе съ ними московскихъ государей, приписывали эту перемену въ обращеніи именно Софѣѣ и пріѣхавшимъ съ нею грекамъ. Обвинять въ какомъ-либо непріятномъ общемъ явленіи одно извѣстное лицо, говоритъ Д. И. Иловайскій, слишкомъ обычная черта въ человѣческихъ обществахъ; бояре того времени, конечно, не смотрѣли на событія съ исторической точки зрѣнія, которая обязательна для историка. Особенно ясно, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, выразилось вліяніе Софьи въ вопросѣ о престолонаслѣдіи: Іоанну III наслѣдовалъ не внукъ Дмитрій, но сынъ отъ брака съ Софѣей — Василій ¹⁾).

Бестужевъ-Рюминъ высказалъ мнѣніе, что на форму московскаго государства и на всю внѣшнюю обстановку власти государей его имѣлъ важное вліяніе бракъ Іоанна III съ Софѣей Палеологъ, которая принесла въ Москву обычаи и преданія византійской имперіи ²⁾). Онъ указываетъ, что большое значеніе этому браку придавали современники, мнѣнія которыхъ находимъ у Герберштейна, кн. Курбскаго и въ рѣчахъ Берсена Беклемишева, что Іоаннъ III первый окружилъ себя царскимъ величіемъ и первый принялъ внѣшніе знаки этого величія: сталъ употреблять гербъ византійской имперіи, вѣнчалъ своего внука царскимъ вѣнцомъ; что Іоанну же, вѣроятно, принадлежитъ этикетъ, съ которымъ принимали пословъ послѣдующіе московскіе государи, что едва-ли также не ко времени Іоанна III надо отнести большую часть придворныхъ чиновъ ³⁾). Отмѣчая, что виднѣйшее событіе въ государствѣ Іоанна III—низверженіе татарскаго ига—приводится многими въ соотношеніе съ появленіемъ Софьи въ Кремлѣ, Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что сверженіе ига—старая, заветная мысль московскихъ князей,—не можетъ быть объяснено однимъ случайнымъ обстоятельствомъ, хотя допускаетъ, что гордой Софѣѣ тяжела

¹⁾ Тамъ же, стр. 504.

²⁾ „Рус. Ист.“, т. II, стр. 156.

³⁾ Тамъ же, стр. 157.

была зависимость ея мужа отъ татарскаго хана, и не отрицаетъ нѣкоторой справедливости въ передаваемыхъ по этому случаю разсказахъ ¹⁾).

И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что слѣдствія брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ имѣли большое значеніе и въ государственномъ отношеніи и въ частномъ быту московскаго государя. Новое государственное направленіе, говоритъ онъ, возникшее въ концѣ XV в. естественнымъ ходомъ исторіи, было приведено въ полную сознательность и опредѣленность съ пріѣздомъ въ Москву Софьи. Дворъ и дворецъ московскаго государя съ этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое отъ угаснувшей Византіи. При томъ этотъ бракъ завязалъ самыя тѣсныя сношенія Москвы съ европейскими государствами; начались частые пріѣзды иноземныхъ пословъ, пріемъ которыхъ, при новыхъ политическихъ отношеніяхъ московскаго государя, требовалъ болѣе церемоніальности, болѣе помѣщенія ²⁾). Подъ вліяніемъ византійскихъ идей и обычаевъ, живымъ представителемъ которыхъ была Софья Палеологъ и окружавшіе ее греки, московскій государь не только вполне созналъ свое царственное значеніе, принявъ титулъ царя всея Руси, но и облекъ это значеніе въ соотвѣтственныя царскія формы... Новое устройство двора, установленіе новыхъ придворныхъ обычаевъ и торжественныхъ чиновъ или обрядовъ, по подобію обычаевъ и обрядовъ двора византійскаго, навсегда опредѣлили высокій санъ самодержца и отдалили его на неизмѣримое разстояніе отъ подданныхъ ³⁾). Но, замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ, при Іоаннѣ III всѣ придворные обряды еще не облекались въ тѣ пышныя формы, какія они получили впослѣдствіи; вообще пышная, великолѣпная обстановка царскаго сана входила постепенно и водворилась окончательно только при его внукахъ ⁴⁾).

Въ своей статьѣ: „Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія“ И. Е. Забѣлинъ удѣляетъ болѣе вниманія уясненію

¹⁾ Тамъ же, стр. 161.

²⁾ „Домашній бытъ русск. царей“, стр. 42, изд. 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 278.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 278.

вліянія Софьи на своего супруга. Въ этой статьѣ авторъ ея говорить не столько о греческомъ вліяніи, проникшемъ въ Москву съ Софьей, сколько объ итальянскомъ. Онъ указываетъ, что съ Софьей прїѣхали въ Москву многіе итальянцы и многіе греки. „Этотъ наплывъ итальянцевъ и грековъ изъ Италіи, долженъ былъ по словамъ И. Е. Забѣлина, произвести свое вліяніе на московскіе умы, искавшіе въ то время средствъ и способовъ, какъ лучше устроиться въ ново-созданомъ государствѣ“. Недовольные русскіе люди очень осуждали Софью за принесенныя ею нововведенія. „Они складывали всю вину на одну личность, потому что это былъ живой символъ вторгнувшася въ Москву иного порядка мыслей и дѣлъ, но который возникъ изъ обмѣна мыслей, сужденій, совѣтовъ, отъ цѣлаго общества образованныхъ иностранцевъ изъ Италіи“. „Несомнѣнно, что съ Софьей прибыли въ Москву люди избранные, и несомнѣнно, что они-то и принесли совсѣмъ инныя, европейскія, и при томъ итальянскія идеи объ обязанностяхъ и правахъ государя—владыки земли. Въ то время Италія, истощаемая безпутствомъ политическихъ властей, усердно и настойчиво мыслила о разумныхъ способахъ и средствахъ для созданія прочнаго государства. Ей, по ея собственнымъ опытамъ, хорошо были знакомы весьма разнородныя формы государственнаго порядка, поэтому нигдѣ въ Европѣ теорія государственной мудрости не была столько распространена, какъ въ тогдашней Италіи, и, конечно, нигдѣ не было столько знатоковъ и учителей хитростямъ политики, какъ между итальянцами“. И. Е. Забѣлинъ обращаетъ вниманіе, что Маккіавели былъ сынъ того поколѣнія, которое явилось съ своими политическими идеями въ Москву, и „его знаменитое сочиненіе „Государь“ показываетъ, что политическая практика того времени была очень склонна къ созданію неограниченнаго единовластія, а прибывшіе съ царевной Софьей греки, по своимъ преданіямъ, не могли иначе и разсуждать, какъ о томъ же идеалѣ единовластнаго и самовластнаго царя самодержца“. Многое могъ услышать московскій государь, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, отъ прибывшихъ съ царевной итальянцевъ и грековъ, на пользу наибольшаго развитія своей государственной власти, а еще болѣе отъ своей супруги, которая являлась, такъ сказать, посредникомъ между

нимъ и прибывшими съ нею изъ Италіи. Когда новыя государственныя идеи принесли свой плодъ въ новомъ поколѣніи людей, то старыя люди объяснили перемѣну въ характерѣ и поведеніи сына Іоанна III именно вліяніемъ Софьи (Берсень). Такимъ образомъ Софьины греки и итальянцы принесли московскому государю, воспитанному на великокняжескихъ отношеніяхъ, идеаль царя, принесли ученіе о томъ, какъ слѣдуетъ царствовать, какъ относиться къ подданнымъ. Слово „царь“ переноситъ мысль государя на новую почву и возстановляетъ передъ нимъ идеаль римскихъ и византійскихъ царей, очень извѣстныхъ всей тогдашней церковной книжности. Возстановляется неизвѣстная дотолѣ на Руси тираннія по идеалу тиранній, существовавшихъ въ той же Италіи и особенно въ Византіи ¹⁾). Въ заключеніи своей статьи, указывая на постепенность развитія самовластия московскихъ государей, И. Е. Забѣлинъ говоритъ, что государево самовластіе на русской почвѣ, сильно ограниченное старозавѣтными обычаями, быть можетъ, еще не такъ скоро получило окончательную отдѣлку, окончательную уже царскую форму, еслибы не пришли ему на помощь для надлежащаго его воспитанія и образованія Софьины греки и итальянцы ²⁾).

Большое значеніе вліянію Софьи на своего супруга придавъ Вешняковъ въ своемъ разсужденіи „О причинахъ возвышенія московскаго княжества“. Указывая, что „княженіе Іоанна III представляетъ послѣдній, рѣшительный моментъ возвышенія Москвы, представляетъ рѣшеніе великой задачи, предложенной Іоанномъ Калитой, поддержанной Сүмеономъ Гордымъ, развитой Димитріемъ Донскимъ и доведенной почти до конца двумя Василіями“, что Іоанну III „оставалось нанести послѣдній ударъ волѣ Новгородской, довершить собираніе земли Русской и отшатнуться отъ Орды, не говоримъ свергнуть иго, ибо оно не существовало“, характеризуя Іоанна III, „воспитаннаго среди важнѣйшихъ дѣлъ государственнымъ отцомъ своимъ, который былъ политикъ хитрый и властолюбивый“, какъ „одареннаго отъ природы геніальнымъ талантомъ выбирать благопріятное время, надежныя средства и да-

¹⁾ „Истор. Вѣстникъ“, 1881 г., апрѣль, стр. 772—776.

²⁾ Тамъ же, стр. 779.

ровитыхъ людей¹⁾; обнаружившаго въ своей политикѣ благоразуміе, постепенность и ловкую умѣренность¹⁾, Вешняковъ въ то же время находитъ, что Іоаннъ III, „покоря Новгородъ, сокрушая удѣлы, безъ сомнѣнія не мало слѣдовалъ въ этихъ случаяхъ совѣтамъ супруги своей, гордой гречанки, послѣдней отрасли Палеологовъ, Софіи... Софія принесла съ собой въ Россію идею о царскомъ величіи, о пышности двора Византійскаго; Іоаннъ III, слѣдуя ей внушеніямъ, окружилъ себя блескомъ и величіемъ, которые затмили князей удѣльных. Рожденный „съ манерами царскими“ (Bergeron. Voyage de Contarini. chap. VIII), который онъ сохранилъ и во всю жизнь, женатый на гордой принцессѣ, воспитанной въ правилахъ двора Византійскаго, Іоаннъ естественно долженъ былъ стремиться къ утвержденію Единодержавія“...²⁾. Благодаря браку Іоанна III съ Софьей, произошло, по мнѣнію Вешнякова, сближеніе Россіи съ Европой. „Софію же, говоритъ онъ, по свидѣтельству современниковъ, имѣемъ мы право считать виновницей свободы Россіи и сверженія постыднаго ига“³⁾.

Разсужденія о вліяніи Софіи на своего супруга естественно находимъ въ трудахъ, посвященныхъ выясненію вліянія Византіи на Русь.

Проф. Иконниковъ указывалъ, что въ развитіи политическихъ понятій московской Руси имѣли большое значеніе и политическія преданія Византіи. Какъ родство Владиміра Мономаха по матери съ греческою династією, — говоритъ онъ, высоко поставило русскаго князя въ глазахъ современниковъ, такъ и женитьба Іоанна III на Софіи Палеологъ придала Московскому Государю нравственное значеніе. Проф. Иконниковъ приводитъ мнѣніе Соловьева, что Софія принесла въ Москву преданія имперіи (византійской), и указываетъ, что Карамзинъ считалъ, между прочимъ, слѣдствіемъ брака Іоанна III съ византійской царевной принятіе московскимъ государемъ византійскаго герба и введеніе пышности и недоступности византійскаго двора при дворѣ московскомъ⁴⁾.

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 138—139, Спб. 1851 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 152.

³⁾ Тамъ же, стр. 153.

⁴⁾ „Опытъ изслѣдованія о культурн. знач. Византіи въ русской исторіи“, стр. 362—363.

Проф. Терновскій замѣтилъ, что кромѣ Софьи важную политическую роль въ Москвѣ играли греки, пришедшіе туда или вмѣстѣ съ Софьей или немного прежде и послѣ нея. Говоря о вліяніи Софьи, онъ имѣетъ въ виду рѣчи Берсена и свидѣтельства Герберштейна и Курбскаго. Вліяніе Софьи, по мнѣнію Терновскаго, сказалось въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго; благодаря ея же вліянію въ значительной степени усилился монархизмъ, произошла перемѣна отношеній государя къ окружавшимъ его боярамъ, умножились придворные чины и церемоніи при московскомъ дворѣ по подобію двора византійскаго, вызваны были въ Москву итальянскіе художники ¹⁾).

Проф. Дьяконовъ, разсмотрѣвъ отношеніе Іоанна III къ попыткамъ соблазнить его константинопольскимъ наслѣдіемъ послѣ брака съ Софьей Палеологъ, пришелъ къ заключенію, что Іоаннъ III, повидимому, отрицательно относился къ вопросу о реальномъ наслѣдствѣ константинопольскихъ царей, такъ какъ наслѣдство это предстояло еще добывать у турокъ, борьба съ которыми все не входила въ его планы ²⁾).

Проф. Успенскій высказалъ мнѣніе, что „бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ служитъ обоснованіемъ теоріи Константинопольскаго наслѣдства“. „Я имѣю здѣсь въ виду не то, говоритъ проф. Успенскій, что въ силу этого брака Иванъ III могъ себя считать наслѣдникомъ престола византійскихъ царей, а нѣчто болѣе реальное, именно *актъ передачи титула на Византію* со стороны дѣйствительнаго наслѣдника престола Андрея Палеолога“ ³⁾). Вотъ, по мнѣнію проф. Успенскаго, слѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ. Путь, которымъ проф. Успенскій пришелъ къ такому заключенію, выясняется, если имѣть въ виду исторію Палеологовъ послѣ паденія Византіи. Семья эта послѣ 1453 г. состояла изъ двухъ братьевъ: Димитрія и Ѳомы. Старшій—Димитрій—въ 1460 г. попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, былъ отведенъ въ Константинополь и умеръ десять лѣтъ спустя; онъ

¹⁾ „Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Русѣ“, вып. II, стр. 53—54.

²⁾ „Власть московскихъ государей“, стр. 83.

³⁾ „Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ“, стр. 28.

имѣлъ только одну дочь, которая была взята въ гаремъ султана. Младшій—**Оома**—бѣжалъ на островъ Корфу, откуда переселился въ Римъ. Сюда онъ явился въ качествѣ претендента на византійскій престолъ, дѣятельно хлопоталъ здѣсь и въ Венеціи о восстановленіи своихъ правъ на этотъ престолъ, но умеръ въ 1462 г., не успѣвъ въ своихъ хлопотахъ; нѣсколько ранѣе умерла супруга его. Послѣ него остались два сына: Андрей и Мануиль и двѣ дочери: Елѣна и Зоя. Первая умерла въ 1474 году, вторая же, вмѣстѣ съ братьями, воспитывалась на счетъ папы (папа выдавалъ на содержаніе дѣтей **Оомы** 12000 р. въ годъ) въ Римѣ, гдѣ поселились дѣти **Оомы** послѣ смерти его. Мануиль вскорѣ бѣжалъ изъ Рима въ Константинополь, гдѣ ему пожалованъ былъ гаремъ и приличное содержаніе; отъ него пошла мусульманская вѣтвь Палеологовъ. Андрей и Зоя воспитывались по плану, начертанному кардиналомъ Виссаріономъ. Они имѣли свой дворъ, при нихъ находился медикъ, учитель грекъ, учитель итальянецъ, одинъ или два латинскихъ священника. Желаніе **Оомы** было, по свидѣтельству кардинала Виссаріона, чтобы дѣти его воспитаны были въ лонѣ латинской церкви. Царевна Зоя сосватана была за одного знатнаго венеціанца изъ рода Сагассіолі, а Андрей оказался безпутнымъ человѣкомъ, женился на служанкѣ, но дѣтей отъ нея не имѣлъ. Таковы, говоритъ проф. Успенскій, греческія и латинскія извѣстія о послѣднихъ Палеологахъ ¹⁾.

Называя Андрея Палеолога безпутнымъ человѣкомъ и искателемъ приключеній, проф. Успенскій обращаетъ вниманіе на то, что Андрей, породнившись съ Іоанномъ III, не переселился въ Москву, но пріѣзжалъ туда только два раза на короткое время. Это, по мнѣнію проф. Успенскаго, объясняется тѣмъ, что „живой наслѣдникъ титула византійскихъ царей, претендующій на возвращеніе себѣ имперіи, былъ въ Москвѣ не къ мѣсту, самая его личность краснорѣчиво протестовала противъ того литературнаго движенія, въ которомъ выразился подъемъ русскаго національнаго чувства“ ²⁾. Въ Москвѣ, предполагаетъ проф. Успенскій, съ

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 26—27.

²⁾ Проф. Успенскій имѣетъ въ виду книжную теорію: Москва — третій Римъ, которую сформулировалъ впервые старецъ одного изъ псковскихъ мона-

Андреемъ Палеологомъ могли вступить въ переговоры, цѣлью которыхъ была передача Андреемъ правъ на византійскій престолъ ✓ Иоанну III. Къ такому предположенію проф. Успенскаго привело то, что мысль о принадлежности константинопольскаго наслѣдства московскимъ государямъ впервые высказана не въ русскихъ памятникахъ, а подсказана русскимъ изъ Рима въ началѣ XVI в. ¹⁾. Почему въ Римѣ возникла эта мысль, проф. Успенскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „въ Римѣ, конечно, имѣли основаніе приписывать русскимъ князьямъ притязанія на Константинопольскую вотчину, о которыхъ сами русскіе князья, по крайней мѣрѣ, въ подобной формѣ не заявляли еще, ибо легко понять, что съ теоріей о константинопольской вотчинѣ соединяется идея правъ на обладаніе землями Византійской короны. Такъ далеко русскіе не шли въ началѣ XVI в. Они выработаютъ формулу и для этого права, но нѣсколько позже. Въ Римѣ, высказывая теорію о наслѣдіи русскими князьями Константинополя, могли отправляться отъ извѣстныхъ тогда въ папскихъ архивахъ и до нынѣ сохранившихся нѣсколькихъ актовъ передачи или продажи Андреемъ Палеологомъ своихъ царскихъ правъ съ титуломъ и землями византійской короны“ ²⁾.

Такъ какъ въ первый разъ о константинопольской вотчинѣ московскаго великаго князя заговорили римскіе дипломаты, проф. Успенскій заключилъ: „одинъ изъ подобныхъ актовъ продажи титула и правъ на византійскую имперію (проф. Успенскій указываетъ два акта продажи Андреемъ Палеологомъ своихъ правъ на титулъ и земли византійской имперіи королямъ Франціи и Испаніи) русскому царю долженъ находиться въ архивахъ Ватикана“ ³⁾.

стырей Филовей въ письмахъ къ вел. кн. Василю III и дяку Мисюрю Мунехину, (назв. тр. стр. 20); проф. Успенскій не придаетъ значенія тому обстоятельству, что теорія эта является домысломъ времени Василя III. но не времени Иоанна III).

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 27 и 29. О. Пирлингъ указываетъ, что о правахъ Иоанна III на византійскую имперію заговорилъ въ 1473 г., равнѣ Рима, венеціанскій сенатъ. „Россія и Востокъ“, стр. 103, 166.

²⁾ Тамъ же, стр. 29—30.

³⁾ Тамъ же, стр. 31.

Съ такимъ заключеніемъ проф. Успенскаго врядъ ли можно согласиться. Мысль о завоеваніи отдаленнаго отъ Москвы Константинополя, владыка котораго имѣлъ своимъ вассаломъ друга и союзника Іоанна III—вримскаго хана (съ этимъ владыкой въ дружественныя отношенія вступилъ самъ Іоаннъ III), не могла родиться въ головѣ того, кто былъ занятъ думою присоединить къ сѣверовосточной Руси югозападную ея часть. Московская Русь не могла одновременно выполнить двѣ задачи: изгнать турокъ изъ Константинополя и присоединить къ себѣ югозападные русскія земли. Одно исключало другое. Что Римъ указывалъ московскимъ государямъ на Царьградъ, какъ на отчину ихъ, понятно. Римъ принималъ участіе въ лигѣ противъ турокъ, и московскій государь, связанный узами родства съ императорами Византіи, не могъ не представляться цѣннымъ союзникомъ для борьбы съ завоевателями византійской имперіи. Чтобы сдѣлать его союзникомъ лиги и вовлечь въ борьбу съ турками, ему обѣщали Царьградъ. Вниманіе Рима къ московскому государю привлекалось еще надеждою сдѣлать его вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Что въ награду за это Римъ могъ обѣщать московскому государю, какъ не пышныя титулы и содѣйствіе въ завоеваніи византійской имперіи? Если московскій государь не думалъ объ этомъ завоеваніи, надо было направить его мысли на это, ибо перспектива видѣть владѣнія нѣкогда византійскихъ императоровъ подъ властью католическаго царя не могла не улыбаться Риму.

Изъ того, что у Андрея Палеолога въ 1494 г. покупалъ его права французскій король Карлъ VIII, а въ 1502 г. Андрей по завѣщанію передалъ свои права на византійскую имперію испанскому королю Фердинанду, слѣдуетъ ли, что Іоаннъ III покупалъ у Андрея права его, или Андрей ему завѣщалъ ихъ? Если акты продажи Андреемъ правъ своихъ на западѣ Европы были извѣстны въ свое время въ Римѣ, откуда заговорили объ Іоаннѣ III, послѣ брака его съ Софьей Палеологъ, какъ объ имѣвшемъ права на Византію, можно ли заключить, что актъ продажи Андреемъ титула и правъ на византійскую имперію московскому государю долженъ находиться въ архивахъ Рима? Если Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права его на Византію, актъ купли долженъ

былъ находиться въ Москвѣ, какъ доказательство принадлежности правъ на Византію Іоанну III; если-же допустить мысль, что актъ этой купли долженъ находиться въ архивахъ Ватикана, какъ полагаетъ проф. Успенскій, надо объяснить причину такого мѣстонахожденія этого акта ¹⁾. Странно также, что купивъ у Андрея права на византійскую имперію и соотвѣтствующіе титулы, Іоаннъ III, а также преемники его, не сдѣлали изъ этой купли никакого практическаго примѣненія, и объ этой куплѣ не сохранилось извѣстій въ русскихъ источникахъ.

Когда Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права на византійскую имперію, проф. Успенскій не говоритъ. Андрей пріѣзжалъ въ Москву два раза: въ 1480 и 1490 годахъ ²⁾. Естественно предположить, что онъ продалъ свои права Іоанну III въ одну изъ этихъ поѣздокъ. Если объ этой продажѣ знали въ Римѣ, если ея не скрывали (проф. Успенскій не говоритъ объ этой сдѣлкѣ, какъ о состоявшейся въ тайнѣ), страннымъ представляется, что четыре года спустя послѣ вторичнаго возвращенія изъ Москвы Андрей продавалъ свои права королю французскому, если только состоялась продажа московскому государю. Допустимъ, что Андрей продалъ права свои Іоанну III позже 1494 г., въ такомъ случаѣ какъ объяснить его завѣщаніе своихъ правъ королю испанскому въ 1502 г.? Проф. Успенскій объясняетъ существованіе этого завѣщанія тѣмъ, что актъ продажи французскому королю не полу-

¹⁾ Подлинный актъ продажи правъ на византійскую имперію Андреемъ Палеологомъ Карлу VIII положенъ былъ на храненіе въ капитолийскомъ архивѣ въ Римѣ, откуда впоследствии былъ переданъ Людовику XV; что же касается завѣщанія Андреемъ своихъ правъ королю Фердинанду, то объ этомъ актѣ передачи правъ говоритъ испанскій историкъ Пурита, который могъ видѣть этотъ документъ только въ какомъ либо архивѣ Испаніи, такъ какъ никогда не выѣзжалъ изъ предѣловъ своего отечества (проф. Регель „Хрисовулъ императора Андрея Палеолога“, „Виз. Врем.“, I, 153). Кромѣ этихъ двухъ актовъ передачи Андреемъ правъ своихъ извѣстенъ еще третій, находящійся въ архивѣ герцоговъ Альба въ Мадридѣ; этимъ актомъ Андрей давалъ Петру Манрику графу Осорно и его наслѣдникамъ правъ носить оружіе и нисгннн византійскихъ императоровъ, раздавать графскіе титулы и т. д. (Документъ этотъ изданъ проф. Регелемъ въ названномъ трудѣ. „Виз. Врем.“, стр. 155).

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 205 и 219.

чилъ законной силы; почему же не предположить, что такая же участь постигла актъ продажи московскому государю, если только актъ этотъ былъ совершенъ? Нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы думать, что Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права на византійскую имперію и титулы императоръ ея; но существуютъ данныя, которыя позволяютъ думать, что послѣдній Палеологъ не стѣснялся продавать то, что имъ уже было продано. Проф. Регелемъ найденъ еще третій актъ уступки Андреемъ своихъ правъ въ 1483 г. Петру Манрику графу Осорно. Продавъ графу Осорно право носить инсигнії и оружіе византійскихъ императоровъ, Андрей чрезъ 11 лѣтъ продаетъ свои права Карлу VIII, а въ 1502 г. завѣщаетъ ихъ Фердинанду испанскому ¹⁾. Такіе поступки послѣдняго Палеолога даютъ нѣкоторое представление о личности его и оправдываютъ мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ безпутномъ. Быть можетъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ онъ могъ побывать въ Москвѣ только два раза, и то короткое время, но не вслѣдствіе того, что „самая его личность краснорѣчиво протестовала противъ того литературнаго движенія, въ которомъ выразился подъемъ русскаго національнаго чувства“, какъ предположилъ проф. Успенскій. Лѣтопись, говоря о первомъ приѣздѣ Андрея въ Москву, отмѣчаетъ, что сестра его „много истеряла казны великаго князя, давала бо брату, иное же давала за своею племянницею въ приданые князю Василью Михайловичу Верейскому“ ²⁾. Возможно, что кромѣ личныхъ свойствъ самого Андрея и то обстоятельство, что сестра его не мало „истеряла“ на него великокняжеской казны, было причиною, почему послѣдній Палеологъ послѣ 1490 г. въ Москву не являлся.

О вліяніи Софьи Палеологъ на своего супруга говоритъ о. Пирлингъ въ своемъ изслѣдованіи „Россія и Востокъ“. Ссылаясь на русскіхъ лѣтописцевъ, онъ приписываетъ рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго вліянію Софьи Палеологъ ³⁾.

¹⁾ Хрисовулъ Андрея, данный графу Осорно въ 1483 г., изданъ проф. Регелемъ въ I т. „Визант. Временника“, стр. 155.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 225. Непосредственно за этимъ лѣтописецъ говоритъ что великій князь отнялъ у князя Верейскаго все приданое.

³⁾ Назв. трудъ, стр. 123—124.

Другимъ слѣдствіемъ брака Іоанна III съ Софьей были, по мнѣнію о. Пирлинга, завязавшіяся сношенія Москвы съ Европой ¹⁾. Кроме того, бракъ этотъ, какъ полагаетъ о. Пирлингъ, далъ „реальныя права (по крайней мѣрѣ наружно) на наслѣдство, котораго въ равной степени добивались государь и народъ“ ²⁾. Благодаря этому браку, по мнѣнію о. Пирлинга, возникло настроеніе, проникшее до глубины „низшихъ народныхъ слоевъ и дошедшее потомъ до трона“ ³⁾, которое выразилось въ теоріи инока Филооса, сформулированной въ письмахъ къ Василию III и дьяку Михаилу Мунехину: Москва—третій Римъ. Эта теорія Филооса, опиравшаяся на народныя симпатіи, воспринята была Іоанномъ IV, когда онъ, вспоминая о своемъ родствѣ съ византійскими императорами, обратился къ восточнымъ патріархамъ за утвержденіемъ воспринятаго имъ титула царя ⁴⁾. Таковы, по мнѣнію о. Пирлинга, слѣдствія брака Іоанна III съ византійской царевной.

Но теорія, сформулированная Филоосомъ: Москва—третій Римъ, основана не на бракѣ Іоанна III съ Софьей, а на религіозномъ и политическомъ паденіи двухъ Римовъ и на православіи Москвы, не находившейся подъ иноземнымъ игомъ ⁵⁾. Нѣтъ также данныхъ, изъ которыхъ вытекало бы, что московскіе государи, вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей, считали себя наслѣдниками правъ на титулъ византійскихъ императоровъ и ихъ имперію. Іоаннъ IV, обращавшійся къ восточнымъ патріархамъ за утвержденіемъ воспринятаго имъ царскаго титула, вспоминая о своемъ родствѣ съ византійскими императорами не вспоминалъ о своей бабушкѣ—византійской царевнѣ.

Указывая, что благодаря браку съ Софьей Іоаннъ III получилъ права на наслѣдство, котораго добивался и онъ самъ и народъ русскій, о. Пирлингъ разсматриваетъ историческое основаніе правъ Іоанна III на византійскую имперію послѣ 1472 г., согласно мнѣнію, господствовавшему въ то время въ Европѣ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 128—130.

²⁾ Тамъ же, стр. 165.

³⁾ Тамъ же, стр. 158—159.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 164.

⁵⁾ „Прав. Соб.“ 1863 г., ч. I, январь, стр. 344; 1861 г., ч. 2, май, стр. 95.

Онъ замѣчаетъ, что съ 1473 г. венеціанскій сенатъ, крайне точный и осторожный въ своихъ утвержденіяхъ, призналъ по собственному побужденію права Іоанна III на византійскую имперію за отсутствіемъ мужского потомства диніи Палеологовъ. Но самъ же о. Пирлингъ говоритъ, что въ это время жилъ въ Италіи законный представитель династіи Палеологовъ—Андрей, такъ что признаніе за Іоанномъ III правъ на имперію со стороны венеціанскаго сената при жизни Андрея представляется страннымъ, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ объ отреченіи Андрея отъ своихъ правъ въ пользу московскаго государя. Какъ бы въ объясненіе своихъ словъ, что венеціанскій сенатъ призналъ права Іоанна III на Византію за отсутствіемъ мужского потомства Палеологовъ, о. Пирлингъ замѣчаетъ, что Андрей Палеологъ, повидимому, не думалъ отвоевать имперію, на которую имѣлъ право, и не пытался просить военной помощи у Запада, но объѣзжалъ Европу съ цѣлью зарабатывать деньги продажей своихъ наслѣдственныхъ правъ. Такая торговля, говоритъ о. Пирлингъ, если даже она имѣла законное значеніе, дѣлала передачу правъ Андрея тѣмъ болѣе проблематичною, что Софья никогда не отказывалась отъ византійскаго престола и, быть можетъ, купила у своего брата права его. О. Пирлингъ обращаетъ вниманіе, что Андрей посѣтилъ Москву дважды, и что одно изъ этихъ его путешествій стоило Софьѣ, по свидѣтельству русской лѣтописи, большихъ денегъ; вслѣдствіе этого о. Пирлингъ задается вопросомъ: не продалъ ли Андрей Софьѣ свои права за деньги, о которыхъ говоритъ русская лѣтопись. Указывая, что извѣстные доселѣ источники не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, о. Пирлингъ замѣчаетъ, что дѣйствія Андрея по отношенію къ королямъ французскому и испанскому могутъ оправдать до нѣкоторой степени предположеніе, что Андрей продалъ права свои и Софьѣ ¹⁾.

Рѣшая вопросъ о правахъ Софьи на византійскую имперію, находя, „что въ главахъ современниковъ государыня московская, оставшаяся одна въ живыхъ изъ всѣхъ Палеологовъ, должна бы-

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 165—172. О. Пирлингъ, повидимому, не нашелъ въ ватиканскомъ архивѣ того акта продажи Андреемъ Іоанну III правъ на византійскую имперію, который, по словамъ проф. Успенскаго, долженъ тамъ находиться.

ла считаться предполагаемой наслѣдницей Восточной имперіи“ (Андрей Палеологъ умеръ въ срединѣ 1502 г.), о. Пирлингъ, выполнѣ умѣстно дѣлаетъ попытку выяснитъ, считала ли себя Софья наслѣдницей этой имперіи ¹⁾: „лишенная средствъ, говорить о. Пирлингъ о Софьѣ Палеологъ, и живя нѣкогда милостивой, смотрѣла ли она когда либо на Византію, какъ на свое приданое, и внушала ли своему мужу подобныя взгляды?“ ²⁾. Дѣйствительно, если Софья считала себя наслѣдницей византійской имперіи, слѣдуетъ думать, что она, имѣвшая, какъ полагаютъ, большое вліяніе на своего супруга, если и не успѣла убѣдить его попытаться отнять у султана принадлежавшую ей по праву византійскую имперію, то по крайней мѣрѣ дѣлала попытки убѣдить Іоанна III измѣнить его политику. Источники не даютъ права дѣлать подобныя предположенія, и о. Пирлингъ, находя сохранившіяся относительно Софьи данныя обрывочными и незначительными, этимъ объясняетъ отсутствіе положительнаго отвѣта на поставленный имъ вопросъ.

О. Пирлингу представляется несомнѣннымъ, что Софья считала себя наслѣдницей византійскаго престола и имѣла на то право, потому что венеціанскіе дожи и, особенно, римскіе папы внушали московскимъ государямъ, что они наслѣдники византійской имперіи вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ.

О. Пирлингъ указываетъ, что русскія лѣтописи, отличающіяся краткостью извѣстій о Софьѣ, не отличаются нѣжностью къ ней, что Герберштейнъ и Курбскій подтвердили суровые приговоры лѣтописцевъ. Такое отношеніе послѣднихъ къ Софьѣ не можетъ

¹⁾ О. Пирлингъ не ставитъ такого вопроса относительно Іоанна III, потому что, рассматривая отношенія супруга Софьи къ попыткамъ Запада вовлечь его въ войну съ турками, не могъ не замѣтить, что Іоаннъ III преслѣдовалъ не ту политическую задачу, на которую ему указывали съ Запада, но вмѣсто войны съ турками поспѣшилъ на встрѣчу желанію султана завязать съ нимъ мирныя сношенія; такія сношенія съ турецкими султанами поддерживались преемниками Іоанна III до времени Алексѣя Михайловича. („Россія и Востокъ“, стр. 149—156). Вслѣдствіе этого о. Пирлингъ не предположилъ, подобно проф. Успенскому, покупки правъ на византійскую имперію Іоанномъ III.

²⁾ Назв. трудъ, стр. 173.

служить объясненіемъ умолчанія ихъ о правахъ Софьи на византійскую имперію. Если Софья смотрѣла на себя какъ на наследницу византійской имперіи, и если такой ея взглядъ раздѣлялся современными ей лицами, то умолчаніе ихъ объ этомъ не можетъ быть объяснено непріязненнымъ отношеніемъ къ ней. Самолюбію современниковъ ея могло быть только лестно, что супруга государя ихъ обладаетъ правомъ на византійскую имперію. Но допустимъ, что современники изъ нелюбви къ Софѣѣ умолчали о томъ, что возвышало ее, чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить молчаніе московскихъ официальныхъ памятниковъ о правахъ ея на Византію? Чѣмъ объяснить, что Іоаннъ IV предъ іерархами восточными не сослался на унаслѣдованныя имъ отъ бабки права, когда просилъ признанія за нимъ царскаго титула?

О. Пирлингъ указываетъ, что Софья, по крайней мѣрѣ иногда, имѣла большое вліяніе на своего супруга. Оно выразилось въ томъ, что „при патріархальномъ, почти грубомъ московскомъ дворѣ, появляется пышный этикетъ, издали напоминающій византійскій, устраиваются новыя должности, подчиненныя строгой іерархіи; принужденіе замѣняетъ прежнюю свободу; государь становится менѣ доступнымъ, замкнутымъ въ своемъ величіи. Князь Курбскій, бояринъ старинной знати, съ горечью замѣчаетъ, что Иванъ не совѣтовался болѣе со своими окружающими и все дѣлалъ самъ. Очевидно, великій князь московскій подражалъ византійскимъ самодержцамъ. Софья съ своей стороны распахнула широко двери терема, ранѣе недоступныя, давала аудіенціи иностранцамъ и отправляла посланія къ венеціанской сеньоріи, — все неслыханныя новшества“¹⁾).

Къ сожалѣнію, о. Пирлингъ не указываетъ въ какихъ новыхъ обрядахъ, появившихся при московскомъ дворѣ подъ вліяніемъ Софьи, выразился пышный этикетъ, напоминающій, хотя бы издали, византійскій. Такое заключеніе о. Пирлинга не оправдывается свѣдѣтельствомъ венеціанскаго посла Контарини, отправленнаго въ Персію, который былъ въ Москвѣ въ 1476 г. и имѣлъ нѣсколько аудіенцій при московскомъ дворѣ. Изъ описанія Контарини не

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 174—175.

видно, что его принималъ Іоаннъ III съ соблюденіемъ этикета, „издали напоминающаго византійскій“, между тѣмъ въ то время исполнялось пять лѣтъ со времени брака Іоанна III съ Софьей, и вліяніе ея въ дѣлѣ введенія обрядности при московскомъ дворѣ по образцу византійскому могло уже проявиться. Последнюю аудіенцію, данную ему Іоанномъ III, Контарини описываетъ подробно. „Прибывъ во дворецъ, говоритъ онъ, я былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился государь съ Маркомъ и другимъ своимъ секретаремъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ весьма ласковый пріемъ, въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ поручилъ увѣрить свѣтлѣйшую нашу республику въ искренномъ его дружествѣ..... Когда великій князь говорилъ со мною, я изъ учтивости отступилъ назадъ, но онъ всякій разъ самъ подходилъ ко мнѣ и съ особенною благосклонностію выслушивалъ отвѣты мои и изъявленія моей благодарности. Такимъ образомъ проговорилъ я съ нимъ болѣе часа“ ... ¹⁾).

О появленіи пышности при московскомъ дворѣ благодаря вліянію Софьи не свидѣтельствуетъ, какъ увидимъ, учрежденіе новыхъ должностей, потому что учреждено было ихъ при Іоаннѣ III далеко не много.

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ о. Пирлинга, что Іоаннъ подъ вліяніемъ Софьи сталъ все дѣлать безъ совѣта съ окружающими ²⁾ уже потому, что о. Пирлингъ въ доказательство такого заключенія ссылается на Курбскаго, свидѣтельствующаго совсѣмъ иное. Курбскій, который отмѣчаетъ, что въ „предобрый Русскихъ Князей родъ всѣмъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтекихъ Царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплемениковъ“ ³⁾, и который раздражается упреками на Вассіана за его совѣтъ, преподанный Іоанну IV, не держать при себѣ совѣтниковъ мудрѣ себя, дабы самовластно править государствомъ, говоритъ, что Іоаннъ III расширилъ предѣлы своего государства и свергнулъ татарское иго „многаго его совѣта

¹⁾ „Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи“, изд. Калистратова, т. I, путешествіе Амвросія Контарини, стр. 114 и слѣд.

²⁾ Назв. трудъ, стр. 174, и его же „La Russie et le Saint-Siège“, I, 237.

³⁾ „Сказанія“, ч. I, стр. 2, изд. Устрялова 1833 г.

ради съ мудрыми и мужественными Сигелиты его: бо зѣло, глаголють, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта“¹⁾. Курбскій, на котораго ссылается о. Пирлингъ въ доказательство того, что великій князь московскій, подъ вліяніемъ Софьи, подражая византійскимъ самодержцамъ, пересталъ совѣтоваться со своими оружающими, свидѣтельствуеть, что Іоаннъ III, на котораго могла непосредственно вліять Софья, очень любилъ совѣщаться о дѣлахъ, и выставляеть его, какъ примѣръ достойный подражанія, Іоанну IV. Такое свидѣтельство Курбскаго объ Іоаннѣ III подтверждается словами Берсенья Беклемишева. Берсень, въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, выражая свое неудовольствіе на Василія III, воспоминаеть, что Іоаннъ III былъ „добрь и до людей ласковъ“, также „противъ себя стрѣчу любилъ, и тѣхъ жаловаль, которые противъ его говаривали“²⁾.

Большинство изслѣдователей, говоря о Софьѣ Палеологъ, приписывали ей большое вліяніе на Іоанна III. Если никто изъ изслѣдователей не говоритъ подобно кн. Щербатову и Карамзину, что Іоаннъ III на совѣтъ съ матерью, митрополитомъ и боярами думалъ чрезъ бракъ съ Софьей получить права византійскихъ императоровъ³⁾, то многимъ представляется несомнѣннымъ, что Софья принесла въ приданое Іоанну III права на византійскую имперію.

Щербатовъ, говоря, что Іоаннъ III на совѣтъ, обсуждавшемъ выгоды отъ предпологаемаго брака его съ византійской царевной, объявилъ, что этотъ бракъ дастъ ему право отнять у турокъ Константинополь, представить возможность завязать сношенія съ Римомъ и при посредствѣ его вступить въ сношенія съ европейскими государствами, не указалъ источника, откуда онъ почерпнулъ сообщаемую имъ рѣчь Іоанна III. Не нашелъ источника этого, по видимому, и Карамзинъ. Карамзинъ не упустилъ изъ виду, что Іоаннъ III не обнаружилъ стремленія къ завоеванію Константинополя, и не видѣлъ, чтобы для Іоанна III сношенія съ Римомъ

¹⁾ „Сказанія“, I, стр. 57.

²⁾ „Слѣдственное дѣло Максима Грека“, Сборникъ кн. Оболенскаго, № 3, стр. 4 и 8.

³⁾ Такое мнѣніе Карамзина было повторено только г. Жигаревымъ въ его изслѣдованіи „Русская политика въ Восточномъ вопросѣ“, I, стр. 34, 1896 г.

представлялись средствомъ вступить въ общеніе съ европейскими государствами. У него Іоаннъ III и совѣтники его только думаютъ, что бракъ съ Софьей дастъ Московскому государю права византійскихъ императоровъ. Но и Карамзинъ не указываетъ источника, который далъ ему возможность проникнуть думы Іоанна III и совѣтниковъ его, обсуждавшихъ проектъ брака съ византійской царевной. Источниковъ, послужившихъ Щербатову и Карамзину въ данномъ случаѣ, не находимъ, и никто изъ изслѣдователей, кромѣ г. Жигарева, не повторилъ сцены совѣта Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами, изображенной Щербатовымъ и Карамзинымъ. Лѣтопись только говоритъ, что Іоаннъ III, получивъ отъ кардинала Виссаріона предложеніе вступить въ бракъ съ Софьей Палеологъ, „внять си словеса сіа въ мысль, и подумавъ о семъ съ своимъ отцемъ митрополитомъ Филиппомъ, и съ матерію своею и съ бояры, и тоя же весны, марта 8, послалъ Ивана Фрязина къ папѣ Павлу и къ тому гардиналу Висаріону и царевну видѣти“¹⁾. Говоря о посылкѣ Іоанномъ III въ Римъ за Софьей, лѣтопись передаетъ, что „князь велики, обмысливъ съ отцемъ своимъ митрополитомъ, и съ матерію своею великою княгинею Марією, и съ братією и зъ бояры своими, и послаша Фрязина въ Римъ по царевну Софію“...²⁾. Въ описаніи пріѣзда царевны Софьи, выписанномъ, по словамъ издателя, изъ рукописной лѣтописи стариннаго письма, писанной во время царя Іоанна IV, находимъ извѣстіе, какъ въ Воскресенскомъ и Никоновскомъ лѣтописныхъ спискахъ, что Іоаннъ III „мыслилъ“ съ лицами, названными въ этихъ лѣтописныхъ спискахъ, предъ вступленіемъ въ бракъ съ Софьей, но не находимъ изложенія этихъ мыслей³⁾.

Ни изъ словъ, ни изъ поступковъ Іоанна III не видно, что онъ послѣ брака съ Софьей считалъ себя наслѣдникомъ Византіи или царственныхъ правъ ея императоровъ. Ни супругъ Софьи, ни сынъ, ни внукъ ея намѣреній завоевать Константинополь не обнаруживали, поглощенные борьбой съ польско-литов-

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 154; тоже въ Никоновской, ч. VI, стр. 8.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 169; тоже въ Никоновской, ч. VI, стр. 37.

³⁾ „Продолженіе Древн. Рос. Вивл.“, ч. III, стр. 50 и 52.

скимъ государствомъ изъ-за русскихъ областей ¹⁾; ни они, ни преемники ихъ въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ не ссылались на бракъ съ византійской царевной изъ дома Палеологовъ, которая будто принесла въ приданое своему супругу царскій титулъ. Казалось бы, Иоаннъ IV, обращаясь къ восточнымъ іерархамъ за утвержденіемъ принятаго имъ царскаго титула и указывая на родственную связь его предковъ съ угасшими династіями Византіи, долженъ былъ вспомнить, что его бабка была византійская царевна; но въ грамотѣ восточныхъ іерарховъ, признавшихъ царскій титулъ Иоанна IV, не находимъ ссылки на Софью Палеологъ. Грамота восточныхъ іерарховъ гласитъ, что патріархъ увѣрился въ томъ, что Иоаннъ IV дѣйствительно происходитъ отъ рода и крови царскихъ, т. е. отъ царицы Анны, сестры самодержца Василия Багрянороднаго, и въ томъ, что императоръ византійскій Константинъ Мономахъ послалъ митрополита вѣнчать на царство великаго князя Владиміра и отправилъ ему царскій вѣнецъ, діадему и прочіе знаки царскаго достоинства ²⁾. Вотъ два основанія, которыя имѣли въ виду восточные іерархи, признавая за Иоанномъ IV царскій титулъ. Подобно Иоанну IV и другіе московскіе цари не ссылались на какія-либо права, пріобрѣтенныя Иоанномъ III чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ и имъ по наслѣдству доставшіяся ³⁾.

Если бы самъ Иоаннъ III полагалъ, что супруга его принесла ему права на царскій титулъ, то онъ и себя титуловалъ бы царемъ и внука своего вѣнчалъ бы не на великое княженіе, но на царство. Между тѣмъ въ отношеніи къ своимъ подданнымъ Ио-

¹⁾ Проф. Каптеревъ, „Характеръ отношеній Россіи къ православу Востоку въ XVI и XVII вв.“, гл. VIII, стр. 348.

²⁾ Здѣсь въ текстѣ грамоты затерты слова въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но нѣтъ никакого основанія предположить, что пропущено упоминаніе о родствѣ съ Софьей Палеологъ; фототипическій снимокъ грамоты при трудѣ проф. Регеля „*Analecta Byzantino—Russica*“. „Соборная грамота, утверждающая санъ царя за Иваномъ IV 1561 г.“, изд. кн. Оболенскаго, стр. 11.

³⁾ Одна изъ главъ предлагаемаго изслѣдованія посвящена обзору тѣхъ доказательствъ, которыя представлялись московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ; изъ этого обзора видно, что никогда московскіе государи не полагали, будто бракъ ихъ предка съ Софьей Палеологъ принесъ царственныя права ему и потомкамъ его.

аннъ III царемъ не писался, не писали его царемъ и русскіе подданные. Царемъ его титуловали, хотя и не всегда, служилые люди греческаго происхожденія, но примѣру этому не подражали русскіе ¹⁾. Только въ сношеніяхъ съ незначительными иноземными владѣтелями и владѣніями Іоаннъ III писалъ себя царемъ ²⁾. Но и то обстоятельство, что Іоаннъ III въ нѣкоторыхъ случаяхъ писалъ себя царемъ, врядъ ли можетъ представляться слѣдствіемъ брака его съ византійской царевной. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Іоаннъ III послѣ 1480 г. сдѣлался государемъ независимымъ и, какъ государь независимый, именно для показанія своей независимости отъ какой-либо земной власти могъ пользоваться царскимъ титуломъ. Іоаннъ III писался царемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не послѣ 1472 г., когда находился еще въ зависимости отъ золотоордынскаго хана, котораго русскіе называли царемъ, но послѣ 1480 г.

Источники, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о Софѣ Палеологъ и объ ея вліяніи на Іоанна III — русскія лѣтописи, сказанія кн. Курбскаго, слова Берсея Бекленичева и извѣстія Герберштейна.

Источники эти проливаютъ крайне скудный свѣтъ на личность Софьи. Нелюбовь къ ней современниковъ отразилась на извѣстіяхъ о ней. Судить о вліяніи ея трудно не только потому, что отъ нея, по выраженію о. Пирлинга, едва дошелъ до насъ слухъ, но и потому, что ея вліянію можно приписать то, что явилось слѣдствіемъ 1480 г. Прекращеніе зависимости московскаго государя отъ золотоордынскаго хана не могло не имѣть своихъ слѣдствій.

Всего менѣе данныхъ для уясненія вліянія Софьи Палеологъ на супруга ея даютъ лѣтописи. У Татищева находится неизвѣстно откуда почерпнутое имъ извѣстіе, будто, когда Іоаннъ III сообщилъ своимъ матери, дядѣ, князьямъ и боярамъ о требованіи отъ него покорности и дани ханомъ Ахматомъ, многіе посовѣтовали ему умирить хана дарами, Софья же съ плачемъ стала убѣждать

¹⁾ „Пам. Дипл. Снош. Др. Рос.“ I, 64, 105, 115; 100, 102, 104; С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 519.

²⁾ „Пам. Дипл. Снош. Др. Рос.“ I, 20—22, 46, 59—61, 87, 96—98; С. И. Р. И. Об. 41, стр. 41, 71, 72; Соловьевъ, „Ист. Рос.“ V. 177, изд. 5.

своего супруга свергнуть постыдное татарское иго. Въ лѣтописяхъ не находимъ подтвержденія этому извѣстію, напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подчеркивается, что Софья, во время наступленія Ахмата на московскую Русь, находилась въ бѣгахъ ¹⁾. Лѣтописи говорятъ, что когда Іоаннъ III, во время стоянія своего войска у рѣки Угры, прибылъ въ Москву для молитвы и для совѣта съ матерью своею, митрополитомъ и боярами, то въ эти минуты колебаній великаго князя „вси... молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противу бесерменству“ ²⁾. Іоаннъ III „послуша моленія ихъ (выше поименованныхъ лицъ) и вѣсѣмъ благословеніе поиде на Угру“. ³⁾ Лѣтописи перечисляютъ всѣхъ лицъ, съ которыми совѣтовался Іоаннъ III: мать его, митрополита, дядю и бояръ, но о Софьи не упоминаютъ. ⁴⁾ Всѣ эти совѣтники великаго князя и множество народа сѣли въ осаду, великій же князь уѣхалъ изъ Москвы, должно быть, въ это время, если только не ранѣе, выславъ Софью изъ Москвы на сѣверъ ⁵⁾. Рѣшимость Іоанна III вступить въ бой съ Ахматомъ колебалась подъ вліяніемъ совѣтовъ „злыхъ челоуѣкъ сребролюбѣцъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей хрестіаньскихъ“, побуждавшихъ великаго князя бѣжать отъ татаръ ⁶⁾. Узнавъ, что великій князь снова колеблется, епископъ Вассіанъ написалъ ему посланіе, въ которомъ побуждалъ его храбро стоять противъ татаръ. Но мнѣнія совѣтниковъ Іоанна III, убѣждавшихъ его бѣжать отъ татаръ, взяли, по словамъ лѣтописи, верхъ: Іоаннъ III поѣхалъ въ Москву, гдѣ населеніе встрѣтило его съ ропотомъ, Вассіанъ съ упреками. Великій князь удалился изъ Москвы и сдѣлалъ даже попытку примириться съ ханомъ ⁷⁾. Узнавъ о бѣгствѣ татаръ отъ

¹⁾ Только въ такъ называемой Густинской лѣтописи, извѣстной по спискамъ XVII в., находится извѣстіе, что Іоаннъ III свергнулъ татарское иго „зѣ намовъ жоны Анны Грекини“..... (Софья названа Анной). П. С. Р. Л. II, 364.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 20, 224; VIII, 206; Никоновская VI, 112.

³⁾ Тамъ же, VI, 224; VIII, 201.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ И. А. Тихомировъ „Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтоп. сводовъ“, Лѣтопись зан. Археогр. Ком., X, 33.

⁶⁾ П. С. Р. Л. IV, 154; VI, 224; VIII, 21 и 224; Никоновская, VI, 113.

⁷⁾ П. С. Р. Л. VI, 230—231.

Угры, великій князь возвратился въ Москву, возвратилась и Софья. Нѣкоторые лѣтописи, говоря о ея возвращеніи, замѣчаютъ: „приде изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же“¹⁾. Никоновская лѣтопись, говоря о возвращеніи Софьи въ Москву, добавляетъ: „отсылалъ бо ея князь великій на Бѣлоозеро Татарскаго ради нахоженія“²⁾.

Принимая во вниманіе только тѣ лѣтописи, въ которыхъ не проглядываетъ непріязненное чувство къ Софѣѣ, видимъ, что ея не было въ Москвѣ, когда послѣдняя готовилась къ осадѣ. Не знаютъ также лѣтописи, укрѣпляла ли Софья своего супруга въ рѣшимости вступить въ бой съ Ахматомъ. Во всякомъ случаѣ, когда Іоаннъ III колебался и подпалъ подъ вліяніе совѣтниковъ, желавшихъ уклониться отъ борьбы съ Ахматомъ, Софья находилась далеко и отъ супруга и отъ Москвы. Возможно, что Софья удалилась изъ Москвы по желанію Іоанна III; по крайней мѣрѣ Никоновская

¹⁾ Тамъ же, IV, 154; VI, 21 и 232.

²⁾ VI, 115. Въ Софійской 2-й лѣтописи и въ Воскресенской послѣ описанія похода къ Угрѣ помѣщено воззваніе, въ которомъ авторъ его убѣждаетъ русскихъ хранить свое отечество отъ враговъ, дабы не пострадать такъ, какъ „и нѣ величїи славнии земли отъ Турковъ, еже Болгаре глаголю и рекомїи Греци, и Транизонъ, и Аморїа... и и нѣ мнози земли, иже не сташа мужествени, и погибоша и отечество свое изгубиша и землю и государство, и скитаются по чужимъ странамъ бѣдни во истинну и странни, и много плача и слезъ достойно, укоряеми и поношаеми и оплеваеми, яко не мужествени; иже избѣгоша которїи со имѣніемъ многимъ, и съ женами и съ дѣтми, въ чужїе страны.... Тако ми Бога видѣхъ своимъ очима грѣшными великихъ государь, избѣгшихъ отъ Турковъ со имѣніемъ и скитающихся яко странни и смерти у Бога просящихъ яко издовъзданїя отъ таковыи бѣды“... (П. С. Р. Л. VI, 232; VIII, 207). Былъ ли авторъ этого воззванія дьякъ Курицынъ, какъ полагалъ Соловьевъ, или неизвѣстное лицо, образованное и побывавшее за границею, какъ полагалъ Карповъ, видѣвшее государей и многихъ грековъ и славянъ, потерявшихъ вслѣдствіе недостатка мужества своего отечество, намекъ автора на Оому Палеолога и его сыновей очевиденъ (Соловьевъ, „Ист. Р.“, V, 262, изд. 5. Предполагая, что Курицынъ былъ авторомъ этого воззванія, Соловьевъ замѣчаетъ, что религиозное и православное обращеніе въ этомъ воззваніи нельзя приписать Курицыну какъ ересїарху. Карповъ „Исторїя борьбы Московскаго государства съ Польско-литовскимъ“ въ „Чтен. въ Моск. об. Ист. и Др.“ 1866 г., кн. 3, стр. 118). И. А. Тихомировъ считаетъ это воззваніе припискою къ лѣтописному разсказу, на- вѣянному посланіемъ Вассїана къ Іоанну III (Лѣтопись зан. Археогр. Ком. IX, 34).

лѣтопись говорить, что Софью отослалъ великій князь на Бѣло-озеро „татарскаго ради нахоженія“ ¹⁾, но если бы Софья такъ сильно желала сверженія татарскаго ига, какъ это можно заключить изъ рѣчи ея къ Іоанну III, сообщаемой Татищевымъ, можно думать, что она не стремились бы податѣе отъ Москвы, но находилась бы въ ней, чтобы поддержать въ супругѣ навѣянную ея рѣчью рѣшимость вступить въ борьбу съ Ахматомъ.

Кромѣ того, что поведение Софьи во время похода Ахмата къ Угрѣ не соотвѣтствуетъ той рѣчи, которую она, по свидѣтельству Татищева, произнесла своему супругу, самая эта рѣчь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея вызываетъ недоумѣніе. Софья говорила: „отецъ мой и азъ не хотѣхомъ дань давати“ ²⁾. Между тѣмъ она въ то время, когда отецъ ея предпочелъ лишиться своихъ владѣній, чѣмъ стать данникомъ султана, была малолѣтней и врядъ ли могла оказать вліяніе на рѣшимость отца своего. Далѣе, сообщать Софьи страхнуть татарскую неволю вызвалъ, по словамъ приведеннаго Татищевымъ извѣстія, удивленіе Іоанна III: „князь Великій велми удивися совѣту ея“ ³⁾. Очевидно, Софья никогда до этого времени не убѣждала своего супруга прекратить данническія отношенія къ золотой ордѣ, въ противномъ случаѣ Іоаннъ III не удивился бы ея совѣту. Но Герберштейнъ, который бывалъ въ Москвѣ въ то еще время, когда память о Софьѣ была свѣжа, сообщаетъ, что Софья убѣдила своего супруга притворяться больнымъ всякій разъ, когда пріѣзжали къ нему золотоордынскіе послы, дабы не подвергаться унижительнымъ обрядамъ при встрѣчѣ ихъ, что она упросила ханшу уступить ей домъ въ Кремлѣ, гдѣ жили татары, наблюдавшіе за великимъ княземъ и москвичами, что она ежедневно упрекала своего супруга за данническія его отношенія къ золотой ордѣ ⁴⁾. Если сообщаемое Герберштейномъ вѣрно, если Софья тяготилась отношеніями своего супруга къ золотой ордѣ и явно роптала на нихъ, непонятно, почему рѣчь Софьи, побуждавшая выступить противъ Ахмата, вызвала удивленіе Іоана III: иначе

¹⁾ ч. VI, стр. 115.

²⁾ Татищевъ, „Ист. Рос.“ V, 78.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Переводъ Анонимова, стр. 22.

Софья и не могла говорить. Если отрѣшиться отъ извѣстнаго недоумѣнія, которое возбуждаетъ приведенная Татищевымъ рѣчь Софьи къ Іоанну III и, принимая во вниманіе нелюбовь къ Софьѣ современниковъ, этою нелюбовью объяснить молчаніе ихъ о тѣхъ случаяхъ, когда роль ея могла закрѣпить за нею признательность потомковъ, нельзя и въ такомъ случаѣ приписывать рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго только вліянію Софьи; такъ можно заключить даннаго основаніи извѣстія Татищева, которое гласитъ, что „мнози“ совѣтовали Іоанну III умиловити Ахмата дарами ¹⁾. Читая лѣтописный разсказъ о походѣ Іоанна III къ Угрю, нельзя не замѣтить, что желаніе большинства было, чтобы Іоаннъ III выступилъ противъ Ахмата не съ дарами, но съ оружіемъ. Лѣтописный разсказъ свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ III колебался въ рѣшимости помыряться силами съ Ахматомъ и поддавался вліянію лицъ, совѣтовавшихъ смириться предъ ханомъ, о чемъ лѣтописи говорятъ съ негодованіемъ ²⁾, но что рѣшимость въ великомъ князѣ старались поддержать и епископъ Вассіанъ, и сынъ самого Іоанна III, отказавшійся повиноваться приказу его удалиться отъ войска, стоявшаго противъ Ахмата, и москвичи, неудовольствіе которыхъ было такъ велико на Іоанна III за его уходъ отъ этого войска, что онъ поспѣшилъ удалиться изъ Москвы ³⁾. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что мать и дядя великаго князя, митрополитъ и всѣ бояре „молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противъ бесерменству“ ⁴⁾. Въ своемъ посланіи къ Іоанну III епископъ Вассіанъ напоминаетъ ему объ обвинаніи крѣпко стоять противъ Ахмата, которое было имъ дано просившимъ его объ этомъ митрополиту, матери великой княгинѣ, князьямъ и боярамъ:... „и тебѣ убо, государю нашему, пріѣхавшю въ царствующій ти градъ Мосеву ко всемилостивѣй Господи Богородици и ко святымъ чудотворцемъ, помощи ради и заступленія, и къ своему отцу митрополиту, и къ своей матери ве-

¹⁾ Татищевъ V, 78.

²⁾ Софійская 2 лѣтопись называетъ такихъ совѣтниковъ: боярина Ивана Васильевича Ощеру и Григорія Андреевича Мамина П. С. Р. Л. VI, 230.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 230—231.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 20 и 224; VIII, 206; Никоновская VI, 112.

ликой княгинѣ, и благовѣрнымъ княземъ и благочестивымъ бояромъ, добраго ради совѣта и думы, еже како крѣпко стояти за православное хрестіанство и за свое отечество противу безбожному бесерменству: тебѣ же, государю нашему, повинувшюся ихъ моленію и доброй думѣ и обѣщавшюся крѣпко стояти за благочестивую нашу православную вѣру и боронити свое отечество отъ бесерменства, духовъ же лстивыхъ, шепчущихъ въ ухо твоей державѣ еже предати хрестіанство, не слушати обѣщавшутися...“ ¹⁾ И Вассіанъ, перечисляя въ посланіи къ Іоанну III тѣхъ лицъ, которыя убѣждали его стоять крѣпко противъ Ахмата, и которымъ онъ обѣщаль поступить по ихъ совѣту, не упоминаетъ въ числѣ ихъ Софьи, но называетъ тѣхъ совѣтниковъ, ободрившихъ Іоанна III, о которыхъ говорятъ и лѣтописи. Должно быть, Софья въ это время уже не было въ Москвѣ, и не Софья вліяла на Іоанна III, когда рѣшимость его сразиться съ Ахматомъ колебалась.

Если допустить, что лѣтописцы, не любя Софьи, умолчали о вліяніи ея на рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго, что извѣстіе, сообщаемое Татищевымъ, будто Софья своею слезною мольбою склонила своего супруга къ борьбѣ съ Ахматомъ, вѣрно, и что благодаря Софѣ, какъ говоритъ Герберштейнъ, прекратилось унижительное для достоинства московскаго государя внѣшнее выраженіе данническихъ отношеній къ золотоордынскому хану, все таки нельзя отрицать, что Іоанна III, колебавшагося въ рѣшимости бороться съ Ахматомъ, укрѣпляли и другія лица, о которыхъ говорятъ лѣтописи, что и для этихъ лицъ сверженіе ига было завѣтнымъ желаніемъ.

Соловьевъ, указывая на свидѣтельства, что „по внушеніямъ Софьи Іоаннъ III окончательно разорвалъ съ ордою“ ²⁾, отмѣчаетъ, дѣлая оцѣнку государственоваія Іоанна III, что дѣятельность его представляется слѣдствіемъ дѣятельности предшественниковъ его, что онъ умѣло продолжалъ дѣло ихъ. Связывая дѣятельность Іоанна III съ дѣятельностью предшественниковъ его, указывая на постепенное ослабленіе золотой орды, Соловьевъ говоритъ, что Ди-

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 225.

²⁾ И. Р. т. V, стр. 71.

митрій Донской разбилъ Мамая, но принужденъ былъ заплатить тяжелую дань Тохтамышу, Иоаннъ же III Ахмата не разбивалъ, но по смерти его татары не приходили за данью, изъ чего ясно, что татары постепенно слабѣли, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Иоаннъ III имѣлъ дѣло съ одною уже тѣнью ¹⁾.

Связывая дѣятельность Иоанна III съ дѣятельностью предшественниковъ его, какъ дѣлаетъ это Соловьевъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что надежда избавиться отъ татарской неволи со времени 1380 г. не только не ослабѣвала въ русскомъ обществѣ, но по мѣрѣ упадка могущества золотой орды все болѣе и болѣе крѣпла. Въ междукняжескихъ договорныхъ грамотахъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей послѣ Димитрія Донского обыкновенно читаемъ: „перемѣнить Богъ орду“ или „татаръ“ ²⁾. Очевидно, князья русскіе не теряли надежды на прекращеніе данническихъ отношеній къ золотой ордѣ. Надежда эта не могла не передаться Иоанну III, союзъ котораго съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, врагомъ золотой орды, свидѣлствуетъ, что сверженіе татарскаго ига было и его думою ³⁾. Еслибы даже эта дума Иоанна III не была крѣпкою, укрѣпить ее должна была слабость золотой орды, потому что эта слабость естественно порождала мысль о сверженіи татарскаго ига. Такимъ образомъ, не Софья или кто либо иной могъ внушить Иоанну III мысль о прекращеніи зависимости отъ татаръ: мысль эта была не новая, уже цѣлый вѣкъ существовавшая на Руси, которую таилъ цѣлый рядъ князей; она должна была существовать и у Иоанна III, который, не имѣя характера Димитрія Донского, былъ расположенъ скорѣе быть свидѣтелемъ политической смерти золотой орды, предоставивъ добить ее своему союзнику Менгли-Гирею, чѣмъ тратить силы на борьбу съ нею. И онъ остался вѣренъ себѣ: не смотря на внушенія матери, дяди, митрополита,

¹⁾ Тамъ же, стр. 362.

²⁾ С. Г. Г. и Д. т. I, стр. 71, 73, 78, 81, 84, 87, 89, 92, 98, 101, 103, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 125, 128, 131, 148, 158, 161, 164, 167, 180, 184, 197, 201, 205, 229.

³⁾ Сб. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 3.

князей, бояръ и, быть можетъ, Софьи, дождался бѣгства Ахмата, когда татары, по выраженію лѣтописи, „бѣжаху и никтоже женяше“ ¹⁾.

Прекратившаяся зависимость Іоанна III отъ золотой орды и его политическое могущество не могли не имѣть своихъ слѣдствій. Слѣдствія эти нетрудно выяснитъ, вся задача въ томъ, чтобы не смѣшать ихъ съ результатами брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ, не приписать этому браку такого значенія, какого онъ не имѣлъ.

Никто изъ русскихъ историковъ не отрицаетъ государственнаго ума Іоанна III, его умѣнія продолжать съ успѣхомъ дѣло своихъ предшественниковъ, но, если рѣчь зайдетъ о вліяніи Софьи на супруга ея, вліяніе это изображается столь сильнымъ, что на долю личной инициативы Іоанна III остается очень небольшое; оказывается, что все, что дѣлалось Іоанномъ III послѣ брака съ Софьей, дѣлалось подъ ея вліяніемъ и было результатомъ этого вліянія: *post hoc—propter hoc* ²⁾. Между тѣмъ Софья Палеологъ не внушила своему супругу стремленій вмѣсто объединенія русскихъ земель подъ властью московскаго государя къ изгнанію султана изъ Константинополя, не положила конца существовавшему и до нея удѣльному порядку ³⁾, вліяніе ея не выразилось въ вѣнчаніи на царство сына ея Василія Іоанновича, въ усвоеніи имъ царскаго титула подобно Іоанну IV.

Ближайшіе по времени къ Іоанну III Берсень-Беклемишевъ, Герберштейнъ и Курбскій говорятъ о вліяніи Софьи на своего

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 207.

²⁾ Герберштейнъ, говоря о времени смерти Іоанна III, называетъ его великимъ: *Moritur autem Ioannes ille magnus, anno..* (Изд. 1556 г., стр. 11). Вопросъ конечно, называлъ ли Герберштейнъ Іоанна III великимъ, какъ государя или послѣ *Magnus* опущено слово *Dux*. Татищевъ называлъ Іоанна III Великимъ (V, 152), Д. И. Иловайскій изъ всѣхъ русскихъ государей отъ Владиміра св. до Петра I считаетъ Іоанна III наиболѣе достойнымъ названія Великаго (Ист. Р. II, стр. 528, изд. I), о Пирлингъ называетъ Іоанна III „Петромъ Великимъ въ малыхъ размѣрахъ“ („Россія и Востокъ“, стр. 132).

³⁾ Іоаннъ III назначилъ удѣлы и младшимъ четыремъ сыновьямъ. С. Г. Г. и Д. I, № 144.

супруга, но показанія ихъ не вполне опредѣленны и не отличаются безпристрастіемъ.

Опальный при Василии III бояринъ Берсень-Беклемишевъ жаловался Максиму Греку: „какъ пришла сюда Мати Великого Князя, Великая Княгиня Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ въ Царѣ-городѣ при вашихъ Царѣхъ.“ На вопросъ Максима, что Берсень подразумѣвалъ подъ нестроеніями, послѣдній отвѣтилъ: „мнѣ ся мнить по моей мысли, какъ бы *несовѣтіемъ и высокоуміемъ*“. „Здѣсь у насъ, говорилъ Берсень Максиму, старые обычаи Князь Великій перемѣнилъ“.... Максимъ сказалъ ему, что „обычаи Царскіе и Земскіе Государи перемѣняютъ какъ лучше Государству его“. „Однако лучше, возразилъ Берсень, старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣ дей Государь нашъ запершыся самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ“. Не такъ, по словамъ Берсеня, поступалъ отецъ Василия III: тотъ „добръ былъ... и до людей ласковъ.... Противъ себя стрѣчу любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали“ ¹⁾. Изъ словъ Берсеня вытекаетъ, что вліяніе Софьи Палеологъ проявилось не на супругѣ ея, но на сынѣ, и что результатомъ этого вліянія было „высокоуміе и несовѣтіе“ Василия III.

Герберштейнъ сообщаетъ о вліяніи Софьи то, что слышалъ въ Москвѣ, должно быть, отъ бояръ. По словамъ его, Іоаннъ III, какъ говорили ему, подъ вліяніемъ Софьи „много дѣлалъ“ ²⁾. Изъ этого многого Герберштейнъ говоритъ о заточеніи Іоанномъ III внука Димитрія ³⁾ и о томъ, что подъ вліяніемъ Софьи Іоаннъ III пересталъ встрѣчать татарскихъ пословъ ⁴⁾.

Князь Курбскій находилъ, что въ „предобрыи Рускихъ Князей родъ всѣялъ діаволъ злыя нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами..., паче же которыхъ поимовали отъ иноплемени-

¹⁾ „Слѣдствен. дѣло Максима Грека“, Сборникъ кн. Оболенскаго, 1838 г., № 3, стр. 4—8.

²⁾ Пер. Анонимова, стр. 19.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 22.

ковъ“¹⁾. Называя Софью Палеологъ „чародѣйцей Греческой“²⁾, Курбскій говоритъ, что Иоаннъ III вмѣстѣ съ Софьей отравилъ сына своего Иоанна, заключилъ въ темницу сына его Дмитрія, брата своего Андрея Углицкаго и двухъ его сыновей, поизгонялъ удѣльныхъ князей³⁾. Въ этомъ, по мнѣнію Курбскаго, выразилось вліяніе Софьи на Иоанна III. Какъ Берсень противуполагалъ „несовѣтію“ Василя III любовь къ „встрѣчамъ“ Иоанна III, такъ и Курбскій ставитъ въ примѣръ Иоанну IV дѣда его, далеко расширившаго границы своихъ владѣній и свергнувшаго татарское иго „многого его совѣта ради съ мудрыми и мужественными Сигелиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многого совѣта“⁴⁾.

Вотъ все, что сообщаютъ о вліяніи Софьи ближайшія къ ней по времени лица. Берсень говоритъ, что Софья была причиною перемѣны „старыхъ обычаевъ“ при сынѣ ея, что благодаря ея вліянію Василій III былъ „несовѣтенъ и высокоуменъ“. Герберштейнъ передаетъ, что, по словамъ говорившихъ ему, вліяніе Софьи на супруга ея проявлялось во многомъ, но сообщаетъ изъ этого многого немногое. Курбскій пишетъ о „злыхъ нравахъ“, привитыхъ Софьей супругу ея, приписываетъ имъ казни, отравленія, заточенія въ темницы и проч. Изъ этихъ отзывовъ о Софьѣ ясно только, что она далеко не пользовалась расположеніемъ современниковъ, и что это нерасположеніе перешло и потомкамъ.

Извѣстія о Софьѣ кратки, ими сфера вліянія ея на супруга и сына не очерчена, словно современники скорѣе чувствовали ея вліяніе, чѣмъ сознавали. Вслѣдствіе этого, естественно, изслѣдователи, которымъ приходилось говорить о вліяніи Софьи, несогласно опредѣляли сферу этого вліянія. Если Щербатовъ и Карамзинъ приписали браку Иоанна III съ Софьей большое значеніе, а самой Софьѣ большое вліяніе, то уже Полевой не усмотрѣлъ **какихъ-либо важныхъ политическихъ послѣдствій** отъ появленія

1) „Сказанія“, ч. I, стр. 2, изд. 1833 г.

2) Тамъ же, стр. 169.

3) Тамъ же, стр. 112.

4) Тамъ же, стр. 57.

Софьи въ Кремлѣ. Соловьевъ, рассматривая государственную дѣятельность Іоанна III въ связи съ дѣятельностью его предшественниковъ, призналъ, что къ половинѣ XV в. перемѣна отношеній государя московскаго къ духовенству, дружинѣ и остальному населенію московскаго государства была уже подготовлена, что ко времени 1480 г. отъ могущества золотой орды осталась только одна тѣнь. Костомаровъ высказалъ мнѣніе, что Софья могла только укрѣплять своего супруга въ помыслахъ самодержавія, ибо стремленіе къ самодержавію естественно зародилось въ московскихъ государяхъ вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ событій въ московской Руси безъ всякихъ постороннихъ, чуждыхъ вліяній. Д. И. Иловайскій находитъ, что вліяніе Софьи не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что при сынѣ и внукѣ Іоанна III нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровое и высокоумѣнное обращеніе съ ними московскихъ государей, приписывали эту перемѣну въ обращеніи именно Софьѣ и пріѣхавшимъ съ нею грекамъ, потому что обвинять въ какомъ-либо непріятномъ общемъ явленіи одно извѣстное лицо слишкомъ обычная черта въ человѣческихъ обществахъ. Большее значеніе вліянію Софьи Палеологъ придали И. Е. Забѣлинъ, проф. Терновскій и о. Пирлингъ.

Нельзя не замѣтить, что русскіе историки, по мѣрѣ уясненія явленій русской жизни, обнаружили склонность ограничить сферу вліянія Софьи, но на долю этого вліянія все еще отнесено не мало такого, что требуетъ критическаго пересмотра.

Обыкновенно изслѣдователи говорятъ, что слѣдствіемъ брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ было появленіе при московскомъ дворѣ въ исходѣ XV в. обрядовъ, заимствованныхъ изъ Византіи, но не указываютъ, какіе именно византійскіе обряды появились въ это время въ Москвѣ, были ли они перенесены цѣликомъ или подверглись измѣненію. Высказывалось мнѣніе, что благодаря браку съ византійской царевной Іоаннъ III сталъ смотрѣть на себя какъ на наслѣдника византійскихъ императоровъ, въ доказательство чего ссылались на то, что Іоаннъ III началъ титуловаться царемъ и позаимствовалъ гербъ византійскій, однако не было обращено вниманія на то, что Іоаннъ III началъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ называть себя царемъ не послѣ брака съ Софьей, но послѣ прекращенія зависи-

мости своей отъ золотой орды, что ни Іоаннъ III, ни Василій III не настаивали на признаніи за ними царскаго титула, что въ отношеніи къ подданнымъ своимъ они не назывались царями, не титуловали ихъ такъ и подданные, что никто изъ московскихъ государей въ доназательство правъ своихъ на царскій титулъ никогда не ссылался на полученіе права на это Іоанномъ III чрезъ бракъ съ Софьей. Говорилось вообще о вліяніи византійскомъ, проникшемъ въ Москву съ появленіемъ тамъ Софьи, но точно не указывалось, въ чемъ оно проявлялось.

Мнѣніе, что Софья принесла супругу своему византійскія политическія идеи объ отношеніи государя къ своимъ подданнымъ, опирающееся на свидѣтельствахъ Берсена и Курбскаго (перваго — что съ появленіемъ Софьи и грековъ ея въ Москвѣ „пришли нестроенія великіе“, и второго — что и чрезъ Софью „въ предобрый Рускихъ Князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы“), не представляется несомнѣннымъ. И. Е. Забѣлинъ усмотрѣлъ въ Софьѣ и грекахъ, явившихся съ нею въ Москву, скорѣе проводниковъ идей Макиавелли, чѣмъ византійскихъ. Предположеніе, что Іоаннъ III, подъ вліяніемъ внушаемыхъ Софьей византійскихъ понятій объ отношеніи государя къ своимъ подданнымъ, измѣнился въ отношеніяхъ къ послѣднимъ, не только не оправдывается показаніями Берсена и Курбскаго, но противорѣчитъ имъ, потому что и Берсенъ и Курбскій ставятъ Іоанна III въ примѣръ за любовь его къ совѣтамъ и возраженіямъ, первый — сыну его, второй — внуку. Идеи, принесенныя Софьей и породившія, по выраженію Берсена, „высокоуміе и несовѣтіе“ Василия III, могли не повліять на супруга ея и быть воспринятыми ея сыномъ; но является вопросъ, откуда взглядъ на отношенія государя къ подданнымъ у Іоанна IV, трехъ лѣтъ отъ роду лишившагося отца, который, допустимъ, воспитанъ былъ на политическихъ идеяхъ матери его Софьи, а на восьмомъ году потерявшаго и мать свою.

Мнѣніе, что при дворѣ Іоанна III, благодаря вліянію Софьи, появились обряды и пышный этикетъ по образцу византійскаго двора, не доказано. При дворѣ Іоанна III видимъ обряды посольскій и великокняжескаго вѣнчанія, но обряды эти далеко не представляютъ копій съ византійскихъ обрядовъ посольскаго и вѣн-

чанія на царство. И. Е. Забѣлинъ, приписывая вліянію Софьи появленіе при московскомъ дворѣ обрядовъ по подобію византійскихъ, въ то же время говоритъ, что „царственная обстановка московскаго государя, царственныя формы и порядки его быта, какъ и высота его сана, вырастаютъ постепенно, по мѣрѣ того какъ усложняются, развиваются наши заграничныя сношенія, по мѣрѣ встрѣчъ, знакомствъ и столкновений въ общей политикѣ иноземныхъ государствъ, а особенно нашихъ сосѣдей, предъ которыми Москва никогда не думала оставаться въ худыхъ“¹⁾. Наблюдая обрядовую жизнь московскихъ царей, И. Е. Забѣлинъ замѣтилъ, что въ обрядахъ московскаго двора выразилось стремленіе „казаться передъ другими въ большемъ достоинствѣ и славѣ. Лишь для чужихъ только нужно было представлять это необыкновенное величіе сана, обставлять азіатскими декораціями, торжественностью, блескомъ каждый шагъ, особенно въ пріемахъ и проводахъ иноземныхъ пословъ и гостей. Только предъ чужими нужно было выситься, являть свое могущество, неисчислимое богатство, однимъ словомъ, являть себя съ достоинствомъ, которое возвышало бы значеніе, силу и славу Земли“²⁾. Если, какъ говоритъ И. Е. Забѣлинъ, царственная обстановка и торжественные обряды московскаго двора выросли постепенно, по мѣрѣ развитія сношеній московскаго государя съ иноземными государствами, если „дома, въ отношеніи къ Землѣ, они (царственная обстановка и торжественные обряды московскаго двора) никогда не могли бы вырасти съ такою силою и въ такомъ просторѣ“³⁾, можетъ ли быть рѣчь о томъ, что вліяніе Софьи породило обрядовую обстановку московскаго двора по образцу византійскому? Не сочтемъ ли мы въ такомъ случаѣ слѣдствіемъ вліянія Софьи то, что было слѣдствіемъ развивавшихся при Іоаннѣ III сношеній съ иноземными государствами (развивались же эти сношенія потому, что Іоаннъ III, по прекращеніи зависимости отъ золотоордынскаго хана, сталъ государемъ самостоятельнымъ)?

Опредѣленіе тѣхъ обрядовъ, которые появились во время Іоанна III, укажетъ, какіе обряды можно отнести на долю вліянія

¹⁾ „Домъ быть Рус. Царей“, стр. 9—10, изд. 3.

²⁾ Тамъ же, стр. 9.

³⁾ Тамъ же.

Софьи. Сравненіе этихъ обрядовъ съ такими же обрядами византійскаго двора выяснитъ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ простымъ заимствованіемъ изъ Византіи, или съ передѣлкою византійскихъ обрядовъ, или съ творчествомъ московскимъ, а также уяснитъ смыслъ и значеніе московскихъ обрядовъ.

Говоря о Софьѣ, какъ о проводникѣ византійскаго вліянія при московскомъ дворѣ, слѣдуетъ, на сколько позволяютъ источники, всмотрѣться хотя бы въ силуэтъ Софьи, чтобы опредѣлить, могла ли она быть проводникомъ византійскихъ идей.

Софья не была свидѣтельницей блеска и величія византійской имперіи. Дочь деспота Морей, она провела на родинѣ только ранніе годы дѣтства. Отецъ ея, убѣгая отъ турокъ, въ 1460 г. отправился въ Италію безъ средствъ къ существованію, оставивъ жену и дѣтей своихъ на островѣ Корцирѣ. Въ Римѣ, куда онъ привезъ главу апостола Андрея въ обезпеченіе хорошаго приема со стороны папы, его приняли любезно, папа далъ ему золотую розу; но пенсія, назначенная ему, не была велика: ежегодно онъ получалъ отъ римской куріи 3600 дукатовъ, отъ коллегіи кардиналовъ 2400 дукатовъ и отъ Венеціи 500 дукатовъ. Назначеннымъ ему содержаніемъ Оома не былъ доволенъ. Проф. Успенскій указываетъ, что жалобы довѣреннаго лица Оомы Палеолога, историка Франдзи, на недостаточность этой пенсіи, даютъ основаніе заключить, что Оома въ Римѣ нуждался въ деньгахъ¹⁾. О. Пирлингъ замѣчаетъ, что Оомѣ достаточно было назначенной ему пенсіи, при нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ пособіяхъ, для скромной жизни²⁾. Въ Римѣ Оома прожилъ нѣсколько лѣтъ и умеръ, не дождавшись результата своихъ хлопотъ о возстановленіи права своего на византійскій престолъ³⁾, переживъ свою супругу на нѣсколько

¹⁾ „Какъ возникъ и развивался въ Россіи Восточный Вопросъ“, стр. 26. Общую сумму пенсіи Оомы—6500 дукатовъ, проф. Успенскій опредѣляетъ около 20,000 руб.

²⁾ „Россія и Востокъ“, стр. 9.

³⁾ Проф. Успенскій считаетъ годомъ смерти Оомы 1462 г. (назв. трудъ, стр. 27), о. Пирлингъ—1645 г. (назв. трудъ, стр. 10). Георгій Франдзи, византійскій историкъ, показываетъ, что Оома умеръ въ 6973 г., т. е. въ 1465 г. отъ Р. Х. (Petr. Cursus Completus., ser. gr., т. 156, стр. 990). О Гергѣи Франдзи см. въ „Обозрѣніи трудовъ по византійской исторіи“ проф. Васильевскаго, вып. I., стр. 233.

мѣсяцевъ ¹⁾. Въ то время, когда Гома умиралъ, плыли къ Италіи дѣти его: Андрей, Мануилъ и Зоя.

За неимѣніемъ точныхъ данныхъ приходится приблизительно опредѣлять, сколько лѣтъ было Зоѣ, когда она съ своими родными переѣхала на островъ Корциру. Гома Палеологъ женился въ 1430 г. на принцессѣ Екатеринѣ, дочери Чентуріоне Захарія II, котораго онъ лишилъ престола, чтобы завладѣть Мореей. Четверо дѣтей было плодомъ этого брака: Елена, старшая дочь (она вышла замужъ въ 1446 г. за сербскаго короля Лазаря II, по смерти котораго удалась въ монастырь, гдѣ умерла въ 1474 г.), и трое младшихъ: Андрей, Мануилъ и Зоя, которые послѣ смерти матери отправились къ отцу, скончавшемуся прежде, чѣмъ они вступили на берегъ Италіи ²⁾. Годъ рожденія Зои неизвѣстенъ. О. Пирлингъ, описывая путь Зои изъ Рима въ Москву, говоритъ на основаніи описаній наружности Зои во время ея проѣзда черезъ Болонью въ 1472 г., что невѣста Іоанна III казалась лѣтъ 24 ³⁾. Сообщаемый русскими лѣтописями годъ смерти Зои—1503, не говоритъ, конечно, о возрастѣ ея; но зная, что Зоя прожила на Руси 31 годъ, можно предположить, что она пріѣхала въ Москву еще во цвѣтѣ лѣтъ, такъ что извѣстіе, что Зоѣ было около 24 лѣтъ въ 1472 г., не представляется неправдоподобнымъ. Одно обстоятельство подтверждаетъ такое предположеніе. О. Пирлингъ приводитъ описаніе внѣшности Зои, принадлежащее перу флорентійскаго поэта Луиджи Пульчи, который видѣлъ ее во время ея свиданія съ Кларисой Орсини въ 1472 г. Пульчи, въ письмѣ къ другу своему, описываетъ въ карикатурномъ видѣ Зою, называя ее горою жира, жирною масляницею: „два турецкихъ литавра на груди, отвратительный подбородокъ, лицо вспухшее, пара свиныхъ щекъ, шея ушедшая въ эти литавры, два глаза, стоящіе четырехъ“... Вотъ образъ Зои, набросанный перомъ флорентійскаго поэта. Можно думать, что Пульчи не преминулъ бы пройти и на счетъ возраста Зои, если бы только имѣлъ къ тому поводъ. Не всѣ, видѣвшіе Зою, отнеслись такъ сурово къ внѣш-

¹⁾ Проф. Успенскій, назв. трудъ, стр. 27.

²⁾ Назв. труды о. Пирлинга стр. 10, и проф. Успенскаго стр. 27.

³⁾ Назв. трудъ, стр. 77.

ности ея, какъ Пульчи. О. Пирлингъ указываетъ, что Клариса Орсини нашла невѣсту Іоанна III красивою; въ отзыву ея присоединяются многочисленные лѣтописцы, такъ что можно думать, что Пульчи нарисовалъ не столько портретъ Зои, сколько карикатуру на нее ¹⁾. Если Зоѣ въ 1472 г. было около 24 лѣтъ, во время взятія турками Константинополя ей могло быть около пяти лѣтъ. Допустимъ, что Зоя пріѣхала въ Москву на тридцатомъ году жизни своей; при такомъ предположеніи ей могло быть около десяти лѣтъ во время паденія византійской имперіи. Нѣсколько лѣтъ она провела съ матерью и братьями на островѣ Корцирѣ, если, быть можетъ, не въ лишеніяхъ, то во всякомъ случаѣ врядъ ли въ обстановкѣ роскошной, такъ какъ отецъ ея далеко не имѣлъ достаточныхъ средствъ къ жизни. Круглыми сиротами, безъ средствъ къ существованію, явились дѣти Θомы Палеолога въ Римъ. Тутъ они жили и воспитывались на счетъ папы, назначившаго имъ ежемѣсячную пенсію въ тысячу рублей ²⁾.

Свѣдѣнія объ образѣ жизни дѣтей Θомы Палеолога и ихъ воспитаніи въ Римѣ почерпаются только изъ одного источника: письма кардинала Виссаріона, въ которомъ начертана программа воспитанія Зои и ея братьевъ; письмо это написано было къ наставнику ихъ, потому что, по словамъ Виссаріона, Зоя и братья ея, по молодости своей, не могли уразумѣть преподаваемыхъ имъ наставленій ³⁾. Виссаріонъ писалъ неизвѣстному по имени воспитателю дѣтей Θомы, что, по желанію папы, двѣ трети пенсіи, опредѣленной Зоѣ и братьямъ ея, должно расходовать на ихъ столъ и одежду, содержаніе находящихся при нихъ слугъ, на покушку и прокормленіе по крайней мѣрѣ четырехъ лошадей; изъ этихъ же двухъ третей должны были дѣлать сбереженіе на случай болѣзни или непредвидѣнныхъ расходовъ; осталная треть пенсіи опредѣлялась на содержаніе немногихъ лицъ, которые должны были составлять дворъ дѣтей Θомы. Виссаріонъ требовалъ отъ наставника Зои и братьевъ ея, чтобы дворъ ихъ не состоялъ изъ многихъ лицъ.

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 58—60.

²⁾ Проф. Успенскій, назв. трудъ, стр. 27.

³⁾ Migne, Patr. Curs. Compl., ser. gr., т. 156, стр. 996.

Онъ опредѣляетъ имъ одного медика, учителя грека и учителя латинскаго языка, переводчика и одного или двухъ латинскихъ священниковъ. Виссаріонъ требуетъ отъ воспитателя принцевъ и принцессы, чтобы они посѣщали латинскую церковь, носили латинскую одежду, жили какъ латиняне, привѣтствовали бы папу, кардиналовъ и прочихъ вельможъ, снимая шляпы, при посѣщеніи кардиналовъ или другихъ подобныхъ имъ сановниковъ преклоняли бы предъ ними колѣни и оставались въ такомъ положеніи до разрѣшенія встать. Виссаріонъ указываетъ, что воля Ѳомы Палеолога была, чтобы его дѣтей воспитали въ лонѣ латинской церкви. Требуя отъ наставника, чтобы онъ внушалъ воспитанникамъ своимъ духъ покорности, Виссаріонъ совѣтуетъ напоминать имъ, дабы они не гордились своимъ происхожденіемъ, но помнили бы, что они изгнанники, сироты, нищіе (*ὀλολιῶχοι*), безъ благодѣянія другихъ не имѣющіе возможности существовать, и что они, если не будутъ добродѣтельны, благоразумны и скромны, впадутъ въ безславіе. Говоря о воспитаніи, Виссаріонъ подчеркиваетъ необходимость для дѣтей Ѳомы изучать науки: они должны заниматься науками и не брезгать ими на томъ основаніи, что они принцы, потому что знатность безъ добродѣтели не имѣетъ цѣны даже при условіи обладанія обширными странами и богатствомъ. Виссаріонъ обѣщаетъ, въ случаѣ соблюденія принцами его наставленій, выдачу имъ пенсіи, всеобщій почетъ и свое содѣйствіе, въ противномъ же случаѣ грозитъ оставить ихъ безъ всякой помощи и предсказываетъ имъ безславіе ¹⁾).

Чему училъ Зою и братьевъ ея учитель грекъ, опредѣлить, за неимѣніемъ данныхъ, нельзя. Неизвѣстно, ознакомилась ли Зоя въ Римѣ съ исторіей Византіи. Если горькая дѣйствительность, окружавшая дѣтей Ѳомы, побуждала учителя грека обращать взоры своихъ учениковъ къ славному прошлому Византіи, врядъ ли дѣйствительность эта располагала Зою къ развитію въ себѣ какихъ-либо гордыхъ помысловъ. Воспитательная программа, продиктованная кардиналомъ Виссаріономъ наставнику дѣтей Ѳомы, ставитъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 991—996. Содержаніе этого письма въ книгѣ о. Пирлинга: „Россія и Востокъ“, стр. 11.

на первомъ планѣ развитіе въ принцахъ и ихъ сестрѣ духа смиренія и сознанія необходимости быть латинянами. Зоѣ и братьямъ ея должно было внушать, что они нищіе, изгнанники, что они должны посѣщать латинскую церковь, молиться, какъ латиняне, подражать ихъ нравамъ, носить латинскую одежду, т. е. олатиниться. Не было ли плодомъ такой воспитательной системы поведеніе Андрея, старшаго брата Зои ¹⁾, недорого продававшего свои наслѣдственные права на византійскую имперію? Не отъ такого ли обезличенія бѣжалъ другой сынъ Θомы — Мануилъ къ турецкому султану и предпочелъ потурчиться, чѣмъ олатиниться? О. Пирлингъ относительно Андрея и Мануила замѣчаетъ, что ни тотъ, ни другой не оправдали надеждъ кардинала Виссаріона, желавшаго, „чтобы юные принцы достойно носили свое славное имя“ ²⁾. Не виновенъ ли въ этомъ и самъ Виссаріонъ?

Круглая сирота, безъ средствъ къ существованію, кромѣ щедротъ папы, Зоѣ не была выгодной невѣстой въ глазахъ Запада. Венеціанская сенъорія, на просьбу кипрскаго короля Якова II указать ему выгодную невѣсту, въ 1466 г. обратила его взоры на племянницу послѣдняго византійскаго императора, но Яковъ II не послѣдовалъ тогда указаніямъ сенъоріи. О. Пирлингъ отмѣчаетъ, что всѣ выгоды брачнаго союза съ Софьей сводились къ блеску ея имени и славѣ ея предковъ—плохому оплоту противъ оттоманскихъ кораблей, крейсировавшихъ въ Средиземномъ морѣ и грозившихъ Якову II ³⁾. Другое сватовство было болѣе удачно. Франдзи рассказываетъ, что около 1467 года папа предложилъ чрезъ Виссаріона Андрею и Мануилу выдать сестру ихъ замужъ за князя Парачіоло, богатаго и знатнаго. По соглашеніи сторонъ „священнодѣйствіе обрученія, по словамъ Франдзи, совершено было верховнымъ архіереемъ“ ⁴⁾. Франдзи говоритъ, что и онъ, въ числѣ слугъ невѣсты, былъ щедро одаренъ женихомъ. Объ этомъ обрученіи Франдзи по-

¹⁾ Андрею отецъ передалъ санъ деспота. *Patr. Curs. Compl.*, ser. gr., т. 156, стр. 997.

²⁾ Россія и Востокъ, стр. 167.

³⁾ Тамъ же, стр. 16.

⁴⁾ Ἡ τῶν μνηστρῶν ἱερολογία ὑπὸ τοῦ ἀχρῶ ἀρχιερέως διετελέσθη. *Patr. Curs. Compl.* т. 156, стр. 998.

вѣствуетъ, какъ очевидецъ событія ¹⁾. О. Пирлингъ замѣчаетъ, что заподозрѣть извѣстіе Франдзи нѣтъ никакихъ основаній, и на вопросъ, обрученіе Софьи съ княземъ Парачіоло имѣло ли своимъ послѣдствіемъ дѣйствительный бракъ, отвѣчаетъ указаніемъ на молчаніе источниковъ относительно этого ²⁾. Проф. Успенскій высказываетъ мнѣніе, что Зоя была въ замужествѣ за Парачіоло ³⁾. Съ такимъ мнѣніемъ проф. Успенскаго врядь ли можно согласиться, потому что источники не даютъ на то права: Франдзи говоритъ объ обрученіи Софьи съ Парачіоло, но не о бракосочетаніи ⁴⁾. Въ 1472 г. видимъ Зою невѣстою московскаго государя. Проектъ этого брачнаго союза, одобренный Іоанномъ III, составленъ былъ въ странѣ, на которую Зоя должна была смотрѣть какъ на свою родину ⁵⁾.

Таково, въ общихъ чертахъ, *scurriculum vitae* Зои до отъѣзда ея въ Москву. Здѣсь ее встрѣчаемъ подъ именемъ Софьи. ⁶⁾

Если въ Римѣ проектъ брака византійской царевны съ московскимъ государемъ созданъ былъ въ надеждѣ приобрѣсти въ супругѣ царевны новаго союзника для борьбы съ турками и, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ новаго члена католической церкви, возможно ли предположить, что московскій государь, принимая предлагаемую ему руку византійской царевны, думалъ извлечь изъ этого брачнаго союза какую-либо практическую выгоду, думалъ этимъ бракомъ возвысить свое достоинство? Щербатовъ и Карамзинъ полагали несомнѣннымъ, что Іоанъ III имѣлъ такія мысли. Мысли эти, если только онѣ дѣйствительно были у Іоанна III, ни въ чемъ имъ не были проявлены. О. Пирлингъ полагаетъ, что проектъ брака Іоанна III съ византійской царевной вызвалъ въ русскихъ скорѣ чув-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ „Россія и Востокъ“ стр. 17—18.

³⁾ „Какъ возникъ и развивался въ Россіи Вост. Вопросъ“, стр. 28.

⁴⁾ Μνήστρα, τὰ, обрученіе, см. Goar's Εὐχολόγιον, Lutet. Parisiorum, an. 1647, стр. 380.

⁵⁾ О. Пирлингъ, „Россія и Востокъ“, стр. 20 и слѣд.

⁶⁾ Софья названа Зинаидою во второй Софійской лѣтописи въ рассказѣ о послышѣ за нею въ Римъ Іоанномъ III (П. С. Р. Л. VI, 196). Не было ли извѣстно лѣтописцу, что Софья носила другое имя, и не назвалъ ли ее лѣтописецъ ошибочно Зинаидою вмѣсто Зои?

ство удовлетворенія, чѣмъ удивленія, потому что такой брачный союзъ не былъ первымъ въ лѣтописяхъ русской земли: на византійской царевнѣ былъ женатъ Владиміръ Св.; императоръ Іоаннъ VIII, дядя Зои, женатъ былъ на русской ¹⁾. Такое мнѣніе оправдывается отношеніемъ къ этому браку какъ самого Іоанна III, такъ и преемниковъ его: ни онъ, ни они никакой выгоды изъ этого брака не извлекли, въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ не указывали на этотъ брачный союзъ. Если бывала надобность указать на брачные союзы, возвысившіе родъ московскихъ государей, о Софьѣ не упоминали, будто отъ брака съ нею Іоанна III не было вынесено даже чувство удовлетворенія. Самъ Іоаннъ III, отправляя въ 1489 г. къ „цесарю“ и его сыну посла своего Юрія Грека и двухъ къ нему товарищей русскихъ, наказалъ имъ, въ случаѣ если отъ имени „цесаря“ послѣдуетъ предложеніе выдать его дочь за племянника „цесаря“, отвергнуть такое предложеніе, какъ не соотвѣтствующее достоинству московскаго государя, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „во всѣхъ земляхъ то вѣдомо, а надѣмся, что и вамъ вѣдомо, что Государь нашъ, Великій Государь уроженный изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними Римскими Цари, которые Римъ отдали Папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его, Государь нашъ, и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя до Ивана Палеолога Римскаго Царя; ино такому Великому Государю какъ давати своя дочи за того Маркербія ²⁾“. Почему Іоаннъ III вспомнилъ, что дѣдъ его, великій князь Василій Дмитріевичъ, выдалъ дочь свою Анну за византійскаго царевича Іоанна Палеолога, сына императора Мануила II Палеолога, и указалъ „цесарю“ на этотъ бракъ, какъ на такой брачный союзъ, который соотвѣтствовалъ достоинству московскаго великаго князя, но не упомянулъ о собственномъ брачномъ союзѣ съ византійской царевной? Іоанну III умѣстно было поставить на видъ „цесарю“, что и самъ онъ былъ женатъ на

¹⁾ Назв. гр., стр. 27.

²⁾ Маркграфа, племянника императора. „Пам. дипл. си. др. Россіи“, I, 17.

византійской царевнѣ, и что поэтому для дочери его маркграфъ былъ не подходящимъ женихомъ ¹⁾).

Вліянію Софьи Палеологъ приписываютъ появленіе обрядовъ при московскомъ дворѣ, устройство пышныхъ великокняжескихъ палатъ, появленіе новыхъ придворныхъ чиновъ. Но и предполагая вліяніе Софьи въ появленіи всѣхъ этихъ новшествъ при московскомъ дворѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сношенія независимаго послѣ 1480 г. московскаго государя съ иноземными государствами требовали просторнаго помѣщенія для пріемовъ иноземныхъ пословъ съ ихъ свитами, что для пріемовъ этихъ требовалась обстановка, соотвѣтствовавшая достоинству государя, которая могла внушить иноземнымъ посламъ представление о могуществѣ его. Въ этомъ можно видѣть причину устройства палаты, въ которой принимались иноземные послы, причину образованія особаго порядка, который соблюдался при пріемѣ ихъ; отсюда необходимость имѣть людей, знакомыхъ съ этимъ порядкомъ, которые вводили бы иноземныхъ пословъ къ своему государю и служили бы ему при пріемѣ ихъ.

Еще кн. Щербатовъ отмѣтилъ учрежденіе Іоанномъ III „великаго числа придворныхъ чиновъ, яко въ 1495 г. вдругъ обрѣтаемъ въ спискахъ прежде небывалые чины казначея, постельничего и ясылничего, а въ 1496 г. еще прибавился чинъ конюшого“. Появленіе этихъ новыхъ чиновъ Щербатовъ объясняетъ тѣмъ, что Іоаннъ III „былъ великолѣпенъ въ своемъ дворѣ“ ²⁾. Карамзинъ, приписывая грекамъ Софьи Палеологъ появленіе пышныхъ византійскихъ обрядовъ при дворѣ московскомъ, возникновеніе новыхъ чиновъ при этомъ дворѣ во время Іоанна III ставитъ въ связь съ усиленіемъ власти государя по отношенію къ подданнымъ: „князья племени Рюрика и Св. Владиміра служили ему на равнѣ съ другими подданными и славились титуломъ Боярь, Дворецкихъ, Окольниковъ, когда знаменитою, долговременною службою приобрѣтали

¹⁾ О выдачѣ замужъ вел. кн. Василюмъ I дочери своей Анны за Іоанна Палеолога см. П. С. Р. Л. VI, 139, годъ 6919 и Muralt „Essai de chronographie byzantine“ (1057—1453), стр. 793. Въ 1489 г. Софья не была подъ опалю своего супруга, опала эта постигла ее позже—въ 1498 г. (П. С. Р. Л. VIII, 234).

²⁾ „Исторія Россійская“, т. IV, ч. II, стр. 366.

оное. Василий Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго; Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго¹⁾.

Приписывая вліянію Софьи появленіе пышности и обрядовъ при дворѣ Іоанна III, естественно было этому же вліянію приписать появленіе новыхъ чиновъ, что, какъ мы видѣли, нѣкоторые изслѣдователи послѣ Карамзина и дѣлали. Но такое заключеніе нуждается въ доказательствахъ. Проф. Сергѣевичъ, говоря о чинахъ московскаго двора, замѣтилъ, что давно и не одинъ разъ указывалось на то, что развитіе пышности двора вел. кн. Іоанна III стоитъ въ связи съ его бракомъ на греческой царевнѣ; но „насколько новые московскіе придворные чины отразили на себѣ вліяніе византійскихъ образцовъ, это и по сіе время далеко еще не выяснено“²⁾.

При дворѣ Іоанна III появились, если судить по „Списку старинныхъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ“, принадлежавшему М. П. Шереметевой, слѣдующіе чины: казначея, постельничаго, ясельничаго, учрежденные въ 1495 г., и конюшаго, учрежденный въ 1496 г.³⁾. Врядъ ли для учрежденія этихъ четырехъ чиновъ при дворѣ Іоанна III понадобилось вліяніе Софьи, которая, допустимъ, знала византійскую табель о рангахъ.

Чтобы судить, на сколько можно видѣть въ новыхъ московскихъ чинахъ, появившихся при дворѣ Іоанна III, отраженіе византійской таблицы о рангахъ, просмотримъ эту табель въ изложеніи

¹⁾ „И. Г. Р.“, изд. Эйнерлинга, т. VI, стр. 214.

²⁾ „Рус. юрид. древности“, т. I, стр. 460, прим.

³⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ Новикова, т. XX, стр. 8, изд. 2; тоже въ „Опытъ тр. Вольн. Рос. Собр. при Моск. Ун.“, ч. I, стр. 224 и слѣд. При дворѣ Василия III появились новыя чины: крайчій, оруженничій и ловчій. („Др. Р. В.“, стр. 14, 15 и 17). О чинахъ, появившихся при дворѣ Іоанна III, см. „Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи“ (тамъ же, стр. 174, 177, 204 и 276) и въ изслѣдованіи „О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи“ и т. д. М., 1784 г., стр. 38, 41 и 48. О казначеѣ, постельничемъ, конюшемъ и ясельничемъ у Котошихина, стр. 31, 80 и 90—91, изд. 3.

Кодина. Она содержитъ въ себѣ названія болѣе семидесяти чиновъ византійскаго двора; нѣкоторые изъ этихъ чиновъ во времени Кодина не несли никакихъ обязанностей ¹⁾).

Первыми чинами по византійской табели о рангахъ были деспотъ, севастократоръ и кесарь, которые не исполняли какой либо опредѣленной должности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они назначались для начальствованія надъ другими. За тремя выше упомянутыми чинами слѣдовали великій доместикъ и протовестиарій; изъ нихъ первый былъ начальникомъ сухопутныхъ военныхъ силъ ²⁾, второй—подавалъ императору вѣнецъ ³⁾, онъ же носилъ пилатикіи ⁴⁾).

Паниперсевастъ не занималъ никакой должности.

Великій дуксъ начальствовалъ надъ флотомъ и имѣлъ подъ своею властью великаго друнгарія флота, амиралія, протокомита, друнгаріевъ и комитовъ.

Протостраторъ, въ случаѣ отсутствія великаго доместика, носилъ императорскій мечъ и проводилъ за узду коня, послѣ того какъ на него сѣдетъ императоръ, до четвертой или пятой части дворцоваго двора; подводилъ императору коня комитъ императорской конюшни, обязанностью котораго было проѣзжать предназначенныхъ для императора коней; около времени пасхи комитъ императорской конюшни получалъ въ свою пользу императорскія сѣдла и уздечки, которыя ежегодно замѣнялись новыми.

Великій логоветъ вѣдалъ сношенія съ иностранными государями.

Обязанность доместикія заключалась въ наблюденіи за исполненіемъ приказаній императора.

Великій стратопедархъ заботился о доставленіи войску съѣстныхъ припасовъ.

Великій примикирій подавалъ императору и принималъ отъ него скипетръ; этотъ чинъ занималъ должность начальника императорской свиты.

¹⁾ De offic., cap. II et V, ed. Bon.

²⁾ Тамъ же, стр. 83.

³⁾ Тамъ же, стр. 49.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 49, 51, 52; пилатикіи — нѣчто въ родѣ императорскаго штандарта (тамъ же, Comment, стр. 289).

Великій контеставль былъ начальникомъ находившихся на жаловань франковъ.

Протосевасть не занималъ никакой должности.

Пинкертъ исполнялъ обязанность чашника императора: подавалъ ему за столомъ чашу съ питьемъ ¹⁾.

Куроналата не занималъ никакой должности.

Паракимомень печати исполнялъ должность печатника: запечатывалъ письма императора воскомъ; онъ также, если протостраторъ отсутствовалъ, носилъ императорскій мечъ.

Паракимомень китона — покровъ царя — былъ начальникомъ служившихъ въ этихъ покаяхъ.

Должность логовета геника неизвестна, говоритъ Кординъ.

Протовестіарить служилъ по церемоніймейстерской части.

Доместикъ стола служилъ императору за столомъ вмѣстѣ со стольникомъ (*ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης* — стольникъ).

Великій папія не занималъ никакой должности.

Слѣдующій чинъ въ іерархической дѣстницѣ — спархъ — также не занималъ должности.

Великій друнгарій виглы былъ военноподначальникъ, заведывавшій сторожевою службою.

Великій этеріархъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Логоветъ дрома не занималъ никакой должности.

Протоаскритъ былъ первымъ судіею ²⁾.

Ὁ ἐπὶ τῶν στρατῶν долженъ былъ находить мѣста для лагерной стоянки войска.

Служба мистика, говоритъ Кординъ, понятна по самому названію должности его ³⁾.

Доместикъ школъ не занималъ никакой должности.

Великій друнгарій флота находился въ такомъ отношеніи къ великому дуксу, въ какомъ великій друнгарій виглы къ великому доместіеу.

Примикирій двора служилъ по церемоніймейстерской части.

Протоспаварій не занималъ должности.

¹⁾ De offic., стр. 55, 58; Comment. стр. 184.

²⁾ Comment. стр. 142.

³⁾ Mysticus est senator secretioris consilii (Comment. 264).

За нимъ слѣдовали въ табели ранговъ великій архонтъ и тата двора, также должности не имѣвшіе.

Великіе цаусіи подвѣдомственны были великому примикирію; ихъ обязанность заключалась въ назначеніи мѣстъ для императорской свиты.

Преторъ народа не занималъ должности, подобно слѣдующимъ за нимъ въ іерархической лѣстницѣ логоѳету личнаго имуществва императора и логаріасту двора.

Протокинигъ обязанностью своею имѣлъ держать стремя, когда императоръ садился на коня; протокинигъ же завѣдывалъ императорской псовой охотой.

Скутерій носилъ за императоромъ знамя и щитъ его.

Амиралій находился подъ властью великаго дукса и начальствовалъ надъ всѣмъ флотомъ.

Ο ἐπὶ τῶν δεύσεων принималъ прошенія, которыя подавались императору во время выѣздовъ его.

Квесторъ не занималъ никакой должности.

Великій аднуміастъ долженъ былъ заботиться о снабженіи солдатъ оружіемъ и лошадьми ¹⁾).

Логоѳетъ стратіотика не занималъ никакой должности.

Протоіеракарій завѣдывалъ птичьей охотой.

Логоѳетъ стадъ ²⁾ не занималъ никакой должности.

Великій драгоманъ начальствовалъ надъ переводчиками.

Аколуѳъ—начальникъ Варяговъ—слѣдовалъ за императоромъ впереди ихъ.

Судья войсковой долженъ былъ разбирать тяжбы солдатъ.

Архонтъ почты числился, во времена Кодина, въ свитѣ императора ³⁾).

Проталлагаторъ по своей должности слѣдовалъ за свитой императора и находился въ распоряженіи примикирія.

Великій діикитъ не занималъ никакой должности, какъ и слѣдующій за нимъ чинъ—орфанотрофъ.

Протонотарій былъ первый изъ нотаріевъ или секретарей.

¹⁾ Тамъ же, стр. 85; Comment., стр. 198.

²⁾ См. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, pag. 324.

³⁾ Comment. стр. 200.

‘Ο ἐπὶ τῶν ἀγαυήσεων не занималъ никакой должности, нѣкогда же онъ записывалъ отличившихся и докладывалъ о нихъ императору.

Доместикъ стѣнъ завѣдывалъ ремонтомъ укрѣплений.

Предсѣдатель императорскаго китона (покоевъ) начальствовалъ надъ китонаріями (ближайшими къ царю служителями) и былъ подчиненъ паракимомену китона.

Предсѣдатель вестіарія находился подъ начальствомъ протовестіарита и вѣдалъ доходы и расходы императора.

Вестіарій несъ морскую службу; когда императоръ предпринималъ морской походъ, вестіарій начальствовалъ надъ кораблемъ, везшимъ царскій гардеробъ.

Этеріархъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Логаріастъ двора былъ казначеемъ наемныхъ войскъ.

Стратопедархъ воиновъ, имѣвшихъ по одной лошади, начальствовалъ надъ этими воинами.

Стратопедархъ канграторовъ завѣдывалъ ими точно такъ, какъ муртатами ихъ стратопедархъ ¹⁾).

Стратопедархъ цаконровъ вѣдалъ стражей въ укрѣпленіяхъ, которые назывались цаконами.

Предсѣдатель дворцовъ завѣдывалъ ими.

Предсѣдатель Влахернскаго дворца имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи этотъ дворецъ.

Доместикъ восточныхъ оемъ, какъ и доместикъ западныхъ оемъ, вѣдалъ государственныя дѣла своихъ оемъ.

Служба великаго миртаита неизвѣстна была Козину.

Протокомить служилъ во флотѣ; онъ былъ первый изъ комитовъ въ императорскомъ флотѣ.

Друнгарій также служилъ во флотѣ; друнга—извѣстное число воиновъ, которыми командовалъ друнгарій.

Врядъ ли для объясненія появленія при дворѣ Іоанна III чиновъ: ²⁾ казначея, постельничаго, ясельничаго и конюшаго необходимо имѣть въ виду византійское вліяніе ²⁾).

¹⁾ Τξάρχα — arcus balistarius, balearis (Du-Cange, Glos. Graecitatis).

²⁾ Конюшіе и казначей известны были на Руси ранѣе времени Іоанна III (Проф. Сергѣевичъ „Русск. Юридич. Древн.“ I, 403, 416). Въ „Проектѣ устава о

Говоря о влиянии Софьи Палеологъ на Іоанна III, слѣдуетъ имѣть въ виду характеръ супруга ея и политику его до брака съ нею. Соловьевъ, подводя итоги государственной дѣятельности Іоанна III, пришелъ къ заключенію, что нельзя ее рѣзко отличать отъ дѣятельности предковъ его, что только въ XVIII в., при первыхъ попыткахъ обработки отечественной исторіи, можно образоваться мнѣніе, что Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ татарское иго ¹⁾. По мнѣнію Соловьева, обширная дѣятельность Іоанна III является слѣдствіемъ дѣятельности предшественниковъ его. Съ такимъ мнѣніемъ Соловьева нельзя не согласиться. Какъ сверженіе татарскаго ига, такъ и присоединеніе удѣловъ Іоанномъ III къ Москвѣ врядъ ли можно приписать влиянію Софьи. Соловьевъ, говоря въ своей магистерской диссертациіи объ отношеніяхъ Іоанна III къ Новгороду, задается вопросомъ, почему Іоаннъ III не сказалъ въ 1471 г. того, что объявилъ новгородцамъ въ 1477 г.: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ“. Указавъ, что Софьи Палеологъ еще не было въ 1471 году въ Москвѣ, что Софьѣ современники приписывали внушеніе Іоанну III важнѣйшихъ замысловъ, и что вслѣдствіе этого можетъ казаться, будто Іоаннъ III не былъ способенъ возвыситься до мысли покорить себѣ Новгородъ, Соловьевъ говоритъ, что подобное предположеніе можетъ показаться основательнымъ только съ перваго взгляда. Іоаннъ III дѣйствовалъ медленно, потому что медленность обѣщала одніѣ выгоды ²⁾.

Такую же медленность и такую же осторожность обнаружилъ Іоаннъ III и въ другомъ крушномъ его дѣлѣ—сверженіи татарскаго ига, потому что медленность эта могла принести только пользу. Въ наказѣ, данномъ Іоанномъ III въ мартѣ мѣсяцѣ 1474 года

служебномъ старшинствѣ бояръ“ и проч., составленномъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ по византійской табели о рангахъ, находимъ изъ чиновъ двора Іоанна III только постельничаго съ поясненіемъ: „греческиѣ *протовестіаріи* сирѣчь первой нашего Царскаго Величества князѣ хранители, понеже имѣютъ въ своемъ храненіи нашего Царскаго Величества одежды и всякіе многоцѣнные вещи, елико нашему Царскому Величеству потребно“... („Архивъ ист.-юридич. свѣд.“, изд. Калачевымъ, кн. I, отд. II, стр. 82).

¹⁾ „Ист. Рос.“ V, 362, изд. 5.

²⁾ „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, стр. 145 и слѣд.

боярину Никитѣ Беклемишеву, отправленному посломъ къ крымскому хану Менгли-Гирею, читаемъ инструкцію, какъ написать договорную грамоту о союзѣ между Іоанномъ III и Менгли-Гиреемъ. Беклемишевъ долженъ былъ убѣждать Менгли-Гирея, чтобы въ договорной грамотѣ „именно о царѣ Ахматѣ не писати“, но написать, что Іоаннъ III и Менгли-Гирей обязуются имѣть общихъ друзей и недруговъ ¹⁾. Оказывая еще покорность Ахмату, Іоаннъ III, за шесть лѣтъ до того времени, когда Софья побуждала его по словамъ Татищева, свергнуть татарское иго, заключилъ направленный противъ Ахмата договоръ съ крымскимъ ханомъ, не называя Ахмата въ этомъ договорѣ изъ опасенія, что договоръ этотъ можетъ быть извѣстенъ въ золотой ордѣ ²⁾. Конечно, возможно и тутъ усмотрѣть вліяніе Софьи, но этому противорѣчитъ прежде всего извѣстіе Татищева, что Іоаннъ III удивился, когда Софья заговорила о сверженіи татарскаго ига, изъ чего видно, что Софья такихъ рѣчей ранѣе не говорила. Далѣе, Софья пріѣхала въ Москву въ ноябрѣ 1472 г. ³⁾, бояринъ же Беклемишевъ, отправленный въ мартѣ 1474 г. къ крымскому хану, говорилъ о договорѣ съ нимъ московскаго государя на основаніи предложенія, сдѣланнаго ранѣе Іоанну III крымскимъ посломъ Ази-Бабою отъ имени Менгли-Гирея ⁴⁾. Такое предложеніе союза со стороны Менгли-Гирея вытекало изъ предшествовавшихъ дружественныхъ сношеній между нимъ и Іоанномъ III, которыя врядъ ли можно отнести на долю вліянія Софьи, около того времени только пріѣхавшей въ Москву и потому не знакомой съ политическими дѣлами настолько, чтобы оказывать вліяніе на характеръ отношеній своего супруга къ крымскому хану. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что Іоаннъ III смотрѣлъ на крымскаго хана, какъ на союзника въ борьбѣ своей съ литовскимъ великимъ княземъ ⁵⁾. Эта борьба, цѣлью своею имѣвшая присоединеніе къ Москвѣ юго-западныхъ русскихъ областей, должна была отвлечь Іоанна III отъ мысли овладѣть Константинополемъ, которую, полагають, Софья внушила супругу сво-

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 3.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 176.

⁴⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 1—2.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 3.

ему, а потому, съ ея точки зрѣнія, союзъ Іоанна III съ крымскимъ ханомъ, хотя бы и направленный противъ Ахмата, не могъ быть желателенъ, тѣмъ болѣе, что крымскій ханъ былъ вассаломъ турецкаго султана. Такой союзъ могъ привести Іоанна III, и привелъ дѣйствительно, къ дружественнымъ сношеніямъ съ турецкимъ султаномъ. Такимъ образомъ договоръ Іоанна III съ Менгли-Гиреемъ, направленный противъ Ахмата, свидѣтельствуешь, что Іоаннъ III подготовилъ сверженіе татарскаго ига, избравъ союзникомъ для этого крымскаго хана, дѣйствуя и въ этомъ дѣлѣ медленно и осторожно.

Іоаннъ III является крупнымъ собирателемъ удѣловъ сѣверо-восточной Руси. Въ этомъ отношеніи онъ былъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ и дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, убѣжденный примѣрами изъ русской исторіи, что въ политическомъ раздробленіи земли заключается слабость ея. Соловьевъ приводитъ извѣстіе, что Іоаннъ III сказалъ митрополиту, просившему объ освобожденіи брата его, князя Андрея: „жалъ мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло; потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутить дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложить, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ“¹⁾. Эту же мысль о вредѣ политическаго раздробленія Іоаннъ III высказалъ и при другихъ обстоятельствахъ. Отправляя въ 1496 г. посла къ зятю своему Александру, великому князю литовскому, Іоаннъ III наказалъ послу передать наединѣ великой княгинѣ, дочери своей, слѣдующее: „...еси говорила..., что князь велики (Александръ) да

¹⁾ „Ист. Рос.“ V, 64, изд. 5. Соловьевъ цитируетъ это извѣстіе: „Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ III, № 4“. Дополняемъ его цитату: въ этой книгѣ „Чтеній“ напечатана пятая книга „Исторія“ Татищева, и въ ней подъ 1488 г., на стр. 93, находимъ выписанное Соловьевымъ извѣстіе.

и панове думаютъ, а хотятъ Жыдимонту дать въ Литовскомъ въ великомъ княжствѣ Киевѣ, да и иные города. Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроење въ Литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей землѣ слыхала еси, каково было нестроење при моемъ отцѣ; а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь; и толко Жыдимонтъ будетъ въ Литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?¹⁾ Такъ, по словамъ самого Іоанна III, исторія земли русской и Литвы привела его къ сознанію, что политическое раздробленіе пагубно для государства. Однако, такой взглядъ на раздробленіе государства между нѣсколькими владѣтелями не помѣшалъ Іоанну III оставить удѣлы своимъ младшимъ сыновьямъ²⁾. Не принесла, повидимому, и Софья своему супругу мысли о недѣлимости государства.

Всматриваясь въ памятники, обрисовывающіе личность Іоанна III, нельзя не замѣтить, что этотъ государь былъ выдающимся политикомъ, что его крупныя политическія дѣла не представляются только слѣдствіемъ вліянія на него Софьи; поэтому слѣдуетъ осторожно относиться къ показаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ и близкимъ къ нимъ по времени свидѣтельствамъ, широко, но не всегда опредѣленно рисуящимъ сферу вліянія Софьи на ея супруга. Въ противномъ случаѣ силуэтъ Софьи затемнитъ обликъ наиболѣе выдающагося политика изъ племени Калиты.

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 224.

²⁾ С. Г. Г. и Д. ч. I, № 144.

Глава II.

Первый императоръ въ Константинополѣ, Константинъ Великій, имѣлъ всю полноту власти предшественниковъ своихъ, римскихъ императоровъ. Перенесеніе столицы имперіи изъ Рима въ Константинополь само по себѣ могло не отразиться на идеѣ власти римскаго императора, но идея этой власти должна была измѣниться по другой причинѣ. Принявъ христіанство, Константинъ Великій и его ближайшіе преемники сохраняли еще званіе языческихъ императоровъ: Pontifex maximus, но христіане не могли видѣть въ императорѣ верховнаго первосвященника, и императоръ, какъ христіанинъ, долженъ былъ отказаться отъ того положенія въ христіанской церкви, какое онъ занималъ въ язычествѣ какъ глава языческаго культа ¹⁾.

Въ какія отношенія къ церкви сталъ восточный римскій императоръ, раскрываетъ исторія Византіи.

Отношенія эти неодинаково понимаются русскими и западно-европейскими изслѣдователями исторіи греко-восточной церкви. Точка зрѣнія послѣднихъ на эти отношенія та, что византійскіе императоры, подобно предшественникамъ своимъ языческимъ императорамъ, продолжали быть царями и первосвященниками. Иначе смотрять русскіе изслѣдователи.

Проф. Кургановъ въ своемъ трудѣ, посвященномъ обзору отношеній между церковною и гражданскою властью въ Византіи въ періодъ времени съ 325 г. по 565 г., указываетъ, что „въ византійскомъ законодательствѣ, начиная съ Константина В.

¹⁾ Отъ званія Pontifex maximus императоры стали отказываться со времени Граціана, съ 382 г. (Кургановъ: „Отношеніе между церковн. и гражданск. властію въ Византійской имперіи“, 35; Gavaudet: „De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance“, 31, Paris, an. 1879).

и кончая послѣдними императорами изъ фамилии Палеологовъ, приняты и развиты три главныхъ положенія, опредѣляющія отношенія государства къ церкви: а) признаніе двухъ властей: духовной и свѣтской и ихъ равноправное положеніе въ государствѣ; б) ихъ взаимное согласіе въ области дѣйствования на подданныхъ, и с) признаніе за церковными канонами, а тѣмъ болѣе догматами, не только равнозначущей силы съ государственными законами, но и превосходства предъ ними, въ случаѣ враждебнаго столкновения между государствомъ и церковію¹⁾. Изложенная теорія отношеній между государствомъ и церковію, говоритъ проф. Кургановъ, въ общемъ видѣ соблюдавшаяся въ Византіи, хотя были и нарушенія ея, осуждалась и осуждается западными европейцами, какъ католиками, такъ и протестантами, по мнѣнію которыхъ восточная церковь вполнѣ подчинялась гражданской власти и признала это подчиненіе законнымъ и нормальнымъ²⁾.

Проф. А. Лебедевъ называетъ представленія западныхъ европейскихъ писателей объ отношеніяхъ между государствомъ и церковію въ Византіи частью справедливыми, частью несправедливыми. Мнѣнія, что византійскіе императоры были царями и вмѣстѣ первосвященниками, несправедливы, говоритъ проф. Лебедевъ, если „видѣть въ подобныхъ отношеніяхъ (между государствомъ и церковію) какую-то систему, будто-бы принятую и утвердившуюся, какъ законъ, въ Византійской имперіи; но они справедливы, если съ этими представленіями соединяется лишь мысль о томъ, что въ Византіи нормальныя отношенія государства къ церкви весьма часто переходили въ ненормальныя, что здѣсь императоры въ религіозныхъ дѣлахъ брали на себя болѣе, чѣмъ сколько того требовали благо церкви и польза ея, и что забывалось истинное понятіе объ императорѣ, какъ членѣ церкви, подчиненномъ толосу пастырей въ вопросахъ религіи“³⁾.

Проф. М. А. Остроумовъ указываетъ, что идея симфоніи или согласія между императорскою властью и церковною, выраженная

¹⁾ Назв. гр., 90.

²⁾ Тамъ же, стр. 91, 93 и слѣд.

³⁾ „Очерки исторіи Виз.-вост. церкви отъ конца XI в. до пол. XV в.“, стр. 209—210.

Юстиніаномъ въ одной изъ его новеллъ, высказывалась многократно различными византійскими императорами въ ихъ новеллахъ, такъ что идея эта можетъ быть рассматриваема, какъ господствующая догма права; тѣ же случаи, когда императоры Византіи фактически являлись главою церкви, представляются нарушеніями этой идеи ¹⁾.

Причина несогласія во взглядахъ на отношенія императорской власти къ церкви въ Византіи между русскими и западными европейскими учеными ясна: ненормальное, по мнѣнію первыхъ, рассматривается вторыми, какъ нѣчто законное ²⁾.

Мы рассмотримъ тѣ случаи, когда императоры византійскіе усвоили себѣ, и имъ усвоилось, такое положеніе въ церкви, какого московскіе государи никогда не занимали.

Биографъ Константина В. Евсевій, характеризуя его отношеніе къ церкви, говоритъ, что „онъ, въ случаѣ взаимнаго несогласія епископовъ въ различныхъ областяхъ, дѣйствовалъ, какъ общій, поставленный отъ Бога епископъ“...³⁾. По словамъ Евсевія, однажды и Константинъ В. назвалъ себя епископомъ съ слѣдующею оговоркою: „только вы — епископы внутреннихъ дѣлъ Церкви, а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога епископомъ дѣлъ внѣшнихъ“ ⁴⁾.

¹⁾ „Введеніе въ прав. церк. право“, I, стр. 460.

²⁾ Проф. Лебедевъ и Остроумовъ указываютъ случаи изъ отношеній въ Византіи власти гражданской къ церкви, когда императоры себѣ усвоили, и за ними признавали нѣкоторые міряне и духовныя лица, такую власть въ дѣлахъ церковныхъ, что получалось представленіе объ императорѣ, родственное, по выраженію проф. Остроумова, съ языческимъ представленіемъ о великомъ первосвященникѣ-императорѣ (назв. тр. А. П. Лебедева, стр. 210 и М. А. Остроумова, стр. 461. Такія представленія объ императорѣ византійскомъ изложены и въ „Куроеъ церк. права“ проф. Суворова, стр. 62). Воззрѣнія византійскихъ канонистовъ и самой церковной власти на императоровъ, какъ на лицъ, имѣющихъ право широкаго участія въ дѣлахъ церкви, указаны проф. Кургановымъ (назв. тр., стр. 84 и его же рѣчь: „Визант. идеалъ царя и царства“ и т. д. „Прав. Соб.“ 1881 г. июль — августъ, стр. 279). Отношеніямъ власти царской къ патріаршей въ Византіи посвящена часть VIII гл. изслѣдованія пр.-доц. Грибовскаго: „Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ“ (стр. 341 и слѣд.).

³⁾ „Сочин. Евсевія Памфила“, рус. пер., стр. 90.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 246. Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій рассказъ въ похвальномъ словѣ равноапостольнымъ Константиномъ и Еленѣ Евѣмїи, патріарха Терновскаго: „нѣкогдаже на обѣдѣ епископы призвавъ (рѣчь идетъ о

Называя себя епископомъ, Константинъ В. вѣдѣнію своему опредѣлялъ „дѣла виѣшнія“, преемниковъ же его епископы называли архіереями и іереями безъ опредѣленія сферы ихъ архіерейства или іерейства. Отцы Халкидонскаго (Вселенскаго четвертаго) собора провозгласили императору многолѣтіе, какъ архіерею: *Πολλὰ τὰ ἔτη... τῷ ἀρχιερεὶ βασιλεῖ* ¹⁾, какъ іерею: *Παλλὰ τὰ ἔτη... τῷ ἱερεὶ, τῷ βασιλεῖ* ²⁾, называли его учителемъ вѣры: *Τὸς ἐκκλησίας σὺ ὀρθώσας, νικητὰ πολεμίων, διδάσκαλε πίστεως* ³⁾. Императоръ, провозглашаемый архіереемъ и іереемъ, назывался стражемъ православія, какъ вмѣстѣ съ отцами собора охранявшій чистоту вѣры. Отцы того же Халкидонскаго собора называли императоровъ стражами вѣры: *Φύλακες πίστεως* ⁴⁾ и такимъ же названіемъ почтили императрицу: *Τὴν φύλακα τῆς πίστεως ὁ Θεὸς φυλάξει* ⁵⁾. Стражемъ православія называли императора отцы VI Вселенскаго собора: *Τοῦ φύλακος τῆς ὀρθοδοξίας πολλὰ τὰ ἔτη* ⁶⁾. Патріархъ Тарасій въ своей рѣчи (сказанной въ 784 г.) назвалъ императора Константина и импе-

Константинъ В.), сщцевое къ нимъ подвиже слово: благодатию всецѣдраго владыки Бога таковыи сподобихся благодати, яко вся иже прежде мене превзыти царя и богоразоумѣнію сподобитися, якоже никто же инъ, къ симже и вашего благословенія насладитися сподобихся толикихъ отецъ, толикихъ ангелъ, толикихъ Божіихъ слугъ. Но понеже инъ чинъ по ангелехъ Богови приближающъ кромѣ святительскаго нѣсть, посланіе имѣа много сщце: можно бы яко да и азъ Богови себе васъ ради приближу и святительска сподобихся дара. Они же къ нему тихимъ лицемъ и радостною отвѣщаша душою: ты Богомъ поставленъ еси епископъ“. Отрывокъ этотъ изъ житія равноапостольныхъ Константина и Елены, сообщенный мнѣ проф. М. С. Дриновымъ, заимствованъ изъ копій, принадлежащей ему и снятой съ рукописи XVI в. Имп. П. Библ. (Отд. I, № 209, по копіи проф. М. С. Дринова л. 35 об.).

¹⁾ Harduini, Acta Conciliorum II, стр. 159.

²⁾ Тамъ же, стр. 489.

³⁾ Тамъ же. Въ эдиктѣ императоровъ Валентіана и Маркіана, запрещающемъ споры о вѣрѣ предъ народомъ, императоры названы Pontifices inclyti, но въ греч. переводѣ этого эдикта, написаннаго на лат. яз., нѣтъ названія императоровъ, соотвѣтствующаго латинскому Pontifices (тамъ же, стр. 659).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 159.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 488.

⁶⁾ Тамъ же, III, стр. 1164, 1365, 1385.

патрицу Ирину стражами чистой вѣры: *Οἱ τῆς ἀσπιότητος ἡμῶν πίστεως τῶν χριστιανῶν φύλακες* ¹⁾. Въ томъ заключалась дѣятельность императоровъ какъ стражей вѣры, опредѣляють отцы Вселенскихъ соборовъ. Отцы VI Вселенскаго собора провозгласили: *Σῶσον, Κύριε, τὸν βασιλέα ἡμῶν, τὸν μετὰ σε κρατύνοντα τὴν κηρίδα τῆς πίστεως* ²⁾. Отцы того же Вселенскаго собора говорили императору, что Христосъ чрезъ императоровъ даруетъ церквамъ миръ: *Χριστὸς δὲ δι' ὑμῶν ἀγαλᾷ ταῖς ἐκκλησίαις αὐτοῦ τὴν αἰρήνην βραβεύεσθαι* ³⁾. По словамъ отцовъ пятошестого собора Богъ поручилъ церковь императору: *(βασιλεῖ) Τὴν ἐκκλησίαν παρέθετο* ⁴⁾. Отцы седьмого Вселенскаго собора писали императору Константину и императрицѣ Иринѣ: *Suo enim decreto et mandato vos in nomine suo convocavit (Christus Deus), ut dogmatum ecclesiasticorum oracula fixa firmaque conservetis. Etenim quemadmodum caput vestrum aure et lapidibus pretiosis exornatum est: ita et mentes vestrae evangelicis patrum doctrinis sunt excultae. Nam quorum sonus in universum terrarum orbem est egressus cum sitis veluti discipuli et consodales, universique christiani populi duces et principes, ad pietatem veritatis sermonem contulistis et orthodoxae fidei pietatisque figuram descripsistis. Unde fidelibus tamquam faces ardentes relucetis et periclitanti ecclesiae manum porrexistis. Nam et sanas doctrinas conservatis et dissidentium unanimem concordiam gubernatis* ⁵⁾.

Папа Левъ В., въ своихъ посланіяхъ къ іерархамъ церкви и императорамъ, признавалъ за послѣдними священническую ревность, священническій умъ, священническій и апостольскій духъ, священническую святость. Въ посланіи Льва В. къ императору Маркіану читаемъ, что Богъ императору *Praeter regiam coronam etiam sacerdotalem conferat palmam* ⁶⁾; въ другомъ посланіи къ тому же императору папа выражалъ благодарность Богу за то, что

¹⁾ Тамъ же, IV, стр. 24.

²⁾ Тамъ же, III, стр. 1424.

³⁾ Тамъ же, стр. 1417.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 1653.

⁵⁾ Тамъ же, IV, стр. 759.

⁶⁾ Migne, P. C. C., ser. lat., t. 54, стр. 1023.

Онъ: *Υμᾶς ἐν τῇ βασιλείᾳ καθίδουσαν, ἐν αἷς εἰς σωτηρίαν τοῦ παντός κόσμου καὶ ἡ βασιλικὴ θύναμος καὶ ἡ ἱερατικὴ ἀνθεὶ σπουδὴ*¹⁾; въ посланіи же къ императору Маркіану Левъ В. писалъ, что онъ, папа, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ священнослужители утѣшаются *Dum in christianissimo principe sacerdotalem experimur affectum*²⁾; въ другой разъ Левъ В. писалъ Маркіану: *De sacratissimo die Paschae sacerdotali me sollicitudine pietas vestra commovuit*³⁾. Тотъ же папа, въ посланіи къ императрицѣ Пульхеріи, призналъ: *Principibus temporis nostri non solum potentiam regiam, sed etiam sacerdotalem cognoscimus inesse doctrinam*⁴⁾. Въ посланіяхъ Льва В. къ императору Льву читаемъ... *Et per incrementa diligentiae devotionem in vobis animi sacerdotalis experior*⁵⁾; ...*Sacerdotalem namque et apostolicam tuae pietatis animum*...⁶⁾. Патриарху константинопольскому Левъ В. писалъ: ...*Religiosissimum principem dilectio tua studeat frequentare, et non solum regiam, sed et sacerdotalem ipsius mentem, precibus meis obsecrare persiste*...⁷⁾. Въ посланіи того же Льва В. къ одному изъ восточныхъ епископовъ выражается большая радость, вызванная видѣніемъ императора и отвѣтомъ императрицы относительно монашествующихъ: ...*Non ignorans hunc ipsis fervorem fidei divina inspiratione conferri, ut omnibus excellentiam ipsorum non solum regii culminis, sed etiam sacerdotalis esse appareat sanctitatis*...⁸⁾. Египетскимъ епископамъ папа Левъ В. писалъ: ...*Quia et clementia ejus (императора) pro defendendis sanctae Synodi Chalcedonensis decretis sacerdotali fervet affectu*⁹⁾.

Высокаго мнѣнія о власти византійскаго императора въ дѣлахъ церкви были нѣкоторые іерархи. Канонистъ XII в. Вальсамонъ, alexandрійскій патриархъ, въ толкованіи на XVI канонъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 1034.

²⁾ Тамъ же, стр. 1094.

³⁾ Тамъ же, стр. 1111.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 1086.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 1143.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 1131.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 1126.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 1038.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 1124.

собора въ Кареагенѣ, запрещающій лицамъ, которыя занимали церковныя должности, и монахамъ вести мірскія дѣла, указываетъ на мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ, что канонъ этотъ примѣнимъ въ томъ случаѣ, если духовное лицо займется мірскими дѣлами не по приказанію императора, ибо императоръ не подлежитъ ни законамъ, ни канонамъ. Раздѣляя мнѣніе этихъ лицъ, Вальсамонъ признаетъ, что императоръ не обязанъ слѣдовать канонамъ ¹⁾. Полагая, что императоръ не обязанъ слѣдовать канонамъ, Вальсамонъ находитъ, что власть императорская выше патріаршей: „такъ какъ, говоритъ Вальсамонъ, содѣйствіе самодержцевъ простирается на просвѣщеніе и укрѣпленіе какъ души, такъ и тѣла, авторитетъ же патріарховъ ограниченъ исключительно пользою душевною (ибо забота патріарховъ о благосостояніи тѣлесномъ незначительна), равно какъ попеченіе и забота императрицъ по отношенію къ подданнымъ простираются только на тѣлесное благополучіе, ибо женщины лишены всякой способности къ помощи душевной, то свѣтильни императоровъ обвиваются двумя золотыми вѣнцами, а патріарховъ и императрицъ—однимъ бордюромъ.“ ²⁾

Подобно Вальсамону, высокаго мнѣнія о власти императора въ дѣлахъ церкви былъ архіепископъ Болгаріи Димитрій Хоматіанъ (XIII в.) ³⁾. Мнѣніе Хоматіана весьма авторитетно, такъ какъ онъ считается искуснѣйшимъ законовѣдомъ, имѣвшимъ обширнѣйшія свѣдѣнія и въ церковныхъ канонахъ, и въ области свѣтскихъ законовъ ⁴⁾. „Императоръ, говоритъ Димитрій Хоматіанъ, какъ общій епискемонархъ ⁵⁾ церквей, и на дѣлѣ и по имени, председательствуетъ при произнесеніи соборныхъ мнѣній и утверждаетъ ихъ, устрояетъ дѣйствія церковныя, вноситъ закономѣрность въ жизнь церковнослужителей и дѣла епископовъ и клириковъ,

¹⁾ Migne, P. C. C., ser. gr., t. 138, стр. 93.

²⁾ Тамъ же, t. 119, Μελέτη, стр. 1165.

³⁾ О немъ въ статьѣ проф. М. С. Дринова: „О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана“, „Виз. Врем.“, т. I, вып. II, стр. 319; т. II, вып. 1 и 2, стр. 1.

⁴⁾ Назв. тр. проф. М. А. Остроумова, 590.

⁵⁾ Ἐπιστημονάρχης—titulus quem sibi adscribebant imperatores Constantinopolitani, tanquam essent Doctrinae ac Disciplinae Ecclesiasticae Praesides. DuCange указываетъ новеллу императора Исаака Ангела, въ которой Исаакъ приписалъ себѣ званіе епискемонарха церкви (Glos. graecit., s. v.).

а также (устраиваетъ) выборомъ во вдовствующія церкви, возводитъ отъ меньшей почести къ большей, т. е. изъ епископіи въ митрополию, воздавая тѣмъ почетъ либо личной заслугѣ, либо городу. Все это легче понять любознательному изъ сборника божественныхъ и священныхъ каноновъ и изъ недавняго законодательства Юстиніана, которое находится во всей 3 книгѣ Василия, во всей полнотѣ обнимающей постановленія, относящіяся къ дѣламъ епископскимъ и клириковъ, ихъ привилегій, жизни, устройства, а также тяжбъ какъ жалобныхъ, такъ и имущественныхъ; и, такъ сказать, за исключеніемъ совершенія службъ церковныхъ, прочія привилегіи священства царь устраиваетъ опредѣленно, и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ сообразно съ законами и канонами. Находится въ 19 кн. іудейской древней исторіи Іосифа Флавія царская подпись слѣдующаго содержанія: „Тиверій Клавдій Кесарь августъ, Германикъ, pontifex maximus, въ годъ трибунской власти (указаніе года опущено), избранный консуломъ во второй разъ“. Такъ какъ, слѣдовательно, и царь даннаго времени есть помазанникъ Божій вслѣдствіе помазанія своего на царство, а Христосъ и Богъ нашъ вмѣстѣ съ прочими (людьми, т. е. Богъ нашъ и другихъ) и первосвященникъ нашъ, и былъ и провозглашается (такимъ), то основательно и самъ (царь) украшается и первосвященническими дарами“ ¹⁾. Церковный писатель Макарій Анкирскій (XIV в.) доказываетъ авторитетомъ Григорія Нисскаго, Григорія Назіанзена, четвертаго и шестого Вселенскихъ соборовъ и др., что „императоръ, помазанникъ Божій, святъ чрезъ миропомазаніе и принадлежитъ къ числу священнослужителей, есть архіерей, іерей и учитель вѣры“ ²⁾.

Естественно, что нѣкоторые византійскіе императоры высказывали высокое мнѣніе о своей власти и въ дѣлахъ церкви.

Императоръ Левъ Исавръ въ своемъ посланіи къ папѣ Григорію II написалъ о себѣ: Imperator sum et sacerdos, и папа не отрицалъ права императора называться священникомъ въ томъ случаѣ, если онъ не поступалъ противно ученію отцовъ и учите-

¹⁾ Migne, Patr. C. C., ser. gr., t. 119, стр. 949.

²⁾ Leonis Allatii de Ecclesiae occid. atque orient. perpetua consensione, стр. 219, an. 1648.

лей церкви „Но ты послѣдовалъ“, писалъ папа Льву Исавру“, своему упорству и обитающимъ въ тебѣ страстямъ; и въ то же время пишешь: „я императоръ и священникъ“. Да, императоры, бывшіе прежде тебя, доказали это и словомъ, и дѣломъ: они созидали церкви и заботились о нихъ; ревнуя о православной вѣрѣ, они вмѣстѣ съ архіереями изслѣдовали и отстаивали истину, таковы: Константинъ В., Θεодосій В., Валентиніанъ В., Константинъ, отецъ Юстиніана, бывшій на шестомъ соборѣ. Эти императоры царствовали благочестиво: они вмѣстѣ съ архіереями, единодушно и единомысленно съ ними, собирали соборы, изслѣдовали истину догматовъ, устроили и украшали святые церкви. Вотъ—священники и императоры! они доказали это самымъ дѣломъ. Ты же съ тѣхъ поръ, какъ получилъ власть, не вполне сталъ соблюдать опредѣленія отцовъ“... ¹⁾). Папа увѣщевалъ императора быть Pontifex et imperator ²⁾).

Императоръ Исаакъ Ангелъ, по словамъ византійскаго историка Никиты Хониата (XII—XIII в.) ³⁾, имѣлъ дерзость пользоваться священными сосудами за своимъ столомъ. Когда кто нибудь рѣшался напомнить императору, что такъ поступать неприлично, онъ возражалъ: „царямъ все позволительно дѣлать, и между Богомъ и императоромъ въ управленіи земными дѣлами отнюдь нѣтъ такого несоединимаго и несъютимаго разстоянія, какъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ“ (варіантъ: „потому что на землѣ, говорилъ царь, нѣтъ никакого различія во власти между Богомъ и между царемъ: царямъ все позволительно дѣлать и можно нераздѣльно употреблять Божіе на ряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога, и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія“ ⁴⁾). Тотъ же Хониатъ смѣло порицаетъ тѣхъ византійскихъ императоровъ, которые считали себя установителями догматовъ. „Для большей части римскихъ царей“, гово-

¹⁾ „Дѣянія Всел. соборовъ“ въ рус. пер. при Каз. Дух. Акад., VII, стр. 40.

²⁾ Тамъ же; лат. текстъ посланія папы у Migne, P. C. C., ser. lat. t. 89, стр. 521.

³⁾ О немъ монографія проф. Θ. И. Успенскаго „Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ“, Сиб. 1874 г.

⁴⁾ „Никиты Хониата Исторія“, рус. пер., II, 122.

риту названный историкъ, „рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достоинствомъ, какъ своимъ, раздавать его, какъ и кому угодно, и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ—непогрѣшимыми судіями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Поэтому-то, вмѣсто того, чтобы обличать, какъ бы слѣдовало, людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное Церкви ученіе, или даже предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію долженъ знать и проповѣдывать о Богѣ, они, отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бываютъ въ одно и то же время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судіями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается“¹⁾. Поричая догматствовавшихъ императоровъ, Хоніатъ относитъ къ числу ихъ императора Мануила Комнена, который, по его словамъ, любилъ перетолковывать то, что правильно было уяснено отцами церкви. Однажды, говоритъ Хоніатъ, императоръ Мануиль Комненъ предложилъ архіереямъ сдѣлать измѣненіе въ чинѣ оглашенія, но встрѣтилъ среди нихъ несочувствіе своему намѣренію, за что „осыпалъ архіереевъ бранью и называлъ ихъ всесвѣтными дураками“²⁾. Интересно, что императоръ Мануиль, поричаемый Хоніатомъ за вѣшательство въ дѣла церкви, былъ прославляемъ современникомъ его митрополитомъ ессалоникскимъ Евстаѳіемъ. Евстаѳій не осуждалъ Мануила за любовь его вѣшиться въ богословскіе споры, но отмѣтилъ въ немъ превосходство надъ всѣми и въ дѣлахъ и въ рѣчахъ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, 271.

²⁾ Тамъ же, I, 278.

³⁾ Migne, P. C. C., ser. gr., т. 135, стр. 980, § 13. Сужденіе митрополита Евстаѳія о Мануилѣ не согласное съ мнѣніемъ о немъ Хоніата, отмѣчено было проф. А. Лебедевымъ въ его „Очерк. ист. Виз.-вост. церк. отъ конца XI в. до нач. XV в.“, 232. Евстаѳій прославлялъ императора послѣ смерти его въ словѣ, посвященномъ памяти его, и хотя, по задачамъ рѣчи своей, долженъ былъ хвалить усопшаго императора, однако могъ умолчать о томъ, что считалъ бы достойнымъ порицанія.

Не удивительно, что нѣкоторые византійскіе императоры, любя догматствовать, заботились, чтобы патріаршій престолъ доставался такимъ лицамъ, которые подчинялись бы ихъ авторитету. Проф. Троицкій замѣтилъ, что императоры Византіи, особенно послѣднихъ временъ имперіи, цѣнили необразованность въ своихъ патріархахъ выше ихъ добродѣтелей ¹⁾, и такое его мнѣніе подтверждается свѣдѣтельствами византійскихъ историковъ. Георгій Акрополитъ (XIII в.) говоритъ:... „цари вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренныя, недалекіе по уму, которые бы легко уступали ихъ желаніямъ, какъ признаннымъ постановленіямъ. А это всего чаще случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они не способны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями“ ²⁾. Другой византійскій историкъ, Никифоръ Григора (XIV в.), рассказывая о возведеніи на патріаршій престолъ іеромонаха Герасима, почти совершенно оглохшаго отъ старости и неученаго, говоритъ, что Герасимъ, вслѣдствіе необразованности своей и простоты, былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императора. „Цари“, поясняетъ Григора, „на такія высокія мѣста и выбираютъ такихъ людей, чтобы тѣ безпрекословно подчинялись ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ нѣзкаго противодѣйствія“ ³⁾.

Еще во времена Вселенскихъ соборовъ іерархи называли императоровъ *Θεοτάτοι* ⁴⁾. Съ теченіемъ времени за императорами укрѣпилось названіе „святой“, въ качествѣ официальнаго ихъ титула ⁵⁾. „Святымъ“ провозглашался византійскій императоръ во время коронованія, и съ этого времени названіе „святой“ дѣлалось титу-

¹⁾ „Арсеній и Арсениты“, „Христ. Чтен.“, 1867 г. Іюнь, стр. 895.

²⁾ „Лѣтопись великаго логовѣта Георгія Акрополита“, рус. пер., стр. 121.

³⁾ „Римская исторія Никифора Григоры“, рус. пер., I, 283.

⁴⁾ Harduini, Acta Conciliorum, II, 273, 331, 424, 432, 449, 464, 485, 487, 489, 492, 496, 501, 508, 564 и слѣд.

⁵⁾ De ser. a. B. ed. Bon., стран. 527, строки 2, 7, 16; 531, 3; 612, 13; 617, 14; 650, 13; 681, 14; 682, 11, 13; 684, 18 и слѣд. Комментарій De ser. a. B., Reiske, указываетъ, что названія: Sanctus, Venerabilis, Pius и т. п. прилагались къ именамъ римскихъ императоровъ. Отсюда, должно быть, обычное титулованіе византійскихъ императоровъ „святые“.

ломъ императора, принадлежавшимъ священному сану его ¹⁾. Что императоры Византіи назывались „святыми“, извѣстно было и на Руси. „Святымъ“ назывался византійскій императоръ въ грамотахъ константинопольскихъ патріарховъ къ русскимъ князьямъ ²⁾, въ патріаршихъ посланіяхъ къ митрополитамъ и епископамъ русскимъ ³⁾. Названіе „святой“ признавалось за византійскими императорами и на Руси. Вел. кн. московскій Василій II такъ называлъ императора Константина Палеолога въ грамотѣ къ нему ⁴⁾, причемъ писалъ императору, что онъ, императоръ, получилъ власть „въ утверженіе всему православному христіанству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли“ ⁵⁾. „Святымъ“ названъ императоръ византійскій въ посланіи вел. кн. Василя II къ константинопольскому патріарху ⁶⁾. Такъ же назывались византійскіе императоры въ грамотахъ русскихъ митрополитовъ къ русскимъ іерархамъ, русскимъ и литовскимъ князьямъ ⁷⁾.

Опущеніе этого титулованія при имени императора могло вызвать неудовольствіе послѣдняго. Византійскій историкъ Георгій Пахимеръ ⁸⁾ рассказываетъ, что императоръ Михаилъ VIII Пале-

¹⁾ Проф. Бѣляевъ, *Byzantina*, II, XXVIII, прим. 2. Такое титулованіе византійскихъ императоровъ, по толкованію Симеона, архіепископа ессалонійскаго, не возвышало ихъ надъ мірянами: „царя архіерей помазуя также называетъ святымъ, и именно называетъ этимъ словомъ ради священнаго помазанія святымъ миромъ, которымъ и всѣ вѣрующіе помазуются, и потому называются святыми“ („Писанія св. отцевъ и учителей церкви“, II, 264, Спб. 1856).

²⁾ Р. И. Б. т. VI, стр. 64, 66; Приложен. стр. 266, 268.

³⁾ Тамъ же, стр. 358, 360; Приложен. стр. 36, 40, 46, 48, 54, 68, 74, 76, 82, 84, 88, 92, 182, 190, 212, 216, 218, 222, 224, 226, 280, 312, 314; „Акты Истор.“ I, № 254.

⁴⁾ Р. И. Б. VI, стр. 576, 578, 583, 584; П. С. Р. Л. VI, 162 — 164, 167.

⁵⁾ Тамъ же, VI, стр. 577.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 528, 529, 534—536.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 421, 540, 558; П. С. Р. Л. VI, 145.

⁸⁾ Пахимеръ родился, какъ видно изъ словъ его, около 1240 г. („*Georgii Pachimeris Historia*“, рус. пер., т. I, кн. 1, стр. 1. и *Corpus scriptor. hist. Byz.*, ed. Bon., *Georgius Pachymeres*, vol. I, pag. 11).

ологъ¹⁾ разгнѣвался на бывшаго патріарха Іосифа за то, что тотъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи упомянулъ его имя безъ добавленія „святой“. „Около того времени“²⁾, говоритъ Пахимерь, „Іосифъ, ожидая скорой смерти, сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Въ завѣщаніи нужно было упомянуть и о царѣ и написать молитву за него. Іосифъ дѣйствительно упомянулъ и молился, но не прибавилъ названія *ἅγιος* (святой), которое обыкновенно носили цари миропомазанные. Когда завѣщаніе въ такой формѣ было прислано, царь, увидѣвъ его и выразивъ негодованіе, тотчасъ написалъ и патріарху, написалъ и начальнику города, чтобы онъ спросилъ и узналъ, какъ это случилось, что отъ царскаго его титула отнято слово *ἅγιος*. Не считаетъ ли меня Іосифъ недостойнымъ святости, говорилъ царь, что такъ пишетъ? Написано было объ этомъ и Антиохійскому патріарху Принеипсу“. По разслѣдованіи дѣла, оказалось, что Іосифъ въ своемъ завѣщаніи назвалъ императора „святѣйшимъ“, но монахи, которымъ онъ далъ снять копію съ завѣщанія, написали имя императора безъ прибавленія „святой“, и въ такомъ видѣ завѣщаніе Іосифа было представлено императору³⁾.

Московскіе великіе князья и цари, единственные независимые православные государи послѣ паденія Константинополя и уничтоженія татарскаго ига, не назывались, подобно византійскимъ императорамъ, „святѣйшими“. Называли ихъ такъ только христіане православнаго Востока, обращавшіеся къ нимъ за милостынею, но и они не всегда усвоили имъ это названіе⁴⁾. Въ Москвѣ же опускали титулованіе своего царя „святѣйшимъ“ въ обрядахъ, которые заимствовались изъ Византіи, и въ которыхъ названіе „святой“ прилагалось къ имени императора. Когда патріарха Іеремію, въ

¹⁾ Михаилъ VIII Палеологъ умеръ, по показанію Пахимера, въ 1283 г. („Георгія Пахимера Исторія“, рус. пер., стр. 508, прим.). Муралт относитъ кончину Михаила VIII къ 1282 г. (Essai de Chronographie Byzantine, I, 445, Спб., 1871 г.).

²⁾ Около того времени, когда императоръ запретилъ поминать папу, т. е. въ 1281 г. (Muralt, op. cit., I, pag. 441).

³⁾ „Георгія Пахимера Исторія“, рус. пер., I, 468.

⁴⁾ „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церкв.“, ч. I, стр. 34, 232, 239—242, 281, 282; ч. II, стр. 241, 249—251, 387, 358; „святѣйшій царь“ (тамъ же I, 89, 315); царица Евдокія Лукіановна, супруга Михаила Феодоровича Романова, названа „святою“ въ грамотѣ игумена сербскаго Благовѣщенскаго мона-

бытность его въ Москвѣ, просиди дасть письменный чинъ избранія и нареченія патріарха, Іеремія написалъ просимый чинъ, причемъ, по примѣру такогже чина великой константинопольской церкви, назвалъ цѣря „святымъ“, но такое титулованіе московскаго цѣря не вошло въ чинъ нареченія московскихъ патріарховъ ¹⁾. Тоже замѣтимъ и въ чинахъ вѣнчаній на царство московскихъ государей.

Носѣ титулъ „святые“, византійскіе императоры назывались владыками вселенной. Въ актологіяхъ, т. е. пѣснопѣніяхъ и возгласахъ, которыми партіи Ипподрома привѣтствовали императоровъ, послѣдніе назывались владыками вселенной ²⁾. Названіе владыкъ вселенной византійскіе императоры унаслѣдовали отъ императоровъ римскихъ. Это названіе, по отношенію къ византійскимъ императорамъ, имѣло не территоріальное значеніе, ибо они не были владыками вселенной; его слѣдуетъ понимать въ другомъ смыслѣ: императоръ византійскій считался царемъ всѣхъ христіанъ, вселенной христіанской. Такъ смотрѣли на императора въ Византіи, такой взглядъ на него внушался и московскому великому князю Василію Димитріевичу, которому константинопольскій патріархъ Антоній писалъ (въ 1393 г.), что императоръ Византіи „поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ“,

стыря (тамъ же, II, 282); „святое Твое (Ваше) царство“—въ обращеніи къ московск. государямъ (тамъ же, I, 61, 63, 64, 164, 291, 292, 310, 342; II, 99, 106, 242, 244—246, 248, 267, 272, 281 и т. д.). Не названъ, напр., „святымъ“ Іоаннъ IV въ соборной грамотѣ восточныхъ іерарховъ, утвердившихъ за нимъ царскій титулъ (изд. кн. Оболенскимъ, М. 1850 г.)

¹⁾ „Сношенія Россіи съ Востокомъ“, I, 204. У Симеона Фессалоникійскаго, въ изложеніи чина поставленія константинопольскаго патріарха, читаемъ: „объявляющіе избраніе (избранному) говорятъ такъ: державный и святой нашъ самодержецъ и царь, и божественный, священный и великій соборъ приглашаютъ святѣйшество твое на высочайшій престолъ патріаршества Константинопольскаго („Сочиненія“, рус. пер., 284). Московскій чинъ нареченія патріарха въ Д. къ А. И., П. № 76; „Древн. Рос. Вивл.“, изд. 2, VI, 125 и слѣд., 228 и слѣд. О поставленіяхъ въ санъ русскаго патріарха въ книгѣ прот. Никольскаго „О службахъ русской церкви“, стр. 7—13.

²⁾ De ser. а. В., ed. Вон., стран. 355, строка 1; 356, 7; 418, 20; 419, 7, 16; 427, 3. Императоры властвуютъ надъ вселенной, назначаютъ ей правителей, императоровъ желаетъ міръ — тамъ же, 411, 1; 424, 2, 3; 430, 14; 439, 14; 649, 19.

и что всѣ христіане должны признавать своимъ царемъ только византійскаго императора ¹⁾).

Московскіе государи назывались христіанскими царями, но не въ томъ смыслѣ, что они смотрѣли на себя, какъ на царей всѣхъ христіанъ, а въ отличіе отъ царей мусульманскаго міра. Въ такомъ смыслѣ Іоанна III называлъ христіанскимъ государемъ ногайскій ханъ Ивакъ: „язъ, писалъ Іоанну III Ивакъ, бесерменскій государь, а ты христіанской государь“ ²⁾. Іоаннъ III называлъ крымскаго хана и турецкаго султана, въ грамотахъ къ нимъ, „бесерменскими“ государами въ отличіе отъ государей христіанскихъ: „межи бесерменскими государи прехвалной еси государь“, „межи бесерменскихъ государей великой еси государь“ и т. п. ³⁾. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Іоанна III и Василия III съ польскими королями и литовскими великими князьями христіанскіе государи называются такъ въ отличіе отъ владыкъ мусульманскаго міра ⁴⁾. То же находимъ и въ памятникахъ сношеній московскаго государства съ германскими императорами ⁵⁾. Іоаннъ IV и польско-литовскій государь, въ сношеніяхъ между собою, называли себя христіанскими государями, какъ въ противоположность мусульманскимъ государямъ, такъ и въ томъ смыслѣ, что они, исповѣдуя ученіе Христа, не желаютъ кровопролитія, но стремятся къ миру ⁶⁾.

Императоры Византіи пользовались правомъ кажденія въ храмахъ, знаменовали съ трикиріемъ, какъ архіереи, вели учительныя

¹⁾ Р. И. Б. т. VI, Прилож., стр. 272 и слѣд.

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 81.

³⁾ Тамъ же, стр. 161, 162, 184, 189, 233.

⁴⁾ Тамъ же, т. 35, стр. 328, 329, 342, 343, 345, 348, 358, 369, 370, 387, 388, 390, 397, 398, 435, 458, 507, 540—542, 562 и т. д.

⁵⁾ „Пам. дипл. св. др. Рос. съ держ. иностр.“, I, стр. 197—199, 201, 202, 204, 206, 207, 219, 229, 234, 244, 246, 262, 279, 305, 307 и т. д.

⁶⁾ С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 3, 6, 13, 15, 16, 24, 33, 37, 38, 57, 59, 69, 87, 103, 155, 268—273, 279, 290, 293, 310, 313, 315 и т. д.; т. 71, стр. 5, 6, 14, 28, 30—33, 35, 43, 50—53, 59, 63, 70, 79, 80, 101, 104, 106, 122, 126—129, 145, 147, 167, 169, 170, 172 и т. д. Тоже въ сношеніяхъ московскаго государства съ Англіею (тамъ же, т. 38, стр. 252—255, 257, 281, 282, 284, 285, 295, 311, 326, 345, 349, 350 и т. д.).

бесѣды съ христіанами, поучая ихъ истинамъ вѣры, и принимали нѣкоторое активное участіе въ совершеніи богослуженія.

Антіохійскій патріархъ Вальсамонъ, въ толкованіи еъ одному изъ канонѣвъ Трульскаго собора (такъ называемаго пятошестого), запрещавшему мірянамъ входъ въ алтарь, но позволявшему это императорамъ въ томъ случаѣ, если они желаютъ принести даръ, говоритъ, что нѣкоторые, на основаніи этого канона, допускаютъ входъ императора въ алтарь только тогда, когда императоръ на-мѣренъ принести даръ. По мнѣнію Вальсамона, „православные императоры, которые производятъ въ патріархи, призывая св. Троицу, будучи помазанниками Божиими, безпрепятственно, когда пожелаютъ, входятъ въ алтарь и кадятъ, и знаменуютъ съ трикиріемъ, какъ архіереи“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Вальсамонъ говоритъ, что и императоры, подобно патріархамъ, возвеличены учительнымъ достоинствомъ благодаря силѣ св. помазанія, и что поэтому православные самодержцы ведутъ учительныя бесѣды съ христіанами, воспоминаютъ еимъ какъ іереи, и знаменуютъ съ трикиріемъ ²⁾.

Въ De ser. a. B. указанъ рядъ случаевъ, когда императоры византійскіе совершали кажденіе въ церкви. Императоръ, совершая съ патріархомъ малый входъ въ храмъ св. Софіи, входилъ въ алтарь, поклонялся распятію на горнемъ мѣстѣ, бралъ у патріарха кадило и кадилъ предъ распятіемъ ³⁾. Императоръ, получая кадило обыкновенно изъ рукъ патріарха, совершалъ кажденіе вокругъ св. престола ⁴⁾, въ ризницѣ ⁵⁾ и у гробницъ императоровъ Льва, Василія, Константина В. и св. императрицы Теофано ⁶⁾.

¹⁾ Migne, P. C. C., ser. gr., т. 137, стр. 752—753.

²⁾ Тамъ же, т. 119, Μελέτη, стр. 1165.

³⁾ De ser. a. B., ed. B., стр. 16.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 28, 34, 166, 179, 182, 548, 552, 558, 609.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 84 и 182.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 533. Кромѣ императоровъ, совершали кажденіе нѣкоторые свѣтскіе чины, напр. папія (завѣдывавшій императорскимъ дворомъ), но кажденіе это совершалось не въ храмѣ. Оно, по объясненію проф. Бѣльева, имѣло чисто свѣтскій характеръ и дѣлалось съ цѣлью наполнить извѣстное помѣщеніе благовоіемъ (Byzantina, ч. I, стр. 152). О кажденіи императоромъ предъ принятіемъ св. таинъ во время коронованія говорятъ Козинъ (De officiis, стр. 96) и Кантакузень (Historiarum libri IV, ed. Bon., vol. I., pag. 201).

Императоры, воскурившіе енциамъ въ храмѣ предъ св. предметами, по словамъ Вальсамона, какъ архіереи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ благословляли народъ. Въ De ser. а. В. указаны такіе случаи благословенія народа императорами. Императоры благословляли народъ и партіи въ Ипподромѣ, что совершалось такимъ образомъ: церемоніарій бралъ кусокъ императорской хламиды, дѣлалъ изъ него особую складку (*φασθέλιον*) и подавалъ ее императору дабы тотъ благословилъ народъ ¹⁾, и императоръ трижды благословлялъ всю массу собравшихся ²⁾. Послѣ поученія, читаемаго въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, императоръ благословлялъ присутствовавшихъ ³⁾. Выѣзжая изъ Константинополя, императоръ трижды благословлялъ городъ ⁴⁾. При пріемахъ партій Ипподрома императоръ также благословлялъ присутствовавшихъ ⁵⁾.

Вальсамонъ указываетъ, что императоры вели съ народомъ учительныя бесѣды. Въ De ser. а. В. изложенъ обрядъ, которымъ сопровождалось произнесеніе поученія императоромъ народу въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста: „около третьяго часа ⁶⁾ объявляется приказаніе перейти ⁷⁾, весь синклитъ удаляется, и становятся ниже ступеней магнавры ⁸⁾ магистры, патрикіи, всѣ царскіе люди, всѣ горожане ⁹⁾, друнгарій виглы ¹⁰⁾ съ

¹⁾ Императоры не благословляли народъ обнаженною рукою, какъ священнослужители (Reiske, Com. ad De ser. а. В., стр. 89, sub v. *κατασφραγίζειν*; проф. Вѣльева Byzantina, II, 81, прим. 1, *Σφραγίζειν* — знаменовать, крестить, благословлять. Этотъ глаголъ служитъ для обозначенія благословенія народа іереемъ (Du-Cange, Gloss. Gr., sub v.).

²⁾ De ser. а. В., ed. В., стр. 307, 309, 316, 325, 344, 347, 362, 365, 614.

³⁾ Тамъ же, стр. 547.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 451.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 287, 291, 299.

⁶⁾ Въ 9 ч. дня по нашему времени (см. проф. Вѣльева Byzantina, II, 250).

⁷⁾ Въ текстѣ — *Δίδεται μεταστάσιμον* (см. объясненіе этого выраженія въ Byzantina проф. Вѣльева, II, 250, прим. 3).

⁸⁾ Магнаврою называлась самая большая тронная и пріемная палата императорскаго дворца (тамъ же, I, 120).

⁹⁾ Въ текстѣ — *ὁ πολιτικός ὄχλος* (см. объясненіе этого выраженія тамъ же, I, 69).

¹⁰⁾ Друнгарій виглы — начальникъ одного изъ гвардейскихъ отрядовъ, начальствовавшій надъ стражею вокругъ дворца (тамъ же, II, 11, прим. 4).

своимъ отрядомъ и съ царскими тѣлохранителями¹⁾ и друнгаріи флота со всѣми своими подчиненными. Императоры же выходятъ въ скарамантияхъ²⁾ и въ обшитыхъ золотой каймой плащахъ, проходятъ чрезъ переходы 40 мучениковъ³⁾, сигму⁴⁾, и храмъ Господа, гдѣ возжигаютъ свѣчи; отсюда они идутъ чрезъ сакеллу, оать⁵⁾ и узкій переходъ, ведущій въ иліакъ магнавры,⁶⁾ и входятъ въ большой триklinъ⁷⁾ въ предшествіи чиновъ кувуклія⁸⁾, маглавитовъ⁹⁾ и этеріи¹⁰⁾. Тамъ, въ большомъ триklinѣ, внизу правой боковой камары¹¹⁾, къ востоку, стоятъ золоченныя кресла императоровъ. Тутъ императоры сидятъ недолго, пока препозитъ¹²⁾ все хорошо приготовить (тѣмъ временемъ императоры сидятъ). Препозитъ же удаляется съ церемоніаріемъ, чтобы разставить аскритовъ¹³⁾ и устроить все по обычаю. По ступенямъ, сверху до

¹⁾ Въ текстѣ: Ἡ βασιλικὴ περὶουσία (см. объясненіе Reiske, Com. ad De ser. а. В., стр. 622).

²⁾ Скарамантиемъ, по объясненію проф. Бѣльева, называлась верхняя одежда императора—широкій верхній хитонъ (Byzantina, II, 8, прим.).

³⁾ Галерея 40 мучениковъ примыкала къ хрисотриклину—золотой (тронной) палатѣ; почему эта галерея такъ называлась—неизвѣстно; возможные объясненія этого названія приведены въ Byzantina проф. Бѣльева, I, 43, прим. 2.

⁴⁾ Сигмою называлась площадка, получившая такое названіе отъ своей полукруглой формы (тамъ же, I, 90).

⁵⁾ Сакелла и оать—зданія, которыми магнавры соединялась съ храмомъ Господа (тамъ же, I, 121).

⁶⁾ Иліаками назывались дворы или площадки, прилегавшіе къ большимъ заламъ (тамъ же, I, 17, прим. 1).

⁷⁾ Большой триklinъ—большая палата (тамъ же, I, 111).

⁸⁾ Чины кувуклія состояли при особѣ императора (Reiske, Com., 25; проф. Бѣльева Byzantina, II, 47, прим. 2).

⁹⁾ Обязанностью маглавитовъ было очищать предъ императоромъ путь (Reiske, Com., 53).

¹⁰⁾ Этерія—отрядъ дворцовой стражи, набранной изъ иностранцевъ (тамъ же, стр. 55).

¹¹⁾ Камара—портикъ, пространство подъ сводомъ; камары были почти при всѣхъ залахъ императорскаго дворца (Reiske, Com., 84; проф. Бѣльева Byzantina, I, 112 и прим. 1).

¹²⁾ Препозитъ—церемоніальный чинъ (Reiske, Com., 21).

¹³⁾ Аскриты—чиновники, которые записывали рѣчь императора (Тамъ же, 622).

низу, разстилается коверъ, на которомъ становятся императоры; по одну и по другую сторону, направо и налѣво, отъ первой ступени до послѣдней, становятся рядами асикриты и нотаріи ¹⁾, чтобы слушать рѣчь императора; вверху, на первой ступени, справа, по направленію къ востоку, становится логоееть ²⁾, первый асикритъ и протонотарій. Слѣдуетъ знать, что пока императоры сидятъ, разстановляются всѣ чины кувуклія, маглавіи, этеріи и хросотриклиниты ³⁾. Когда все хорошо изготовлено, входитъ препозитъ и падаетъ ницъ (передъ императорами), наклонивъ голову установленнымъ способомъ и слегка приподнявъ свой плащъ. Тогда императоры встаютъ и, выйдя за рѣшетку, становятся вверху на правой ступени, на которой разостланъ коверъ, а народъ, по знаку препозита, возглашаетъ многолѣтіе (императорамъ). Когда всѣ смолкнутъ, императоръ начинаетъ говорить ⁴⁾. Слѣдуетъ знать, что когда императоръ, произносящій поученіе, окончитъ говорить, народъ по знаку препозита возглашаетъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ царство ваше“. Когда народъ произнесетъ это, императоръ благословляетъ его трижды: находящихся въ срединѣ, затѣмъ направо и налѣво. Послѣ этого императоры садятся на золоченныя кресла, гдѣ сидѣли прежде, а чины числа ⁵⁾ начинаютъ славословить по обыкновенію, препозитъ же выходитъ и устраиваетъ все въ порядкѣ“. Пока императоровъ славословили, чины синклита становились на пути императорскаго шествія въ храмъ св. Софіи, куда, по изготовленіи всего для шествія, направлялись императоры. У св. кладезя св. Софіи ⁶⁾

¹⁾ Нотарій—*ὑπαρχατὴς, ταῦταρος* (Du-Sangz, Glos. Graecit., я. v.).

²⁾ Логоееть, государств. канцлеръ (проф. Вѣляевъ, *Byzantina*, II, 16, прим. 3).

³⁾ Хросотриклиниты—особая почетная стража (тамъ же, I, 32, прим. 1).

⁴⁾ О чемъ императоръ поучалъ, упомянуто въ краткомъ изложеніи этого же обряда въ приложеніи къ обряду, который совершался въ день Срѣтенія (на тотъ случай, если Срѣтеніе пало на понедѣльникъ первой недѣли великаго поста). Императоръ увѣщевалъ въ чистотѣ и страхѣ Божиѣмъ проводить весь великій постъ (De ser. а. В., стр. 155).

⁵⁾ Число—*Ὁ ἀριθμός*—гвардейскій отрядъ (Проф. Вѣляевъ, *Byzantina*, II, 11, прим. 4).

⁶⁾ Св. кладезъ—пристройка къ храму св. Софіи, по однимъ извѣстіямъ такъ называвшаяся потому, что здѣсь было изображеніе Христа съ самарянкою у колодца, а по другимъ потому, что въ этой пристройкѣ надъ водоемомъ находились перенесенные сюда изъ Самаріи осгати этого самаго колодца (тамъ же, II, 133).

императоры поклонялись съ зажженными свѣчами въ рукахъ и прикладывались къ нему. У большой двери, ведшей отъ св. кладезя, патріархъ встрѣчалъ императоровъ, кадилъ имъ, а они цѣловали его и входили въ храмъ, направляясь къ алтарю. Стоявшіе тамъ всѣ чины синклита и кувуклія привѣтствовали ихъ. Императоры входили въ св. врата, молились со свѣчами въ рукахъ и совершали все остальное по обычаю (прикладывались къ св. предметамъ на престолѣ), патріархъ же давалъ одному изъ императоровъ кадило и императоръ кадилъ вокругъ св. жертвенника. Послѣ этого императоры выходили изъ алтаря вмѣстѣ съ патріархомъ, который ихъ провожалъ до порфиновыхъ колоннъ ¹⁾, у которыхъ они откланивались патріарху, цѣловались съ нимъ и отправлялись въ мутаторій. Патріархъ же шествовалъ въ алтарь совершать часы. Прослушавъ часы, императоры, послѣ отпуска, только въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновъ, удалялись во дворецъ ²⁾).

Императоры Византіи принимали нѣкоторое активное участіе въ совершеніи богослуженія. Такого участія лишень былъ императоръ Левъ VI Мудрый за вступленіе въ четвертый бракъ ³⁾. Совер-

¹⁾ Порфиновые колонны находились въ правой и лѣвой алтарныхъ нишахъ, служившихъ клиросами (тамъ же П, 255, прим. 1).

²⁾ De ser. а. В., стр. 545—548. Reiske указываетъ, что императоры обыкновенно произносили поученія въ началѣ великаго поста, и ссылается на свидѣтельства византійскихъ историковъ, при чемъ отмѣчаетъ, что эти поученія произносились самими императорами, въ другихъ же случаяхъ рѣчи читывались отъ ихъ имени к. л. изъ сановниковъ, а иногда и самимъ патріархомъ. Обыкновенно рѣчи, произносимыя императорами или к. л. отъ имени ихъ, составлялись, говоритъ Reiske, какъ видно изъ свидѣтельства византійскаго историка Іоанна Киннама (XII в.), чиновниками. (Сом. стр. 231). Проф. Бѣляевъ, указывая факты, свидѣтельствующіе, что императоры въ большихъ собраніяхъ всегда говорили рѣчи чрезъ посредниковъ, считаетъ вѣроятнымъ, что и въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста не самъ императоръ произносилъ рѣчь, но ее читалъ отъ имени его одинъ изъ чиновниковъ (Византина, П, 252, прим. 1). Никита Хоніатъ передаетъ объ императорѣ Мануилѣ, сынѣ Алексѣи Комнена, что тотъ любилъ составлять огласительныя слова, которыя называются силенціями, и читать ихъ вслухъ. („Никиты Хоніата исторія“, рус. пер., I, 272).

³⁾ Н. Поповъ, „Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе“, стр. 118. М. 1892 г. Объ участіи византійскихъ императоровъ въ совершеніи богослуженія говоритъ о. Іоаннъ („Обрядникъ визант. двора какъ церк.— археолог. источникъ“, стр. 90).

шая въ извѣстныхъ случаяхъ кажденіе въ храмѣ, императоры, во время великаго входа, носили свѣчу предъ св. дарами. Неся эту свѣчу, императоръ исполнялъ обязанности депутата ¹⁾).

Особое положеніе императора Византіи въ церкви наглядно проявлялось съ момента входа его въ храмъ ²⁾).

Въ праздничные дни, когда императорамъ надлежало совершить выходъ въ храмъ св. Софіи, чины раннимъ утромъ собирались въ большомъ императорскомъ дворцѣ и располагались въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ имъ надлежало привѣтствовать императора по пути его шествія въ храмъ св. Софіи. Всѣ чины облачались въ установленныя соотвѣтственно празднику одежды. Когда все было приготовлено для выхода императора, послѣдній выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ въ золотую палату, гдѣ облачался въ золотомъ обшитый плащъ и, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновъ, отправлялся въ переходы 40 мучениковъ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали собравшіеся здѣсь чины кувуклія, которые затѣмъ присоединялись къ свитѣ императора и шли съ нимъ дальше въ такъ называемый дворецъ Дафны ³⁾, на пути къ которому императора встрѣчали и привѣтствовали высшіе сановники и чины царской свиты и охраны. Предшествуемый и сопровождаемый всѣми этими чинами императоръ заходилъ въ дворцовый храмъ пресв. Богородицы, бралъ восковыя свѣчи у препозита и съ зажженными свѣчами въ рукахъ совершалъ трое-

¹⁾ Званіе депутата, имѣя съ званіемъ дефензора церкви (защитника), ставило императора въ разрядъ церковнослужителей и давало ему значительныя преимущества предъ мірянами. Этими званіями мотивируется, между прочимъ, право царя на причащеніе подъ обоими видами отдѣльно и право входить въ алтарь св. вратами (проф. Бѣляевъ, *Byzantina*, II, 165, прим. 1).

²⁾ Проф. Бѣляевъ въ своемъ изслѣдованіи: „Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.“ (*Byzantina*, кн. II), представилъ изложеніе общаго обряда выхода византійскихъ императоровъ въ большіе праздники въ храмъ св. Софіи по тѣмъ матеріаламъ, которые заключаются въ *De ser. a. B.* Предлагаемый очеркъ праздничнаго выхода византійскаго императора въ храмъ св. Софіи составленъ по изложенію проф. Бѣлева.

³⁾ Дворецъ Дафны назывался такъ отъ стоявшей здѣсь статуи Дафны (Проф. Бѣляевъ, *Byzantina*, I, 96 и прим.).

кратный поклонъ и молился. Отсюда императоръ отправлялся въ дворцовый храмъ св. Троицы, гдѣ также молился и совершалъ три поклона со свѣчами въ рукахъ. Послѣ этого императоръ заходилъ въ Крестильницу во дворцѣ Дафны, молился предъ стоявшими тамъ тремя крестами и давалъ знакъ преповиту, а этотъ послѣдній кувикляріямъ, чтобы они предъ крестами поставили свѣчи. Отсюда императоръ входилъ въ тронную палату Дафны, гдѣ его привѣтствовали находившіеся тамъ чины, заходилъ въ (дворцовый) храмъ св. Стефана, гдѣ также молился съ зажженными свѣчами въ рукахъ и поклонялся кресту св. Константина Великаго ¹⁾. Помолвившись тутъ, императоръ уходилъ въ прилежавшій къ храму покой, гдѣ ждалъ того момента, когда отъ патріарха изъ храма св. Софіи придетъ референдарій ²⁾ съ докладомъ о ходѣ службы въ храмѣ св. Софіи ³⁾. Здѣсь, въ покоѣ, съ императора снимали плащъ и скарамангій и облачали въ дивитисій, который составлялъ въ IX-XI вв. необходимую принадлежность параднаго царскаго облаченія. Послѣ доклада препозита о прибытіи патріаршаго референдарія съ извѣщеніемъ о ходѣ службы, императоръ направлялся въ октагонъ ⁴⁾, препозитъ же громогласно восклицалъ: „веститоры!“ ⁵⁾. Веститоры входили въ октагонъ и облачали им-

¹⁾ Крестъ этотъ, вмѣстѣ съ жезломъ Моисея, несли впереди императорскаго шествія въ храмъ св. Софіи.

²⁾ Референдаріями назывались духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго синклита, обязанностью которыхъ было передавать письменныя и словесныя распоряженія и приглашенія патріарха знатымъ людямъ. Въ Де сеп. а. В. референдарій патріарха фигурируетъ довольно часто въ роли патріаршаго посланника, который приноситъ императору извѣстія отъ патріарха о ходѣ церковной службы и доноситъ патріарху о ходѣ придворныхъ обрядовъ, когда они имѣютъ отношеніе къ патріарху (Проф. Бѣляевъ, *Byzantina*, II, 58 прим. 1).

³⁾ Такой докладъ референдарія былъ необходимъ потому, что императоръ долженъ былъ прибыть въ храмъ св. Софіи ко времени совершенія малаго входа.

⁴⁾ Октагонъ—восьмиугольная зала дворца Дафны (тамъ же, I, 100, 104 и слѣд.).

⁵⁾ Веститоры — чиновники, обязанность которыхъ состояла главнымъ образомъ въ облаченіи императоровъ въ парадныя одежды и разоблаченіи (тамъ же, I, 167).

ператора въ хламиду, послѣ чего препозитъ возглашалъ: „повелите“, и веститоры уходили. Въ октагонѣ съ императоромъ оставались только чины кувуклія; препозитъ бралъ корону, принесенную въ ларцѣ, и надѣвалъ ее на главу императора. Теперь императоръ былъ въ полномъ облаченіи. Сопровождаемый и предшествуемый чинами кувуклія императоръ выходилъ изъ октагона въ августей ¹⁾, гдѣ стояли назначенные для встрѣчи его чины. Пройдя среди нихъ къ двери, ведущей изъ августей въ портикъ его, обыкновенно называемый Золотою Рукою, императоръ останавливался и мылъ руки въ рукомойникѣ, который ему подавали нипсистиаріи ²⁾. Послѣ этого императоръ входилъ въ Золотую Руку, гдѣ во время самыхъ торжественныхъ выходовъ происходилъ первый приемъ высшихъ чиновъ имперіи слѣдующимъ образомъ: императоръ занималъ особое возвышенное мѣсто, сзади и по сторонамъ отъ него становились въ извѣстномъ порядкѣ чины кувуклія, а также въ опредѣленномъ мѣстѣ располагалась почетная стража. По знаку императора препозитъ становился предъ нимъ, кланялся ему и, обернувъ руку хламидою, дѣлалъ знакъ одному изъ остіаріевъ, стоявшихъ съ золотыми жезлами, чтобы онъ вводилъ къ императору сановниковъ. Сановники вводились по отдѣламъ, сообразно съ чиномъ и рангомъ должности ихъ. Вводимые падали предъ императоромъ ницъ, если это было не въ воскресенье, и становились на свои мѣста съ двухъ сторонъ, образуя предъ императоромъ два ряда ³⁾. Когда всѣ чины, поклонившись императору, занимали свои мѣста,

¹⁾ Августей—большая зала дворца Дафны (тамъ же, I, 100).

²⁾ Нипсистиаріи—умывальщики—принадлежали къ кувуклію, т. е. къ еванухамъ. Проф. Бѣляевъ обращаетъ вниманіе на то, что императоры, послѣ облаченія, предъ первымъ торжественнымъ приемомъ высшихъ чиновъ въ Золотой Рукѣ, мыли руки такъ же, какъ священнослужители и архіереи моютъ ихъ послѣ облаченія, предъ началомъ совершенія службы (тамъ же, II, 60, прим. 1).

³⁾ Проф. Бѣляевъ полагаетъ, что наиболѣе наглядное понятіе о разстановкѣ чиновъ предъ императоромъ можетъ дать разстановка духовныхъ чиновъ при соборномъ служеніи, особенно архіерейскомъ. „Суди по довольно многочисленнымъ описаніямъ этой разстановки чиновъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго“, говоритъ проф. Бѣляевъ, „можно думать, что въ церковномъ порядкѣ разстановки духовнаго синклита при соборномъ служеніи мы имѣемъ болѣе или менѣе сходную конію съ разстановки чиновъ царскаго син-

препозитъ, сдѣлавъ императору обычный поклонъ, возглашалъ: „повелите“. Всѣ чины хоромъ произносили: „да многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ праведное ваше царство!“ Послѣ этого возгласа всѣ шли въ слѣдующее дворцовое помѣщеніе—въ оноподъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ стояли предъ императоромъ: младшіе чины впереди, дальше отъ императора, старшіе—ближе къ нему. Къ чинамъ, вошедшимъ въ оноподъ впереди императора, присоединялись чины, стоявшіе здѣсь съ царскимъ оружіемъ, и другіе. Императоръ, войдя чрезъ мѣдную дверь въ оноподъ, становился на высокомъ порогѣ этой двери, чины же, при появленіи императора, падали ницъ и, послѣ возгласа „повелите“, восклицали: „да многіе и счастливые годы да продлитъ Богъ царство ваше!“ Возгласъ „повелите“ произносилъ здѣсь церемоніарій по знаку препозита, въ свою очередь получавшаго знакъ отъ императора ¹⁾. Послѣ провозглашенія многолѣтія императору всѣ собравшіеся въ оноподѣ чины шли въ консисторію, причемъ одни шли чрезъ правую и лѣвую боковыя двери, другіе—чрезъ среднюю дверь консисторіи. Войдя сюда, чины становились въ іерархическомъ порядкѣ, въ два ряда предъ возвышеніемъ, которое занималъ императоръ. Впереди стоявшихъ чиновъ находились жезлъ Моисея, принесенный изъ храма св. Θεодора, и крестъ св. Константина, взятый изъ храма св. Стефана. Когда императоръ становился на возвышеніи, всѣ чины повергались предъ нимъ ницъ; тогда препозитъ, по мановенію императора, дѣлалъ, послѣ поклона ему, знакъ одному изъ силенціаріевъ, и силенціарій,

клита, такъ какъ составъ патриаршата синклита во многомъ напоминалъ царскій синклитъ и церковь усвоила не мало подробностей въ своихъ обрядахъ изъ придворныхъ обрядовъ, которые она уже застала готовыми и сформировавшимися“ (тамъ же, II, 63).

¹⁾ Проф. Вѣляевъ указываетъ, что въ оноподѣ возгласъ „повелите“ всегда произносился не препозитомъ, но церемоніаріемъ, точно такъ, какъ въ консисторіи, во время выходовъ императора, этотъ возгласъ произносился силенціаріемъ. „Это чередованіе“, говоритъ проф. Вѣляевъ, „дѣлалось всегда въ трехъ послѣдовательныхъ приемахъ совершенно такъ, какъ при соборномъ служеніи архіерейскомъ возгласъ и ектенія говорятъ по-очередно священниками и діаконами, въ іерархическомъ порядкѣ, сперва старшими, потомъ младшими“ (тамъ же, II, 65, прим. 1).

поклонившись императору, возглашала: „повелите“. Чины произносили: „да продлитъ Богъ царство ваше на многіе и счастливые годы“, послѣ чего направлялись къ выходу изъ консисторіи и переходили въ триklinъ кандидатовъ ¹⁾, гдѣ императора ожидалъ клиръ храма Господа съ кадиломъ и ризничій съ крестомъ, подносившій его императору для цѣлованія.

Отсюда императоръ, предшествуемый синклитомъ и сопровождаемый кувукліемъ и тѣлохранителями, отправлялся въ помѣщеніе первой школы ²⁾, гдѣ трижды поклонялся, имѣя зажженную свѣчу въ рукѣ, серебряному кресту, послѣ чего шелъ въ палату экскувитовъ ³⁾ со всѣмъ синклитомъ, кувукліемъ и тѣлохранителями. Тутъ стояли въ два ряда знаменосцы съ знаменами и пѣвчіе, которые, при входѣ императора въ палату экскувитовъ, пѣли особыя пѣснопѣнія по-латыни, соотвѣтствовавшія тому празднику, въ который совершался императорскій выходъ. Въ праздникъ Рождества Христова пѣвчіе пѣли: *De Maria Virgine natus est et magi de oriente cum muneribus adorant*, послѣ чего слѣдовалъ припѣвъ: *Christus Deus noster conservet imperium vestrum per multos annos et bonos*. Въ праздникъ Крещенія пѣвчіе пѣли: *Ioannes in Iordane baptizat Dominum. Secundum illum vocat. De te volo (baptizari)*, послѣ чего слѣдовалъ тотъ же самый припѣвъ и т. д. Встрѣчаемый и провожаемый соотвѣтствующими празднику пѣснопѣніями и многолѣтіями, императоръ, съ знаменами впереди, предшествуемый синклитомъ, направлялся въ лихны ⁴⁾, поклонялся трижды со свѣчами въ рукахъ стоявшему тамъ серебряному кресту и становился такъ, что, окруженный кувукліемъ и тѣлохранителями, виденъ былъ множеству всякаго званія людей, собравшихся въ трибуналѣ: димамъ ипподрома, находившимся въ то время въ Константинополѣ посламъ и знатымъ иностранцамъ, городскимъ цехамъ, представителямъ города и городского управленія. Предъ тѣмъ какъ импера-

¹⁾ Триклиномъ кандидатовъ назывался покой, сосѣдній съ консисторіей (тамъ же, I, 121).

²⁾ Школами назывались помѣщенія для гвардейскихъ отрядовъ (тамъ же, I, 115).

³⁾ Экскувиты—гвардейскій отрядъ (тамъ же, II, 11, прим. 4).

⁴⁾ Лихнами называлась зала отъ висѣвшихъ тамъ лампъ (тамъ же, II, 75).

торъ становился въ лихнахъ на свое мѣсто, пѣвчіе дима Венетовъ, если выходъ императорскій совершался въ праздниѣ Рождества, пѣли: „звѣзда солнце предвѣщаетъ, въ Виелеемѣ Христа, восшедшаго отъ Дѣвы“. Когда же императоръ становился на мѣсто свое въ виду всѣхъ собравшихся въ трибуналѣ, церемоніарій подводилъ къ императору доместика (т. е. главнаго командира) школь, который падалъ предъ нимъ ницъ и подносилъ ему ливелларій¹⁾. Императоръ принималъ ливелларій, пѣвчіе возглашали трижды: „многая“, а члены дима Венетовъ пѣли: „многая лѣта, на многая“. Пѣвчіе опять пѣли: „многія вамъ времена, божественное царство“ (т. е. царское величество), и димоты повторяли это трижды. Послѣ этого пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена, служители Господа“, члены же дима Венетовъ возглашали трижды: „многія времена“. Снова пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена, самодержцы Римлянъ“, а члены того же дима трижды возглашали: „многія вамъ времена“. Наконецъ, пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена съ августами (императрицами) и багрянородными (дѣтьми)“, члены же дима Венетовъ возглашали: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство ваше на многія лѣта“.

Во время пѣнія этихъ многолѣтій доместикъ школь, состоявшій въ должности димократа (т. е. главнаго начальника) дима Венетовъ, стоялъ предъ императоромъ и трижды осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ всякій разъ, когда пѣли члены дима Венетовъ. Для осѣненія императора крестнымъ знаменіемъ доместикъ обвертывалъ руку концомъ своей хламиды.

Такъ происходилъ первый пріемъ императора и въ другіе праздниѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что пѣснопѣнія, которыя пѣли пѣвчіе, когда императоръ подходилъ къ своему мѣсту въ лихнахъ, измѣнялись соотвѣтственно празднику. Такихъ пріемовъ на пути шествія императора въ храмъ св. Софіи было нѣсколько²⁾. Четыре партіи ишподрома, которыя славословіями и многолѣтіями встрѣчали и провожали въ опредѣленныхъ мѣстахъ императора, являлись представителями народа.

¹⁾ Ливелларій—книжечка или свертокъ съ приличными праздниѣ поздравленіями, пожеланіями и славословіями (тамъ же, II, 80).

²⁾ Тамъ же, II, 81—88.

По совершении этих приемов императоръ съ синклитомъ, въ предшествіи знаменъ, вступалъ въ храмъ св. Софіи чрезъ красныя врата ¹⁾. Войдя въ нихъ, императоръ заходилъ въ нишу, закрытую завѣсою, гдѣ препозитъ снималъ съ него корону; отсюда императоръ входилъ въ нарѣикъ ²⁾, гдѣ у самыхъ входныхъ дверей его ждали всѣ священнослужители съ патріархомъ во главѣ, который держалъ крестъ, архиѳакопъ же несъ евангеліе, а нѣкоторые изъ діаконовъ кадила и свѣтильники, такъ какъ императоръ входилъ во время совершения малаго входа. Войдя въ нарѣикъ, императоръ прикладывался къ евангелію и кресту, послѣ чего императоръ и патріархъ кланялись и привѣтствовали другъ друга, патріархъ кадиль императора, который цѣловалъ патріарха и, взявъ его за правую руку, направлялся съ нимъ къ царскимъ вратамъ, ведшимъ изъ нарѣика въ храмъ. Здѣсь императоръ останавливался, патріархъ читалъ входную молитву, и императоръ, имѣя въ рукѣ свѣчу, совершалъ троекратное поклоненіе предъ царскими вратами. По произнесеніи входной молитвы и положенныхъ возгласовъ, послѣ пѣнія: „пріидите, поклонимся“, императоръ отдавалъ свѣчу препозиту, прикладывался къ кресту и евангелію и, взявъ опять патріарха за правую руку, проходилъ посреди храма, мимо амвона, на солею; императору и патріарху предшествовали служившіе съ патріархомъ духовные чины, шествовавшіе посреди чиновъ царскаго синклита и собравшагося въ храмъ народа. Совершался малый входъ. Носимыя впереди процессіи знамена гвардейскихъ отрядовъ становились въ храмъ предъ солею съ обѣихъ сторонъ, а римскіе скиптры ³⁾ и другія императорскія знамена разставлялись на солеѣ, крестъ же св. Константина вносился въ алтарь. Когда императоръ съ патріархомъ проходилъ мимо чиновъ, послѣдніе хоромъ произносили обычное многословіе императору: „да продлитъ Богъ святое царство ваше на многія и долгія времена“. Взойдя на солею, императоръ и патріархъ подходили къ св. вратамъ, патріархъ прикладывался къ нимъ и входилъ

¹⁾ Красныя врата—главныя, ведшія въ храмъ св. Софіи съ западной стороны (тамъ же, II, 99 и слѣд.).

²⁾ О немъ см. тамъ же, II, 101.

³⁾ Римскіе скиптры—старыя римскія знамена (тамъ же, II, 70, прим. 1).

въ алтарь, императоръ же становился предъ входомъ въ алтарь, бралъ у препозита свѣчу и съ нею въ рукѣ совершалъ троекратное поклоненіе предъ св. вратами, послѣ чего возвращалъ свѣчу препозиту и, входя въ алтарь, прикладывался къ св. вратамъ, которыя придвигалъ къ нему патріархъ или одинъ изъ митрополитовъ или архіепископовъ. Войдя въ алтарь императоръ шелъ къ св. престолу и, помолившись, прикладывался къ покрову его, подносимому патріархомъ, затѣмъ бралъ у препозита принесенные въ даръ воздуха, разстигалъ ихъ на св. престолѣ и ставилъ на нихъ принесенныя въ даръ храму чаши, блюда и другіе сосуды, прикладывался къ стоявшимъ на св. престолѣ чашамъ, блюдамъ и св. пеленамъ Господнимъ, которыя подносили ему для цѣлованія патріархъ, и клалъ на разостланныхъ платахъ мѣшочки съ деньгами, такъ называемый апокомвій. Послѣ этого императоръ съ патріархомъ, кадя, обходилъ св. престолъ, входилъ въ алтарную нишу, гдѣ находилось серебряное вызолоченное распятіе, молился предъ нимъ со свѣчею въ рукахъ, прикладывался къ нему, бралъ у патріарха кадило и кадилъ св. распятіе. Затѣмъ, императоръ прощался съ патріархомъ, при чемъ оба они кланялись другъ другу и цѣловались, и уходилъ въ мутаторій ¹⁾. Въ мутаторіи императоръ снималъ хламиду и стоялъ безъ нея до большого входа. При императорѣ въ мутаторіи находились только высшіе чины кувуклія.

Когда приближалось время перенесенія св. даровъ съ жертвенника на св. престолъ, церемоніарій докладывалъ препозиту, а послѣд-

¹⁾ Въ мутаторіяхъ — помѣщеніяхъ возлѣ алтара — императоры слушали божественную службу, въ опредѣленныхъ случаяхъ выхода изъ нихъ и потомъ снова возвращался туда. Мутаторіи устраивались въ тѣхъ храмахъ, гдѣ императоры слушали литургію, и состояли изъ нѣсколькихъ отдѣленій (тамъ же, II, 163). Иеромонахъ Іоаннъ указываетъ, что „почти всѣ моменты нашей встрѣчи епископовъ, являющихся къ совершенію литургіи, совпадаютъ съ подробностями встрѣчъ императоровъ византійскими патріархами, какъ описаны эти встрѣчи въ De ser. а. В. Обстановка малаго входа, за которыми слѣдуетъ кажденіе епископомъ алтара и мѣстныхъ иконъ, представляетъ большое сходство съ описаннымъ по De ser. а. В. малымъ входомъ за патріаршей литургіей и при участіи императора“ („Обрядникъ визант. двора какъ церковно-археологическій источникъ“, стр. 145, прим. 29, М. 1895 г.).

ній—императору. Императоръ облачался въ хламиду и шелъ съ чинами кувуклія чрезъ правую сторону храма за амвонъ, въ предшествіи знаменосцевъ и чиновъ синклита, - которые, подходя къ амвону, становились въ два ряда, такъ что императоръ проходилъ среди нихъ. Между амвономъ и царскими вратами стояли уже вышедшіе сюда изъ алтаря священнослужители съ св. дарами въ ожиданіи императора. Здѣсь же находился подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею, который предъ св. дарами до св. вратъ долженъ былъ нести императоръ, въ качествѣ депутата и дефензора церкви. Поклонившись св. дарамъ и принявъ отъ препозита подсвѣчникъ, императоръ, предшествуемый знаменосцами и чинами синклита, начиналъ великій входъ. За императоромъ священнослужители несли св. дары и священные предметы. Подходя къ солеѣ, чины останавливались, знамена, бывшія ранѣе на солеѣ, вносились туда же и разставлялись по обѣимъ сторонамъ солеи. Императоръ съ подсвѣчникомъ въ рукахъ всходилъ на солею и становился предъ алтаремъ, отдавъ свѣтильникъ препозиту. Св. врата въ это время были открыты, и въ нихъ, ожидая св. дары, стоялъ патріархъ. За императоромъ на солею всходили священнослужители. Архидіаконъ кадилъ императора, патріарха и св. престолъ, послѣ чего св. дары вносились въ св. врата, гдѣ ихъ принималъ патріархъ. Священнослужители, проходя мимо императора, при входѣ въ св. врата, возглашали: „царство ваше да помянетъ Богъ во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. По окончаніи входа священнослужителей въ алтарь императоръ и патріархъ кланялись другъ другу и прощались. Патріархъ шелъ къ св. престолу, а императоръ отправлялся по правой сторонѣ солеи въ мутаторій съ чинами кувуклія. Въ мутаторіи императоръ опять снималъ хламиду и продолжалъ слушать литургію до наступленія времени цѣлованія любви ¹⁾).

¹⁾ Проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ послѣдніе вѣка существованія византійской имперіи, когда императоры жили во Влахернскомъ дворцѣ и оттуда являлись въ извѣстные праздники въ храмъ св. Софіи, участіе императоровъ въ великомъ входѣ, повидимому, начиналось раньше, насколько можно судить объ этомъ по позднѣйшему коронаціонному обряду. Императоръ, приглашенный къ участію въ великомъ входѣ старшими діаконами предъ самымъ

Когда наступало время цѣлованія любви, патріархъ посылалъ референдарія къ императору съ извѣстіемъ о ходѣ службы; референдарій сообщалъ объ этомъ церемоніарію, церемоніарій препозиту, препозитъ же докладывалъ императору. Императоръ облачался въ хламиду и въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, къ которымъ, по выходѣ изъ мутаторія, присоединялись чины синклита, шелъ чрезъ правую сторону церкви на солею и останавливался у алтарной преграды, направо отъ св. вратъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ переносный церковный столикъ, такъ называемый антиминосъ, съ котораго потомъ патріархъ пріобщалъ императора св. Таинъ. Когда императоръ подходилъ къ алтарной преградѣ, патріархъ выходилъ изъ алтаря и совершалъ цѣлованіе любви съ императоромъ. За патріархомъ подходили къ императору для цѣлованія высшіе духовные чины. Совершивъ цѣлованіе любви со всѣми духовными чинами, императоръ, отойдя отъ алтарной преграды, приступалъ къ цѣлованію съ чинами своего синклита. Подводимые референдаріемъ къ императору для цѣлованія кланялись въ землю, кромѣ праздника Пасхи, когда ради воскресенія Христова кланяться или падать въ землю не полагалось, но надлежало кланяться только до колѣнъ ¹⁾).

началомъ входа, въ мантии, съ короной на головѣ, шелъ въ алтарь къ жертвеннику, на которомъ находятся до перенесенія на св. престолъ св. дары. Когда св. дары передавались патріархомъ священнослужителямъ, долженствовавшимъ нести ихъ, и всѣ духовные чины, участвовавшіе въ великомъ входѣ, занимали свои мѣста, императоръ въ мантии и коронѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ и акакією въ лѣвой, шествовалъ впереди всей процессіи на средину храма за амвонъ, обходилъ его и шелъ по правой сторонѣ на солею. Съ правой и лѣвой стороны императора шли царскіе гѣлохранители въ нарядномъ вооруженіи, а за императоромъ слѣдовали діаконы и іереи съ св. дарами и другими священными предметами, носимыми во время великаго входа. Остальное все совершалось такъ, какъ и въ прежнее время (тамъ же, II, 167).

¹⁾ Проф. Бѣляевъ указываетъ на отсутствіе данныхъ въ De ser. a. B., изъ которыхъ видно было бы, какъ совершали императоры цѣлованіе любви съ духовнымъ и свѣтскимъ синклитомъ. При христосованіи съ императоромъ духовные и свѣтскіе чины цѣловали его въ колѣна, руки и уста, но тогда императоръ сидѣлъ на тронѣ, поэтому проф. Бѣляевъ считаетъ вѣроятнымъ, что духовные и свѣтскіе чины при цѣлованіи любви цѣловали руки и уста императора, который въ это время стоялъ (тамъ же, II, 171—172 и прим.).

По совершеніи обряда цѣлованія любви императоръ удалялся въ мутаторій, гдѣ снималъ хламиду и слушалъ литургію до наступленія времени приобщенія св. Таинъ ¹⁾.

Когда это время наступало, императоръ, по докладу референдарія, облачался въ хламиду, выходилъ изъ мутаторія, сопровождаемый кувукліемъ и предшествуемый синклитомъ, и шелъ на солею, гдѣ останавливался предъ алтаремъ у антиминса, т. е. переноснаго столика, на который патріархъ ставилъ вынесенныя изъ алтаря тѣло Христово на дискосѣ и кровь Христову въ чашѣ. Императоръ приобщался по чину священнослужителей, подъ обоими видами отдѣльно. Послѣ причащенія императоръ возвращался въ мутаторій, снималъ хламиду и входилъ въ прилежавшую въ мутаторію палату, въ которой приготовлялся завтракъ для него и для 12 или 14 высшихъ и ближайшихъ къ нему сановниковъ ²⁾.

По окончаніи завтрака вкушавшіе съ императоромъ вставали, препозитъ возглашалъ: „повелите“, и они хоромъ произносили: „на многія и добрыя времена да продлитъ Богъ царство наше“, послѣ чего удалялись. Послѣ ухода ихъ императоръ облачался въ хламиду и приказывалъ препозиту пригласить патріарха. Патріархъ препозитомъ вводился къ императору, кланялся ему, цѣловалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ, послѣ чего оба они отправлялись въ св.

¹⁾ Проф. Вѣляевъ отмѣчаетъ, что въ восточной церкви обрядъ цѣлованія мірянъ предъ совершеніемъ таинства Евхаристіи соблюдался въ X в., какъ видно изъ Де сег. а. В., только императоромъ, но и то не во всѣхъ храмахъ, а только въ храмѣ св. Софіи. Въ послѣдніе вѣка существованія византійской имперіи императоръ, судя по позднѣйшему обряду коронованія, не совершалъ обряда цѣлованія и въ храмѣ св. Софіи (тамъ же, II, 168, прим. 2).

²⁾ Проф. Вѣляевъ указываетъ, что царскіе завтраки въ храмахъ являются остатками древнихъ христіанскихъ трапезъ любви, сохранившимися только для императоровъ. Сохраненіе ихъ, говоритъ проф. Вѣляевъ, легко объясняется утомленіемъ и голодомъ, которые долженъ былъ чувствовать императоръ послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ процессій въ тяжеломъ облаченіи, стоінія и воздержанія отъ пищи въ виду предстоящаго принятія св. Таинъ. Потому не только въ храмѣ св. Софіи, но и въ другихъ храмахъ, послѣ литургіи, императоръ обыкновенно завтракалъ; иногда къ этимъ завтракамъ приглашался патріархъ (тамъ же, II, 178, прим. 3).

кладезь, сопровождаемые чинами кувуклія. На порогѣ двери, ведущей въ св. кладезь, императоръ и патріархъ останавливались, и императорскій казначей чрезъ преподвита передавалъ кошельки съ деньгами императору, который раздавалъ ихъ низшимъ церковно-служителямъ и бѣднымъ. Послѣ раздачи денегъ императоръ съ патріархомъ входилъ въ св. кладезь и заходилъ здѣсь въ нишу, закрытую завѣсою, гдѣ патріархъ возлагалъ на главу императора корону и вручалъ ему просфору и флаконъ съ освященнымъ благоуханнымъ масломъ, императоръ же давалъ патріарху апокомвій. Обмѣнявшись этими дарами императоръ и патріархъ кланялись другъ другу, цѣловались и расходились: патріархъ возвращался въ храмъ, а императоръ во дворецъ ¹⁾.

Когда патріархъ возлагалъ на главу императора корону въ нишѣ, находившейся въ св. кладезѣ, пѣвчіе партіи Венетовъ исполняли тѣ же пѣснопѣнія, сообразно празднику, которыя пѣли предъ входомъ императора въ лихны. Когда императоръ, послѣ прощанія съ патріархомъ, выходилъ изъ св. кладезя и, войдя въ примыкавшій къ нему портикъ, становился на обычномъ мѣстѣ, пѣвчіе произносили: „добро пожаловали, защита Тройцы“, димоты же повторяли трижды: „добро пожаловали“. Послѣ этого слѣдовали тѣ же многолѣтія и славословія императора, которыя пѣлись пѣвчими и димотами при встрѣчѣхъ императора на пути шествія его въ храмъ св. Софіи ²⁾.

Съ такими выходами византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи не имѣютъ ни малѣйшаго сходства богомольные выходы въ храмы московскихъ царей ³⁾.

Императоры Византіи, являвшіеся предъ своими подданными во время шествія своего въ храмъ св. Софіи и пребыванія тамъ въ обстановкѣ исключительной и великолѣпной, наглядно выставившей высоту сана ихъ, какъ имѣвшихъ особое положеніе въ церкви, казалось, должны бы были пользоваться благоговѣйнымъ почитаніемъ со стороны своихъ подданныхъ, такъ что

¹⁾ Тамъ же, II, 40—184.

²⁾ Тамъ же, II, 185 и слѣд.

³⁾ Обзоръіе богомольныхъ выходовъ московскихъ государей въ книгѣ И. Е. Забѣлина: „Домашній бытъ Русскихъ Царей“, стр. 376 и слѣд., изд. 3.

другіе народы могли бы поучиться у византійцевъ, какъ относиться къ своимъ государямъ. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Византійскій историкъ Никита Хоніатъ упрекалъ жителей Константинополя, предъ которыми императоры являлись въ великолѣпной обстановкѣ, изображавшей всю высоту сана ихъ, въ неуваженіи къ властямъ, отмѣчая, что константинопольцы, „кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя“....¹⁾ Рѣзко и съ негодованіемъ отзывается Хоніатъ о той готовности, съ которою византійцы подчинялись узурпаторамъ. Когда императоръ Исаакъ Ангелъ былъ свергнутъ съ престола братомъ своимъ Алексѣемъ, и вѣсть объ этомъ дошла до Константинополя, нѣсколько ремесленниковъ, говоритъ Хоніатъ, съ случайно представшими къ нимъ лицами направились къ великой церкви, провозглашая императоромъ астролога Алексѣя Контостефана, давно замышлявшаго захватить въ свои руки царскую власть, и объявляя, „что они не хотятъ болѣе терпѣть правленіе Комниныхъ, которые имъ надоѣли“. Мятежъ этотъ былъ подавленъ, Контостефанъ былъ схваченъ сторонниками Алексѣя, патріархъ, послѣ нѣкотораго колебанія, призналъ Алексѣя императоромъ, и „всѣ, какъ рабы“, повѣствуетъ Хоніатъ, „побѣжали въ большой дворецъ прямо къ царю и прежде, чѣмъ увидѣли новаго властителя или узнали въ точности, что сдѣлалось съ прежнимъ царемъ, перегнулись въ три сгиба передъ женою человѣка, о которомъ имъ сказали, что онъ царь, подложили ей подъ ноги, какъ скамеечку, свои головы, бросались наперерывъ, подобно тявкающимъ собаченкамъ, лизать кожу ея башмаковъ и въ заключеніе стали передъ нею съ тре-

¹⁾ „Никиты Хоніата Исторія“ I, 301, рус. пер. Какъ на одну изъ причинъ такого отношенія жителей Константинополя къ власти, Хоніатъ указываетъ на разноплеменный составъ населенія города (тамъ же, 300). Такому разноплеменному составу жителей Константинополя соответствовалъ разноплеменный составъ населенія византійской имперіи. Какъ Хоніатъ въ разноплеменности населенія Константинополя видитъ одну изъ причинъ частыхъ въ немъ мятежей, такъ проф. Скабалановичъ находитъ причину того же явленія въ разноплеменномъ составѣ населенія византійской имперіи. Каждая народность, говоритъ проф. Скабалановичъ, входившая въ составъ византійской имперіи, стремилась посадить свою креатуру на престолъ, отсюда частыя смѣны династій („Византійск. Государство и Церковь въ XI в.“, стр. 19).

пещущимъ видомъ, на вытяжку, руки по швамъ. До такой степени одна молва уже овладѣла бѣдняками! Съ своей стороны царица, хитрая штука, умѣвшая пользоваться обстоятельствами, каждому нашла въ отвѣтъ приличное слово на его рѣчи и своею любезною болтовнею совершенно очаровала византійскихъ простяковъ, такъ что они, какъ свиньи, которыя отъ услажденія опрокидываются навзничъ, когда имъ почешутъ брюхо, давши пощекотать себѣ уши ласковыми привѣтствіями, нашли, что во всемъ происшедшемъ не было ровно ничего возмутительнаго¹⁾.

Въ Византіи не стѣснялись публично заявлять, что вѣрными государю слѣдуетъ быть пока это выгодно подданнымъ. Византійскій историкъ Пахимеръ передаетъ, что послѣ объявленія Михаила Палеолога опекуномъ юнаго императора Іоанна Ласкариса, въ собраніи іерарховъ и свѣтскихъ чиновъ стали раздаваться голоса, что слѣдовало бы почитать императорскаго опекуна: „не для одного ребенка (т. е. юнаго императора)“, говорили тогда, „всѣ эти хлопоты о такой имперіи и о такихъ дѣлахъ; мы должны теперь подумать о правительствѣ, чтобы спастись намъ самимъ... У насъ вѣрность престолу почитается, конечно, дѣломъ хорошимъ; хорошо также спастись подданнымъ, давъ клятву: но если нѣтъ спасенія, вѣрность становится напрасною“²⁾.

Пахимеръ же передаетъ разсужденія сторонниковъ Михаила Палеолога, характеризующія отношеніе византійцевъ къ императорамъ, получившимъ престолъ по праву наслѣдства. „Наилучшее царствованіе“, говорили эти сторонники (они составляли, по словамъ Пахимера, большинство въ государствѣ), „есть не наслѣдственное, которое получить, по скользкому жребію судьбы, можетъ иногда человѣкъ недостойный, и не родовое, которое часто предвосхищается людьми развратными и самыми дурными, какимъ хороший правитель не захотѣлъ бы дать мѣсто и въ ряду своихъ подданныхъ, но то, которое предоставляется правительственному лицу испытанной и высокой доблести. Такое только царствованіе и полезно народу, потому что такіе только правители знаютъ, для чего призваны они властвовать.... Есть причины опасаться, что

¹⁾ „Никиты Хониата Исторія“, II, 142, рус. пер.

²⁾ „Георгія Пахимера Исторія“, стр. 69, рус. пер.

рожденный на престолѣ, имѣя нужду въ очищеніи себя и образованіи для хорошаго царствованія, будетъ особенно нечистъ, потому что въ царскомъ дворцѣ сопровождаютъ его роскошь и нѣга, бесѣдуетъ съ нимъ лесть, закрывается отъ него истина, и самое дурное поддѣлывается для него подъ самое хорошее, такъ что льстецы, по старинной поговоркѣ, могутъ слышать гармонію даже въ кашлѣ больного царственнаго дитяти. А кто осмѣлился бы хрюкнуть какое нибудь наставленіе, того вдругъ назовутъ вольнодумцемъ и самымъ негоднымъ человѣкомъ... Правитель, прикрываясь, будто на сценѣ, различными масками, порукою за наилучшее царствованіе почитаетъ свой родъ, такъ какъ бы уже въ первомъ верженіи сѣмени заключались какія то царскія силы для превосходнѣйшаго управленія“ ¹⁾.

Слѣдствіемъ этихъ разсужденій было провозглашеніе императоромъ Михаила Палеолога, который ослѣпилъ опекаемаго имъ императора Іоанна и заточилъ его въ одну изъ крѣпостей ²⁾.

Частыя революціи въ Византіи, по словамъ Хоніата, развратили народъ, ³⁾, унизили высоту сама византійскаго императора, такъ что даже люди незнатные и недостойные помышляли о достиженіи императорскаго престола. Когда, говоритъ Хоніатъ, императоръ Алексѣй Комнень заболѣлъ, и его жизни грозила опасность, стали называть преемниками его разныхъ лицъ, такъ какъ у него не было сына, причемъ дѣло дошло до того, что „люди, которые вчера, или, словомъ сказать, недавно грызли желуди и еще жевали во рту понтійскую свинину, теперь совершенно открыто изъясняли свои виды и притязанія на царское достоинство, устремляя на него свои безстыдные глаза“.... Съ крайнимъ негодованіемъ отзываясь о недостойныхъ претендентахъ на престолъ, Хоніатъ сравниваетъ византійскую имперію съ блудницею. „О знаменитая римская держава“, восклицаетъ онъ, „предметъ завистливаго удивленія и благоговѣйнаго почитанія всѣхъ народовъ, кто не овладѣвалъ тобою насильно?..... Кого ты не заключала въ свои объятія, съ кѣмъ не раздѣляла ложа, кому не отдавалась и кого затѣмъ не покрывала

¹⁾ Тамъ же, 82.

²⁾ Тамъ же, стр. 174 и слѣд.

³⁾ II, 206, рус. пер.

вѣнцомъ, не украшала діадимою и не обувала въ красныя сандалии? Истинно, твои страданія были гораздо прискорбнѣе тѣхъ, которыя должна была перенести Пенелопа. Тебя можно сравнить съ царственною женщиною, надѣленною всѣми счастливыми дарами природы, внушающею почтеніе строгою красотою, величественною осанкою и благороднымъ взглядомъ, но увлеченною безстыдными развратниками, которые не стоятъ овола по понятіямъ людей благомыслящихъ, которые не въ состояніи понять ея достоинство, уважить ея величіе, почтить ея благородство, между тѣмъ чрезъ извѣстныя промежутки времени увлекаютъ и уводятъ ее на беззаконное ложе. О позоръ! Чего ты не вытерпѣла, чего ты не наглядѣлась? При всей своей славѣ, при всей знаменитости ты получила наружность блудницы“... ¹⁾).

¹⁾ Тамъ же, 210.

Глава III.

Сравненіе церковно-гражданскихъ обрядовъ, соблюдавшихся при дворѣ московскихъ государей, съ такими же обрядами византійскихъ императоровъ имѣетъ значеніе при опредѣленіи вліянія Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Какъ въ церковно-гражданскихъ обрядахъ византійскаго двора наглядно выражалась идея власти византійскаго императора, такъ въ такихъ же обрядахъ московскаго двора выражалась идея власти московскаго царя; отсюда сходство между этими обрядами свидѣлствуетъ о сходствѣ идей власти византійскихъ императоровъ и московскихъ царей и наоборотъ.

Изъ всѣхъ обрядовъ московскаго двора наиболѣе богатую литературу имѣетъ обрядъ вѣнчанія на царство московскихъ государей; менѣе изслѣдованы другіе обряды.

Въ своемъ трудѣ *Byzantina* проф. Д. Θ. Бѣляевъ указываетъ двѣ работы посвященныя изученію богомольныхъ выходовъ византійскихъ императоровъ; авторъ одной изъ нихъ, г. Марковинъ, излагая императорскіе богомольные выходы въ Византіи, сравниваетъ ихъ съ такими же выходами московскихъ государей ¹⁾.

Упрекнувъ названнаго изслѣдователя за пользованіе латинскимъ переводомъ греческаго текста *De cerimoniis aulae Byzantinae*,

¹⁾ „*Byzantina*. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ“, кн. II, стр. XV. 1893 г. Работы эти принадлежатъ гг. Марковину и Каневскому. Проф. Бѣляевъ называетъ г. Марковина Марковичемъ. Это, несомнѣнно, недосмотренная опечатка: проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ „Христіанскихъ Древностяхъ“ за 1872 г. изложены были обряды богомольныхъ выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи и, цитируя этотъ трудъ, называетъ автора его Марковичемъ, между тѣмъ подъ трудомъ этимъ авторъ его подписался Марковинимъ („Христіанск. Древности“, изд. подъ ред. Прохорова 1872 г., стр. 73).

проф. Бѣляевъ указываетъ, что г. Марковинъ, излагая подробно богомольные выходы русскихъ царей по отдѣльнымъ праздникамъ, иногда только привлекаетъ для сравненія обряды выходовъ византійскихъ императоровъ въ соотвѣтствующіе праздники, не представляя полного ихъ описанія, не изучивъ предварительно обряды Придворнаго Устава въ Византіи, вслѣдствіе чего, по мнѣнію проф. Бѣляева, попытка г. Марковина изложить обряды этого Устава оказалась неудовлетворительною ¹⁾.

Вторая попытка изложить обрядъ выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи, указанная проф. Бѣляевымъ, принадлежитъ г. Каневскому. И эту попытку проф. Бѣляевъ признаетъ неудовлетворительною уже потому, что г. Каневскій мало слѣдовалъ главному источнику своего труда—Придворному Уставу въ Византіи ²⁾.

Отмѣчая промахи и ошибки гг. Марковина и Каневского, проф. Бѣляевъ, въ оправданіе ихъ, указываетъ на особенныя трудности при изученіи, переводѣ, объясненіи или изложеніи содержанія Византійскаго Придворнаго Устава ³⁾.

Трудъ г. Марковина: „Богомольные выходы древнихъ русскихъ царей по сравненію съ такими же выходами византійскихъ императоровъ“ ⁴⁾ представляетъ интересъ и по тѣмъ взглядамъ, которые высказалъ авторъ его, говоря о царской власти московскихъ государей. По мнѣнію г. Марковина Іоаннъ III, вступивъ въ бракъ съ Софьей Палеологъ, приобрѣлъ право на наслѣдство восточною римскою имперією. Такое мнѣніе г. Марковинъ основываетъ, во первыхъ, на томъ, что германскій императоръ Максимилианъ I называлъ московскаго государя Василя III въ договорной съ нимъ грамотѣ императоромъ; во вторыхъ, на представленіи Іоанна IV, что онъ преемникъ кесаря Августа и вообще римскихъ императоровъ, и, наконецъ, на посланіяхъ къ московскимъ государямъ съ православнаго Востока, которыя показываютъ, что Востокъ этотъ

¹⁾ „Byzantina“, II, стр. XVI—XX.

²⁾ Тамъ же, II, стр. XX—XXIII.

³⁾ Тамъ же, II, стр. XXV.

⁴⁾ „Христіанск. Древности и Археологія“, изд. подъ ред. Прохорова, 1872 г. кн. 1, стр. 1—73.

видѣлъ въ московскомъ государѣ единственнаго православнаго царя, покровителя всѣхъ христіанъ, и называлъ его, какъ нѣкогда византійскаго императора, святымъ, самодержавнымъ и проч. Вслѣдствіе этого, говоритъ г. Марковинъ, русскіе цари стали считать себя возстановителями титула императоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ Византіи ¹⁾.

Дѣйствительно, императоръ Максимиліанъ I назвалъ вел. кн. Василя III въ договорной съ нимъ грамотѣ 1514 г. цесаремъ, только цесаремъ не восточной римской имперіи, но „Цесаремъ Всероссійскимъ“, и впоследствии Петръ В. ссылался на эту грамоту въ доказательство правъ своихъ на титулъ „Императора Всероссійскаго“ ²⁾. Кромѣ этого случая императоръ какъ до 1514 г. не называлъ цесаремъ ни Василя III, ни отца его, послѣ брака послѣдняго съ Софьей Палеологъ, такъ не титуловалъ цесаремъ Василя III и послѣ 1514 г. Поэтому, кажется, правильнѣе объяснить названіе Василя III цесаремъ со стороны Максимиліана I въ 1514 г. сложившимися около того времени новыми отношеніями между германскимъ императоромъ и польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Отношенія эти сдѣлались враждебными вслѣдствіе того, что Максимиліанъ и Сигизмундъ столкнулись въ стремленіяхъ къ обладанію Венгріей и Богеміей. Постоянно усиливавшееся вліяніе Максимиліана при венгерскомъ дворѣ, проектировавшіеся браки между внуками его и дѣтьми венгерскаго короля съ цѣлью присоединенія Венгріи и Богеміи къ австрійскимъ родовымъ землямъ возбуждали опасенія со стороны Польши. Вслѣдствіе этого король Сигизмундъ въ 1512 г. вступилъ въ бракъ съ сестрою сильнѣйшаго магната Венгріи Іоанна Заполя, бывшаго главою антигабсбургской партіи. Брачная связь съ сильнѣйшимъ аристократическимъ родомъ Венгріи давала королю Польши надежду, по пресѣченіи мужского потомства на престолѣ Венгріи, или самому получить корону Венгріи и Богеміи, или видѣть на престолѣ венгерскомъ и богемскомъ своего шурина Іоанна Заполя. Попытки Максимиліана разстроить противный его видамъ бракъ Сигизмунда съ сестрою Іоанна Заполя

¹⁾ Назв. гр., стр. 1—3.

²⁾ „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 1504; II, 1437.

не увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе чего Максимиліанъ задумалъ создать королю Польши такія затрудненія, которыя отвлекли бы его вниманіе отъ Венгріи и Богеміи. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ московскимъ государемъ Василиемъ III, желая поддержать его въ борьбѣ съ Польшею и чрезъ то принудить короля послѣдней отказаться отъ плановъ на Венгрію. Договорная грамота 1514 г. Максимиліана съ Василиемъ III говоритъ о польскомъ королѣ, какъ объ общемъ ихъ врагѣ. Дабы еще болѣе затруднить положеніе Сигизмунда, Максимиліанъ въ то же время возбуждалъ противъ Польши гроссмейстера Тевтонскаго ордена, замышлялъ привлечь къ коалиціи противъ Польши датскаго короля и нѣкоторыхъ имперскихъ князей. Императоръ достигъ своей цѣли. Сигизмундъ I, утомленный борьбой съ Василиемъ III, уступилъ: онъ подтвердилъ договоры между дѣтьми короля Венгріи и внуками Максимиліана, что означало отказъ его отъ всякихъ видовъ на Венгрію и Богемію въ свою пользу или въ пользу Заполѣя. Такимъ образомъ причина вражды Максимиліана къ Сигизмунду была устранена, и Максимиліанъ отступился отъ тѣхъ, кого онъ возбуждалъ противъ Польши ¹⁾. Но въ то время, когда отношенія Максимиліана къ Сигизмунду были враждебны, Максимиліанъ видѣлъ въ московскомъ государѣ могучее орудіе для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ. Думая расположить въ свою пользу московскаго государя, Максимиліанъ назвалъ его въ договорной грамотѣ 1514 г. цесаремъ, когда же нужда въ этомъ цесарѣ миновала, Максимиліанъ пересталъ такъ титуловать московскаго государя ²⁾.

Врядъ ли также слѣдуетъ ставить въ связь генеалогію Іоанна IV отъ брата кесаря Августа съ правами на восточную римскую имперію, унаслѣдованными Іоанномъ III чрезъ бракъ съ

¹⁾ Проф. Вауеръ: „Сношенія Россіи съ Германіей въ XV и XVI вв.“ Ж. Мнн. Н. Пр. 1870 г., № 3, 78 и слѣд.

²⁾ „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 197, 217, 341, 343, 346, 356, 362, 363, 370. Что Максимиліанъ нѣкоторое время относился враждебно къ Сигизмунду, нѣтъ вида на Венгрію, и находилъ для себя выгоднымъ союзъ съ московскимъ государемъ, постояннымъ врагомъ (*perpetuum hostem*) Польши, говоритъ Герберштейнъ (*Rerum Moscovit. Commentarii*, 17, an. 1556).

Софьей Палеологъ, если только этимъ бракомъ Іоаннъ III приобрѣлъ какія-либо права. Генеалогія перваго русскаго царя отъ Августава брата можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что Грозный велъ и свою династію, и права свои на титулъ и власть изъ того источника, откуда истекала власть византійскихъ императоровъ; быть можетъ онъ сознательно миновалъ преемство власти своей изъ второго Рима, желая выставить Москву, вслѣдствіе происхожденія ея царствующаго дома отъ брата кесаря Августа, преемницей непосредственно перваго Рима ¹⁾).

Что касается православнаго Востока то, несомнѣнно, имъ признавалось за московскими государями право покровительства всѣмъ православнымъ, страдавшимъ отъ невѣрныхъ. Покровительство это должно было выражаться въ щедрой милостынѣ, и православный Востокъ внушалъ московскимъ государямъ, что благотвореніе ему—обязанность ихъ, какъ единственныхъ независимыхъ

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, говоря о царственномъ наслѣдіи, принесенномъ Софьей Палеологъ своему супругу въ приданое, что Іоаннъ IV, исчисляя свои права на царскій титулъ предъ іерархами православнаго Востока, не упомянулъ объ этомъ наслѣдіи, полученномъ московскими государями. Объяснить такое умолчаніе забвеніемъ нельзя: унаслѣдованіе правъ на восточную римскую имперію было бы фактомъ крупнымъ, особенно если бы этому наслѣдству придавали значеніе; кромѣ того, Іоаннъ IV былъ внукъ Софьи, поэтому вѣроятно не думать, что браку своего дѣда съ цареградской царевной Грозный, такъ страстно доказывавшій права свои на царскій титулъ, не придавалъ того значенія, какое придаетъ г. Марковинъ. Перечень правъ Іоанна IV на царскій титулъ заключается въ грамотѣ восточнаго духовенства, признававшего этотъ титулъ за нимъ; перечень этотъ, повидимому, повторенъ былъ со словъ дипломатовъ московскихъ, изложившихъ восточнымъ іерархамъ основанія, въ силу которыхъ московскій государь усвоилъ себѣ царскій титулъ. Іоаннъ IV писалъ вселенскому патріарху, что поручилъ митрополиту Іоасафу изложить: „по какой причинѣ приняли мы вѣнецъ царства Русскаго, изволеніемъ и рукоположеніемъ, и соборными молитвами, во Святомъ Духѣ богомольца и отца нашего Макарія, Митрополита всея Руси и всего священнаго Собора митрополитъ Русской, и какимъ образомъ, по неизреченному милосердію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, взяли мы царство Казанское и царство Астраханское“... („Сношен. Россіи съ прав. Востокомъ“, ч. I, стр. 78—79). Царь, излагая основанія, въ силу которыхъ возложилъ на себя царскій вѣнецъ, говорить и о завоеваніи имъ царствъ казанскаго и астраханскаго („Соборн. Грамота духовенства прав. вост. Церкви“, 11, изд. еп. Оболенскимъ).

православныхъ царей. Но видѣлъ ли православный Востокъ въ московскихъ царяхъ такихъ государей, какими были византійскіе императоры? Въ грамотѣ, признавшей за Іоанномъ IV царскій титулъ, подписанной православными іерархами Востока, нѣкоторыя строки, какъ полагаютъ, выскоблены рукою московскаго дьяка вслѣдствіе того, что въ нихъ заключалось нѣчто оскорбительное для чести московскаго государя. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что Іоанну IV, судя по многимъ даннымъ, присланъ былъ патріархомъ константинопольскимъ не такой чинъ вѣнчанія на царство, какимъ вѣнчались византійскіе императоры. Въ дѣлѣ учрежденія патріаршества на Руси московскіе цари не могли не видѣть, что іерархи православнаго Востока мѣняли тонъ, когда московскій государь по отношенію къ нимъ принималъ положеніе просителя. Врядъ ли московскіе государи не понимали, что православный Востокъ готовъ былъ усвоить имъ на словахъ, ради милостыни, такую власть, какой на дѣлѣ не призналъ бы.

Мнѣніе г. Марковина, что русскіе цари считали себя возстановителями титула императоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ титулъ этотъ существовалъ въ Византіи, фактами не оправдывается.

Говоря о придворныхъ обрядахъ московскихъ государей г. Марковинъ высказываетъ мнѣніе, что „многіе греки, прибывшіе вмѣстѣ съ Софьей во время Іоанна III, ввели у насъ при дворѣ пышныя обряды, соотвѣтствующіе власти Императора и титулу Самодержца“ ¹⁾. Объясняя такимъ образомъ появленіе обрядовъ при московскомъ дворѣ, г. Марковинъ отмѣчаетъ, что „царственная обстановка московскаго государя, царственныя формы и порядки его быта“ выросли по мѣрѣ развитія сношеній Москвы съ другими государствами ²⁾.

Такимъ образомъ, по мнѣнію самого же г. Марковина, обряды московскаго двора началомъ своимъ обязаны не однимъ грекамъ Софьи.

Къ сожалѣнію, г. Марковинъ не подкрѣпляетъ никакими данными высказанное имъ мнѣніе, что съ приходомъ грековъ Софьи появились въ Москвѣ придворныя обряды, и притомъ пышныя, не

¹⁾ Назв. тр., 3.

²⁾ Тамъ-же, 5.

указываетъ, какіе именно обряды возникли при дворѣ Іоанна III. Между тѣмъ отмѣченная имъ постепенность роста царственной обстановки московскаго государя наводитъ на мысль, что не все въ этомъ отношеніи было сдѣлано греками Софьи, кое что было оставлено и преемникамъ Іоанна III.

Отъ вниманія г. Марковина, ведущаго московскіе придворные обряды изъ Византіи, не ускользнуло, что между обрядами византійскихъ императоровъ и московскихъ царей есть существенное различіе, и что обряды византійскіе и московскіе выражаютъ разныя идеи. Такое различіе г. Марковинъ объясняетъ разными отношеніями царской власти къ духовной въ Византіи и въ Москвѣ, сообразно чему должны были измѣниться въ Москвѣ церковно-гражданскіе обряды, заимствованные изъ Византіи, какъ не соответствовавшіе московскимъ понятіямъ ¹⁾. Такимъ образомъ, обряды эти не породили въ Москвѣ измѣненія отношеній власти свѣтской къ духовной по образцу Византіи, но сами потерпѣли измѣненіе.

Г. Марковинъ не склоненъ думать, что заимствованные Москвою византійскіе придворные обряды, выражавшіе мысль о священномъ происхожденіи царской власти, породили самодержавіе русскихъ царей. Онъ усматриваетъ въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости создать сильное государство для борьбы съ врагами, и этимъ сознаніемъ объясняетъ быстрый ростъ власти московскихъ государей ²⁾. Церковно-гражданскіе обряды византійскихъ императоровъ, перенесенные въ Москву, внушили только, полагаетъ г. Марковинъ, „понятія о священномъ происхожденіи царской власти и о значеніи русскаго Царя какъ единого боговѣнчаннаго Представителя, какъ единого Намѣстника власти Божіей“ ³⁾. Вмѣстѣ съ мыслью о священномъ значеніи и происхожденіи царской власти, въ связи съ ученіемъ о единствѣ ея, церковно-придворные обряды византійскаго двора произвели на Руси, по мнѣнію г. Марковина, безусловное повиновеніе царской власти, доходившее въ подданныхъ до полнаго рабства ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 5—18.

²⁾ Тамъ же, 5—6.

³⁾ Тамъ же, 9.

⁴⁾ Тамъ же, 10.

Отвергая мнѣніе, будто церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора породили московское самодержавіе, названный изслѣдователь тѣмъ не менѣе приходитъ къ заключенію, что если бы идея царской власти и ученіе о ней не были принесены изъ Византіи на Русь, государи русскіе не имѣли бы безусловной власти надъ своими подданными, и что, слѣдовательно, безъ византійскихъ идей, тѣми или иными путями внушаемыхъ, московскіе цари въ сущности не были бы самодержцами. Такъ разсуждая, г. Марковинъ упускаетъ изъ виду, что идея о священномъ значеніи и происхожденіи царской власти не была домысломъ Византіи. Идея эта и византійцами взята была изъ св. писанія, и поэтому она не только византійская, но и христіанская, а потому и русское общество, воспринимая ее, восприняло идею не византійскую, но христіанскую, св. писаніемъ внушаемую.

Говоря объ идеѣ единства царской власти, существовавшей въ Византіи и оттуда перенесенной, какъ полагаетъ г. Марковинъ въ Москву, слѣдуетъ имѣть въ виду, что идея эта не могла примѣняться на Руси по отношенію къ князьямъ ея до времени паденія византійской имперіи, потому что единымъ царемъ для русскихъ, какъ для христіанъ, былъ, съ точки зрѣнія Византіи, ея императоръ. Въ грамотѣ патріарха константинопольскаго, написанной вел. кн. московскому Василию Дмитріевичу въ 1393 г., внушалось великому князю, что византійскій царь „поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ“ ¹⁾. Въ этой грамотѣ патріархъ указывалъ Василию I на слова апостола: „Бога бойтеса, царя чтите“ и, требуя отъ великаго князя повиновенія византійскому императору, толковалъ слова апостола въ томъ смыслѣ, что апостоль указалъ на одного царя для вселенной. Другихъ христіанскихъ государей, усвоившихъ себѣ царскій титулъ, патріархъ называлъ узурпаторами: „всѣ эти примѣры (т. е. того, что государи христіанскихъ народовъ, кромѣ византійскаго, называли себя царями), суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія“ ²⁾. Патріархъ

¹⁾ „Рус. Ист. Библ.“ VI, Прил., стр. 272.

²⁾ Тамъ же, стр. 276.

какъ бы опасался, чтобы московскій великій князь не называлъ себя царемъ ¹⁾).

Только послѣ паденія византійской имперіи восточное духовенство могло, и дѣйствительно начало, внушать московскому государю, но не подданнымъ его, въ прошеніяхъ къ нему о милостынѣ, что онъ есть единственный царь всѣхъ православныхъ, изъ чего вытекало, что онъ былъ царемъ и для всѣхъ православныхъ русскихъ ²⁾).

¹⁾ Внушая Василию I мысль, что русскіе уже имѣютъ царя въ лицѣ византійскаго императора, которому обязанъ повиноваться, какъ христіанинъ, и самъ Василій I, константинопольскій патріархъ запретилъ митрополиту Алексѣю оказывать предпочтительное расположеніе московскому великому князю, т. е. служить дѣлу объединенія русскихъ земель подъ властью московскаго великаго князя. Митрополиту Алексѣю константинопольскій патріархъ писалъ въ 1371 г.: „тебѣ слѣдуетъ... имѣть отеческую любовь и расположеніе ко всѣмъ (русскимъ) князьямъ,—любить ихъ равно и показывать къ нимъ одинаковое расположеніе, благосклонность и любовь, а не такъ, чтобы однихъ изъ нихъ любить какъ своихъ сыновъ, а другихъ не любить, но всѣхъ равно имѣть своими сынами, всѣхъ равно любить“. („Рус. Ист. Библ.“, VI Прил., стр. 160). Константинопольскій же патріархъ призналъ свѣтское многовластіе на Руси явленіемъ, борьба съ которымъ была невозможна. Въ соборномъ опредѣленіи константинопольскаго патріарха о возстановленіи единства русской митрополіи (въ 1389 г.) читаемъ, что единый митрополитъ долженъ быть для русскихъ какъ бы связью, и потому на Руси установлена одна власть духовная „за невозможностію привести къ единству власть мірскую“. Соборное опредѣленіе указываетъ на митрополита Алексѣя какъ на виновника раздѣленія русской митрополіи:... „онъ (митрополитъ Алексѣй) сталъ не одинаково относиться ко всѣмъ князьямъ и не о всѣхъ равно заботиться, какъ бы слѣдовало имѣющему о всѣхъ дать слово въ день суда, но къ однимъ показывалъ отвращеніе, а къ другимъ—расположеніе. Когда же великій князь московскій Іоаннъ, умирая, возложилъ на него попеченіе, заботу и промышленіе о своемъ сынѣ Димитріѣ, то онъ весь предался этому дѣлу и презрѣлъ божественные законы и постановленія, принявъ на себя, вмѣсто пасенія и поученія христіанъ, мірское начальствованіе, вслѣдствіе чего, призванный учить миру и согласію, увлекся въ войны, брани и раздоры“ (тамъ же, VI, Прил., стр. 196 и 198). Такъ въ исходѣ XIV в. соборное опредѣленіе константинопольскаго патріарха признало утопіей политическое единство Руси, осудило государственное служеніе митрополита Алексѣя интересамъ московскаго великаго князя.

²⁾ „Снош. Россія съ прав. Востокомъ“, ч. I, стр. 62, 89, 110, 228, 232, 239—241, 291.

Но въ этомъ направленіи внушеніе православнаго Востока, дѣлаемое московскимъ государямъ, не было для нихъ чѣмъ то новымъ; къ тому, чтобы быть государями всея Руси, они уже стремились и безъ внушеній со стороны православнаго Востока и, занятыя задачею національнаго объединенія, благодетели православный Востокъ изъ чувства благочестія и состраданія, но не потому, что стремились быть царями всѣхъ христіанъ, какими считались византійскіе императоры.

Г. Марковинъ придаетъ церковно-гражданскимъ обрядамъ, перенесеннымъ изъ Византіи въ Москву, важное значеніе. По мнѣнію его обряды эти способствовали тому, что московскій государь возымѣлъ надъ своими подданными безусловную власть. Такое значеніе церковно-гражданскихъ обрядовъ тѣмъ болѣе важно, что плодъ этихъ обрядовъ, виновниками появленія которыхъ при московскомъ дворѣ г. Марковинъ считаетъ грековъ Софьи, созрѣлъ очень скоро. Уже Герберштейнъ отмѣтилъ, что сынъ Іоанна III пользовался такою властью надъ своими подданными, что въ этомъ отношеніи превосходилъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра ¹⁾.

Удѣляя столь важную роль церковно-гражданскимъ обрядамъ для царской власти московскихъ государей, г. Марковинъ, къ сожалѣнію, считаетъ достаточнымъ голословное указаніе, что обряды эти появились при Іоаннѣ III.

По мнѣнію г. Марковина церковно-гражданскіе обряды не повлияли на отношенія власти свѣтской къ духовной въ Москвѣ „съ одной стороны вслѣдствіе положенія русскаго царя въ государствѣ, какъ отца семейства государственнаго, а не какъ господина подданныхъ, съ другой—вслѣдствіе тѣхъ правилъ благовѣрія, любомудрія и добродѣтели, которыя византійская педагогія сдѣлала обязательными для всякаго воспитанника“ ²⁾.

Такимъ образомъ, русскіе цари усвоили себѣ тѣ правила византійской педагогіи, которыя не были усвоены византійскими императорами, вслѣдствіе чего и византійская идея царской власти, при перенесеніи ея на русскую почву и при примѣненіи ея къ

¹⁾ Rerum Moscov. Commentarii, 14, an. 1556.

²⁾ Назв. тр., 13.

русской жизни, измѣнилась соответственно особому строю русской жизни и особому умственному и нравственному направленію ея, и это измѣненіе отразилось и на церковно-придворныхъ обрядахъ византійскаго двора, насажденныхъ въ Москвѣ. Въ примѣненіи къ русской жизни, говоритъ г. Марковинъ, обряды византійскіе потерпѣли измѣненіе не только въ основной, существенной мысли, но и въ частности¹⁾.

Слѣдовательно, по заключенію г. Марковина, идея царской власти, выражавшаяся въ московскихъ церковно-придворныхъ обрядахъ, не та, которая усматривается въ такихъ же обрядахъ византійскаго двора. Съ такимъ заключеніемъ Марковина нельзя не согласиться, сравнивая обряды византійскаго и московскаго дворовъ. Различіе въ идеяхъ власти московскаго царя и византійскаго императора, наглядно выражающееся въ церковно-гражданскихъ обрядахъ того и другого, весьма значительно. Въ Византіи обряды эти выражали особое положеніе императора въ церкви, какъ царя всѣхъ христіанъ, въ Москвѣ же въ этихъ обрядахъ выражалась не столько высота власти царя, какъ государя русскаго, сколько глубина его благочестія. Въ Византіи въ этихъ обрядахъ императоръ на первомъ планѣ, особенно въ обрядѣ, который совершался въ недѣлю Ваій: онъ затемняетъ даже патріарха, въ Москвѣ наоборотъ—въ тѣни смиренная фигура царя. И народъ русскій, видя царя своего въ церковно-гражданскихъ обрядахъ, скорѣе видѣлъ глубину его смиренія, чѣмъ высоту его сана.

Г. Каневскій поставилъ себѣ не столь широкую задачу, какъ г. Марковинъ. Трудъ его посвященъ изложенію выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи въ праздники Рождества Христова и Богоявленія. Въ этихъ выходахъ византійскаго царя, говоритъ г. Каневскій, наглядно представлялась взгляду византійца возвышенная идея царя, который, „будучи облеченъ безусловнымъ полновлостиемъ въ отношеніи гражданскомъ, какъ помазанникъ Божій и глава христіанскаго народа, былъ высшимъ авторитетомъ и въ дѣлахъ церковныхъ“, съ властью, простиравшеюся на весь христіанскій міръ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, 17—18.

²⁾ „Труды Кіевск. Дух. Ак.“ 1872 г., августъ, 780.

Опредѣливъ такъ идею власти византійскаго императора, выражавшуюся въ торжественныхъ выходахъ его въ храмъ св. Софїи, г. Каневскій замѣчаетъ, что и въ то время, когда византійская имперія клонилась къ упадку, греки видѣли въ своемъ царѣ „единственнаго помазанника Божія“, отъ котораго одного всѣ прочіе короли и владѣтели могли законно получать свою власть ¹⁾.

Особое вниманіе г. Каневскій удѣляетъ такъ называемымъ актологіямъ, т. е. пѣснопѣніямъ, которыя исполнялись димами во время выходовъ императора Византіи; въ этихъ актологіяхъ, говоритъ г. Каневскій, ясно выражалась „возвышенная идея царя примѣнительно къ празднуемымъ событіямъ ²⁾.

Кромѣ трудовъ гг. Марковина и Каневского, указанныхъ проф. Бѣляевымъ, есть еще одинъ трудъ, который посвященъ сравнительному изложенію церковно-гражданскихъ обрядовъ въ Византіи и на Руси въ праздники Ваїи и Пасхи. По мнѣнію автора этого труда ³⁾, знакомство съ обрядами византійскаго двора имѣетъ особенную цѣнность при изученіи русской жизни, потому что „церемоніи двора византійскаго въ праздники церковные даютъ намъ возможность объяснить то глубокое чувство полной преданности царю русскаго народа, какая замѣчается въ продолженіе всей его исторической жизни и которая въ особенности цѣнна была въ тѣ минуты, когда царь (какъ напр. Іоаннъ IV) являлся не столько отцемъ своего народа, сколько грознымъ судіею, каравшимъ виновныхъ, а можетъ быть и невиновныхъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, 781. Замѣтимъ, что такихъ актологій нѣтъ въ богомольныхъ выходахъ московскихъ царей.

³⁾ Такъ какъ авторъ этого труда скрылъ свое имя, будемъ называть его анонимнымъ изслѣдователемъ.

⁴⁾ „Церковно-придворныя церемоніи византійскихъ императоровъ, сравнительно съ подобными же церемоніями древнихъ русскихъ царей“, „Духовная Бесѣда“, 1871 г., № 52, стр. 446. Такъ какъ анонимный изслѣдователь полагаетъ, что перенесенными въ Москву византійскими церковно-придворными обрядами возможно объяснить преданность русскаго народа и такому царю, какъ Іоаннъ IV, уместно сравнить отношеніе русскаго народа къ Грозному царю съ отношеніемъ византійцевъ къ императору Андронику Комнѣну, который по жестокости не уступалъ Грозному. Андроникъ Комнѣнъ (царствовалъ отъ 1189 г. по 1186 г.; см. Muralt, Essai de Chronogr. Byzantine, I, 218, Изд. 1871 г.).

Въ изслѣдованіи анонимнаго автора находимъ мысли, сходныя съ выраженными г. Марковинымъ: и первый, подобно послѣднему (или, быть можетъ, послѣдній подобно первому; трудъ анонимнаго изслѣдователя вышелъ въ 1871 г., а г. Марковина—въ 1872 г.), говорить, что „идея о самодержавномъ монархѣ составляетъ наслѣдіе Россіи, полученное ею изъ Византіи, сплотившее ее въ одно цѣлое“; что въ связи съ этой идеей и съ ученіемъ церкви о

свергнутый съ престола возмущившимися жителями Константинополя, былъ подвергнутъ публичному поруганію и побоймъ, лишень правой руки и брошенъ въ темницу, гдѣ провела нѣкоторое время безъ пищи и питья. „А спустя нѣсколько дней,“ рассказываетъ Никита Хониатъ объ умерщвленіи Андроника, „ему выкалываютъ лѣвый глазъ, сажаютъ на паршиваго верблюда и съ торжествомъ ведутъ по площади. Нагая, какъ у стараго дерева, и гладкая, какъ яйцо, голова его была не покрыта, а тѣло прикрито короткимъ рубищемъ. Жалкое то было зрѣлище, исторгавшее ручьи слезъ изъ кроткихъ глазъ. Но глупые и наглые жители Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и всѣ тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ мастерскихъ, кое-какъ живутъ починкою сапоговъ и съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ иголкою, сбѣжавшись на это зрѣлище, какъ слетаются весною мухи къ подойнику и къ салнымъ сосудамъ, ни сколько не подумали о томъ, что это человѣкъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царскою діадемою, что его всѣ прославляли какъ спасителя, привѣтствовали благожеланіями и поклонами, и что они дали страшную клятву на вѣрность и преданность ему. Съ безмысленнымъ гнѣвомъ и въ безотчетномъ увлеченіи они злодѣйски напали на Андроника и не было зла, котораго бы не сдѣлали ему. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему ноздри пометомъ, третьи, намочивъ губку скотскими и человѣческими изверженіями, выжимали ихъ ему на лицо. Нѣкоторые поносили срамными словами его мать и отца, иные кололи его рожнами въ бока, а люди, еще болѣе наглые, бросали въ него камни и называли его бѣшенною собакой.. И послѣ того, какъ съ такимъ безчестіемъ въ смѣшномъ триумфѣ привели его на театръ, его стащили съ жалкаго верблюда, на котораго посадили ради посмѣянія, и, привязавъ веревку, повѣсили за ноги между двухъ столбовъ... Перенесши такое множество страданій, вытерпѣвъ тысячи и другихъ мученій, о которыхъ мы не упомянули, Андроникъ все еще имѣлъ довольно силы мужественно и съ полнымъ сознаніемъ переносить и новыя страданія... Между тѣмъ безмысленнѣйшая чернь и послѣ того, какъ его повѣсили за ноги, не оставила страдальца въ покоѣ и не пощадила его тѣла, но, разорвавъ рубашку терзала его... Одинъ злодѣй вонзилъ ему длинный мечъ въ горло до самыхъ внутренностей... Наконецъ, послѣ такого множества мученій и страданій, онъ съ трудомъ испустилъ духъ...“ („Никита Хониата Исторія“, т. I, 440, рус. пер.).

царѣ, какъ помазанникѣ Божіемъ, церковно-придворные обряды, заимствованные изъ Византіи, „произвели въ русскихъ послушную воспріимчивость къ полновластію правительства“. Отъ вниманія анонимнаго изслѣдователя не ускользнуло различіе между церковно-гражданскими обрядами византійскаго двора и московскаго. Это различіе объясняется имъ, какъ и г. Марковинымъ, византійской педагогіей, внушившей московскимъ государямъ смиреніе, сообразно которому византійскіе обряды потерпѣли въ Москвѣ измѣненіе ¹⁾).

И анонимный изслѣдователь и г. Марковинъ полагаютъ значеніе церковно-придворныхъ обрядовъ московскихъ царей въ томъ, что обряды эти внушили русскимъ чувства уваженія и безусловной покорности къ своимъ государямъ. Такой выводъ названные изслѣдователи ничѣмъ не подтверждаютъ, ограничиваясь только предположеніемъ, что обряды московскаго двора, хотя и менѣе пышныя чѣмъ византійскіе, должны были возвысить царя въ глазахъ его народа. Къ такому выводу, казалось бы, названныхъ изслѣдователей могло привести подобное же явленіе въ Византіи, но въ Византіи, хотя тамъ церковно-гражданскіе обряды императоровъ были неизмѣримо болѣе великолѣпны, чѣмъ въ Москвѣ, не видно такого уваженія къ особѣ государя, какъ въ московскомъ государствѣ, гдѣ церковно-гражданскіе обряды царей не всегда представляются даже блѣдной копіей съ византійскихъ. Въ изслѣдованіи Сабатье находится перечень причинъ смертей византійскихъ императоровъ, наглядно характеризующій отношеніе византійцевъ къ своимъ императорамъ ²⁾).

По исчисленію Сабатье оказывается, что изъ 109 императоровъ отъ Аркадія до Константина XI Палеолога, 34 императора умерли на своемъ ложѣ отъ старости или болѣзней; 20 погибло насильственною смертію: зарѣзанные, отравленные, удушенные, обезглавленные, свергнутые съ высоты столба; 18 было кастрировано, ослѣплено, лишено носа, кисти руки и проч.; 3 погибли голодною смертію; 1 былъ пораженъ молніей; 1 умеръ вслѣдствіе раны отъ отравленной стрѣлы; 2 умерло лишившись разсудка;

¹⁾ Тамъ же, 446 и 447.

²⁾ Перечень этотъ приведенъ Рамбо въ его изслѣдованіи *L'Empire grec au X siècle*, 23.

12 погибло въ темницѣ или окончило жизнь свою въ монастырѣ; 12 отказалось отъ престола добровольно или по принужденію, приче́мъ большая часть изъ нихъ приняла монашество; 3 были убиты на полѣ брани; 1 былъ плѣвненъ ¹⁾.

Болѣе трети византійскихъ императоровъ—37 изъ 109—царствовало, по вычисленію Сабатье, отъ одного года до пяти лѣтъ, приче́мъ многіе изъ нихъ занимали престолъ по нѣскольکو мѣснцевъ ²⁾.

Это исчисленіе Сабатье не свидѣтельствуетъ объ уваженіи византійцевъ къ своимъ императорамъ, но подтверждаетъ свидѣтельство византійскаго историка Никиты Хоніата, что жители Константинополя отличались особенною склонностью къ мятежамъ и возмущеніямъ, такъ что „кого сегодня превозносили, какъ законнаго властителя, того на другой день поносили, какъ злодѣя“... ³⁾.

Такимъ образомъ то, чего не могли сдѣлать въ Византіи церковно-гражданскіе обряды, въ которыхъ императоры являлись въ полномъ блескѣ и величіи своей власти въ теченіи многихъ вѣковъ, сдѣлано было на Руси, по мнѣнію анонимнаго изслѣдователя и г. Марковина, скромными, по сравненію съ византійскими, обрядами и богомольными выходами московскихъ царей, и притомъ въ теченіи самаго непродолжительнаго времени: появились церковно-гражданскіе обряды при Іоаннѣ III благодаря грекамъ Софьи, и уже сынъ того же Іоанна III пользуется такою властью надъ своими подданными, что власть эта обращаетъ на себя вниманіе Герберштейна и представляется ему почти исключительною.

Ни анонимный изслѣдователь, ни г. Марковинъ не допускаютъ мысли, что нѣкоторые церковно-гражданскіе обряды византійскихъ императоровъ были въ Москвѣ измѣнены, а нѣкоторые и не были приняты, не только вслѣдствіе правилъ византійской педагогикъ, не соблюдавшихся въ самой Византіи, но потому, что идея императорской власти, выражавшаяся въ византійскихъ обрядахъ, не соотвѣтствовала идеѣ царской власти московскихъ государей. Ни

¹⁾ Sabatier, Description générale de monnaies Byzantines, I, 22, Paris, an. 1862.

²⁾ Тамъ же, 21.

³⁾ „Никиты Хоніата Исторія“, рус. пер., I, 300—301.

анонимный исследователь, ни г. Марковичъ не могли не замѣтить различія между церковно-гражданскими обрядами византійскаго и московскаго дворовъ, различіи, которое рѣзко выставяетъ разницу въ идеяхъ власти византійскаго императора и московскаго царя, но это не помѣшало имъ утверждать, что идея царской власти московскаго государя заимствована изъ Византіи. Они только указываютъ, что въ Москвѣ эту византійскую идею передѣляли сообразно своимъ взглядамъ, но если ее передѣляли, то уже изъ этого слѣдуетъ, что въ Москвѣ имѣли по крайней мѣрѣ нѣкоторое представленіе о царской власти, отличное отъ византійскаго, и это представленіе настолько было ясно, что московскій царь не сталъ играть роли византійскаго императора.

Глава IV.

Первый московскій чинъ вѣнчанія на великое княженіе, извѣстный изъ современной записи, былъ совершенъ надъ не государствовавшимъ внукомъ Іоанна III. Чины вокняженій русскихъ князей до времени Іоанна III, если только такіе чины существовали, до насъ въ описаніяхъ не дошли.

Исслѣдователи обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей, въ поискахъ начала этихъ обрядовъ въ бытѣ первыхъ русскихъ христіанскихъ князей, находили въ лѣтописяхъ, при извѣстіи о вокняженіи того или другого князя (съ XI в.), выраженія: „сѣде на столѣ“, или „на столѣ посадиша“ съ добавленіями: „съ честію великою“, „весь порядъ положше“¹⁾.

Собирая лѣтописныя извѣстія о вокняженіяхъ, исслѣдователи начертали такую обычную картину вступленій на престолъ русскихъ князей: князь, при вѣздѣ въ стольный городъ, былъ встрѣчаемъ духовенствомъ и народомъ, отправлялся въ соборный храмъ, садился на княжескомъ столѣ, и митрополитъ или епископъ благословлялъ его крестомъ. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, что при посаженіи князя на столъ читались митрополитомъ или епископомъ

¹⁾ „Лѣт. по Лавр. сп.“, изд. 2, стр. 144, 177, 193, 197, 210, 291, 354, 402. Н. Катаевъ: „О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство“, 75, 1847 г.; Вельтманъ: „Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя императоромъ Василіемъ и Константиномъ в. к. Владимиру Кіевскому“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1860 г. кн. I, 30—31, 36; А. Горскій: „О священнодѣйствіи вѣнчанія и помазанія царей на царство“, 15, 1882 г.; Е. Барсовъ: „Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство“ и т. д. въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.“, 1883 г. кн. I, XI; К. Поповъ: „Чинъ священнаго коронованія“, „Богословскій Вѣстникъ“, 1896 г., май, 182; проф. Н. Покровский: „Чинъ коронованія Государей въ его исторіи“, „Церковн. Вѣстникъ“. 1896 г., № 18, 572).

соотвѣтствующія молитвы, но изслѣдователи русскаго коронаціоннаго обряда полагають, что въ этихъ случаяхъ читалась молитва: „Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ“.....¹⁾.

На вопросъ, возлагались ли на князя, при посаженіи его на столъ, какіе либо знаки княжескаго достоинства, изслѣдователи отвѣчали разнo. Горскій говоритъ увѣренно, что на поставляемаго князя возлагались отличія княжескаго достоинства, но, имѣя въ виду лѣтописное извѣстіе о присылкѣ папою королевскихъ инсигній Даниилу Галицкому, заключаетъ, что королевскія инсигніи были отличны отъ тѣхъ княжескихъ, которыя были у Даниила. По мнѣнію Горскаго, отличіями княжескаго достоинства были: мантия или кочъ и богато украшенная шапка или клобукъ, не снимавшаяся княземъ и въ церкви²⁾. Е. В. Барсовъ находитъ сомнительнымъ предположеніе, что княжескія утвари возлагались на князей при посаженіи ихъ на столъ³⁾. Г. Поповъ также считаетъ мало вѣроятнымъ мнѣніе, что посаженіе князей на столъ сопровождалось возложеніемъ на нихъ какихъ либо инсигній, потому что кочъ и клобукъ были обычными княжескими одеждами, но не инсигніями⁴⁾.

Такъ какъ наши лѣтописи не говорятъ о возложеніи какихъ либо инсигній на князей при посаженіи ихъ на столъ, мнѣніе Е. В. Барсова и г. Попова представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Нельзя сказать, за неимѣніемъ данныхъ, съ какого времени появился на Руси обрядъ посаженія князя на столъ для означенія вокняженія. Впервые находимъ въ лѣтописи выраженіе „сѣсть на столъ“ въ рассказѣ объ убіеніи Бориса: дружина Владиміра св. предложила Борису: „пойди, сяди Киевѣ на столѣ отни“. Повѣствуя объ Ярославѣ Мудромъ, лѣтопись говоритъ о немъ, что онъ „сѣде Киевѣ на столѣ отни и дѣдни“⁵⁾.

¹⁾ См. назв. труды Горскаго, 16; Барсова, XIII; Попова, тамъ же, 184; Покровскаго, тамъ же, 572.

²⁾ Назв. трудъ, 17.

³⁾ Назв. трудъ, XIV.

⁴⁾ Назв. трудъ, 185.

⁵⁾ Лавр. сп., изд. 2-е, стр. 129 и 139. Возможно, что лѣтопись такъ говоритъ о Борисѣ и Ярославѣ по аналогіи съ слѣдующимъ временемъ, когда князья сажались на столъ.

Проф. Покровскій начинаетъ свое изслѣдованіе объ обрядѣ коронованія русскихъ государей указаніемъ, что потребность особаго акта царскаго посвященія признавалась почти всѣми культурными народами древности ¹⁾. Указаніями же на обряды, которыми сопровождалось воцареніе государей египтянъ, персовъ и другихъ древнихъ народовъ, начинается и изслѣдованіе Катаева ²⁾.

Если такой потребности не было въ древней Руси, то особый чинъ вокняженія русскихъ князей могъ появиться, какъ одинъ изъ результатовъ принятія христіанства. Чинъ этотъ, можно думать, соблюдался до времени вѣнчанія внука Іоанна III и въ періодъ монголо-татарскаго ига ³⁾.

На смѣну древнему обряду вступленія на княжескій столъ при Іоаннѣ III явился обрядъ великокняжескаго вѣнчанія, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усложнявшійся.

Относительно причины совершенія великокняжескаго вѣнчанія надъ внукомъ Іоанна III высказывались разныя мнѣнія, причѣмъ вѣнчаніе это называлось царскимъ.

Горскій, говоря объ этомъ вѣнчаніи, замѣчаетъ, что короновалъ Дмитрія Іоанновича съ царскою торжественностью тотъ, кто свергнулъ татарское иго и былъ супругомъ „послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома“ ⁴⁾.

¹⁾ „Церк. Вѣстн.“, 1896 г., апр., № 17, 539.

²⁾ Назв. трудъ, 14.

³⁾ Отъ времени владычества татаръ надъ Русью сохранились извѣстія, что князья сажались на столъ ханскими послами: лѣтопись говоритъ, что сынъ Донского великій князь Василій I былъ посаженъ во Владимірѣ на столъ отца и дѣда своихъ ханскимъ посломъ (П. С. Р. Л. VIII, 60), тоже читаемъ и о вел. кн. Василіи II (тамъ же, 96); лѣтопись указываетъ мѣсто посаженія на столъ вел. кн. Василія II ханскимъ посломъ: „у Пречистне у золотыхъ дверей“. Горскій высказалъ предположеніе, что, если великіе князья сажались на столъ ханскими послами, обрядъ посаженія долженъ былъ дѣлиться на двѣ части: гражданскую—посаженіе князя посломъ у дверей церкви, и церковную—совершавшуюся въ церкви (назв. трудъ, стр. 19 и прим. 49; Барсовъ, назв. трудъ, XIV). У татаръ былъ обрядъ посаженія на столъ избраннаго хана. Плато-Карпини описываетъ такой обрядъ, очевидно котораго онъ былъ; обрядъ этотъ совершенъ былъ надъ ханомъ Гаюкомъ („Путешествія къ татарамъ“, изд. Языковымъ, 37).

⁴⁾ Назв. трудъ, 20.

Такимъ образомъ Горскій вѣнчаніе Іоанномъ III своего внука на великое княженіе какъ бы ставитъ въ связь съ сверженіемъ татарскаго ига и со вторымъ бракомъ Іоанна III.

Е. В. Барсовъ великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III связываетъ съ духовнымъ и политическимъ паденіемъ византійской имперіи: вслѣдствіе этого двойного паденія, говоритъ онъ, идея царя, какъ представителя православія, перешла въ Россію, и потому священнодѣйствіе вѣнчанія на государство явилось на Руси только въ концѣ XV в. По мнѣнію названнаго автора мысль о „переходѣ царства съ Византіи на Москву“ проводится въ концѣ XV в. „въ жизни и политикѣ московскаго двора“: Іоаннъ III отказался принять предложенный ему отъ имени императора Максимилиана I королевскій титулъ, потому что считалъ себя, какъ полагаетъ Е. В. Барсовъ, наслѣдникомъ византійскаго царства; бракъ съ Софьей Палеологъ еще болѣе закрѣпилъ думы о Москвѣ, какъ преемницѣ византійской имперіи, поэтому въ первый разъ священнодѣйствіе вѣнчанія на царство совершено было надъ внукомъ Іоанна III. Мнѣніе, говоритъ Е. В. Барсовъ, что Москва—наслѣдница Византіи, вскорѣ послѣ Іоанна III на столько стало всеобщимъ убѣжденіемъ на Руси, выразившимся въ литературѣ того времени, что Іоаннъ IV провозгласилъ „себя Царемъ, какъ преемникъ и наслѣдникъ Цесарской Греко-римской власти“ ¹⁾.

Г. Поповъ видитъ въ вѣнчаніи внука Іоанна III результатъ объединенія къ концу XV в. значительной части русскихъ земель около Москвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, превращенія московскаго государя въ единодержца и самодержца всея Руси. Въ это время, говоритъ названный авторъ, въ русскомъ обществѣ начинается циркулировать идея, что Москва—прямая преемница павшей византійской имперіи; возникаетъ среди русскихъ мнѣніе, что Софья Палеологъ, послѣдняя представительница исчезающаго царственнаго дома Палеологовъ, принесла Москвѣ, вступивъ въ бракъ съ государемъ ея, послѣдніе завѣты павшей имперіи. По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ г. Поповъ, тогда же Іоаннъ III замѣнилъ русскій гербъ римскимъ

¹⁾ Назв. трудъ, XI—XXIII.

двуглавымъ орломъ ¹⁾). Вѣнчаніе Димитрія Іоанновича названный ный изслѣдователь называетъ великокняжескимъ ²⁾).

Проф. Покровскій указываетъ на важныя перемѣны, которыя въ XV и XVI вв. произошли въ политическомъ и государственномъ строѣ Византіи и Руси: съ одной стороны, Византія пала и императорская власть православнаго государя тамъ уничтожилась, съ другой—Россія объединилась подъ властью московскаго государя, который сталъ именоваться царемъ; къ этому царю, по естественному теченію событій, перешли всѣ тѣ права и привилегіи въ дѣлахъ вѣры и церкви, которыми пользовался императоръ византійскій. Результатомъ такихъ перемѣнъ могло быть появленіе полного цареградскаго чина византійскаго коронованія въ Москвѣ въ XV—XVI вв., но, говоритъ проф. Покровскій, ошибочно полагаютъ, что* цареградское новое коронованіе у насъ началось съ внука Іоанна III; чинъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича „не есть полный чинъ царскаго коронованія самодержца, поставленія на царство, но лишь чинъ поставленія на великое княженіе“. Самое заглавіе этого чина и анализъ его состава ясно показываютъ, по мнѣнію проф. Покровскаго, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ древне-русскимъ, но не новымъ. Къ такому заключенію приходитъ проф. Покровскій, во первыхъ, на основаніи рѣчи Іоанна III, сказанной послѣднимъ митрополиту предъ вѣнчаніемъ внука: Іоаннъ говорилъ, что благословеніе дѣтей на княженіе, т. е. чинъ поставленія на великое княженіе внука его, „есть старинный обычай отцовъ, и что въ силу этого именно обычая онъ рѣшается благословить своего внука вмѣсто сына, слѣдовательно, допускаетъ непосредственную связь этого чина съ древнѣйшимъ“; во вторыхъ, на основаніи сравненія чина вѣнчанія внука Іоанна III съ древнимъ обрядомъ поставленія князей. „Какъ этотъ чинъ“, говоритъ проф. Покровскій, „такъ и обрядъ древняго вокняженія происходили въ соборномъ храмѣ, на особомъ возвышеніи; тамъ и здѣсь видимъ объявленіе о поставленіи князя, благословеніе крестомъ отъ іерарха и привѣтствія, и съ полною вѣроятностію можемъ предполагать одну общую молитву, хотя она и не обозначена въ

¹⁾ Назв. трудъ, „Богосл. В.“, 1896 г., май, 177.

²⁾ Тамъ же, 186.

краткихъ извѣстіяхъ лѣтописей“. Только одну особенность этого чина, по сравненію съ древними чинами, готовъ допустить проф. Покровскій: возложеніе шапки и бармъ на Дмитрія Іоанновича, по съ оговоркою, что и эта особенность съ достовѣрностью не можетъ быть сочтена таковою вслѣдствіе отсутствія прямыхъ извѣстій, что возложенія шапки и бармъ не было въ древнемъ обрядѣ княжескихъ посаженій на столъ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію проф. Покровскаго, возложеніе шапки и бармъ не было такою особенностью, которая явилась впервые при поставленіи Дмитрія Іоанновича подъ вліяніемъ византійскаго новаго чина. Шапка и бармы, замѣчаетъ названный изслѣдователь, „какъ атрибуты княжескаго достоинства, извѣстны были гораздо раньше, и во всякомъ случаѣ не въ этой подробности, чуждой Византіи, нужно искать слѣдовъ новаго коронаціоннаго чина, перешедшаго въ Россію изъ Византіи въ эпоху самодержавія“. Проф. Покровскій перечисляетъ рядъ отличій чина вѣнчанія Дмитрія Іоанновича отъ чина коронованія византійскихъ императоровъ и указываетъ на постепенное уподобленіе русскаго коронаціоннаго чина византійскому ¹⁾).

Вполнѣ вѣрно проф. Покровскій отмѣчаетъ, что внукъ Іоанна III не былъ вѣнчанъ на царство. Іоаннъ III ясно и опредѣленно говорилъ митрополиту предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія: „язъ его (внука) благословляю..... великимъ княжествомъ....., и ты бы его, отче, на великое княжество благословилъ“ ²⁾; по совершеніи обряда вѣнчанія діаконъ провозгласилъ многолѣтіе нововѣнчанному „великому князю“, „княземъ великимъ“ назвалъ Дмитрія Іоанновича и митрополитъ въ поученіи, произнесенномъ нововѣнчанному ³⁾).

Такимъ образомъ изъ самаго текста чина вѣнчанія Дмитрія Іоанновича ясно, что въ данномъ случаѣ было великокняжеское вѣнчаніе, но не царское ⁴⁾).

¹⁾ Назв. трудъ, „Церк. В.“ 1896 г., № 18, 573 и слѣд.

²⁾ Е. В. Барсовъ, назв. трудъ, 34.

³⁾ Тамъ же, 36; чинъ поставленія на великое княжество Дмитрія Іоанновича и въ П. С. Р. Л. VI, 241 и VIII, 234.

⁴⁾ Не смотри на это, вѣнчаніе внука Іоанна III разсматривалось какъ царское нѣкоторыми изслѣдователями обрядовъ вѣнчаній. русскихъ государей

Говоря о вѣнчаніи внука Іоанна III, какъ о поставленіи великокняжескомъ, проф. Покровский указалъ на связь чина этого вѣнчанія съ предшествующими посаженіями на столъ русскихъ князей и первый увидѣлъ въ этомъ чинѣ явленіе не новое, въ то время перенесенное въ Москву изъ Византіи, но древне-русское. Одно изъ оснований къ такому мнѣнію проф. Покровский находитъ въ рѣчи Іоанна III къ митрополиту, сказанной предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія надъ внукомъ его. Не отрицая связи древне-русскихъ поставленій на княжескіе столы съ вѣнчаніемъ внука Іоанна III, позволимъ себѣ не согласиться съ тѣмъ толкованіемъ рѣчи Іоанна III къ митрополиту, которое предлагаетъ проф. Покровский. По мнѣнію его, Іоаннъ III говорилъ митрополиту, что „настоящее благословеніе дѣтей на княженіе, т. е. тотъ чинъ, которымъ вѣнчанъ былъ Димитрій Іоанновичъ, есть старинный обычай отцовъ и что въ силу этого именно обычая онъ и рѣшается благословить своего внука вмѣсто сына, слѣдовательно допускаетъ непосредственную связь этого чина съ древнѣйшимъ, не полагая между ними никакого различія и не давая ни единого намека на новшество этого чина“ ¹⁾. Но назвалъ ли Іоаннъ III старымъ обычаемъ тотъ чинъ, которымъ вѣнчанъ былъ на великое княженіе

(назв. труды Катаева, 76 и Е. В. Барсова, XXVII). Горскій не называетъ вѣнчаніе внука Іоанна III царскимъ, но говоритъ, что „супругъ Софьи Палеологъ, послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома, съ царскою торжественностью коронуетъ своего внука вѣнцемъ и бармами, наслѣдованными отъ греческихъ императоровъ“ (назв. трудъ, 20). Но видѣлъ ли Іоаннъ III въ вѣнцѣхъ и бармахъ, возложенныхъ на внука его, наслѣдіе греческихъ императоровъ? Текстъ чина вѣнчанія не даетъ права такъ думать, и самъ Горскій отмѣчаетъ, что въ духовныхъ завѣщаніяхъ предшественниковъ Іоанна III бармамъ и шапкѣ не усвоилось греческое происхожденіе (тамъ же и прим. 50). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ то время, когда вѣнчался на великое княженіе Димитрій Іоанновичъ, повѣсть объ утваряхъ, полученныхъ Владиміромъ Мономахомъ отъ византійскаго императора, еще не была составлена (Проф. Ждановъ, „Русскій былевой эпосъ“, 93 и слѣд.). О вѣнчаніи внука Іоанна III на царство говорятъ и русскіе историки. (Карамзинъ, „Ист. Г. Р.“ изд. Эйнерлинга, VI, 172; Соловьевъ, „Ист. Рос.“ V, 73, изд. 5; Бестужевъ-Рюминъ, „Рус. Ист.“ II, 172; Щербатовъ видѣлъ въ вѣнчаніи Димитрія Іоанновича поставленіе на великое княженіе („Ист. Рос.“ т. IV, ч. II, 300).

¹⁾ „Церк. В.“, 1896 г., № 18, 575.

внукъ его? Вотъ его рѣчь, сказанная митрополиту: „Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша той и до сѣхъ мѣстъ: отцы великіе князи сыномъ своимъ первымъ давали великое княжество, и отецъ мой князь велики меня при себѣ еще благословилъ великимъ княжествомъ, и азъ былъ своего сына перваго Іоанна при себѣ же благословилъ великимъ княжествомъ; Божіа пакы воля състалася, сына моего Іоанна не стало, а у него остался сынъ первой Дмитреи, и мнѣ далъ его Богъ въ сына моего мѣсто, и язъ его нынѣ благословляю при себѣ и опосле себя великимъ княжествомъ володимерьскимъ и новгородцкимъ, и ты бы его, отче, на великое княжество благословилъ“ ¹⁾. Намъ представляется, что Іоаннъ III называлъ старымъ обычаемъ передачу великокняжескаго стола старшему сыну: такъ, говорилъ онъ, поступилъ мой отецъ, такъ поступилъ и я, назначилъ и благословилъ быть великимъ княземъ старшаго своего сына, но, вслѣдствіе смерти его, назначаю и благословляю быть великимъ княземъ сына его—внука моего. На основаніи этого рѣшенія Іоаннъ III предложилъ митрополиту вѣнчать внука, но чинъ церковнаго вѣнчанія не называлъ ни старымъ, ни новымъ.

Сравнивая чинъ вѣнчанія внука Іоанна III съ древнимъ обрядомъ вокняженій, проф. Покровскій находитъ между первымъ и послѣднимъ полное сходство за исключеніемъ одной особенности перваго: возложенія шапки и бармы на вѣнчаемаго, но и эту особенность признаетъ онъ сомнительною, потому что нѣтъ прямыхъ извѣстій объ отсутствіи ея въ древнихъ обрядахъ вокняженій. Шапка и бармы, говоритъ проф. Покровскій, были извѣстны гораздо раньше вѣнчанія внука Іоанна III, какъ атрибуты княжескаго достоинства, и „не въ этой подробности, чуждой Византіи, нужно искать слѣдовъ новаго коронаціоннаго чина, перешедшаго изъ Византіи въ Россію въ эпоху самодержавія“ ²⁾. Между тѣмъ возложеніе инсигній не только при вѣнчаніи царей на царство, но и при хиротоніяхъ и производствахъ государственныхъ сановниковъ, было обычно въ Византіи. При хиротоніи кесаря на хиротони-

¹⁾ Барсовъ, назв. трудъ, 33.

²⁾ „Церк. В.“, 1896 г., № 18, 575.

суета возлагались хламида и кесарскій вѣнецъ, при хиротоніи новелисима—возлагались хламиды, при производствѣ куропалата на производимаго возлагался дивитисій ¹⁾, на производимаго въ магистры возлагался стихарь и перевязь ²⁾ и т. д., при чемъ императорами возлагались на кесарей кесарскія инсигніи и на новелисимовъ хламиды, куропалатамъ же и магистрамъ только давались императорами дивитисіи, стихари и перевязи ³⁾.

Такимъ образомъ торжественное возложеніе знаковъ достоинства на облакаемыхъ въ тотъ или другой санъ существовало въ Византіи, и возложеніе великокняжескихъ инсигній: шапки и бармы на внука Іоанна III не представляется чѣмъ то чуждымъ съ точки зрѣнія Византіи. Обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, не имѣетъ сходства съ обрядами вѣнчаній византійскихъ императоровъ на царство, но имѣетъ большое сходство, какъ увидимъ далѣе, съ хиротоніями кесарей въ Византіи ⁴⁾.

Отмѣчая отличія византійскаго императорскаго коронованія отъ обряда вѣнчанія внука Іоанна III, проф. Покровскій указываетъ на отсутствіе въ этомъ обрядѣ участія коронуемаго лица

¹⁾ Дивитисій—одежда, походившая на стихарь (проф. Бѣльева, *Byzantina*, II, стр. 51, прим. 1 и стр. 56).

²⁾ Βαλτιδιον—перевязь, лежавшая на обѣихъ плечахъ (Reiske, *Commentarii ad De ser. a. B.*, 830).

³⁾ *De ser. a. B.*, I, cap. 43—46.

⁴⁾ Говоря о сходствѣ или несходствѣ инсигній, возложенныхъ на внука Іоанна III при вѣнчаніи его на великое княженіе, съ инсигніями византійскими, слѣдуетъ имѣть въ виду мнѣніе проф. Кондакова, что шапка Мономаха—византійскій кесарскій вѣнецъ, („Русскіе клады“, I, 68) и предположеніе о византійскомъ происхожденіи бармы. Еще Д. И. Прозоровскій доказывалъ, что священное значеніе бармы заимствовано изъ Византіи, и что царскія бармы „есть не что иное, какъ укороченная императорская священная ризница, и вѣсть съ тѣмъ императорскій лоръ въ сокращенномъ видѣ, передавшій бармамъ названіе „діадимы“. („Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху“, „Записки Отд. русск. и славянск. Археологій Имп. Рус. Археол. Общ.“ III, 42). Проф. Бѣльева высказалъ мнѣніе, что русскія бармы произошли изъ укороченнаго лора византійскихъ императоровъ. (*Byzantina*, II, 214—217 и прим.). О византійскомъ происхожденіи бармы говоритъ и проф. Кондаковъ („Русскіе клады“, I, 159).

въ великомъ входѣ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что такого участія коронуемаго лица нѣтъ и въ русскомъ императорскомъ коронаціонномъ чинѣ; кромѣ того, и въ Византіи оно имѣло мѣсто не въ одномъ обрядѣ вѣнчанія на царство: византійскій императоръ участвовалъ въ великомъ входѣ не только тогда, когда вѣнчался на царство ¹⁾).

Трудъ проф. Покровскаго, посвященный уясненію историческаго развитія чина коронованія русскихъ государей, является большимъ шагомъ впередъ въ изслѣдуемомъ имъ вопросѣ: названный изслѣдователь указываетъ происхожденіе чина вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III и представляетъ объясненія постепеннаго осложненія чина царскаго вѣнчанія московскихъ государей; но его объясненіе происхожденія обряда вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III можетъ не удовлетворить изслѣдователя: проф. Покровскій сравниваетъ извѣстное—обрядъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича съ неизвѣстнымъ—предполагаемыми обрядами вокняженій русскихъ князей и объясняетъ извѣстное неизвѣстнымъ. Далѣе, если обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III не имѣетъ никакого сходства съ обрядами вѣнчанія на царство византійскихъ императоровъ, если обрядъ этотъ есть то же, что обрядъ посаженія на столъ русскихъ князей, какъ полагаетъ проф. Покровскій, является вопросъ, что послужило основою древнихъ чиновъ княжескихъ посаженій на столъ, а слѣдовательно и чина вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III? г. Поповъ пришелъ къ заключенію, что основа чина вѣнчанія Димитрія Іоанновича греческая, и что составитель этого чина, „взявъ за основу византійскій чинъ вѣнчанія X в., пополнилъ его „старинной“, нѣкоторыми чертами изъ позднѣйшаго византійскаго чина вѣнчанія, какъ онъ совершался въ соединеніи съ миропомазаніемъ, и нѣкоторыми оригинальными чертами“ ²⁾. Но г. Поповъ не объяснилъ, почему составитель обряда русскаго великокняжескаго вѣнчанія конца XV в. взялъ за основу чинъ вѣнчанія византійскихъ царей X в.; не указалъ, какія черты, и почему, были заимствованы изъ позднѣйшаго византійскаго чина вѣнчанія. Къ византійской основѣ русскаго чина великокняжескаго

¹⁾ Проф. Бѣляевъ, *Byzantina*, II, 164 и прим. 2.

²⁾ Богосл. В., 1896 г., май, 187.

вѣнчанія конца XV в. г. Поповъ отнесъ поученіе, сказанное митрополитомъ внуку Іоанна III, но въ византійскихъ чинахъ царскихъ вѣнчаній поученій къ нововѣнчаннымъ нѣтъ.

Отказаться отъ мысли, что обрядъ великокняжескаго вѣнчанія Димитрія Іоанновича взять изъ Византіи, врядъ ли должно, только слѣдуетъ искать происхожденіе его не въ чинахъ вѣнчаній византійскихъ императоровъ, но въ чинахъ хиротоній и производствъ византійскихъ сановниковъ: тутъ, повидимому, чинъ русскаго великокняжескаго вѣнчанія конца XV в. и, быть можетъ, чинъ посаженій русскихъ князей на столы (быть можетъ, потому что чинъ этихъ посаженій до насъ не дошелъ).

Описанія хиротоній кесаря и новелисима и производствъ въ куропалаты, магистры, патрикіи синклита, стратиги, патрикіи, антипаты, патрикіи зосты, препозиты и др. чины находятся въ I кн. *De cerim. aulae Byzantinae* ¹⁾. При хиротоніяхъ кесаря и новелисима присутствовалъ патріархъ и совершалъ молитвословіе, на хиротонисуемыхъ знаки ихъ достоинства возлагалъ императоръ; при производствахъ въ чины патріархъ не присутствовалъ, но о нѣкоторыхъ произведенныхъ сказано, что они, послѣ производства, отправлялись въ церковь, гдѣ къ нимъ выходилъ патріархъ, совершалъ молитву и приобщалъ ихъ ²⁾.

Во II кн. *De cerim. a. V.* изложены обряды назначеній императоромъ на разныя должности. Лицо, которое императоромъ назначалось на какую либо должность, вводилось къ императору логоетомъ, императоръ дѣлалъ назначаему наставленіе, соотвѣтствовавшее должности назначаемаго: со страхомъ Божиимъ, нелицемѣрно и неподкупно исполнять свои обязанности и т. д. Послѣ поученія императоръ произносилъ надъ назначаемымъ на должность domestica школъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа производить тебя мое отъ Бога царство въ domestici богохранимыхъ школъ“; такая же формула произносилась императоромъ при назначеніяхъ на должности друнгарія флота, ректора, синкелла ³⁾.

¹⁾ Сар. 43—59.

²⁾ Патріархъ совершалъ молитву и приобщалъ произведенныхъ въ чины куропалаты, патрикіи синклита, стратига, патрикіи (*De cer. I, сар. 45, 47, 48*).

³⁾ Сар. 3, pag. 526 — 527; сар. 4, p. 528; сар. 5, p. 530.

При назначеніи стратиговъ, секретиковъ и прочихъ императоръ произносилъ: „Во имя Господа“.... ¹⁾ При производствѣ въ кувикуляріи (мужчинъ и женщинъ) производимыхъ вводили въ еветирій св. Θεодора ²⁾, гдѣ первый препозитъ читалъ имъ наставленіе и гдѣ возлагались на нихъ соотвѣтствовавшія ихъ должности облаченія ³⁾.

При чтеніи обрядовъ хиротоній и производствъ въ чины, съ одной стороны, возникаетъ предположеніе, что церковь не могла не принять участія въ обрядахъ вокняженій русскихъ князей, какъ въ актахъ болѣе важныхъ, чѣмъ возведеніе въ тотъ или другой византійскій чинъ, съ другой—представляется сходство предполагаемыхъ обрядовъ княжескихъ поставленій съ обрядами византійскихъ чинопроизводствъ ⁴⁾.

Русскіе источники не даютъ намъ полной картины обряда вокняженій, поэтому сравненіе ихъ съ византійскими чинопроизводствами представляется болѣе или менѣе гадательнымъ, но извѣстный въ современной записи обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III на великое княженіе даетъ возможность сравнить этотъ обрядъ съ обрядами чинопроизводствъ въ Византіи. Изъ всѣхъ хиротоній и чинопроизводствъ византійскихъ къ обряду вѣнчанія внука Іоанна III всего болѣе подходитъ кесарская хиротонія. Патріархъ присутствовалъ только при хиротоніяхъ кесаря и новелисима, и только на кесарей возлагались вѣнцы.

Для сравненія обряда великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III съ кесарской хиротоніей приводимъ тексты вѣнчанія и хиротоніи ⁵⁾.

¹⁾ Ibid., cap. 3, pag. 527.

²⁾ Εὐκτήριον—домовній храмъ (проф. Бѣлѣва Byzantina, I, 30).

³⁾ De cerim. a. B., lib. II, cap. 24 et 25.

⁴⁾ Говоря объ этомъ сходствѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что русскіе князья считались въ Византіи имѣющими чинъ стольника византійскихъ императоровъ (проф. Дяконовъ, „Власть Московскихъ государей“, стр. 14). Возможно поэтому, что для русскихъ князей составленъ былъ обрядъ вокняженія примѣнительно къ чину, который давался имъ въ византійской іерархіи.

⁵⁾ Переводъ, точнѣе изложеніе, кесарской хиротоніи находится въ „Исслѣдованіяхъ и замѣткахъ кн. Оболенскаго по русск. и славянск. древностямъ“, II, 441, Спб. 1875 г. Переводъ этотъ неудовлетворителенъ, перевод-

„Среди церкви оуготовити мѣсто болшее на чемъ и святи-телеи ставятъ а учинити на томъ мѣстѣ три стоулы. великому князю. да внуку да митрополиту. и егда приспѣетъ врѣмя. и облечетъ митрополитъ. і архі-епископъ. и епископы. і архіман-дриты. и игоумены. и весь съборъ. въ священныя одежда. и велятъ среди церкви поставити налои. а на немъ положить шалка ¹⁾, да бармы да покрыти ширинкою. и егда внидетъ въ церковь і князь великы, и съ внукомъ. и діаки поють многолѣтіе одному великому князю іоанноу по обы-чаю. и митрополитъ съ всѣмъ съборомъ начнут молбенъ пре-

„Императоры сядутся въ большомъ триклинѣ 19 аккуви-товъ ²⁾, патріархъ же вскорѣ (послѣ этого) отправляется и ждетъ въ храмъ св. Стефана; императоры, послѣ того какъ сядутъ, принимаютъ секретъ ³⁾; рангъ первый — магистровъ, и другіе ранги по порядку, какъ обыкновенно; когда войдутъ всѣ ранги, императоры, облеченные въ дивитисіи, хламиды съ коро-нами на головахъ, приказываютъ (рангамъ чиновъ) говорить отно-сительно (хиротоніи) кесаря; если всѣ согласны на хиротонію ке-саря, императоры даютъ знакъ препозиту ⁴⁾, послѣдній возгла-шаетъ „повелите“, и славосло-

чикъ, напр. переводитъ: „по приказанію императоровъ, носящіе либетези, хла-миды и свои короны высказываютъ мнѣніе о кесарѣ“, вмѣсто: „цари въ дивитисіяхъ, хламидахъ и коронахъ приказываютъ чинамъ высказывать мнѣніе о кесарѣ“.

¹⁾ Какъ въ чинѣ поставленія на великое княженіе Димитрія Іоанновича, изданномъ Е. В. Барсовымъ по харатейному синодальному списку XV в., такъ и въ изданномъ Саввантономъ чинѣ этого же поставленія по двумъ спискамъ XVI в., великокняжеская шалка, возложенная на внука Іоанна III, не назы-вается Мономаховою („Лѣтопись занятій Археогр. Ком.“, III, стр. 7, 9, 13, 14). Мономаховою названа она въ чинѣ постановленія Димитрія Іоанновича на ве-ликое княженіе, внесенномъ въ лѣтописи (П. С. Р. Д. VI, 241; VIII, 234, Ни-коновская, VI, 152).

²⁾ Такъ называлась палата, построенная Константиномъ Великимъ для торжественныхъ пріемовъ и обѣдовъ, получившая свое названіе отъ стоявшихъ въ ней 19 столовъ съ ложами (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 108 и прим. 1 и 2).

³⁾ Секретъ — совокупность чиновъ. (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 135, прим. 3).

⁴⁾ Препозитъ — церемоніальный чинъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 88; Reiske, Comm. ad. De cer. a. B., pag. 21).

чистои да чюдтворцю петру. и по достойно есть. и по тресвятомъ. и по тропарех. митрополить. и князь великии. и вноукъ поидоуть на оуготованное мѣсто. и вшед на мѣсто князь великии и митрополить сядоуть на своихъ мѣстѣхъ. а вноуку стати предъ ними оу мѣста на вышней ступени не въсходя на мѣсто. и великому князю в тоу пору говорити своя рѣчи (слѣдуетъ рѣчь, въ которой Іоаннъ объявилъ митрополиту, что даетъ великое княженіе своему внуку). и посем (послѣ рѣчи Іоанна III) велить митрополить вноуку въстоупити на мѣсто и благословить его крестомъ. да велитъ діакону начяти малаа діаконства (слѣдуетъ малаа ектинія, послѣ которой митрополить читалъ мо-

вать (ранги императоровъ). (Послѣ этого) секретъ выходить, патрикии становятся, какъ въ консистории ¹⁾, въ портикѣ 19 аккумулятовъ, прочіе же члены синклита выходятъ и становятся на ступени ареи ²⁾ по обѣ стороны иліака ³⁾, скипетры же ⁴⁾ и лавуры ⁵⁾, вся утварь и крестъ помѣщаются въ трибуналѣ, гдѣ находятся партіи Ипподрома ⁶⁾. Въ трибуналѣ ставятъ антиминосъ ⁷⁾, на которомъ лежатъ хламиды съ застежками и вѣнцы, называемые кесарскими коронами ⁸⁾. Императоры выходятъ вмѣстѣ съ патриархомъ, ихъ принимаютъ патрикии ⁹⁾ въ портикѣ, сопровождая ихъ, выходятъ въ трибуналъ и становятся на ступеняхъ по обѣ стороны, императоры же восходятъ въ иліакъ съ патриар-

¹⁾ Т. е., какъ въ торжественныхъ собраніяхъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 31, прим. 1).

²⁾ Арея—трибуналъ 19 аккумулятовъ, состоявшій, какъ предполагаетъ проф. Бѣляевъ, подобно всѣмъ трибуналамъ, изъ открытой обширной площади и возвышеннаго мѣста—трибуны (тамъ же, I, 113).

³⁾ Иліакомъ назывались дворы или площадки, прилегавшіе къ большимъ заламъ (тамъ же I, 17, прим. 1); въ данномъ случаѣ Иліакъ—площадка трибунала 19 аккумулятовъ (тамъ же, I, 113—115).

⁴⁾ Скипетры—знамена, родъ хоругвей (тамъ же, II, 70, прим. 1).

⁵⁾ Лавуры—знамя, сдѣланное Константиномъ Великимъ по образу видѣннаго имъ на небѣ (тамъ же, II, 70, прим. 1).

⁶⁾ О значеніи словъ: Λαός и Λῆρος см. назв. тр. проф. Бѣляева, I, 66—69.

⁷⁾ Антиминсъ—переносный престолъ (тамъ же, II, 174, прим. 1).

⁸⁾ О нихъ см. назв. тр. проф. Бѣляева, II, 21, прим. 2.

⁹⁾ Патрикии—высшіе чины византийской имперіи (тамъ же II, 11; Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, pag. 563).

литву: „Господи Боже нашъ, Царю царствующимъ“.....). и по молитвѣ велитъ к себѣ митрополитъ с налоя принести бармы двѣма архимандритомъ. да возьмъ ихъ дасть великому князю. и знаменаеть митрополитъ вноука крестомъ. и князь великъ бармы положить на вноука. и митрополитъ глаголетъ. миръ всѣмъ и діаконъ. господу помолимся. и митрополитъ глаголетъ молитву сію („Тебѣ единому Царю чловѣкомъ“.....). и по аминѣ. велитъ к себѣ митрополитъ съ налоя принести шапкоу двѣма архимандритомъ. да возьмъ еѣ дасть великому князю. и знаменаеть митрополитъ вноука крестомъ глаголя. во имя отца и сына и святого духа. и князь великъ положитъ шапкоу на вноука. и митрополитъ благословитъ вноука роукою. і архіепископъ, и епископы вѣшедъ на мѣсто да благословятъ вноука роуками. и митрополитъ, и князь великъ сядутъ на своихъ мѣстѣхъ. а вноукоу князь великъ велитъ сѣсти подлѣ себя. и сидѣвъ мало митрополитъ. и князь великъ. и вноукъ встанутъ. и діаконъ начнетъ октецію (слѣдуетъ ектинія). по октеціи глаголетъ молитву митропо-

хомъ, и тотчасъ императоръ обращается съ рѣчью къ партіямъ Ипподрома, если пожелаетъ, и партіи Ипподрома, если имѣютъ что сказать, говорятъ. (Затѣмъ) императоръ приказываетъ препозиту и магистру, они удаляются и приводятъ должествующихъ быть рукоположенными въ дивитисіяхъ и кампотубахъ¹⁾. Хламиды и пряжки поверхъ нихъ, а по сторонамъ хламидъ кесарскіе вѣнцы, лежатъ на антиминсѣ, предъ которымъ становится патріархъ, императоры же стоятъ по обѣ стороны антиминса, діаконъ сзади патріарха, а должествующіе быть рукоположенными становятся позади діакона. Императоры и кесари берутъ свѣчи и зажигаютъ (ихъ), діаконъ произноситъ: „миромъ Господу помолимся“, императоръ же, ставъ лицомъ къ востоку, отвѣчаетъ: „Господи помилуй“. Когда діаконъ окончитъ ектинію, и партіи Ипподрома отвѣтять: „Тебѣ Господи“, патріархъ начинаетъ молитву „Господи Боже“, и когда дочитаетъ молитву до словъ: „нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, и партіи Ипподрома отвѣтять: „аминь“, беретъ хламиду съ пряжкой, сложенную извѣст-

¹⁾ Καμπότουρα — родъ голенищъ (Reiske, Com. ad De cer. a. B., pag. 265, s. v.).

літ (слѣдуетъ молитва). и по молитвѣ сядутъ митрополит. и великіе князи на своихъ мѣстѣх. и въздетъ на амвонъ священникъ, или діаконовъ на то оуготованный. Съ амвона провозглашалось священникомъ или діакономъ многолѣтіе Іоанну III и его внуку, послѣ чего ихъ поздравляли всѣ присутствовавшіе. По принесеніи поздравленій митрополитъ произнесъ поученіе нововѣнчанному, сошелъ съ великими князьями съ возвышенія, совершилъ отпускъ молебну, благословилъ крестомъ великихъ князей и дѣтей Іоанна III и началъ литургію. Послѣ литургіи Димитрій Іоанновичъ въ шапкѣ и бармахъ обходилъ кремлевскіе соборы, гдѣ при входѣ его священники благословляли крестомъ и произносили ектиніи. У дверей соборовъ, при выходѣ, великаго князя осыпали трижды золотыми и серебряными монетами ¹⁾).

оканчаніи ея партіи Ипподрома произносятъ „аминь“, а патріархъ беретъ кесарскія короны и даетъ императорамъ, которые берутъ эти короны, цѣлуютъ ихъ, приказываютъ кесарямъ тоже цѣловать ихъ, крестообразно осѣняютъ ими главы кесарей, произнося имя св. Троицы, и возлагаютъ корону на главу хиротонисуемаго кесаря; тогда партіи Ипподрома, весь народъ и пѣвчіе возглашаютъ трижды: „счастливо,

нымъ образомъ, и даетъ ее веститорамъ ²⁾), которые тотчасъ разворачиваютъ ее и держатъ предъ императорами. (Тогда) препозитъ и магистръ подводятъ производимыхъ и ставятъ ихъ предъ императорами, которые простираютъ руки, берутъ хламиду, возлагаютъ ее на кесарей и цѣлуютъ ихъ, партіи же Ипподрома или пѣвчіе возглашаютъ: „счастливо, счастливо“, и партіи Ипподрома возглашаютъ тоже трижды. Тогда патріархъ осѣняетъ народъ по обычаю трижды крестнымъ знаменіемъ и произноситъ: „миръ всемъ“, партіи же Ипподрома отвѣчаютъ: „и духови твоему“; (послѣ этого) діаконовъ возглашаетъ: „главы наша Господу преклонимъ“, партіи же Ипподрома (отвѣчаютъ): „Тебѣ Господи“ и наклоняютъ немного главы, что дѣлаютъ также патріархъ, императоры и кесари, и читаетъ патріархъ вторую молитву. По окон-

¹⁾ Барсовъ, назв. трудъ, 32—38.

²⁾ Веститоры—чиновники, обязанность которыхъ заключалась главнымъ образомъ въ облаченіи императоровъ въ парадныя одежды и разоблаченіи (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 167).

счастливо, счастливо“; партіи Ишподрома (снова возглашаютъ) трижды „счастливо“, а пѣвчіе (поютъ): „многія лѣта императорамъ, NN великимъ императорамъ многія лѣта, богоизбраннымъ императорамъ“ и прочее по порядку. По окончаніи славословія и нареченія кесарей императоры съ патріархомъ и кесарями отправляются въ триклинь 19 аккумулятовъ, и садятся въ креслахъ, имѣя кесарей по обѣ стороны“ ¹⁾.

Сопоставленіе обряда вѣнчанія внука Іоанна III съ кесарской хиротоніей обнаруживаетъ сходство между этими обрядами при томъ различіи, которое должно быть, если принять во вниманіе разницу, съ одной стороны, между обязанностями государя и византійскаго кесаря, съ другой—между византійскими придворными обычаями и русскими. Какъ великокняжеское вѣнчаніе, такъ и кесарская хиротонія начинались ектинією, произносимою діакономъ. По произнесеніи ектиніи митрополитъ читалъ молитву, чтеніе молитвы патріархомъ послѣ ектиніи слѣдовало и въ кесарской хиротоніи ²⁾. Послѣ молитвы архимандриты подносили митрополиту бармы, которыя онъ передавалъ Іоанну III для возложенія на внука, знаменуя послѣдняго крестомъ; по обряду кесарской хиротоніи патріархъ послѣ молитвы бралъ кесарскую хламиду и чрезъ веститоровъ передавалъ императорамъ, которые возлагали ее на кесаря. Какъ митрополитъ, послѣ возложенія Іоанномъ III бармъ на внука, такъ и патріархъ, послѣ возложенія императорами кесарской хламиды на хиротонисуемаго, возглашали „миръ всѣмъ“. Послѣ этого возгласа діакономъ по обряду вѣнчанія внука Іоанна III произносилъ „Господу помолимся“, вмѣсто чего по обряду хиротоніи кесаря діакономъ возглашалъ „главы наша“... За этими возгласами діаконовъ слѣдовало чтеніе вторыхъ молитвъ митрополитомъ и патріархомъ, послѣ чего митрополитъ принималъ поднесенный архимандритами великокняжескій вѣнецъ, передавалъ

¹⁾ De ser. a. B., ed. B., I, 43, pag. 217. Описаніе обряда хиротоніи кесарей повторено въ той же 43 главѣ I книги въ отдѣлѣ, гдѣ изложены актологіи (возгласы и пѣснопѣнія), произносимыя при хиротоніи кесарей, съ тѣмъ только отличіемъ, то на возгласъ діакона „миромъ Господу помолимся“ отвѣчаетъ не императоръ, но димоты (ibid. pag. 224).

²⁾ Разница въ содержаніи этихъ молитвъ должна была существовать, потому что великій князь долженъ былъ государствовать.

его Іоанну III и въ то время, когда тотъ возлагалъ вѣнецъ на внука, знаменовалъ послѣдняго крестомъ произнося: „во Имя Отца“...; также и патріархъ, послѣ чтенія второй молитвы, бралъ кесарскій вѣнецъ, передавалъ его императору, который возлагалъ вѣнецъ на хиротонисуемаго произнося имя св. Троицы. Возложеніемъ кесарскаго вѣнца на хиротонисуемыхъ и возгласами партій Ипподрома и пѣвчихъ заканчивался обрядъ кесарскаго вѣнчанія. По обряду великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III, послѣ возложенія на вѣнчаемаго шапки, слѣдовала еще ектинія, послѣ которой митрополитъ читалъ молитву. По окончаніи чтенія молитвы митрополитомъ было провозглашено многолѣтіе Іоанну III и внуку его. Поученіемъ митрополита къ внуку закончился обрядъ великокняжескаго вѣнчанія.

Сличая обряды великокняжескаго вѣнчанія и кесарской хиротоніи видимъ сходство ихъ, при томъ однако отличіи, что обрядъ вѣнчанія заключаетъ въ себѣ ектинію и молитву, которыхъ нѣтъ въ обрядѣ хиротоніи, и поученіе митрополита къ вѣнчанному внуку Іоанна III. Что касается поученія митрополита къ нововѣнчанному, то нѣчто подобное находимъ и въ Византіи. Въ De сег. а. В. изложенъ обрядъ назначенія императоромъ какого либо лица въ domestici школы ¹⁾, стратиги, друнгариі ²⁾ флота или въ другіе какіе либо оффиціаліи (сановники). Здѣсь находимъ поученіе, которое читалъ императоръ назначаемому на ту или другую должность: со страхомъ Божіимъ, по правдѣ и справедливости исполнять свои обязанности, быть неподкупнымъ, нелицепріятнымъ и т. п. ³⁾. Подобнымъ образомъ и митрополитъ наставлялъ по совершеніи обряда вѣнчанія внука Іоанна III: имѣть страхъ Божій въ сердцѣ, любить правду, милость и судъ правый, оказывать послушаніе дѣду и т. п. ⁴⁾. Существующая разница въ

¹⁾ Доместикъ школы — начальникъ гвардейскихъ отрядовъ (проф. Бѣляева Byzantina, II, 11, прим. 4 и стр. 79).

²⁾ Δρουγγάριος — начальникъ, буквально — начальникъ отряда (Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, 335).

³⁾ II, 3, pag. 526.

⁴⁾ Е. В. Барсовъ, назв. трудъ, 36.

содержаніи поученій митрополита къ великому князю и византійскаго императора къ назначаемымъ на должности объясняется тѣмъ, что одно поученіе читалось государю, другое—должностнымъ лицамъ ¹⁾).

Сличеніе обряда вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III съ чиномъ вѣнчаній на царство византійскихъ царей подтверждаетъ мысль, что первое великокняжеское вѣнчаніе въ Москвѣ не имѣло своимъ источникомъ византійскій чинъ императорскаго вѣнчанія.

Отличіе обряда вѣнчанія внука Іоанна III отъ обряда византійскихъ императорскихъ коронованій отмѣчено было г. Поповымъ и проф. Покровскимъ, причемъ первый изъ названныхъ изслѣдователей, отмѣчая разныя черты обоихъ обрядовъ, указалъ и сходныя ²⁾. Эти сходныя черты, по нашему мнѣнію, объясняются тѣмъ, что чинъ перваго извѣстнаго намъ великокняжескаго вѣнчанія образовался изъ чина кесарской хиротоніи, а обряды императорскихъ вѣнчаній, хиротоній и чинопроизводствъ въ Византіи, при существенно разныхъ чертахъ, имѣли нѣчто и общее: въ нихъ принимала участіе церковь, какъ на коронуемыхъ, такъ и на хиротонисуемыхъ и производимыхъ въ тотъ или иной чинъ возлагались знаки ихъ новаго сана.

Обрядъ императорскаго византійскаго вѣнчанія, рѣзко отличаясь не только отъ чина великокняжескаго вѣнчанія внука

¹⁾ Производимымъ въ кувикуляріи читались поученія въ храмѣ св. Теодора препозитомъ, который указывалъ производимымъ, что ими получается достоинство изъ рукъ Господа, и заповѣдывалъ имъ хранить страхъ Божій въ сердцахъ, вѣрность къ царю и царицѣ. (De ser. a. B. II, 24, pag. 623). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что обрядъ кесарскаго рукоположенія упростился, когда, вслѣдствіе постепеннаго сокращенія предѣловъ византійской имперіи и объединенія ея, блескъ и роскошь византійскаго двора уменьшились. Кодинъ, сообщая о пониженіи кесарскаго сана (De officiis, cap. II, pag. 7, ed. Bon.) передаетъ, что нареченіе въ кесари происходило подобно нареченію въ деспоты, съ тѣмъ только отличіемъ, что на главу кесаря не возлагался вѣнецъ (ibid. cap. XIX, pag. 101). По описанію Кодина, императоръ только возлагалъ на получающаго санъ деспота вѣнецъ, предварительно произнося: „Царство мое возводитъ тебя въ деспоты“, послѣ чего удалялся въ свои покои (ibid. cap. XVIII, pag. 99).

²⁾ Назв. труды г. Попова: „Богосл. В.“, 1896 г. май, 187, и проф. Покровскаго: „Церк. В.“, 1896 г., май, № 18, 575.

Іоанна III, но и отъ чиновъ царскихъ вѣнчаній московскихъ государей, наглядно рисуетъ идею власти византійскаго императора; идея эта, легшая въ основу обряда императорскаго вѣнчанія въ Византіи, придаетъ обряду этому характеръ, какого не имѣли царскія вѣнчанія московскихъ государей.

Обрядъ коронованія византійскихъ императоровъ сложился постепенно, подобно обряду вѣнчаній на царство московскихъ государей ¹⁾.

Обрядъ этотъ возникъ изъ римскаго языческаго обряда провозглашенія императора и постепенно слагавшагося чина церковнаго вѣнчанія. Такія части этого обряда ясно видны въ первыхъ извѣстныхъ намъ коронаціяхъ византійскихъ императоровъ, описанныхъ въ De ser. a. B.; изъ этихъ коронацій древнѣйшею была коронація Льва I Великаго въ 457 г. ²⁾.

¹⁾ Эта постепенность отмѣчена въ изслѣдованіяхъ г. Попова (назв. тр. „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 62) и проф. Покровскаго (назв. тр. „Церк. В.“ 1896 г. апр., № 17, 540).

²⁾ Горскій и г. Поповъ видятъ указаніе на болѣе раннее участіе патріарха въ императорскомъ коронованіи въ Церковной исторіи бл. Θεοδορίта (Горскій, назв. тр., 2; г. Поповъ, назв. тр., „Бог. В.“ 1896 г., апр., 62). Бл. Θεοδορίтъ передаетъ, что императоръ Θεοδοσίѳ, будучи еще стратигомъ, видѣлъ во снѣ предстоятеля антиохійской церкви Μελετίѳ, возлагавшаго на него царскую хламиду и царскій вѣнецъ. Вскорѣ послѣ этого сновидѣнія императоръ Граціанъ рукоположилъ Θεοδοσίѳа въ императоры. „Доблестнѣйшій стратигъ Θεοδοσίѳ, говоритъ бл. Θεοδορίтъ, оставаясь тамъ (при императорѣ Граціанѣ), увидѣлъ удивительный сонъ, явленный ему, несомнѣнно, самимъ Богомъ: всѣхъ: Θεοδοσίѳ казался, будто онъ видитъ божественнаго Μελετίѳа, предстоятеля антиохійской церкви, возлагающаго на него царскую хламиду и украшающаго главу его такимъ же вѣнцомъ. Видѣнное имъ во снѣ онъ повѣдалъ утромъ одному изъ ближнихъ своихъ, который ему сказалъ, что сонъ ясенъ, и не заключаетъ въ себѣ ничего загадочнаго или двусмысленнаго (дальше разсказывается, что посланные Граціаномъ узнать, дѣйствительно ли Θεοδοσίѳ отразилъ варваровъ, возвратились и донесли Граціану, что Θεοδοσίѳ убилъ десять тысячъ варваровъ)... Императоръ, увѣрившись, что онъ не ошибся въ назначеніи Θεοδοσίѳа полководцемъ, рукоположилъ (καθερωτόνυχε) его въ императоры и далъ ему власть надъ частью Валента“ (Migne, P. C. C., ser. gr., t. 82, lib. V, cap. VI, pag. 1205). Такъ какъ Θεοδοσίѳу, по свидѣтельству бл. Θεοδορίта, только снилось, будто онъ вѣнчанъ былъ предстоятелемъ антиохійской церкви, то древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ императорскимъ коронованіемъ, въ которомъ

По смерти императора Маркіана, говоритъ описатель этой древнѣйшей коронаціи, выборъ синклита палъ на Льва. Для провозглашенія его императоромъ собрались на полѣ власти, гвардія, солдаты и архіепископъ константинопольскій Анатолій; лавуры и знамена были положены на землю. Послѣ восклицаній собравшихся: „услыши, Господи, Тебя просимъ; услыши, Господи: даруй Льву жизнь, да царствуетъ Левъ; Льва требуетъ вселенная“ и т. п., взошелъ на возвышеніе Левъ, и на главу его возложилъ ожерелье кампидукторъ ¹⁾ Вусалгъ, другое же ожерелье вложилъ ему въ правую руку Олимпій, также кампидукторъ. Тогда лавуры были подняты съ земли при восклицаніяхъ: „Левъ августъ, ты побѣдитель, ты благочестивъ“ и т. д., „Богъ тебя далъ, Богъ тебя сохранить“ и т. д. Левъ, закрытый щитами, на возвышеніи облачился въ императорскую одежду, послѣ чего съ діадимой на головѣ, щитомъ и копьемъ въ рукахъ, явился всѣмъ присутствовавшимъ на полѣ, которые привѣтствовали его восклицаніями; привѣтствовавшимъ его онъ произнесъ рѣчь, прерываемую восклицаніями. Въ рѣчи своей Левъ обѣщалъ усердно работать на пользу имперіи и, въ ознаменованіе достиженія имъ священной императорской власти, объявилъ раздачу денегъ. Послѣ новыхъ восклицаній присутствовавшихъ Левъ отправился въ походную церковь, гдѣ находились священники и гдѣ онъ молился, послѣ чего сѣлъ на коня и въ сопровожденіи властей поѣхалъ къ храму св. Іоанна Крестителя; въ мутаторіи этого храма Левъ снялъ вѣнецъ, передалъ его препозиту и направился къ св. жертвеннику, на который возложилъ поданный препозитомъ вѣнецъ и, чрезъ нѣсколько времени, снова взялъ его и передалъ препозиту. Въ мутаторіи Левъ возложилъ на себя вѣ-

приняла участіе церковь, слѣдуетъ считать коронованіе Льва I Великаго. Въ пользу мнѣнія Горскаго и г. Попова, что церковь въ лицѣ патріарха антиохійскаго приняла участіе въ коронованіи Θεодосіа, нельзя провести предположенія, что Θεодосію не снилось бы вѣнчаніе его патріархомъ, если бы представители церкви не принимали участія въ императорскихъ коронованіяхъ, потому что, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы допустить, что представители церкви возлагали вѣнцы на императоровъ, предшественниковъ Θεодосіа, и такимъ образомъ, коронованіе Θεодосіа не было первымъ, въ которомъ приняла участіе церковь въ лицѣ одного изъ представителей ея.

¹⁾ Кампидукторъ—авангардный офицеръ, колонновожатый (Проф. Вѣляева Byzantina, II, 70, прим. 1).

нець и отправился во дворець, гдѣ переоблачился въ кампей ¹⁾, бѣлый златотканый дивитисій и пурпуровую хламиду. Послѣ этого онъ сѣлъ въ колесницу, предъ которой несли крестъ и кошельки ²⁾, и отправился на форумъ Константина, гдѣ его встрѣтили ипартхъ и синклитъ. Тутъ первый изъ синклита и ипартхъ поднесли Льву золотую корону. Съ форума Левъ отправился въ церковь, въ мутаторіи которой снялъ вѣнецъ и возложилъ его на св. жертвенникъ, какъ въ храмѣ св. Іоанна Крестителя, послѣ чего вошелъ въ мутаторій ³⁾ и слушалъ тамъ чтеніе св. Евангелія. Императоръ, если желалъ, пріобщался св. Таинъ и удалялся, по возложеніи на него вѣнца епископомъ, во дворець ⁴⁾.

Описавъ обрядъ провозглашенія Льва I, Петръ Магистръ ⁵⁾ замѣчаетъ, что въ его время провозглашенія императоровъ происходили въ Ипподромѣ, и излагаетъ цѣлый рядъ провозглашеній императоровъ Византіи, дабы, какъ говоритъ онъ, каждый императоръ, въ случаѣ надобности, выбиралъ такой обрядъ, который ему наиболѣе нравился и казался болѣе подходящимъ ⁶⁾.

Петромъ Магистромъ описаны провозглашенія императоровъ: Анастасія I, Юстина I, Льва Младшаго и Юстиніана I ⁷⁾. Эти описанія, дополненные другими извѣстіями о коронованіяхъ византійскихъ императоровъ, даютъ возможность прослѣдить образованіе коронаціоннаго обряда въ Византіи. Процессъ этого образованія заключается въ томъ, что церковь, въ лицѣ константинопольскаго патріарха, принимала все болѣе и болѣе участія въ обрядѣ императорскаго коронованія. Видное мѣсто занялъ патріархъ въ обрядѣ коронованія императора Анастасія I: послѣ гражданскаго обряда вѣнчанія патріархъ Евфимій въ триклинѣ читалъ надъ Анастасіемъ

¹⁾ Καμπαῖα — genus indumenti, quod crura et genua tegit — покровъ для голеней и колѣнъ (Reiske, Com. ad De cer. a. B., 419).

²⁾ О значеніи Περάσματα см. Reiske, Com. ad De cer. a. B., 386.

³⁾ Παράτιχλον — мутаторій (проф. Бѣляева Byzantina, II, 130, прим. 1).

⁴⁾ De cer. a. B. I, 91, pag. 410 sqq.

⁵⁾ Петръ Магистръ — современникъ Юстиніана I; о немъ у Reiske въ Praef. ad De cer. a. B. XVII, и у проф. Бѣляева въ Byzantina, II, XXXI.

⁶⁾ De cer. I, 91, pag. 417.

⁷⁾ Тамъ же, I, 92—96, pag. 417—440. Обрядъ провозглашенія Никифора Фоки присоединенъ былъ къ описаннымъ современникомъ Юстиніана I при позднѣйшей редакціи De cer. a. B. (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, XXXI).

молитву при пѣніи: „Господи помилуй“ и возложилъ на него императорскую хламиду и вѣнецъ ¹⁾).

Исслѣдователи коронаціоннаго чина русскихъ государей отмѣчаютъ еще одну подробность коронованія Анастасія, сообщаемую историкомъ Евагріемъ: патріархъ потребовалъ отъ Анастасія, предъ вѣнчаніемъ его, рукописнаго клятвеннаго обѣщанія, что онъ сохранилъ вѣру чистою и не введетъ ничего новаго въ церковь. Такое обѣщаніе взято былъ съ Анастасія потому, что его подозревали въ ереси ²⁾).

Примѣру патріарха Евфимія послѣдовали другіе патріархи: Катаевъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ послѣдующихъ коронованій византійскихъ императоровъ, отъ которыхъ патріархи требовали клятвенныхъ обѣщаній сохранять вѣру чистою и не вносить раздора въ церковь ³⁾. Такимъ образомъ клятвенное обѣщаніе вступающаго на престолъ императора Византіи хранить вѣру въ чистотѣ вошло въ коронаціонный обрядъ, какъ постоянная и составная часть его ⁴⁾.

Провозглашеніе Анастасія произошло въ Ипподромѣ, при провозглашеніи Анастасій былъ поднятъ на щитѣ ⁵⁾. Предъ провозглашеніемъ высшіе чины и синклитъ потребовали отъ Анастасія клятвеннаго обѣщанія, что онъ ни къ кому не будетъ питать злобы и будетъ справедливо управлять государствомъ ⁶⁾.

Обряды коронованій Юстина I, Льва Младшаго, Юстиніана I и Никифора Фоки ничѣмъ существенно важнымъ не отличаются отъ обряда коронованія императора Анастасія I. Петръ Магистръ, говоря о коронованіи Юстиніана I, отмѣтилъ, что коронованіе его произошло не въ Ипподромѣ, но въ дельфакѣ ⁷⁾, а описатель провозглашенія императора Никифора Фоки, въ разсказѣ объ этомъ провозглашеніи, упомянулъ, что оно произошло на полѣ при Ке-

¹⁾ Тамъ же, I, 92, pag. 423.

²⁾ Назв. тр. Катаева, 55; г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 64; проф. Шокровскаго, „Церк. В.“ 1896 г., апр., № 17, 541.

³⁾ Назв. тр., 56.

⁴⁾ Назв. тр. Катаева, 57; г. Попова, „Богосл. Вѣст.“ 1896 г., апр., 64.

⁵⁾ Подняты были на щитѣ при провозглашеніи императоры Юстинъ I и Никифоръ Фока (De сег. а. В. I, 93, pag. 427, 429; 96, pag. 434).

⁶⁾ De сег. а. В. I, 92, pag. 422.

⁷⁾ Тамъ же, I, 95, pag. 433. Дельфакъ—дворцовая палата (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 117, прим. 2).

сарии Каппадокійской, и что провозглашенный императоромъ Никифоръ Фока не возложилъ на себя вѣнецъ и императорскую одежду но сталъ носить только красную обувь ¹⁾).

Провозглашавшіе императоровъ привѣтствовали ихъ восклицаніями. При провозглашеніи Льва I восклицали: „Льва ждетъ вселенная“ и т. п.; при провозглашеніи Анастасія I—„православнаго царя для вселенной; Царь небесный, даруй намъ несребролюбиваго земнаго царя для вселенной; прекрасная пасха ²⁾ вселенной“ и т. п.; при провозглашеніи Юстина I—„Богомъ даннаго царя для вселенной (просимъ), да хранитъ Богъ христіанскаго царя—молитвы всей вселенной“ и т. п.; при провозглашеніи Никифора Фоки—„Никифора ждетъ вселенная и т. п.“ ³⁾).

Кромѣ обрядовъ коронованій императоровъ: Льва I, Анастасія I, Юстина I, Льва Младшаго, Юстиніана I и Никифора Фоки въ De cer. a. B. изложенъ одинъ общій обрядъ коронованія императора подъ заглавіемъ: „что слѣдуетъ соблюдать при коронованіи императора“. Этотъ обрядъ коронованія, какъ первый общій обрядъ, достоинъ особеннаго вниманія. „Когда все изготовлено“, говоритъ описатель этого обряда, „императоръ выходитъ изъ августей ⁴⁾ въ скарамангій ⁵⁾ и пурпуровомъ плащѣ, сопровождаемый кувикюліями, и идетъ въ оноподъ ⁶⁾, гдѣ происходитъ первый пріемъ патрикіевъ, и (гдѣ) по возгласу церемоніарія „повелите“ (последніе) восклицаютъ: „на многія добрыя времена“. Затѣмъ (всѣ) отправляются къ большой консисторіи ⁷⁾, гдѣ становятся въ должномъ порядкѣ ⁸⁾ ипаты ⁹⁾ и прочіе синклитики ¹⁰⁾, императоры же

¹⁾ Тамъ же, I, 96, pag. 434. Красную обувь носили только императоры Византіи (Reiske, Com. ad De cer. a. B., pag. 453).

²⁾ Пасха — радость (Reiske, Com., pag. 437).

³⁾ De cer. a. B., I, pag. 410, 418, 419, 420, 425, 427, 430, 439.

⁴⁾ Августей — тронная зала (проф. Вѣляевъ, Byzantina, I, 100).

⁵⁾ Скарамангій — верхняя одежда (тамъ же, II, 7, прим. 4).

⁶⁾ Оноподъ — неизвѣстное помѣщеніе дворца (тамъ же, I, 108).

⁷⁾ Большая консисторія — тронная зала (тамъ же, I, 118).

⁸⁾ Ὁ ἱσταται κονιστόριον — по объясненію проф. Вѣляева — становятся въ должномъ порядкѣ, соответственно рангу (тамъ же, I, 117).

⁹⁾ Ипаты — одинъ изъ чиновъ синклита (Schlumberger, op. cit., p. 475).

¹⁰⁾ Въ составъ синклита, принимавшаго участіе въ церемоніяхъ, входили всѣ чиновники отъ кесаря до стратилата (проф. Вѣляевъ, Byzantina, II, 66, прим. 1 и I, 170, прим. 2).

становятся на тронѣ подъ балдахиномъ, и падаютъ ницъ предъ ними всѣ синклитики вмѣстѣ съ патрикіями; когда они встанутъ, императоры даютъ знакъ препозиту, силенціарій ¹⁾ провозглашаетъ „повелите“ и всѣ восклицаютъ: „на многія и благія времена“. (Послѣ этого) императоры отправляются въ церковь чрезъ школы ²⁾, партіи же Ипподрома, переоблачившись, остаются на своихъ мѣстахъ, осѣняя ихъ (императоровъ) только крестнымъ знаменіемъ. Когда императоръ войдетъ въ орологій ³⁾, поднимается завѣса, и онъ входитъ въ мутаторій, гдѣ облачается въ дивитисій и цицакій ⁴⁾, и набрасываетъ на себя плащъ; облачившись, императоръ отправляется съ патриархомъ и зажигаетъ свѣчи у серебряныхъ дверей, (затѣмъ) входитъ во храмъ, всходитъ на солею, молится у св. вратъ и зажигаетъ свѣчи, (послѣ чего) всходитъ на амвонъ вмѣстѣ съ патриархомъ. Патриархъ надъ хламидой произноситъ молитву, по окончаніи которой чины кувукліа поднимаютъ хламиду и облачаютъ въ нее императора. (Затѣмъ) патриархъ опять произноситъ молитву надъ вѣнцомъ императора, послѣ молитвы беретъ вѣнецъ и возлагаетъ его на главу императора, партіи же Ипподрома тотчасъ восклицаютъ трижды: „святъ, святъ, святъ, слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ“, затѣмъ— „N великому императору и самодержцу многія лѣта“ и проч. ⁵⁾. Императоръ, имѣя вѣнецъ на главѣ, сходитъ (съ амвона) и отправляется въ мутаторій, садится (тамъ) въ кресла, (туда) входятъ чины и, падая предъ нимъ ницъ, цѣлуютъ колѣни его (далѣе въ текстѣ слѣдуетъ перечень чиновъ). Препозитъ возглашаетъ: „повелите“, (всѣ чины) восклицаютъ: „на многія и благія времена“ и выходятъ“. Описаніе обряда коронованія заканчивается замѣча-

¹⁾ Силенціаріи — подчиненные церемониарія (Reiske, Com. 77).

²⁾ Школами назывались помѣщенія для гвардейскихъ отрядовъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 115).

³⁾ Орологіемъ назывался портикъ хрисотриклина (золотой палаты—тронной залы), въ которомъ находились часы (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 21 и 162).

⁴⁾ Цицакій — родъ плаща или хламиды (тамъ же, II, 199 и прим. 1).

⁵⁾ Молитвы, которыя читалъ патриархъ при совершеніи обряда императорскаго коронованія, у Goar'a, Εὐχολόγιον, pag. 924, an. 1647.

ніємъ, что императоръ принималъ св. дары послѣ своего коронованія такъ, какъ пріобщался п' праздникамъ ¹⁾).

Этотъ обрядъ вѣнчанія императоровъ Византіи, содержащій въ себѣ только церковную часть коронованія, относятъ къ X в. ²⁾).

Проф. Покровскій высказалъ предположеніе, что обрядъ этотъ, какъ церковный чинъ, представлялъ собою уже нѣчто цѣльное, но г. Поповъ прибавилъ къ нему одну подробность изъ прежнихъ чиновъ коронованій византійскихъ императоровъ: исповѣданіе вѣры и обѣщаніе хранить православіе, произносимыя императоромъ предъ совершеніемъ обряда коронованія. Такимъ образомъ г. Поповъ не считаетъ этотъ чинъ вполнѣ передающимъ церковный обрядъ вѣнчанія императора въ X в. ³⁾. Къ такому мнѣнію относительно этого чина можетъ привести отсутствіе упоминанія въ немъ о миропомазаніи императора ⁴⁾).

¹⁾ De seg. a. B. I, 88, pag. 191 sqq. Самое подробное описаніе принятія св. причастія императоромъ находится, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Бѣляевъ (Byzantina. II, 175, прим. 1), въ описаніи рождественскаго обряда. Императоръ, по этому описанію, когда наступало время для принятія св. причастія, выходилъ изъ мутаторія въ сопровожденіи находившихся при немъ чиновъ и подходилъ къ патріарху, два остіарія держали развернутый платъ, императоръ принималъ въ руки Тѣло Христово, сходилъ съ возвышенія, трижды крестился и пріобщался; послѣ этого императоръ снова восходилъ на возвышеніе, остіаріи развертывали платъ, и онъ принималъ отъ патріарха Кровь Христову; пріобщившись, императоръ сходилъ съ возвышенія и, помолившись, кланялся патріарху, а патріархъ ему, послѣ чего удалялся въ мутаторій (De seg. a. B. I, 23, pag. 134). Что касается вопроса о мѣстѣ, гдѣ пріобщались обыкновенно императоры, то проф. Бѣляевъ приходитъ къ заключенію, что императоры принимали св. дары не въ алтарѣ, но предъ алтаремъ. Въ алтарѣ пріобщались императоры въ день коронованія (Byzantina. II, 173, 177 и примѣчанія къ этимъ стран.).

²⁾ Назв. тр. Горскаго, 6; г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 65; проф. Покровскаго, „Церк. В.“ 1896 г., № 17, 541.

³⁾ Назв. труды, тамъ же.

⁴⁾ Исслѣдователи коронаціоннаго чина русскихъ государей обращаютъ вниманіе на неупоминаніе о миропомазаніи коронуемаго императора въ чинѣ, относимомъ къ X в. Горскій указываетъ, что упоминаніе о миропомазаніи византійскихъ императоровъ относится ко времени не ранѣе X в. (назв. тр., 8); г. Поповъ на этомъ основаніи относитъ появленіе миропомазанія въ чинѣ вѣнчанія византійскихъ императоровъ ко второй половинѣ X в. (назв. тр., 68); проф. Покровскій, имѣя въ виду указанія на отдѣльные случаи миропомазанія импе-

Краткимъ и несложнымъ представляется изложенный въ De сег. а. В. чинъ императорскаго коронованія, относящійся ко времени не позже второй половины X в., эпохѣ могущества византійской имперіи, сравнительно съ тѣми чинами императорскаго коронованія, которые относятся ко времени послѣ возстановленія византійской имперіи, когда она находилась въ упадкѣ.

Наиболѣе полный чинъ императорскаго вѣнчанія описанъ былъ впервые по времени императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ (перв. полов. XIV в.). Чинъ этотъ, какъ наиболѣе полный, важенъ для сравненія его съ обрядами вѣнчаній на царство московскихъ государей, поэтому представляемъ его въ переводѣ.

„По наступленіи дня, въ который заранѣе назначено было миропомазать императора, не только всѣ состоящіе въ чинахъ, высшіе сановники и войско, но и всѣ лица, имѣющія отношеніе къ церковному управленію этого новаго Рима, а также весь народъ (города) Константинополя—всѣ они съ разсвѣтомъ должны быть у дворца. Не позже второго часа того же дня, императора, котораго надлежитъ миропомазать, стоящаго на щитѣ, поднося въ него какъ можно выше, показываютъ толпѣ, стоящей со всѣхъ сторонъ,

раторовъ ранѣе X в., предполагаетъ, что отсутствіе упоминанія о миропомазаніи въ цѣльных чинахъ заставляетъ думать, что миропомазаніе не составляло необходимаго элемента въ составѣ византійскаго коронаціоннаго чина X в. (назв. тр., стр. 542). Только Катаевъ указалъ на трудность рѣшенія вопроса, когда миропомазаніе вошло въ составъ коронаціоннаго обряда византійскихъ императоровъ (назв. тр., 63). Авторитетное соображеніе по этому вопросу высказалъ проф. А. С. Павловъ. По его мнѣнію миропомазаніе византійскихъ императоровъ совершалось ранѣе X в. Проф. Павловъ указалъ, что въ толкованіи Вальсамона на 12 правило Анкирскаго собора сказано, что патріархъ Поліевктъ, миропомазавъ Іоанна Цимисхіа, снялъ съ него грѣхъ убійства императора Никифора Фоки, при чемъ Вальсамонъ добавилъ, что какъ цари, такъ и архіереи называются помазанниками Божиими и на самомъ дѣлѣ суть помазанники (Χριστοὶ χόριοι, Patr. С. С., сег. gr., t. 137, стр. 1156). Отмѣтивъ, что императоры Византіи по причинѣ миропомазанія назывались Χριστοὶ χόριοι, проф. Павловъ указалъ, что такое названіе усвоилось императорамъ и до X в. Это мнѣніе высказано было проф. Павловымъ, когда предлагаемое изслѣдованіе обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей читано было въ засѣданіи историко-филологическаго общества при Харьковскомъ Университетѣ въ маѣ 1896 г. (см. отчетъ о дѣятельности назв. общества въ „Сборникѣ Харьк. Ист.-Фил. Об.“, т. IX, стр. XI).

императоръ-отецъ провозглашаемаго, если онъ есть, и патріархъ, держа переднія части щита, другія же (части щита) держатъ главнѣйшіе сановники: деспоты и севастократоры, если они находятся, или наиболѣе отличные изъ синклитиковъ. Послѣ привѣтственныхъ кликовъ присутствующихъ щитъ опускаютъ и императора ведутъ во храмъ, гдѣ долженъ совершиться священный обрядъ. Во храмъ императора, который долженъ быть коронованъ, вводятъ въ деревянную комнату, устроенную для этого (т. е. на случай коронованія), и облачаютъ его въ порфиру и діадиму, ранѣе благословенныя архіереями, на главу же императора не возлагается что либо заранѣе назначенное, но или вѣнецъ или что либо иное, что опредѣляютъ тогда. Тѣмъ временемъ совершается богослуженіе. Около упомянутой комнаты (гдѣ облачается предъ коронованіемъ императоръ) заблаговременно устраивается помость, также деревянный, со всѣхъ сторонъ обложенный шелковыми красными покрывами. На этомъ помостѣ, сообразно съ числомъ императоровъ, ставятся золотые троны не такъ, какъ обыкновенно, но возвышенные, съ четырьмя или пятью ступенями, по которымъ, выйдя изъ (деревянной) комнаты, всходятъ императоры на троны и садятся на нихъ, если императоръ не одинъ, но нѣсколько ихъ. Вмѣстѣ съ императорами всходятъ также императрицы и садятся на троны: коронованныя ранѣе—въ коронахъ, имѣющая же короноваться—въ вѣнцѣ. Предъ пѣніемъ божественнаго гимна Трисвятого изъ алтаря выходитъ патріархъ и всходитъ на амвонъ вмѣстѣ съ высшими чинами церковной іерархіи, облеченными въ священныя одежды, которыхъ онъ посылаетъ пригласить императоровъ. Тогда императоры встаютъ съ троновъ и идутъ на амвонъ. Глубокое молчаніе и тишину хранятъ всѣ присутствующіе. Патріархъ читаетъ составленныя на помазаніе царей молитвы: однѣ тихо, про себя, другія во всеуслышаніе, умоливъ Бога къ миропомазуемому. Послѣ этого императоръ, котораго должно миропомазать, снимаетъ съ своей главы вѣнецъ (буквально—то, что на ней находится), для всѣхъ же присутствующихъ во храмъ обычаемъ установлено стоять также съ непокрытыми головами. Патріархъ священнымъ миромъ крестообразно помазуетъ главу царя, громогласно провозглашая: „святъ“, стоящіе на амвонѣ, тотчасъ послѣ возгласа патріарха,

также возглашают трижды: „святъ“, а послѣ нихъ находящіеся въ церкви столько же разъ провозглашаютъ тоже. Послѣ этого корону, которую въ алтарѣ держатъ діаконы, облеченные въ священныя одежды (но не лежитъ корона, какъ нѣкоторые говорятъ, на св. трапезѣ), несутъ на амвонѣ. Если находится императоръ ранѣе коронованный, то онъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, беретъ корону и, вмѣстѣ съ нимъ, возлагаетъ ее на главу новаго императора, и произноситъ патріархъ: „достойнъ“. Стоящіе на амвонѣ, вслѣдъ за тѣмъ, произносятъ тоже трижды, и всѣ находящіеся въ церкви также (возглашаютъ тоже), какъ при миропомазаніи. Послѣ этого патріархъ опять читаетъ молитвы, и императоръ сходитъ съ амвона, но не съ той стороны, съ которой взошелъ, а со стороны обращенной къ солеѣ. Если императоръ еще не женатъ, то всходитъ на помость и опять садится на тронѣ, если же у императора есть супруга, должно короновать также и ее. Для этого императрица встаетъ съ трона, и ее сводятъ съ помоста, поддерживая съ двухъ сторонъ, двое родственниковъ, а если ихъ нѣтъ, то столько же евнуховъ, и подведя ее къ солеѣ, останавливаются, императоръ же сходитъ (съ амвона), беретъ корону, которую держитъ одинъ изъ родственниковъ или евнуховъ приготовленною для императрицы, и возлагаетъ ее на главу своей супруги; тогда императрица предъ мужемъ и императоромъ преклоняется, признавая (тѣмъ свое ему) подданство. Патріархъ, стоя около солеи, читаетъ молитву за императора, императрицу и всякаго подданнаго. Такъ императоръ коронуетъ свою супругу. Если же императоръ былъ коронованъ ранѣе, то онъ коронуетъ свою супругу такимъ же образомъ во время таинства бракосочетанія. (Послѣ этого) вмѣстѣ всходятъ (императоръ и императрица) на помость и садятся на троны, богослуженіе же продолжается. Когда поется Трисвятое, или читаются апостольскія посланія или священныя писанія, императоръ и императрица встаютъ. По обѣ стороны храма, на деревянныхъ помостахъ, устроенныхъ для этого, становятся первые пѣвцы, называемые доместиками, а также другіе, принадлежащіе къ церковному чину и умѣющіе пѣть, которыхъ обыкновенно называютъ при такомъ священномъ обрядѣ пѣвчими, и поютъ пѣснопѣнія, нарочно сложенные и соотвѣтствующія торжеству. Когда во время бже-

ственной службы начинается такъ называемый великій входъ, идутъ почетнѣйшіе изъ діаконовъ церкви приглашать императора. Императоръ идетъ съ ними къ такъ называемому мѣсту предложенія, гдѣ лежитъ святое. Стоя предъ мѣстомъ предложенія, императоръ облачается въ золотую мантию, кромѣ діадимы и порфиры; въ правой рукѣ онъ держитъ крестъ, который обыкновенно держитъ все время, пока носитъ корону, въ лѣвую же руку ему влагаютъ акакію ¹⁾; такимъ образомъ императоръ имѣетъ церковный чинъ такъ называемаго депутата ²⁾. Имѣя это (крестъ и акакію) въ рукахъ, императоръ идетъ впереди всего священнаго входа. По обѣ стороны императора, справа и слѣва, благолѣпно идутъ съ топорами называемые Варягами и благородные юноши, числомъ около ста, блестяще вооруженные или безоружные. Непосредственно за императоромъ слѣдуютъ въ порядкѣ діаконы и іереи, неся утвари, священные сосуды и самое святое. Обойдя по обычаю храмъ, всѣ подходятъ къ солеѣ и становятся предъ нею, только императоръ всходитъ на нее и подходитъ къ патріарху, стоящему у св. вратъ. Императоръ и патріархъ другъ друга привѣтствуютъ и становятся: патріархъ въ св. вратахъ, императоръ—предъ ними. Тогда тотъ, кто за императоромъ идетъ впереди другихъ діаконовъ, имѣя въ правой рукѣ кадило и въ лѣвой такъ называемый омофоръ патріарха, подходитъ къ императору и кадитъ ему. Императоръ наклоняетъ голову,

¹⁾ Подъ *Nárdhē* здѣсь слѣдуетъ разумѣть, повидимому, акакію, какъ и у Кодина въ *De officiis*, сар. XVII, р. 93 (см. проф. Бѣльева *Byzantina*, II, 287, прим. 2). Акакіями назывались свертки или мѣшечки, наполненные землею или прахомъ, которые императоры держали въ рукѣ. Позднѣйшіе писатели (Кодинъ и Симеонъ ессалоникійскій) видѣли въ этомъ символъ смиренія императоровъ; императоры, по ихъ мнѣнію, держали въ рукѣ прахъ въ знакъ того, что они также смертные люди, которымъ предстоитъ обратиться въ прахъ (проф. Бѣльева *Byzantina*, II, 206, прим. 1).

²⁾ Проф. Бѣльева указываетъ, что обязанность депутата состояла въ ношеніи свѣчи предъ архіереямъ; депутатъ же носилъ свѣчу на маломъ входѣ предъ евангеліемъ, а на большомъ — предъ св. дарями; званіе депутата ставило царя въ разрядъ церковнослужителей и давало ему вмѣстѣ съ званіемъ дефензора (защитника) церкви значительныя преимущества предъ мірянами. Этими званіями, говоритъ проф. Бѣльева, мотивировалось, между прочимъ, право императора входить въ алтарь св. вратами и право причащенія подъ двумя видами отдѣльно (*Byzantina*, II, 165, прим. 1).

и діаконъ во всеуслышаніе произносить: „да помянетъ Господь Богъ силу царства вашего во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, добавляя и „аминь“. Тотчасъ затѣмъ и другіе діаконы и іереи, проходя мимо (императора), произносятъ тоже. По совершеніи этого императоръ привѣтствуетъ патріарха, снимаетъ мантию, которую уноситъ референдарій церкви ¹⁾ (таковъ обычай), всходитъ на возвышеніе и опять садится на тронѣ, вставая только при произнесеніи символа вѣры и молитвы „Отче нашъ“, а также при возношеніи св. Тѣла Христова. По совершеніи же возношенія императоръ, если не готовъ къ принятію св. причастія, сидитъ на тронѣ до окончанія божественной службы, если же готовъ, опять діаконы отправляются пригласить его, и императоръ тотчасъ съ ними входитъ въ алтарь, беретъ кадило и кадитъ св. престолъ, обращаясь сначала на востокъ, затѣмъ на сѣверъ, западъ и въ четвертыхъ на югъ. Покадивъ снова на востокъ, императоръ кадитъ патріарху, который привѣтствуетъ его, беретъ кадило изъ рукъ его и кадитъ ему. Затѣмъ, императоръ снимаетъ съ головы корону и передаетъ ее діаконамъ, патріархъ же кладетъ ему въ руки частицу Тѣла Христова. Вкусивъ его, императоръ приобщается животворящей Крови, не лжицею, какъ міряне, но изъ самага потира, по образцу священнослужителей, послѣ чего снова возлагаетъ корону на главу и выходитъ изъ алтаря. По окончаніи (богослуженія) императоръ получаетъ антидоръ во время раздачи его народу, благословляется патріархомъ и присутствующими архіереями, лобзаєтъ ихъ десницы и отправляется въ такъ называемыя катихуменіи (верхнія галлерей), дабы его, всѣми издали видимаго, привѣтствовали. Послѣ этого императоръ и императрица сходятъ (съ катихуменій) и на лошадяхъ отправляются во дворецъ, всѣ же остальные слѣдуютъ пѣшкомъ“. Послѣ коронованія императоръ давалъ завтракъ во дворцѣ всѣмъ синеклитикамъ. Празднества по случаю коронованія продолжались около десяти дней и сопровождались раздачей денегъ народу и солдатамъ. Одинъ изъ синекли-

¹⁾ Референдаріями назывались духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго синклита. Объ обязанностяхъ ихъ см. Byzantina проф. Бѣляева, II, 58, прим. 1.

тиковъ бросалъ въ народъ епикомвіи ¹⁾ въ то время, когда императоръ послѣ коронованія выходилъ изъ храма, а на другой день самъ императоръ бросалъ золотыя монеты солдатамъ и своимъ служителямъ. Причиною этихъ денежныхъ раздачъ было, по объясненію Кантакузена, желаніе императора, чтобы вмѣстѣ съ нимъ всѣ ликовали ²⁾.

Исслѣдователи обрядовъ вѣнчаній на царство въ Византіи и на Руси находятъ, что обрядъ коронованія, описанный Кантакузеномъ, повторенъ Кодиномъ ³⁾. Сходство между обрядами, описанными Кантакузеномъ и Кодиномъ, даетъ право на такое заключеніе, но при сходствѣ между этими обрядами есть и различіе: Кантакузенъ не упоминаетъ о собственноручно написанномъ символѣ вѣры, который, по словамъ Кодина, императоръ вручалъ патріарху и св. синоду предъ поднятіемъ его на щитъ ⁴⁾.

Нѣкоторые дополненія къ обрядамъ коронованій въ Византіи, намъ извѣстнымъ, дѣлаетъ смоленскій іеродіаконъ Игнатій, видѣвшій и описавшій коронованіе императора Мануила Палеолога и его супруги (въ концѣ XIV в.). Іеродіаконъ Игнатій передаетъ, что императоръ принималъ участіе и въ маломъ входѣ, имѣя въ рукѣ свѣчу, которую несъ и во время великаго входа, что послѣ коронованія патріархъ читалъ императору поученіе, а затѣмъ къ императору подходили „мраморницы и гробоздатель“ съ вопросомъ, какой изъ показанныхъ ему кусковъ мрамора и камня выбираетъ онъ для приготовленія ему гроба, съ напоминаніемъ о кратковременности человѣческой жизни и увѣщаніемъ быть хорошимъ правителемъ ⁵⁾.

Іеродіаконъ Игнатій, дополняя извѣстный изъ описаній Кантакузена и Кодина обрядъ коронованія византійскихъ императоровъ, не говоритъ о миропомазаніи коронуемаго.

¹⁾ По объясненію Кантакузена епикомвіями назывались кусочки матеріи, въ которые завернуто было нѣсколько золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ (Cantacuzeni Histor. I, 41, pag. 203).

²⁾ Cantacuzeni Histor. I, 41, pag. 196 sqq., ed. Bon.

³⁾ Назв. труды Горскаго, 9; г. Попова „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 71; проф. Покровскаго „Церк. В.“ 1896 г., апр., № 17, 542.

⁴⁾ Codinus, De officiis, cap. 17, pag. 86—87, ed. Bon.

⁵⁾ Описаніе іеродіакона Игнатія издано Е. В. Барсовымъ (назв. тр. 21—24).

Извѣстіе о коронованіи императоровъ Византіи, относящееся къ послѣднимъ временамъ существованія византійской имперіи, принадлежитъ Симеону, бывшему архіепископомъ ессалоникійскимъ въ первой половинѣ XV в. Объясняя значеніе разныхъ моментовъ коронованія византійскихъ императоровъ, Симеонъ сообщаетъ, что императоръ, послѣ миропомазанія и возложенія короны на себя, бралъ въ руки крестъ и акакію (мѣшочекъ съ землею)—символь тлѣнности ¹⁾. Такое значеніе принимаемой императоромъ акакіи соотвѣтствуетъ тому напоминанію о смерти, которое дѣлалось императору по описанію іеродіакона Игнатія.

Около половины XV в. прекратила свое существованіе византійская имперія, прекратились вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе и измѣненіе обряда коронованія императоровъ Византіи.

Прослѣдивъ развитіе коронаціоннаго чина византійскихъ императоровъ, перейдемъ къ чинамъ вѣнчаній московскихъ государей.

Чинъ вѣнчанія московскихъ государей, подобно чину коронованія византійскихъ императоровъ, не вылился сразу въ опредѣленные формы, но постепенно росъ и усложнялся, не уподобившись въполнѣ византійскому императорскому коронаціонному обряду.

Первый извѣстный намъ въ современной событію записи обрядъ вѣнчанія московскаго государя—великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III. Что это было только великокняжеское вѣнчаніе, видно, какъ уже было отмѣчено, изъ самаго обряда вѣнчанія. Такъ его понималъ и лѣтописецъ: „князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси благословилъ и посадилъ на великое княженіе Володимерское и Московское всея Руси внука своего князя, Дмитрея Ивановича“, читаемъ въ лѣтописи ²⁾. Въ лѣтописи же находимъ поясненіе, при какихъ обстоятельствахъ произошло вѣнчаніе внука Іоанна III. Лѣтопись, непосредственно за разсказомъ о гнѣвѣ Іоанна III на Софью Палеологъ и сына Василия, говоритъ о казняхъ сторонниковъ опальныхъ, совершенныхъ въ концѣ декабря 1497 г., и вслѣдъ затѣмъ о вѣнчаніи Димитрія Іоанновича на великое княженіе въ началѣ февраля 1498 г. ³⁾. Такимъ образомъ

¹⁾ „Писанія св. отцевъ и учителей церкви“, II, стр. 200. 1856 г.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 43 и 241; VIII, 234.

³⁾ Тамъ же.

вѣнчаніе Іоанномъ III внука своего на великое княженіе представляется слѣдствіемъ опалы Іоанна III на жену и сына отъ брака съ нею: этимъ вѣнчаніемъ Іоаннъ III хотѣлъ закрѣпить великое княженіе за внукомъ.

Торжественный обрядъ великокняжескаго вѣнчанія, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ въ исходѣ XV в., если въ немъ видѣть явленіе дотолѣ не бывшее на Руси, можетъ быть разсматриваемъ, какъ результатъ сверженія монголо-татарскаго ига и политическаго усиленія московскаго государя. Преемникъ Іоанна III являлся первымъ московскимъ государемъ, который вступалъ на престолъ независимымъ, хотя бы номинально, отъ воли чужеземнаго государя ¹⁾.

Въ 1502 г. Іоаннъ III наложилъ опалу на вѣнчаннаго внука, запретилъ поминать имя его на ектиніяхъ и называть его великимъ княземъ, а чрезъ нѣсколько дней „пожаловалъ сына своего Василья, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Володимѣрьское и Московское и всеа Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита всеа Руси“ ²⁾. Можно ли на основаніи этихъ словъ лѣтописи заключить, что Василій Іоанновичъ былъ вѣнчанъ на великое княженіе, подобно Димитрію Іоанновичу? Чинъ вѣнчанія на великое княженіе сына Іоанна III и Софьи, если только Василій Іоанновичъ былъ вѣнчанъ на великое княженіе, не сохранился, что Катаевъ объяснилъ утратою этого чина наравнѣ съ чинами вѣнчаній Лжедимитрія I и Петра III ³⁾. Утрата двухъ послѣднихъ чиновъ понятна, но нельзя этого, сказать относительно

¹⁾ Если появленіе обряда великокняжескаго вѣнчанія въ Москвѣ ставить въ связь съ вліяніемъ Софьи, придется прибѣгнуть къ такому объясненію: то, что Софья готовила для своего сына Василія, волею Іоанна III выпало на долю внука его. Допустить предположеніе, будто Іоаннъ III унаслѣдовалъ царственныя права чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ, и потому въ концѣ XV в. мы видимъ въ Москвѣ обрядъ вѣнчанія на великое княженіе, врядъ ли возможно, потому что въ исходѣ XV в. въ Москвѣ совершенъ былъ обрядъ великокняжескаго, но не царскаго вѣнчанія, не говоря уже о томъ, что страннымъ явленіемъ была бы передача Іоанномъ III царственныхъ правъ, полученныхъ чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ, не сыну отъ брака съ нею, но внуку.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 48; VIII, 242; Никоновск. VI, 167.

³⁾ Назв. тр., 76.

чина вѣнчанія Василя Іоанновича. Г. Поповъ замѣтилъ только, что чинъ вѣнчанія Василя Іоанновича не сохранился ¹⁾.

Соловьевъ ссылается на одинъ хронографъ, который онъ видѣлъ въ библиотекѣ Архива М. И. Д. въ Москвѣ; въ этомъ хронографѣ онъ нашелъ слѣдующее извѣстіе о коронованіи Василя III послѣ смерти отца его: „совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и бояръ своихъ входилъ во св. соборную церковь и со всѣмъ своимъ синклитомъ. И священному собранію сошедшуся и пѣснословиша, якоже обычай иматъ св. и соборная церковь еже царя поставляти. Пресвященному же Симону митрополиту возложышу на В. К. Василя Ивановича животворящій крестъ и порфиру и виссонъ и златую гривну и вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утварями украси и царемъ его нарече и съ поклоненіемъ возвеличилъ его и рече: благовѣрному и христіюбивому царю и В. К. Василю Ивановичу Московскому и всея Руси исползати деспота“ ²⁾.

Если это извѣстіе хронографа вѣрно, то чинъ вѣнчанія Василя III отличенъ отъ чина вѣнчанія Димитрія Іоанновича; въ такомъ случаѣ его описали бы, какъ описали вѣнчаніе внука Іоанна III ³⁾. Помимо этого, нѣкоторыя подробности, которыя встрѣчаются въ описаніи вѣнчанія Василя III на царство, возбуждаютъ сомнѣніе въ достовѣрности извѣстія хронографа, напримѣръ: возложеніе на вѣнчаемаго порфиры и виссона, неопредѣленное выраженіе, что митрополитъ „всѣми царскими утварями украси“ Василя III. Впервые царская одежда при вѣнчаніи возложена была только на царя Ѳеодора Алексѣевича. Сомнительно также извѣстіе хронографа, что во время вѣнчанія Василя III, которое должно было совершиться

¹⁾ „Богосл. В.“ 1896 г., май, 188. Карамзинъ полагалъ, что Василій III не былъ коронованъ („И. Г. Р.“, изд. Эйв. VП, 5). Тоже думалъ и Костомаровъ („Ист. мон.“, ХП, 108). Такое мнѣніе подтверждается Герберштейномъ, который говоритъ, что Василій Іоанновичъ вступилъ на престолъ *Non inauguratus*, т. е. не коронованный (*Regum moscovit. Com.*, 9, an. 1556).

²⁾ „Ист. Рос.“ V, прим. 84, изд. 5.

³⁾ При предположеніи, что вѣнчаніе Василя III было подобно вѣнчанію Димитрія Іоанновича, можно думать, что именно вслѣдствіе сходства обряда вѣнчанія Василя III не былъ описанъ, какъ не представляющій ничего особеннаго по сравненію съ извѣстнымъ уже.

вскорѣ послѣ смерти Іоанна III, вѣнцу, возложенному на главу вѣнчаемаго, усвоилось уже названіе Мономахова. Далѣе, нововѣнчаннымъ московскимъ государямъ не пѣли многолѣтія на греческомъ языкѣ.

Если нѣкоторыя особенности коронованія Василия III объяснимъ греческимъ его происхожденіемъ по матери, чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить, что Василий III, при коронованіи нареченный царемъ, не пользовался этимъ титуломъ въ отношеніяхъ къ подданнымъ своимъ, и тѣ не титуловали его царемъ. Слѣдуетъ также имѣть въ виду утвержденіе Іоанна IV, что отецъ его не былъ вѣнчанъ на царство. Московскимъ посламъ, отправленнымъ въ Польшу въ 1554 г., данъ былъ наказъ требовать отъ короля признанія царскаго титула своего государя. Наказъ предвидѣлъ со стороны короля вопросъ: почему Іоаннъ IV называется царемъ, тогда какъ отецъ его и дѣдъ довольствовались великокняжескимъ титуломъ. На это московскіе послы должны были отвѣтить: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчались, потому и не писались; а отъ начала у государей нашихъ въ обычаѣ лежитъ: которой вѣнцомъ вѣнчается на царство, тотъ и пишется“ ¹⁾. Не зналъ о вѣнчаніи Василия III и митрополитъ Макарій. Въ грамотѣ своей къ вилenskимъ епископу и воеводѣ въ 1555 г. Макарій писалъ:... „цесарь всему римскому закону глава, тотъ въ своемъ писанѣ докончаломъ за своею печатью то титуло царскаго именованья утвердилъ, которому государю и вѣнчанья отъ насъ не было“... ²⁾. Митрополитъ имѣлъ въ виду договорную грамоту 1514 г. германскаго императора съ Василиемъ III, въ которой Василий III названъ былъ „цесаремъ“ ³⁾.

Врядъ ли Іоаннъ IV отрицалъ бы вѣнчаніе на царство своего отца, если бы оно дѣйствительно произошло, потому что онъ

¹⁾ С. И. Р. И. Об., т. 59, стр. 437. Почти буквально тоже читаемъ въ наказѣ другихъ московскихъ пословъ, отправленныхъ къ польскому королю въ 1556 г.: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчались, потому и не писались (царями); а отъ начала у государей нашихъ въ обычаѣ лежитъ: который вѣнцомъ вѣнчается на царство, то и пишется“ (тамъ же, стр. 528).

²⁾ Тамъ же, стр. 475.

³⁾ „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 1502 и II, 1437.

могъ доказать польскому королю, что отецъ его и самъ писался царемъ, и другіе государи признавали за нимъ царскій титулъ.

Такимъ образомъ извѣстіе хронографа о царскомъ вѣнчаніи Василия III врядъ ли можетъ быть признано достовѣрнымъ.

Первовѣнчаннымъ царемъ былъ Іоаннъ IV. Сохранились двѣ редакціи чина вѣнчанія его на царство: краткая и пространная ¹⁾). Только краткая редакція чина вѣнчанія Іоанна IV, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, можетъ быть признана тѣмъ обрядомъ вѣнчанія, который былъ совершенъ надъ Грознымъ ²⁾).

При сходствѣ чина этой редакціи съ чиномъ вѣнчанія внука Іоанна III замѣчаются и различія: чинъ вѣнчанія Іоанна IV названъ царскимъ вѣнчаніемъ; въ началѣ описанія этого чина пояснено, что Іоаннъ IV вѣнчался на царство крестомъ, вѣнцомъ и діадимомъ, присланными византійскимъ императоромъ великому князю Владиміру Мономаху, котораго этими утварями вѣнчалъ на царство митрополитъ ефесскій Неофитъ; на Іоанна IV былъ возложенъ еще крестъ, кромѣ вѣнца и бармы; наконецъ, въ краткой редакціи чина вѣнчанія Іоанна IV нѣтъ поученія митрополита къ нововѣнчанному.

Пространная редакція чина вѣнчанія Іоанна IV, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, „есть не описаніе чина коронованія Іоанна IV, а лишь общая схема“, составленная послѣ 1547 г., когда Іоаннъ былъ уже вѣнчанъ на царство ³⁾. Въ этой редакціи говорится объ отцѣ великаго князя, съ добавленіемъ: если онъ есть, упоминается патріархъ (вмѣсто митрополита), царь дважды называется святымъ. Упоминаніе объ отцѣ коронуемаго показываетъ,

¹⁾ Краткая редакція — въ Никоновск. лѣт. (ч. VП, 50) и въ С. Г. Г. и Д. (П, стр. 41). Существеннаго различія между двумя этими записями чина вѣнчанія Іоанна IV въ краткой редакціи нѣтъ, мѣстами только, при буквальной сходствѣ вообще, встрѣчаются разночтенія. Пространная редакція — въ „Древн. Рос. Вивл.“ (кн. VП, стр. 4), въ 1 т. „Доп. въ Акт. Ист.“ (стр. 41) и въ назв. тр. Е. В. Барсова (стр. 42). Варіанты указаны издателями.

²⁾ „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 602. Катаевъ замѣтилъ, что чинъ вѣнчанія Іоанна IV совершенно подобенъ чину вѣнчанія внука Іоанна III (назв. тр., 79); Горскій и г. Поповъ полагали, что Іоаннъ IV вѣнчался по чину пространной редакціи (назв. тр. Горскаго, 24 и г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., май, 188.

³⁾ „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 602.

что составитель чина имѣлъ въ виду случай, когда царь будетъ короновать своего сына, упоминаніе же о патріархѣ и названіе царя святымъ обнаруживаетъ, что составитель этого чина былъ грекъ или, если былъ русскій, имѣлъ предъ собою чинъ вѣнчанія византійскихъ императоровъ. Далѣе, пространная редакція говорить о врученіи Іоанну IV скипетра, возложеніи на него цѣпи арабійскаго золота, о миропомазаніи вѣнчаемаго, о принятіи имъ св. причастія ¹⁾. Составитель чина вѣнчанія этой редакціи не скопировалъ чинъ византійскаго императорскаго коронованія, но какъ бы сообразовался съ существовавшими уже чинами вѣнчаній Димитрія Іоанновича и Іоанпа IV.

Пространная редакція чина вѣнчанія Іоанна IV является первымъ русскимъ чиномъ вѣнчанія, составитель котораго имѣлъ въ виду чинъ византійскаго императорскаго коронованія. Но имѣя въ виду чинъ византійскаго вѣнчанія на царство, составитель чина вѣнчанія Іоанна IV, надъ нимъ не совершеннаго, не скопировалъ византійскій чинъ и не поставилъ вѣнчаемаго на царство московскаго государя на высоту сана византійскаго императора.

Для опредѣленія времени составленія чина вѣнчанія пространной редакціи существуютъ данныя, на которыя обратилъ вниманіе проф. Покровскій ²⁾. Въ чинѣ этой редакціи упоминаются супруга царя Анастасія и дѣти царскія, между тѣмъ царь вѣнчался на царство до женитьбы своей ³⁾. Помимо этого, имѣются, какъ кажется, и другія данныя, болѣе точно опредѣляющія время составленія чина этой редакціи. Курбскій, говоря, что патріархъ константинопольскій прислалъ Іоанну IV „книгу Царскаго Величества вѣнчанія всю“, т. е. чинъ царскаго вѣнчанія, опредѣляетъ время этой присылки ⁴⁾. Чинъ этотъ, по словамъ Курбскаго, былъ при-

¹⁾ Какъ царь долженъ приобщаться, по чину ли священнослужителей или подобно мірянамъ, составитель чина пространной редакціи не говоритъ (назв. тр. Е. В. Барсова, 63). Такъ какъ цари московскіе начали приобщаться во время совершенія надъ ними обряда вѣнчанія на царство по чину священнослужителей только со времени Федора Алексѣевича, можно думать, что въ чинѣ пространной редакціи рѣчь идетъ о приобщеніи царя по чину мірянъ.

²⁾ „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 604.

³⁾ Назв. тр. Е. В. Барсова, 60.

⁴⁾ „Сказ. кн. Курбскаго“, ч. I, гл. VIII, стр. 183, изд. I.

сланъ патриархомъ Іоанну IV по возвращеніи изъ Константинополя суздальскаго архимандрита Θεодорита, ѣздившаго туда по порученію царя съ цѣлю получить отъ патриарха вселенскаго соборную грамоту, утверждающую царское вѣнчаніе Іоанна IV ¹⁾. Это извѣстіе Курбскаго о присланномъ Іоанну IV чинѣ вѣнчанія, достовѣрность котораго проф. Покровскій не считаетъ несомнѣнною ²⁾, подтверждается слѣдующимъ показаніемъ лѣтописи: „того жъ августа (7069 г.) приѣхалъ ко царю и великому князю Египтской митрополитъ Іоасаѣ да Еѣеской епископъ, а привезъ митрополитъ Египтской Іоасаѣ отъ патриарха Цареградскаго Іоасаѣа же царю и великому князю грамоты благословенныя на царство съ патриаршескою подписью и печатью, также и всѣхъ митрополитовъ и архіепископовъ къ той грамоте руки приложены благословиніи на царство да и древнихъ царей поставленіе царскомъ Патриархъ прислалъ“ ³⁾. Если мы предположимъ, что чинъ вѣнчанія Іоанна IV, извѣстный намъ въ пространной редакціи, и тотъ чинъ вѣнчанія, который, по словамъ Курбскаго и „Лѣтописца Русскаго“, былъ присланъ патриархомъ Іоанну IV, одно и тоже, опредѣлимъ не только время составленія чина вѣнчанія Іоанна IV въ пространной редакціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ было вызвано составленіе чина вѣнчанія, не совершеннаго надъ Іоанномъ IV? Такое предположеніе, которое приводитъ къ мысли, что константинопольскій патриархъ не смотрѣлъ на Іоанна IV, какъ на преемника византійскихъ императоровъ, могло бы быть доказано сравненіемъ текстовъ того и другого чина. Извѣстный археографъ П. М. Строевъ видѣлъ въ библіотекѣ Кириллова бѣлоозерскаго монастыря переведенный съ греческаго языка чинъ вѣнчанія, который

¹⁾ „Сказ. кн. Курбскаго“, тамъ же. „Сношенія Россіи съ Востокомъ“, I, 75. „Соборная грамота духовенства прав. вост. церкви, утверждающая санъ царя за Іоанномъ IV“, изд. кн. Оболенскимъ, стр. 29.

²⁾ „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 605.

³⁾ „Чтен. въ Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1895 г. кн. 8, „Лѣтописецъ Русскій“, стр. 149. О немъ въ „Обозрѣніи состава Московск. лѣтоп. сводовъ“ И. А. Тихомирова („Лѣтоп. зан. Археогр. Ком.“, вып. X, стр. 71). По словамъ Курбскаго чинъ вѣнчанія присланъ былъ Іоанну IV патриархомъ вселенскимъ „съ Митрополитомъ единымъ и со Мнихомъ Презвитеромъ“.... („Сказ.“ изд. I, ч. I, 183).

былъ присланъ Іоанну IV константинопольскимъ патріархомъ, въ рукописи конца XVI в., озаглавленный: „Чинъ и уставъ о вѣнчаніи и о поставленіи царскомъ. Переводилъ, на Москвѣ, митрополитъ египетскій Іасафъ, съ патріарша Потребника цареградскаго, лѣта 7070-го мѣсяца декабря 13 день; а прислалъ тотъ Потребникъ къ царю и великому князю патріархъ цареградской Іасафъ съ митрополитомъ египетскимъ Іасафомъ же, со благословенными грамотами вмѣстѣ, что прислалъ патріархъ благословенные грамоты на царство царю и великому князю Ивану“ ¹⁾. Рукопись эта не была найдена мною въ библіотекѣ Петербургской Духовной Академіи, куда въ 1859 г. поступили рукописи Кириллова бѣлоозерскаго монастыря ²⁾.

¹⁾ „Библіолог. Словарь и чернов. къ нему мат. П. М. Строева“. Изд. подъ ред. акад. А. Ѳ. Бычкова въ „Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Н.“, т. XXIX, № 4, стр. 141, подъ „Іоасафъ, митрополитъ египетскій“.

²⁾ Проф. В. С. Иконниковъ „Опытъ русской исторіографіи“, т. I, кн. I, стр. 732. Въ свое время Строевъ, узнавъ о приготовленіяхъ Археографической Коммиссіи къ печатанію I-го тома „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“, предлагалъ Коммиссіи выписать для напечатанія слѣд. рукописи: изъ Кириллова бѣлоозерскаго монастыря рукопись № 28 (842), въ которой находился чинъ царскаго вѣнчанія, переведенный въ Москвѣ митрополитомъ египетскимъ Іоасафомъ; изъ Соловецкаго монастыря (№ 55, in 4°) — чинъ вѣнчанія на царство Бориса Годунова, откуда напечатанъ былъ только отрывокъ въ Актахъ Археографической Экспедиціи (V, 8; недосмотр. опечатка, должно быть: II, 8); изъ Волоколамскаго Іосифова монастыря — № 361 и нѣкоторыя другія рукописи. (Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды П. М. Строева“, стр. 436). Предложеніе Строева было выполнено. Въ I томѣ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“ напечатанъ былъ „Чинъ вѣнчанія на царство царя Іоанна Васильевича“ въ пространный редакціи, т. е. несовершенный надъ Іоанномъ IV, изъ сборника XVI в. библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря, подъ № 361 („Дополн. къ Актамъ Истор.“ I, № 30); въ этомъ же томѣ изданъ „Чинъ вѣнчанія на царство царя Бориса Ѳеодоровича“ изъ современной рукописи, принадлежавшей Соловецкому монастырю (тамъ же, № 145). Отрывокъ этого чина вѣнчанія дѣйствительно былъ изданъ въ „Актахъ Археографической Экспедиціи“ по рукописи Соловецкаго монастыря (II, № 8). Такимъ образомъ Археографическая Коммиссія выполнила часть предложенія Строева. Изъ протоколовъ засѣданій Археогр. Ком., которые во время у меня не были въ рукахъ, видно, что рукопись Кириллова бѣлоозерскаго монастыря подъ № 28 (842) не была доставлена Коммиссіи за ненахожденіемъ этой рукописи. („Проток. засѣд. Археогр. Ком.“, II, 193. Предложеніе Строева тамъ же, стр. 177).

Іоаннъ IV, отпуская прибывшаго въ 1557 г. въ Москву митрополита Іоасафа егвріпскаго, посланнаго патріархомъ константинопольскимъ съ просьбою о милостынѣ ¹⁾, отправилъ къ патріарху константинопольскому суздальскаго архимандрита Θεодорита съ грамотой, въ которой просилъ патріарха: „намъ о нашемъ Царскомъ вѣнчаніи отпиши свое благословеніе, соборною грамотою, съ нашимъ посланнымъ священноинокомъ Θεодоритомъ“ ²⁾. При этомъ патріарху была послана отъ царя щедрая милостыня ³⁾. Въ слѣдующемъ 1558 г. Θεодоритъ вернулся въ Москву и привезъ грамоту патріарха, въ которой тотъ писалъ царю: „о благовѣрномъ вѣнчаніи твоёмъ на царство отъ святѣйшаго митрополита всея Руси, брата нашего и сослужебника, принято нами во благо и достойно твоего царства“. Патріархъ обѣщалъ царю прислать соборную грамоту, подтверждающую его вѣнчаніе на царство ⁴⁾. Обѣщанная патріархомъ грамота прислана была Іоанну VI только въ 1562 г. Привезъ ее митрополитъ егвріпскій Іоасафъ ⁵⁾.

¹⁾ „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ“, I, 71.

²⁾ Тамъ же, 79.

³⁾ Тамъ же, 75.

⁴⁾ Тамъ же, 86—88.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 104. Грамота эта издана кн. Оболенскимъ. Е. В. Барсовъ отмѣчаетъ, что въ подлинной грамотѣ цѣлыя выраженія выскоблены дьякомъ и замѣнены новыми словами потому, что нѣкоторыя строки этой грамоты казались возмутительными для русской чести („Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство“, стр. XXIV). Что нѣкоторыя мѣста этой грамоты были выскоблены и нѣкоторыя вырваны, замѣтилъ Вельтманъ. Онъ указалъ, что московскій дьякъ къ имени императора Константина, брата царицы Анны, супруги Владиміра св., прибавилъ слово „Мономахъ“, имя же императора Василія принялъ за Βασίλειος. („Царскій вѣнецъ и царскія утвари, прислан. Влад. Мон.“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1860 г., кн. I, стр. 38). Фототипическій снимокъ съ подлинной грамоты приложенъ къ труду проф. Регеля *Analecta Byzantino-Russica*. По мнѣнію проф. Регеля подлинны на этой грамотѣ только подписи патріарха константинопольскаго и митрополита егвріпскаго Іоасафа, подписи же остальныхъ іерарховъ грековосточной церкви принадлежать той рукѣ, которою написанъ текстъ грамоты (*Prooemium*, LIII). Въ этомъ, кажется, проф. Регель не правъ: разсматривая подписи іерарховъ, можно видѣть, что однѣ и тѣ же буквы въ подписяхъ разныхъ лицъ писаны разн.

Грамота восточнаго духовенства признала царскій санъ за „благочестивѣйшимъ царемъ Московіи господиномъ Іоанномъ“, хотя и указала, что вѣнчать на царство имѣютъ право только патріархи римскій и константинопольскій; поэтому патріархъ предложилъ Іоанну IV повторить надъ собою царское вѣнчаніе чрезъ митрополита египтискаго, какъ патріаршаго экзарха ¹⁾. Іоаннъ IV не принялъ этого предложенія. Проф. Каптеревъ замѣчаетъ, что слишкомъ ясно выраженное этимъ предложеніемъ стремленіе константинопольскаго патріарха имѣть для московскихъ государей то же значеніе, какое имѣлъ папа для государей западныхъ, т. е. желаніе только себѣ одному усвоить право вѣнчать на царство московскихъ государей, по понятнымъ причинамъ, никакъ не могло увѣнчаться успѣхомъ, потому что православіе самихъ константинопольскихъ патріарховъ было заподозрѣно въ Москвѣ ²⁾.

Федоръ Іоанновичъ вѣнчанъ былъ на царство по тому чину, который мы называли чиномъ пространной редакціи, и который былъ составленъ въ царствованіе Іоанна IV. Первый помазанныкъ, Федоръ Іоанновичъ былъ миропомазанъ на челѣ, ушахъ, груди, плечахъ и рукахъ ³⁾.

Чинъ царскаго вѣнчанія Бориса Годунова ⁴⁾ заключаетъ въ себѣ нѣсколько особенностей, отмѣченныхъ изслѣдователями русскаго коронаціоннаго обряда: ⁵⁾ 1) патріархъ поднесъ царю, послѣ возложенія на него вѣнца, державу (яблоко), причемъ произнесъ соотвѣтствующія слова ⁶⁾; 2) послѣ миропомазанія царя и принятія

¹⁾ „Сношен. Россіи съ правосл. Востокомъ“, I, 110.

²⁾ „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII вв.“, 29—30.

³⁾ С. Г. Г. и Д., II, стр. 83. Архидіаконъ, приглашая царя къ миропомазанію, обратился къ приглашаемому съ словами: „Господи святой, Боговѣнчанный царю“ (тамъ же, стр. 83). Такое обращеніе къ царю съ названіемъ его святымъ, источникомъ своимъ имѣющее византійскій чинъ императорскаго вѣнчанія, находимъ еще въ чинахъ вѣнчаній Михаила Федоровича Романова (тамъ же, III, стр. 84) и Алексѣя Михайловича („Древн. Рос. Визл.“ VII, стр. 288, изд. 2).

⁴⁾ „Доп. къ Акт. Истор.“ I, № 145.

⁵⁾ Назв. труды Горскаго, стр. 27; Попова, „Богосл. В.“, 1896 г., май, 190; Покровскаго, „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 605.

⁶⁾ „Доп. къ Актамъ Истор.“ I, стр. 242.

имъ св. Таинъ патріархъ во второй разъ возложилъ на главу его корону съ возглашеніемъ *Ἀξιος* ¹⁾; 3) предъ миропомазаніемъ царя патріархъ прочелъ двѣ молитвы и столько же молитвъ послѣ ²⁾.

Чинъ вѣнчанія на царство Разстриги не сохранился ³⁾.

Изъ отмѣченныхъ особенностей обряда вѣнчанія на царство Бориса Годунова въ чинахъ вѣнчаній преемниковъ его сохранилось только врученіе вѣнчаемому державы. Кромѣ этой особенности чины вѣнчаній Василя Шуйскаго и Михаила Романова подобны чину вѣнчанія Ѳеодора Іоанновича ⁴⁾.

Въ чинѣ вѣнчанія на царство Алексѣя Михайловича, сравнительно съ чиномъ вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича, добавленіемъ является помазаніе царя миромъ на „брадѣ, и подѣ брадою, и на выѣ“ ⁵⁾.

¹⁾ „Доп. къ Актамъ Истор.“, стр. 248.

²⁾ Тамъ же, стр. 247.

³⁾ О вѣнчаніи на царство Разстриги свидѣлствуютъ: „Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ“ („Рус. Истор. Библ.“ т. XIII, стр. 736), „Повѣсти“ князей Хворостинина и Катирева-Ростовскаго (тамъ же, стр. 540 и 578; тоже и во второй редакціи „Повѣсти“ кн. Катирева-Ростовскаго, стр. 652). Изъ иностранцевъ, современныхъ событію и бывшихъ въ то время въ Москвѣ, о вѣнчаніи на царство Разстриги говорятъ: Масса (въ изд. Археогр. Ком., стр. 61), Вуссовъ („Сказ. современ. о Димитріѣ Самозванцѣ“, ч. I, стр. 48, изд. 3), Паерле (тамъ же, стр. 298), іезуитъ Велевидскій („Записки гетмана Жолкевскаго о моск. войнѣ“, Приложение, стр. 133, изд. 2), Станиславъ Борша, ротмистръ Разстриги (въ описаніи „Похода московскаго царя Димитрія въ Москву“, въ „Рус. Истор. Библ.“ I, стр. 398—399). Большинство названныхъ иностранцевъ передаетъ, что Разстрига вѣнчался на царство согласно московскому обычаю, и всѣ они, за исключеніемъ Массы, говорятъ, что Марина также была коронована.

⁴⁾ Чинъ вѣнчанія Василя Шуйскаго въ „Акт. Археогр. Экспед.“ II, № 47; чинъ вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича въ С. Г. Г. и Д. III, № 16. Въ рѣчи своей къ митрополиту, произнесенной предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія, Михаилъ Ѳеодоровичъ говорилъ объ обычаяхъ русскихъ государей вѣнчаться на царство со времени Владиміра Мономаха, получившаго вѣнецъ и діадиму отъ греческаго царя Константина Мономаха (тамъ же, стр. 73—74). Ссылки на вѣнчаніе Владиміра Мономаха не находимъ въ рѣчахъ предшественниковъ Михаила Ѳеодоровича на московскомъ престолѣ, которыя они произносили предъ совершеніемъ надъ ними обряда вѣнчанія на царство.

⁵⁾ Въ „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 290, изд. 2, и „Памятникахъ Древн. Письмен.“, „Чинъ поставленія на царство царя и вел. кн. Алексѣя Михайло-

Такъ чинъ вѣнчанія на царство, составленный при Іоаннѣ IV, но надъ нимъ не совершенный, соблюдался въ существенномъ до воцаренія Ѳеодора Алексѣевича, въ обрядѣ вѣнчанія котораго находимъ крупныя дополненія: 1) произнесеніе царемъ символа вѣры предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія, 2) возложеніе на царя „царской одежды“ и 3) причащеніе царя въ алтарѣ по чину священнослужителей ¹⁾. Эти дополненія взяты изъ обряда вѣнчаній византійскихъ императоровъ. Кромѣ дополненій, въ чинѣ вѣнчанія Ѳеодора Алексѣевича замѣчаются сокращенія. Проф. Покровский отмѣчаетъ одно: исключеніе молитвы „о, Пресвятая Госпоже“, которая читалась патріархомъ послѣ врученія царю скипетра и державы; этой молитвы нѣтъ въ византійскомъ обрядѣ вѣнчаній на царство ²⁾. Отмѣтимъ еще, что въ чинѣ вѣнчанія Ѳеодора Алексѣевича исключено названіе вѣнчаемаго царя „святый“ въ обращеніи къ нему посланныхъ патріархомъ священнослужителей, которые приглашали царя къ миропомазанію и причащенію ³⁾.

Проф. Покровский указалъ на связь этого исправленія русскаго коронаціоннаго чина съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ ⁴⁾. Возможно, что при исправленіи богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ обратили вниманіе на разницу въ чинахъ вѣнчаній на царство русскихъ царей и византійскихъ императоровъ, но не были ли дополненія въ чинѣ вѣнчанія Ѳеодора Алексѣевича также слѣдствіемъ такъ называемаго дѣла патріарха Никона? Восточные іерархи не одобрили отношеній Никона къ царю и вопросъ объ отношеніи патріаршей власти къ царской рѣшили не въ пользу первой ⁵⁾.

вича“, сообщен. архим. Леонидомъ, стр. 32, 1832 г. Это добавленіе въ чинѣ вѣнчанія Алексѣя Михайловича, не перешедшее въ обряды вѣнчаній преемниковъ его, было, вѣроятно, направлено противъ брадобритія.

¹⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 331, 337, 360, изд. 2; назв. тр. Е. В. Барсова, 102 и 105.

²⁾ „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 607. Сравни чины вѣнчаній Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича въ „Древн. Рос. Вивл.“, VII, стр. 273—274 и 343—344, изд. 2.

³⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 357, изд. 2.

⁴⁾ „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 607.

⁵⁾ С. Г. Г. и Д., IV, № 27; Гиббенетъ „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“, II, стр. 671—674; проф. Каптерева „Сужденіе большаго

Такое разрѣшеніе этого вопроса могло отразиться на чинѣ вѣнчанія московскаго государя: въ этотъ чинъ включили нѣкоторыя подробности, заимствованныя изъ обряда вѣнчаній византійскихъ императоровъ, которыя возвышали царя, именно принятіе вѣнчавшимся на царство св. Тайнъ по чину священнослужителей и возложеніе на него царской одежды. Сравненіе обрядовъ вѣнчаній русскихъ царей и византійскихъ императоровъ могло повести къ включенію въ обрядъ вѣнчанія первыхъ произнесенія царемъ символа вѣры. Названіе царя „святый“, которое мы видѣли въ обрядахъ вѣнчаній на царство Ѳедора Іоанновича, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, было исключено изъ чина вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича, потому что русскіе цари не назывались святыми подобно византійскимъ императорамъ.

Чинъ вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича и послѣ сдѣланныхъ въ немъ дополненій сохранилъ отличіе отъ позднѣйшаго чина вѣнчаній византійскихъ императоровъ.

Сравнивая чинъ вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича съ чиномъ вѣнчанія византійскихъ императоровъ въ изложеніи Кантакузена, находимъ слѣдующія отличія перваго чина отъ втораго: 1) русскій царь, предъ совершеніемъ надъ нимъ обряда вѣнчанія на царство, не облачался въ царскія одежды въ особу для того устроенномъ помѣщеніи во храмѣ и не поднимался на щитѣ, какъ византійскій императоръ; 2) на Руси сначала для митрополита, а впослѣдствіи для патріарха, ставилось рядомъ съ царскимъ трономъ сѣдалище, на которомъ іерархъ, совершавшій обрядъ вѣнчанія, сидѣлъ въ опредѣленное время, въ Византіи же этого не было: тамъ патріархъ, совершавшій обрядъ вѣнчанія, не сидѣлъ подлѣ коронуемаго императора; 3) русскій царь, предъ вѣнчаніемъ своимъ на царство, говорилъ рѣчь іерарху, который долженъ былъ вѣнчать его, и тотъ приносилъ царю отвѣтную рѣчь, чего не было въ византійскомъ обрядѣ вѣнчанія на царство; 4) въ византійскомъ обрядѣ миропомазаніе предшествовало возложенію на вѣнчаемаго императорскихъ регалій, по московскому же обряду миропомазаніе совершалось послѣ воз-

моск. собора 1667 г. о власти царской и патріаршей“, „Богосл. В.“, 1892 г., авг., стр. 171 и слѣд; окт., стр. 46 и слѣд. и 68. Взглядъ Никона на значеніе патріаршей власти — въ статьѣ В. К—ва, „Ж. М. Н. Пр.“ 1880 г., дек., стр. 233.

ложенія на вѣнчаемаго царскихъ регалій; 5) въ Византіи вѣнчаемому императору помазывали св. миромъ только главу крестообразно, русскому же царю помазывали св. миромъ: грудь, шею, плечи и длани рукъ; 6) при миропомазаніи императора Византіи патріархъ и всѣ находившіеся во храмѣ провозглашали „святъ“, что относилось къ императору, въ чинѣ же вѣнчаній русскихъ царей такого провозглашенія не было; 7) по византійскому обряду вѣнчанія императоръ принималъ участіе въ великомъ входѣ: шель впереди всего входа съ крестомъ и акакіей въ рукахъ, окруженный оруженосцами, имѣя чинъ церковнаго депутата, русскій же обрядъ не опредѣлялъ царю участія въ богослуженіи, и русскій царь никакого церковнаго чина не имѣлъ; 8) византійскій императоръ предъ принятіемъ св. Таинъ кадилъ въ алтарѣ вокругъ св. престола, чего русскій царь не совершалъ; 9) по русскому чину вѣнчанія, послѣ возложенія на царя регалій, іерархъ говорилъ нововѣнчанному поученіе, чего не было въ византійскомъ обрядѣ ¹⁾; 10) на Руси не было въ обычаѣ напоминать царю о смерти послѣ совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія на царство ²⁾. Кромѣ перечисленныхъ отли-

¹⁾ Г. Лопаревъ указываетъ на византійскій источникъ поученія, которое произносилъ іерархъ вѣнчавшемуся на царство русскому царю. Источникомъ при составленіи этого поученія, по мнѣнію г. Лопарева, послужило наставленіе, которое написалъ византійскій императоръ Василій Македонянинъ для старшаго своего сына Льва. Къ такому заключенію привело г. Лопарева сличеніе текстовъ русскаго поученія и наставленія Василя Македонянина („Ж. М. Н. Пр.“, 1887 г., октябрь, стр. 312—319).

²⁾ Еще Горскій высказалъ соображеніе, что византійскій обычай напоминать нововѣнчанному о смерти замѣнился на Руси тѣмъ, что царь, послѣ совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія, отправлялся изъ Архангельскаго собора для поклоненія гробамъ своихъ царственныхъ предковъ (назв. тр., 31). Такое соображеніе Горскаго было принято г. Поповымъ (назв. тр., „Богосл. В.“, 1896 г., май, 193). Въ справедливости догадки Горскаго усомнился г. Георгіевскій, который замѣтилъ, что московскіе государи при всякомъ новомъ и важномъ дѣлѣ, послѣ молебствій, заходили поклониться гробамъ своихъ предковъ. („Коронованіе русск. государей“, „Русск. Обзорніе“, 1895 г., ноябрь, 239). Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что нововѣнчанный царь посѣщалъ не только Архангельскій соборъ, гдѣ молился и, по выраженію чиновъ царскихъ вѣнчаній, „прощался“ у гробовъ своихъ предковъ; изъ Архангельскаго собора царь отправлялся въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ также молился. Чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить посѣщеніе царемъ Благовѣщенскаго собора послѣ вѣн-

чий московскаго царскаго чина вѣнчанія отъ византійскаго императорскаго слѣдуетъ имѣть въ виду, что московскія царицы на царство не вѣнчались, въ Византіи же вѣнчались на царство и супруги императоровъ.

Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи были вѣнчаны на царство по чину вѣнчанія Ѳеодора Алексѣевича ¹⁾.

Горскій въ своемъ изслѣдованіи обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей пришелъ къ заключенію, что „чинъ вѣнчанія царскаго (на Руси), въ концѣ XVII в., совмѣщалъ въ себѣ всѣ учрежденія и обычаи вѣнчанія греческихъ императоровъ и русскихъ великихъ князей и первыхъ царей“ ²⁾. Отличія чина вѣнчанія на царство сыновей Алексѣя Михайловича отъ обряда византійскаго императорскаго коронованія противорѣчатъ такому заключенію. Г. Поповъ, быть можетъ подъ вліяніемъ Горскаго, также заключилъ, что „лишь во второй половинѣ XVII в. произошло у насъ полное усвоеніе окончательно установившагося греческаго чина коронованія“ ³⁾, хотя и замѣтилъ, „что усвоеніе греческаго чина совершилось со многими оригинальными измѣненіями и дополненіями“ ⁴⁾. Эти, по выраженію г. Попова, „многія оригинальныя измѣненія и дополненія“ московскаго чина вѣнчанія на царство, по сравненію съ такимъ же чиномъ византійскимъ, свидѣтельствуютъ, повидимому, слѣдующее: на Руси сознавалось отличіе царя московскаго отъ византійскаго императора, и обрядъ византійскаго императорскаго вѣнчанія, отражавшій въ себѣ идею власти византійскаго императора, не былъ принятъ въ Москвѣ потому, что идея власти царя русскаго была не та, что въ Византіи идея власти императора Ромеевъ.

чанія на царство? Не было ли такое хожденіе по кремлевскимъ соборамъ благодарственнымъ послѣ вѣнчанія поклоненіемъ святынямъ? Въ Архангельскомъ соборѣ царь поклонялся гробницамъ тѣхъ, вслѣдствіе вѣнчанія которыхъ и самъ онъ былъ вѣнчанъ, на что обыкновенно цари предъ совершеніемъ надъ ними обряда вѣнчанія указывали іерарху, долженствовавшему совершить надъ ними этотъ обрядъ.

¹⁾ „Др. Рос. Вивл.“ VII, стр. 403, изд. 2.

²⁾ Назв. тр., 31.

³⁾ Назв. тр., „Богосл. В.“ 1896 г., май, 191.

⁴⁾ Тамъ же.

Обрядъ вѣнчанія русскаго государя, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ совершенъ надъ внукомъ Іоанна III, подобный кесарскому въ Византіи, имѣлъ до XVIII в. два момента въ своемъ развитіи, ясно представляющіеся при чтеніи обрядовъ вѣнчанія на царство русскихъ царей: первый разъ обрядъ этотъ былъ передѣланъ при Іоаннѣ IV, второй—послѣ исправленія богослужебныхъ книгъ и суда надъ патріархомъ Никономъ. И при первой передѣлкѣ и при второй обрядъ вѣнчанія русскихъ царей не уподобился обряду вѣнчанія византійскихъ императоровъ.

Всматриваясь въ обряды вѣнчаній русскихъ государей отъ конца XV в. до XVIII в. видимъ въ обрядахъ этихъ только государей русскихъ; какъ на царей русскихъ смотрѣли на себя тѣ, надъ которыми совершался обрядъ царскаго вѣнчанія въ московскомъ Успенскомъ соборѣ: каждый изъ нихъ, подобно Петру и Іоанну Алексѣевичамъ, предъ совершеніемъ надъ нимъ чина вѣнчанія на царство, въ рѣчи своей къ іерарху говорилъ, чтобы тотъ его „на всѣ великія и преславныя государства Великороссійскаго царствія“ вѣнчалъ бы ¹⁾).

¹⁾ Чинъ вѣнчанія на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей въ „Древн. Рос. Вѣст.“, VII, стр. 443, изд. 2.

Глава V.

Праздникъ Ваѣй не одинаково совершался во время соблюденія обрядовъ, изложенныхъ въ De ser. a. B., и въ послѣдніе вѣка существованія Византійской имперіи ¹⁾.

Въ I книгѣ De ser. a. B. XXXI гл. посвящена описанію празднованія кануна Воскресенья недѣли Ваѣй, слѣдующая XXXII глава содержитъ въ себѣ описаніе празднованія Воскресенья той же недѣли.

Наканунѣ Вербнаго Воскресенья совершалось слѣдующее: „въ субботу Лазаря, когда дворецъ открывается вечеромъ, входитъ весь синклитъ, магистры, анѣипаты, патрикіи и чины кувуклія только въ скарамангіяхъ, императоръ же стоитъ во храмѣ св. Димитрія предъ литымъ изображеніемъ Богородицы у двери, ведущей въ иліакъ. Когда синклитики выходятъ чрезъ восточныя серебряныя двери ²⁾, церковь даетъ знакъ ³⁾, и входятъ они рядами, одинъ за другимъ, во храмъ св. Димитрія и получаютъ изъ руки императора по одной ваѣѣ, составленной изъ вѣтвей финиковой пальмы, сампсиха ⁴⁾ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ, какіе бываютъ въ то

¹⁾ Обряды, описанные Константиномъ Багрянороднымъ, соблюдались, какъ полагаетъ проф. Бѣляевъ, приблизительно въ IX—XI вв. (Byzantina, II, 4 и слѣд.). Точно опредѣлить время соблюденія многихъ изъ придворныхъ обрядовъ, изложенныхъ въ De ser. a. B., врядъ ли возможно. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ паденія могущества Византійской имперіи уменьшалась пышная обрядность Византійскаго двора, и что послѣ восстановленія Византійской имперіи не всѣ придворные обряды въ прежнемъ видѣ были восстановлены въ Константинополѣ.

²⁾ Двери эти вели изъ хрисотриклина, см. Byzantina проф. Бѣляева I. 17.

³⁾ Reiske полагаетъ, что этотъ знакъ давался не колоколомъ, но церковнымъ биломъ (Commentarii ad De ser. a. B. pag. 235).

⁴⁾ Σάμψυχα—маіоранъ (ibid., 238, s. v.).

время года. Магистры и препозиты (еще получают) по одному большому серебряному кресту, оффиціалии ¹⁾ и всѣ другіе по малому серебряному кресту, анѳипаты и патрикіи по большому серебряному кресту. Если малые серебряные кресты имѣются въ большомъ количествѣ, то ихъ дають протоспаѳаріямъ евнухамъ ²⁾. Черезъ другую дверь (храма) св. Димитрія входятъ во храмъ пресв. Богородицы Фара ³⁾, и тотчасъ начинается вечерня; на отпускѣ вечерни поють: *Ὑπὸ ἔργῳ συνταφέντες σοί*—одну часть чины кувуклія, другую—императорскіе клирики. Препозиты берутъ большія пальмовыя вѣтви и одѣляютъ ими кувуклій изъ собственныхъ рукъ; по окончаніи вечерни всѣ выходятъ (изъ церкви) чрезъ дверь изъ слоновой кости ⁴⁾.

Вербное Воскресенье праздновалось такъ: „всѣ (назначенные чины) проходятъ чрезъ Ипподромъ ко дворцу, и когда папія ⁵⁾ растворяетъ (двери дворца), входятъ препозиты, облеченные въ бѣлыя хламиды, также патрикіи и кувуклій. По пришествіи ихъ, совершается ходъ въ триклинь (палату) Юстиніана, и тогда орфанотрофъ ⁶⁾, подойдя къ ходу, раздаетъ символы (вѣры) тѣмъ, которые ихъ обыкновенно получаютъ, (послѣ чего) удаляется. Затѣмъ, также входятъ димархи и вручаютъ всѣмъ названнымъ выше—магистрамъ, препозитамъ, патрикіямъ и прочимъ досточтимые кресты, каковыя требуются уставомъ праздника. Когда наступитъ время, императоръ облачается въ дивитисій и хламиду и садится на тронѣ въ хрисотриклинь, всѣ же чины кувуклія становятся по обѣ стороны, какъ обыкновенно. Остіарій, получивъ знакъ отъ препозита

¹⁾ Оффиціалии—сановники, занимавшіе высшія должности (Byzantina проф. Бѣляева, II, 26, прим. 7).

²⁾ Протоспаѳаріи евнухи—чиновники, имѣвшіе чинъ протоспаѳарія (тамъ же, I, 153).

³⁾ Фаромъ называлась сигнальная станція, служившая, для передачи сигнальных огней, зажигавшихся на возвышенныхъ мѣстахъ и башняхъ отъ Сарацинскихъ границъ до Царегграда въ случаѣ приближенія Сарацинъ къ границамъ имперіи. (Тамъ же I, 39).

⁴⁾ De seg. a. B., ed. B., pag. 170.

⁵⁾ Папіями назывались сановники, которые завѣдывали дворцовыми палатами и зданіями. О папіяхъ обстоятельно у проф. Бѣляева въ назв. тр. I, 145.

⁶⁾ Орфанотрофъ—попечитель сиротъ, (Reiske, Com., pag. 195, s. v.).

по приказанію (императора), выходить, держа (въ рукѣ) золотой съ драгоценными камнями жезлъ, и вводитъ отдѣлъ первый—орфанотрофа, который несетъ императору символъ вѣры и при входѣ поклоняется императору, но не падаетъ ницъ, такъ какъ несетъ символы. Когда дверная завѣса раздвигается и орфанотрофъ показывается предъ императоромъ, императоръ встаетъ съ трона, чтобы принять символъ вѣры; принявъ его и поцѣловавъ, императоръ передаетъ препозиту, орфанотрофъ же, совершивъ три обычныхъ поклоненія, вручаетъ императору символы, поцѣловавъ руку его, и отходить, не поворачиваясь спиною (къ императору), становится по срединѣ и, поклонившись императору, падаетъ ницъ, привѣтствуетъ его и уходитъ ¹⁾. Затѣмъ, остіарій также получаетъ знакъ и вводитъ отдѣлъ второй—сакелларія св. Софіи ²⁾, несущаго императору кресты, находящіеся на лѣвомъ его плечѣ, въ правой же рукѣ имѣющаго одинъ крестъ. Войдя (въ хрисотриклинъ), сакелларій поклоняется трижды, какъ установлено, и вручаетъ императору прежде всего крестъ, который держитъ въ правой рукѣ, цѣлуя руку императора. Императоръ, принявъ крестъ, цѣлуетъ его и передаетъ препозиту, послѣ чего сакелларій вручаетъ и остальные кресты императору, который, принимая ихъ, цѣлуетъ и передаетъ препозиту. (Послѣ этого) сакелларій отходить и становится посрединѣ, падая ницъ поклоняется императору и, произнеся привѣтствіе, удаляется. Тоже дѣлаютъ и всѣ другіе, входя съ крестомъ, отдѣлъ за отдѣломъ. Остіарій, снова выйдя, вводитъ по приказанію отдѣлъ третій—ризничаго (храма) пресвятой Богородицы влахернской съ хартуларіемъ св. Гроба; отдѣлъ четвертый—завѣдывающаго страннопріимнымъ домомъ Теофила; отдѣлъ пятый—димократовъ (начальниковъ) загородныхъ димовъ (партій Ипподрома); отдѣлъ шестой—завѣдывающаго страннопріимнымъ домомъ Сампсовъ ³⁾; отдѣлъ седь-

¹⁾ Проф. Мансметовъ указываетъ, что подача символа вѣры орфанотрофомъ императору въ Вербное Воскресенье—„отголосокъ древняго обычая, по которому готовящіеся къ крещенію въ вербное воскресенье начинали учить символъ вѣры, чтобы потомъ изложить его предъ принятіемъ таинства“ („Церковный Уставъ“, стр. 236).

²⁾ Σακελλάριος—aegario praefecus (Reiske, Com., pag. 156, s. v.).

³⁾ Σαμψῆς, какъ объясняетъ Миклошичъ, „рго самъчій“, т. е. савовникъ (Lexicon Palaeoslovenico-greco-latinum, s. v. самъчій. Cnf. Sophocles, Greek Lexicon., s. v. σαμψῆς).

мой—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ Евбула; отдѣлъ восьмой—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ Ирины; отдѣлъ девятый—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ Нарса; отдѣлъ десятый—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ св. Ирины; отдѣлъ одиннадцатый—димарховъ городского дима. Всѣ они, при входѣ (въ хрисотриклинь), неся кресты, дѣлають все то, о чемъ сказано было выше. Затѣмъ императоръ приказываетъ препозиту, препозитъ же церемоніарію, чтобы тотъ установилъ входящихъ по обычаю и получающихъ кресты изъ рукъ императора, дабы каждый изъ нихъ входилъ сообразно рангу и достоинству. И входятъ патрикіи, если они находятся, стратиги, архонты кувуклія, domestici, занимающіе высшія должности и топотиристы ¹⁾, обыкновенно входящіе всѣ въ одномъ отдѣлѣ, рядами. Послѣ того, какъ они падутъ ницъ и поклонятся императору, императоръ каждому даетъ по кресту; произнеся императору славословіе, они выходятъ, и затѣмъ, по приказанію, (имъ) объявляется переходъ въ лавзіакъ ²⁾. Тогда идутъ всѣ чрезъ однополотенную дверь, ведущую въ идикъ ³⁾, въ мистическую фіалу триконха ⁴⁾, неся процессіональныя свѣчи (т. е. свѣчи, которыя носили во время процессій), а императоръ совершаетъ выходъ въ хрисотриклинь; выходятъ также священники изъ церкви фара (т. е. изъ храма пресв. Богородицы, находившагося въ фарѣ), неся крестъ (взятый изъ этой) церкви, и въ это время начинаютъ тропарь крестнаго хода: *Τὴν κοινὴν ἀνάστασιν*. Императоръ, предшествуемый всѣми чинами кувуклія, проходитъ сзади крестнаго хода и выходитъ въ полукругъ фіалы триконха, гдѣ принимаютъ его патрикіи, синклитъ и вся процессія. Отсюда онъ отправляется, участвуя въ процессіи, въ дафну, и входитъ во храмъ пресв. Богородицы, гдѣ помолившись съ зажженными свѣчами, со-

¹⁾ Τοποτηρήτης—vicarius, loci servator, locum tenens (Du-Cange, s. v.).

²⁾ Лавзіакъ—проходная приѣмная зала (проф. Бѣльева Byzantina, I, 46).

³⁾ Идикъ — помѣщеніе, въ которомъ хранились деньги и разные драгоценныя предметы, принадлежавшіе императору (тамъ же, I, 47, прим. 2).

⁴⁾ Фіалами назывались (Φιάλη—чаша) фонтаны съ окружающими ихъ низкими площадками, а триконхомъ называлась тронная зала, построенная послѣднимъ иконоборческимъ императоромъ Теофиломъ. Фіала триконха извѣстна была подъ названіемъ мистической или тайной потому, что примыкала къ помѣщенію, которое носило названіе Μυστήριον (тамъ же, I, 35 и 90—91).

вершаетъ тамъ же ектинію, (затѣмъ) отправляется къ крестамъ и, помолившись (тамъ), проходитъ чрезъ триклинь августей, входитъ во храмъ св. первомученика Стефана и, помолившись тамъ, совершаетъ ектинію. (Послѣ этого), предшествуемый тѣми же (чинами), императоръ проходитъ чрезъ августей и апсидъ (нишу) триконха, „царскіе“ же остаются въ той же самой апсидѣ триконха, славословя императора. Императоръ, предшествуемый архонтами кувуклія, патрикіями, протоспаѳаріями, синклитомъ, спаѳарокандидатами, маглавитами и другими чинами ближайшей (его) свиты, проходитъ чрезъ однополотенныя двери въ идикъ и спускается по ступенямъ лавзіака, а чины синклита, спаѳарокандидаты, маглавиты и прочіе чины ближайшей (императорской) свиты стоятъ въ лавзіакѣ по обѣ стороны, славословя императора. Императоръ, предшествуемый находящимися тамъ чинами, входитъ въ трипетонъ, гдѣ остаются протоспаѳаріи славословя императора, отправляется съ чинами кувуклія и патрикіями въ хрисотриклинь и, отойдя, становится на правой сторонѣ хрисотриклина, приблизительно у камары, ведущей въ китонъ, а патрикіи становятся на лѣвой сторонѣ того же хрисотриклина, и стоятъ предъ трономъ, имѣя въ рукахъ процессіональныя свѣчи и кресты, священники же идутъ посрединѣ чрезъ хрисотриклинь и становятся вблизи трона. (Тогда) діаконъ кладетъ евангеліе на тронъ императора, происходитъ обычная ектинія, (послѣ чего) императоръ удаляется съ кувукліемъ и священниками во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, патрикіи же, произнеся славословіе императору, уходятъ. Затѣмъ, если императоръ прикажетъ, приглашаются патрикіи и слушаютъ литургію вмѣстѣ съ императоромъ во храмѣ пресв. Богородицы, если же не приглашаются (патрикіи), то слушаютъ литургію отдѣльно во храмѣ св. Стефана въ Ипподромѣ. По устройствѣ клиторія (стола), происходятъ отпуски (т. е., не приглашенные къ столу, отпускаются); по окончаніи божественной литургіи выходитъ императоръ и садится за досточтимый свой столъ въ триклинь Юстиніана только въ скарамангіи, какъ и всѣ приглашенные, ибо послѣ крестнаго хода переоблачаются. Слѣдуетъ знать, что если этотъ праздникъ совпадаетъ съ Благовѣщеніемъ пресвятой Богородицы, то исполняется (празднество) такимъ образомъ: императоръ совер-

шаетъ крестный ходъ, какъ сказано выше, исполняя все послѣдовательно въ евктіріяхъ (домовыхъ храмахъ) дафны, совершивъ все, что полагается ему совершать въ день Ваій. Священники, послѣ исполненія всего послѣдовательно во храмѣ св. Стефана, одни только отправляются во дворецъ крестнымъ ходомъ, а императоръ входитъ въ свой китонъ, выжидая (тамъ) время. По наступленіи времени церемоніарій даетъ знакъ препозиту, послѣдній же докладываетъ императору. Императоръ, выйдя въ оетагонъ дафны, облачается веститорами въ свою хламиду, по обыкновенію, и, предшествуемый архонтами кувуклія, выходитъ чрезъ августей. Пройдя портикъ или золотую руку ¹⁾, императоръ входитъ въ оноподъ, гдѣ его, ставшаго у мѣдной двери онопода, принимаютъ патрикіи и стратеги. Послѣ того какъ они падутъ ницъ и поклонятся, препозитъ, по приказанію, даетъ знакъ церемоніарію, и послѣдній возглашаетъ „повелите“. Оттуда императоръ проходитъ, совершая все послѣдовательно такъ, какъ совершаетъ онъ во время крестнаго хода въ праздникъ Благовѣщенія, что вкратцѣ мы изложили выше. Слѣдуетъ знать, что въ тотъ же самый день Ваій и императрица принимаетъ чины подобно императору и получаетъ кресты отъ нихъ, входящихъ къ ней такъ же, какъ и къ императору“ ²⁾.

Иначе праздновалъ императоръ Вербное Воскресенье въ послѣднія времена существованія византійской имперіи. „Въ праздникъ Ваій“, говоритъ Козинъ, „въ срединѣ недѣли, предуготовляется путь, ведущій отъ покоя императора къ церкви, и въ субботу Лазаря, ночью, усыпаютъ дорогу, по которой происходитъ шествіе, и всѣ колонны украшаютъ вѣтвями миртовыми, лавровыми или оливковыми. По наступленіи Воскресенья дорога представляется сразу украшенной и приготовленной для шествія. Когда совершается утрени, императоръ облачается и выходитъ изъ своего покоя. Въ другіе праздники императоръ носитъ на главѣ и

¹⁾ Золотую рукою назывался портикъ августей. Онъ имѣлъ видъ, по всей вѣроятности, узкой галлерей, потому что довольно часто назывался στεῖν (тамъ же I, 107). Не отсюда ли названіе его: золотая *рука*?

²⁾ De cer. a. B., I, 32, pag. 171 sqq.

на себѣ ¹⁾ то изъ своихъ одеждъ, что ему угодно, какъ было описано, въ этотъ же праздникъ онъ только имѣетъ на главѣ корону и облаченъ въ саккосъ, имѣя въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой свертокъ съ акакіей, какъ обычно, и свѣтильникъ. Переодеваются также и сановники въ обычные ихъ одежды, какъ мы ранѣе сказали.

Открываетъ шествіе свѣщеносецъ со свѣтильникомъ, воспѣвая весь тропарь: *Ἐξέλθετε ἔθνη, ἐξέλθετε καὶ λαοί, θεάσασθε σήμερον τὸν βασιλέα τῶν οὐρανῶν...* За нимъ (слѣдуетъ) императоръ и его сынъ, если онъ есть. Сынъ императора, если онъ уже коронованъ, имѣетъ на главѣ корону, какъ и отецъ его, слѣдуя за императоромъ и отцомъ своимъ, если же онъ еще не коронованъ, то (имѣетъ на главѣ) только вѣнецъ и верхній покровъ его, какъ мы уже сказали. За нимъ идутъ деспоты, затѣмъ архидіаконъ съ евангеліемъ, патріархъ или патріархи, если они находятся (въ столицѣ), облеченные въ свои одежды, а за ними священники, числомъ пять или шесть, неся св. иконы.

Когда всѣ въ такомъ порядкѣ пройдутъ по приготовленному пути до церкви, тамъ оканчивается утренняя. Потомъ императоръ возвращается такъ, какъ было описано, въ предшествіи свѣщеносца.

Когда императоръ возвратится по пути (приготовленному отъ покоя его къ церкви), а также патріархъ и императорскіе священники, выходитъ дитя и беретъ вѣтвь, а это означаетъ, что состоялось позволеніе императора, чтобы украшенія пути были всѣми разобраны, что тотчасъ и происходитъ: украшенія эти разбираются Варягами, гвардіей и прочими чинами, при дворѣ (императора) находящимися. Послѣ того какъ это все совершится, императоръ удаляется къ столу, такъ какъ литургіи не бываетъ вслѣдствіе того, что время ея уже миновало; прислуживаетъ же (императору за столомъ) великій domestikъ ²⁾.

Такъ праздновали императоры Византіи Вербное Воскресенье. Иначе совершалось празднованіе этого дня московскими царями ³⁾.

¹⁾ Въ текстѣ: *Ἐπὶ τοῦ σφραγιστοῦ* — на тѣлѣ.

²⁾ Codini Curopalatae De officiis, cap. X, pag. 67, ed. Bon.

³⁾ Г. Марковинъ признаетъ различіе между московскимъ дѣйствомъ Вай и обрядомъ въ недѣлю Вай, изложеннымъ въ De seg. а. В. Это различіе онъ объясняетъ обычаемъ византійскихъ императоровъ въ праздникъ Вай разда-

На Руси были два чина дѣйства въ недѣлю Ваѣй: одинъ, болѣе древній, совершавшійся въ XVI в. и началъ XVII в., и другой, позднѣйшій, начало совершенія котораго относится приблизительно къ половинѣ XVII в. ¹⁾). Между обоими чинами много сходнаго, различіе заключается лишь въ томъ, что, во-первыхъ, позднѣйшій чинъ указывалъ іерарху шествіе на ослѣ только отъ лобнаго мѣста къ Успенскому собору; подобно тому, какъ Спаситель совершилъ одинъ путь на ослѣ во Іерусалимъ, по древнѣйшему же чину шествіе на ослѣ совершалось отъ Успенскаго собора ко Входу-Іерусалимской церкви и обратно къ Успенскому собору; во-вторыхъ, позднѣйшій чинъ указывалъ читать евангеліе не іерарху, какъ то было по древнему чину, но діакону, іерархъ же долженъ былъ произносить только тѣ слова, которыя произнесъ Спаситель; въ-третьихъ, въ позднѣйшій чинъ введено было доба-

вать жалованье чиновникамъ. (Объ этой раздачѣ жалованья см. Comment. in Codini cap. X, pag. 311 sqq.). Но со времени Кодина, когда уничтожился обычай раздачи жалованья, т. е. роги, „обряды Византійскихъ Императоровъ“, говоритъ г. Марковинъ „были совершенно тѣже, какіе были у насъ при первыхъ русскихъ царяхъ и существуютъ до настоящаго времени со времени Петра I, именно: они состояли въ торжественномъ выходѣ въ Соборную Церковь—въ Византіи въ Софійскую, въ Москвѣ въ Успенскую,—откуда при участіи патріарха и духовенства Царь выходилъ на площадь предъ Соборомъ, гдѣ поставлена была разукрашенная верба, и послѣ освященія вербы патріархомъ, получалъ ее изъ рукъ его и съ нею возвращался во дворецъ“. (Назв. тр., „Христ. Др. и Археологія“, изд. Прохоровымъ, 1872 г., 55). Разобраться въ приведенныхъ словахъ г. Марковина не легко. Ясно только, что самъ г. Марковинъ, признавая различіе между московскимъ дѣйствомъ Ваѣй и обрядомъ въ недѣлю Ваѣй, изложеннымъ въ De seg. а. В., исключаетъ мысль о заимствованіи Москвою этого обряда изъ Византіи. Если даже допустить, что различіе между указанными дѣйствомъ и обрядомъ можно объяснять раздачею византійскимъ императоромъ жалованья своимъ чиновникамъ, нельзя согласиться съ голословнымъ мнѣніемъ г. Марковина, будто обряды византійскихъ императоровъ въ недѣлю Ваѣй со времени Кодина тѣже, что московскіе и существующіе въ Россіи по настоящее время. Указавъ только, что въ Византіи въ недѣлю Ваѣй императоръ выходилъ въ Софійскій соборъ, а въ Москвѣ царь отправлялся въ Успенскій соборъ, г. Марковинъ этимъ и ограничился: онъ говоритъ далѣе о царѣ московскомъ, позабывъ объ императорѣ византійскомъ.

¹⁾ Прот. Никольскій „О службахъ русской церкви“, 54; И. Е. Забѣлинъ „Дом. бытъ русск. царей, 415, изд. 3.

вление: отправленіе іерархомъ двухъ лицъ за ослѣмъ и разговоръ этихъ посланныхъ съ тѣми лицами, которыя находились у привязаннаго осла ¹⁾. Всѣ эти исправленія древняго чина имѣли цѣлью, очевидно, болѣе уподобить дѣйство Ваіи шествію Спасителя во Іерусалимъ.

Дѣйство это, въ исправленномъ видѣ, совершалось въ Москвѣ слѣдующимъ образомъ. Въ Вербное Воскресенье царь выходилъ въ соборъ въ праздничномъ выходномъ платьѣ, въ сопровожденіи бояръ и другихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ въ такомъ порядкѣ: сначала шель патріархъ въ предшествіи духовенства, затѣмъ царь, предшествуемый своими чинами. Ходъ останавливался у Покровскаго собора, царь и патріархъ отправлялись въ соборъ, гдѣ на патріарха возлагалось полное облаченіе, если онъ шествовалъ отъ Успенскаго собора въ маломъ облаченіи, и совершалось молебствіе, а царь облачался въ царскій нарядъ въ соборномъ придѣлѣ. Въ это время на лобномъ мѣстѣ, богато убранномъ бархатами и сукнами, ставили наложъ съ евангеліемъ и иконами. Около лобнаго мѣста стояло ослѣ, у котораго находились патріаршіи бояринъ и нѣсколько дьяковъ, и тутъ же ставилась заблаговременно приготовленная большая верба на саняхъ. Царь и патріархъ, выйдя изъ Покровскаго собора, отправлялись къ лобному мѣсту и всходили на него. Патріархъ подносилъ царю ваію и вербу и раздавалъ ихъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, митрополиты же раздавали вербу низшимъ свѣтскимъ чинамъ и народу. Послѣ раздачи вербы архидіаконъ читалъ евангельское повѣствованіе о входѣ Спасителя во Іерусалимъ, и когда произносилъ слова евангельскаго текста: „и посла два отъ ученикъ“ ..., соборный протопопъ и ключаръ подходили къ патріарху, который благословлялъ ихъ и, произнося соотвѣтствующія слова евангельскаго текста, посылалъ по ослѣ. Посланные говорили съ находившимися подлѣ ослѣ также словами евангельскаго текста и приводили ослѣ къ лобному мѣсту. Тогда патріархъ бралъ въ руки евангеліе и крестъ, благословлялъ крестомъ царя, садился на ослѣ, и шествіе начиналось: впереди шли государевы меньшіе чины, за ними везли на саняхъ вербу, около которой стояли пѣвчіе и пѣли

¹⁾ Назв. труды прот. Никольскаго, 54, и Забѣлина, 415.

стихиры. За вербою шло духовенство съ иконами, высшіе государевы чины съ ваиями, а за ними царь, въ большемъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, вель ося за конецъ повода. Предъ царемъ столъники и ближніе люди несли царскіе: жезлъ, вербу, свѣчу и полотенце. За царемъ шли чины его, а за патриархомъ, который сидѣлъ на осяти, духовныя власти. Во время шествія на осяти патриархъ осѣнялъ народъ крестомъ. По пути шествія дѣти стрѣльцовъ стлали предъ царемъ и патриархомъ сукна и кафтаны. Все шествіе, при звонѣ колоколовъ, вступало въ кремль чрезъ спасскія ворота и направлялось къ западнымъ дверямъ Успенскаго собора. Здѣсь патриархъ сходилъ съ осяти и вступалъ въ соборъ, гдѣ архидіаконъ дочитывалъ евангельское повѣствованіе о входѣ Спасителя во Іерусалимъ, послѣ чего иногда произносились ектинія и слѣдовалъ отпустъ. Послѣ отпуста патриархъ бралъ у царя ваю, благословлялъ его, цѣловалъ въ десницу и мышцу и здоровствовалъ ему, пѣвчіе же пѣли царю многолѣтіе. Послѣ дѣйства, если оно совершалось до литургіи, слѣдовала литургія ¹⁾.

Различіе между обрядами Ваій, совершавшимися въ Византіи и на Руси, слишкомъ велико, такъ что не можетъ быть рѣчи о заимствованіи послѣдней обряда Ваій изъ Византіи. И анонимный изслѣдователь византійскихъ и московскихъ церковно-придворныхъ обрядовъ, который въ предисловіи къ своему изслѣдованію говорилъ, что „плѣнительное обаяніе церковно-придворной обрядности, заимствованной Москвою изъ Византіи, произвело въ русскихъ ту послушную воспріимчивость къ полновластію правительства, которая внушила имъ считать своего царя представителемъ Божественной власти“ ²⁾, и высказалъ мысль „о взаимномъ соотношеніи и сродствѣ обрядовъ византійскихъ съ русскими“ ³⁾, послѣ краткаго описанія празднованія кануна Вербнаго Воскресенья по De seg. а. В., нашелъ, что изученіе церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ приводитъ къ заключенію, „что участіе церкви въ этихъ церемоніяхъ ограничивалось только раздаяніемъ таинъ

¹⁾ Назв. труды прот. Никольскаго, 58—96, и Забѣлина, 406—417.

²⁾ „Духовная Бесѣда“, 1871 г., № 52, стр. 446.

³⁾ Тамъ же, стр. 447.

Божіихъ: власть церковная является въ нихъ только какъ второ-степенная, а никакъ не главная, распорядительная сила. Съ своими службами и таинствами она является здѣсь только для прида-нія государственной-гражданской церемоніи нѣсколько церковнаго характера, и чтобы выказать чрезвычайное значеніе императора, какъ главы не только строя государственнаго, но нѣкоторымъ обра-зомъ и духовнаго чина“ ¹⁾). Указывая, что въ Византіи наканунѣ Вербнаго Воскресенья „процессію совершалъ императоръ, а не па-тріархъ“, что „императоръ также вмѣстѣ съ пальмами раздавалъ сво-имъ придворнымъ кресты, а не патріархъ, тогда какъ въ Россіи, на-противъ, и то и другое принадлежитъ церкви и церковной власти“, анонимный изслѣдователь замѣчаетъ, что императоръ, „раздавая кресты, этимъ самымъ показывалъ себя не только исповѣдникомъ вѣры Христовой, но и обязывалъ къ подобному исповѣданію и высшихъ своихъ придворныхъ чиновниковъ“, чѣмъ значеніе пред-стоятелей церкви, какъ хранителей вѣры, въ глазахъ народа ума-лялось ²⁾). Со взглядомъ, который составилъ у анонимнаго изслѣ-дователя на характеръ церковно-придворныхъ церемоній византій-скихъ императоровъ послѣ ознакомленія съ совершеніемъ обряда Вай въ Византіи, нельзя не согласиться.

Еще въ большей степени особенное значеніе императора въ церкви выказывалось въ обрядѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Вербное Воскресенье, на что обращается вниманіе и самимъ анонимнымъ изслѣдователемъ. Въ этотъ день императоръ принималъ символы вѣры и кресты отъ чиновъ, этимъ актомъ какъ бы провѣряя ихъ правовѣріе. Послѣ раздачи крестовъ чинамъ императоръ отпра-влялся во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, на пути туда совер-шая поклоненіе иконамъ въ другихъ дворцовыхъ храмахъ. Въ этомъ поклоненіи императора предъ иконами анонимный изслѣ-дователь усматриваетъ сходство съ тѣмъ поклоненіемъ высшихъ іерарховъ, которое послѣдними совершается при входѣ во храмъ предъ мѣстными иконами и другими священными предметами, съ тѣмъ только отличіемъ, что императоры на пути шествія своего были встрѣчаемы различными привѣтствіями и благожеланіями,

¹⁾ Тамъ же, стр. 452—453.

²⁾ Тамъ же, стр. 452.

высшіе же іерархи церкви во время своего шествія сопровождаются пѣніемъ церковныхъ гимновъ ¹⁾).

Въ заключеніе характеристики церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ въ недѣлю Ваій анонимный изслѣдователь говоритъ, что „въ этихъ церемоніяхъ мы видимъ на первомъ планѣ особу императора, какъ лицо, которое соединяетъ въ себѣ и свѣтскую и духовную власть, какъ лицо, имѣющее даже церковное значеніе.... Какъ ревнитель православной вѣры, онъ принимаетъ символы и кресты, приносимые ему съ покорностью его подданными; какъ лицо священное, въ нѣкоторомъ смыслѣ церковное, онъ раздаетъ кресты своимъ придворнымъ въ награду за подвигъ поста“ ²⁾).

Въ византійскомъ церковно-придворномъ обрядѣ въ праздникъ Ваій видимъ императора на первомъ планѣ. Онъ наканунѣ Вербнаго Воскресенья раздаетъ ваи съ крестами во храмѣ св. Димитрія, а въ Вербное Воскресенье, принявъ символы вѣры и кресты, идетъ своею процессією въ сопровожденіи свѣтскихъ чиновъ во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, встрѣчаясь съ крестнымъ ходомъ въ фіалѣ триконха, гдѣ крестный ходъ, по выраженію придворнаго устава, принималъ его, и императоръ, принявъ участіе въ крестномъ ходѣ, заходилъ въ дворцовые храмы, гдѣ совершалъ ектиніи. И императрица, подобно императору, принимая чины, должно быть, своего придворнаго штата, принимала отъ нихъ кресты.

Во времена упадка византійской имперіи обрядъ въ недѣлю Ваій совершался иначе, но и тогда императоръ выступалъ въ процессіи впереди патріарха ³⁾).

Въ иномъ видѣ представляется власть царская въ московскомъ дѣйствѣ въ праздникъ Ваій.

Время появленія этого дѣйства на Руси неизвѣстно въ точности. Его не могли опредѣлить еще въ XVII в. На соборѣ рус-

¹⁾ Тамъ же, стр. 454.

²⁾ Тамъ же, 1872 г., № 3, стр. 41. Анонимный изслѣдователь указываетъ на объясненіе Вальсамона, что въ праздникъ Ваій раздавались кресты въ награду за перенесенный подвигъ поста (тамъ же, стр. 38—39).

³⁾ Впереди патріарха шествовалъ въ дѣйствѣ Ваій и московскій царь, но это потому, что царь велъ осла, на которомъ сидѣлъ патріархъ.

скихъ іерарховъ подѣ председательствомъ патріарха въ 1678 г., когда было опредѣлено, чтобы обрядъ шествія на ослиати совершался только въ Москвѣ, возникъ вопросъ о времени появленія этого обряда на Руси, іерархами не разрѣшенный. „И бывшу о томъ прежде (до засѣданія собора), и тогда прилѣжному испытанію устному“, читаемъ въ актѣ собора, „и въ книгахъ тако церковныхъ, яко лѣтописныхъ досмотрѣнію, ни малѣйшее того дѣйствія обрѣтесе воспоминаніе“. Вслѣдствіе этого отцы собора сдѣлали предположеніе, что обрядъ этотъ „не отъ древнихъ вѣкъ, но мало прежде нашего житія во время мятежное, бывшу въ Государствѣ семъ смятенію великому,...введеса въ церковь“....¹⁾ Къ какому времени отнесли отцы собора появленіе этого обряда, не вполнѣ ясно. Подѣ „смятеніемъ великимъ“ врядъ ли можно предполагать дѣло патріарха Никона, ибо отцы собора говорятъ, что это смятеніе было „прежде ихъ житія“. Вѣроятное думать, что отцы собора подѣ „смятеніемъ“ разумѣли смутное время московскаго государства, на что даетъ право опредѣленіе, что смятеніе это было „мало прежде житія“ отцовъ собора. Но такое опредѣленіе отцовъ собора нельзя признать вѣрнымъ. Дѣйство въ недѣлю Ваіи, по извѣстію цесарскаго посла Даніила Принца фонъ Бухау, совершалось въ Москвѣ еще въ царствованіе Іоанна IV²⁾. Даніиль Принць, бывшій въ Москвѣ дважды: въ 1576 и 1578 гг., передаетъ слѣдующее о совершеніи этого дѣйства: „въ Воскресенье, получившее названіе отъ пальмовыхъ вѣтвей подстилавшихся Христу, входящему во Іерусалимъ, митрополитъ московскій и архіепископы, сѣвши на ослицу, при пѣніи отроками словъ псалма: „Благословенъ грядый...“, входятъ во храмъ, которому имя дали отъ города Іерусалима. Ослицу митрополита обыкновенно вводитъ во храмъ (?) самъ великій князь; предъ нимъ, какъ предъ другими

¹⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VI, стр. 359, изд. 2.

²⁾ Прот. Никольскій начинаетъ перечень иностранныхъ писателей, у которыхъ находятся извѣстія о совершеніи дѣйства въ недѣлю Ваіи въ Москвѣ, съ Флетчера (назв. тр., стр. 48, прим. 1-е). Флетчеръ передаетъ, что въ недѣлю Ваіи патріархъ ѣхалъ на лошади, узду которой держалъ царь (Федоръ Іоанновичъ) (*La Russie au XVI siècle*, t. II, chap. XXV, p. 144, an. 1864).

епископами, несутъ деревянный крестъ“ ¹⁾. Прот. Никольскій, указывая, какъ на самое раннее свидѣтельство о существованіи въ Россіи обряда шествія архіерея на ослати въ Вербное Воскресенье, на извѣстіе въ расходныхъ книгахъ Софійскаго дома (новгородскаго архіепископа) за 1548 г., отмѣчаетъ, что извѣстіе это говоритъ не о нововведеніи, но о бывшемъ уже обрядѣ ²⁾. Такимъ образомъ, самыя раннія извѣстія о существованіи этого обряда въ Россіи относятся ко времени Іоанна IV.

Отсутствіе свидѣтельствъ въ памятникахъ о существованіи этого обряда въ Москвѣ въ болѣе раннее время не оправдываетъ высказаннаго г. Марковинымъ мнѣнія, что церковно-гражданскіе обряды своимъ появленіемъ въ Москвѣ обязаны Софѣ Палеологъ и пришедшимъ съ нею въ Москву грекамъ. Молчаніе памятниковъ даетъ право заключить, что во время Іоанна III и, быть можетъ, Василия III обрядъ этотъ въ Москвѣ не соблюдался ³⁾.

Прот. Никольскій указываетъ на мнѣніе, будто появленіе дѣйства въ недѣлю Ваій, какъ и дѣйствъ Пешного и Страшнаго суда, должно быть объяснено желаніемъ царской власти принять участіе въ церковныхъ церемоніяхъ ⁴⁾. Мнѣніе это, какъ вѣрно замѣтилъ прот. Никольскій, основано на неправильно понятомъ мѣстѣ соборной грамоты 1678 г. Въ этой грамотѣ отцы собора говорятъ, что обрядъ въ недѣлю Ваій, въ томъ видѣ, въ какомъ соблюдался онъ въ Москвѣ, „благочестія ради Вѣнценосцевъ попустися“ ⁵⁾, т. е., что цари не ввели этотъ обрядъ, но допустили соблюденіе его ⁶⁾.

¹⁾ „Начало и возвышеніе Московіи“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1876 г., кн. III, стр. 40.

²⁾ Назв. тр., 48.

³⁾ Весьма важно молчаніе объ этомъ обрядѣ Герберштейна. И. Е. Забѣлинъ, задававшійся вопросомъ о времени появленія обряда Ваій въ Москвѣ, указываетъ, что извѣстія о существованіи этого обряда на Руси не восходятъ ранѣе XVI в. („Домъ рус. царей“, 406, изд. 3).

⁴⁾ Прот. Никольскій имѣетъ въ виду мнѣніе г. Сахарова, высказанное имъ въ „Очеркахъ церковныхъ дѣйствъ въ древне-восточной Руси“ въ „Чтен. въ Об. люб. духовн. просв.“, 1880 г., апр., стр. 538.

⁵⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VI, стр. 360.

⁶⁾ Прот. Никольскій, назв. тр., 45—46.

Въ этомъ обрядѣ, который появленіемъ своимъ обязанъ „пущенію Вѣнценосцевъ благочестія ихъ ради“, можно ли видѣть, подобно г. Марковину, одинъ изъ пышныхъ обрядовъ, „соотвѣтствовавшій власти императора и титулу самодержца“? ¹⁾ Можно ли думать, вмѣстѣ съ г. Марковинымъ, что въ этомъ обрядѣ „Византія передала русскимъ понятіе о царѣ православномъ, какъ объ единомъ представителѣ божественной власти въ православномъ государствѣ, къ которому всѣ другія человѣческія власти и достоинства относятся какъ къ своему главѣ“? ²⁾ Возможно ли принять мнѣніе г. Марковина, что церковно-придворные обряды византійскаго двора, перенесенные въ Москву, въ томъ числѣ и обрядъ Вай, столь возвысили царя въ глазахъ его подданныхъ, что произвели на Руси „безусловное повиновеніе царской власти, доходившее въ подданныхъ до полного рабства“? ³⁾

Вѣрнѣе предположить, что смиреніе царя, проявляемое имъ въ обрядѣ Вай, было примѣромъ смиренія и для подданныхъ его, но это было смиреніе предъ властью духовною, которое могло только лишь способствовать усиленію авторитета этой власти, а отнюдь не свѣтской, предъ нею смиравшейся. Такое предположеніе можетъ быть оправдано взглядомъ самихъ отцовъ собора 1678 г. на ту роль, которая отведена была царю въ обрядѣ Вай: „...благочестивѣйшіи Самодержци наши благоволятъ въ немъ (въ дѣйствѣ Вай), *показанія ради народу православному образа смиренія своего*, и благопокоренія предъ Христомъ Господемъ, *ибо обычай всемиранный пріяша*, еже возсѣдшу Патріарху на жребя, въ память въѣханія Господня во Терусалимъ, *смирятъ высоту свою Царскую*, и скипетрокрасныма рукама си уздѣ того ослати прикасатися“. Отцы собора хвалятъ такое смиреніе царя земного: „ибо мнози толикимъ смиреніемъ Царя земнаго предъ Царемъ небеснымъ умиляются, и внутрь себе духъ сокрушенія стяжавше отъ Бога, ко глубинѣ душеспасеннаго смиренія низходятъ“... ⁴⁾

Говоря объ обрядахъ Вай, совершавшихся въ Византіи и на Руси, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Византіи только импе-

¹⁾ Назв. тр., 3.

²⁾ Тамъ же, 6.

³⁾ Тамъ же, 10.

⁴⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VI, стр. 359—360.

раторъ въ праздникъ Ваій раздавалъ чинамъ кресты и принималъ ихъ вмѣстѣ съ символами вѣры, между тѣмъ на Руси, въ Вербное Воскресенье, осля, на которомъ сидѣлъ іерархъ, водилъ не одинъ царь. Въ томъ, что совершалъ византійскій императоръ въ обрядѣ въ недѣлю Ваій, выражалась идея власти его; совершаемое императоромъ было отличіемъ его отъ всякой другой мірской власти, и никакое другое лицо въ византійской имперіи не исполняло того, что совершалъ императоръ наканунѣ Вербнаго Воскресенья и въ день этого Воскресенья. На Руси же, гдѣ царь, участвуя въ обрядѣ въ недѣлю Ваій, не воплощалъ въ себѣ идеи такой власти, какою была власть императора Византіи, обрядъ этотъ совершался и по другимъ городамъ: тамъ епископъ садился на осли, которое велъ высшій гражданскій чинъ; такимъ образомъ царя замѣнялъ бояринъ, патріарха—митрополитъ или епископъ, и идея обряда сохранялась: власть свѣтская выражала свое смиреніе предъ властью духовною. Совершеніе дѣйства въ недѣлю Ваій по другимъ городамъ запрещено было только московскимъ церковнымъ соборомъ 1678 г. Въ актѣ этого собора было сказано, что архіереи совершаютъ дѣйство Ваій по другимъ городамъ, „идѣже Царское лице образующе, и не великія чести Начальницы ослати предводителие сотворяются. Его же мы честь храняще, и не по уставу дѣло сущее, и ни во единомъ Государствѣ Христіанскихъ бывшее..., судъ изнесохомъ сицевъ: да то дѣйствіе, яко ни что же противное церкви и уставомъ святыхъ Апостолъ и богодухновенныхъ отецъ имущее, во славу Христа Бога нашего, и за благоговѣйство благочестивѣйшихъ Вѣнценосцевъ, точію въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ присущу Скипетроносцу, отъ самаго патріарха дѣйствуемо будетъ, а не отъ иныхъ Архіерей... Нѣсть бо лѣпо, едва самому Патріарху соизволяемое дѣло, нижшимъ Архіереемъ совершати“ ¹⁾.

Прот. Никольскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что это опредѣленіе собора указало на такія причины запрещенія совершать дѣйство Ваій въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы, которыя вызываютъ рядъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему архіерею не подобало совершать въ своемъ городѣ хожденіе на ослати въ праздникъ Ваій, когда такое хожденіе совершалось патріархомъ въ

¹⁾ Тамъ же, 360—361.

Москвѣ? Если каждый архіерей въ службѣ литургіи, говоритъ прот. Никольскій, изображаетъ Господа, то прилично ему изобразить Господа и въ хожденіи въ недѣлю Ваій. Далѣе, возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ охранялась честь царскаго сана чрезъ то, что запрещено было боярамъ по городамъ вести осли за узду, подобно царю, когда въ этомъ выражалось только смиреніе царя, долженствовавшее служить примѣромъ для подданныхъ? Дѣйствительно ли церковный соборъ 1678 г. имѣлъ въ виду возвышеніе чести царя? Определеніе собора, какъ вѣрно заключаетъ прот. Никольскій, не желало прямо указать истинную причину запрещенія архіереямъ совершать въ Вербное Воскресеніе шествіе на осли, но въ этомъ определеніи отчасти проглядываетъ настоящее побужденіе къ такому запрещенію. Оно цѣлью своею имѣло возвышеніе достоинства патріарха: „нѣсть бо лѣпо, едва самому Патріарху соизволяемое дѣло, нижшимъ Архіереемъ совершати“ ¹⁾.

Совершеніе дѣйства Ваій прекратилось вмѣстѣ съ патріаршествомъ. Говоря о прекращеніи этого обряда, преосв. Иннокентій указываетъ, какъ вѣроятную, такую причину этого прекращенія: „стали смотрѣть въ немъ (дѣйствѣ) болѣе на внѣшность, нежели на духъ, выражаемый внѣшностію; и видѣть болѣе униженіе царя предъ іерархомъ, нежели разительное напоминаніе о благодатномъ Христовомъ царствіи и іудейской превратности“ ²⁾. Это объясненіе преосв. Иннокентія прот. Сулоцкій понялъ въ томъ смыслѣ, что патріархъ или митрополитъ, ѣхавшій на осли, представлялъ „лицо Іисуса Христа, или что то же благодатное Царство Христово“, а царь или воевода, водившіе осли, на которомъ сидѣлъ іерархъ, „изображали іудейскую превратность“ ³⁾. Такъ понялъ объясненіе преосв. Иннокентія и прот. Никольскій, прибавивъ, что водившіе за узду осли, на которомъ сидѣлъ іерархъ, изображали собою, по мнѣнію современниковъ совершенія этого дѣйства, іудейскую превратность ⁴⁾. Къ сожалѣнію, прот. Николь-

¹⁾ Назв. тр., 53.

²⁾ „Начертаніе Церковн. исторіи“, отд. 2, стр. 511, изд. 7-е, М. 1849 г.

³⁾ „Крестный ходъ на осли въ Tobольскѣ“, „Чтен. въ Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1870 г., кн. III, стр. 20 и прим. 10.

⁴⁾ Назв. трудъ, 53—54.

скій не называетъ современниковъ совершенія этого обряда, на мнѣніе которыхъ онъ ссылается.

Врядъ ли объясненіе смысла дѣйства въ недѣлю Вайи, предложенное преосв. Иннокентіемъ, даетъ право понимать его такъ, какъ поняли прот. Сулоцкій и Никольскій. Преосв. Иннокентій говоритъ, что веденіе царемъ за поводъ осли, на которомъ сидѣлъ іерархъ, напоминало „о благодатномъ Христовомъ царствіи и іудейской превратности“, и это его толкованіе, кажется, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что іудеи, оказавшіе царскія почести Христу, шествовавшему во Іерусалимъ, вскорѣ потребовали смерти Его. Шествіе іерарха на ослии напоминало въѣздъ Христа во Іерусалимъ, привѣтствовавшіе и преклонявшіеся предъ іерархомъ изображали іудеевъ, которые нѣкогда привѣтствовали Христа, но какъ они могли изображать тѣхъ іудеевъ, которые требовали смерти Христа, когда дѣйство напоминало только въѣздъ Христа во Іерусалимъ? Врядъ ли царь московскій и его православные подданные согласились бы изображать іудейскую превратность, т. е. перемѣну настроенія іудеевъ, которые, послѣ оказанныхъ привѣтствій и почести Христу, потребовали смерти Его. Обрядъ шествія патріарха на ослии, изображавшій въѣздъ Христа во Іерусалимъ, давалъ царю одну роль: выразить свое смиреніе предъ Христомъ, Котораго въ обрядѣ этомъ изображалъ патріархъ. Такъ понимали роль царя въ этомъ обрядѣ отцы московскаго собора 1678 г.

Московское дѣйство, совершавшееся въ Вербное Воскресенье, не могло быть заимствовано изъ Константинополя. На вопросъ, откуда оно было заимствовано, прот. Никольскій и проф. Красносельцевъ отвѣчаютъ согласно: изъ Іерусалима ¹⁾.

¹⁾ Назв. трудъ прот. Никольскаго, 46 и 75, и проф. Красносельцева „Къ исторіи православнаго Богослуженія“, 58.

Глава VI.

Литература вопроса о происхождении московскаго посольскаго обряда не велика.

Проф. Н. И. Веселовскій въ своемъ рефератѣ: „О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго“, читанномъ на IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ, указалъ на двухъ изслѣдователей, высказавшихъ мнѣніе о происхожденіи московскаго посольскаго обряда: Лешкова и Сахарова ¹⁾.

Лешковъ въ своей рѣчи: „О древней русской дипломатіи“ разсматривалъ „составные элементы древней русской дипломатіи: направленія внѣшней политики, орудія дипломатіи и законы ея“ ²⁾. Называя орудіями дипломатіи посольства и результаты посольской дѣятельности—трактаты, названный изслѣдователь говоритъ о формахъ пріема и отправления посольствъ на Руси въ періоды ея: „варяжскій, удѣльный, монгольскій и московскій“ ³⁾. Разсматривая сношенія Руси съ Греціей въ періодъ походовъ князей первой на Константинополь, Лешковъ отмѣчаетъ, на основаніи русской лѣтописи, слѣдующія „формы“ пріема пословъ: послы вручали государю, къ которому они посылались, вѣрительныя грамоты (со времени вел. кн. Игоря), на аудіенціи излагали предметъ своего посольства, вели переговоры, заключали договоры, приводили государя къ присягѣ

¹⁾ См. Протоколы въ „Трудахъ IX Археол. съѣзда“, II, 113. Рефератъ проф. Веселовскаго, сколько мнѣ извѣстно, еще не напечатанъ. Краткое содержаніе его изложено и въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ“, изд. Импер. Моск. Археол. Обществомъ, 1893 г. №№ 9—10, 386.

²⁾ „Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 17-го іюня 1847 г.“, 4. Критическая оцѣнка рѣчи Лешкова, неблагоприятная для него, въ „Сочиненіяхъ К. Кавелина“, II, 432, изд. I.

³⁾ Назв. тр., 13.

на храненіе ихъ ¹⁾. Такія „орудія и формы, посольства и договоры“, говоритъ Лешковъ, „частію выходили изъ жизни народа и состава Руси, частію заняты были нами изъ обычаевъ Греціи“ ²⁾.

Въ періодъ удѣльный, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, „частыя личныя свиданія князей помогали развитію посольскаго права, служа образцомъ для формъ посольства и началомъ для установленія посольскаго права и посольскихъ обычаевъ того времени“ ³⁾. Говоря объ обычаяхъ князей при съѣздахъ на сеймы предполагаться по отдѣльнымъ шатрамъ, Лешковъ замѣчаетъ, что по образцу князей впоследствии составлялись и посольскіе съѣзды, на которыхъ послы размѣщались въ разныхъ шатрахъ, часто не сходясь даже для переговоровъ, но оставаясь на такомъ разстояніи, что должны были громко переговариваться между собою. „Такой обычай размѣщенія пословъ по шатрамъ“, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, „остался въ русской дипломатіи до XVII в.“ ⁴⁾. Далѣе Лешковъ отмѣчаетъ, что подобно князьямъ, дарившимъ другъ друга при личномъ свиданіи и другъ друга содержавшимъ въ своихъ владѣніяхъ, послы отдаривались между собою и содержались на счетъ того князя, въ странѣ котораго они находились. Указавъ, что въ періодъ удѣльный послами могли быть братья князей, дѣти ихъ и, особенно, духовныя лица, какъ грамотныя, названный изслѣдователь излагаетъ на основаніи лѣтописи посольскій обрядъ этого времени: посолъ спрашивалъ о здоровьѣ то лицо, къ которому былъ посланъ, и передавалъ ему поклонъ отъ своего князя, послѣ чего излагалъ предметъ посольства и присутствовалъ при присягѣ на храненіе договора ⁵⁾. Говоря о междукняжескихъ сношеніяхъ, Лешковъ отмѣчаетъ расширеніе дипломатіи Руси въ удѣльный періодъ благодаря сношеніямъ съ иностранными державами, но, употребивъ его выраженіе, объ орудіяхъ этихъ сношеній не говоритъ за отсутствіемъ къ тому данныхъ ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, 15—16.

²⁾ Тамъ же, 26.

³⁾ Тамъ же, 33.

⁴⁾ Тамъ же, 34.

⁵⁾ Тамъ же, 33—35.

⁶⁾ Тамъ же, 32.

Разсмотрѣвъ дѣятельность русской дипломатіи въ удѣльный періодъ, названный изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что „дипломатія получила развитіе въ орудіяхъ и формахъ сношеній, по ихъ связи съ войною, и осталась почти безъ движенія въ своихъ законахъ и началахъ“ ¹⁾.

Монгольскій періодъ, по мнѣнію Лешкова, не отразился на русскомъ посольскомъ обрядѣ: и въ этотъ періодъ, по обычаямъ старины, пословъ наряжаютъ въ большомъ количествѣ, каждому члену посольства даютъ опредѣленную роль, назначаютъ рѣчь, которую каждый долженъ произнести предъ иностраннымъ государемъ; посольства состоятъ изъ пословъ и товарищей ихъ съ особыми дьяками ²⁾.

Приступая къ обзорѣннѣ дипломатической дѣятельности остимосковского государства, названный изслѣдователь дѣлаетъ характеристику дипломатическихъ сношеній до-московской Руси и отмѣчаетъ, „что сношенія эти ограничивались небольшимъ кругомъ ближайшихъ сосѣдей, что въ этихъ сношеніяхъ Русь дѣйствовала одна и безъ соперниковъ, что предметъ сношеній не былъ ни сложенъ, ни обширенъ, и не обнималъ собою Руси въ цѣломъ ея составѣ“ ³⁾. Въ московскій періодъ, говоритъ названный изслѣдователь, кругъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами расширился, появилось дѣленіе пословъ на три ранга: собственно пословъ, посланниковъ и гонцовъ; при отправленіи къ иностранному государю послы получали вѣрительную грамоту и указы, опредѣлявшіе ихъ дѣятельность ⁴⁾. Вотъ и все отличіе, по мнѣнію Лешкова, московскаго посольскаго обряда отъ такого же обряда древней Руси.

Какъ вѣрно замѣтилъ проф. Веселовскій въ своемъ рефератѣ, Лешковъ пришелъ къ заключенію, что московскій посольскій обрядъ былъ въ сущности повтореніемъ такого же обряда древней Руси.

Считаться съ такимъ выводомъ едва ли возможно, потому что авторъ рѣчи: „О древней русской дипломатіи“ говорилъ о томъ

¹⁾ Тамъ же, 45.

²⁾ Тамъ же, 57—58.

³⁾ Тамъ же, 60.

⁴⁾ Тамъ же, 85—86.

посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ между-княжескихъ сношеніяхъ, посольскаго же обряда, практиковавшагося въ сношеніяхъ Руси до-петровской съ иностранными государствами, за исключеніемъ извѣстій лѣтописи о послахъ между греками и русскими, авторъ названной рѣчи не имѣлъ въ виду. Между тѣмъ важность изученія посольскаго обряда, соблюдавшагося въ сношеніяхъ московской Руси съ иностранными государствами, для сужденія объ образованіи этого обряда, видна и изъ того, что самъ Лешковъ отмѣтилъ вліяніе грековъ на посольскій обрядъ древней Руси.

Не обративъ вниманія на дипломатическія сношенія московской Руси съ иностранными государствами, Лешковъ предположилъ, что отъ временъ князей удѣльныхъ до XVII в. русскіе дипломаты хранили обычай переговариваться на сѣздахъ съ иностранными послами въ разныхъ шатрахъ, но на такомъ, конечно, разстояніи, чтобы можно было слышать другъ друга. Между тѣмъ такой обычай существовалъ и въ XVII в., и врядъ ли въ немъ можно видѣть традицію временъ князей удѣльныхъ, тѣмъ болѣе, что обычай этотъ соблюдался и иностранными дипломатами. Изъ отчета нидерландскихъ посланниковъ, отправленныхъ въ 1615 г. въ Россію и Швецію для посредничества при заключеніи мира между этими державами, узнаемъ, что на сѣздѣ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ послѣдніе изъявили нежеланіе обсуждать условія заключенія мира въ палаткахъ русскихъ, но предложили поставить палатки посредниковъ и уполномоченныхъ на такомъ разстояніи, чтобы находящіеся въ палаткахъ могли слышать другъ друга. Русскіе уполномоченные на это не соглашались, но требовали, чтобы шведы являлись для переговоровъ къ нимъ, потому что такъ велось изстари. Шведскіе уполномоченные отвѣчали, что королю ихъ подобаетъ не менѣе чѣмъ царю имѣть свою палатку для своихъ пословъ, и что русскіе напрасно ссылаются на старину, ибо во время переговоровъ, поведшихъ къ заключенію Тавзинскаго трактата, русскіе и шведскіе уполномоченные, находясь въ своихъ палаткахъ, сидѣли за однимъ и тѣмъ же столомъ, большая часть котораго помѣщалась въ палаткѣ русскихъ ¹⁾. Споръ

¹⁾ С. И. Р. И. Об., XXIV, стр. 191—196.

окончилися тѣмъ, что шведскіе уполномоченные согласились поставить палатки для себя и для русскихъ такъ, чтобы одинъ конецъ стола находился въ палаткѣ посредниковъ, остальная же часть его была бы въ шатрахъ русскихъ и шведовъ, причемъ послѣдніе сдѣлали уступку: большую часть стола оставили подъ палаткою русскихъ ¹⁾. И русскіе и шведскіе уполномоченные полагали, что та сторона, которая являлась въ палатку другой для совѣщаній, унижала тѣмъ достоинство своего государя.

Врядъ ли также можно согласиться съ Лешковымъ, что обычай давать содержаніе иностранному послу существовалъ благодаря тому, что князья русскіе во время сѣздовъ содержались на счетъ того князя, въ странѣ котораго они находились. Самъ же Лешковъ отмѣтилъ, что этотъ обычай существовалъ еще ранѣе, именно въ періодъ сношеній Руси съ Византіей, когда послы содержались на счетъ того государя, къ которому они являлись ²⁾.

Кромѣ Лешкова проф. Н. И. Веселовскій указываетъ на мнѣніе И. П. Сахарова о заимствованіи московскаго посольскаго церемоніала изъ Византіи.

Не соглашаясь съ мнѣніями ни Лешкова, ни Сахарова, проф. Веселовскій доказываетъ, что русскіе приняли цѣликомъ татарскій посольскій церемоніаль. Указавъ, что во время господства татаръ русскіе князья должны были принимать татарскихъ пословъ и отправлять своихъ къ ханамъ такъ, какъ этого требовали послѣдніе, проф. Веселовскій разбираетъ отдѣльныя явленія въ русскомъ посольскомъ обиходѣ и сравнивалъ ихъ съ подобными же, существовавшими у татаръ, а отчасти существующими на Востокѣ и теперь. Заимствованный русскими отъ татаръ посольскій церемоніаль съ теченіемъ времени, по мнѣнію проф. Веселовскаго, нѣсколько измѣнился: отмѣнены были земные поклоны, отмѣнено было цѣлованіе ноги и замѣнено цѣлованіемъ руки.

Къ сожалѣнію, судить о степени убѣдительности доводовъ проф. Веселовскаго въ пользу мнѣнія его о заимствованіи московскою Русью посольскаго обряда отъ татаръ нельзя, такъ какъ рефератъ его не напечатанъ еще.

¹⁾ Тамъ же, стр. 200.

²⁾ Назв. тр., 16.

Мысль о вліянні Востока через татаръ на московскій посольскій обрядъ была высказана еще въ 1825 г. А. Рихтеромъ въ его „Изслѣдованіи о вліянніи монголо-татаръ на Россію“ ¹⁾. Отмѣтивъ, что нѣкоторые восточные обычаи появились на Руси вслѣдствіе татарскаго ига, Рихтеръ говорилъ, что московскіе цари, подобно азіатскимъ властителямъ, заставляли пословъ говорить предъ ними рѣчи, стоя на колѣняхъ, и повергаться предъ трономъ ихъ на землю, отчего произошло выраженіе: „бью челомъ“. Въ доказательство своего мнѣнія Рихтеръ указывалъ, что въ 1565 г. послы крымскаго хана говорили предъ Іоанномъ IV рѣчи, стоя на колѣняхъ, и что казанскіе ханы, престоломъ своимъ обязанные московскимъ царямъ, на слова послѣднихъ отвѣчали земными поклонами ²⁾. Но доказательства Рихтера только могутъ свидѣтельствовать, что татарскіе послы стояли на колѣняхъ предъ московскими государями и били предъ ними земные поклоны; о томъ московскомъ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ съ западными европейскими державами, Рихтеръ не говоритъ ³⁾.

Мысль о вліянніи Византіи на образованіе московскаго посольскаго обряда, кромѣ Сахарова, на котораго указываетъ проф. Веселовскій, было высказано Рамбо и о. Пирлингомъ.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей, указавъ, что послѣ паденія Константинополя, благодаря браку Іоанна III съ Софьей Палеологъ, въ Москву явились греки, между которыми были и дипломаты, говорить о византійской дипломатіи на основаніи *De serimoniis aulae Byzantinae* и *Excerpta de legationibus gentium ad Romanos* ⁴⁾.

Въ *De serim. a. B.* находимъ церемоніалы приѣма византійскими императорами чужеземныхъ пословъ не позже XI в., *Excerpta* же представляютъ сборникъ свѣдѣній о сношеніяхъ византійскаго двора съ разными народами, составленный на основаніи

¹⁾ „Отечествен. Записки“, 1825 г., ч. XXII, № 62, стр. 333.

²⁾ Назв. тр., стр. 334—335.

³⁾ Еще ранѣе Рихтера, въ 1739 г., мнѣніе о вліянніи вообще Востока на московскій посольскій обрядъ, ничѣмъ не обоснованное, было высказано Руссе; съ мнѣніемъ этимъ мы встрѣтимся далѣе.

⁴⁾ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, VIII, Russie, I, pag. 1 sqq.; Paris, an. 1890.*

извѣстій различныхъ писателей. Сборникъ этотъ появленіемъ своимъ обязанъ императору Константину Багрянородному ¹⁾. Въ началѣ сборника, находится небольшая статья, озаглавленная: *Πῶς δεῖ πρεσβεῦσαι καὶ πρεσβεῖν*. Въ этой статьѣ излагаются наставленія, какъ слѣдуетъ принимать чужеземныхъ пословъ въ Константинополь, перечисляются тѣ качества, которыми должны обладать византійскіе послы, отправляемые въ чужія земли. Чужеземныхъ пословъ, говоритъ составитель этой статьи, слѣдуетъ принимать съ почетомъ и щедростью, со слугами ихъ слѣдуетъ быть осторожными, дабы они путемъ разспросовъ не приобрѣли какихъ либо свѣдѣній отъ кого нибудь. Далѣе рекомендуется посламъ многоличественныхъ и многочисленныхъ народовъ, если они сопредѣльны Византіи, показывать не богатства свои и красоту женщинъ, но свою многочисленность и свои боевыя и оборонительныя средства. Посламъ, отправляемымъ отъ византійскаго императора къ иноземнымъ народамъ, надлежитъ быть, по словамъ автора этихъ наставленій, благочестивыми, съ незапятнаннымъ прошлымъ, разумными, готовыми подвергаться опасностямъ подобно Регулу; послы должны быть привѣтливыми, щедрыми, на сколько позволяютъ средства, по отношеніи къ тѣмъ, къ кому ихъ посылаютъ. Предъ отправленіемъ пословъ рекомендуется устроить имъ испытаніе, съ цѣлью убѣдиться, что они твердо знаютъ свои инструкціи ²⁾. Что касается *Excerpta*, то въ сборникѣ этомъ, по сравненію съ *De cerim. a. B.*, мало данныхъ для сужденія объ обрядахъ пріемовъ византійскими императорами иноземныхъ пословъ, напр., подъ 571 г., у одного изъ приведенныхъ въ *Excerpta* историковъ находимъ извѣстіе, что къ византійскому императору явился отъ персидскаго царя посолъ, который, привѣтствуя императора, такъ палъ предъ нимъ ницъ, что съ головы его упала шапка ³⁾. Тамъ же находимъ извѣстіе, что одинъ изъ пословъ персидскаго царя палъ ницъ предъ разгнѣваннымъ византійскимъ императоромъ ⁴⁾.

Дѣлая характеристику византійской дипломатіи на основаніи статьи, которая предшествуетъ *Excerpta*, Рамбо отмѣчаетъ, что ви-

¹⁾ Migne, P. C. C., Ser. gr., t. 113, стр. 633 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 636 и 637.

³⁾ Тамъ же, стр. 821—824.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 804, подъ 566 г.

зантійскій императоръ былъ бѣденъ и, за неимѣніемъ денегъ, давалъ своимъ посламъ на покрытіе издержекъ по отправленію посольства разныя произведенія своихъ мануфактуръ и мѣха или другіе товары изъ своихъ кладовыхъ, вслѣдствіе чего византійскіе послы, продававшіе товары своего императора, должны были совмѣщать въ себѣ качества дипломатовъ и купцовъ. Обычай, замѣчаетъ названный изслѣдователь, который мы находимъ у русскихъ, татаръ, персовъ и др. восточныхъ народовъ ¹⁾. Но не проще ли думать, что обычай этотъ возникъ въ Москвѣ независимо отъ Византіи по той же причинѣ, по которой явился онъ и въ послѣдней: московское государство было не богато золотою и серебряною монетою, но богато мѣхами, ихъ и давало оно своимъ посламъ на покрытіе издержекъ ихъ миссій.

Сдѣлавъ характеристику византійской дипломатіи на основаніи статьи, предшествующей *Excerpta*, Рамбо говоритъ, что отъ византійской дипломатіи происходятъ непосредственно венеціанская и русская. Процессъ происхожденія русской дипломатіи отъ византійской названный изслѣдователь не выясняетъ, онъ только дѣлаетъ краткій очеркъ развитія сношеній московскаго государства съ западными европейскими державами при Іоаннахъ III и IV, отмѣтивъ, что при Іоаннѣ III первыми послами изъ Москвы на Западъ были рускіе: Толбузинъ и Голохвастовъ, и грекъ Димитрій Рало. Это было время, по словамъ Рамбо, организациі русской дипломатіи. Далѣе онъ говоритъ въ немногихъ словахъ о возникновеніи московскаго посольскаго приказа и переходитъ къ указанію дипломатическихъ приемовъ, заимствованныхъ Москвою изъ Византіи. Московскіе обычаи, соблюдавшіеся при приѣмѣ иноземныхъ пословъ, вполне напоминаютъ, по мнѣнію французскаго ученаго, такіе же обычаи, практиковавшіеся въ Византіи: иностранный посолъ освобождался отъ всякихъ издержекъ на свое содержаніе; къ послу, котораго содержали какъ плѣнника, назначали пристава для наблюденія за нимъ; во время торжественной аудіенціи посолъ цѣловалъ руку царя, говорилъ ему привѣтствіе, царь же, сообразно съ обрядомъ своего двора, а обрядъ этотъ былъ во всемъ обрядомъ византійскимъ, спрашивалъ посла о здоровьѣ государя, представителемъ котораго былъ

¹⁾ Назв. изд., стр. 2.

посоль, освѣдомлялся также о здоровьи самого посла, спрашивалъ его, благополучно ли онъ совершилъ свое путешествіе въ Москву; принявъ грамоту отъ посла, царь угощалъ его изъ своихъ рукъ виномъ и, послѣ новыхъ привѣтствій, отпускалъ его. Такова была торжественная аудіенція. Нѣсколько дней спустя царь принималъ посла въ простой аудіенціи и запросто бесѣдовалъ съ нимъ. Отмѣтивъ, что торжественныя аудіенціи при московскомъ дворѣ отличались большою пышностью, Рамбо говоритъ, что торжественный обѣдъ, даваемый царемъ послу, былъ такъ же продолжителенъ, и церемоніаль его былъ такъ же сложенъ, какъ и при византійскомъ дворѣ ¹⁾.

Рисуя обрядъ приема иностраннаго посла московскимъ царемъ, Рамбо упускаетъ изъ виду, что въ этотъ обрядъ въ XVII в. не входили нѣкоторыя явленія посольскаго обихода XVI в. Тѣ случаи бесѣдъ московскаго государя съ иностраннымъ посломъ во время простыхъ аудіенцій, о которыхъ говоритъ французскій ученый, имѣли мѣсто въ концѣ XV в., но и тогда они были скорѣе исключеніемъ изъ обычая, чѣмъ обычаемъ. Далѣе, уже Олеарій (секретарь голштинскаго посольства къ царю Михаилу Ѳеодоровичу) замѣтилъ, что прежде посланники, послѣ торжественнаго представленія московскому государю, всегда обѣдали во дворцѣ его, при царѣ же Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обычай этотъ вывелся, и жалованныя государемъ кушанья обыкновенно приносились къ посланникамъ на ихъ квартиры ²⁾. Извѣстіе Олеарія подтверждается другими иностранными писателями о Россіи XVII-го в.: въ ихъ сочиненіяхъ рѣдко встрѣчаются описанія обѣдовъ, даваемыхъ иноземнымъ посламъ во дворцѣ ³⁾. Затѣмъ, Рамбо смѣшиваетъ обрядъ приема въ Москвѣ христіанскихъ пословъ съ обрядомъ приема мусульманскихъ пословъ. Во время аудіенціи московскій государь потчевалъ напиткомъ только татарскихъ пословъ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 4 и 5.

²⁾ „Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію“, въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.“, 1868 г., кн. III, стр. 225.

³⁾ Проф. В. О. Ключевскаго „Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ“, 61.

⁴⁾ Котошихинъ, стр. 77, изд. 3.

По мнѣнію названнаго изслѣдователя обычай содержать иноземнаго посла на свой счетъ заимствованъ былъ московскими государями изъ Византіи, оттуда же было позаимствовано отношеніе въ Москвѣ къ послу какъ къ плѣннику.

Находя сходное въ отношеніяхъ къ посламъ въ московскомъ государствѣ и въ Византіи, Рамбо объясняетъ сходство заимствованіемъ перваго изъ второй, не указывая, какимъ образомъ произошло такое заимствование. Между тѣмъ указанная французскимъ ученымъ сходная явленія въ посольскихъ обрядахъ московскомъ и византійскомъ могутъ быть объяснены иначе. Московскіе государи содержали иноземныхъ пословъ на свой счетъ потому, что смотрѣли на нихъ какъ на гостей своихъ, держали же ихъ какъ плѣнниковъ вслѣдствіе того, что не желали, чтобы посолъ провѣдалъ то, что отъ него скрывали. Московскіе государи, отправляя своихъ пословъ и гонцовъ къ иностраннымъ государямъ, обыкновенно наказывали имъ собирать всякія тайныя вѣсти, и въ рѣдкомъ изъ наказовъ московскихъ пословъ не находится такое порученіе. Подозрѣвая, что и иностранные послы являлись въ предѣлы московскаго государства съ порученіемъ развѣдывать государственныя тайны, въ Москвѣ обыкновенно держали пословъ какъ плѣнниковъ. Московскіе государи опасались излишней болтливости своихъ подданныхъ предъ иностранцами; это видно, напр., изъ наказа, даннаго князю Тюфякину и дьяку Емельянову, посламъ царя Ѳеодора Іоанновича въ Персію: „а нѣчто будетъ въ Асторохани которые торговые люди, а похотятъ съ ними зъ государевыми послы ѣхати съ торгомъ въ Кизылбашскую землю, и посломъ... торговыхъ людей съ собою въ Кизылбашу отнюдь никакова человѣка не имати, потому что... вѣсти многіе московскі(е) розсказываютъ“¹⁾.

Вопросы, которые предлагались московскимъ государемъ на аудіенціи иноземному послу (о здоровьѣ приславшаго его государя и самого посла, о путешествіи его и т. д.), Рамбо считаетъ заимствованіемъ изъ посольскаго обряда византійскаго двора. Но вѣтствія, которыя произносили византійскому императору инозем-

¹⁾ „Памятники дипломатич. и торгов. сношеній московской Руси съ Персіей“, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго, I, 341, въ „Трудахъ вост. отл. Имп. Рус. Археол. Об.“, т. XX.

ные послы, и вопросы, предлагавшіеся послѣднимъ отъ имени императора логоѳетомъ, не соотвѣтствуютъ вполнѣ привѣтствіямъ, которыя говорили иноземные послы московскимъ государямъ, и вопросамъ, предлагавшимся московскими государями иноземнымъ посламъ. Въ De serim. а. В. цѣлая глава посвящена изложенію привѣтствій, произносившихся иноземными послами предъ византійскимъ императоромъ, и вопросамъ, которые предлагались имъ логоѳетомъ отъ имени императора. Послы болгарскіе спрашивали на аудіенціи о здоровьѣ императора, императрицы, ихъ дѣтей, патріарха, двухъ магистровъ, сената и четырехъ логоѳетовъ. Логоѳетъ задавалъ имъ вопросы: „какъ поживаетъ духовный внукъ святого нашего императора, Божіею милостью владѣтель Болгаріи? какъ поживаетъ Божіею милостью владѣтельница?“ . Затѣмъ логоѳетъ спрашивалъ о дѣтяхъ болгарскаго владѣтеля, о шести великихъ болярахъ, о прочихъ внутреннихъ и вѣншихъ болярахъ и о всемъ болгарскомъ народѣ ¹⁾. Послы изъ Египта, Персіи произносили императору слѣдующія привѣтствія: „миръ тебѣ и милосердіе, радость и слава отъ Бога высокому и великому императору Ромеевъ; благополучіе, здравіе и многолѣтняя жизнь (да будутъ) отъ Бога тебѣ, миротворецъ и благой императоръ; да взойдутъ въ дни твои справедливость и полный миръ, миролюбивѣйшій и челоуѣколюбивый императоръ“. Логоѳетъ спрашивалъ пословъ: „какъ поживаетъ благороднѣйшій эмиръ Египта? какъ поживаетъ совѣтъ старцевъ и весь народъ его? какъ поживаешь ты? какъ ты совершилъ твой путь? не постигло ли тебя на пути что либо непріятное или нехорошее? не произошло ли что либо дурное съ тобою? иди въ радости и веселіи, сегодня ты будешь соучастникомъ въ трапезѣ нашего святого императора“ ²⁾.

Не такъ велось въ московскомъ государствѣ. Въ Москвѣ самъ государь спрашивалъ иноземныхъ пословъ, въ Константино-

¹⁾ De ser. а. В., II, 47, pag. 681. Внутренними болярами, по объясненію проф. М. С. Дринова, назывались въ Болгаріи лица, занимавшія должности при дворѣ и при главномъ управленіи, вѣншими же болярами назывались тѣ, которые были областными правителями („Южные славяне и Византія въ X в.“, стр. 83, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1875 г., кн. 3).

²⁾ De ser. а. В., II, 47, pag. 685.

полѣ—логоуетъ въ присутствіи императора. Кромѣ того, логоуетъ спрашивалъ пословъ не только о здоровьѣ главы государства и ихъ самихъ, какъ было въ обычай у московскихъ государей, которые предлагали иноземнымъ посламъ вопросъ о здоровьѣ ихъ государей подобно тому, какъ европейскіе государи освѣдомлялись у московскихъ пословъ о здоровьѣ царя. Принимая во вниманіе, что московскіе государи, дабы не унизить свое достоинство, оказывали иноземнымъ посламъ такой же приѣмъ, какой оказывался ихъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, можно думать, что вопросы посламъ о здоровьѣ ихъ государей предлагались московскими государами не потому, что такъ велось при византійскомъ дворѣ, но потому, что такой обычай въ то время существовалъ при европейскихъ дворахъ, какъ актъ вѣжливости по отношеніи къ государю, приславшему своего посла. Въ наказѣ, данномъ московскимъ посламъ, отправленнымъ въ 1492 г. къ королю римскому, находимъ приказъ не передавать королю поклоновъ отъ великаго князя, великой княгини и сына ихъ Василия „того дѣля, что королевъ посолъ Юрьи великому князю и великой княгинѣ отъ короля поклона не правилъ“... ¹⁾). Такъ не спрашивалъ бы Іоаннъ III иноземнаго посла о здоровьѣ государя его, если бы подобный вопросъ не предлагался его послу иноземнымъ государемъ. Даже бѣглый просмотръ памятниковъ дипломатическихъ сношеній московскихъ государей съ иностранными государствами обнаруживаетъ существованіе обычая при дворахъ западной Европы не только спрашивать пословъ о здоровьѣ ихъ государей, но предлагать такой же вопросъ и самимъ посламъ, а также освѣдомляться у нихъ, какъ совершили они свое путешествіе и довольны ли даваемымъ имъ содержаніемъ. Въ 1667 г. отправлены были стольникъ Потемкинъ и дьякъ Румянцевъ посланниками къ королямъ Испаніи и Франціи. Это было первое русское посольство къ испанскому королю ²⁾). На

¹⁾ „Пам. диплом. св. др. Россіи“, I, 82.

²⁾ „А чать“, говорили въ Испаніи русскимъ посланникамъ, „что вамъ Посланникомъ отъ Королевскаго Величества честь будетъ свыше иныхъ Государствъ Пословъ, по тому, присланы вы отъ Великого Государя, отъ Его Царскаго Величества впервые: какъ и Государство Испанское стало, Пословъ и Посланниковъ изъ великаго Россійскаго Царства никогда не бывало...“ („Древн. Рос. Вивл.“, т. IV, стр. 365, также 367, 368, изд. 2).

аудиенціи, данной русскимъ посланникамъ шестилѣтнимъ королемъ Испаніи, присутствовала мать его. Когда король, при произнесеніи имени царя, не снялъ шляпы и не спросилъ о здоровьѣ его, Потемкинъ выразилъ неудовольствіе. Ему объяснили, что въ Испаніи не въ обычаѣ, чтобы король былъ безъ шляпы предъ иноземнымъ посломъ, „а что де Королевское Величество не спросилъ о здоровьѣ Великого Государя вашего, Его Царского Величества, и то безъ хитрости учинилъ, а не презираючи чести Великого Государя вашего, Его Царского Величества, по тому что не въ срослыхъ лѣтѣхъ Королевское Величество“... Послѣ этого объясненія король спросилъ московскихъ пословъ о здоровьѣ царя, и аудиенція продолжалась ¹⁾. Когда московскіе посланники передали поклонъ отъ царя и царицы королевѣ, послѣдняя спросила о здоровьѣ ихъ ²⁾. Изъ объясненія, данного московскимъ посланникамъ, очевидно, что при испанскомъ дворѣ было въ обычаѣ, чтобы король не снималъ шляпы на аудиенціи, даваемой иноземнымъ посламъ, но не было въ обычаѣ не спрашивать иноземнаго посла о здоровьѣ государя его; обыкновенно также спрашивали иностранныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ: московскихъ пословъ спросили о здоровьѣ отъ имени испанскихъ короля и королевы; такой вопросъ предложенъ былъ имъ предъ вѣздомъ ихъ въ Мадридъ ³⁾.

Во Франціи, предъ вѣздомъ въ Парижъ, московскіе посланники были спрошены отъ имени короля о здоровьѣ, а также о благополучіи совершеннаго ими пути ⁴⁾. Во время аудиенціи король, въ отвѣтъ на переданный ему посланникомъ поклонъ отъ царя, спросилъ о здоровьѣ его ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 391.

²⁾ Тамъ же, стр. 392.

³⁾ Тамъ же, стр. 377.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 479.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 490. Сохранилось описаніе приѣма Потемкина королемъ Франціи во французской редакціи. Сравнительно съ статейнымъ спискомъ Потемкина редакція эта отличается краткостью. Во французскомъ описаніи сказано, что Потемкинъ произнесъ королю привѣтствіе, на которое отвѣтилъ король, но самый отвѣтъ не переданъ („Supplement au corps universel diplomatique du droit des gens“, t. IV, „Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe“, recueil par Mr. Du Mont, mis en ordre par Mr. Rousset, t. I, p. 96, an. 1739). Можно думать, что на переданный отъ царя поклонъ король отвѣтилъ вопросомъ

Отправленный въ 1687 г. въ Венецію посланникомъ дьякъ Волковъ доносилъ въ своемъ статейномъ спискѣ, что дожъ изъ-явилъ ему нежеланіе спросить о здоровьѣ царя стоя и безъ шапки на томъ основаніи, что „и Папы де Римского, и Цес. Вел-ва и иныхъ государей христіанскихъ про здоровье, при послахъ и посланникахъ ихъ, спрашиваетъ онъ сидя и въ шапкѣ“... ¹⁾. Изъ этого отвѣта дожа очевидно, что въ Венеціи былъ обычай, въ силу котораго дожъ спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей.

Такъ было въ XVII в., тоже соблюдалось и въ XVI в., по крайней мѣрѣ, по отношеніи къ московскому царю и его посламъ. Въ первомъ до насъ дошедшемъ статейномъ спискѣ Писемскаго, посланника къ англійской королевѣ Елизаветѣ, отправленнаго изъ московскаго государства въ 1582 г., читаемъ, что на аудіенціи королева спрашивала посланника о здоровьѣ царя и сыновей его ²⁾. Также изъ перваго дошедшаго до насъ статейнаго списка московскаго посланника Васильчикова, отправленнаго къ персидскому шаху въ 1588 г., узнаемъ, что шахъ на аудіенціи спросилъ посланника о здоровьѣ царя и его самого ³⁾. Въ первомъ подробномъ статейномъ спискѣ Владиміра Племянникова, московскаго посланника къ германскому императору, правившаго посольство въ 1518 г., читаемъ, что на встрѣчѣ у одного изъ нѣмецкихъ городовъ московскій посланникъ былъ спрошенъ отъ имени императора о здоровьѣ великаго князя, послѣ чего посланнику предложенъ былъ

о здоровьѣ его, какъ сказано въ статейномъ спискѣ Потемкина, заподозрѣтъ показаніе котораго нѣтъ основаній, такъ какъ онъ отмѣчаетъ, когда въ оказываемыхъ ему пріемахъ при дворахъ королей Испаніи и Франціи усматривалъ недостатокъ уваженія съ достоинству пославшаго его царя.

¹⁾ „Пам. дипл. св. др. Россіи“, X, 1274.

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 31. Встрѣтившій московское посольство на англійской территоріи отъ имени королевы спросилъ посланниковъ: „здорово ли вы до Аглинские земли доѣхали? и какъ ѣхали Аглинскую землю, нужи какие и бещестья вамъ отъ кого не было ли?“ (тамъ же, стр. 23).

³⁾ „Памятники диплом. и торгов. снош. московской Руси съ Персіей“, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Рус. Археол. Об.“ т. XX, стр. 87 и слѣд. Если бы шахъ не спросилъ Васильчикова о здоровьѣ царя, Васильчиковъ отмѣтилъ бы это, какъ замѣтилъ, что „шахъ противъ государева поклона не всталъ“... (тамъ же, стр. 87).

вопросъ отъ имени императора же: не встрѣтилъ ли онъ какія либо непріятности во время пути своего ¹⁾. Во время аудіенціи императоръ спросилъ московскаго посланника о здоровьѣ царя ²⁾.

Изъ приведенныхъ случаевъ видно, что вопросъ послу о здоровьѣ его государя предлагался на аудіенціи не только московскимъ государемъ, но что такой вопросъ былъ обычнымъ при дворахъ западной Европы. Если, по мнѣнію Рамбо, московскій государь спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей только потому, что такъ велось въ Византіи, является вопросъ, какъ возникъ при дворахъ западной Европы обычай, заимствованный московскими государями изъ Византіи? Не оттуда-ли, откуда, по мнѣнію Рамбо, проникъ онъ въ Москву?

Въ задачу предлагаемаго изслѣдованія не входитъ рѣшеніе этого вопроса. Имѣлось въ виду только указать, что врядъ ли можно заключить на томъ основаніи, что московскій государь самъ спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей, подобно тому, какъ въ Византіи этотъ вопросъ предлагался чрезъ логовета, будто московскіе государи заимствовали посольскій обрядъ изъ Византіи, тѣмъ болѣе, что явленіе приписываемое Рамбо исключительно московскому двору, существовало при дворахъ западной Европы къ тому времени, какъ московскіе государи стали вступать съ ними въ сношенія.

Въ заключеніе своего мнѣнія о происхожденіи московскаго посольскаго обряда Рамбо приводитъ взглядъ Руссе, который описанію пріемовъ иностранныхъ пословъ въ Россіи въ первой половинѣ XVII и въ XVIII вв. предпослалъ небольшую статью, посвященную московскому посольскому обряду. По мнѣнію Руссе, высказанному въ этой статьѣ, русскій дворъ, имѣвшій нѣкогда мало связи съ другими государствами западной Европы, кромѣ Швеціи и Польши, принималъ европейскихъ пословъ подобно дворахъ восточныхъ государствъ, не слѣдуя опредѣленнымъ правиломъ извѣстнаго обряда, но принимая во вниманіе значеніе государя, который присылалъ пословъ; всякій разъ, какъ пріѣзжалъ иностранный посолъ въ Москву, тамъ справлялись съ прежде

¹⁾ „Пам. диплом. снош. др. Россіи“ I, 343.

²⁾ Тамъ же, 346.

бывшими случаями приемовъ и сообразно съ ними устанавливали обрядъ приема ¹⁾. Съ такимъ мнѣніемъ Руссе врядъ ли можно согласиться. Отмѣчая давность сношеній московскаго государства съ Польшею и Швеціей, Руссе не принимаетъ во вниманіе, что эти государства могли оказать вліяніе на московскій посольскій обрядъ. Утверждая, что московскіе государи принимали пословъ подобно восточнымъ владѣтелямъ, Руссе дѣлаетъ крупную ошибку; мы увидимъ далѣе, какъ принимали пословъ при дворахъ крымскаго хана, турецкаго султана и персидскаго шаха, увидимъ также, что московскіе государи скорѣе были насадителями европейскаго посольскаго обряда при дворахъ восточныхъ, чѣмъ послѣдователями посольскаго обряда послѣднихъ. Что касается предположенія Руссе, будто въ Москвѣ не слѣдовали опредѣленнымъ правиламъ посольскаго обряда, то и съ этимъ согласиться нельзя, потому что обрядъ приема иноземныхъ пословъ, сложившійся въ Москвѣ при Василии III, почти въ томъ же видѣ въ основныхъ своихъ чертахъ соблюдался и въ XVII в. Указаніе Руссе на то, что въ Москвѣ принимали пословъ сообразно могуществу и значенію ихъ государей для московскаго государства, подтверждается свидѣтельствомъ Котошихина ²⁾. Другое замѣчаніе Руссе, что въ Москвѣ, принимая пословъ, справлялись съ прежде бывшими случаями подобныхъ же приемовъ, можетъ быть принято съ оговоркой, что такіа справки дѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но далеко не всегда ³⁾.

Византію учительницею московскихъ дипломатовъ считаетъ и о. Пирлингъ. Въ своемъ трудѣ „Un ponce du pape en Moscovie“ онъ высказываетъ убѣжденіе, что „въ международныхъ сношеніяхъ московскаго государства господствовалъ византійскій элементъ. Со времени брака Іоанна III съ наслѣдницею Палеологовъ пышный этикетъ Византіи проникъ въ Кремль; пышность недо-

¹⁾ „Supplement au corps universel diplomatique du droit des gens“, V, Le cérémonial diplomatique des Cours de l'Europe“ recueil. par Mr. Du Mont, mis en ordre par Mr. Roussset, II, pag. 685, an. 1739; указанное мнѣніе Руссе приведено у Рамбо въ назв. изд., стр. 8.

²⁾ „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 76, статья 16, изд. 3.

³⁾ См., напр., „Пам. дипл. снош. др. Россіи“ V, 61 и слѣд., 102 и слѣд., 187, 297 и слѣд., 335 и слѣд., 343 и слѣд.

вѣрчивыхъ предосторожностей, которыми недавно иностранцы окружались на берегахъ Босфора, возрождается теперь въ Москвѣ; послы являются только знатными плѣнниками, которыхъ лучше охраняли и за которыми лучше наблюдали, чѣмъ за другими“ ¹⁾. Въ другомъ своемъ трудѣ о. Пирлингъ отмѣчаетъ особенность московскихъ дипломатовъ, имъ объясняемую заимствованіемъ изъ Византіи: они занимались не только исполненіемъ своихъ обязанностей, но и торговлей, „и въ этомъ заключалась византійская традиція“; „дипломаты Кремля“, поясняетъ о. Пирлингъ, „не получали содержанія отъ царя, и торговля обыкновенно покрывала ихъ издержки; такъ они добросовѣстно посвящали себя и дѣламъ государственнымъ и торговымъ, работая въ униссонъ купцамъ своей свиты. Вслѣдствіе этого говорили, что у Киверовой Горы ²⁾ была скорѣе праздничная ярмарка, чѣмъ съѣздъ пословъ“ ³⁾. Указывая еще одну особенность московскихъ дипломатовъ Іоанна III, о. Пирлингъ колеблется, признать ли ее оригинальною или заимствованною, такъ какъ считаетъ грековъ учителями русскихъ въ дипломатическомъ искусствѣ; особенность эту онъ усматриваетъ въ послахъ Іоанна III къ папѣ Александру VI—Ралевъ и Карачаровъ, которые строго соблюдали данный имъ наказъ, какъ вести себя во время аудіенцій. „Было ли то остаткомъ варварства или признакомъ прогресса, воспоминаніемъ Византіи или прихотью Кремля“, говоритъ о. Пирлингъ, „но эти импровизированные послы выказали себя неумолимыми на счетъ этикета. Они всюду добивались перваго мѣста, предпочитали не появляться вовсе, чѣмъ быть ниже другихъ, и защищали свои притязанія съ настойчивостью, доходившею до смѣшного“ ⁴⁾.

Отмѣченные о. Пирлингомъ приемы московской дипломатіи, объясняемые имъ, какъ и Рамбо, заимствованіемъ изъ Византіи, могутъ быть разсматриваемы не только какъ заимствование. О. Пирлингъ исходитъ изъ того убѣжденія, что пышный придворный этикетъ Византіи проникъ въ Москву съ Софьей Палеологъ, и съ

¹⁾ 107 sq., Paris, an. 1884.

²⁾ Въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яма, въ 1581—2 гг.

³⁾ „Papes et Tsars“, 275, Paris, an. 1890.

⁴⁾ „Россія и Востокъ“ 135 и слѣд.

этой точки зрѣнія смотреть на нѣкоторые приемы московской дипломатіи, между тѣмъ мнѣніе о появленіи византійскаго придворнаго этикета въ послѣдней четверти XV в. въ Москвѣ нуждается въ доказательствахъ, которыхъ о. Пирлингъ не представилъ. Онъ такъ увѣренъ въ томъ, что Византія была учительницею московскихъ дипломатовъ, что даже въ строгомъ соблюденіи московскими послами посольскаго обряда склоненъ видѣть „воспоминаніе Византіи“, тогда какъ эта черта московскихъ дипломатовъ легко объясняется тѣмъ, что въ Москвѣ всему, съ чѣмъ была связана государева честь, придавали огромное значеніе, и вслѣдствіе этого отступленіе отъ наказа даже въ мелочахъ считалось великимъ проступкомъ для посла.

Въ недавно вышедшемъ трудѣ М. А. Вєневитинова часть одной изъ главъ посвящена изложенію дипломатическихъ традицій и приемовъ московскаго посольскаго приказа ¹⁾.

Указавъ, что характеръ международныхъ сношеній и officialные дипломатическіе приемы въ древней Россіи опредѣлились, развились и окончательно установились въ теченіе 150 лѣтъ со времени учрежденія посольскаго приказа, и что историческія условія, при которыхъ образовалось московское государство, а также отчужденность его отъ западной Европы, наложили особый отпечатокъ на основной характеръ международныхъ сношеній древней Руси, г. Вєневитиновъ говоритъ о начальной школѣ московской дипломатіи. Почвою для этой школы, крайне трудной и тяжелой, служили, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, отношенія Руси къ ея насильникамъ: татарамъ и Литвѣ. Сосѣдство съ Востокомъ отразилось на характерѣ русской дипломатіи: для достиженія желаемаго въ сношеніяхъ съ дикими народами приходилось или употреблять грубую силу или хитрить, унижаться, ради выгоды въ будущемъ временно забывать свое достоинство; страхъ предъ врагами пріучалъ къ скрытности предъ ними, ихъ корыстолюбіе и алчность пріучали къ подкупамъ. Таковы были приемы русской дипломатіи, говоритъ г. Вєневитиновъ, когда она стремилась къ сверженію татарскаго ига. Когда иго было свергнуто и Іоаннъ III женился на Софьѣ Палеологъ, „тогда приемы русской дипломатіи освѣжились новою ви-

¹⁾ „Русскіе въ Голландіи“, гл. X. М. 1897 г.

зантійскою струєю, но струя эта была также полувосточнаго происхожденія: византійская имперія пала отъ народовъ, близкихъ по племени къ татарамъ, владычествовавшимъ на Руси. Однако византійскія преданія отличались отъ приемовъ русской дипломатіи тѣмъ, что въ нихъ жила память о свѣтломъ прошломъ, и память эта отразилась надеждами на третій Римъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ“, заключаетъ г. Веневитиновъ свои разсужденія, „на характеръ первыхъ сношеній московскаго государства съ западною Европою главнымъ образомъ повліяли съ одной стороны отношенія русскихъ къ татарамъ, какъ побѣжденныхъ къ покорителямъ, а съ другой—воспоминанія о прежнемъ блескѣ восточной римской имперіи, изгнанныя изъ Стамбула и нашедшія въ Москвѣ пріютъ и новую почву для мечты о восстановленіи прошлаго“. Когда посольскій приказъ появился въ Москвѣ, задачей его стало „обеспечить московскому царю и въ Европѣ то значеніе, которое уже признали за нимъ народы Азіи, и тотъ яркій блескъ могущества, который завѣщала ему Византія“ ¹⁾.

Таковы, по мнѣнію М. А. Веневитинова, условія, которыя опредѣлили характеръ московской дипломатіи. Онъ правильно указываетъ, что официальные дипломатическіе приемы московской Руси опредѣлились и установились послѣ сверженія татарскаго ига на почвѣ сношеній съ западною Европой. Естественно, что новыя отношенія требовали новыхъ дипломатическихъ приемовъ, выразились въ новыхъ формахъ. Московскіе дипломаты, готовые унижаться предъ татарами, оказались чрезвычайно щепетильными въ сношеніяхъ съ западною Европой: натерѣвшіеся униженій предъ татарами, они всячески остерегаются, какъ бы въ чемъ либо не унизить себя предъ западною Европой, придаютъ огромное значеніе всякой мелочи въ посольскомъ обрядѣ, опасаясь не соблюденіемъ ея унизить достоинство своего государя. Характеръ жизни московскаго государства отразился и на посольскомъ обрядѣ, многія мелочи котораго тщательно и въ неприкосновенности охранялись и въ XVII в.; обрядъ этотъ соотвѣтствовалъ приемамъ московскаго посольскаго приказа, которые М. А. Веневитиновъ называетъ рутинными. Не понятно только, въ чемъ видитъ названный изслѣдо-

¹⁾ Назв. тр., 141 и слѣд.

ватель византійскую струю, освѣжившую московскую дипломатію послѣ брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ. Если, говоря объ этой струѣ, онъ имѣлъ въ виду Софью Палеологъ или грековъ, бывшихъ съ нею въ Москву, слѣдовало выяснить то вліяніе, которое они имѣли на московскую дипломатію. Проф. Терновскій, перечисляя тѣхъ грековъ, которые явились въ Москву съ Софьей Палеологъ и дѣйствовали нѣкоторое время при московскомъ дворѣ, говоритъ о нихъ, какъ о дипломатахъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „употреблялись они сначала по дипломатической части—въ качествѣ пословъ; но потомъ и это пресѣлось. Вѣроятно и въ этомъ отношеніи они обнаружили хотя болѣе изворотливости, но менѣе твердости и ясности въ пониманіи московскихъ интересовъ, чѣмъ природныя москвичи, у которыхъ—по пословицѣ *алтыннаго за грошъ не выторгуешь*“ (курсивъ подлин.) ¹⁾. Не понятно также, на основаніи чего М. А. Вeneвитиновъ заключаетъ, что задачей учрежденнаго въ Москвѣ посольскаго приказа было обезпечить московскому царю въ Европѣ „яркій блескъ могущества, завѣщанный ему Византіей“. Паденіе татарскаго ига способствовало подъему духа московской дипломатіи врядъ ли въ меньшей степени, чѣмъ бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ. Первое было реальное, а со вторымъ могли быть соединены только мечты, но были ли способны Іоаннъ III и его дипломаты предаваться имъ? Памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами обнаруживаютъ, что едва татарское иго пало, какъ московское правительство, памятуя о томъ времени, когда вся русская земля принадлежала потомкамъ Владиміра св., стало упорно стремиться присоединить къ Москвѣ русскія земли, отошедшія къ литовскому государству. Эта задача національнаго объединенія всецѣло поглотила вниманіе московскихъ дипломатовъ, и памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства не даютъ данныхъ для заключенія, будто московская дипломатія предавалась мечтамъ о возстановленіи третьяго Рима въ Москвѣ, будто задачей ея было обезпечить московскому государю могущество, якобы завѣщанное ему Византіей. Усилія западной Европы втолкнуть москов-

¹⁾ „Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Русѣ“ II, 63.

ское государство въ борьбу съ турками, ея напомниманія, что московскій государь имѣеть право на павшую имперію, оставались тщетными: московская дипломатія стремилась присоединить юго-западные русскія земли къ Москвѣ и въ этомъ соединеніи всѣхъ русскихъ земель подѣ властью московскаго государя видѣла желаемое могущество.

Сводя вмѣстѣ мнѣнія изслѣдователей московскаго посольскаго обряда, видимъ, что Руссе игнорировалъ западное вліяніе на образованіе этого обряда. Лешковъ, говоря о посольскомъ обрядѣ московскаго двора, не воспользовался необходимымъ при изученіи этого обряда матеріаломъ, заключающимся въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами, почему и не пришелъ къ правильному заключенію. Рихтеръ имѣлъ въ виду только вліяніе татарское на Россію, поэтому и отмѣтилъ тѣ лишь черты московскаго посольскаго обряда, которыя, по его мнѣнію, заимствованы были чрезъ татаръ изъ Азіи. О. Пирлингъ мимоходомъ указалъ нѣкоторыя черты московской дипломатіи, которыя представлялись ему заимствованными изъ Византіи. Рамбо, быть можетъ подѣ вліяніемъ о. Пирлинга (заговорившаго о византійскомъ вліяніи на московскую дипломатію въ 1884 г., когда вышло его изслѣдованіе „Un ponce du rare en Moscovie“, Рамбо же свой взглядъ развилъ въ 1890 г.), имѣлъ въ виду только византійское вліяніе на московскихъ дипломатовъ, игнорируя другія, могущія быть, вліянія. На сколько можно судить по отчету о рефератѣ проф. Н. И. Веселовскаго, референтъ сравнивалъ русскій носольскій обрядъ только съ татарскимъ.

Вниманіе изслѣдователей московскаго посольскаго обряда, обращенное при объясненіи образованія этого обряда только на Востокъ, останавливалось то на Византіи, то на татарахъ. Ни одинъ изъ изслѣдователей, говоря о московскомъ посольскомъ обрядѣ, не находилъ нужнымъ считаться съ европейскимъ на него вліяніемъ. Между тѣмъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія московскаго посольскаго обряда представляютъ памятники дипломатическихъ сношеній московской Руси съ западными европейскими государствами; Котошихинъ, которому хорошо былъ извѣстенъ московскій посольскій приказъ, посвящаетъ двѣ главы (IV и V) описанію по-

сольскаго обряда; объ этомъ же обрядѣ говорятъ въ своихъ описаніяхъ московскаго государства и иностранцы, которые пріѣзжали въ Москву въ качествѣ пословъ или лицъ посольской свиты. Весь этотъ матеріалъ, который не принимался во вниманіе изслѣдователями московскаго посольскаго обряда, даетъ возможность прослѣдить образованіе его сравнительно не только съ такими же обрядами Византіи и татаръ, но и съ тѣми обрядами, которые соблюдали западныя европейскія государства при пріемѣ московскихъ пословъ. Имѣя въ виду вліяніе Византіи или татаръ на образованіе московскаго посольскаго обряда, необходимо считаться и съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣла западная Европа на развитіе этого обряда, потому что росъ онъ на почвѣ дипломатическихъ сношеній и съ западными европейскими государствами.

Сношенія московскаго государя съ нѣкоторыми западными европейскими державами начались вскорѣ послѣ паденія татарскаго ига. Тогда предъ этими державами предсталъ государь независимый отъ какой либо земной власти, равный другимъ независимымъ государямъ. Въ такомъ смыслѣ опредѣлилъ мѣсто свое въ семьѣ европейскихъ государей самъ Іоаннъ III. Когда въ 1489 г. вторично появился въ Москвѣ Николай Поппель, въ этотъ разъ въ качествѣ посла императора германскаго, и между прочимъ предложилъ Іоанну III свои услуги для исходатайствованія ему королевскаго титула отъ императора, Іоаннъ III велѣлъ отвѣтить Поппелю на это предложеніе:... „мы Божіею милостію Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ, а поставленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ“¹⁾. Этимъ отвѣтомъ Іоанна III, полнымъ сознанія собственнаго достоинства, опредѣлялись отношенія московскаго государя къ иностраннымъ государямъ, какъ государи независимаго, имъ равнаго. Такія отношенія, основанныя на равенствѣ государей, должны были внѣшнимъ образомъ выражаться въ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ дипломатическихъ

¹⁾ „Пам. дипл. снош. др. Россія съ державами иностран.“ I, 12.

сношеніяхъ московскаго государя съ западными европейскими государствами. Исходя изъ такой точки зрѣнія, въ разсужденіи о вліяніи Византіи или татаръ на московскій посольскій обрядъ, слѣдуетъ считаться съ тѣми отношеніями, въ которыхъ стояла Русь къ Византіи и татарамъ, потому что отношенія эти должны были отразиться на посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ московской Руси съ первою и послѣдними, и сравнить отношенія московскихъ государей къ Византіи и татарскому хану съ отношеніями этихъ же государей къ западнымъ европейскимъ государствамъ. Разныя отношенія московскихъ государей къ первымъ и послѣднимъ должны были отразиться на посольскомъ обрядѣ, который практиковался въ сношеніяхъ Москвы какъ съ Византіей и татарами, такъ и съ западными государствами Европы. Опредѣленіе характера отношеній московскихъ государей къ византійскимъ императорамъ тѣмъ болѣе необходимо, что памятники сношеній между ними очень бѣдны указаніями на практиковавшійся въ этихъ сношеніяхъ посольскій обрядъ.

Византійскій императоръ пользовался извѣстною властью по отношеніи къ русской церкви, какъ царь всѣхъ христіанъ, какъ верховный покровитель вселенской церкви, и власть его въ этомъ смыслѣ признавалось на Руси. Изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузена о присоединеніи галицкой митрополіи къ кievской (датированнаго 1347 г.) видно, что вел. кн. московскій Симеонъ Іоанновичъ, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, просилъ императора подчинить кievской митрополіи нѣкоторыя епископіи малой Руси, и что императоръ, во исполненіи этой просьбы великаго князя, котораго онъ называлъ „сродникомъ“ (*ἀνεψιός*) своимъ, издалъ соотвѣтствующее повелѣніе ¹⁾. Симеонъ же Іоанновичъ, когда умеръ митрополитъ Теоногностъ, отправилъ своего посла въ Константинополь къ императору и патріарху съ просьбою поставить митрополитомъ русскимъ Алексѣя ²⁾. О томъ же ходатайствовалъ предъ византійскими императоромъ и патріархомъ вел. кн. московскій Іоаннъ Іоанновичъ ³⁾. Вел. кн. московскій Василій II Темный въ

¹⁾ „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, Прилож., стр. 16.

²⁾ П. С. Р. Л. X, 226—227.

³⁾ „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, Прилож., стр. 44—46.

посланиі своемъ къ византійскому императору (о поставленіи митрополита Іоны) называетъ его „непорочныя православныя христіанскыя вѣры“ теплымъ, непреклоннымъ и истиннымъ поборникомъ и правителемъ, себя скромно именуя сватомъ императора: „святъ святого ти царства“ ¹⁾. Въ этомъ же посланіи Василий II пишетъ императору: „... вѣспріялъ еси свой великій царскый скипетръ, свое отчество, въ утверженіе всему православному христіанству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли, всему нашему благочестью, въ великую помощь...“ ²⁾. Василий II молитъ императора: „...просимъ святое ти царство, да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзости сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ (возведеніе на митрополичій престолъ Іоны), не обославъ великого вашего господства“... ³⁾. Посланіе это, не отправленное по назначенію, писано было Василиемъ II около 1451 г., т. е., послѣ флорентійской уніи.

Право византійскаго императора на участіе въ избраніи митрополита для русской церкви признавалось московскими великими князьями, и это видно изъ того, что они принимали митрополитовъ, избираемыхъ съ соизволенія императоровъ Византіи ⁴⁾.

Когда вел. кн. московскій Василий I запретилъ митрополиту русскому поминать имя византійскаго императора въ диптихахъ, сказавъ: „мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ“, то патріархъ константинопольскій Антоній, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ выразить Василию I порицаніе за такое отношеніе къ византійскому императору—царю всѣхъ христіанъ ⁵⁾.

Проф. А. С. Павловъ, подводя итоги власти византійскихъ императоровъ надъ русскою церковью, указалъ, что власть эта выражалась, во-первыхъ, въ томъ, что при самомъ учрежденіи русской митрополіи императоры указали ей мѣсто или „чинъ“ въ ряду другихъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріар-

¹⁾ Тамъ же, VI, стр. 575—576.

²⁾ Тамъ же, стр. 577.

³⁾ Тамъ же, стр. 583.

⁴⁾ „Рус. Истор. Библ.“ VI, стр. 539—540 и Прил. стр. 48, 54, 68, 182; „Акты Истор.“ I, № 254, стр. 482 и П. С. Р. Л., VI, 145.

⁵⁾ „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, прил. стр. 272—276.

шему престолу, и затѣмъ повышали или понижали ее въ этомъ чинѣ; во-вторыхъ, издавали законы, какъ о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ, такъ и о восстановленіи ея прежняго единства; въ-третьихъ, утверждали избранныхъ патріархомъ и его синодомъ, или присланныхъ изъ Руси, кандидатовъ на тамошнюю митрополію ¹⁾. Право византійскаго императора на участіе въ управленіи русскою церковью основывалось въ теоріи на идеѣ христіанской міродержавной римской имперіи, глава которой являлся верховнымъ покровителемъ вселенской церкви во всѣхъ ея частяхъ, хотя бы онѣ находились за предѣлами имперіи, осуществлялось же это право на практикѣ благодаря тому, что вселенскій патріархъ, во многихъ отношеніяхъ, находился подъ властью императора ²⁾.

Признавая власть византійскихъ императоровъ въ дѣлахъ русской церкви, какъ царей всѣхъ христіанъ, московскіе государи обращались къ нимъ по дѣламъ этимъ какъ просители, какъ низшіе къ высшимъ; этимъ и ограничивалась зависимость ихъ отъ византійскихъ императоровъ, но послѣдніе притязали на большее. Въ Византіи была мысль о политической зависимости отъ нея тѣхъ народовъ, которые принимали отъ нея христіанство и подчинялись ей въ церковномъ отношеніи, и съ этой точки зрѣнія Русь представлялась какъ бы частью византійской имперіи, а русскіе князья—политически зависимыми отъ нея ³⁾. Когда въ IX в. таврическіе руссы приняли христіанство, патріархъ Фотій причислилъ ихъ къ подданнымъ византійской имперіи:... „такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовью поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ (*ἐν ὑποτάξει ταῖς*) и друзей (нашихъ)“... ⁴⁾. Сохра-

¹⁾ „Теорія восточнаго папизма“, 44—45.

²⁾ Назв. тр., 44.

³⁾ О политической зависимости славянъ восточныхъ и южныхъ отъ Византіи см. въ изслѣдованіи проф. Ламанскаго: „Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв.“ въ „Славянскомъ сборникѣ“, I, 457 и слѣд.

⁴⁾ Проф. Голубинскаго „Ист. рус. церкви“ I, 1, 32.

нились данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что мысль о политической зависимости Руси отъ Византіи существовала среди византійцевъ до XV в. ¹⁾. Мысль эта проглядываетъ въ посланіи константинопольскаго патріарха Антонія къ великому князю московскому Василию I, котораго патріархъ въ 1393 г. упрекалъ за произнесенныя имъ слова: „церковь мы имѣемъ, а царя неимѣемъ и знать не хотимъ“. Указавъ на исключительно высокое мѣсто въ церкви, занимаемое византійскимъ императоромъ, патріархъ писалъ великому князю: „власть его (византійскаго императора), въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самыя латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковію,—и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православныя христіане... Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: „Бога бойтесь, царя чтите“, не сказалъ „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—„царя“, указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это (царя

¹⁾ Данныя эти, собранныя проф. Дьяконовымъ, слѣд.: во-1, отъ половины XII в. свидѣтельство византійскаго историка Киннама, что императоръ Византіи Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка какъ на своего вассала; во-2, византійскій же историкъ XIV в. Никифоръ Григора сообщаетъ, что „при Великомъ Константиѣ правитель россійскій получилъ титулъ и санъ стольника“; въ-3, писатель того же вѣка, Максимъ Планудисъ, передаетъ, что Августъ, отличая правителей поработенныхъ римлянами народовъ, почтилъ и правителя руссовъ саномъ стольника, поэтому, когда нѣкій посолъ явился отъ руссовъ къ императору Андронику Палеологу, то привѣтствовалъ его отъ имени своего государя въ такихъ выраженіяхъ: „мой независимый государь, царь руссовъ, стольникъ святаго твоего величества, рабски преклоняется предъ твоимъ величествомъ“; въ-4, египетскій султанъ въ письмѣ своемъ (около половины XIV в.) къ византійскому императору называетъ послѣдняго царемъ и руссовъ („Власть московскихъ государей“, 14 и слѣд.; проф. Голубинскій основательно заключаетъ, что египетскій султанъ въ данномъ случаѣ только лишь повторилъ титулъ, который себѣ усвоилъ византійскій императоръ („Ист. р. ц.“, I, 1, 139, прим. 1).

повелѣваетъ чтить апостолъ)?—Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ! Но какъ святой и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, повучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія (нежели права). Въ самомъ дѣлѣ, какіе Отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ (царяхъ)? Но все, и сверху и снизу, гласить о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье либо другого“ ¹⁾. Патріархъ не опредѣляетъ, въ какихъ дѣлахъ московскій вел. князь долженъ былъ повиноваться византійскому императору. Онъ пишетъ, что даже латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ восточною церковью, оказываютъ императору византійскому такую же покорность, въ какой находились до раздѣленія церкви. Какую покорность имѣлъ въ виду патріархъ? Латиняне, какъ не имѣющіе общенія съ восточною церковью, не могли оказывать повиновенія императору византійскому въ дѣлахъ церковныхъ (въ данномъ случаѣ не важно, на сколько патріархъ былъ далекъ отъ дѣйствительности, важно то, что внушалось московскому вел. князю). Далѣе, указавъ на тѣсный союзъ и общеніе церкви и царства въ такой степени, что невозможно ихъ отдѣлить другъ отъ друга, патріархъ ссылается на апостола, повелѣвшаго чтить одного только царя, въ его время нечестиваго (которому, вслѣдствіе этого, въ дѣлахъ церковныхъ повиноваться не должно было), на Отцовъ, на соборы и каноны, гласящіе о царѣ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполнялись по всей вселенной.

Наставляя вел. князя московскаго оказывать покорность византійскому императору, патріархъ Антоній пишетъ, что онъ и византійскій императоръ оказываютъ ему, Василию I, „въ своихъ грамотахъ, извѣщеніяхъ и чрезъ своихъ пословъ ту же честь, какую имѣли прежніе великіе князья“ ²⁾. Патріаршая грамота не

¹⁾ „Рус. Ист. Библ.“ VI, Прил., стр. 274 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 274.

разъясняетъ, въ чемъ заключалась эта честь, и проф. А. С. Павловъ (редакторъ VI т. Р. И. Б.), для представленія о ней по византійскимъ государственнымъ теоріямъ, приводитъ отрывокъ изъ сочиненія полиграфа XIV в. Максима Планудиса такого содержания: „когда Ромеями были поработены народы и ихъ цари, Августъ почтилъ изъ названныхъ царей однихъ одними, другихъ другими достоинствами, показывая этимъ, что они подвластны ему, и что онъ удостоиваетъ ихъ соотвѣтствующими почестями; правителя Руссовъ онъ почтилъ должностію стольника, поэтому одинъ посолъ, явившійся отъ Руссовъ къ царю Андронику Палеологу ¹⁾, обратился къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: мой независимый царь Руссовъ, стольникъ святого твоего величества, рабски преклоняется предъ святымъ твоимъ величествомъ (*προβυρνει δουλικῶς*)“ ²⁾. „Итакъ“, заключаетъ проф. Павловъ, „на долю русскаго великаго князя выпадала честь быть *стольникомъ* византійскаго императора“ ³⁾.

Брядъ ли кто изъ русскихъ князей передавалъ чрезъ своего посла византійскому императору, что рабски предъ нимъ преклоняется. Извѣстіе Планудиса важно для характеристики существовавшего въ Византіи взгляда на русскихъ князей, соотвѣтственно которому принимали тамъ и пословъ ихъ ⁴⁾.

¹⁾ Палеологи царствовали: Андроникъ II отъ 1282 по 1328 г.; Андроникъ III отъ 1321—1341; Андроникъ IV отъ 1377—1379. (Muralt, Essai de chronographie Byzantine, I, 445, 528, 575, 706, 710, Спб. 1871 г.).

²⁾ „Рус. Ист. Библ.“, Прил., стр. 273, прим.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Проф. Дяконовъ, рассмотрѣвъ отношенія между Византіей и Русью, пришелъ къ заключенію, что „по воззрѣніямъ грековъ положеніе русскаго князя носить отгѣнокъ приниженности по отношенію къ императору“ („Власть московск. государей“, 20). Къ такому заключенію приводитъ проф. Дяконова, между прочимъ, одна изъ двухъ грамотъ византійскаго императора Михаила Дуки, которыя были написаны, по мнѣнію проф. Васильевскаго, русскому князю Всеволоду Ярославичу около 1072 или 1073 г. Въ одной изъ этихъ грамотъ императоръ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ другимъ государямъ: „что касается другихъ властителей народовъ, то я полагаю, достаточно будетъ, если я засвидѣтельствую имъ любовь письменно; они должны почитать за великое счастье, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи, такъ чтобы относиться къ нимъ миролюбиво и не желать войны и раздора“. Русскому князю императоръ рѣшилъ оказать

Въ *De cerim. aulae Byzantinae* изложено нѣсколько обрядовъ приѣма византійскими императорами иноземныхъ пословъ ¹⁾. Въ этихъ обрядахъ вполне отразились византійскія политическія теоріи и преданія, опредѣлявшія отношенія византійскаго императора къ другимъ государямъ. Мысль объ исключительномъ положеніи византійскаго императора, развитая константинопольскимъ патріархомъ Антоніемъ въ грамотѣ къ вел. князю московскому Василию Димитріевичу, лежитъ въ основѣ обрядовъ приѣма иноземныхъ пословъ въ Царьградѣ.

Въ LXXXVII гл. I книги *De cer. a. B.* изложенъ приѣмъ пословъ отъ императора западной части римской имперіи, еще не признаннаго византійскимъ императоромъ. Послѣдній принималъ пословъ не окруженный стражею, такъ какъ это не были послы-варвары; послы, введенные къ императору, цѣловали ноги его. Въ слѣдующей LXXXVIII гл. той же книги изложенъ приѣмъ императоромъ тѣхъ же пословъ въ прощальной аудіенціи, а въ LXXXIX— обрядъ приѣма великаго посла персидскаго, который привѣтствовалъ императора, трижды падая предъ нимъ ницъ, и цѣловалъ ноги его ²⁾.

такую милость, которая должна была вызвать въ немъ удивленіе, такъ что императоръ предупреждаетъ его: „не удивляйся, что я тебя возвышаю изъ среды другихъ властителей и удостоиваю болѣе чести“. Предлагая русскому князю выдать дочь его за брата своего, императоръ говоритъ о той высокой чести, которая выпадетъ на долю князя въ томъ случаѣ, если предложенный бракъ состоится: „тебѣ, конечно, безвѣстно, что такое есть императорская власть у нашихъ Римлянъ и что даже тѣ, которые вступаютъ въ дальнее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ; а я сватаю твою дочь не за чужого мнѣ родомъ и не за какого-нибудь родственника изъ дальнихъ, но за брата... Вотъ мое благожеланіе, а твое благополучіе, вотъ верховное божественное домостройство, обоимъ намъ полезное, ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почтенною и всѣ будутъ удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отличіе“ (Ж. М. Н. Пр. 1875 г., декабрь, стр. 275). Грамота испещрена выраженіями: „я тебя возвышаю, я тебя удостоиваю“ и т. п. Такъ равный не пишетъ равному. Тонъ этой грамоты, въ которой проф. Васильевскій видитъ отраженіе византійскихъ политическихъ теорій и преданій, опредѣлявшихъ отношенія имперіи къ другимъ государствамъ (тамъ же, стр. 309), характеризуетъ отношеніе византійскаго императора къ русскому князю.

¹⁾ Lib. I, cap. 87—90 и lib. II, cap. 15.

²⁾ Эти описанія приѣма пословъ принадлежатъ, по мнѣнію Reiske и проф. Д. Θ. Бѣляева, современнику Юстиніана I Петру Магистру (Reiske, Praef. ad *De cer. a. B.*, ed. Bon., pag. XVIII и Бѣляева *Byzantina*, II, XXXIII, прим. 1).

Въ XV гл. II кн. De cer. а. В. изложенъ общій обрядъ приѣма иноземныхъ пословъ византійскимъ императоромъ въ большомъ триклинѣ магнавры. Обрядъ этотъ, записанный въ X в., заключался въ слѣдующемъ: „въ исходѣ второго часа ¹⁾, когда все приготовится, входятъ (въ лат. переводѣ пояснено: in Dominogum cubiculum) препозиты ²⁾ и всѣ чины кувуклія ³⁾ чрезъ храмъ Господа, императоры же, одѣтые въ дивитисіи ⁴⁾ и плащи, обшитые золотой каймой, выходятъ чрезъ галерею 40 мучениковъ и сигму ⁵⁾, сопровождаемые чинами кувуклія, маглавитами и этеріей ⁶⁾, и входятъ во храмъ Господа, зажигаютъ тамъ свѣчи, откуда направляются чрезъ сакеллу, оатъ ⁷⁾ и поднимающійся переходъ въ илиакъ ⁸⁾ магнавры. (Отсюда) они вступаютъ въ большой триклинь ⁹⁾, гдѣ находится соломоновъ тронъ. Тамъ, съ правой стороны, по направленію къ востоку, ниже конхи ¹⁰⁾ стоятъ золо-

¹⁾ По нашему численію — въ исходѣ 8-го часа утра (Проф. Бѣляева Byzantina, II, 47, прим. 1.).

²⁾ Препозитами назывались въ IX—X вв. завідующіе всѣми придворными торжествами и обрадами (Byzantina проф. Бѣляева II, 21; Reiske, Commentarii ad Constant. Porph. de cerim. а. В., ed. Bon., pag. 21).

³⁾ Чинами кувуклія назывались лица, часть которыхъ находилась и служила въ покояхъ императора или постоянно, или поочередно, часть же, не состоявшая постоянно при особѣ императора, являлась во дворецъ только днемъ или по особымъ повѣстаніямъ для отправленія разныхъ обрядовъ (Byzantina проф. Бѣляева II, 47 и прим. 2; Reiske, Com., pag. 25).

⁴⁾ Неизвѣстно точно, какая парадная одежда называлась дивитисіемъ. Проф. Бѣляевъ, разобравъ мнѣнія о покровѣ дивитисіа, приходитъ къ заключенію, что дивитисіемъ называлась длинная одежда съ широкими рукавами, надѣвавшаяся чрезъ голову и походившая на стихарь (Byzantina, II, 51' и слѣд.).

⁵⁾ О галереѣ 40 мучениковъ и сигмѣ см. выше на стр. 75 прим. 3 и 4.

⁶⁾ О маглавитахъ и этеріи см. выше на стр. 75 прим. 9 и 10.

⁷⁾ О сакеллѣ и оатѣ см. выше на стр. 75 прим. 5. Магнаврою или магнаврою называлась самая большая тронная и приемная палата дворца (Byzantina проф. Бѣляева, I, 120)

⁸⁾ Объ илиакахъ см. выше на стр. 75 прим. 6.

⁹⁾ Большой триклинь — отдѣленіе такъ называемой палаты (триклина) 19 аккувитовъ, получившей свое названіе отъ 19 столовъ съ ложами, которые находились въ ней и были предназначены для угощенія чиновъ, приглашенныхъ императоромъ (Byzantina проф. Бѣляева, I, 108 и 111).

¹⁰⁾ Конха — ниша (тамъ же, I, 12—13).

ченныя кресла и лежатъ хламиды ¹⁾ и вѣнцы, и входятъ императоры въ находящійся тамъ китонъ ²⁾ съ лѣвой стороны. Когда все хорошо изготовлено церемоніаріемъ ³⁾, препозитами и логоеетомъ дрома ⁴⁾, препозиты входятъ (въ китонъ) и докладываютъ императорамъ. Императоры тотчасъ выходятъ и отправляются туда, гдѣ лежатъ вѣнцы и хламиды, и препозитами одеваются въ нихъ, послѣ чего всходятъ и садятся на троны, народъ же (димоты), стоящій внѣ двухъ раздвижныхъ завѣсъ къ западу, громко провозглашаетъ многолѣтіе. Послѣ этого препозиты удаляются и вводятъ чины кувуклія ⁵⁾ съ двухъ сторонъ, справа и слѣва, какъ обыкновенно. Когда они станутъ, препозитъ даетъ знакъ остіарію ⁶⁾, имѣющему золотой жезлъ, и остіарій выходитъ и вводитъ отдѣлъ ⁷⁾ первый—магистровъ ⁸⁾; затѣмъ, опять по знаку препозита, выходитъ другой остіарій и вводитъ такимъ же образомъ отдѣлъ второй—патрикіевъ ⁹⁾; потомъ, снова по знаку препозита, выходитъ третій остіарій и вводитъ такимъ же образомъ третій отдѣлъ—

¹⁾ Хламиды — плащи, обыкновенно одѣваемые императорами при выходахъ въ большіе праздники (тамъ же, II, 211; о хламидахъ у Reiske, Com., pag. 467).

²⁾ Китонъ — царскій покой (Byzantina проф. Бѣляева, I, 176, прим. 4).

³⁾ Церемоніарій — церемоніймейстеръ, обязанностью котораго было слѣдить за ходомъ и правильнымъ исполненіемъ придворныхъ обрядовъ (тамъ же, II, 22, прим. 1).

⁴⁾ Логоеетъ дрома не только вѣдалъ государственную почту, но былъ также министромъ иностранныхъ и отчасти внутреннихъ дѣлъ (тамъ же, II, 16, прим. 3).

⁵⁾ Въ текстѣ: Εἰσάγουσι τοὺς τοῦ κουβουκλείου вм. τοὺς τοῦ κουβουκλείου: idiotismus ille est novae Graeciae, поясняетъ Reiske, dativum pro accusativo usurpantis (Commentarii, pag. 642.).

⁶⁾ Остіарій — привратникъ; обязанностью его было стоять при завѣсахъ и вводить приглашенныхъ къ императору (Reiske, Comment., pag. 66).

⁷⁾ Сановники и чиновники вводились для поклоненія императору по отдѣламъ, каждый классъ чиновниковъ особо. Эти отдѣлы называются „завѣсами“— βῆλα, потому что для каждого, отдѣльно отъ другихъ вводимого класса чиновниковъ, поднималась завѣса входной двери и, по входѣ этого класса въ залу, опускалась (Byzantina проф. Бѣляева, II, 61 и I, 22, прим. 1).

⁸⁾ Магистры — одинъ изъ высшихъ чиновъ имперіи (Reiske, Com., pag. 66).

⁹⁾ О патрикіяхъ см. выше на стр. 123 прим. 9.

чины синклита ¹⁾, и вводится вообще столько отдѣловъ, сколько того требуется обычаемъ и обрядомъ приемовъ. Потомъ входитъ катепанъ ²⁾ съ domestikомъ ³⁾ и хрисотриклинитами ⁴⁾ и становятся справа и слѣва предъ двумя западными раздвижными завѣсами. Когда они станутъ, препозитъ даетъ знакъ остіарію, имѣющему золотой жезлъ, и тотъ вводитъ чужеземнаго посла, котораго ведутъ катепанъ „царскихъ“, или комитъ ставла ⁵⁾, или протостраторъ ⁶⁾ въ сопровожденіи толмача, впереди же ихъ идетъ логоеетъ дрома. При входѣ посолъ поклоняется императорамъ, падая ницъ, и тотчасъ играютъ органы. Послѣ этого онъ идетъ далѣе и становится на нѣкоторомъ разстояніи отъ императорскаго трона; органы же опять играютъ. Слѣдуетъ знать, что когда дружественный посолъ приближается къ императору, входятъ наиболѣе почетныя лица его свиты и, павъ ницъ (предъ императоромъ), становятся внутри раздвижныхъ завѣсъ. Когда логоеетъ дѣлаетъ обычные вопросы послу, лвы начинаютъ рычать и птицы, находящіяся на тронѣ и деревьяхъ, начинаютъ гармонично пѣть, звѣри же поднимаются со ступеней на тронѣ. Въ это время вносятся протонотаріемъ дрома ⁷⁾ даръ посла, и снова, немного времени спустя, играютъ органы, лвы же умолкаютъ, птицы перестаютъ пѣть, и звѣри садятся на свои мѣста. Посолъ, послѣ

¹⁾ Ἡ σύγκλητος и οἱ συγκλητικοὶ употребляются въ De cerim. а. В. въ различныхъ значеніяхъ. Большею частію названія эти означаютъ: 1) совокупность чиновъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ; 2) всѣ чины, кромѣ высшихъ; 3) только чины синклита — гражданскихъ чиновниковъ (Byzantina проф. Бѣлаева, I, 170, прим. 1 и Reiske, Com., pag. 160).

²⁾ Катепанъ — начальникъ такъ называемыхъ „царскихъ“ хрисотриклитовъ, составлявшихъ почетную стражу во время приѣма императоромъ чиновъ (Reiske, Com., pag. 26 и проф. Бѣлаева Byzantina, II, 26).

³⁾ Доместикъ — *omnis praefectus maior, primus sui generis* (Reiske, Com., pag. 27 sub v. βασιλικῶν).

⁴⁾ Хрисотриклиты — особаго рода почетная стража (Byzantina проф. Бѣлаева, I, 32, прим. 1). Хрисотриклинь — золотая палата императорскаго дворца (тамъ же, I, 10 и слѣд.).

⁵⁾ Комитъ ставла — конюшни (о немъ см. выше на стр. 50).

⁶⁾ О протостраторѣ см. выше на стр. 50.

⁷⁾ Протонотарій дрома — *protonotarius publici cursus, primicerius notariorum* (Du-Cange, s. v.).

осмотра (императоромъ) дара, побужденный логоветомъ, падаетъ ницъ (предъ императоромъ) и выходить. Въ то время, когда посолъ дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти, органы играютъ, львы и птицы издають свойственные имъ звуки, звѣри поднимаются съ своихъ мѣстъ. Когда посолъ выходитъ за завѣсу, органы играютъ, птицы(же) и звѣри садятся на свои мѣста. Если есть еще другой дружественный посолъ, императоры приказываютъ войти и ему, и опять, при входѣ и выходѣ его, соблюдаются тѣ же обрядъ и порядокъ, какъ нами изложено. Вообще, сколько бы ни было дружественныхъ пословъ, по отношеніи къ каждому изъ нихъ соблюдается все изложенное. Слѣдуетъ знать, что когда дружественные послы удаляются, препозитъ громко возглашаетъ: „повелите“, и выходятъ магистры, патрикіи и чины синклита, возглашая (императору): „на многія времена“. Послѣ ихъ ухода препозитъ снова провозглашаетъ: „повелите“, и выходятъ хрисотриклиниты и чины кувуклія, провозглашая: „на многія времена“. Когда всѣ выйдутъ, императоры сходятъ съ троновъ, снимаютъ свои вѣнцы и хламиды, облачаются въ плащи обшитые золотою каймою, и отправляются тайно въ богохранимый дворецъ тѣмъ путемъ, которымъ пришли, сопровождаемые чинами кувуклія, которые, ставъ у хрисотриклина, при прохожденіи императора возглашаютъ: „на многія времена“ и (прочее) по порядку“ ¹⁾).

Непосредственно за этимъ общимъ обрядомъ приѣма иноземныхъ пословъ въ Византіи, составленнымъ въ X в., въ De ser. a. B. изложенъ обрядъ приѣма сарацинскихъ пословъ съ указаніями на церемоніаль аудіенціи испанскихъ пословъ, послѣ чего описанъ приѣмъ, оказанный въ Константинополѣ русской великой княгинѣ Ольгѣ. Описаніе того приѣма, тѣмъ болѣе цѣнное, что это единственный извѣстный намъ обрядъ приѣма члена русскаго княжескаго дома византійскимъ императоромъ, имѣется въ переводѣ на рус. яз., поэтому ограничимся указаніемъ лишь существенныхъ чертъ его ²⁾).

Вел. кн. Ольга принята была императоромъ въ магнавръ такъ, какъ приняты были сарацинскіе послы. Когда приѣмъ послѣд-

¹⁾ De ser. a. B., II, 15, pag. 566—570.

²⁾ Русскій переводъ у Шлецера „Несторъ“, III, 408 и въ „Ист. рус. ц.“ проф. Голубинскаго, I, 1, 86.

нихъ окончился, великой княгинѣ дана была аудіенція въ триклинѣ Юстиніана ¹⁾. Во время этой аудіенціи императрица сидѣла на большомъ тронѣ императора Теофила, а невѣстка ея—подлѣ нея на золоченомъ императорскомъ креслѣ. При приѣмѣ присутствовали весь кувуклій и придворныя дамы. Великой княгинѣ, введенной препозитомъ и двумя остіаріями, былъ предложенъ вопросъ препозитомъ отъ имени императрицы, чѣмъ приѣмъ и закончился. Послѣ этого великая княгиня принята была въ семейномъ кругу императоромъ и императрицею: ее вызвали изъ кенургіа ²⁾, гдѣ она находилась послѣ аудіенціи у императрицы, къ императору, бывшему съ императрицей и багрянородными дѣтьми. Во время этого приѣма великая княгиня сидѣла, по приказанію императора, и бесѣдовала, о чемъ желала. Въ тотъ же день въ триклинѣ Юстиніана данъ былъ парадный обѣдъ, къ которому пригласили великую княгиню; она сидѣла во время обѣда подлѣ трона императрицы и ея невѣстки вмѣстѣ съ зостами ³⁾, пѣвчіе же храмовъ св. Софіи и Апостоловъ пѣли гимны, сложенные въ честь императорской фамиліи. Послѣ обѣда поданъ былъ десертъ въ столовой, гдѣ за золотой малый столъ сѣли императоры Константинъ Багрянородный и Романъ, багрянородныя дѣти ихъ, супруга Романа и великая княгиня. Сорокъ дней спустя снова былъ данъ при дворѣ парадный обѣдъ, за которымъ присутствовала и великая княгиня. Это было послѣднее свиданіе ея съ императорской семьей ⁴⁾. Нельзя сказать, чтобы русской великой княгинѣ былъ оказанъ при византійскомъ дворѣ почетный приѣмъ. Императоръ официально принималъ ее такъ, какъ принималъ сарацинскихъ пословъ, такой же приѣмъ оказанъ былъ ей и императрицею; аудіенція у императрицы была непродолжительна: великой княгинѣ предложенъ былъ вопросъ отъ имени императрицы, и отвѣтомъ на него закончился приѣмъ. Багрянородный, который принималъ великую княгиню и которому принадле-

¹⁾ Триклиномъ Юстиніана называлась зала, выстроенная императоромъ Юстиніаномъ Безносомъ (Byzantina проф. Бѣльева, I, 56).

²⁾ Кенургіемъ называлась зала, выстроенная императоромъ Василиемъ Македоняниномъ (тамъ же, I, 42).

³⁾ Зосты — свитскія дамы императрицъ (Reiske, Com., pag. 166).

⁴⁾ De ser. a. B., II, 15, pag. 594—598.

жить подробное описание приемов ея при императорскомъ дворѣ, не говорить, что во время торжественныхъ аудіенцій, данныхъ имъ и императрицею великой княгинѣ, послѣдняя сидѣла, изъ чего можно заключить, что она стояла, потому что въ описаніи приемовъ ея отмѣчается, когда она сидѣла въ присутствіи императорской семьи. Далѣе, когда былъ данъ первый парадный обѣдъ въ честь великой княгини, ее посадили не за столомъ императрицы, но съ придворными дамами ¹⁾. Не безъ основанія, вмѣстѣ съ памятью о пре-

¹⁾ Проф. Голубинскій высказалъ мнѣніе, что Ольга, во время перваго параднаго обѣда, сидѣла за однимъ столомъ съ императрицами и придворными дамами—зостами („Ист. р. ц.“, I, 1, стр. 88, прим. 3). Но въ описаніи приема Ольги ясно сказано, что императрица и невѣстка ея сѣли на тронѣ, великая же княгиня стала сбоку и, послѣ того какъ ввели княгиню, сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, за однимъ столомъ съ зостами: Ἐκαθέσθη ἐν τῷ προρρήθεντι θρόνῳ ἢ δεσποῖνα καὶ ἡ νόμφη αὐτῆς, ἡ δὲ ἀρχόντισσα ἐκ πλαγίου ἔστη· ὑπὸ δὲ τοῦ τῆς τραπέζης κατὰ τὸν εἰσθότα τύπον εἰσελθούσων τῶν ἀρχόντισσων καὶ προσκυνοῦσάντων, ἡ ἀρχόντισσα..., ἐν ᾧ τόπῳ ἴστατο, ἔκαθέσθη εἰς τὸ ἀποκοπτὸν μετὰ τῶν ζωστῶν κατὰ τὸν τύπον (De ser. a. B., II, 15, pag. 596). Не согласно съ проф. Голубинскимъ понимаетъ это мѣсто и проф. Бѣляевъ. Говоря о триклиніи императора Юстиніана II Безносого, онъ замѣчаетъ, что въ этомъ триклиніи, въ день торжественныхъ приемовъ Ольги императоромъ и императрицею, данъ былъ парадный обѣдъ, „во время котораго Ольга сидѣла съ патрикіями зостами за отдѣльнымъ столомъ“ (Byzantina, I, 61). Не въ обычаѣ было въ Византіи, чтобы императоры ея относились къ иностраннымъ государямъ какъ равные къ равнымъ и возвышали ихъ до той царственной высоты, на которой сами находились. Reiske замѣчаетъ, что императоры византійскіе вообще не допускали, чтобы какой либо иностранный государь сидѣлъ предъ ними подобно имъ, но требовали, чтобы иностранные государи предъ ними стояли и, въ то время какъ тѣ къ нимъ подходили, не только не вставали, но даже не привѣтствовали ихъ наклоненіемъ головы (Com., pag. 700). Не удостоившаяся чести сидѣть за императорскимъ столомъ во время перваго параднаго обѣда, русская вел. княгиня посажена была за одинъ столъ съ императорскою семейю только тогда, когда былъ поданъ послѣ обѣда десертъ въ другой столовой — аристеріи (въ текстѣ ἐν τῷ ἀριστητηρίῳ (pag. 597) вмѣсто ἐν τῷ ἀριστηρίῳ; объ аристеріи см. Byzantina проф. Бѣляева, I, стр. 28 и прим. 3). Краткость описанія прощальнаго обѣда, даннаго 18 октября 957 г. въ императорскомъ дворцѣ вел. княгинѣ, даетъ нѣкоторое право предположить, что въ этотъ разъ Ольга сидѣла за однимъ столомъ съ императрицею, ея невѣсткой и императорскими дѣтьми: ...Ἐκαθέσθη ἡ δεσποῖνα μετὰ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτῆς τέκνων καὶ τῆς νόμφης καὶ τῆς ἀρχόντισσας (De ser. a. B., pag. 598), но противъ такого предположенія говорить

бываніи Ольги въ Константинополѣ, сохранилась память, что она осталась недовольна оказаннымъ ей приѣмомъ, какъ не соотвѣтствовавшимъ ея достоинству.

Мысль, что императоръ Византіи занималъ исключительное положеніе, и что государи другихъ народовъ ниже его по достоинству своему, нашла себѣ отраженіе въ византійскомъ посольскомъ обрядѣ, который вслѣдствіе этого не могъ быть принятъ въ Москвѣ.

Находясь въ церковной зависимости отъ византійскаго императора, какъ царя всѣхъ христіанъ, а съ точки зрѣнія византійскаго правительства и въ политической, московскій государь, одновременно съ этимъ, находился въ политической зависимости отъ татарскаго хана до 1480 г.

Какъ церковная зависимость московскаго государя отъ византійскаго императора породила неравныя между ними отношенія, такъ и политическая зависимость московскаго государя отъ татарскаго хана поставила перваго въ зависимыя отношенія отъ послѣдняго. Эти зависимыя отношенія отразились на обрядахъ, которыми сопровождалась аудіенція русскихъ князей у татарскихъ хановъ, и на приѣмахъ русскими князьями ханскихъ пословъ. Объ обрядахъ этихъ русскіе источники умалчиваютъ по понятной при-

извѣстіе Багрянороднаго объ обѣдѣ, который давалъ онъ въ тотъ же день мужской свитѣ Ольги. По словамъ Багрянороднаго: Ὁ βασιλεὺς ἐν τῇ χρυσό-
τρίκλινῃ, καὶ ἐκαθέσθῃ ὁ βασιλεὺς μετὰ τῶν Ῥώσ (ibid.), т. е. императоръ сидѣлъ съ русскими, но это выраженіе можно понять не въ томъ смыслѣ, что Багрянородный сидѣлъ съ русскими за однимъ столомъ, но что русскіе сидѣли въ одной залѣ съ императоромъ, хотя и за разными столами. Врядъ ли можно думать, что Ольга была довольна оказаннымъ ей приѣмомъ; всѣ данныя за то, что и ей этотъ приѣмъ не могъ показаться почетнымъ, хотя проф. Голубинскій утверждаетъ противное („Ист. р. ц.“, I, 1, стр. 85 прим. 2 и стр. 89 прим. 1). Продолжительное пребываніе Ольги въ гавани Царьграда, чѣмъ она осталась недовольна, проф. Голубинскій объясняетъ подозрительностью византійскаго правительства и не видитъ тутъ никакого пренебреженія къ личности русской вел. княгини. Если даже допустить мысль, что византійское правительство боялось впустить въ Царьградъ русскую вел. княгиню со свитой, въ которой могло быть не болѣе 200 мужчинъ, и что имперія была на столько слаба, что опасалась за свою цѣлость, еслибы эта горсть русскихъ обнаружила вражду къ грекамъ въ самомъ городѣ, въ такомъ случаѣ приѣмъ, оказанный Ольгѣ соотвѣтственно достоинству ея, заставилъ бы ее забыть долгое выжиданіе разрѣшенія высадиться на берегъ.

чинѣ, но создать представленіе о нихъ можно по извѣстіямъ иностранцевъ, писавшихъ о татарахъ.

Вскорѣ послѣ татарскаго погрома русской земли отправлено было папою Иннокентіемъ IV къ монголо-татарскому хану посольство, во главѣ котораго стояли монахи Плато-Карпини и Аспелинъ ¹⁾. Первый изъ нихъ, оставившій описаніе быта татаръ, рассказываетъ о приемахъ, которые были оказаны ему и товарищамъ его темникомъ Коррензою, Батыемъ и великимъ ханомъ. Корренза принялъ папскихъ пословъ слѣдующимъ образомъ: „принявъ подарки“, говоритъ Плато-Карпини, „повели насъ въ его (Коррензы) орду или шатерь, наказавъ, чтобы предъ дверьми ставки три раза преклонили мы лѣвое колѣно и всячески остерегались наступить ногою на порогъ. Вошедъ въ шатерь, должны мы были, стоя на колѣняхъ, передъ воеводою (Коррензою) и всѣми вельможами, для сего созванными, говорить то же, что говорили ранѣе“ (т. е., чьи они послы и какая цѣль ихъ посольства ²⁾). Точно также принято было посольство и Батыемъ: предъ его шатромъ послы должны были поклониться и, войдя въ шатерь, говорить Батыю рѣчь стоя на колѣняхъ ³⁾. О приемѣ у великаго хана Плато-Карпини сообщаетъ слѣдующее: „Чингай, первый секретарь его (вел. хана), записавъ наши имена, а также тѣхъ, отъ кого мы присланы, равно герцоговъ Соланжскихъ и другихъ, громко прочиталъ ихъ предъ императоромъ и всѣми воеводами. Послѣ этого каждый изъ насъ четырежды преклонилъ лѣвое колѣно, и намъ напомнили, чтобы мы не наступали на порогъ. Обыскавъ тщательно, нѣтъ ли при насъ ножей, и не нашедъ ничего, ввели насъ восточными дверьми (ставки)... Такимъ образомъ, въ первый разъ предстали мы предъ нимъ въ его ставкѣ... Въ то же время принималъ онъ и всѣхъ другихъ пословъ“ ⁴⁾. Считая хана своего „повелителемъ всѣхъ людей“ ⁵⁾, татары не дѣлали различія между подданными хана и представителями непокорен-

¹⁾ „Путешествія къ татарамъ“, изд. Языкова, стр. XVII.

²⁾ Назв. изд., 15.

³⁾ Тамъ же, 21.

⁴⁾ Тамъ же, 49.

⁵⁾ Тамъ же, 45.

ныхъ ими народовъ: какъ ханскіе подданные, такъ и послы отъ послѣднихъ, должны были говорить предъ ханомъ стоя на колѣняхъ. Плато-Карпини, говоря о нравахъ порабощенныхъ Руси, между прочимъ отмѣчаетъ ихъ высокомеріе по отношеніи къ другимъ народамъ и ихъ государямъ. По словамъ его, татары не только не оказывали должнаго уваженія великому князю русскому Ярославу, сыну царя грузинскаго и другимъ знатымъ лицамъ, но „опредѣленные къ нимъ татары, какъ подлы (въ лат. текстѣ viles) ни были, однако же ходили впереди ихъ и всегда занимали первое и верхнее мѣсто, даже часто сажали ихъ позади себя“ ¹⁾. Монахъ Асцелинъ, бывшій у татарскаго воеводы, передаетъ, что отъ него и спутниковъ его татары потребовали троекратнаго колѣнопреклоненія предъ воеводою: „если вы хотите видѣть лице нашего государя“, говорили татары посламъ папы, „и вручить ему грамоту вашего государя, то должны поклониться ему какъ сыну Божію, царствующему на землѣ, преклоняя предъ нимъ три раза колѣно; ибо ханъ, сынъ Божій, царствующій на землѣ, повелѣлъ намъ, чтобы всѣ, сюда приходящіе, поклонялись князьямъ его Байотною и Батюю, какъ самому ему, что мы до сихъ поръ исполняемъ и навсегда твердо наблюдать намѣрены“ ²⁾. Извѣстія Плато-Карпини и Асцелина объ обрядѣ приѣма иноземныхъ пословъ татарскими ханами и ихъ намѣстниками подтверждаются разсказами о томъ же монаха Рубриквиса, посланнаго французскимъ королемъ Людовикомъ IX къ хану Мангу. Говоря объ аудіенціи, данной ему Батыемъ, Рубриквисъ передаетъ, что онъ и его спутники вошли въ ставку Батия непринужденные преклонить предъ нимъ колѣни, какъ то обыкновенно дѣлали съ послами, къ нему допускаемыми; его только предупредили не произносить рѣчи предъ Батыемъ, пока послѣдній не велитъ. Когда же Батый велѣлъ Рубриквису говорить, тогда ему и его спутникамъ приказали стать на колѣни; монахъ преклонилъ одно колѣно, но ему сдѣлали знакъ преклонить и другое ³⁾. Призванный въ другой

¹⁾ Тамъ же, 103.

²⁾ Тамъ же, 229.

³⁾ Deux voyages en Asie aux XIII siècle, Guillaume de Rubruquis, pag. 65. Paris, an. 1888.

разъ къ хану, Рубриквисъ также долженъ былъ говорить съ нимъ стоя на колѣняхъ ¹⁾.

Извѣстія европейцевъ объ отношеніяхъ татарскихъ владыкъ къ иноземнымъ посламъ подтверждаются восточными писателями. Арабскій писатель Ибнабдеззахыръ (XIII в.), служившій секретаремъ у египетскаго султана, описываетъ приѣмъ, оказанный золотоордынскимъ ханомъ Берке посламъ его государя въ 1264 г. Египетскіе послы предварительно были ознакомлены съ обрядами, которые соблюдались при представленіи хану и „заключались въ томъ, что (послы) всходили съ лѣвой стороны (палатки), а по отобраніи отъ нихъ посланія, переходили на правую сторону и попадали на оба колѣна. Никто не входитъ къ нему въ шатеръ ни съ мечемъ, ни съ ножомъ, ни съ (другимъ) оружіемъ, и не топчетъ ногами порога шатра его“ ²⁾. У китайскаго лѣтописца XIII в. Мэнъ-хуна находимъ описаніе приѣма, который оказывался ханскимъ посламъ. „Не разбирая“, говоритъ Мэнъ-хунъ, „имѣетъ ли онъ (ханскій посолъ) высшій или низшій чинъ, всѣ наперерывъ ему кланяются, ставятъ почетный караулъ у воротъ, сажаютъ на высшее мѣсто; правители сами чинятъ колѣнопреклоненіе и оказываютъ всевозможное усердіе“ ³⁾. Извѣстіе Мэнъ-хуна о раболѣпни предъ ханскими послами подтверждается сообщеніями другихъ пи-

¹⁾ Ibid., pag. 126.

²⁾ В. Тизенгаузенъ: „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи золотой орды“, I, 63. Этотъ разсказъ Ибнабдеззахыра о приѣмѣ ханомъ Берке египетскихъ пословъ повторенъ арабскимъ писателемъ Эльмуфаддалемъ, у котораго заимствованъ Катрмеромъ въ его *Hist. des sult. mamlouks de l'Egypte* I, 1, 213—216 (В. Тизенгаузенъ, назв. трудъ, I, 176 и 192). Отсюда разсказъ этотъ заимствованъ былъ въ переводѣ съ франц. яз. на русскій Ф. Бруномъ въ „Зап. Одесск. Об. Ист. и Др.“, VI, 612.

³⁾ Проф. Васильевъ: „Исторія и Древности восточной части средней Азіи“ въ „Зап. Имп. Археол. Об.“, XIII, 231. Объ обрядахъ приѣма кипчакскими ханами побѣжденных ими нѣсколько словъ въ статьѣ проф. Саблукова: „Очеркъ внутренняго состоянія кипчакскаго царства“. Проф. Саблуковъ говоритъ: „обряды приѣма при мусульманствующимъ ханамъ не извѣстны, но обыкновенное въ семъ случаѣ было: надменность, тщеславіе, пышность на сторонѣ принимающихъ, и уничиженіе, знаки рабской покорности — поклоны, колѣнопреклоненія на сторонѣ поработенныхъ своевольнымъ деспотамъ“ („Изв. Об. Археол. Ист. и Этногр.“ т. XIII, вып. 3, стр. 123. Казань, 1895).

сателей. Длугошъ рассказываетъ, что московскіе государи должны были унижаться, встрѣчая ханскихъ пословъ и выслушивая чтеніе ханскихъ грамотъ ¹⁾. Герберштейнъ передаетъ, что Іоаннъ III Васильевичъ, „когда приближались татарскіе послы, выходилъ къ нимъ на встрѣчу за городъ и выслушивалъ ихъ стоя, тогда какъ они сидѣли“ ²⁾. Михалонъ Литвинъ сообщаетъ о встрѣчахъ, которыя оказывались московскими князьями ханскимъ посламъ, слѣдующее: „прежде москвитяне были въ такомъ рабствѣ у татаръ заволжскихъ, что, между прочимъ, ихъ князь выходилъ за городъ на встрѣчу всякому послу ханскому и ежегодно приѣзжавшему сборщику податей, и пѣшій велъ его лошадей подъ устцы до дворца. Посолъ садился на княжескомъ престолѣ, а князь, преклонивъ колѣни, выслушивалъ посольство“ ³⁾.

Длугошъ, Герберштейнъ и Михалонъ Литвинъ подтверждаютъ извѣстіе Мэнъ-хуна, что ханскихъ пословъ должны были рабѣпно встрѣчать тѣ правители, которые находились въ зависимости отъ хановъ. Несомнѣнно, что татары, высокомѣрно относившіеся къ другимъ народамъ и заставлявшіе пословъ даже непокоренныхъ ими государей преклонять колѣни предъ ханами и ихъ намѣстниками, на правахъ побѣдителей требовали униженія со стороны русскихъ князей предъ ханами и ихъ послами. Политическая зависимость русскихъ князей отъ татарскихъ хановъ выражалась и въ обрядахъ приемовъ ханами русскихъ князей и ихъ пословъ, и въ приемахъ русскими князьями ханскихъ пословъ. Вслѣдствіе этого татарскій посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ между золотоордынскими ханами и русскими князьями, какъ отражавшій на себѣ отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ, не могъ примѣняться московскими великими князьями въ сношеніяхъ съ западными европейскими государствами.

Первыя свѣдѣнія о посольскомъ обрядѣ московскихъ государей относятся ко второй половинѣ XV в. Только отъ этого времени

¹⁾ Joannis Dlugossi Historiae Polonicae t. II, lib. XIII, pag. 588. Lipsiae, ap. 1712; см. извѣстіе густинской лѣтописи (П. С. Р. Л., II, стр. 364).

²⁾ Перев. Анонимова, 22.

³⁾ „Архивъ истор.-юр. свѣд. отн. до Рос.“, изд. Н. Калачовымъ, кн. II, пол. 2, отд. V, 33.

дошли до насъ отдѣльныя записи дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ другими государствами. Въ этихъ записяхъ находятся наказы московскимъ посламъ, какъ править посольства предъ иностранными государями, отчеты пословъ объ исполненіи ими посольствъ, а также описанія обрядовъ приема иноземныхъ пословъ московскими государями¹⁾.

Отъ времени Іоанна III дошли до насъ посольскія книги, заключающія въ себѣ изложеніе дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ крымской и ногайской ордами, съ Турціей²⁾, съ польско-литовскимъ государствомъ³⁾, съ римской имперіей⁴⁾.

Древнѣйшая посольская книга — крымская, начинается съ 1474 г.⁵⁾. Подъ этимъ годомъ описано посольство отъ Іоанна III къ крымскому хану Менгли-Гирею. Іоаннъ III чрезъ своего посла благодарить хана за то, что послѣдній его пожаловалъ: „братомъ собѣ и другомъ назвалъ“⁶⁾.

Посольскій обрядъ, практиковавшійся при Іоаннѣ III въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ, былъ не сложенъ. Посолъ великаго князя передавалъ хану поклонъ отъ своего государя: „князь великій Иванъ челомъ бьетъ“, послѣ чего излагалъ порученное ему

1) „Памятники дипл. сношеній др. Россіи“, I, стр. I. „Сборникъ Имп. Рус. Истор. Об.“, XXXV, стр. I. Ванташъ-Каменскій: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, ч. I, II и III. С. А. Бѣлокуровъ: „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ 1888 г., кн. III, стр. XII.

2) „Сборникъ Имп. Рус. Ист. Об.“, т. 41.

3) Назв. изд., т. 35.

4) „Памятники дипл. снош. древн. Россіи“, т. I.

5) „Сборникъ Имп. Рус. Ист. Об.“, т. 41, стр. 1.

6) Тамъ же, срав. С. И. Р. И. Об., т. 35, стр. I. Іоаннъ III въ 1474 г. поручилъ своему послу заключить съ Менгли-Гиреемъ договоръ, въ которомъ относительно пословъ было сказано: „а коли мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тобѣ къ великому князю Ивану, и мнѣ его къ тобѣ послати безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой посолъ ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ“ (С. И. Р. И. Об., т. 41, стр. 4). Съ этого времени начинаются записи дипломатическихъ сношеній Москвы съ Крымомъ, въ которыхъ заключаются данныя для представленія того посольскаго обряда, который практиковался въ этихъ сношеніяхъ (о сношеніяхъ московскаго государства съ крымскимъ ханствомъ въ статьѣ проф. Бережкова: „Планъ завоеванія Крыма, составленный Крижаничемъ“. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., октябрь, стр. 486 и слѣд.).

дѣло ¹⁾ или, послѣ передачи великокняжескаго поклона, говорилъ хану: „князь велики послалъ видѣти твое здоровье“ ²⁾. Обыкновенно, послѣ передачи поклона и вопроса о здоровьѣ хана отъ имени вел. князя, московскій посолъ подавалъ хану великокняжескій „поминокъ“ и излагалъ порученное ему дѣло ³⁾.

Менѣ данныхъ для представленія обряда приѣма пословъ крымскаго хана въ Москвѣ. Принятый вел. княземъ въ 1504 году крымскій посолъ, правилъ отъ царя поклонъ“ ему и высказалъ пожеланіе хана, чтобы великій князь и старшій сынъ его были здоровы, послѣ чего подалъ великому князю ханскія грамоты ⁴⁾. Отпуская крымскихъ пословъ, великій князь велѣлъ имъ передать отвѣтъ и челобитье его хану, а царевичамъ, царицамъ, уланамъ и князьямъ — поклонъ ⁵⁾.

Передавая хану челобитье, Іоаннъ III посылалъ поклоны крымскимъ царевичамъ, царицамъ, князьямъ. Тоже соблюдалось и въ наказахъ московскимъ посламъ, отправляемымъ въ Крымъ: они должны были передавать челобитье великаго князя только хану, царевичамъ же, царицамъ, князьямъ — поклоны ⁶⁾. На челобитья великаго князя ханъ отвѣчалъ поклонами ⁷⁾.

Краткія записи крымской посольской книги за время Іоанна III не представляютъ полной картины посольскаго обряда, соблюдавшагося въ сношеніяхъ между московскимъ княземъ и крымскимъ ханомъ. Въ наказахъ московскихъ пословъ въ Крымъ не находимъ указаній, какъ они держали себя предъ ханомъ послѣ договора Іоанна III съ Менгли-Гиреемъ въ 1474 г., вслѣдствіе чего можно думать, что „братство и дружба“, пожалованныя Іоанну III Менгли-Гиреемъ, не измѣнили посольскаго обряда, соблюдавшагося послами ихъ во взаимныхъ сношеніяхъ.

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 1, 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 13, 15, 17, 25, 28, 35, 37, 45, 62 и т. д.

³⁾ Тамъ же, стр. 32, 52, 59, 61, 98, 135, 157, 200, 223, 249, 258, 301, 315 336, 340, 372, 383, 434, 458, 487, 525.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 539.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 556.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 142—144, 202, 203, 226, 251, 252, 311, 312 и т. д.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 104, 106, 107, 110, 122—125, 150, 153—155 и т. д.

Наказы, какъ править посольство, которые давались московскимъ посламъ, отправляемымъ въ иностранныя государства, далеко не страдали неопредѣленностью и неточностью: послу дѣлались самыя точныя указанія, какъ держать себя на аудіенціи у иноземнаго государя, что отвѣчать, какіе вопросы предлагать и т. п. Въ крымской же посольской книгѣ за время Іоанна III находятся записи сношеній его съ турецкимъ и кафинскимъ султанами, и въ этихъ записяхъ помѣщены указы московскимъ посламъ, какъ держать себя предъ султанами: „поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися“¹⁾. Такіе указы давались московскимъ посламъ къ султанамъ потому, что отъ иностранныхъ пословъ требовали, чтобы они становились на колѣни предъ султанами²⁾. Въ наказахъ московскихъ пословъ къ крымскимъ ханамъ не находимъ обычныхъ въ другихъ случаяхъ инструкцій, какъ держать себя предъ ханами. Вслѣдствіе этого, принимая во вниманіе отношенія крымскаго хана къ московскому государю до 1474 г. и униженный обрядъ приѣма иноземныхъ пословъ, практиковавшійся при дворахъ татарскихъ хановъ, въ томъ числѣ и крымскаго, можно думать, что московскіе послы преклоняли колѣни предъ крымскими ханами во время аудіенцій какъ до договора 1474 г., такъ и послѣ³⁾. Договоръ этого года, установившій отношенія братства и равенства между Іоанномъ III и Менгли-Гиреемъ, въ силу этихъ отношеній, повидимому, давалъ только московскому государю право принимать крымскихъ пословъ такъ, какъ послы его принимались ханами. Такое предположеніе можетъ быть оправдано однимъ эпизодомъ изъ сношеній вел. кн. Василія III съ крымскимъ ханомъ. Эпизодъ этотъ внесенъ въ крымскую посольскую книгу благодаря одному исключительному обстоятельству.

¹⁾ Тамъ же, стр. 231, 232, 282, 293, 398.

²⁾ А. В. Неклюдовъ: „Начало сношеній Россіи съ Турціей“ въ „Сборникѣ Моск. Гл. Арх. Мин. И. Д.“, вып. 3 и 4, стр. 35 и слѣд.

³⁾ Мнѣніе, что крымскіе татары унаслѣдовали обряды при приѣмѣ иноземныхъ пословъ отъ золотоординскихъ, высказано было еще Малиновскимъ („Историч. и Диплом. собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими вел. князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1462 по 1533 г.“ въ „Зап. Об. Ист. и древн.“ V, 191.

Въ 1519 г. прїѣхалъ въ Москву крымскій посолъ Аппакъ съ Ахметъ-пашею и товарищами. Аппакъ ѣхалъ въ Москву въ чалмѣ, о чемъ доведено было до свѣдѣнія великаго князя; московскій встрѣчникъ, по великокняжескому приказу, встрѣчая Аппака подъ Москвою, спросилъ его, почему онъ носитъ чалму, которой не носилъ до отъѣзда въ Москву? Аппакъ отвѣтилъ, что крымскій ханъ возложилъ на него чалму въ знакъ того, что отпустить его на поклоненіе гробу магометову тогда, когда онъ выполнитъ возложенное на него посольство, „и язъ того дѣля нынѣ положилъ на себя челму, а не иного для дѣла“, добавилъ Аппакъ, понимая, повидимому, почему его спросили о головномъ его уборѣ. Великій князь не удовлетворился такимъ объясненіемъ Аппака; посылая къ нему, по водвореніи его въ Москвѣ на подворьѣ, князя Палецкаго съ подарками, великій князь приказалъ послѣднему не снимать шапки предъ Аппакомъ, когда будетъ говорить ему рѣчь. Палецкій, исполняя приказаніе своего государя, началъ говорить Аппаку рѣчь „ставъ на колѣнкахъ, а колпака не снявъ“, но Аппакъ замѣтилъ ему: „рѣчь государскую говоришь, а колпака съ себя не соймешь“. Палецкій возразилъ Аппаку, что и у него голова покрыта вопреки обыкновенію, потому что прежніе послы крымскаго хана въ такихъ случаяхъ обнажали головы. Аппакъ объяснилъ ему, почему не можетъ снять чалмы. Тогда Ахметъ-паша, товарищъ Аппака по посольству, замѣнилъ Аппака: онъ сталъ предъ Палецкимъ на колѣни, снявъ съ головы колпакъ, и Палецкій, тоже стоя на колѣняхъ съ обнаженною головою, произнесъ ему рѣчь отъ имени великаго князя. Послѣ этого Аппакъ просилъ великаго князя чрезъ казначеевъ его, „чтобъ государъ пожаловалъ, не подержалъ на меня себѣ мнѣнія никоторого, что язъ въ чалмѣ ѣду“. Великій князь разрѣшилъ Аппаку быть въ чалмѣ, велѣвъ передать ему: „доколѣ еси намъ о томъ не билъ челомъ, и мы себѣ на мысли были о томъ подержали, что... нынѣ еси положилъ на себя челму; а коли нынѣ намъ о томъ бьешь челомъ, а такъ сказываешь, что на тебя братъ нашъ челму положилъ, ино го на твоей волѣ“. Принятый великимъ княземъ, Аппакъ сталъ предъ нимъ на колѣни и въ такомъ положеніи говорилъ рѣчь отъ имени хана ¹⁾.

¹⁾ С. И. Р. И. Об., т. 95, стр. 632—633.

Изъ описанія этого эпизода не видно, чтобы стояніе посла на колѣняхъ входило въ посольскій обрядъ какъ нѣчто исключительное въ данномъ случаѣ. Колѣнопреклоненіе не возбуждаетъ никакихъ споровъ между московскими дипломатами и крымскими послами, оно совершается какъ нѣчто обычное. Въ Москвѣ показалось подозрительнымъ, что глава крымскаго посольства пріѣхалъ въ чалмѣ, снимать которую онъ не могъ въ тѣхъ случаяхъ, когда установившійся посольскій обрядъ требовалъ, чтобы посолъ обнажалъ голову. Аппака заподозрѣли, что онъ явился въ чалмѣ съ цѣлю нарушить обычай, поэтому и князю Палецкому велѣно было не обнажать головы предъ ханскимъ посломъ, дабы не унижить достоинство великаго князя. Когда объясненія Аппака разсѣяли подозрѣнія, возбужденныя его чалмою, посольство было принято великимъ княземъ. О колѣнопреклоненіи ханскихъ пословъ предъ великимъ княземъ московскимъ мы узнаемъ только благодаря тому, что глава крымскаго посольства явился въ необычномъ головномъ уборѣ.

Памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымомъ за время государственія Василия III даютъ болѣе матеріала для представленія посольскаго обряда, практиковавшагося въ сношеніяхъ московскаго государя съ крымскимъ ханомъ. Наказы московскимъ посламъ, какъ держать себя при ханскомъ дворѣ, становятся болѣе подробными, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отчетахъ московскихъ пословъ объ исполненіи ихъ миссій находимъ описанія пріемовъ, оказанныхъ имъ при ханскомъ дворѣ. Такіе болѣе подробные указы московскимъ посламъ къ крымскому хану и соотвѣтствующіе наказамъ отчеты пословъ, проливающіе свѣтъ на посольскій обрядъ времени Іоанна III и Менгли-Гирея, могутъ быть объяснены отчасти измѣненіемъ отношеній Василия III къ крымской ордѣ, отчасти и тѣмъ, что по мѣрѣ расширенія дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами въ Москвѣ стали подробнѣе описывать въ посольскихъ книгахъ какъ пріемы иностранныхъ посольствъ и переговоры съ нимъ, такъ и отправленія московскихъ пословъ за границу.

Василій III не измѣнялъ посольскаго обряда въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ и не обнаруживалъ желанія прекратить мир-

ныя сношенія съ Крымомъ, но только не удовлетворялъ алчности крымскаго хана, многочисленныхъ царевичей, князей и ихъ женъ. Иоанну III союзъ съ крымскимъ ханомъ былъ болѣе нуженъ, чѣмъ сыну его: Иоаннъ III имѣлъ двухъ враговъ—золотую орду и Литву, для борьбы съ которыми нуждался въ помощи крымскаго хана, при сынѣ Иоанна III золотая орда не существовала. Если мы не видимъ измѣненія отношеній между Иоанномъ III и Менгли-Гиреемъ, который добивалъ золотую орду въ началѣ XVI в., то это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что конецъ золотой орды почти совпалъ съ концомъ государственнаго Иоанна III и царствованія Менгли-Гирея. Съ новымъ государемъ московскимъ установились новыя отношенія къ крымской ордѣ; пословъ не тароватаго на поминки Василя III стали грабить въ Крыму, и возникшія вслѣдствіе этого столкновенія московскихъ пословъ съ крымцами открываютъ намъ нѣкоторыя подробности пріемовъ московскихъ посольствъ въ Крыму. Съ другой стороны и крымскій ханъ измѣняетъ свои отношенія къ Москвѣ подъ вліяніемъ польскаго короля, которому онъ былъ нуженъ для борьбы съ московскимъ великимъ княземъ¹⁾.

Въ наказѣ перваго извѣстнаго намъ московскаго посла въ Крымъ за время государственнаго Василя III, боярина Василя Григорьевича Морозова, отправленнаго къ хану въ 1509 г., находимъ инструкціи, которыя проливаютъ болѣе свѣта на обращеніе съ московскими послами при дворѣ крымскаго хана и во времена Иоанна III. Морозову наказывалось, по пріѣздѣ въ Крымъ, дать встрѣчавшимъ его отъ имени хана съ подарками „что будетъ пригоже, потомуже, какъ прежніе послы великаго князя тѣмъ людямъ царевымъ на встрѣчѣ что давали, которые бывали у царя до Василя до Наумова и до Костянтина до Заболотцкаго. А нѣчто у Василя имутъ просити потомужъ, какъ Василей Наумовъ давалъ и какъ на Костянтинѣ имали, и Василью по тому не давати“...²⁾.

¹⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи“, V, 281, изд. 5. Проф. Бережковъ, назв. тр. въ Ж. М. Н. Пр., октябрь, стр. 494 и слѣд.

²⁾ С. И. Р. И. Об., т. 95, стр. 60. Бояринъ Константинъ Григорьевичъ Заболотскій былъ отправленъ къ крымскому хану въ 1492 г. съ извѣстіемъ о смерти польскаго короля Казимира и съ цѣлью убѣдить хана напасть на литовскія земли (С. И. Р. И. Об., т. 41, стр. 156—165). Василій Наумовъ упоми-

Далѣе, Морозову наказано было, по приѣздѣ на подворье, отводимое послу, „со царемъ обослаться потомуже, какъ напередъ того великого князя послы съ нимъ обсылалися: ¹⁾ какъ ему велить царь быти у себя, и рѣчь отъ великого князя говорити, при всѣхъ ли царевичевъ и князехъ, или наодинѣ; да и о поминкѣхъ велѣть ему царя спросити, какъ велить къ себѣ поминки принести“ ²⁾. По полученіи отвѣта отъ хана Морозовъ долженъ былъ отправиться къ нему на аудіенцію. Если, говорилось въ наказѣ Морозова, его встрѣтятъ на пути къ хану крымскіе князья и станутъ требовать пошлинъ, то онъ, не исполняя ихъ требованій, долженъ продолжать свой путь къ хану, какъ прежніе великокняжескіе послы, которые пошлинъ не давали. Наказъ разрѣшаетъ Морозову давать „поминки“, кромѣ указанныхъ лицъ, только тѣмъ, которые въ чемъ либо услужили ему, „а въ пошлину ему однолично ни царевичемъ, ни княземъ, ни царевымъ людямъ, ни царевичевымъ никому ничего не дати, опроче того, что нѣчто имутъ силно имати“. Въ случаѣ насилія отъ перечисленныхъ лицъ Морозовъ долженъ былъ заявить хану, что тотъ обязанъ по шертной грамотѣ не дозвolyть взимать пошлинъ съ московскихъ пословъ. Наказъ Морозову не давать пошлинъ крымскимъ царевичамъ, князьямъ и другимъ свидѣтельствуетъ, что договоръ о послахъ, заключенный еще Іоанномъ III съ Менгли-Гиреемъ, нарушался въ Крыму. И дѣйствительно, въ донесеніи Морозова Василю III, въ которомъ онъ давалъ отчетъ о томъ, какъ правилъ посольство въ Крыму, между прочимъ говорится о попыткахъ взять съ него пошрины. Это донесеніе любопытно въ томъ отношеніи, что Морозовъ подробно излагаетъ, какъ его приняли въ Крыму. Сначала онъ былъ принятъ ханомъ въ тайной аудіенціи и спрошенъ о здоровьѣ великаго князя; затѣмъ ханъ принялъ Морозова въ торжественной аудіенціи

нается, какъ находившійся въ Крыму московскій посолъ, въ 1521 г. (С. И. Р. И. Об. т. 95, ст. 675); въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь о посольствѣ Наумова отъ Василя III къ хану до 1509 г., запись котораго до насъ не дошла (тамъ же, Предисловіе).

¹⁾ Въ изданномъ текстѣ въ С. И. Р. И. Об. поставлена здѣсь точка, но такъ какъ слѣдующія слова поясняютъ то, о чемъ надо было обослаться, лучше поставить двоеточіе (т. 95, стр. 60).

²⁾ Тамъ же.

при царевичахъ, князьяхъ и другихъ лицахъ. Приглашенный къ этой аудіенціи мурзою, который пріѣхалъ за нимъ, московскій посоль ѣхалъ до воротъ ограды ханскаго дворца, гдѣ сошелъ съ коня. Тутъ сидѣли крымскіе князья, которые съ посломъ карашевались ¹⁾ по обычаю, за исключеніемъ только мурзы Кудояра, который съ посломъ не карашевался, но велѣлъ толмачу сказать послу, что онъ—посоль—холопъ. Когда посоль шелъ отъ воротъ ко дворцу, Кудояръ отнялъ у подъячего посла шубу, а у дверей ханскихъ есаулы бросили посохи ²⁾ и потребовали отъ посла пошлыны. Посоль перешелъ чрезъ посохи не давъ пошлыны. На аудіенціи ханъ спросилъ посла о здоровьѣ великаго князя и его самого „жаловалъ“ (какъ—не сказано), жаловали посла также царевичи и звали его карашеваться. Послѣ этого посоль изложилъ порученныя ему дѣла, а ханъ посла „жаловалъ чашею и останокъ“ ³⁾ подаль; и царевичи жаловали, останки подавали“. Немного спустя ханъ велѣлъ послу чашу подать, и посоль подавалъ ее хану, царевичамъ и князьямъ. Когда очередь дошла до Кудояра, посоль отказался подать ему чашу за насиліе надъ подъячимъ и названіе холопомъ, а „холопъ есми, государь“, говорилъ хану посоль, „твой, да брата твоего государя нашего великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи“.

¹⁾ В. Д. Смирновъ объясняетъ глаголъ карашеваться въ смыслѣ „видѣться“, вопреки мнѣнію другихъ ученыхъ, объяснявшихъ этотъ глаголъ въ смыслѣ „привѣтствовать, дѣловаться“; такое толкованіе Смирновъ признаетъ невѣрнымъ на томъ основаніи, что въ одной изъ грамотъ Менгли-Гирея къ Іоанну III глаголъ карашеваться употребленъ въ смыслѣ „видѣться“ (С. И. Р. И. Об., т. 41, стр. 222). Г. Смирновъ объясняетъ глаголъ карашеваться изъ турецко-татарскаго „кормакъ, гөрмекъ = видѣть, откуда „көрүшмәкъ, гөрүшмекъ“ въ значеніи „видѣться“ („Крымское ханство“, 363, прим. 1). Баронъ Тизенгаузенъ, чрезъ посредство проф. Е. К. Рѣдина, за что приношу имъ глубокую благодарность, объяснилъ мнѣ глаголъ карашеваться въ значеніи „здороваться“ (такое значеніе усвоится этому глаголу и въ „Матеріалахъ для словаря др.-рус. яз.“ Срезневскаго съ ссылкой на Академ. Словарь). Это объясненіе барона Тизенгаузена подтверждается и тѣмъ, что какъ въ статейномъ спискѣ Морозова, такъ и въ другихъ мѣстахъ крымской посольской книги глаголъ карашеваться употребляется въ значеніи „здороваться, привѣтствовать“.

²⁾ По объясненію барона Тизенгаузена посохи — булавы, которыя носили есаулы.

³⁾ Останокъ—остатокъ („Матеріалы для словаря др.-рус. яз.“ Срезневскаго).

Ханъ сталъ „покрашивать“ (объялять) Кудояра, но посолъ возразилъ, что Кудояръ сказалъ ему „не вѣжливое слово“ и шубу отнялъ у подьячаго. Давъ послу выпить, ханъ отпустилъ его и отправилъ къ нему на подворье медъ. По рассказамъ, дошедшимъ до посла, ханъ потомъ призвалъ къ себѣ Кудояра, бранилъ его за оскорбленіе посла и отнялъ у него шубу подьячаго. Ханъ остался недоволенъ поминками, которые привезъ ему Морозовъ, находя ихъ незначительными ¹⁾. Царевичъ Ахмать-Гирей, требуя додачи къ тому, что было ему подарено, грозилъ послу, что велитъ его привести къ себѣ на веревкѣ въ случаѣ неисполненія его требованія ²⁾.

Какъ наказъ, данный Морозову, такъ и отчетъ его представляютъ данныя, на основаніи которыхъ можно представить обрядъ приѣма московскаго посла при дворѣ крымскаго хана. Посла во владѣніяхъ хана встрѣчали съ подарками отъ имени послѣдняго, а посолъ, въ свою очередь, отдаривалъ встрѣчниковъ. По приѣздѣ въ резиденцію хана, посолъ освѣдомлялся, какъ хану угодно будетъ принять его: въ тайной или публичной аудіенціи. Приглашенный къ публичной аудіенціи посланнымъ отъ хана, посолъ ѣхалъ до воротъ ограды ханскаго дворца, гдѣ сходилъ съ коня и карашевался съ находившимися тамъ царевичами, князьями, назначаемыми, повидимому, для встрѣчи его. Отъ воротъ посолъ шелъ къ хану. Случалось, что стоявшіе тутъ ханскіе есаулы, вопреки договору 1474 г., бросали предъ посломъ посохи и требовали съ него пошлины. Ханъ спрашивалъ представшаго предъ нимъ посла о здоровьѣ его государя, „жаловалъ“ посла, присутствовавшіе же татарскіе царевичи также „жаловали“ посла и звали его карашеваться. По наказу посолъ передавалъ хану челобитье своего государя, спрашивалъ хана о здоровьѣ его и передавалъ ему подарки великокняжескіе, послѣ чего излагалъ предъ ханомъ порученное ему дѣло. Когда посолъ кончалъ рѣчь свою, ханъ жаловалъ его чашею, что дѣлали и царевичи, присутствовавшіе на аудіенціи. Затѣмъ, по приказанію хана, посолъ подавалъ чашу ему, царевичамъ и князьямъ. Давъ послу выпить, ханъ отпускалъ его.

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 81—82.

²⁾ Тамъ же, 83.

Такой же наказъ править посольство, какъ и Морозову, данъ былъ боярину Ивану Мамонову, отправленному посломъ въ Крымъ въ 1515 г. ¹⁾; съ подобнымъ наказомъ въ 1518 г. князь Юрій Пронскій отправленъ былъ посломъ въ крымскому хану.

Обширный отчетъ боярина Мамонова о приѣмѣ, оказанномъ ему при дворѣ хана Махметъ-Гирея, сына Менгли-Гирея, даетъ менѣе данныхъ, сравнительно съ отчетомъ Морозова, для представленія объ обрядѣ приѣма московскихъ пословъ крымскими ханами. Отчетъ Мамонова главнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ перечень обидъ и насилій, которымъ онъ подвергся въ Крыму ²⁾.

Представляя болѣе данныхъ для обряда приѣма московскихъ пословъ въ Крыму, крымская посольская книга за время Василия III, сравнительно съ временемъ Іоанна III, даетъ болѣе матеріала и для обряда приѣма крымскихъ пословъ при московскомъ дворѣ.

Послы, отправленные крымскимъ ханомъ въ Москву въ 1508 г., встрѣчены были посланнымъ отъ великаго князя подъ Москвою, на Поклонной горѣ. Встрѣчникъ спросилъ пословъ о здоровьѣ ихъ и поѣхалъ съ ними въ отведенное имъ подворье. Сюда явился другой посланецъ великаго князя съ вопросомъ о здоровьѣ хана и пословъ и съ кормомъ для нихъ. Пословъ, приглашенныхъ на аудіенцію къ великому князю, встрѣтили у лѣстницы окольничій и дьякъ. На аудіенціи глава крымскаго посольства передалъ поклонъ отъ хана великому князю и спросилъ его отъ имени хана о здоровьѣ, великій же князь спросилъ посла о здоровьѣ хана. Послѣ этого глава посольства подалъ великому князю ханскую грамоту, и великій князь, подозвавъ къ себѣ членовъ посольства, клалъ на нихъ свою руку, спросилъ ихъ о здоровьѣ и пригласилъ къ столу ³⁾. Точно также встрѣченъ былъ подъ Москвою на Поклонной горѣ посланнымъ отъ великаго князя крымскій посолъ Янчура въ 1515 г. Встрѣчникъ передалъ послу поклонъ великаго князя и спросилъ его о здоровьѣ. Посолъ, принятый великимъ княземъ, передалъ ему поклонъ хана и грамоту, великій же князь пригласилъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 193 и 203—204.

²⁾ Тамъ же, стр. 269—294.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

посла и товарищей его къ столу и посылалъ угощать ихъ медомъ ¹⁾. Объ отпускѣ Янчұры съ товарищами въ посольской книгѣ заключаются слѣдующія данныя: великій князь пригласилъ пословъ къ столу, послѣ чего далъ имъ „ихоиръ“ ²⁾ и назначилъ день ихъ отъѣзда изъ Москвы. Отпуская крымское посольство изъ Москвы, великій князь наказалъ главѣ его передать свое челобитіе хану ³⁾.

Немного данныхъ для представленія объ обрядѣ приема крымскихъ пословъ въ Москвѣ заключается въ посольской книгѣ по поводу приема ханскаго посла Абдыль-Авелъ-Шиха въ 1517 г. Посолъ „правилъ великому князю отъ хана поклонъ“, но великій князь не звалъ его къ рукѣ и карашеваться, потому что посолъ пріѣхалъ изъ мѣстъ, гдѣ было моровое повѣтріе. По этой же причинѣ посолъ не былъ приглашенъ великимъ княземъ къ столу. На аудіенціи посолъ говорилъ великому князю рѣчь и подалъ ханскія грамоты ⁴⁾. Въ томъ же 1517 г. къ великому князю прибылъ ханскій посолъ князь Кудояръ съ посланцами отъ ханши и крымскихъ царевичей. На аудіенціи Кудояръ „правилъ великому князю отъ царя челобитіе“, произнесъ рѣчь и вручилъ грамоты ⁵⁾. Сравнительно подробнѣе описанъ въ посольской книгѣ приемъ крымскаго посла мурзы Кудояра въ 1518 г. На встрѣчу послу отправленъ былъ великимъ княземъ ясельничій, проводившій посла на подворье. Сюда, на подворье, великимъ княземъ отправленъ былъ посланецъ, который передалъ великокняжескій подарокъ послу и спросилъ его о здоровьѣ хана. Въ назначенный для аудіенціи день мурза Кудояръ пріѣхалъ ко дворцу и встрѣченъ былъ по приказу великаго князя Ѳеодоромъ Карповымъ. Явившись предъ великимъ княземъ, Кудояръ „правилъ отъ царя великому князю поклонъ“ и подалъ грамоты отъ хана, ханши, царевичей и князей крымскихъ ⁶⁾. Послѣ аудіенціи Кудояръ былъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 151.

²⁾ Въ изданномъ текстѣ въ С. И. Р. И. Об. „и хоиръ“; по объясненію барона Тизенгаузена, „ихоиръ“ — отпускная грамота, т. е. разрѣшеніе послу вернуться домой. Тамъ же, стр. 191.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 385—386.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 442.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 513.

приглашенъ великимъ княземъ къ столу. Послѣ стола „подавалъ князь великій чашу цареву, да послѣ того и свою чашу велѣлъ подавати“ ¹⁾. Объ отпускѣ Кудояра съ товарищами его по посольству сказано въ посольской книгѣ, что послы были позваны къ великому князю, который „имъ и хайръ учинилъ“ ²⁾.

Самое подробное описаніе приѣма Василиемъ III крымскаго посольства относится къ 1519 г. Въ этомъ году въ Москву пріѣхалъ ханскій посолъ князь Аппакъ съ товарищами. Крымскіе послы на пути къ Москвѣ были встрѣчены посланнымъ отъ великаго князя, чтобы доставлять имъ кормъ. Вторая встрѣча была оказана крымскимъ посламъ, когда они пріѣхали къ Москвѣ. Встрѣчникъ долженъ былъ проводить пословъ на подворье, куда прибылъ князь Палецкій съ великокняжескимъ „жалованіемъ: съ ѣствою и съ шубою“. Князь Палецкій говорилъ отъ имени великаго князя рѣчь ханскому послу на колѣняхъ и съ обнаженною головою, посолъ выслушалъ рѣчь въ такомъ же положеніи. Въ назначенный для аудіенціи день ханскій посолъ явился во дворецъ, гдѣ его встрѣтили окольничій съ дьякомъ. Введенный къ великому князю, князь Аппакъ, по приглашенію послѣдняго, подошелъ къ нему карашеваться и, „отошедъ, сталъ на колѣняхъ, да правилъ отъ царя великому князю поклонъ, да подалъ грамоту“. Послѣ аудіенціи князь Аппакъ былъ приглашенъ великимъ княземъ къ столу ³⁾.

Описанныя въ крымской посольской книгѣ приѣмы ханскихъ пословъ въ Москвѣ представляютъ черты, по которымъ можно представить обрядъ приѣма посла крымскаго хана московскимъ государемъ.

Крымскаго посла встрѣчалъ въ предѣлахъ московскаго государства посланный великимъ княземъ; встрѣчникъ долженъ былъ доставлять кормъ послу и его свитѣ. Подъ Москвою къ послу выѣзжалъ другой встрѣчникъ, который спрашивалъ посла отъ имени великаго князя о здоровьѣ и проводилъ посольство на подворье въ Москвѣ. Сюда являлся великокняжескій посланецъ съ вопро-

¹⁾ Тамъ же, стр. 528.

²⁾ Тамъ же, стр. 561.

³⁾ Тамъ же, стр. 680—683.

сами о здоровьи хана и посла и съ жалованьемъ великаго князя: кормомъ и подаркомъ; посланецъ великаго князя произносилъ рѣчь послу, стоя на колѣняхъ, и съ обнаженною головою. Въ такомъ же положеніи выслушивалъ рѣчь и посоль. Въ назначенный для аудіенціи день посоль пріѣзжалъ къ великокняжескому дворцу, гдѣ его встрѣчалъ посланный отъ великаго князя. Представъ предъ великимъ княземъ, посоль становился на колѣни, правилъ великому князю поклонъ отъ хана, спрашивалъ великаго князя о здоровьи его, отвѣчалъ на вопросъ великаго князя о здоровьи хана, подавалъ великому князю ханскія грамоты и говорилъ наказанный ему рѣчи, послѣ чего великій князь карашевался съ нимъ: клалъ на голову его руку, спрашивалъ о здоровьи и звалъ къ столу (въ описаніи приѣма князя Аппака сказано, что великій князь сначала звалъ его карашеваться, а потомъ посоль правилъ посольство). Послѣ стола великій князь „подавалъ чашу цареву“, приказывалъ „и свою чашу подавать“. Отпускъ крымскихъ пословъ заключался въ слѣдующемъ: въ назначенный день посоль являлся къ великому князю, который давалъ ему „нихоръ“ и наказывалъ передать поклонъ хану.

Какъ крымскихъ пословъ приняли въ Москвѣ въ 1519 г., такъ, слѣдуетъ думать, принимались московскіе послы крымскими ханами.

Обрядъ приѣма московскихъ пословъ крымскими ханами, который можно представить на основаніи крымской посольской книги, подтверждается и дополняется извѣстіемъ о приѣмѣ иноземныхъ пословъ въ Крыму, которое находится въ описаніи Крыма, составленномъ польскимъ дворяниномъ Мартиномъ Броневскимъ. Броневскій отправленъ былъ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ качествѣ посланника къ крымскому хану въ 1578 г. и провелъ въ Крыму болѣе девяти мѣсяцевъ. По словамъ Броневского, крымскій ханъ принималъ пословъ государей московскаго и польскаго и господаря молдавскаго иногда довольно снисходительно и ласково, иногда же болѣе чѣмъ варварски. Когда посоль какого либо изъ названныхъ государей пріѣзжалъ въ Перекопъ, его встрѣчалъ одинъ изъ ханскихъ чиновниковъ. По пріѣздѣ посла въ назначенное ему для жительства мѣсто, являлся туда ханскій сановникъ съ поздравленіемъ отъ имени хана. Ханъ давалъ послу аудіенцію въ

присутствіи важнѣйшихъ своихъ сановниковъ. До дверей ханской пріемной посла провожалъ одинъ чиновникъ, вводили же посла къ хану двое ханскихъ совѣтниковъ. „Вошедши къ хану“, говоритъ Броневскій, „они (послы московскіе, польскіе или молдавскіе) отвѣщаютъ ему поклонъ, по древнему народному обычаю, потомъ, ставъ на колѣни, излагаютъ дѣло и, по окончаніи, приглашаются къ ханскому столу. Во время обѣда особеннымъ знакомъ благоволенія и милости считается то, когда ханъ собственноручно подастъ имъ бокаль или чашу вина съ медомъ, позолоченную и украшенную драгоценными камнями, которую они выпиваютъ преклонивъ колѣна. Передъ отъѣздомъ ханъ вторично приглашаетъ ихъ къ столу“. Послѣ обѣда, посолъ, дожидаясь нѣкоторое время у воротъ ханскаго дворца, получалъ подарки: одежду, коней, иногда нѣсколько рабовъ. Облечшись въ подаренную одежду, посолъ снова являлся къ хану благодарить за подарки и прощаться. Уѣзжавшаго посла снабжали небольшимъ количествомъ припасовъ, и одинъ изъ ханскихъ чиновниковъ сопровождалъ его до Днѣпра ¹⁾.

Кромѣ колѣнопреклоненія въ обрядѣ пріема крымскихъ пословъ въ Москвѣ обращаетъ на себя вниманіе еще другая особенность этого обряда: возложеніе руки великимъ княземъ на голову крымскаго посла. Такое возложеніе руки практиковалось только въ отношеніи къ посламъ мусульманскихъ государей, какъ это видно, между прочимъ, изъ статейнаго списка посланника царя Ѳедора Іоанновича въ Персію Григорія Васильчикова. Васильчиковъ, предъ аудіенціей у персидскаго шаха, спросилъ грузинскаго посла о пріемѣ, оказанномъ послѣднему шахомъ. Грузинскій посолъ, рассказывая, какъ его принялъ шахъ, упомянулъ, что послѣдній протянулъ ему ногу для цѣлованія. Васильчиковъ по поводу этого сказалъ грузинскому послу: „у государя нашего въ обычае ведетца, коли бываютъ у государя нашего царьскаго в. отъ хрестіянскихъ государей послы и посланники отъ цесаря римскаго и отъ короля литовскаго и отъ иныхъ хрестіянскихъ государей, и государь нашъ ц. в. тѣмъ посломъ и посланникомъ даетъ целовать свою царскую руку, а на

¹⁾ „Зап. Од. Об. Ист. и Др.“ VI, 357. О Броневскомъ и запискахъ его у Аделунга въ „Критико-литературн. обзорѣни путешественниковъ по Россіи“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1863 г. кн. 2, № 83.

бусурманскихъ государей пословъ кладеть руку, а государя нашего пословъ хрестыянскіе государи даютъ по тому жѣ руки целовать, а бусурманскіе государи кладутъ руки. А того нигдѣ не ведетца, что государей целовать въ ногу, то посломъ бещестье великое¹⁾.

Посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ Іоанна III и Василя III съ крымскимъ ханомъ, не былъ примѣненъ въ сношеніяхъ съ другимъ мусульманскимъ государемъ — турецкимъ султаномъ, потому что отношенія московскаго государя къ послѣднему были иныя, чѣмъ къ крымскому хану.

Въ то время какъ наказы московскимъ посламъ къ крымскому хану, отчеты ихъ о приѣмахъ, оказываемыхъ имъ при ханскомъ дворѣ, и записи крымской посольской книги о приѣмахъ крымскихъ пословъ московскими государями не даютъ вполнѣ яснаго представленія объ обрядѣ приѣма пословъ въ Москвѣ и въ Крыму, наказъ перваго посла отъ московскаго государя къ турецкому султану ясно рисуеть картину того приѣма, который султанъ долженъ былъ оказать московскому послу. Послѣднему не велѣно передать челобитье своего государя султану, и Іоаннъ III не обѣтъ челомъ султану въ грамотѣ къ нему; московскому послу всего прежде наказывается „поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися“. Султанъ — не ханъ, его не надо убѣждать воевать со „всѣми вопчими недругами“, не надо откупаться поминками отъ нашествій его, вотъ почему наказъ московскому послу, какъ держать себя предъ султаномъ, является предметомъ особенной важности, между тѣмъ какъ обрядъ приѣма московскаго посла крымскимъ ханомъ блѣднѣетъ предъ заботою имѣть хана своимъ союзникомъ. Московскаго посла татаринъ, обозленный за малые поминки, называетъ холопомъ, бросается на него съ ножомъ, снимаетъ шубу съ подъячаго посла, посольскихъ людей сажаютъ въ темницу, дабы допра-

¹⁾ „Памят. диплом. и торгов. сношен. московской Руси съ Персіей“, I, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Русск. Археол. Об.“ XX, 65—66. Этотъ эпизодъ изложенъ въ статьѣ проф. Н. И. Веселовскаго: „Приѣмъ въ Россіи и отпускъ среднеазиатскихъ пословъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. іюль, стр. 98). О возложеніи руки московскимъ государемъ на головы пословъ мусульманскихъ государей говорятъ и Котошихинъ („О Россіи въ царств. Алексія Михайловича“ 77, изд. 3-е).

вить поминки съ посла, но изъ за этого сношеній съ крымскимъ ханомъ не прерываютъ. Иное отношеніе къ турецкому султану: послу московскому наказывается говорить съ султаномъ, но не съ пашами его, во время аудіенціи у султана поклонъ отъ великаго князя править стоя, и въ случаѣ, если въ тоже время будутъ принимаемы султаномъ послы другихъ государей, не садиться ниже ихъ.

Начало дипломатическимъ сношеніямъ между Турціей и московскимъ государствомъ положено было отправленіемъ турецкаго посла въ Москву въ 1493 г. изъ Кафы, правителемъ которой былъ сынъ султана Баязета II. Но посолъ этотъ не достигъ Москвы, его задержали въ Кіевѣ по приказанію великаго князя литовскаго Александра ¹⁾. Извѣщенный объ этомъ, Іоаннъ III отправилъ въ 1496 г. своего посла къ турецкому султану Баязету и къ сыну его кафинскому правителю. Первому московскому послу къ турецкому султану — Михаилу Плещееву, данъ былъ слѣдующій наказъ, какъ держать себя на аудіенціи у султана и сына его: прежде всего передать султану поклонъ своего государя и „править поклонъ стоя, а на колѣни не садиться“, послѣ чего посолъ долженъ былъ подать султану подарки и, если султанъ велѣлъ бы сѣсть, немного посидѣвъ встать и изложить цѣль посольства ²⁾. Послу наказывалось въ случаѣ, еслибы султанъ не пожелалъ выслушать его, но велѣлъ бы ему говорить рѣчи государевы пашамъ, не исполнять приказанія султана и передать пашамъ только написанныя рѣчи. Еслибы султанъ одновременно съ московскимъ посломъ принималъ и другихъ иноземныхъ пословъ, Плещеевъ не долженъ былъ занимать мѣста ниже ихъ ³⁾. Какъ первый московскій посолъ въ Константинополѣ выполнилъ данный ему наказъ, узнаемъ изъ писемъ Менгли-Гирея къ Іоанну III. Султанъ въ отвѣтной грамотѣ къ Іоанну III выразилъ сердечную радость по поводу завязавшихся съ нимъ сношеній и высказалъ только похвалу Пле-

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 47, 51, 64, 74, 163, 210, 221, 224. А. В. Неклюдовъ: „Начало сношеній Россіи съ Турціей“ въ „Сборникѣ Моск. Главн. Арх. М. Ин. Д.“, вып. 3 и 4, стр. 11.

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 231—233.

³⁾ Тамъ же, стр. 233—234.

щеву¹⁾, тогда какъ Плещеевъ точнымъ исполненіемъ даннаго ему наказа, какъ держать себя въ Константинополѣ, возбудилъ тамъ противъ себя неудовольствіе, о чемъ московскій государь извѣщенъ былъ крымскимъ ханомъ.

Въ Константинополѣ, какъ видно изъ писемъ Менгли-Гирея къ Іоанну III, остались недовольны тѣмъ, что Плещеевъ отказался „отъ доброй чести и подчиванья“; паши, желая оказать московскому послу особенный почетъ, пригласили его до аудіенціи у султана на пиръ и рѣшили подарить ему платье и деньги. На приглашеніе пашей Плещеевъ отвѣтилъ: „мнѣ съ пашами рѣчи нѣтъ; язъ пашино платье не вдѣваю и даныхъ денегъ ихъ не хочу, съ салтаномъ мнѣ говорити...“²⁾, чѣмъ, по выраженію Менгли-Гирея, „невѣжество и непригожее дѣло учинилъ“³⁾. Посоль Іоанна III отказался отъ приглашенія пашей потому, что не въ обычаѣ было у московскихъ пословъ предъ аудіенціей у государя, къ которому они посылались, посѣщать сановниковъ его и вести съ ними переговоры о дѣлахъ посольства. У турокъ былъ иной обычай: иноземный посоль долженъ былъ сначала посѣтить великаго визиря, послѣ чего допускался къ султану. Вслѣдствіе такой разницы въ обычаяхъ возникали пререканія между московскими послами и великимъ визиремъ, которыя оканчивались уступкою со стороны первыхъ⁴⁾.

Плещеевъ остался доволенъ приемомъ, оказаннымъ ему въ Константинополѣ: онъ донесъ великому князю, что обоими султанами (турецкимъ и кафинскимъ) ему были оказаны „честь и жалованіе“⁵⁾.

Отправляя въ 1499 г. въ Кафу и Константинополь другого посла—Александра Голохвастова, Іоаннъ III предполагалъ, что въ Кафѣ или въ Константинополѣ будутъ жаловаться послу его на Плещеева. Въ такомъ случаѣ Голохвастовъ долженъ былъ отвѣчать, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 244—247.

²⁾ Тамъ же, стр. 264 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 285.

⁴⁾ И. Е. Забѣлина: „Русскія посольства въ Турцію въ XVII в.“ въ „Рус. Старинѣ“, 1877 г. сентябрь, стр. 19 и слѣд.

⁵⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 291 и 293.

„государь нашъ не велѣлъ своему послу никоторово лиха чинити; а тово государь нашъ не вѣдаетъ, которое будетъ непригожество посоль его учинилъ“¹⁾. Говоря о „непригожествахъ“ Плещеева Іоаннъ III имѣлъ въ виду отнюдь не стойкость Плещеева въ соблюденіи даннаго ему наказа, выразившуюся и въ отказѣ посѣтить нашей до аудіенціи у султана, но жалобы на Плещеева за то, что онъ выдавалъ товары бывшихъ съ нимъ купцовъ за принадлежашіе ему, дабы не платить пошлинъ²⁾.

Вслѣдствіе „непригожествъ“ Плещеева султаны отвѣтили Іоанну III грамотами, но посла своего не прислали³⁾.

Изъ грамотъ Менгли-Гирея не видно, чтобы въ Константинополѣ выражали неудовольствіе на то, что Плещеевъ во время аудіенціи у султана (если только эта аудіенція состоялась) держалъ себя не по-азіатски: поклонъ правилъ стоя, а на колѣни не становился. Плещеева, повидимому, не принуждали исполнить азіатскій посольскій обрядъ: московскій посоль не только не жалуется на оказанный ему пріемъ султанами, но доноситъ, что его приняли съ честью. Очевидно, въ Константинополѣ иначе отнеслись къ московскому послу, чѣмъ къ другимъ европейскимъ посламъ, которыхъ принуждали преклонять колѣни предъ султаномъ и подвергали иногда не только оскорбленіямъ, но и побоямъ⁴⁾. Султанъ, которому принадлежала инициатива въ завязавшихся дипломатическихъ сношеніяхъ Турціи съ московскимъ государствомъ, не смотря на „непригожества“ Плещеева, отозвался о немъ съ похвалой, не желая возбуждать противъ себя неудовольствіе московскаго государя.

Продолжая дипломатическія сношенія съ султанами кафинскимъ и константинопольскимъ, Іоаннъ III давалъ своимъ къ нимъ посламъ такіе же наказы, какъ и Плещееву. Въ этихъ наказахъ на первомъ планѣ стоитъ приказъ: „правити поклонъ стоя, а на колѣни не садитися“⁵⁾. И второй посоль Іоанна III къ султанамъ —

¹⁾ Тамъ же, стр. 282.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 265, 282, 285.

⁴⁾ Неклюдовъ, назв. статья, стр. 35—39.

⁵⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 282, 293, 398.

Александръ Голохвастовъ, отправленный изъ Москвы въ 1499 г., донесъ своему государю, что оба султана оказали ему „честь и жалованіе“ ¹⁾, третій же посолъ въ Турцію — Андрей Кутузовъ, удостоился похвалъ со стороны султана. Послѣдній въ грамотѣ къ Іоанну III называлъ Кутузова „добрымъ и умнымъ“ ²⁾.

Объ обрядѣ приема турецкихъ пословъ въ Москвѣ великимъ княземъ, на основаніи краткихъ описаній этихъ приемовъ, можно составить такое представленіе: турецкій посолъ передавалъ великому князю поклонъ отъ султана и подавалъ султанскую грамоту; по окончаніи аудіенціи посолъ приглашался великимъ княземъ къ столу, а послѣ стола послу посылался медъ. Послу давался отвѣтъ великаго князя чрезъ назначенныхъ для того лицъ, послѣ чего посолъ приглашался къ отпускнуой аудіенціи и великій князь наказывалъ ему передать его государю рѣчи, которыя были ему сказаны ³⁾.

Въ государствование Василия III, въ разное время, отправлено было нѣсколько посольствъ къ турецкому султану. Въ наказѣ перваго посла отъ Василия III читаемъ запрещеніе становиться на колѣни или бить челомъ въ землю предъ султаномъ. Посолъ долженъ былъ прежде всего передать султану поклонъ отъ великаго князя и поклониться, „руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по ихъ (турецкому) обычаю“. Послѣ поклона послу надлежало передать султану великокняжескіе подарки, затѣмъ вручить грамоту; послу было приказано не спрашивать султана о здоровьѣ его отъ имени великаго князя, въ случаѣ же, еслибы султанъ спросилъ посла о здоровьѣ его государя, посолъ долженъ былъ отвѣтить: „государь нашъ добръ здоровъ“ ⁴⁾. Василию Коробову, второму послу отъ Василия III къ султану, наказано было прежде всего передать султану поклонъ отъ великаго князя, затѣмъ спросить султана о здоровьѣ его отъ имени великаго князя, подать подарокъ, вѣрительную грамоту и изложить цѣль посольства ⁵⁾. Кромѣ того Коробову было наказано до

¹⁾ Тамъ же, стр. 291 и 294.

²⁾ Тамъ же, стр. 391.

³⁾ Тамъ же, стр. 283, 290, 292, 390, 395, 397.

⁴⁾ С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 84.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 106.

аудіенціи у султана не посѣщать пашей и не говорить съ ними о дѣлахъ посольства, а также не отправляться на аудіенцію, если султанъ одновременно съ московскимъ посломъ будетъ принимать какихъ либо другихъ иноземныхъ пословъ; предъ султаномъ Коробовъ долженъ былъ „поклонъ и посолство правити стоя, а на колѣни не садитись“ ¹⁾. Коробовымъ, которому данъ былъ такой наказъ, султанъ остался доволенъ. Въ грамотѣ къ Василию III султанъ называетъ Коробова „вѣрнымъ, знаменитымъ и ближнимъ слугою“ великаго князя и извѣщаетъ его, что Коробовъ „до царства ми дошедъ посольскій путь, какъ есть урядно по закону наполни доправилъ“ ... ²⁾.

Въ наказахъ послѣдующихъ московскихъ пословъ къ турецкому султану не находимъ приказанія не становиться на колѣни предъ султаномъ, должно быть потому, что въ Константинополѣ перестали принуждать къ этому московскихъ пословъ, дозволивъ имъ соблюдать европейскій посольскій обрядъ.

Въ 1517 г. посланъ былъ къ султану турецкому гонцомъ боярскій сынъ Степановъ, убитый татарами на пути въ Константинополь. Степанову наказано было передать султану отъ великаго князя поклонъ, подарокъ, грамоту и требовать аудіенціи у султана ³⁾. Въ 1519 г. отправленъ былъ къ султану бояринъ Борисъ Голохвастовъ, которому наказано было передать султану отъ великаго князя поклонъ, подарокъ, грамоту и произнести рѣчь, излагавшую цѣль посольства. Голохвастову велѣно было требовать аудіенціи у султана и до аудіенціи этой у пашей не быть, грамоты великокняжеской имъ не давать и о посольскихъ дѣлахъ съ ними не говорить ⁴⁾. Такой же наказъ данъ былъ боярскому сыну Василию Третьяку-Губину, посланному къ султану въ 1521 г., съ тѣмъ только отличіемъ, что Третьяку-Губину велѣно было уступить пашамъ въ томъ случаѣ, если они настойчиво будутъ требовать, чтобы онъ предъ аудіенціей у султана посѣтилъ ихъ; затѣмъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 110 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 236 и 237.

³⁾ Тамъ же, стр. 428—430.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 620—621.

Третьяку-Губину наказано было не соглашаться, чтобы султанъ вмѣстѣ съ нимъ принималъ другихъ пословъ ¹⁾.

Нѣтъ данныхъ для полного представленія обряда приема турецкихъ пословъ въ Москвѣ. Извѣстенъ только одинъ случай такого приема. Въ 1594 г. въ Москву прибылъ посолъ турецкаго султана грекъ Камаль. Къ Камалу, на пути его въ Москву, посланы были встрѣчники. По пріѣздѣ Камала въ Москву великимъ княземъ отправленъ былъ къ нему посланецъ, который спросилъ турецкаго посла о здоровьѣ султана и его самого. Когда Камаль явился во дворецъ на аудіенцію, выставлены были встрѣчники въ разныхъ мѣстахъ дворца на пути посла къ палатѣ, въ которой находился великій князь. Къ великому князю ввелъ—„явилъ“ посла князь Петръ ²⁾. Великій князь подаль послу руку для цѣлованія, послѣ чего велѣлъ послу сѣсть на скамьѣ, вблизи него находившейся. Посидѣвъ нѣкоторое время, Камаль передалъ великому князю султанскую грамоту и произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ цѣль своего посольства. Когда окончилась аудіенція Камаль былъ приглашенъ къ великокняжескому столу, послѣ котораго ему посланъ былъ медъ. Для переговоровъ съ Камаломъ, а переговоры эти велись въ великокняжескомъ дворцѣ, великій князь высылалъ бояръ. Послѣ переговоровъ съ боярами и нѣсколькихъ аудіенцій у великаго князя, Камалу назначена была отпускная аудіенція, на которой великій князь приказалъ послу передать поклонъ его султану, послу поданъ былъ медъ, писанные же отвѣты на рѣчи его вручены были ему на подворьѣ ³⁾.

Тотъ посольскій обрядъ, который предписывалось соблюдать московскимъ посламъ на аудіенціяхъ у турецкихъ султановъ, и который мы назвали европейскимъ, соблюдался московскими послами на аудіенціяхъ и у западныхъ европейскихъ государей. Читая указы московскихъ пословъ къ турецкимъ султанамъ, нельзя не замѣтить сходства этихъ наказовъ съ наказами тѣхъ пословъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 683—685 и 699.

²⁾ Князь Петръ, по прозванію Великій, изъ семейства Шестуновыхъ-Ярославскихъ (см. указатель личн. именъ къ 95 т. С. И. Р. И. Об., стр. 30.

³⁾ С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 96—102.

которые отправлялись изъ Москвы къ западнымъ европейскимъ государямъ.

Первое посольство отъ московскаго государя къ германскому императору состоялось въ 1489 г. Посломъ былъ отправленъ грекъ Юрій Траханиотъ, которому данъ былъ наказъ, какъ править посольство. Сравнимъ этотъ наказъ съ тѣмъ наказомъ, который данъ былъ въ 1496 г. первому московскому послу къ турецкому султану—Плещееву.

Наказъ Траханиоту:

„Первое, поклонѣ: Иоаннъ Великій Государь всеа Руси Твоему Величеству велѣлъ поклонитись. А опослѣ поклона о здоровіи въспросити: Государь всеа Руси Твое Свѣтлости велѣлъ здоровіе видѣти. А опослѣ того, за поминки поклонитися: Государь всеа Руси за поминки Твоей Высотѣ велѣлъ поклонитися. Да послѣ того поминки подати: Государь всеа Руси Твоей Свѣтлости поминается... (слѣдуетъ переченъ подарковъ). А опослѣ поминковъ подати грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ того рѣчь говорити ¹⁾.

Наказъ Плещееву:

„Первое, пришедъ, поклонѣ правити стоя, а на колѣни не садитися. Иоанъ, Божіею милостию государь всеа Руси и великій князь, велѣлъ тебѣ поклонитися. А опослѣ поклона поминки явити. А опослѣ поминковъ велитъ сѣсти, ино, поседѣвъ мало да вставъ, грамота подати вѣрющая. А се грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ грамоты рѣчь говорити ²⁾.

Плещееву, сравнительно съ Траханиотомъ, не было только наказано спросить султана о здоровьи и благодарить его за подарки. Такое различіе объясняется тѣмъ, что Траханиотъ былъ посланъ къ императору съ отвѣтомъ на его посольство и съ изъявленіемъ благодарности за присланные имъ подарки, посолъ же султана до Москвы не доѣхалъ; затѣмъ, вопросъ о здоровьи, предложенный московскимъ посломъ императору отъ имени Іоанна III, должно

¹⁾ „Пам. диплом. снош. др. Россіи съ державами иностран.“ I, 14—15.

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 232—233.

быть, вызванъ былъ такимъ же вопросомъ, предложеннымъ Іоанну III германскимъ посломъ отъ имени своего государя.

Вполнѣ сходнымъ съ вышеприведеннымъ наказомъ Траханиоту представляется наказъ, данный въ 1502 г. московскому послу, отправленному къ кафинскому правителю, сыну турецкаго султана: „первое, пришедъ, поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитись. А молвити: Іоаннъ, Б. м., государь всеа Руси и великій князь, велѣлъ твое здоровье видѣти. А опослѣ поклона поминки явити. А опослѣ поминковъ велить сѣсти; ино посидѣвъ мало да вставъ, грамота вѣрющая подати. А се грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ грамоты рѣчь говорити... (слѣдуетъ текстъ рѣчи) ¹⁾. Такой же наказъ данъ былъ послу Василя III, отправленному къ турецкому султану въ 1515 г. ²⁾.

Такимъ образомъ, московскіе послы получали указы держать себя предъ турецкимъ султаномъ такъ, какъ предъ германскимъ императоромъ. Ни Іоаннъ III, ни Василій III не признавали турецкаго посольскаго обряда. Тоже самое замѣчается и въ сношеніяхъ московскихъ государей съ персидскими шахами. И послѣдніе, подобно турецкимъ султанамъ, должны были принимать московскихъ пословъ такъ, какъ принимались послы европейскими государями. Московскіе послы, какъ при дворѣ турецкихъ султановъ, такъ и при дворѣ персидскихъ шаховъ, дѣйствуя по наказамъ государей своихъ, являются насадителями европейскаго посольскаго обряда.

Въ первомъ статейномъ спискѣ московскаго посланника Григорія Борисовича Васильчикова, отправленнаго къ персидскому шаху въ 1588 г., читаемъ наказъ, которымъ Васильчикову предписывалось править посольство на аудіенціи у шаха такъ, какъ московскіе послы и посланники правили посольства предъ европейскими государями. Посланникъ долженъ былъ передать шаху поклонъ отъ царя, спросить шаха о здоровьѣ его отъ имени царя же, подать шаху царскую грамоту, представить подарки и, наконецъ, произнести рѣчь ³⁾. Въ Персіи отъ грузинскаго посла Васильчи-

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 398—399.

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 106.

³⁾ „Памятн. дипл. и торг. снош. моск. Руси съ Персіей“ изд. проф. Н. И. Веселовскимъ, I, 4—5; въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Рус. Археол. Об.“, т. XX.

ковъ узналъ, что шахъ посламъ на аудіенціи давалъ цѣловать свою ногу. Смущенный такимъ обычаемъ, Васильчиковъ спросилъ о немъ персовъ, встрѣтившихъ его по приказанію шаха. Ему отвѣтили, что такой обычай издавна существуетъ въ Персіи, и что цѣловать ногу шаха удостоиваются послы только дружественныхъ государей, „а тебя“, говорили Васильчикову, „государь нашъ приметъ съ великою любовью для государя вашего братскіе любви, велитъ тебѣ быти у себя, и будешь у государя нашего у ноги“... Московскому послу такая честь не показалась честью: „то первая нелюбовь государя вашего ко государю нашему“, сказалъ онъ, „что мнѣ, пришедъ отъ великого государя своего и быть у государя вашего у ноги, язъ того и слухомъ не слыхалъ, что государя нашего посломъ и посланникомъ государей въ ногу целовать“. Онъ указалъ на приемы, которые оказывались московскими царями посламъ и посланникамъ христіанскихъ и мусульманскихъ государей: посламъ и посланникамъ первыхъ цари давали цѣловать руку, на пословъ вторыхъ возлагали ее; также и московскимъ посламъ и посланникамъ христіанскіе государи давали руку для цѣлованія, а мусульманскіе государи возлагали на нихъ руку, „а того нигдѣ не слыхано“, добавилъ московскій посолъ, „что въ ногу целовать“. Въ доказательство словъ своихъ онъ сослался на персидскаго посланника, который былъ въ Москвѣ и зналъ, что царь „никоторыхъ великихъ государей посломъ и посланникомъ *такіе почестивости и жалованья* никому не показалъ“... Отказываясь поцѣловать на аудіенціи ногу шаха, Васильчиковъ не согласился выѣхать на встрѣчу шаху и передать ему царскіе грамоты и подарки въ то время, когда шахъ сидѣлъ бы на конѣ. Ему замѣтили: „ты пріѣхалъ въ государство государя нашего и тобѣ дѣлать не по своей воле, по государя нашего воле; а обычаевъ тебѣ въ чужой землѣ не уставить“... ¹⁾). Но московскій посланникъ, ссылавшійся на посольскій обрядъ, практиковавшійся въ то время при дворахъ европейскихъ, упорно отказывался отступить отъ даннаго ему наказа и подчиниться обычаю приѣма пословъ персидскими шахами. Настойчивость его увѣнчалась успѣхомъ, онъ былъ принятъ шахомъ такъ, какъ желалъ: шахъ принялъ его въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 83—86.

шатрѣ и, вмѣсто того, чтобы дать цѣловать свою ногу, возложилъ руку на московскаго посла ¹⁾. Тоже было и на отпускной аудіенціи, данной шахомъ Васильчикову ²⁾. Подобно Васильчикову правилъ посольство предъ шахомъ и другой посланникъ царя Федора Иоанновича—князь Звенигородскій; и онъ отказался цѣловать ногу шаха ³⁾. Такой же наказъ получилъ князь Тюфякинъ, отправленный изъ Москвы посланникомъ къ персидскому шаху въ 1595 г. ⁴⁾.

Соблюдая особый посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ съ крымскими ханами только по отношенію къ послѣднимъ, московскіе государи наказывали своимъ посламъ и посланникамъ, отправляемымъ къ турецкому султану и персидскому шаху, держать себя на аудіенціяхъ у нихъ такъ же, какъ предъ европейскими государами.

Наказы первыхъ московскихъ пословъ къ императору и турецкому султану, сходные между собою, подобны наказу, который былъ данъ въ 1488 г. Михаилу Еропкину, послу Іоанна III къ польскому королю Казимиру. Вотъ этотъ первый, извѣстный намъ, наказъ: „Первое поклонъ правити королю: Государь нашъ князь велики Иванъ Васильевичъ велѣлъ тобѣ поколонитися. Да королевичемъ отъ великого князя, которые тутъ будутъ у короля. А послѣ того подати грамота вѣрующая... А послѣ того рѣчь правити...“ ⁵⁾ Еропкину не было только наказано спросить польскаго короля о здоровьѣ его. Посольство Еропкина было отвѣтнымъ на посольство князя Мосальскаго, присланнаго въ Москву королемъ Казиміромъ въ 1487 г. Какъ правилъ посольство польскій посолъ предъ Іоанномъ III, неизвѣстно, потому что не достаетъ первыхъ двухъ листовъ описанія этого посольства въ посольскихъ книгахъ польскаго двора. Въ 1488 г. король отправилъ въ Москву посломъ того же князя Мосальскаго, который былъ въ качествѣ посла въ Москвѣ въ 1487 г. Пра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 87.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

³⁾ Тамъ же, стр. 258—259, 279—281.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 344—347. Подобный же наказъ относительно церемоніала аудіенціи данъ былъ посламъ царя Алексѣя Михайловича, отправленнымъ въ Индію (проф. Уляницкаго „Сношенія Россіи съ Индіей и средней Азіей“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“, 1888 г. кн. 3, стр. 29).

⁵⁾ С. И. Р. И. Об. 35, стр. 6.

вилъ Мосальскій въ этотъ разъ посольство предъ Іоанномъ III слѣдующимъ образомъ: „первое поклонъ правилъ великому князю отъ короля, а отъ королевичевъ челобитье правилъ великому князю; а послѣ того подалъ листъ вѣрющий... А послѣ того рѣчь правилъ...“ ¹⁾. Нѣтъ данныхъ думать, что Мосальскій иначе правилъ посольство свое въ 1487 г. Редакторъ I т. „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ польско-литовскимъ приводитъ описаніе посольства Мосальскаго къ Іоанну III въ 1487 г., находящееся въ „Выпискѣ изъ посольскихъ книгъ“ польскаго двора. Въ этой „Выпискѣ“ читаемъ, что Мосальскій „на посолствѣ правилъ великому князю отъ короля поклонъ, а отъ королевичевъ... челобитье“, послѣ чего, какъ можно заключить изъ описанія „Выписки“, польскій посолъ подалъ великому князю вѣрительную грамоту и произнесъ рѣчь, излагавшую цѣль посольства ²⁾. „Выписка“ излагаетъ посольство Мосальскаго такъ, какъ правилось оно посломъ: послѣдній передалъ поклонъ отъ короля великому князю, вручилъ ему вѣрительную грамоту и изложилъ въ рѣчи цѣль посольства. Такъ правилъ посольство тотъ же Мосальскій предъ Іоанномъ III и въ 1488 г., такъ же правилъ посольство предъ польскимъ королемъ въ томъ же 1488 г. посолъ Іоанна III Михаилъ Еропкинъ:

Посольство Еропкина къ королю Казимиру 1 января 1488 г.: „Первое поклонъ правити королю: Государь нашъ князь велики Иванъ Васильевичъ велѣлъ тобѣ поклонитися. Да королевичемъ отъ великаго князя, которые тутъ будутъ у короля. А послѣ того подати грамота вѣрющая... А послѣ того рѣчь правити...“ ³⁾.

Посольство Мосальскаго къ Іоанну III 18 марта 1488 г.: „Первое поклонъ правилъ великому князю отъ короля, а отъ королевичевъ челобитье правилъ великому князю; а послѣ того подалъ листъ вѣрющий... А послѣ того рѣчь правилъ...“ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 14.

²⁾ Тамъ же, стр. 1, прим.

³⁾ Тамъ же, стр. 6.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 14.

Какъ польскій посолъ не спросилъ Іоанна III отъ имени короля о здоровьѣ и не передалъ ему подарковъ отъ короля же, такъ и московскій посолъ не получилъ наказа спросить короля о здоровьѣ отъ имени своего государя и не привезъ подарковъ отъ него.

Въ 1487 г. Мосальскому далъ отвѣтъ на его рѣчи посольскія окольничій Плещеевъ, великій же князь, отпуская посла, велѣлъ ему передать королю и королевичамъ поклонъ ¹⁾. Еропкинъ, отправленный великимъ княземъ въ качествѣ посла къ королю въ 1488 г., выслушалъ отвѣтъ на посольскія рѣчи отъ короля, но послѣдній поклону къ великому князю не передалъ ²⁾. Іоаннъ III, въ томъ же 1488 г. отпуская Мосальскаго, самъ передалъ ему отвѣтъ на его посольскія рѣчи, но поклону къ королю въ этотъ разъ не передалъ ³⁾. Наказывая своему послу такъ править посольство предъ польскимъ королемъ, какъ посолъ послѣдняго правилъ посольство предъ нимъ, Іоаннъ III оказывалъ польскимъ посламъ такой же пріемъ, какой оказывался московскимъ посламъ при дворѣ короля. Тоже соблюдалось и въ сношеніяхъ съ германскими императорами.

Въ посольской книгѣ, содержащей въ себѣ описаніе сношеній Іоанна III съ германскимъ императоромъ, не достаетъ начала, заключающаго въ себѣ изложеніе посольства рыцаря Поппеля отъ императора къ Іоанну III въ 1488 г. Сохранился только конецъ грамоты императора, написанной къ Іоанну III ⁴⁾. Грамота эта, судя по концу ея, въ которомъ рѣчь идетъ о Поппелѣ, была вѣрительной которую Поппель вручилъ Іоанну III. Послѣ конца вѣрительной грамоты въ посольской книгѣ снова слѣдуетъ пропускъ въ описаніи посольства Поппеля: не достаетъ описанія аудіенціи, данной германскому послу великимъ княземъ. Прекращается пропускъ изложеніемъ рѣчей, которыя Поппель говорилъ великому князю. Попытаемся возстановить пропускъ. Изъ того, что Іоаннъ III, отправляя своего посла Траханіота къ императору, на-

¹⁾ Тамъ же, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 12.

³⁾ Тамъ же, стр. 17.

⁴⁾ „Пам. дипл. снош. древн. Россіи съ державами иностран.“ I, 1.

казаль благодарить послѣдняго за подарки, видно, что Поппель поднесъ на первой аудіенціи Іоанну III подарокъ отъ императора, что подтверждается словами вѣрительной грамоты Іоанна III, которую Траханіотъ долженъ былъ вручить императору: „...посоль твой Николай Поппель, рицеръ двора вацего и листъ намъ вѣрющій отъ Твоей Высоты подаль съ дары Вашіе Свѣтлости“... ¹⁾). Слѣдовательно, Поппель на аудіенціи подаль Іоанну III вѣрительную грамоту, подарокъ и изложилъ цѣль своего посольства. Можно думать, что Поппель еще передалъ Іоанну III во время аудіенціи поклонъ отъ императора, потому что Траханіотъ получилъ наказъ передать императору поклонъ отъ великаго князя. Такое предположеніе возможно потому, что московскіе государи остерегались оказывать иноземнымъ государямъ большій почетъ сравнительно съ тѣмъ, какой оказывался имъ со стороны послѣднихъ. Отправляя, напр., въ 1492 г. пословъ своихъ къ королю римскому Максимилиану, Іоаннъ III приказаль имъ не передавать королю поклоновъ отъ него, великой княгини и сына ихъ Василія „того дѣля, что королевъ посоль Юрьи Великому Князю и Великой Княгинѣ поклона не правилъ“... ²⁾). Возможно поэтому, что Траханіотъ получилъ отъ Іоанна III наказъ править посольство предъ германскимъ императоромъ такъ, какъ Поппель правилъ посольство въ Москвѣ предъ великимъ княземъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что на аудіенціи Поппель передалъ Іоанну III поклонъ отъ императора, отъ имени послѣдняго спросилъ его о здоровьѣ, передалъ ему императорскіе подарки и вѣрительную грамоту, послѣ чего изложилъ въ рѣчи цѣль посольства.

Вмѣстѣ съ Траханіотомъ въ Москву пріѣхаль въ 1490 г. посоль отъ короля римскаго, сына германскаго императора Фридриха III, Георгъ фонъ-Турнъ, въ записяхъ посольской книги именуемый Юрьемъ Деляторомъ. Доѣхавъ съ фонъ-Турномъ до Новгорода, Траханіотъ поспѣшилъ въ Москву съ цѣлью опередить королевскаго посла. Великому князю Траханіотъ донесъ, что императоръ и сынъ его король оказали ему „великую честь“: на аудіенціяхъ императоръ и король „сами встрѣчали его, съступивъ съ

¹⁾ Тамъ же, 15.

²⁾ Тамъ же, 82.

своего мѣста ступени три, четыре, да руку подавали стоя“; на первой аудіенціи императоръ, по словамъ Траханіота, „посадить его противъ себя на скамейкѣ близко, а опослѣ того сажалъ его всегда подлѣ себя“. На встрѣчу ему, доносилъ Траханіотъ, императоромъ были посланы „бояре... версть и за пять и за шесть отъ того города, гдѣ его (императора) наѣхалъ (Траханіотъ); а встрѣчалъ его Цесарь и садилъ у себя и честь ему чинилъ по тому жъ, какъ и сынъ его Максиміанъ Король“. Непосредственно за этимъ донесеніемъ Траханіота о почетномъ приѣмѣ, оказанномъ ему императоромъ и сыномъ его, въ посольской книгѣ записано: „и Князь Великій послалъ противъ Максиміанова посла Юрья Хозюка Повадина съ коньми на усть Шоши къ Волзѣ. И Хозюкъ его встрѣтилъ въ Клинѣ“... Затѣмъ, въ описаніи аудіенціи фонъ-Турна, данной послѣднему великимъ княземъ, сказано, что въ отвѣтъ на переданный посломъ поклонъ отъ короля великій князь всталъ и спросилъ посла о здоровьѣ короля, стоя подаль руку послу и велѣлъ ему сѣсть „на скамейкѣ противу себя близко“...¹⁾. Когда фонъ-Турнъ явился къ великому князю во второй разъ, „Князь Великій, съступивъ съ своего мѣста, да подаль ему руку; да велѣлъ ему сѣсти на скамейкѣ противъ себя“...²⁾. Очевидно, Іоаннъ III принималъ фонъ-Турна такъ, какъ его посла принимали императоръ и сынъ его, и отчетъ Траханіота объ оказанномъ ему со стороны послѣднихъ приѣмѣ вставленъ въ описаніе приѣма фонъ-Турна потому, что при приѣмѣ послѣдняго руководствовались тѣмъ, какъ принять былъ Траханіотъ, который, повидимому, по приказанію великаго князя опередилъ фонъ-Турна вслѣдствіе того, что великій князь желалъ принять королевскаго посла сообразно съ тѣмъ, какъ принять былъ его посоль.

Послѣ первой аудіенціи фонъ-Турнъ обѣдалъ у великаго князя, а послѣ обѣда на подворье къ нему посланъ былъ окольничій съ медомъ и виномъ „чтити его“. По окончаніи переговоровъ съ посломъ великій князь далъ ему отпускную аудіенцію и отвѣтъ на сдѣланныя имъ предложенія отъ имени короля, наказавъ передать свой поклонъ его государю³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 24—26.

²⁾ Тамъ же, 27.

³⁾ Тамъ же, 31, 33 и 34.

Посольство фонъ-Турна выдѣляется изъ ряда другихъ посольствъ въ Москву тѣмъ, что фонъ-Турнъ принять былъ вел. кн. Софьей. Быть можетъ, фонъ-Турнъ удостоился этой аудіенціи потому, что явился въ Москву и по такому дѣлу, которое касалось Софьи не менѣе, чѣмъ супруга ея: фонъ-Турну король Максиміанъ поручилъ спросить великаго князя, не выдастъ ли онъ свою дочь за него. Когда къ Іоанну III явились послы отъ великаго князя литовскаго Александра съ предложеніемъ руки его великой княжнѣ Еленѣ Іоанновнѣ, пословъ принимала и вел. кн. Софья ¹⁾.

Іоаннъ III, желавшій занять среди европейскихъ государей мѣсто, соотвѣтствовавшее достоинству его, какъ государя независимаго, обращалъ большое вниманіе на ту честь, которую оказывали ему въ лицѣ его пословъ европейскіе государи. Такъ какъ отношенія московскаго государя къ государямъ западной Европы основаны были на иныхъ началахъ, чѣмъ отношенія къ татарскимъ ханамъ, Іоаннъ III не могъ соблюдать татарскій посольскій обрядъ въ сношеніяхъ съ западной Европой. Не желая предъ государями ея унижаться, но за честь воздавая честью, Іоаннъ III принимаетъ пословъ ихъ такъ, какъ они принимаютъ его пословъ. Такимъ путемъ созидался новый посольскій обрядъ, основанный на братствѣ и равенствѣ государей между собою; отличаясь другъ отъ друга степенью могущества, государи эти были равны между собою, какъ независимые отъ какой либо земной власти. Такія отношенія между государями, выражавшіеся въ посольскомъ обрядѣ, извѣстны были въ Москвѣ. За годъ до появленія императорскаго посла въ

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 117. Аудіенція фонъ-Турна у великой княгини описана въ посольской книгѣ кратко: „правиль великой княгинѣ отъ Максиміана короля поклонъ. Да и поминки подалъ великой княгинѣ птицу папгаль (попугай?), да сукно сѣро“ („Пам. дипл. сн. др. Р.“, I, 30). Послѣ отпусной аудіенціи у великаго князя фонъ-Турнъ отправился въ покои великой княгини, но послѣдняя не приняла его по болѣзни. Отъ имени вел. княгини посла встрѣилъ и „къ королю Максиміану приказалъ поклонъ Дмитрей Грекъ Старой. Да за поминки отъ великіе княгини королю велѣлъ поклониться...“ (тамъ же, 34).

Объ аудіенціяхъ у великой княгини Софьи пословъ германскихъ императоровъ и королей послѣ фонъ-Турна „Памятники дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ римскою имперіею умалчиваютъ.

Москвѣ видимъ тамъ посла польскаго короля; посолъ этотъ, посольство котораго является первымъ записаннымъ въ посольской книгѣ, пріѣхалъ въ Москву съ требованіемъ управы на московскихъ служебныхъ князей, нападавшихъ на пограничныя области и грабившихъ ихъ. Въ началѣ слѣдующаго 1488 г. видимъ московскаго посла въ Польшѣ; на жалобы польскаго короля онъ отвѣчаетъ, что не московскіе пограничныя князья, но литовскіе разоряютъ московскія волости ¹⁾. При такомъ положеніи дѣлъ отношенія между московскимъ государемъ и польскимъ королемъ не могли отличаться дружественнымъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ III стремился присоединить къ московскому государству русскія земли, вошедшія въ составъ литовскаго государства, но отношенія эти, при враждебности ихъ, были отношеніями равнаго къ равному. Это равенство выражалось въ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ между московскимъ и польскимъ государями. Польша, не отрѣзанная отъ западной Европы, имѣвшая съ нею сношенія, была знакома съ посольскимъ обрядомъ, который практиковался въ государствахъ западно-европейскихъ, и съ этимъ обрядомъ знакомъ былъ московскій государь, бывшій въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ.

Отправляя во второй разъ въ 1490 г. своихъ пословъ къ королю римскому, Іоаннъ III далъ имъ такой же наказъ править посольство, какой былъ данъ первому московскому послу къ императору германскому и къ королю римскому ²⁾. Только въ этотъ, второй, разъ вмѣстѣ съ Траханіотомъ былъ отправленъ въ качествѣ второго посла дьякъ Василій Кулешинъ. Онъ долженъ былъ на первой аудіенціи передать королю поклонъ и благодарность великой княгини за присланные ей подарки, спросить короля о здоровьѣ отъ имени великой княгини и передать ему ея подарки. Исполняя миссію посла великой княгини, Кулешинъ имѣлъ наказъ говорить королю рѣчи отъ великаго князя попеременно съ Траханіотомъ ³⁾. Пріѣхавшему въ 1492 г. въ Москву послу римскаго короля Максимилиана фонъ-Турну, который былъ въ Москвѣ въ

¹⁾ С. И. Р. Об. т. 35, №№ 1 и 2.

²⁾ „Пам. дипл. сн. др. Россіи“ I, 16 и 34—35.

³⁾ Тамъ же, 35—36.

1490 г. въ качествѣ посла Максимилиана, оказанъ былъ такой же приемъ, какъ и въ первый его прїѣздъ: къ нему былъ назначенъ тотъ же приставъ Иванъ Берсень, который находился при немъ въ 1490 г. и который посла „стрѣчалъ по тому жъ, какъ напередъ того“, т. е. въ 1490 г. Когда посолье явился на аудіенцію, великій князь „вставалъ противъ его и читилъ его по тому жъ, какъ напередъ того“ ¹⁾).

Такъ образовались основныя черты московскаго посольскаго обряда на почвѣ сношеній московскаго государства съ западной Европой. Этотъ посольскій обрядъ, назовемъ его европейскимъ, не вмѣщалъ въ себѣ чертъ того обряда, который соблюдался въ Москвѣ при приемахъ пословъ крымскаго хана и на аудіенціяхъ у послѣдняго московскихъ пословъ. Посольскій обрядъ, въ противоположность азіатскому не унижавшій въ лицѣ посла посланшаго его, на столько воспринятъ былъ московскими государями, что соблюденія его они требовали въ сношеніяхъ съ турецкими султанами, персидскими и индѣйскими шахами ²⁾).

Первый подробный статейный списокъ московскихъ пословъ къ императору германскому относится къ 1518 г. Въ этомъ году былъ отправленъ къ императору въ качествѣ посла дьякъ Владиміръ Племянниковъ. Въ своемъ отчетѣ Племянниковъ подробно описалъ приемъ, оказанный ему при дворѣ императорскомъ. За полъ версты отъ Инспрука, на встрѣчу ему, императоромъ были посланы: „маршалокъ дверной цесаревъ“, Сигизмундъ Герберштейнъ (прїѣхавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ Племянниковымъ), докторъ Павелъ и съ ними „многіе люди“. Докторъ Павелъ представилъ Племянникову встрѣчавшихъ его лицъ, спросилъ его о здоровьѣ великаго князя и освѣдомился о благополучіи путешествія посла. Послѣ отвѣта Племянникова московское посольство вмѣстѣ съ встрѣтившими его лицами отправилось въ городъ. Племянниковъ въ своемъ отчетѣ отмѣчаетъ, что „маршалокъ ѣхалъ у Володимера (т. е. у него) съ правую сторону, а докторъ Павелъ съ лѣвую, а Истома (толмачъ) ѣхалъ за Володимеромъ, а съ нимъ

¹⁾ Тамъ же, 69.

²⁾ Московскіе государи наказывали своимъ посламъ, отправляемымъ къ римскимъ папамъ, не цѣловать ихъ въ ногу; въ этомъ они могли видѣть черту восточнаго посольскаго обряда („Пам. дипл. сн.“ IV, 792 и VIII, 680).

ѣхалъ Жигимонтъ; и проводили Володимера до подворія¹⁾. Приглашать Племянникова на аудіенцію къ императору явилось нѣсколько лицъ, которыя и проводили его во дворецъ (Племянниковъ записалъ, кто изъ нихъ и по какую сторону отъ него и толмача ѣхалъ къ императорскому дворцу). У лѣстницы, ведущей во дворецъ, Племянниковъ и сопровождавшіе его сошли съ коней. На верху лѣстницы Племянниковъ былъ встрѣченъ императорскимъ маршалкомъ. Войдя въ залу, гдѣ находился императоръ, Племянниковъ съ толмачомъ, по приглашенію императора, подошли къ рукѣ его „и Володимеръ Цесарю Великого Государя здоровье сказалъ, и Цесаря о его здоровьи спросилъ, и Цесарь къ Великому Князю имени шапку снималъ; и Володимеръ грамоту подалъ, и Цесарь самъ сѣлъ, а Володимеру да Истомѣ велѣлъ сѣсти же“. Отъ имени императора „бискупъ Тергинскій Петръ“ сказалъ Племянникову, что императоръ радъ слышать о здоровьи великаго князя и съ любовью къ нему принимаетъ грамоту его. По приказанію императора Племянниковъ произнесъ рѣчь, излагавшую дѣлъ посольства, сидя и въ шапкѣ, толмачъ же его, хотя также получилъ приказаніе сидѣть, переводилъ рѣчь стоя. Выслушавъ Племянникова, императоръ велѣлъ тому же епископу Петру выразить его сожалѣніе, что великій князь, несмотря на всѣ его усилія, не помирился съ польскимъ королемъ. Племянниковъ хотѣлъ вручить списокъ рѣчи, произнесенной имъ, но ему сказали, что списокъ этотъ возьмутъ у него послѣ. Затѣмъ, императоръ, вставъ „и съ мѣста сступивъ“, подозвалъ къ себѣ Племянникова съ его толмачомъ и спросилъ, снявъ шляпу, о здоровьи великаго князя. Послѣ отвѣта Племянникова императоръ сказалъ, что великій князь приглашалъ посла его Герберштейна на охоту „и въ великой чти держалъ“, и что въ благодарность за это и онъ, императоръ, приглашаетъ Племянникова на охоту и намѣренъ подарить великому князю и его послу охотничьихъ собакъ или что либо иное, что будетъ угодно великому князю. Сказавъ это, императоръ сѣлъ, велѣвъ сѣсть Племянникову и толмачу, послѣ чего отпустилъ ихъ на подворье, гдѣ с остановились, и куда ихъ проводили тѣ же лица, которыя прі жали приглашать ихъ на аудіенцію ¹⁾. Переговоры съ московски

¹⁾ Тамъ же, 343 и слѣд.

посломъ вели у него на подворьѣ назначенныя для того императоромъ лица. По окончаніи переговоровъ къ послу пріѣхали докторъ Павель и Герберштейнъ съ приглашеніемъ на аудіенцію. Посоль и толмачъ отправились вмѣстѣ съ ними къ императору. Представъ предъ нимъ, они, по приглашенію его, сѣли и выслушали рѣчь, которую имъ произнесъ тотъ же епископъ Петръ по приказанію императора. Послѣ этого императоръ спросилъ посла, не имѣетъ ли онъ еще что либо передать ему. Когда посоль далъ отрицательный отвѣтъ, докторъ Павель вручилъ ему императорскую грамоту къ великому князю, императоръ же всталъ, снялъ шляпу и, обратившись къ послу, велѣлъ передать его благопожеланія великому князю. Этимъ закончилась аудіенція. Тѣ же лица, съ которыми московскій посоль явился на аудіенцію, сопутствовали ему до его подворья ¹⁾.

Вмѣстѣ съ Племянниковымъ въ Москву отправились послы императора.

Въ посольской книгѣ, непосредственно за отчетомъ Племянникова, слѣдуетъ описаніе приѣма, оказаннаго въ Москвѣ императорскому посольству. Когда въ Москвѣ была получена вѣсть, что ѣдетъ императорское посольство, великій князь назначилъ приставовъ къ имѣвшимъ прибыть въ Москву посламъ и квартиры, гдѣ посольство должно было размѣститься. Въ приставы къ императорскимъ посламъ назначенъ былъ и Племянниковъ, какъ знакомый съ церемоніей встрѣчи посольства въ Германіи. Послѣ описанія этихъ предварительныхъ распоряженій великаго князя въ посольской книгѣ помѣщенъ отчетъ Племянникова и толмача его о встрѣчѣ, которая была имъ оказана по приказанію императора предъ Инспрукомъ. Непосредственно за этимъ отчетомъ слѣдуетъ описаніе встрѣчи, оказанной императорскимъ посламъ подъ Москвою ²⁾. Очевидно, что когда императорскіе послы приблизились къ Москвѣ и возникъ вопросъ, какъ встрѣтить ихъ, рѣшено было сообразоваться съ тою встрѣчею, которая была оказана Племянникову. И дѣйствительно, императорское посольство подъ Москвою было встрѣчено подобно тому, какъ Племянниковъ и Истома встрѣ-

¹⁾ Тамъ же, 352.

²⁾ Тамъ же, 356.

чены были предъ Инспрукомъ: одинъ изъ московскихъ встрѣчниковъ назвалъ посламъ лицъ, явившихся по приказанію великаго князя для встрѣчи ихъ, другой—спросилъ ихъ отъ имени великаго князя о здоровьѣ императора, третій—спросилъ пословъ, благополучно ли они совершили свой путь и отрекомендовался какъ приставъ ихъ, обязанный водворить ихъ на подворьѣ и доставлять имъ все необходимое для нихъ. Встрѣчники провожали пословъ до подворья ихъ ¹⁾. То же самое происходило и у Инспрука при встрѣчѣ Племянникова, съ тѣмъ только отличіемъ, что одинъ изъ встрѣчниковъ—докторъ Павель—и представлялъ московскому послу себя и другихъ двухъ встрѣчниковъ и спрашивалъ его о здоровьѣ великаго князя и о путешествіи посольства, трое же московскихъ встрѣчниковъ говорили то же самое и задавали тѣ же самые вопросы поочередно ²⁾. Кромѣ указаннаго есть еще одно отличіе: подъ Москвою Племянниковъ опередилъ встрѣчниковъ и объявилъ императорскимъ посламъ, что для встрѣчи ихъ „послалъ Великій Государь своихъ великихъ людей“ (князя Ивана Кубенскаго, Шигону Поджогина и Ѳедора Борисова), отчетъ же Племянникова умалчиваетъ о такомъ предупрежденіи посольства о готовящейся ему встрѣчѣ ³⁾. Къ императорскимъ посламъ, извѣщеннымъ чрезъ пристава о времени аудіенціи у великаго князя, явились тѣ же лица, которыя встрѣчали ихъ подъ Москвою (князь Кубенскій, Шигона Поджогинъ и Ѳедоръ Борисовъ); каждый изъ нихъ ѣхалъ во дворецъ съ однимъ изъ членовъ посольства. При послѣднихъ находился и Племянниковъ, котораго точно также сопровождали на аудіенцію къ императору Герберштейнъ и еще двое лицъ. Посламъ были устроены двѣ встрѣчи: одна у паперти Благовѣщенскаго собора, другая же на верхнемъ крыльцѣ дворца. Послѣдняя встрѣча ввела пословъ къ великому князю и представила ему ихъ. Одинъ изъ пословъ подалъ великому князю вѣрительную грамоту, произнесъ рѣчь и предъявилъ письменное изложеніе ея ⁴⁾; въ рѣчи

¹⁾ Тамъ же, 357 и слѣд.

²⁾ Сравни. 347.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Такое же письменное изложеніе рѣчи своей, сказанной на аудіенціи у императора, подавалъ и Племянниковъ (тамъ же, 346).

своей императорскій посолье „правиль Великому Князю отъ Максимиана поздравленіе“. Великій князь велѣлъ посламъ сѣсть близъ себя на скамейкѣ и пригласилъ ихъ къ столу, послѣ чего велѣлъ имъ отправиться въ другую палату, гдѣ они должны были изложить цѣль своего посольства назначеннымъ для того боярамъ и дьякамъ ¹⁾.

Первое обстоятельное описаніе иностранцемъ обряда приема пословъ въ Москвѣ принадлежитъ барону Сигизмунду Герберштейну, дважды пріѣзжавшему въ Москву въ качествѣ посла: въ 1517 г. отъ императора германскаго Максимилиана и въ 1526 г. отъ брата императора Карла V—эрцгерцога Фердинанда—вмѣстѣ съ посломъ Карла V—графомъ Нугаролемъ. Въ своемъ описаніи Герберштейнъ не отмѣчаетъ какого либо различія въ приемахъ, оказанныхъ ему въ 1517 и 1526 гг., но рисуетъ одну картину приема и обхождения съ нимъ въ Москвѣ.

Подѣлжая къ границамъ московскаго государства, посолье, говоритъ Герберштейнъ, даетъ знать начальнику ближайшаго московскаго города о своемъ пріѣздѣ. Начальникъ города, собравъ свѣдѣнія о прибывшемъ послѣ, высылаетъ для встрѣчи и сопровожденія его чиновника со свитою, принимая во вниманіе не только достоинство государя, представителемъ котораго являлся посолье, но и самого посла. Всѣ свѣдѣнія о послѣ немедленно отсылались въ Москву. Встрѣчу, оказанную посольству у московской границы, Герберштейнъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: посланный встрѣтить посольство отправилъ гонца извѣстить пословъ, что приближается „большой (т. е. сановный) человекъ“, который приметъ ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Пріѣхавъ къ этому мѣсту, „большой человекъ“ сталъ, чтобы посольство приблизилось къ нему. Когда посольство подѣхало къ „большому человеку“, послѣдній чрезъ гонца потребовалъ, чтобы члены посольства сошли съ лошадей и вышли съ повозокъ, потому что нельзя слушать слова отъ имени великаго князя сидя. Оберегая честь своего государя, „большой человекъ“ тщательно наблюдалъ, чтобы послы сошли съ лошадей прежде него. Герберштейнъ рассказываетъ, что въ первый его пріѣздъ въ предѣлы московскаго государства онъ заявилъ встрѣтившему

¹⁾ Тамъ же, 358 и слѣд.

его подъ Москвою, что вслѣдствіе усталости не можетъ сойти съ коня и предложилъ выполнитъ весь церемоніаль встрѣчи, не сходя съ лошадей, но московскій встрѣчникъ былъ неумолимъ. Тогда Герберштейнъ, замѣтивъ, что встрѣчникъ не хотѣлъ сойти первымъ съ коня, опасаясь этимъ унизить честь своего государя, сказалъ, что сойдетъ на землю, но только въ томъ случаѣ, если встрѣтившій его сдѣлаетъ тоже прежде него. Видя, говоритъ Герберштейнъ, что они такъ высоко цѣнятъ это, я самъ не хотѣлъ унижить моего государя и уменьшить его значеніе. Когда московскій встрѣчникъ отказался исполнить требованіе Герберштейна, послѣдній, желая положить конецъ возникшимъ пререканіямъ, прибѣгнувъ къ хитрости: вынулъ ногу изъ стремени, какъ бы въ намѣреніи сойти, что замѣтивъ, соскочилъ съ коня встрѣчникъ, послѣ чего, къ не малому его огорченію, сошелъ на землю Герберштейнъ. Обрядъ встрѣчи иноземнаго посла у границы заключался въ слѣдующемъ: „большой человекъ“ съ непокрытою головою говорилъ, что государевъ намѣстникъ и воевода послалъ его встрѣтить посла и проводить его въ городъ, и отъ имени намѣстника спрашивалъ посла, благополучно ли онъ совершилъ свой путь. Затѣмъ, встрѣчникъ протягивалъ послу руку, наблюдая, чтобы тотъ обнажилъ голову, и спрашивалъ его на этотъ разъ отъ себя, благополучно ли онъ ѣхалъ, послѣ чего давалъ знакъ ѣхать далѣе, по дорогѣ распрашивая о послѣ и его свитѣ. Всѣ эти свѣдѣнія отсылались немедленно въ Москву. Далѣе на пути посла встрѣчалъ кто либо изъ служилыхъ людей и объявлялъ, что намѣстникъ поручилъ ему доставлять для посольства все необходимое. За полъ мили отъ Москвы посольству готовилась новая встрѣча. О ней послы были извѣщены чрезъ дьяка, который сказалъ имъ, что они должны выслушать рѣчи встрѣчниковъ стоя. Когда посольство приблизилось къ ожидавшимъ его встрѣчивамъ, послѣдніе сошли съ лошадей, что сдѣлали и члены посольства. Одинъ изъ встрѣчавшихъ сказалъ посламъ, что выѣхали они къ нимъ на встрѣчу по приказанію государя, и спросилъ отъ имени его о здоровьѣ императора и эрцгерцога. Другой—объявилъ графу Нугоролю, что великій князь приказалъ ему встрѣтить его, проводить до назначенной ему квартиры и доставлять все для него нужное. Третій изъ встрѣчавшихъ то же самое передалъ Гербер-

штейну. Затѣмъ, первый встрѣчникъ спросилъ графа Нугороля отъ имени великаго князя, а второй Герберштейна, благополучно ли они совершили свое путешествіе, послѣ чего сказали, что государь прислалъ имъ осѣдланныхъ коней изъ своей конюшни. Когда послы изъяснили имъ свою благодарность, они подали имъ руки и спросили ихъ отъ себя, благополучно ли они ѣхали. Послѣ этого послы сѣли на подаренныхъ имъ лошадей и въѣхали въ Москву по дорогѣ, запруженной стекавшимся отовсюду народомъ. Приставы, назначенные состоять при послахъ, посѣщали ихъ почти ежедневно и доставляли имъ все необходимое, не допуская ихъ покупать что либо для себя. Когда Герберштейнъ пожелалъ купить кровати для нѣкоторыхъ членовъ посольства, приставъ не допустилъ его до этого, сказавъ ему, что совѣтники великаго князя общаются обходиться съ послами такъ, какъ въ ихъ странахъ обходятся съ московскими послами. Отдохнувъ послѣ дороги, послы заявили приставамъ о своей готовности быть на аудіенціи у великаго князя. Назначенъ былъ день аудіенціи, о которомъ посламъ напоминали нѣсколько разъ; за ними, чтобы сопровождать ихъ къ великому князю на аудіенцію, явились назначенныя для того лица въ сопровожденіи многихъ дворянъ. О приближеніи ихъ пословъ извѣстили, при чемъ приставы убѣждали ихъ выйти на встрѣчу пріѣхавшимъ за ними и оказать имъ въ этомъ честь. Несмотря на убѣжденія приставовъ, графъ Нугороль и Герберштейнъ, не желая, по словамъ послѣдняго, предпочесть великаго князя своимъ государямъ въ оказаніи почести, дѣлали видъ, что ихъ задерживаетъ то одно, то другое, и встрѣтили пріѣхавшихъ за ними ровно на срединѣ лѣстницы. Одинъ изъ пріѣхавшихъ сказалъ посламъ, что великій князь велѣлъ имъ явиться къ нему. Сѣвъ на лошадей, послы отправились къ дворцу, на пути къ которому стояли огромныя толпы народа, затруднявшія ихъ проѣздъ. Такое многоядство, говоритъ Герберштейнъ, должно было, по мнѣнію московскаго правительства, внушить иностранцамъ высокое понятіе о могуществѣ великаго князя. Въ кремлѣ шедшіе впереди пословъ войска останавливались и воспрепятствовали имъ доѣхать до лѣстницы дворца и тамъ сойти съ коней. Это было сдѣлано, по замѣчанію Герберштейна, съ тою цѣлью, чтобы казалось, что великому князю ока-

зано болѣ чести. На серединѣ лѣстницы пословъ встрѣтило нѣсколько привѣтствовавшихъ ихъ лицъ, поведшихъ ихъ далѣе. Когда послы прошли лѣстницу, ихъ встрѣтили знатнѣйшіе сановники, которые подали имъ руки. Во дворцѣ пословъ привѣтствовали первостепенные совѣтники великаго князя. Когда послы вошли въ палату, гдѣ находился великій князь, одинъ изъ совѣтниковъ его, обратясь къ нему, произнесъ: „великій государь, графъ Леонардъ (Нугароль) бьетъ челомъ“, „великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ за твою великую милость“. То же было сказано и отъ имени Герберштейна. Великій князь сидѣлъ съ непокрытою головою на возвышенномъ мѣстѣ, противъ котораго поставлена была скамья, на которую послы сѣли по приглашенію великаго князя. Когда они привѣтствовали великаго князя, послѣдній при произнесеніи именъ императора и его брата вставалъ, сходилъ съ возвышенія и, выслушавъ привѣтствіе, спрашивалъ о здоровьѣ императора и брата его, послѣ чего снова садился. Затѣмъ, подозвавъ къ себѣ графа Нугароля и Герберштейна, великій князь подаль имъ руку и спросилъ ихъ, благополучно ли они совершили свой путь, на что послы ¹⁾ отвѣтили пожеланіями здоровья великому князю на многія лѣта, о себѣ же сказали, что они здоровы. Послѣ этого великій князь велѣлъ посламъ сѣсть, но они, прежде чѣмъ исполнить его приказаніе, поклонились ему и вставшимъ боярамъ, выражая этимъ, говорить Герберштейнъ, свою благодарность по московскому обычаю. Герберштейнъ же замѣчаетъ, что послы другихъ государствъ, преимущественно литовскіе, ливонскіе, шведскіе и нѣкоторые другіе во время первой аудіенціи обыкновенно подносили дары великому князю. Дары подносились, по описанію Герберштейна, слѣдующимъ образомъ: по изложеніи послами причины посольства, вставалъ тотъ изъ совѣтниковъ великаго князя, который вводилъ пословъ на аудіенцію, и произносилъ: „великій государь, такой то посолъ бьетъ челомъ такимъ то подаркомъ“. То же повторялось о каждомъ членѣ посольства, подносившемъ великому князю подарокъ. I Москвѣ напоминали Нугаролю и Герберштейну о такомъ обыч

¹⁾ Герберштейнъ замѣчаетъ: *Juxta illorum morem*, т. е., по московскому обычаю (*Regerum Moscovitic. Commentarii*, pag. 127, ed. an. 1556).

подносить подарки великому князю, но они отвѣтили, что у нихъ нѣтъ такого обычая. Послѣ поклоновъ великому князю и присутствовавшимъ боярамъ, продолжаетъ Герберштейнъ свое описаніе, мы немного посидѣли и великій князь пригласилъ насъ обоихъ обѣдать, сказавъ каждому: „обѣдай со мной“. Въ первое мое посольство, замѣчаетъ Герберштейнъ, великій князь пригласилъ меня къ обѣду по московскому обычаю слѣдующимъ образомъ: „Сигизмундъ, откушай нашего хлѣба—соли вмѣстѣ съ нами“. Пригласивъ пословъ къ столу, великій князь подозвалъ къ себѣ приставовъ ихъ и о чемъ то говорилъ съ ними, толмачи же, по приказанію, предложили посламъ перейти въ другую палату, гдѣ они излагали порученныя имъ дѣла предъ совѣтниками и дьяками, назначенными великимъ княземъ, пока не были окончены приготовления къ столу. Герберштейнъ подробно описываетъ данный въ честь пословъ обѣдъ, послѣ котораго тѣ же лица, которыя провожали пословъ на аудіенцію, отправились съ ними въ отведенныя для нихъ помѣщенія, гдѣ угощали ихъ разными напитками. Отмѣтивъ, что великій князь имѣетъ обыкновеніе угощать иноземныхъ пословъ и при отъѣздѣ ихъ, Герберштейнъ вспоминаетъ, что еще въ первое его посольство въ Москву, послѣ обѣда, великій князь всталъ у стола, потребовалъ себѣ чашу и сказалъ, что пьетъ ее за здоровье императора, а затѣмъ, подавъ чашу Герберштейну съ приказаніемъ выпить за здоровье императора же, также и всѣмъ присутствовавшимъ за столомъ даны были чаши великимъ княземъ съ приказаніемъ пить за здоровье императора. Послѣ этого великій князь подозвалъ къ себѣ Герберштейна, подавъ ему руку и отпустилъ его. По окончаніи переговоровъ съ послами, великій князь обыкновенно приглашалъ ихъ на охоту. Герберштейнъ подробно описываетъ великокняжескія охоты, на которыхъ онъ присутствовалъ и въ которыхъ принималъ участіе какъ въ первый такъ и во второй пріѣзды въ Москву. Объ отпускной аудіенціи, данной въ 1526 г. графу Нугаролу и Герберштейну, въ описаніи послѣдняго сказано немного. Оба они были приглашены съ почестями, какъ къ первой аудіенціи, къ обѣду во дворецъ великаго князя. Въ подарокъ имъ обоимъ даны были разные мѣха и почетныя одежды, подбитыя соболями, въ которыя они облачились и

за которыя отъ ихъ имени благодарилъ великаго князя одинъ изъ его придворныхъ ¹⁾).

Въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ германскими императорами сохранилось описаніе только перваго посольства Герберштейна, но и то не въ полномъ видѣ: до насъ дошло начало описанія первой аудіенціи, данной Герберштейну великимъ княземъ. Такимъ образомъ, описанный Герберштейномъ обрядъ приемовъ, оказанныхъ ему въ Москвѣ, пополняетъ пробѣлы въ посольскихъ книгахъ. Въ вѣрности описанія Герберштейна врядъ ли можно сомнѣваться: оно подтверждается описаніями посольскаго обряда московскаго двора, заключающимися и въ посольскихъ книгахъ и въ извѣстіяхъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ, бывшихъ въ Москвѣ ²⁾).

¹⁾ „Записки о Московіи“ барона Герберштейна, стр. 180 и слѣд., пер. Анонимова. Въ такомъ облаченіи пословъ въ подаренныя имъ одежды можно видѣть татарскій обычай.

²⁾ „Пам. дипл. сн.“ I, стр. XI. Въ посольскихъ книгахъ цесарскаго двора не находимъ описаній дипломатическихъ сношеній за время отъ 1519 г. по 1576 г. („Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“ Бантышъ-Каменскаго, I, 6, прим. 1-е). Въ 1576 г. къ Іоанну IV прибыли послы германскаго императора: Кобенцель и Даниилъ Принцъ изъ Бухова. Описаніе приема ихъ въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ германскими императорами вполне соответствуетъ тому описанію, которое принадлежитъ Даниилу Принцу („Пам. дипл. сн.“ I, 481—487, 502—515; Даниила Принца изъ Бухова: „Начало и возвышеніе Московіи“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1-76 г., кн. 4, стр. 47). Въ началѣ III главы своего описанія, трактующей о приемѣ и содержаніи пословъ, Даниилъ Принцъ говоритъ, что хотя Герберштейнъ пространно описалъ, какъ его принималъ Василій III, однако, „такъ какъ съ того времени произошла большая перемена во многомъ, то я и рѣшился вкратцѣ представить, какъ насъ приняли и содержали“ (Назв. описаніе, стр. 47). Но, при сравненіи описанія приема Іоанномъ IV Кобенцеля и Принца съ описаніемъ того приема, который былъ оказанъ Василю III графу Нугаролу и барону Герберштейну, нельзя усмотрѣть какого либо существеннаго измѣненія въ московскомъ посольскомъ обрядѣ. Кобенцель и Принцъ принимали въ Москвѣ такъ же, какъ нѣкогда Герберштейна, только Кобенцель и Принцъ на аудіенціи поднесли царю подарки отъ императора, отъ себя и отъ свиты, Герберштейнъ же ихъ не подносилъ. Василію III, и Іоанну IV, спрашивая пословъ о здоровьѣ императора, только вставалъ, но не сходилъ съ возвышенія трона, на которомъ сидѣлъ, что дѣлалъ Василій III. Вотъ и вся разница, которую можно усмотрѣть при сличеніи описаній приемовъ, оказанныхъ Герберштейну и Принцу.

Описанный барономъ Герберштейномъ приемъ, оказанный ему и его товарищамъ по посольству, даетъ представленіе объ обрядѣ приема иноземныхъ пословъ, который сложился въ Москвѣ во время Василія III. Но этимъ значеніе описанія Герберштейна не исчерпывается, оно важно и въ другомъ отношеніи: въ немъ отражается впечатлѣніе, которое вынесъ наблюдательный иностранецъ отъ приемовъ, оказанныхъ ему въ московскомъ государствѣ. При первой же встрѣчѣ съ русскими Герберштейнъ замѣтилъ, что тѣ даже въ мелочахъ опасались унижить достоинство своего государя ¹⁾. Любопытно, что и самъ Герберштейнъ скоро усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія русскихъ: онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что въ первый свой приѣздъ въ московское государство перехитрилъ встрѣчавшаго его русскаго и сошелъ съ коня послѣ него; говоря о второмъ своемъ приѣздѣ въ московское государство, Герберштейнъ отмѣчаетъ, что лица встрѣчавшія его и графа Нугароля подъ Москвою первые сошли съ лошадей. Герберштейнъ же рассказываетъ, какъ онъ и графъ Нугароль прибѣгли къ хитрости, чтобы встрѣтить прибывшихъ за ними московскихъ сановниковъ на срединѣ лѣстницы ²⁾. Такимъ образомъ, и московскіе люди и Герберштейнъ съ Нугаролемъ сошлись въ понятіяхъ о томъ, что возвышало или унижало честь ихъ государей. Какъ на особенность обхожденія московскаго государя съ иностранными послами Герберштейнъ указываетъ на дошедшій до него слухъ, что великій князь, отпустивъ посла римской вѣры, мылъ руки, потому что католики считались въ московскомъ государствѣ людьми нечистыми; онъ говоритъ, что видѣлъ во время аудіенціи около великаго князя лоханъ съ двумя рукомойниками и ручными утиральниками ³⁾. Извѣстіе Герберштейна, что московскіе бояре передали ему о своемъ намѣреніи обходиться съ нимъ и съ прочими членами посольства такъ, какъ обращались съ московскими послами во владѣніяхъ германскаго императора, свидѣтельствуетъ, что московское правительство

¹⁾ Такая черта русскихъ замѣчалась и другими иностранцами, посѣщавшими московское государство въ качествѣ пословъ; о ней говорить и Даниилъ Принцъ (назв. соч., стр. 49).

²⁾ Пер. Анонимова, 181, 185 и 187.

³⁾ Тамъ же, 189.

въ своемъ отношеніи къ иноземнымъ посламъ руководствовалось отношеніемъ западной Европы къ московскимъ посламъ ¹⁾).

Подробно описывая оказанные въ Москвѣ приемы императорскимъ посламъ, Герберштейнъ отмѣчаетъ нѣкоторыя особенности этихъ приемовъ по сравненію съ практиковавшимися приемами иностранныхъ пословъ при дворѣ императорскомъ, но самый обрядъ приема пословъ при московскомъ дворѣ, безъ отмѣченныхъ имъ особенностей, не показался ему отличающимся отъ такого же обряда его страны и не могъ показаться. Сравнивая приемъ, оказанный императоромъ Племянникову, какъ описанъ онъ въ статейномъ спискѣ послѣдняго, видимъ только, что Василій III держалъ себя предъ Нугаролемъ и Герберштейномъ такъ, какъ императоръ предъ Племянниковымъ.

Московский посольскій обрядъ, сложившійся во время Василія III, оставался въ существенномъ неизмѣннымъ въ теченіе XVI и XVII вв. ²⁾. Обрядъ этотъ съ теченіемъ времени сталъ только

¹⁾ Тамъ же, 187.

²⁾ Антоній Поссевино, котораго въ качествѣ папскаго посла принималъ Іоаннъ IV, въ началѣ одной изъ главъ своего описанія *Moscovia*, излагающей, какъ въ московскомъ государствѣ принимали иноземныхъ пословъ, говоритъ: *Et vera sunt, et antiquum obtinent, quae scripsit Herbersteinus de ratione, qua Moscusc externorum Principum Legatos excipit* (*Histor. Ruthen. Scriptores exteri*, ed. Starczewski, II, 293). Секретарь голштинскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, Олеарій, въ описаніи своего путешествія въ Москву отмѣтилъ только двѣ перемѣны въ отношеніи къ посламъ, происшедшія сравнительно съ прежнимъ временемъ въ Москвѣ. Одна перемѣна заключалась въ томъ, что иноземныхъ пословъ перестали содержать какъ плѣнниковъ. Прежде, говоритъ Олеарій, къ воротамъ двора, гдѣ жили иноземные послы, приставляли сильную стражу и такъ строго содержали пословъ, „что никого изъ принадлежащихъ къ посольству не выпускали со двора, равно и къ нимъ никого не выпускали, и вообще содержали ихъ какъ плѣнниковъ; въ настоящее же время, послѣ перваго торжественнаго представленія (царю), каждый можетъ свободно выходить, куда хочетъ, и Москвичи говорили намъ“, добавляетъ тотъ же авторъ, „что въ первое наше посольство мы были первые, которымъ предоставлена была такая свобода выхода и входа“. Другая перемѣна заключалась въ слѣдующемъ: „въ прежнее время посланники, послѣ торжественнаго представленія, всегда обѣдывали въ покояхъ великаго князя, а иногда и за его столомъ; теперь же жалованныя царскія кушанья и напитки приносятся обыкновенно къ посланникамъ на домъ“ („Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію, составленное Олеаріемъ“.

болѣ пышнымъ. Продолжая принимать иноземныхъ пословъ по старинѣ, московское правительство, отправляя въ XVII в. своихъ пословъ на Западъ Европы, заботилось только, чтобы московскіе послы принимались при дворахъ западной Европы такъ, какъ принимали ихъ тамъ въ XVI в.

Михаилъ Федоровичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, отправилъ въ 1613 г. къ германскому императору посланника Степана Ушакова съ дьякомъ Заборовскимъ. Посланнику данъ былъ наказъ: передать императору поклонъ отъ царя и спросить императора о здоровьѣ отъ имени царя же; если императоръ спросилъ бы о здоровьѣ царя, посланникъ долженъ былъ отвѣтить, что царь здоровъ, затѣмъ представить императору царскіе подарки, вручить царскую грамоту и говорить императору рѣчи попеременно съ дьякомъ ¹⁾. По возвращеніи посланника въ Москву обнаружилось изъ донесенія толмача, бывшаго при посланникѣ, что тотъ въ отчетѣ своемъ не донесъ, что императоръ во время аудіенціи „къ Государеву имени маленько приклонялся и шляпу сымаль“, а отпуская посланника „приказывалъ къ государю челобитье сидя“ ²⁾. Толмачъ показалъ, что Ушаковъ такое нарушеніе императоромъ прежнихъ обычаевъ оставилъ безъ замѣчанія ³⁾. Въ Москвѣ Ушакову и Заборовскому поставили въ вину не донесеніе своему правительству, „что Цесарь учинилъ мимо прежней обычей, противъ Царского имени не всталъ; а прежніе Цесари Римскіе прежнихъ Великихъ Госу-

въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1868 г., III, 225). Объ отмѣнѣ прежняго обычая при московскомъ дворѣ приглашать иноземныхъ посланниковъ къ столу послѣ первой аудіенціи упомянуто и въ „Донесеніи“ Майерберга, императорскаго посла въ Москву въ царствованіе Алексѣя Михайловича („Донесеніе Августина Майерберга импер. Леопольду I о св. посольствѣ въ Московію“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1882 г., II, 44). Корбъ, секретарь императорскаго посольства къ Петру I въ 1698 г., описывая оказанный посольству приемъ въ Москвѣ, отмѣчаетъ какъ новость лишь то, что московскій комиссаръ, встрѣтившій посольство, удержался отъ спора о первенствѣ и первый вышелъ изъ экипажа на встрѣчу послу, изъ за чего въ прежнее время возникали пререканія между русскими и иноземными послами („Дневникъ поѣздки въ московское государство“ и т. д. въ „Чтен. Моск. Об.“, 1867 г., IV, 45 и слѣд.).

¹⁾ „Пам. дипл. св.“, II, 925.

²⁾ Тамъ же, 1065.

³⁾ Тамъ же.

дарей, Царей Російскихъ, при послѣхъ всѣ стояли, и принимали Государевыхъ пословъ всѣ стоя, и о ихъ Государскомъ здоровьѣ спрашивали и на отпускѣ поклоны приказывали стоя, а не сидя,— и имъ было Степану и Семому (Заборовскому), видя то, что Цесарь принимаетъ ихъ не по прежнему обычаю, Цесарю и его думнымъ людямъ о Государской чести говорить и за то стояти накрѣпко, чтобъ они мимо прежніе обычей, какъ у нихъ Государей въ ихъ Царскихъ чинѣхъ при послѣхъ прежнихъ Государей, Царей Російскихъ велось, новыхъ причинъ не вчинали...“³⁾ Въ Москвѣ желали только соблюденія императоромъ прежняго обряда приема московскихъ пословъ. Вслѣдствіе этого отправленному къ императору въ 1614 г. гонцу Ивану Өомину наказано было требовать, чтобы императоръ принялъ его такъ, какъ принимались предшественниками его московскіе послы и гонцы. Если, читаемъ въ наказѣ Өомина, во время аудіенціи императоръ, слыша царское имя изъ устъ гонца, не всталъ бы, или о здоровьѣ царя не спросилъ бы, или задалъ бы этотъ вопросъ сидя, Өоминъ долженъ былъ говорить императору, что въ прежнее время, когда послы, посланники и гонцы московскихъ государей являлись къ предшественникамъ императора, послѣдніе, при передачѣ имъ царскаго поклона, вставали и стоя спрашивали о здоровьѣ царскомъ. Наказъ предвидѣлъ возраженіе, которое могли сдѣлать Өомину при императорскомъ дворѣ, именно, что московскіе цари принимали иноземныхъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ сидя. На это Өоминъ долженъ былъ отвѣтить, что у московскихъ государей „такъ въ поведеняхъ ведется“, но что царь всегда встаетъ, когда посланные къ нему отъ императора произносятъ на аудіенціи имя его и передаютъ царю поклонъ отъ него, и что царь стоя спрашиваетъ о здоровьѣ императора, „а вы, Великій Государь“, долженъ былъ говорить императору Өоминъ, „то нынѣ учинили мимо прежней обычей, не по тому какъ велось у предковъ твоихъ, Великихъ Государей, Цесарей Римскихъ“... Въ случаѣ, еслибы императоръ, несмотря на настоянія Өомина, не исполнилъ его требованій, Өоминъ долженъ былъ послѣ аудіенціи говорить „Цесаревымъ думнымъ людямъ или

¹⁾ Тамъ же, 1063.

приставомъ, что то Цесарское Величество учинилъ мимо прежней обычей, чего николи при его Государевыхъ предкахъ такъ не бывало“...¹⁾). Өомину было наказано требовать аудіенціи у императора и вручить ему царскую грамоту, въ случаѣ же, еслибы его требованіе не было удовлетворено, онъ долженъ былъ передать царскую грамоту присланнымъ отъ императора, но при этомъ заявить, что императоръ, не давъ ему аудіенціи и не принявъ отъ него царской грамоты, „учинилъ то мимо прежней обычей“...²⁾). Өоминъ, какъ видно изъ его статейнаго списка, добился того, что принять былъ императоромъ³⁾), только, когда онъ на аудіенціи передавалъ императору поклонъ царя, императоръ, „сидя на мѣстѣ, тронулъ у себя на головѣ шляпы немного, а противъ... Царского Величества именованья не всталъ“. Тогда Өоминъ, исполняя данный ему наказъ, сослался на прежніе приемы императорами царскихъ посланцевъ и указалъ императору допущенныя имъ уклоненія отъ сложившагося порядка этихъ приемовъ. На приказаніе императорскаго канцлера продолжать говорить, Өоминъ отвѣтилъ, что ждетъ, чтобы императоръ всталъ и спросилъ о здоровьѣ царя. Императоръ велѣлъ канцлеру передать Өомину, что не можетъ вспомнить, вставали ли во время аудіенцій предшественники его на престолѣ, когда московскіе послы передавали имъ царскіе поклоны, и такъ какъ онъ, Өоминъ, приказываетъ императору встать, то пусть отправится къ себѣ на квартиру и ждетъ императорскаго указа. Тогда Өоминъ сказалъ, что дѣйствуетъ по царскому наказу, и предложилъ императору принять царскую грамоту. Когда къ нему подошелъ канцлеръ, чтобы взять эту грамоту, Өоминъ отказался передать ее ему, и вручилъ ее императору⁴⁾). На рассказъ пристава, назначеннаго къ Өомину, какъ Степанъ Ушаковъ и Заборовскій учились у него кланяться императору и на аудіенціи предъ императоромъ преклонялись до земли, Өоминъ, выразивъ порицаніе такому поведенію Ушакова и Заборовскаго, отвѣтилъ, что „...во всей вселенной у Великихъ Государей нигдѣ того не ведется, которые посланники

1) Тамъ же, 1119 и слѣд.

2) Тамъ же, 1123.

3) Тамъ же, 1151 и слѣд.

4) Тамъ же, 1154 и слѣд.

и гонцы отъ Великихъ Государей къ Великимъ Государемъ посланы бывають, что имъ до земли кланяться; подобаетъ то дѣлать подданнымъ; а Великій Государь нашъ, Царь и Великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, Великій Государь, какъ и Цесарь, и свое великое Російское Царство и иные многіе розныя мусульманскіе Государства держитъ подъ своею Царскою рукою въ покорномъ послушаньѣ, паче Цесаря“¹⁾).

Ѳомину предписывалъ данный ему наказъ настаивать, чтобы его принялъ императоръ такъ, какъ того требовалъ обрядъ приема, выработанный въ XVI в., соблюдавшійся при императорскомъ дворѣ по отношенію къ московскимъ посламъ и практиковавшійся, по выраженію Ѳомина, „во всей вселенной“. Такія же предписанія требовать приемовъ, подобныхъ прежнимъ, встрѣчаются въ наказахъ, которые давались московскимъ посламъ въ XVII в.

Въ 1654 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ были отправлены къ императору посланниками Иванъ Баклановскій и дьякъ Иванъ Михайловъ. Имъ наказано было до аудіенціи у императора не являться ни къ кому изъ императорскихъ сановниковъ для объясненія цѣли ихъ посольства. Въ случаѣ, если бы къ нимъ было предъявлено не соотвѣтствовавшее такому наказу требованіе, они должны были указать, что „ни въ которыхъ христіанскихъ Государствахъ того не бываетъ, чтобъ, небывъ у того Государя, къ которому кто посланъ, ходить напередъ и дѣла объявлять думнымъ людямъ“... Затѣмъ, посланники должны были указать, что прежде бывавшіе у императоровъ московскіе посланники и гонцы излагали цѣль своего посольства самимъ императорамъ²⁾. То, что предвидѣлъ наказъ, произошло: Баклановскому и Михайлову предложили предъ аудіенціей у императора явиться къ сановникамъ его и имъ объяснить цѣль ихъ посольства, на что посланники отвѣтили по наказу мотивированнымъ отказомъ. Одинъ изъ ихъ доводовъ былъ опровергнутъ: имъ сказали, что турецкіе, испанскіе и французскіе послы и посланники посѣщаютъ предъ аудіенціей у императора совѣтниковъ его и имъ объявляютъ дѣла, ради которыхъ пріѣхали

¹⁾ Тамъ же, 1161 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, III, 103.

Московскіе посланники, только что сославшіеся на обычаи всѣхъ христіанскихъ государей при приѣмѣ иноземныхъ пословъ, отвѣтили: „иныхъ Государствъ послы и посланники намъ не образецъ“ ¹⁾. Настоячивость Баклановскаго и его товарища по посольству увѣнчалась успѣхомъ: имъ уступили. Предъ аудіенціей у императора ихъ спросили: „какъ вы будете у Цесарскаго Вел—ва, какую ему честь воздадите и какъ учнете кланятца?“ При этомъ воспользовались ихъ же способомъ доказательствъ: сказали имъ, что всѣ иноземные послы и посланники воздають на аудіенціяхъ императору такую честь, какую имъ укажутъ, и „Царскаго Вел—ва посланники у предковъ Цес. Вел—ва также чинили и Цес. Вел—ву честь воздавали, какъ имъ указывали думные люди“. Баклановскій и его товарищъ отвѣтили: „какъ мы будемъ у Цес. Вел—ва на посольствѣ, и Цес. Вел—ву учнемъ честь воздавать по достоинству, а кланятца учнемъ какъ въ посолскихъ обычаяхъ ведетца, а учить мы у думныхъ людей не будемъ и негодитца; а буде предковъ Великаго Государя нашего, Е. Цар. Вел—ва, посланники и учились, и то они учинили простотою“ ²⁾. И въ этомъ случаѣ московскіе посланники сослались на посольскій обычай, по ихъ мнѣнію, нарушенный нѣкоторыми ихъ предшественниками. Когда императоръ вслѣдствіе болѣзни не могъ дать отпускной аудіенціи Баклановскому и Михайлову, и имъ предложили получить отвѣтную грамоту къ царю отъ императорскихъ сановниковъ, посланники не согласились, настоятельно требуя, чтобы императоръ далъ имъ отпускную аудіенцію и лично передалъ грамоту къ царю, „какъ бываетъ и у всѣхъ Великихъ Государей“. Императоръ и въ этомъ уступилъ московскимъ посланникамъ: далъ имъ отпускную аудіенцію и вручилъ грамоту къ царю ³⁾.

Вообще московскіе дипломаты XVII в., требуя отъ иностранныхъ государей, чтобы послѣдніе оказывали царскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ приѣмы соотвѣтственно достоинству посылавшаго ихъ царя, самымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу своихъ

¹⁾ Тамъ же, 196—198.

²⁾ Тамъ же, 199.

³⁾ Тамъ же, 237—239.

требованій считали ссылки на ранѣе установившіеся и практиковавшіеся въ сношеніяхъ между государями посольскіе обычаи ¹⁾).

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія продолжительныя пререканія между царскими и императорскими дипломатами, возникшія вслѣдствіе отказа императора вручать на отпускныхъ аудіенціяхъ московскимъ посланникамъ и гонцамъ отвѣтныя грамоты къ царю. Стольникъ Потемкинъ, отправленный въ 1674 г. посланникомъ къ императору, донесъ, что на отпускной аудіенціи императоръ не вручилъ ему грамоты къ царю, но велѣлъ передать ее одному изъ своихъ сановниковъ, и что ему объяснили, будто при дворѣ императора всегда посылали и посылаютъ посламъ всѣхъ государствъ отвѣтныя ихъ государямъ императорскія грамоты на квартиры, но не передаютъ такихъ грамотъ посламъ во время отпускныхъ аудіенцій; обычай этотъ, говорили Потемкину, нарушается только по отношенію къ московскимъ посламъ: имъ передаетъ императорскую грамоту къ царю сановникъ во время отпускной аудіенціи ²⁾). Въ слѣдующемъ 1675 г. отправлены были къ царю императорскіе посланники, которымъ въ Москвѣ не замедлили объявить неудовольствіе на то, что императоръ отказался передать Потемкину свою грамоту къ царю. Московскіе дипломаты говорили императорскимъ посланникамъ, что всѣ московскіе посланники доносили въ своихъ отчетахъ о полученіи императорскихъ грамотъ къ царю изъ рукъ императоровъ, въ бытность же посланникомъ Потемкина обычай этотъ былъ нарушенъ. Московскіе дипломаты предложили посланникамъ возстановить его, грозя, что въ противномъ случаѣ и царь будетъ поступать такъ же, какъ императоръ. Посланники отвѣтили, что императоръ, снисходя къ просьбамъ Потемкина, велѣлъ передать во время аудіенціи свою грамоту къ царю, поступивъ „мимо древнихъ своихъ обычаевъ“. И московскіе дипломаты и императорскіе посланники спорили, ссылаясь на установившійся обычай: первые въ доказательство словъ своихъ указывали на

¹⁾ „Пам. дипл. снош.“ III, 590, 595, 598, 615, 897; IV, 632, 699, 702, 782, 822, 839, 843—844, 1110—1111, 1198 и т. д.; V, 196—198, 431, 434 и т. д., 450, 483, 490—491, 493, 499, 514—519, 984, 1115, 1168—1169, 1215—1216 VI, 32, 35—36, 38, 59—63 и т. д.

²⁾ Тамъ же, IV, 1275.

статейные списки московскихъ посланниковъ, вторые же утверждали, что при дворѣ императорскомъ никогда не было такого обычая, о какомъ доносили московскіе посланники, и отрицали достовѣрность показаній послѣднихъ ¹⁾. Заявленіе бояръ по этому дѣлу было изложено письменно и вручено императорскимъ посланникамъ. Въ этомъ заявленіи было, между прочимъ, указано, что всѣ христіанскіе и мусульманскіе государи сами передаютъ царскимъ посланникамъ и гонцамъ свои грамоты къ царю; заканчивалось заявленіе угрозою, что если императоръ не будетъ вручать московскимъ посланникамъ и гонцамъ своихъ грамотъ къ царю, то и царь императорскимъ посламъ свои грамоты къ императору „изволить впредь отдавать чрезъ ближняго своего человѣка для того, чтобъ они обои В. Г—ри въ чести своей государской были равны“ ²⁾. Императорскіе посланники въ своемъ письменномъ отвѣтѣ боярамъ настаивали на томъ, что московскіе посланники въ своихъ статейныхъ спискахъ „неправдою объявили“, будто они получали грамоты къ царю изъ рукъ императорскихъ, и увѣрили, что при дворѣ императорскомъ существуетъ изстари, болѣе ста лѣтъ, обычай, въ силу котораго императоры всегда отсылали иноземнымъ посланникамъ свои грамоты къ ихъ государямъ чрезъ секретарей, но не передавали ихъ сами на аудіенціяхъ; посланники указывали, что изъ за такого обычая никогда не бывало споровъ, и что перемѣнить его нельзя. На угрозу бояръ, что и царь не передастъ своей грамоты къ императору посланникамъ его, послѣдніе отвѣтили, что предпочтутъ не быть на отпускнуой аудіенціи и уѣхать безъ царской грамоты, чѣмъ получить ее изъ рукъ кого либо другого, а не царя ³⁾.

Оказалось, такимъ образомъ, что московскіе государи, руководствуясь статейными списками своихъ посланниковъ и гонцовъ къ германскимъ императорамъ, установили у себя такой обычай при приѣмѣ императорскихъ посланниковъ, какой, если вѣрить послѣднимъ, при императорскомъ дворѣ никогда не соблюдался ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, V, 267 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 290—294.

³⁾ Тамъ же, 323 и слѣд.

⁴⁾ Тѣмъ на достовѣрность донесеній въ статейныхъ спискахъ московскихъ пословъ и посланниковъ набросилъ и Котошихинъ въ своемъ сочиненіи (стр. 58, изд. 3-е).

Переговоры объ этомъ между царскимъ и императорскимъ дворами возобновились въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Московскимъ посламъ, отправленнымъ къ императору въ 1682 г., данъ былъ наказъ, чтобы они, если императоръ „во отдаіи грамоты своей учинить противъ прежняго обыкновенія и пришлетъ къ нимъ свою Цес. Вел-ва грамоту на дворъ или прикажутъ то, что отдастъ имъ великимъ и полномочнымъ посломъ Цес. В-во грамоту свою на отпускъ чрезъ ближняго своего человѣка“, настаивали, дабы императоръ во время отпускной аудіенціи вручилъ имъ свою грамоту къ царю ¹⁾.

Московское правительство, повидимому, болѣе вѣрило донесеніямъ своихъ посланниковъ и гонцовъ, чѣмъ утвержденіямъ императорскихъ дипломатовъ, продолжая требовать возстановленія „прежняго обыкновенія“, т. е., чтобы императоры вручали московскимъ посламъ свои грамоты къ царямъ. Этой чертѣ посольскаго обряда придавали большое значеніе не только московскіе цари, но и германскіе императоры: первые упорно требовали вѣлюченія ея въ посольскій обрядъ императорскаго двора, соблюдавшійся по отношенію къ ихъ посламъ, вторые не менѣе упорно отъазывали въ этомъ. Первые указывали на давность существованія того, чего требовали, вторые утверждали, что требуемаго отъ нихъ не было и въ XVI в.

Вообще московскіе послы тщательно слѣдили, чтобы ихъ принимали за границую такъ, какъ принимались иноземные послы въ Москвѣ. Отправленные въ 1679 г. къ императору московскіе послы потребовали, чтобы за ними присылали карету всякій разъ, какъ имъ надлежало ѣхать къ императорскому двору для переговоровъ, подобно тому, какъ императорскіе послы въ Москвѣ ѣздили во дворецъ для переговоровъ съ боярами въ присылаемыхъ отъ царскаго двора каретахъ. Московскимъ посламъ на такое требованіе отвѣтили, что „у всякого де Государя имѣются нѣкоторые особыя съ (въ?) посольскихъ поведеніяхъ чины, Цес. де Вел-во при великихъ всѣхъ Государей послѣхъ и посланникахъ стоять, а Цар. Вел-во сидить; Цес. Вел-во къ братѣ своей къ В. Г—ремъ, свои Цес. Вел-ва грамоты подписываетъ своею рукою, а Цар. Вел-в

¹⁾ „Пам. дипл. св.“ V, 651 и слѣд.

не подписываетъ "... Впрочемъ, о требованіи пословъ обѣщано было довести до свѣдѣнія императора. Послы, замѣтивъ, что иные великіе государи имѣютъ обычай сидѣть во время аудіенцій, а императоръ стоитъ по своей волѣ, отвѣтили, что „въ присылкѣ тѣхъ коретъ пристойно быть ихъ государской чести равенственной, какъ у Цар. Вел-ва Цес. Вел-ва посломъ бываетъ“ ¹⁾.

Соблюденіе въ Москвѣ такихъ обрядовъ при приѣмѣ иноземныхъ пословъ, какіе практиковались въ западной Европѣ, естественно создало среди московскихъ дипломатовъ убѣжденіе, что московскій посольскій обрядъ подобенъ такому же обряду, соблюдавшемуся въ западной Европѣ. Въ 1658 г. въ Москву прибыли посланники венгерскаго короля, которые, послѣ аудіенціи у царя, заявили неудовольствіе на то, что царь спросилъ ихъ о здоровьѣ короля не снявъ короны, тогда какъ всѣ европейскіе государи спрашивали на аудіенціяхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей, снимая шляпы. Посланникамъ отвѣтили, что царь принимаетъ иноземныхъ пословъ и посланниковъ въ вѣнцѣ, котораго не снимаетъ даже въ церкви во время богослуженій, но если бы онъ принималъ пословъ въ шляпѣ, то, конечно, снималъ бы ее, спрашивая пословъ о здоровьѣ ихъ государей; васъ, говорили посланникамъ венгерскаго короля, царь принималъ такъ же, какъ императорскихъ пословъ, „ни чѣмъ не умаляя, и чинъ В. Г.—ря Е. Цар. Величества таковъ же, какъ Цес. Величества при послѣднихъ“ ²⁾. Когда посланниковъ царя Алексѣя Михайловича въ Венеціи спросили, какъ они будутъ править посольство, „чтобы де намъ... вашъ московской чинъ вѣдать“, посланники отвѣтили спросившему ихъ: „мы слова твои ставимъ себѣ въ подивленье, что ты говоришь: князя вашего и владѣтелей честныхъ городъ преславной и премудрой, изъ всѣхъ окрестныхъ государствъ и немецкихъ рѣшъ приходятъ къ вамъ послы и посланники..., а ты намъ теперь говоришь такіе рѣчи, и спрашиваешь насъ искушаючи“. Тщетно спросившій увѣрялъ московскихъ посланниковъ, что онъ предложилъ имъ вопросъ только потому, что московскіе послы и посланники въ Венеціи не бывали, и тамъ „правовъ

¹⁾ Тамъ же, 1011.

²⁾ Тамъ же, III, 835.

русскихъ и посольскихъ... чиновъ“ не знаютъ. Московскіе посланники ему „сказали тожь противъ прежняго“ ¹⁾. Вопросъ о московскомъ посольскомъ чинѣ показался московскимъ посланникамъ страннымъ, потому что свой посольскій обрядъ они считали тождественнымъ съ такими же обрядами другихъ государствъ, которые ене могли быть неизвѣстны въ Венеціи.

Какъ въ исходѣ XV в. въ Москвѣ было два посольскихъ обряда: одинъ—практиковавшійся въ сношеніяхъ съ государствами западной Европы, другой—для сношеній съ мусульманскими государями, такъ и въ XVII в. при московскомъ дворѣ по одному обряду принимались представители западно-европейскихъ государей, по другому—послы мусульманскихъ владѣтелей. Подъячій московскаго посольскаго приказа Котошихинъ, нарисовавъ одну картину приѣма московскимъ государемъ пословъ западно-европейскихъ государей, рисуеъ иную картину приѣма пословъ крымскихъ, ногайскихъ и калмыцкихъ. Послѣднихъ встрѣчалъ на границѣ приставъ, который сопровождалъ ихъ въ Москву, другихъ же встрѣчать, какія устраивались для западно-европейскихъ пословъ, имъ не полагалось. Въ Москвѣ къ посламъ приставляли дворянина, и соотвѣтственно числу ихъ и свиты, пріѣхавшей съ ними, готовили шубы, кафтаны, однорядки, шапки и сапоги. Въ назначенный для аудіенціи у царя день къ посламъ отправляли съ царской конюшни лошадей и заготовленное платье, въ которое одѣвались послы и ихъ люди, послѣ чего ихъ отвозили въ посольскій приказъ. Здѣсь ихъ спрашивалъ думный дьякъ о причинѣ пріѣзда, осматривалъ привезенныя ими грамоты и докладывалъ о нихъ царю. По приказанію царя послы шли съ приставомъ во дворецъ. Царь ихъ принималъ въ повседневномъ одѣяніи и спрашивалъ о здоровьѣ ихъ государя сидя и не снимая шапки, послы же предъ нимъ кланялись въ землю и подавали грамоту, которую отъ нихъ принималъ и говорилъ имъ рѣчь отъ имени царя думный дьякъ. По приказанію царя съ пословъ снимали однорядки и возлагали на нихъ золотныя шубы. Послы подходили къ рукамъ царя, который не давалъ имъ ее цѣловать, но возлагалъ ее на головы ихъ. Посламъ давались кубки романей и кѣвши меду, они пили и удалялись. Нѣкоторые послы, добавляетъ Котошихинъ,

¹⁾ Тамъ же, X, 1081.

выпивъ романею и медъ, забирали съ собою и кубки, поэтому „для такихъ безстыдныхъ пословъ“ нарочно въ Англіи заказывались мѣдные кубки и ковши, только посеребрянные и позолоченные ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ московскомъ государствѣ практиковались два обряда приѣма иноземныхъ пословъ: одинъ—при приѣмѣ пословъ западно-европейскихъ государей, другой—для мусульманскихъ пословъ. Первый созданъ и развился на почвѣ сношеній московскаго государства съ европейскими державами, и въ основу его легла идея равенства и братства между государями. Въ этомъ заключалось его основное отличіе отъ посольскаго обряда азіатскихъ народовъ, въ которомъ выражалась другая идея—подчиненности и неравенства между государями. Не признавая подчиненности между независимыми государями, московскіе государи не только не представляются послѣдователями восточнаго посольскаго обряда въ томъ видѣ, какъ онъ практиковался у татаръ, персовъ и другихъ восточныхъ народовъ, но наоборотъ, насадителями западно-европейскаго посольскаго обряда, потому что соблюдали его въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мусульманскими государями.

То обстоятельство, что въ числѣ первыхъ пословъ Іоанна III на Западъ Европы видимъ грековъ, прибывшихъ въ Москву съ Софьей Палеологъ, не свидѣтельствуетъ о византійскомъ вліяніи на образованіе московскаго посольскаго обряда. Прибывшіе въ Москву съ Софьей греки не были въ этомъ отношеніи проводниками византійскаго вліянія; московскій посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ съ западною Европою, не заключалъ въ себѣ чертъ византійскаго посольскаго обряда, но включалъ въ себѣ черты того обычая принимать пословъ, который существовалъ на Западѣ Европы. Греки, явившіеся въ Москву съ Софьей, играли роль московскихъ дипломатовъ болѣе чѣмъ 30 лѣтъ спустя послѣ паденія византійской имперіи. Они могли быть только свидѣтелями упадка ея и униженія; только лишь уроженцы второго Рима, они жили и, можно сказать, воспитались въ первомъ Римѣ; Софьины греки не сыграли видной роли въ Москвѣ, въ которой не они—представители павшаго второго Рима—увидѣли возрождавшійся третій Римъ. Ихъ видимъ

¹⁾ „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 76 и слѣд., изд. 3.

только на первых порахъ въ роли пословъ московскаго государя въ Италію, Германію, но и тутъ, на дипломатическомъ поприщѣ, ихъ скорѣ замѣнили московскіе дипломаты.

Татарское иго, вообще отразившееся на жизни русской, и сношенія московской Руси съ народами Востока наложили только лишь извѣстный колоритъ на московскій посольскій обрядъ, который практиковался въ сношеніяхъ съ европейскими державами, но основныя черты этого обряда были такія же, какъ и на Западѣ Европы. Вліяніе татарское можно видѣть въ установившемся обычаѣ при московскомъ дворѣ, въ силу котораго послы западной Европы не допускались на аудіенцію къ царю при оружіи, равно какъ и московскіе послы, отправлявшіеся на Западъ Европы, получали приказаніе являться на аудіенціи къ государямъ безъ сабель ¹⁾.

¹⁾ Плано-Карпини говоритъ, что пословъ предъ аудіенціей у хана обмывали съ цѣлю убѣдиться, что они не имѣли при себѣ ножей („Собрание путеш. къ татарамъ“, 49, изд. Языкова); свидѣтельство Плано-Карпини подтверждается извѣстіемъ Рубруквиса (*Deux voyages en Asie au XIII s.*, Guill. de Rubruquis, pag. 90, Paris, a. 1888). О существованіи при московскомъ дворѣ запрещенія являться на аудіенцію къ царю при оружіи говоритъ Петрей („Исторія о вел. княж. Моск.“, стр. 358 и слѣд.). Его извѣстіе подтверждается Майербергомъ („Путешествіе въ Московію“, стр. 63). О запрещеніи московскимъ посламъ являться на аудіенціи къ государямъ при сабляхъ говоритъ Котошинъ (стр. 54, изд. 3); такія извѣстія подтверждаются „Памятниками дипломатическихъ сношеній“ московской Руси съ иностранными государствами.

Глава VII.

Титуль *царь*, впервые усвоенный себѣ Иоанномъ III, дѣлается постояннымъ титуломъ московскихъ государей при Иоаннѣ IV. Называя самихъ себя царями, московскіе государи, съ Иоанна IV, требовали, чтобы ихъ такъ титуловали и иностранные государи, съ которыми у нихъ были сношенія, указывая, въ случаяхъ непризнанія за ними еѣмъ либо изъ иностранныхъ государей царскаго титула, тѣ основанія, въ силу которыхъ ими былъ принятъ этотъ титуль. Такимъ образомъ, отъ самихъ московскихъ царей мы узнаемъ, на чемъ основывали они свои права на царскій титуль.

Слово *царь*, въ значеніи государь, извѣстно было на Руси значительно ранѣе того времени, когда стало титуломъ московскаго государя.

Однимъ изъ первыхъ изслѣдователей какъ происхожденія этого слова, такъ и времени приложенія его къ русскимъ князьямъ, можно назвать Д. И. Прозоровскаго. Указавъ на несостоятельность сужденій Татищева, Болтина, митрополита Евгенія, Карамзина и Лакіера о происхожденія слова *царь*, Прозоровскій высказалъ мнѣніе, что слово это образовалось изъ слова *Цесарь* ¹⁾. Затѣмъ названный изслѣдователь отмѣтилъ случаи наиболѣе ранняго титулованія болгарами и сербами государей своихъ царями и указалъ, что русскіе князья называются царями въ памятникахъ значительно старѣе времени Иоанна III ²⁾. Въ 1892 г. проф. Соболевскій, по поводу мнѣнія проф. Дьяконова, будто названіе *царь* стало примѣняться къ московскимъ государямъ во второй половинѣ XV в. вслѣдствіе принятія греками флорентійской уніи и паденія Константино-

¹⁾ „О значеніи царскаго титула“ и т. д. въ „Извѣстіяхъ Имп. Рус. Археол. Об.“, т. VIII, вып. 3, стр. 197 и слѣд. Спб. 1877 г.

²⁾ Тамъ же, вып. V, стр. 449 и слѣд.

поля, высказалъ свой взглядъ на происхожденіе слова *царь* и причину употребленія русскими памятниками второй половины XV в. этого слова какъ титула въ примѣненіи къ московскимъ государямъ ¹⁾. Проф. Соболевскій подтверждаетъ мнѣніе Д. И. Прозоровскаго. Онъ говоритъ, что „слово *цѣсарь*, *цѣсарь*, откуда у южныхъ Славянъ и у насъ *царь*,—слово, бывшее уже въ IX в. народнымъ болгарскимъ и означавшее вообще государя. Переводчики евангелія и другихъ церковныхъ книгъ постоянно употребляли это слово, когда рѣчь шла о государѣ, примѣняя его къ государямъ византійскимъ, еврейскимъ, персидскимъ и т. д. Въѣстѣ съ книгами слово *царь*, въ значеніи государя, перешло отъ Болгаръ къ Сербамъ и къ Русскимъ и у тѣхъ и у другихъ быстро вошло въ живое употребленіе“. Проф. Соболевскій указываетъ, что русскіе, по меньшей мѣрѣ съ XIII в., кромѣ византійскаго императора, называли царями почти всѣхъ тѣхъ государей, для которыхъ у нихъ не было изстари установившихся названій (король, князь): хановъ золотоордынскихъ, крымскихъ, казанскихъ, астраханскихъ, шемахинскихъ, сибирскихъ, турецкихъ султановъ, персидскихъ шаховъ, владѣтелей Грузіи и т. д.; царями же называли русскіе поселенныхъ въ Россіи (служилыхъ) татарскихъ хановъ. Вообще, по словамъ названнаго изслѣдователя, съ названіемъ *царь* въ старей Руси вовсе не связывалось представленіе о православномъ государѣ. Указавъ на наиболѣе ранніе по времени случаи примѣненій названія *царь* къ русскимъ князьямъ въ русскихъ памятникахъ XII в., проф. Соболевскій отмѣчаетъ, что русскіе памятники второй половины XV в. употребляютъ часто титулъ *царь* въ примѣненіи къ московскимъ великимъ князьямъ. Это обстоятельство, по мнѣнію его, находится въ связи не съ принятіемъ греками флорентійской уніи и не съ паденіемъ Византіи, но съ усиленіемъ у насъ южно-славянскаго вліянія черезъ посредство Аѳона. Въ южно-славянскихъ памятникахъ, говоритъ названный изслѣдователь, тотъ титулъ, которымъ русскіе стали съ XV в. надѣлять своихъ князей, примѣняется къ южно-славянскимъ государямъ: болгарскіе вѣлители, начиная съ Симеона, именуются постоянно

¹⁾ Мнѣніе проф. Дьяконова въ диссертациі его: „Власть московскихъ государей“, 56 и слѣд.

царями; сербскіе государи, хотя не всё, пользуются этимъ же названіемъ; богослужебныя книги, исправленныя у южныхъ славянъ въ XIV в., въ молитвахъ о государѣ и въ другихъ мѣстахъ постоянно называютъ его царемъ. Первымъ писателемъ XV в., рѣшившимся назвать московскаго великаго князя царемъ, былъ, говорить проф. Соболевскій, кажется, Пахомій Сербъ; авторитетъ его, какъ писателя, въ глазахъ современниковъ былъ великъ, и примѣненіе названія *царь* къ московскому великому князю, сдѣланное имъ и подкрѣпленное богослужебными книгами, не могло быть оставлено безъ вниманія ¹⁾.

Ни послѣ флорентійской уніи, ни послѣ паденія Византіи московскій великій князь не усвоилъ себѣ названія *царь*, хотя русская письменность, по мѣрѣ возростанія могущества его, все чаще и чаще примѣняла къ нему этотъ титулъ. Названіе *царь* сталъ усвоить себѣ впервые Іоаннъ III въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными государствами, однако не въ смыслѣ царя—хранителя православія, наслѣдника византійскихъ императоровъ, но государи по праву наслѣдства, независимаго отъ какой либо земной власти послѣ паденія татарскаго ига, властью своею никому, кромѣ Бога, не обязаннаго. Къ такому заключенію приводитъ взглядъ самаго Іоанна III на свою власть, имъ самимъ высказанный.

Въ 1488 г. въ Москву явился съ дипломатическими порученіями отъ германскаго императора Фридриха III рыцарь Поппель, который говорилъ, будто слышалъ, что Іоаннъ III отправлялъ пословъ къ папѣ съ просьбой дать ему титулъ короля, но польскій король, узнавъ объ этомъ, просилъ папу не удовлетворять ходатайству московскаго государя. Поппель пояснилъ, что право давать титулъ короля принадлежитъ не папѣ, но римскому императору, причемъ предложилъ ходатайствовать предъ императоромъ о дарованіи королевскаго титула московскому государю; кромѣ этого Поппель предложилъ Іоанну III выдать дочь его за племянника императора. На первое предложеніе дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ отвѣтилъ Поппелю отъ имени Іоанна III: „Государь нашъ, Князь Великій, велѣлъ тебѣ говорить:... что еси намъ говорилъ о королевствѣ, если намъ

¹⁾ „Чтен. въ ист. Об. Нестора лѣтописца“, кн. VI, стр. 7 и слѣд.

любо отъ Цесаря хотѣти Кралемъ поставлену быти на своей землѣ, и мы Божіею милостію Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмь нынѣ Государи на своей землѣ, а постановленія, какъ есмь напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ“ ¹⁾. Отправляя въ слѣдующемъ 1489 г. посла своего грека Юрія Траханіота къ германскому императору, Іоаннъ III титулуется себя: „Божіею милостію Великій Государъ всеа Руси, Володимирскій и Московскій“ и т. д. На предложеніе, сдѣланное Поппелемъ Іоанну III, выдать дочь за императорскаго племянника маркграфа Альбрехта баденскаго, московскій посолъ получилъ наказъ дать такой

¹⁾ „Памятники диил. св.“ I, 10—12. Что слухамъ, будто Іоаннъ III просилъ у папы королевскій титулъ, въ Европѣ вѣрили, видно изъ грамоты папы Сикста IV, написанной въ 1484 г. королю польскому. Папа писалъ королю, что посолъ нольскій передалъ ему слѣдующее: король знаетъ, что московскій государъ отпавилъ въ Римъ пословъ съ намѣреніемъ испросить для себя титулъ императора или короля всеа Россіи (...*Imperialem sive regalem dignitatem in tota Ruthenica natione...*), поэтому король, обращая вниманіе папы на то, что дарованіе такого титула московскому государю представляется дѣломъ весьма важнымъ, проситъ папу отложить обсужденіе просьбы Іоанна III до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ въ Римъ послы короли, специально для этого посылаемые; польскій посолъ передалъ Сиксту IV увѣренность своего государи въ томъ, что папа, отечески расположенный къ королю, отнесется къ домогательству московскаго государи, если оно дѣйствительно проявлено было (...*Si ad nos (къ папѣ) ille (Іоаннъ III) miserit pro huiusmodi impetratione*), исполнѣ обдуманно и выслушаетъ въ этомъ дѣлѣ всего прежде королевскихъ пословъ (Theiner, *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, t. II, № 257. Romae, an 1861). Извѣстій о посольствѣ Іоанна III къ папѣ съ подобнымъ порученіемъ нѣтъ (Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшн. снош. Россіи“, II, 233; Pierling, *La Russie est.* I, 202). И король польскій, какъ видно изъ словъ его посла, переданныхъ папѣ, не былъ увѣренъ, что Іоаннъ III обращался въ Римъ съ просьбой о пожалованіи его какимъ либо титуломъ. Нѣтъ основаній думать, что Іоаннъ III просилъ у папы императорскій или королевскій титулъ. Папская грамота, свидѣтельствующая, что слухамъ объ искательствѣ королевскаго титула Іоанномъ III въ Римѣ вѣрили и въ Польшѣ, обнаруживаетъ опасеніе польскаго короля, чтобы папа не далъ московскому государю титула императора или короля *всеа Россіи*, что являлось бы санкціей собиранія московскимъ государемъ русскихъ земель.

отвѣтъ: „за того Маркграбія Государю нашему дати (свою дочи) не пригоже; занже Государь нашъ многимъ землямъ Государь есь Великій“ ¹⁾. Въ случаѣ увѣреній со стороны дипломатовъ германскаго императора, что бракъ дочери московскаго государя съ маркграфомъ Альбрехтомъ не унизителенъ для чести ея отца, московскій посоль долженъ былъ отвѣтить: „Государь нашъ, Великій Государь уроженный изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними Римскими Цари, которые Римъ отдали Папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его, Государь нашъ, и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя до Ивана Палеолога Римскаго Царя; ино такому Великому Государю какъ давати своя дочи за того Маркграбія?“ ²⁾. Въ случаѣ вопроса со стороны дипломатовъ императорскихъ, не выдастъ ли Іоаннъ III свою дочь за сына императора, московскій посоль долженъ былъ подать надежду на успѣхъ такого сватовства: „Цесарь и сынъ его Максиміанъ Государеве Великіе, а нашъ Государь Великій жъ Государь; и коли пошлетъ Цесарь къ нашему Государю о томъ дѣлѣ своего человѣка, и язъ надѣюся, что Государь нашъ съ Цесаремъ то дѣло хочеть дѣлати“ ³⁾.

Смыслъ рѣчей, наказанныхъ Іоанномъ III своему послу, ясенъ: московскій государь такой же могущественный государь, какъ и императоръ, потому что владѣеть многими землями по наслѣдству отъ предковъ своихъ; предки Іоанна III были въ дружбѣ еще съ тѣми римскими императорами, которые, отдавъ Римъ папѣ, царствовали въ Византіи, и дружба эта продолжалась между отцомъ Іоанна III и зятемъ его Іоанномъ Палеологомъ, византійскимъ императоромъ ⁴⁾, поэтому бракъ дочери московскаго государя съ маркграфомъ унизителенъ для чести перваго.

¹⁾ „Пам. дипл. св.“ I, 17.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, 18.

⁴⁾ Дочь вел. кн. московскаго Василия I Дмитріевича Анна, выданная въ 1411 г. замужъ за Іоанна Палеолога, сына византійскаго императора Мануила Палеолога, скончалась въ 1417 г. Іоаннъ вступилъ на византійскій престолъ послѣ ея смерти въ 1420 г. (Muralt „Essai de chronographie Byzantine“, Paris 793, 800, 804, Спб. 1871 г.).

Іоаннъ III не написалъ себя царемъ въ грамотѣ къ германскому императору, и сынъ послѣдняго, король римскій Максимилианъ, не называлъ Іоанна III царемъ ¹⁾; также и Іоаннъ III въ сношеніяхъ съ Максимилианомъ не усвоилъ себѣ царскаго титула ²⁾. На подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына короля римскаго Максимилиана, Іоаннъ III и сынъ его Василій названы царями, но въ текстѣ грамоты Іоаннъ III царемъ не названъ ³⁾; въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ Филиппу Іоаннъ III и сынъ его также не титулуютъ себя царями ⁴⁾. Въ записанныхъ въ посольской книгѣ рѣчахъ пословъ короля Максимилиана къ Іоанну III послѣдній нѣсколько разъ названъ царемъ ⁵⁾, но въ отвѣтахъ на эти рѣчи отъ имени его царемъ не называется ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ дипломатическихъ донесеніяхъ грека Юрія Траханіота съ товарищемъ, писанныхъ къ Іоанну III, послѣдній названъ царемъ ⁷⁾, въ нѣкоторыхъ же только великимъ княземъ ⁸⁾. Называлъ себя царемъ Іоаннъ III въ сношеніяхъ съ Любекомъ, Нарвою, Ревелемъ и магистромъ Ливоніи ⁹⁾, но не усвоилъ себѣ царскаго титула въ грамотахъ къ герцогамъ мекленбургскому и саксонскому ¹⁰⁾. Въ договорной грамотѣ датскаго короля Іоанна, писанной въ 1493 г., Іоаннъ III названъ императоромъ (*Cum illustrissimo et potentissimo domino Iohanne totius Rutzsie imperatore, magno Duce Validmorie, Moscovie...*) ¹¹⁾. Въ сношеніяхъ съ польскими и литовскими го-

¹⁾ „Пам. дипл. сн.“ I, 27, 66, 68, 70, 108, 110, 116, 117, 118, 127, 140.

²⁾ Тамъ же, I, 35, 37, 38, 78—81, 83—86, 110, 119, 122, 123.

³⁾ Тамъ же, I, 128—129.

⁴⁾ Тамъ же, I, 135, 137.

⁵⁾ Тамъ же, I, 73, 77, 129, 131.

⁶⁾ Тамъ же, I, 78—82.

⁷⁾ Тамъ же, I, 64, 105, 115.

⁸⁾ Тамъ же, I, 49, 62, 99, 102, 104. Названъ также царемъ Іоаннъ III въ донесеніи другого его дипломата грека—Димитрія Ларева (С. Р. И. Об. т. 41, стр. 519).

⁹⁾ Тамъ же, I, 46, 47, 59—61, 87, 96—98, 114.

¹⁰⁾ С. Г. Г. и Д. V, № 19 и 20.

¹¹⁾ Тамъ же, V, стр. 129. Быть можетъ, названіе *Imperator* въ данномъ случаѣ переводъ слова „обладатель“ (повелитель); объ этой грамотѣ см. Юсифъ, „Историческая „Датскій Архивъ“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“, 1893 кн. I, стр. 1.

сударями Іоаннъ III называлъ себя великимъ княземъ ¹⁾; такой же титулъ давался и ему со стороны названныхъ государей ²⁾. Отправляя въ 1493 г. посла своего Димитрія Загряжскаго къ великому князю литовскому Александру, Іоаннъ III впервые въ грамотѣ своей къ нему назвалъ себя великимъ княземъ „всѣя Русіи“ и велѣлъ послу своему такъ титуловать себя въ рѣчахъ къ литовскому великому князю. Въ случаѣ вопроса со стороны кого либо при литовскомъ дворѣ, почему Іоаннъ III титулуется себя такъ, какъ никто изъ его предковъ и какъ самъ онъ не титуловалъ себя ранѣе въ сношеніяхъ съ литовскимъ великимъ княземъ, московскому послу наказано было отвѣтить: „государь мой со мною такъ приказалъ, а хто хочетъ то вѣдати, и онъ поѣдь на Москву, тамъ ему про то скажутъ“ ³⁾. Іоаннъ III упорно добивался признанія новаго его титула со стороны великаго князя литовскаго ⁴⁾. Право называться государемъ всея Руси Іоаннъ III основывалъ на томъ, что „вся Русская земля, Божьею волею, изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина“ ⁵⁾. Въ сношеніяхъ съ княземъ Конрадомъ мазовецкимъ Іоаннъ III называетъ себя только государемъ всея Руси и великимъ княземъ ⁶⁾, также не назвалъ его царемъ и князь мазовецкій въ грамотѣ своей къ нему, но посолъ мазовецкій въ рѣчи своей къ Іоанну III титуловалъ его царемъ ⁷⁾. Въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ Іоаннъ III писалъ себя „князь великій“ ⁸⁾ или „Б. м. единъ правой государь всеи Русіи отчичъ и дѣдичъ и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь“ ⁹⁾, и крымскій ханъ титуловалъ Іоанна III великимъ кня-

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 6—9, 13, 18, 22—25, 40—43, 52 и т. д.

²⁾ Тамъ же, стр. 14, 19, 34, 47, 53, 57, 72 и т. д.

³⁾ Тамъ же, стр. 80—82 и слѣд.

⁴⁾ Тамъ же, №№ 22, 24, 31, 36, 40, 53, 56, 61, 63, 67, 75. См. изслѣдованіе Г. О. Карпова „Исторія борьбы Московскаго Государства съ Польско-литовскимъ“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ 1866 г., кн. IV, стр. 10 и слѣд. 115 и слѣд., 153.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 380.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 95 и слѣд.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 90 и 91.

⁸⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 1—5, 12, 15 и т. д.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 161, 184, 189, 212.

земь ¹⁾. Въ сношеніяхъ съ ногайскимъ и казанскимъ царями Іоаннъ III также титуловалъ себя великимъ княземъ ²⁾, и ногайскій и казанскій цари называли Іоанна III великимъ княземъ ³⁾. Не усвоаяъ себѣ Іоаннъ III царскаго титула въ сношеніяхъ съ турецкимъ и кафинскимъ султанами, называясь „государемъ всея Руси и великимъ княземъ“ ⁴⁾, и султаны турецкій и кафинскій не называли Іоанна III царемъ ⁵⁾. Въ грамотѣ къ князю таманскому Захарію Іоаннъ III называетъ себя царемъ ⁶⁾, но Захарій въ грамотѣ къ Іоанну III не титулуетъ его царемъ ⁷⁾.

Далеко не всегда писался царемъ и Василій III. Въ 1506 г. пріѣхалъ въ Москву посоль римскаго короля Максимилиана съ грамотою на имя Іоанна III ⁸⁾. Грамота отъ Максимилиана возбудила неудовольствіе Василя III только потому, что въ написанномъ въ ней титулѣ Іоанна III не были перечислены всѣ подвластныя ему земли ⁹⁾. Іоаннъ III въ этой грамотѣ названъ былъ „великимъ княземъ и господиномъ всея Руси“ ¹⁰⁾, но посоль Максимилиана титуловалъ Василя III царемъ ¹¹⁾. Московскіе дипломаты, ведшіе съ названнымъ посломъ переговоры отъ имени Василя III, называли послѣдняго „Б. м. государемъ всея Руси и великимъ княземъ“ ¹²⁾, также и Василій III въ грамотѣ своей къ Максимилиану не титуловалъ себя царемъ ¹³⁾, какъ и въ грамотахъ, писан-

¹⁾ Тамъ же, стр. 104—107, 110, 121—125, 150 и т. д.

²⁾ Съ первымъ—тамъ же, стр. 83, 84, 95, 96, 199; со вторымъ—тамъ же, стр. 85—86, 92, 93, 96, 97, 130 и т. д.

³⁾ Первый—тамъ же, стр. 81, 198, одинъ разъ—только княземъ (стр. 94); второй—тамъ же, стр. 92, 131, 207.

⁴⁾ Съ первымъ—тамъ же, стр. 162, 233, 281; со вторымъ—тамъ же, стр. 231, 232, 280, 290, 293, 399, 429.

⁵⁾ Первый—тамъ же, стр. 244, 245, 247, 289, 391; второй—289, 391, 452.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 41, 72; безъ царскаго титула—стр. 77.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 72.

⁸⁾ По объясненію королевскаго посла имя Іоанна III вписано было въ грамоту писцомъ по ошибкѣ, такъ какъ Максимилиану было извѣстно, что Іоаннъ III уже скончался („Пам. дипл. сн.“ I, 145).

⁹⁾ „Пам. дипл. сн.“ I, 145.

¹⁰⁾ Тамъ же, 140.

¹¹⁾ Тамъ же, 141.

¹²⁾ Тамъ же, 144—146; только государемъ—147.

¹³⁾ Тамъ же, 148.

ныхъ Максимилиану же по избраніи послѣдняго императоромъ ¹⁾. Въ грамотѣ, написанной Василию III въ 1514 г. императоръ Максимилианъ назвалъ послѣдняго цесаремъ ²⁾. Вслѣдствіе этого, повидимому, когда въ 1517 г. явился въ Москву посолъ Максимилиана баронъ Герберштейнъ, московскіе дипломаты стали называть въ рѣчахъ къ нему своего государя царемъ ³⁾; упоминая отца Василия III, московскіе дипломаты и его титуловали царемъ ⁴⁾. Герберштейнъ въ рѣчи къ Василию III и въ запискахъ, имъ поданныхъ московскимъ боярамъ, называлъ его и царемъ ⁵⁾, и только государемъ, часто съ прибавленіемъ „великій“ ⁶⁾, и „наияснѣйшимъ начальникомъ“ ⁷⁾, но императоръ въ этотъ разъ въ своихъ грамотахъ къ Василию III называлъ его только „наияснѣйшимъ начальникомъ“ ⁸⁾. Тѣмъ не менѣе, отправляя своего посла въ 1518 г. къ императору Максимилиану, Василий III впервые снабдилъ посла наказомъ титуловать себя царемъ въ рѣчахъ, которыя посолъ долженъ былъ говорить императору ⁹⁾, и въ грамотѣ къ императору назвалъ себя царемъ ¹⁰⁾. Но императоръ и въ этотъ разъ въ отвѣтной грамотѣ къ Василию III не написалъ его царемъ ¹¹⁾, и, какъ видно изъ статейнаго списка московскаго посла, ни императоръ, ни дипломаты его въ рѣчахъ къ послу не называли государя его царемъ ¹²⁾. Изъ послѣдующихъ

¹⁾ Тамъ же, 152, 156.

²⁾ Тамъ же, 1504—1506, 1508; объ этой грамотѣ въ „Пам. дипл. св.“ II, 1431 и слѣд. Причина названія Василия III цесаремъ со стороны германскаго императора изъяснена въ статьяхъ проф. Вауэра (Ж. М. Н. Пр. 1870 г. № 3, стр. 78 и слѣд.) и г. Писаревскаго („Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в.“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“ 1895 г., кн. II, стр. 4 и слѣд.

³⁾ „Пам. дипл. св.“ I, 194, 195, 203—205, 208, 214—216, 223—226, 233—237 и т. д.

⁴⁾ Тамъ же, 209, 213, 214, 225, 286, 287 и т. д.

⁵⁾ Тамъ же, 216, 220, 222, 229, 230, 232.

⁶⁾ Тамъ же, 206, 208—210, 212 и т. д.

⁷⁾ Тамъ же, 243—245, 252, 253 и т. д.

⁸⁾ Тамъ же, 217, 310.

⁹⁾ Тамъ же, 315, 316, 320, 322.

¹⁰⁾ Тамъ же, 316.

¹¹⁾ Тамъ же, 341.

¹²⁾ Тамъ же, 343—356.

по времени памятниковъ дипломатическихъ сношеній Василия III съ германскимъ императоромъ видно, что хотя московскій государь продолжалъ называть себя царемъ ¹⁾, однако императоръ не титуловалъ его такъ ²⁾, равнымъ образомъ и императорскіе послы только нѣсколько разъ назвали Василия III царемъ ³⁾, обыкновенно же называли его: государемъ, великимъ государемъ, великимъ княземъ, наияснѣйшимъ начальникомъ ⁴⁾, на что Василий III не изъяслялъ никакого протеста и признанія за собою царскаго титула со стороны императора не требовалъ.

Въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ Василий III не называлъ себя царемъ ⁵⁾ и, какъ онъ не усвоилъ себѣ царскаго титула въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государемъ, такъ и послѣдній не называлъ его царемъ ⁶⁾.

Въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ Василій III, подобно отцу своему, не употреблялъ царскаго титула ⁷⁾, и крымскій ханъ въ своихъ грамотахъ къ Василию III не называлъ его царемъ ⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, 357—359, 361, 374—381, 390—393, 399, 402 и т. д.

²⁾ Тамъ же, 362, 370.

³⁾ Тамъ же, 388, 414, 439.

⁴⁾ Тамъ же, 381, 382, 384, 387, 388, 394—400, 406, 408, 415, и т. д., 457—462, 465, 466, 470, 471, 476.

⁵⁾ С. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 500, 507, 555, 592, 601, 606, 611, 618, 637, 643, 678 и т. д. Подъ 1517 г. въ посольской книгѣ польскаго двора записаны рѣчи московскихъ бояръ, сказанныя отъ имени Василия III Герберштейну, въ которыхъ Василій III называется царемъ; непосредственно за этими рѣчами вписаны рѣчи московскихъ же бояръ къ польскимъ посламъ, но въ этихъ рѣчахъ Василій III не называется царемъ (тамъ же, стр. 506 и слѣд.). Въ 1526 г. послѣ аудіенціи, данной Василиемъ III одновременно посламъ папы, императора и польско-литовскимъ, бояре говорили всѣмъ имъ поочередно рѣчи, въ которыхъ называли Василия III царемъ (тамъ же, стр. 718 и слѣд.). Это единственный разъ, когда въ отвѣтъ польско-литовскимъ посламъ Василій III названъ былъ боярами его царемъ, потому, должно быть, что боярами передавался отвѣтъ Василия III при послахъ папы и императора, предъ которыми, въ присутствіи польско-литовскихъ, Василій назывался царемъ.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 505, 575, 598, 605, 608, 624, 674 и т. д.

⁷⁾ С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 56, 132, 178, 180, 191, 255, 256 и т. д., 456, 459, 477, 480 и т. д.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 19, 21, 22, 25—30, 70, 75, 76 и т. д., 148—150 и т. д., 509, 521 и т. д.

Точно также въ грамотахъ къ турецкому султану Василій III не писалъ себя царемъ ¹⁾, и турецкій султанъ не титуловалъ его такъ ²⁾. Въ сношеніяхъ съ ногайскими мурзами Васи́лемъ III не употреблялся царскій титулъ ³⁾, и мурзы не называли его царемъ ⁴⁾.

Въ грамотахъ къ датскому королю Василій III писалъ себя царемъ ⁵⁾, и датскій король признавалъ за нимъ этотъ титулъ ⁶⁾. Въ сношеніяхъ съ магистромъ прусскаго ордена Василій III писалъ себя въ грамотахъ къ нему царемъ, и московскіе дипломаты въ рѣчахъ къ магистру и посланникамъ его титуловали государя своего царемъ ⁷⁾. Также и магистръ въ своихъ грамотахъ къ Васи́лю III и посланники его въ рѣчахъ, которыя говорили московскому государю, называли его царемъ ⁸⁾. Въ 1519 г. магистръ прусскаго ордена сообщилъ Васи́лю III чрезъ своего посла Дитриха Шонберга, что у него былъ папскій посолъ, который говорилъ о миссіи своей составить союзъ изъ всѣхъ христіанскихъ государей для борьбы съ турецкимъ султаномъ ⁹⁾. Папа, доносилъ со словъ папскаго посла магистръ Васи́лю III, желаетъ „его и всѣхъ людей Русскіе земли приняты въ единачество и согласье римскіе церкви, не умаляя и не премѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ... А наияснѣйшаго и непобѣдимѣйшаго царя всеа Русіи хотеть короновати въ христіанскаго царя, и того папа отъ сердца желаетъ... А отъ того папа не просить ничего прибытка, но толко хотеть хвалы Божьей и соединеніе христовѣрныхъ, и чтобы свершеніе то дѣло противъ турскаго впередъ шло“ ¹⁰⁾. Въ случаѣ, писалъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 85, 106, 335, 426, 619, 683.

²⁾ Тамъ же, стр. 95, 236, 673.

³⁾ Тамъ же, стр. 1, 3—6, 9, 10, 15, 16.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 10, 11—14.

⁵⁾ „Рус. Ист. Библ.“ т. XVI, №№ 1, 3, 5, 6, 7, 8 и т. д.

⁶⁾ Ю. Н. Щербачева „Датскій Архивъ“ въ „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.“ 1893 г., кн. I, стр. 4.

⁷⁾ С. И. Р. И. Об. т. 53, стр. 7, 11, 19—21, 25—27, 37—39, 41, 50, 51, 52 и т. д., 229, 237, 240, 251, 252.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 6—10, 15—17, 21—23, 34, 35, 37, 42, 43—50 и т. д., 192—194, 204, 226, 231, 245.

⁹⁾ Объ этомъ посольствѣ у Pierling'a въ *La Russie et le Saint-Siège*, I, 265

¹⁰⁾ С. И. Р. И. Об. т. 53, стр. 85 и слѣд.

магистръ Василию III, если бы онъ пожелалъ „за свою отчину константинопольскую стоять и онъ имѣеть нынѣ пригоденъ путь да и помочь, что ни за сто лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ наслѣдники константинопольскіе не имѣли“... ¹⁾). Василий III отвѣтилъ чрезъ своихъ бояръ Шонбергу, что императоръ германскій, извѣстивъ его о союзѣ, имъ заключенномъ со многими государями для борьбы противъ турецкаго султана, предложилъ ему заключить перемиріе съ польскимъ королемъ, на что онъ далъ уже отвѣтъ императору; кромѣ этого Василий III велѣлъ сказать Шонбергу, что намѣренъ быть и впредь союзникомъ магистра ²⁾). Не получивъ отвѣта на всѣ переданныя Василию III предложенія, Шонбергъ сказалъ боярамъ: „въ моемъ посольствѣ много статей было, а вы отъ великаго князя говорили мнѣ двѣ главизны, да много язъ говорилъ“ ³⁾). Не получивъ опять отвѣта, Шонбергъ заявилъ, „что онъ свое посольство говорилъ совѣтникомъ, да на то на все отъ совѣтниковъ отвѣта не воспринялъ, ни пакъ разумѣти можетъ, что великому князю мѣшаетъ взять перемиріе (съ польскимъ королемъ) для общаго христіанскаго добра противу христіанскаго врага Турка, *кой держитъ наслѣдіе царя всеа Руси*“ ⁴⁾). Ему отвѣтили бояре, что „*князь велики хочетъ вотчины своее земли Русскіе*...“ ⁵⁾). Шонбергъ указываетъ московскому государю на его „константинопольскую отчину“, ⁶⁾, а бояре московскіе ему говорятъ, что Василий III „хочетъ вотчины своее земли Русскіе“... Отвѣта на предложенную церковную унію и на выраженное папою желаніе вѣнчать на царство московскаго государя Шонбергъ въ Москвѣ не получилъ. Въ томъ же 1519 году было отправлено посольство Василиемъ III къ магистру прусскому съ отвѣтомъ на предложенія Шонберга. Въ случаѣ, если бы магистръ спросилъ московскаго посла, не пожелаетъ ли Василий III „съ папою быти въ единачествѣ и въ согласѣ о законѣ“, посоль долженъ былъ ска-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, стр. 88 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 89.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 91.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 92.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 86.

затѣ, что государь его „и впередъ, зѣ Божіею волею, законъ свой греческой хочеть крѣпко держати“ ¹⁾. Соглашаясь помириться съ польскимъ королемъ, если послѣдній возвратитъ ему его „отчину“— русскую землю, и примкнуть къ союзу христіанскихъ государей, направленному противъ турецкаго султана, Василій III не только не называетъ Византію своимъ наслѣдіемъ или отчиною, но и совсѣмъ не упоминаетъ о ней; онъ не думаетъ, кому должна она достаться въ случаѣ успѣшной войны противъ турокъ; одна у него забота: возвратитъ себѣ, кромѣ отвоеваннаго Смоленска, другіе русскіе города— „отчину“ свою, которые принадлежали еще въ то время литовскому государю ²⁾.

Посолъ Василія III къ магистру прусскому, отправленный въ началѣ апрѣля 1519 г. изъ Москвы, долженъ былъ на вопросъ магистра, желаетъ ли московскій государь быть въ сношеніяхъ съ папою, отвѣтитъ утвердительно ³⁾. Въ сентябрѣ того же 1519 г. изъ Рима была послана грамота папы Льва X къ Василию III. Въ этой грамотѣ великій князь названъ: *Nobilis vir, dux Moscoviae et Russiae princeps* ⁴⁾. Такъ же титулуется московскій государь въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 118.

²⁾ Тамъ же, стр. 105 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 118. Очеркъ сношеній Рима съ Москвою при вел. кн. Василіи III въ статьѣ О. И. Успенскаго: „Сношенія Рима съ Москвой“ въ Ж. М. Н. Пр., 1884 г., августъ, стр. 374.

⁴⁾ *Histor. Rus. monum.*, собран. А. И. Тургеневымъ, I, стр. 128 и въ изд. прот. Григоровича: „Переписка папъ съ рос. государями въ XVI в.“, стр. 3, Спб. 1834. Прот. Григоровичъ приводитъ въ русскомъ переводѣ болѣе раннюю по времени грамоту папы Льва X къ Василию III, написанную въ 1518 г., и наказъ, данный папскому легату Шонбергу, напечатанные имъ по списку изъ библиотеки графа Н. П. Румянцева. Въ грамотѣ московскій государь титулуется: „благородный мужъ Василій, великій и державнѣйшій князь всея Русіи и Московіи“, а въ наказѣ папскому легату велѣно было передать Василию III, что за принятіе флорентійской уніи ему будетъ данъ папою королевскій титулъ (назв. изд., прим. 1 на стр. 95). Прот. Григоровичъ, указавъ на отсутствіе извѣстій объ этомъ посольствѣ въ лѣтописяхъ русскихъ, замѣчаетъ, что посольство это не имѣло никакого успѣха и предполагаетъ, что Василій III не отвѣтилъ папѣ (тамъ же, стр. 99). О. Пярлингъ говоритъ, что доминиканецъ Шонбергъ, на котораго была возложена въ Римѣ миссія въ Москву, задержанъ былъ въ Польшѣ, выполнилъ же ее отецъ его—тевтонскій рыцарь Шонбергъ (*Papae et Tsars*, 12. Посольство къ Василию III рыцаря Шонберга изложено выше).

грамотѣ къ нему отъ папы Климента VII въ 1524 г. ¹⁾. Въ отвѣтной грамотѣ къ папѣ, написанной въ 1525 г., Василій III титуловалъ себя: *Magnus Dux Basilius, Dei gratia Imperator et Dominator totius Russiae...* ²⁾. Такъ же написанъ титулъ Василя III и въ другой его грамотѣ къ папѣ Клименту VII ³⁾.

¹⁾ Назв. изд. прот. Григоровича, стр. 9. Папа между прочимъ писалъ Василю III: *Intelliges, et re ipsa experiere, nos tantam gerere Tui honoris et Tuae amplificandae dignitatis curam...* (тамъ, стр. 15). На это обѣщаніе Василій III ничего не отвѣтилъ (тамъ же, стр. 19—21; объ этомъ посланіи Климента VII см. у Pierling'a, *La Russie et le Saint-Siège*, I, стр. 291). Только съ княжескимъ титуломъ написано было въ ноябрѣ 1525 г. папское брѣвѣ къ Василю III; въ этомъ брѣвѣ Климентъ VII обѣщалъ Василю III, „если состоится желаемое соединеніе (*desiderata conjunctio*)“, позаботиться о возвеличеніи его сана и достоинства (Theiner, *Vetera mon. Poloniae et Lithuaniae*, t. II, № 460). Передача этого брѣвѣ Василю III возложена была на епископа Іоанна Франциска (объ этой миссіи см. у о. Пирлинга, *La Russie eccl.* I, 298).

²⁾ Прот. Григоровичъ переводитъ: „Великій государь Василій, Б. м. царь и самодержецъ“... (назв. изд. стр. 19).

³⁾ Назв. изд. прот. Григоровича, стр. 25. Герберштейнъ передаетъ, что Василій III въ сношеніяхъ съ папою называлъ себя царемъ: *Se Regem et Dominum totius Russiae vocat* (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, ed. 1556 an., pag. 18; подѣ „*regem*“ Герберштейнъ разумѣлъ „царь“, но не король, что видно изъ его словъ: *Czar Rhutenica lingua regem significat* (*ibid.*, pag. 16). Опровергая существовавшее мнѣніе, будто московскій государь домогался царскаго титула отъ папы или отъ императора, Герберштейнъ пришелъ къ заключенію, что московскій государь самъ *Se et regem et imperatorem facit* (*ibid.*, pag. 18). Онъ же говоритъ, что тщательно разыскивалъ причину названія московскаго государя „бѣлымъ царемъ“ и часто, при удобномъ случаѣ, говорилъ московскимъ боярамъ, что императоръ не признаетъ за ихъ государемъ царскаго титула. Причины названія московскаго государя „бѣлымъ царемъ“ Герберштейну не могли указать, но *Plerique* (въ числѣ ихъ и московскіе бояре?) *hanc Regii nominis rationem esse putabant, quod sub imperio suo reges haberet. Albi vero rationem nullam habebant..* (*ibid.*, pag. 16). Интересный взглядъ на причину усвоенія царскаго титула сыномъ Софьи Палеологъ! Такой же взглядъ на причину усвоенія царскаго титула, но только другимъ государемъ—Іоанномъ IV, высказалъ въ XVII в. Котошихинъ: „Великій князь Иванъ Васильевичъ Московскій, Гордый, со многими своими князи и зѣ бояры, ходилъ войною со многими войски подѣ Казанское. и Астараханское, и Сибирское царствы; и Божіимъ изволеніемъ, плѣнилъ тѣхъ царствъ царей, съ ихъ государствомъ и зѣ землями... И съ того времени учинидся онъ великій князь надѣ Московскимъ государствомъ, и надѣ тѣ[ми] взятymi царствы, и надѣ прежними княжства, царемъ и великимъ княземъ Иваномъ“.

Ни дѣдъ, ни отецъ Іоанна IV не требовали признанія за ними царскаго титула со стороны тѣхъ государей, съ которыми имѣли сношенія. Первый потребовалъ такого признанія Іоаннъ IV. Въ 1576 г. въ Москву явилось посольство германскаго императора; Іоанна IV, короновавшагося царскимъ вѣнцомъ и впервые начавшаго усвоить себѣ царскій титулъ по отношенію къ своимъ подданнымъ, бояре и приставленные къ императорскимъ посламъ лица титуловали въ рѣчахъ, которыя держали къ посламъ, царемъ ¹⁾, между тѣмъ въ грамотахъ императора Максимилиана II и брата его Карла австрійскаго Іоаннъ IV не былъ названъ царемъ ²⁾. Въ письменномъ изложеніи цѣли своего посольства, поданномъ Іоанну IV, послы германскіе также не называли его царемъ ³⁾. Цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы склонить царя оказать содѣйствіе сыну императора въ достиженіи польской короны и привлечь его къ союзу христіанскихъ государей противъ Турокъ. За это императоръ обѣщалъ Іоанну IV содѣйствіе свое, папы и другихъ государей въ томъ, чтобы „все Цесарство Греческое на востокъ солнца“ принадлежало ему, такъ что московскій государь „за восточнаго Цесаря отъ Его Цесарскіе Милости и святаго папы Римскаго, а на досталь ото всего Хрестыянства навѣки былъ честенъ и славенъ...“ ⁴⁾. Іоаннъ IV принялъ предложеніе императора присоединиться къ союзу съ нимъ и другими государями, дабы „на всякихъ недруговъ стоять всѣмъ имъ заодно“ ⁵⁾, изъявилъ согласіе помогать сыну императора въ достиженіи имъ не только польской ко-

Васильевичемъ всеа Русіи; и таковымъ обычаемъ въ Російской землѣ началось царствованіе“ (стр. 1, изд. 3-е. См. объ этомъ извѣстіи Котошихина въ изслѣдованіи проф. Маркевича „Г. К. Котошихинъ и его сочиненіе о-московскомъ государствѣ“, стр. 92 и слѣд.; сравн. мнѣніе А. Н. Пыпина въ „Вѣстникъ Европы“, 1896 г., сентябрь, стр. 278). Другой современникъ царя Алексѣя Михайловича—архидіаконъ Павелъ Алепискій—передаетъ, что Іоаннъ IV принялъ царскій вѣнецъ по совершеніи „славныхъ дѣлій“, въ числѣ которыхъ называетъ завоеваніе Казани и Астрахани („Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“, 1898 г., кн. 3, стр. 62).

¹⁾ „Пам. дипл. сн.“, I, 485, 490, 492, 495, 496 и т. д.

²⁾ Тамъ же, стр. 515 и 517.

³⁾ Тамъ же, 518—532.

⁴⁾ Тамъ же, 529.

⁵⁾ Тамъ же, 565.

роны, но и великаго княжества литовскаго, если только послѣднее не пожелаетъ быть подъ его властью, и если послы императорскіе въ Москвѣ заключать договоръ о нѣкоторыхъ порубежныхъ дѣлахъ ¹⁾, но отвѣта на предложеніе „Цесарства Греческаго“ и титула „восточнаго Цесаря“ не дали. Въ отвѣтъ императорскому посольству московскіе дипломаты, по обыкновенію, повторили всѣ предложенія императора, сдѣланныя Іоанну IV, въ числѣ ихъ и предложеніе „Царства Греческаго на востокъ солнца“ ²⁾, но отвѣта на это предложеніе не дали, если не считать косвеннымъ согласіемъ на него изъясненную Іоанномъ IV готовность применить къ союзу съ германскимъ императоромъ и другими государями. Императорское посольство просило у Іоанна IV охранной грамоты для толмача, который привезъ бы царю отъ императора „царская корона и иные дорогіе узорочья“ ³⁾, но Іоаннъ IV оставилъ и это предложеніе безъ отвѣта.

Отправляя въ 1576 г. отвѣтное посольство къ императору (князя Сугорскаго и дьяка Арцыбашева), Іоаннъ IV наказалъ своимъ посламъ въ случаѣ, если совѣтники императора не будутъ называть его царемъ, говорить, что еще въ грамотахъ отъ императора Максимилиана I къ Василию III послѣдній именованъ былъ царемъ, Іоанну же IV „свыше того многіе великіе особные Царства... Богъ поручилъ, и Государю нашему какъ своего имени отступиться?—и Цесаръ бы Максимилианъ имени Государя нашего Царскаго Величества тѣмъ не безчестилъ, а велѣлъ писать съ Царскимъ именемъ по прежнему обычаю, какъ въ прежнему докончанъ было дѣду Государя вашего Максимилиану Цесарю со Государя нашего, Царя и Великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, отцомъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ, Царемъ Васильемъ Ивановичемъ, и вы того посмотрите въ Государя своего въ прежнюю, въ докончальную грамоту, и вамъ про то будетъ извѣстно; а Государь нашъ, Царь и Великій Князь цесарева имени ни чѣмъ не уменьшаетъ, пишетъ къ нему о всемъ по его майстату“ ⁴⁾. Ссылаясь на договорную грамоту между императоромъ

¹⁾ Тамъ же, 566.

²⁾ Тамъ же, 554.

³⁾ Тамъ же, 539.

⁴⁾ Тамъ же, 604 и слѣд.

Максимиліаномъ I и отцомъ его, Іоаннъ IV имѣлъ въ виду грамоту 1514 г., въ которой Максимиліанъ I называлъ Василя III цесаремъ, и на которую впоследствии ссылался Петръ I въ доказательство правъ своихъ на титулъ императора ¹⁾. Доказательства правъ Іоанна IV на царскій титулъ, которыя должны были представить московскіе послы, являются вполне убѣдительными: если отецъ Іоанна IV признанъ былъ царемъ со стороны германскаго императора, то Іоаннъ IV, имѣвшій еще болѣе правъ на царскій титулъ по сравненію съ отцомъ его вслѣдствіе завоеванія имъ царствъ казанскаго и астраханскаго, имѣлъ несомнѣнные права и на признаніе за нимъ требуемаго титула со стороны императора. Наказавъ своимъ посламъ „стояти накрѣпко, чтобъ имъ отвѣтъ дали съ царскимъ именемъ“, Іоаннъ IV разрѣшилъ имъ въ крайнемъ случаѣ взять отвѣтную грамоту императора безъ царскаго титула, но при этомъ заявить, что требованія признанія со стороны императора царскаго титула за московскимъ государемъ будутъ возобновлены ²⁾. Императоръ уступилъ московскимъ посламъ: въ грамотѣ своей къ Іоанну IV назвалъ его царемъ ³⁾, а въ письменномъ отвѣтѣ императора на рѣчи московскихъ пословъ сказано было, что императоръ ради братской дружбы къ московскому государю велѣлъ писать его царемъ ⁴⁾.

Преемникъ императора Максимиліана II, Рудольфъ II, въ сношеніяхъ своихъ съ Іоанномъ IV титуловалъ его царемъ ⁵⁾.

Въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ Іоаннъ IV не назывался царемъ до 1545 г. ⁶⁾. Такъ какъ посольская книга польскаго двора кончается 1544 г., слѣдующая же начинается дипломатическими сношеніями съ 1549 г., неизвѣстно, какъ титуловалъ себя Іоаннъ IV въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ въ промежутокъ времени отъ 1544 г. по 1549 г. ⁷⁾. На

¹⁾ Назв. изд., II, 1431 и слѣд.

²⁾ Назв. изд., I, 605.

³⁾ Тамъ же, 661.

⁴⁾ Тамъ же, 663. Отчетъ московскихъ пословъ о переговорахъ при императорскомъ дворѣ по поводу царскаго титула въ статейномъ спискѣ ихъ (тамъ же, 688, 690, 692—694).

⁵⁾ Тамъ же, 714, 743—748, 754, 759, 818, 820, 835, 840 и т. д.

⁶⁾ С. И. Р. И. Об., т. 59, стр. 7, 8, 25, 43, 47, 50... 223—225, 256, 257, 261.

⁷⁾ Тамъ же, прим. 263 стр.

основаніи записей сношеній польско-литовскаго государства съ московскимъ, находящихся въ „Книгѣ посольской метрики великаго княжества литовскаго“ можно заключить, что Іоаннъ IV не писался царемъ по крайней мѣрѣ до времени вѣнчанія своего на царство въ 1547 г. Московскій посланникъ Загряжскій, пріѣхавшій къ литовскому государю въ 1548 г. съ предложеніемъ возобновленія перемирія, вызвалъ отправленіе въ Москву литовскаго посольства въ 1549 г., которое возобновило перемиріе на пять лѣтъ ¹⁾. Изъ Москвы, для подтвержденія заключеннаго перемирія, отправлено было въ томъ же году посольство, которое, какъ видно изъ записи „Книги посольской метрики вел. княж. литовскаго“, потребовало, чтобы польскій король титуловалъ Іоанна IV царемъ, потому что Іоаннъ IV вѣнчался на царство подобно предку своему Владиміру Мономаху ²⁾. Король на это требованіе отвѣтилъ отказомъ на томъ основаніи, что, во-первыхъ, никто изъ предковъ Іоанна IV, а также и самъ онъ ранѣе, царями не назывались, во-вторыхъ, кievское княжество, которое нѣкогда принадлежало предку Іоанна IV Владиміру Мономаху, по примѣру котораго вѣнчался царемъ Іоаннъ IV, находилось подъ властью короля, вслѣдствіе чего „никому бы тымъ именемъ и тытуломъ Царства Киевскаго не было пристойно писатися, одно его Королевской милости, а не Великому князю Московскому“... ³⁾. Послы московскіе должны были принять отъ короля грамоту, въ которой государь ихъ не былъ названъ царемъ ⁴⁾, но Іоаннъ IV не отказался отъ мысли быть признаннымъ царемъ со стороны короля.

Когда въ 1549 г. въ Москву пріѣхали послы короля и заключили перемиріе, писарь посольства отказался написать въ перемирной грамотѣ московскаго государя царемъ на томъ основаніи, что прежде король такъ не титуловалъ Іоанна IV. Писарю отвѣтили, что „въ то время государь нашъ на свои государства царемъ не вѣнчался, а нынѣ, съ Божьею волею, государь нашъ на свои государства царемъ вѣнчался по прежнимъ обычаемъ, какъ

¹⁾ „Книга посольская метрики вел. княж. литовскаго“, т. I, стр. 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 52.

былъ на государствахъ Рускихъ царемъ и великимъ княземъ прародитель его Владимиръ Манамахъ Всеволодичъ, и то имя государь нашъ не чужее взялъ, отъ своего прародителя“¹⁾. Такъ какъ писарь этимъ доводомъ не былъ склоненъ къ тому, чтобы написать въ грамотѣ Іоанна IV царемъ, попробовали убѣдить его примѣромъ изъ литовской исторіи: „Ягайло, князь великій литовской, короновался короною и написался къ государемъ нашимъ „королемъ“, и государи наши писали его королемъ же; а нынѣ тому дѣлу по тому жъ быти, какъ государь нашъ, съ Божьею волею, на свои государства царемъ вѣнчался, по тому ему и писатись“²⁾. Писарь отвѣтилъ, что безъ разрѣшенія пословъ не можетъ сдѣлать то, что требуютъ отъ него. Вслѣдствіе этого бояре потребовали отъ пословъ, чтобы тѣ велѣли писарю написать Іоанна IV царемъ въ перемирной грамотѣ. Послы отвѣтили, что Іоаннъ IV не извѣстилъ короля о принятіи имъ царскаго титула, и они не могутъ титуловать его царемъ безъ разрѣшенія на то короля. Бояре имъ возразили, что послѣ царскаго вѣнчанія Іоаннъ IV началъ титуловать себя царемъ, о чемъ извѣстно было королю, потому что посланный къ нему боярский сынъ Ѳеодоръ Загряжскій въ рѣчахъ своихъ отъ царя къ королю называлъ государя своего царемъ; затѣмъ, въ вѣрительной грамотѣ къ королю, данной Загряжскому, а также и въ охранной грамотѣ, которую Загряжскій отвезъ для пословъ короля, и съ которою тѣ пріѣхали въ Москву, Іоаннъ IV написанъ былъ царемъ, „и вы“, спросили бояре пословъ, „по которой грамотѣ ѣхали къ государю нашему, смотрели ли есте тое грамоты?“³⁾. Послы сказали, что король въ отвѣтъ, даннымъ Загряжскому, не титуловалъ Іоанна IV царемъ, и они, послы, подавъ Іоанну IV вѣрительную королевскую грамоту, въ которой тотъ не былъ написанъ царемъ, говорили рѣчи, не называя Іоанна IV царемъ, изъ чего и заключили, что если бы Іоанну IV было не угодно, что его не титулуютъ царемъ, то онъ не принялъ бы ихъ. Бояре, убѣждая пословъ, „припоминали Ягайла короля и иные дѣла многіе, и уговорили ихъ

¹⁾ С. И. Р. И. О. т. 59, стр. 287.

²⁾ Тамъ же, стр. 288.

³⁾ Тамъ же, стр. 289.

не могли“¹⁾. Вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній въ Крыму и Казани царемъ и боярами рѣшено было уступить посламъ и принять отъ нихъ перемирную грамоту безъ царскаго титула, такъ какъ эта грамота должна была остаться въ Москвѣ, въ грамотѣ же къ королю написать имя государя съ царскимъ титуломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, уладивъ дѣла съ Крымомъ и Казанью, „впередъ съ королемъ за то (царскій титулъ) крѣпко стоять и дѣла съ нимъ никакова не дѣлать“²⁾. О такомъ рѣшеніи посламъ не было объявлено, но сказано было отъ имени царя: „и намъ нынѣ которое име Богъ далъ отъ нашего прародителя, царя и великого князя Владимира Манамаха, и намъ въ томъ своемъ имени и быти, а безъ того намъ своего имени ни въ миру ни въ перемирѣ быти нелзѣ“. Посламъ было предложено или вписать въ перемирную грамоту имя государя съ царскимъ титуломъ или отправиться къ королю и передать ему, чтобы онъ прислалъ другихъ пословъ, пока не истекъ срокъ перемирія, которые были бы уполномочены титуловать Іоанна IV царемъ³⁾. Послы предпочли просить отпускнуой аудіенціи, къ которой были допущены, и начали готовиться въ обратный путь, но, не желая возвращаться къ королю, не заключивъ перемирія, предложили заключить его на годъ, въ теченіе котораго царь могъ бы обослаться съ королемъ относительно своего титула. Бояре отвѣтили, что безъ царскаго титула нельзя писать перемирной грамоты даже на одинъ день, а относительно переговоровъ съ королемъ о царскомъ титулѣ сказали: „...государю нашему котораго для дѣла о томъ своемъ имени съ вашимъ государемъ обсылатись? вѣдь государь нашъ то свое царское имя отъ предковъ своихъ взялъ, а не отъ королей, и ему о томъ чего для къ королю посылать?“ Послы утверждали, что пока государь не переговоритъ съ королемъ чрезъ пословъ о своемъ новомъ титулѣ, титулъ этотъ королемъ не будетъ признанъ, а бояре говорили, что „та рѣчь бездѣльная, государю о своемъ (дѣлѣ) чего для обсылатися, не у короля ему того просити, то имъ госуда-

¹⁾ Тамъ же, стр. 290.

²⁾ Тамъ же, стр. 291.

³⁾ Тамъ же, 292.

ремъ дано отъ Бога и отъ ихъ прародителей“... ¹⁾). Видя непреклонность государя, послы попросили назначить имъ пристава, который проводилъ бы ихъ до границы. Бояре доложили объ этомъ царю, который опредѣлилъ имъ пристава, а также донесли о просьбѣ посольскаго писаря дать ему „выпись о царскомъ поставленіи, которымъ обычаемъ государь на царство вѣнчался и какъ предки его то царское имя взяли“ ²⁾). Обсудивъ съ боярами просьбу писаря, царь велѣлъ отказать ему въ выдачѣ такой выписи „того для: толко имъ писмо дати, ино впередъ о томъ отвѣты умыслять, и тогда будетъ въ рѣчахъ говорити о томъ тяжелѣ, коли о томъ отвѣты составлять“ ³⁾). Не смотря на состоявшееся ранѣе рѣшеніе принять въ крайнемъ случаѣ перемирную грамоту отъ королевскихъ пословъ безъ царскаго титула, царь снова подвергъ обсужденію вопросъ: „пригоже ли въ королевѣ грамотѣ наше имя не сполна писати?“ Бояре „приговаривали и били челомъ“ царю принять перемирную грамоту отъ пословъ безъ царскаго титула, ибо „та грамота будетъ у тебя государя въ казнѣ, ино ее кому смотрити?“ Бояре указывали царю, что въ томъ спискѣ перемирной грамоты, который данъ будетъ отъ него королю, имя его прописано съ царскимъ титуломъ, и что велѣдствіе враждебныхъ отношеній къ крымскому и казанскому ханамъ слѣдуетъ пока ладить съ королевемъ, когда же обстоятельства сложатся болѣе благопріятно, тогда требованія признанія царскаго титула со стороны короля можно будетъ возобновить. Царь согласился съ боярами, только рѣшено было не показывать посламъ и виду, что имъ уступаютъ: пристава пословъ велѣно было передать имъ, чтобы они ѣхали изъ Москвы, не обмѣнявшись перемирными грамотами, и если даже „нарядятца послы совсѣмъ и возы хоти попускаютъ и сами въ сани пойдутъ, ино и приставомъ не говорити ничего“... ⁴⁾). Только тогда, когда послы сѣли бы въ сани, приставы должны были объявить посламъ, что бояре прислали сказать, чтобы они еще не ѣхали, потому что надо еще поговорить съ ними о дѣлѣ. „А допустить ихъ до са-

¹⁾ Тамъ же, стр. 295 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 296.

³⁾ Тамъ же, стр. 297.

⁴⁾ Тамъ же.

ней", приговорено было царемъ и боярами, "того для: вѣчто будетъ у пословъ наказъ отъ короля стояти о томъ крѣпко и у послѣд- него дѣла спуститись, ино ужъ посломъ вся крѣпость отойдетъ, какъ въ сани сядутъ ужъ у нихъ болши того крѣпости не чаяти, что ни будетъ наказу, и то тутъ все явится" ¹⁾. Надежда, что послы имѣли наказъ уступить въ случаѣ твердости царя, не оправдалась, они сѣли въ сани, намѣреваясь уѣхать. Пришлось приста- вать, по наказу, удержать пословъ. Бояре предложили имъ послать къ королю за разрѣшеніемъ вписать въ перемирную грамоту имя государя съ царскимъ титуломъ и ждать отвѣта въ Москвѣ. Послы на это не согласились. Донесли объ этомъ царю, который снова предложилъ боярамъ обсудить, слѣдуетъ ли принять грамоту отъ имени короля безъ царскаго титула. Бояре опять отвѣтили утвер- дительно, послѣ чего царь велѣлъ передать посламъ, что согласенъ принять отъ нихъ грамоту безъ царскаго титула, но что „впередъ ожъ Богъ дастъ о томъ хочеть къ брату своему Жигимонту Ав- густу королю приказати съ своими послы" ²⁾.

Такъ упорно домогался Іоаннъ IV признанія за нимъ цар- скаго титула со стороны польско-литовскаго государя, указывая на то, что онъ вѣнчался на царство подобно предку своему Владиміру Мономаху, и что возложеніе на себя царской короны давало ему право на царскій титулъ, который носилъ названный предокъ его, подобно тому, какъ коронованіе польскою короною великаго князя литовскаго Ягайла дало послѣднему право на титулъ короля.

Рѣшеніе царя не прекращать требованій признанія за нимъ царскаго титула со стороны короля было приведено въ испол- неніе. Отправляя въ томъ же 1549 г. своихъ пословъ въ Литву для присутствія при обрядѣ крестнаго цѣлованія короля на пере- мирныхъ грамотахъ, Іоаннъ IV наказалъ имъ передать королю: „милостію Бога вседержителя и родитель нашихъ благословеніемъ, на свои государства царемъ есмь вѣнчались прежде бывшимъ вѣн- чаніемъ прародителя нашего царя и великаго князя Владимера Манамаха"... Послы должны были изъяснить королю неудоволь- ствіе царя на то, что король, хотя царскіе посланники и приво-

¹⁾ Тамъ же, стр. 298.

²⁾ Тамъ же, стр. 298 и слѣд.

зили ему грамоты отъ своего государя, въ которыхъ имя его написано было съ царскимъ титуломъ, въ грамотахъ своихъ къ нему не писалъ его царемъ и не приказалъ такъ титуловать его своимъ посламъ, отправленнымъ въ Москву ¹⁾. Московскіе послы должны были требовать, чтобы король велѣлъ въ перемирной грамотѣ написать имя государя съ царскимъ титуломъ, какъ самъ себя царь пишетъ ²⁾. Въ случаѣ отказа короля титуловать Іоанна IV царемъ московскіе послы получили наказъ говорить: „не напишетъ нынѣ король государя нашего имени сполна, и государю нашему впередъ королева имени сполна не писати; а вѣдь дѣло знаменитое, всѣ государи христіанскіе име свое пишутъ по вѣнчанію, а короли по коронованію. Прежде Ягайла вашимъ государемъ коронованія не было, а Ягайловъ отецъ Олгердъ и не писался королемъ; а Ягайло какъ короновался, и отъ того времени учелъ и писатись. А государь нашъ пишетъ свое име царемъ по своему царскому вѣнчанію и по прародителя своего достоинству царя и великого князя Владимира Манамаха“... ³⁾.

Попытки Іоанна IV добиться признанія его царскаго титула со стороны короля и въ этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ ⁴⁾, но царь отъ нихъ не отказался. Отправляя въ 1550 г. къ королю своего посла Якова Остафьева, Іоаннъ IV далъ ему наказъ, въ случаѣ вопроса, почему онъ титулуется себя царемъ, тогда какъ предшественники его именovali себя великими князьями, отвѣтить: „нашъ государь учинился на царствѣ по прежнему обычаю: какъ прародитель его, великій князь Владимиръ Манамахъ вѣнчанъ на царство Русское, коли ходилъ ратью на царя греческаго Костянтина Манамаха, и царь Костянтинъ Манамахъ тогда прародителю государя нашего, великому князю Володимеру, добилъ челомъ и прислалъ къ нему дары, вѣнецъ царскій и дядиму, съ митрополитомъ ефесскимъ киръ Неофитомъ, и иные дары многіе царскіе прислалъ, и на царство митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и отъ (того) времени именованъ царь и великій князь Владимиръ Мана-

¹⁾ Тамъ же, стр. 309 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 311.

³⁾ Тамъ же, стр. 313.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 331—333, 335.

махъ; и государя нашего нынѣ вѣнчалъ на царство Русское тѣмъ же вѣнцомъ отецъ его Макарей митрополитъ, занже нынѣ землею Русскою владѣетъ государь нашъ одинъ“ ¹⁾. Въ 1550 г. впервые устами своего посла Іоаннъ IV передалъ польско-литовскому государю повѣсть о вѣнчаніи на царство Владиміра Мономаха ²⁾; съ этого времени повѣсть эта дѣлается однимъ изъ доказательствъ правъ московскихъ государей на царскій титулъ. Ссылаясь на нее впервые, Іоаннъ IV указалъ причину своего вѣнчанія на царство вѣнцомъ Мономаха: „занже нынѣ землею Русскою владѣетъ онъ... одинъ“. Такъ какъ Якову Остафьеву королемъ дана была грамота къ Іоанну IV безъ царскаго титула, Остафьевъ отказался принять ее. Четыре недѣли держали его въ Краковѣ; тѣмъ временемъ король совѣщался, какъ писать титулъ московскаго государя. Рѣшено было писать титулъ по прежнему. Вслѣдствіе отказа Остафьева принять грамоту безъ царскаго титула, король отправилъ къ царю съ грамотою своего посланника. По прибытіи послѣдняго въ Москву царь совѣщался съ боярами, слѣдуетъ ли принимать королевскую грамоту безъ царскаго титула. Рѣшено было грамоту принять, но въ грамотѣ къ королю написать имя его безъ королевскаго титула, въ томъ расчетѣ, что если посланникъ королевскій и не возьметъ такой грамоты, то во всякомъ случаѣ донесетъ королю о приведеніи въ исполненіе угрозы умалять его титулъ за умаленіе царскаго титула ³⁾. Королевскій посланникъ, принявъ отъ царя грамоту къ своему государю безъ королевскаго титула, покинулъ ее лишь только выѣхалъ изъ Москвы, пояснивъ сопровождавшему его московскому приставу, что такой грамоты не можетъ везти къ королю, принялъ же ее отъ царя изъ страха ⁴⁾. Въ 1552 г. король опять отправилъ къ Іоанну IV посланника съ грамотой безъ царскаго титула ⁵⁾. Царь принялъ грамоту, но снова рѣшилъ на совѣщаніи съ боярами отвѣтить королю грамотой безъ написанія королевскаго титула,

¹⁾ Тамъ же, стр. 345.

²⁾ Проф. Ждановъ относитъ составленіе ея ко времени не позже 1523 г. („Русскій Былевой эпосъ“, I—V, 93).

³⁾ С. И. Р. Н. Об. т. 59, стр. 349—350.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 354.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 358.

при чемъ постановлено было на случай, если бы литовскій посланникъ отказался принять такую грамоту, во избѣжаніе большаго раздора, не посылать грамоты чрезъ московскаго гонца, но удовлетвориться тѣмъ, что посланникъ донесетъ королю, что ему написана была грамота съ умаленіемъ его титула. Королевскій посланникъ отказался принять грамоту, прочтя въ ней неполный титулъ своего государя, и уѣхалъ безъ грамоты ¹⁾. Дипломатическія сношенія между царемъ и королемъ прекратились. Между тѣмъ истекалъ срокъ перемирія, вслѣдствіе чего паны радные отправили отъ себя въ Москву къ митрополиту и боярамъ посланника. Паны извѣщали бояръ, что они, въ виду истеченія срока перемирія, склонили короля къ заключенію мира съ царемъ и предлагали боярамъ склонять къ тому же и царя ²⁾. Бояре отвѣтили панамъ посольствомъ, извѣщая ихъ, что царь только тогда согласится заключить миръ съ королемъ, когда король станетъ писать имя его съ царскимъ титуломъ ³⁾. Король прислалъ къ Іоанну IV посланника своего съ увѣдомленіемъ, что шлетъ въ Москву великихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ, но въ грамотѣ своей къ царю написалъ имя его безъ царскаго титула ⁴⁾. Царь королевскую грамоту принималъ, но отпустилъ посланника безъ отвѣтной грамоты къ королю, на словахъ поручивъ ему передать *великому князю* Сигизмунду Августу, чтобы тотъ прислалъ пословъ своихъ ⁵⁾. Въ томъ же 1553 г. въ Москву пріѣхали послы отъ короля для переговоровъ о мирѣ. На аудіенціи они подали царю вѣрительную грамоту короля безъ царскаго титула и въ рѣчахъ къ царю называли его только великимъ княземъ. Іоаннъ IV велѣлъ возвратитъ имъ вѣрительную грамоту, приказалъ не принимать списка ихъ рѣчей ⁶⁾, и передать, что если король желаетъ мира, пусть признаетъ его царскій титулъ ⁷⁾. Послы отвѣтили, что царю слѣдуетъ сначала

¹⁾ Тамъ же, стр. 359.

²⁾ Тамъ же, стр. 367.

³⁾ Тамъ же, стр. 373.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 380.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 381.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 387.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 392 и слѣд.

заклѣчить миръ съ королемъ, а затѣмъ король переговорить относительно титула его съ папою, императоромъ и братомъ послѣдняго, и если они признаютъ новый титулъ московскаго государя, „государь нашъ то дѣло учинить славно, шедъ въ церковь, да съ собора то име государю вашему опишетъ“ ¹⁾. Бояре, между прочимъ, сказали, что папа и императоръ Максимилианъ писали въ своихъ грамотахъ еще дѣда и отца Іоанна IV царями, и что если послы не имѣютъ наказа титуловать государя царемъ, то „государю нашему съ вашимъ государемъ дѣла дѣлать никому не починавати“ ²⁾. Такъ какъ послы такого наказа не имѣли, Іоаннъ IV отпустилъ ихъ къ королю, объявивъ имъ, что хочетъ „за свое безчестье стоять, сколько милосердый Богъ поможетъ“ ³⁾. Послы на другой день выѣхали изъ Москвы, но въ тотъ же день царь объявилъ боярамъ, что слѣдуетъ, по его мнѣнію, заключить съ королемъ перемиріе на годъ или на два, такъ какъ еще нельзя было считать завоеваніе Казани прочнымъ, „чтобъ Богъ далъ въ то время Казань укрѣпити; а впередъ бы стояти за свое имя крѣпко“ ⁴⁾. Бояре съ царемъ согласились, и послы были возвращены въ Москву. Перемирная грамота и въ этотъ разъ написана была отъ имени короля безъ царскаго титула ⁵⁾, но Іоаннъ IV не отказался отъ намѣренія склонить короля къ признанію его новаго титула. Отправляя къ королю въ 1554 г. пословъ: боярина Василия Юрьева, казначея Ѳедора Сукина и дьяка Ивана Бухарина для присутствія при крестномъ цѣлованіи короля на перемирныхъ грамотахъ, Іоаннъ IV далъ имъ наказъ пытаться склонить короля къ признанію его царскаго титула. Въ случаѣ вопроса, почему Іоаннъ IV называетъ себя царемъ, послы должны были отвѣтить: „государь нашъ зоветца царемъ потому: прародитель его, великій князь Владимѣръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю Русскую крестилъ, и царь греческой и патріархъ вѣнчали ево на царство Русское, и онъ писался царемъ; а какъ преставился, ино и образъ ево на иконахъ пишутъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 395.

²⁾ Тамъ же, стр. 397.

³⁾ Тамъ же, стр. 400.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 411.

царемъ. А послѣ того правнукъ ево, великій князь Владимиръ Манамахъ Всеволодичъ, пошелъ былъ ко Царюграду ратью за нѣкоторые неисправленья царей греческихъ; и царь Костянтинъ Манамахъ прислалъ къ нему Неофита, митрополита ефесского зъ двѣма епископы, да стратига своего Августалія, а прислалъ къ великому князю Владимиру Манамаху поминка: крестъ, животворящее древо Христово, да вѣнецъ свой царской и діадиму, и тѣмъ вѣнцомъ прародитель государя нашего Владимиръ Манамахъ и вѣнчался на царство Русское митрополитомъ ефесскимъ киръ Неофитомъ, и отъ того времени на своихъ государьствахъ писался царемъ и великимъ княземъ. И послѣ того времени, обычай въ Русскомъ государьствѣ и по се время: которой государь тѣмъ вѣнцомъ вѣнчается, то и пишется царемъ русскимъ и великимъ княземъ¹⁾. Такъ какъ нашъ государь, должны были говорить послы, вѣнчался на царство царскимъ вѣнцомъ своего прародителя, то и самъ сталъ называть себя царемъ, и такъ его титулуютъ иноземные государи. Если бы московскихъ пословъ спросили, почему дѣдъ и отецъ Іоанна IV, будучи такими же государями, какъ и онъ, не писали себя царями, послы должны были отвѣтить, что дѣдъ и отецъ Іоанна IV на царство не вѣнчались, почему и не титуловали себя царями, „а отъ начала у государей нашихъ въ обычай лежить: которой вѣнцомъ вѣнчается на царство, тотъ и пишется. А ваши государи отъ начала писались великіе князи; а какъ Ягайло короновался на Полскую землю, и онъ учалъ писатися королемъ; а нынѣ государи ваши пишутца короли потому же, которой коронованъ будетъ на королевство“. Если бы посламы возразили, что короли польскіе пишутся королями потому, что имъ принадлежитъ королевство, послы должны были отвѣтить; „а наши государи отъ начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые вѣнчаютца; а и опричь Рускіе земли нынѣ государю нашему Богъ далъ царство Казанское, и что ему государю нашему Богъ далъ, и то хто у него отставитъ? и государь нашъ нынѣ, зъ Божьею волею, пишется царемъ Русскимъ и Казанскимъ, и то, панове, мѣсто Казанское и сами знаете извѣчное царское потомужъ, какъ и Русское“¹⁾. Московскіе послы должны были

¹⁾ Тамъ же, стр. 437.

королю и панамъ напомнить, что литовскій великій князь не желалъ признать Іоанна III „государемъ всея Руси“, „а опослѣ и слишкомъ дали и отцемъ ево писали; а нынѣ тотъ же Богъ и государя нашего правда“. Въ случаѣ возраженій, которыхъ наказъ не предвидѣлъ, московскимъ посламъ велѣно было говорить „какъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумить“ ¹⁾.

Желая убѣдить короля, Іоаннъ IV чрезъ пословъ своихъ представилъ два доказательства правъ его на царскій титулъ: царское вѣнчаніе Владиміра Святославича и завоеваніе казанскаго царства, но король велѣлъ отвѣтить московскимъ посламъ: „мы новыхъ справъ у кристьянство уводить не зыкли, и надъ зычאי предковъ нашихъ ничего новаго чинити не хотимъ, кедыжъ по десари кристьянскомъ никоторый государь у кристьянствѣ тымъ именемъ не называетца, кромъ бусурманскихъ царей; а онъ братъ нашъ есть государемъ кристьянскимъ“ ²⁾.

Такой отвѣтъ короля исключалъ всякую надежду склонить его къ признанію царскаго титула московскаго государя. Не опровергая доказательствъ Іоанна IV, король заявилъ, что не намѣренъ вводить новый обычай: писать его царемъ, при чемъ упрекнулъ московскаго государя за желаніе носить титулъ мусульманскихъ владыкъ. Но Іоаннъ IV не пересталъ домогаться признанія своего царскаго титула со стороны короля. Отправляя къ нему въ томъ же 1554 г. своего посланника съ извѣщеніемъ, что астраханское царство завоевано московскими воеводами, Іоаннъ IV наказываетъ посланнику напомнить королю, что миръ между ними возможенъ только въ случаѣ признанія его царскаго титула ³⁾. Наказъ, данный московскому посланнику, предвидитъ вопросъ, почему Іоаннъ IV присвоилъ себѣ царскій титулъ, тогда какъ предки его довольствовались великокняжескимъ титуломъ. Какъ и прежде, посланнику приказано было говорить, что предокъ царя—Владиміръ Мономахъ—вѣнчался на царство, и царь вѣнчался, слѣдую его примѣру, что кромѣ этого „нынѣ государю нашему Богъ далъ къ его

¹⁾ Тамъ же, стр. 438.

²⁾ Тамъ же, стр. 446; тоже въ „Книгѣ посольская метр. вел. княж. литовскаго“, I, стр. 96.

³⁾ С. И. Р. И. Об. т. 59. стр. 451.

государству великіе два мѣста царскіе (казанское и астраханское), на которыхъ государствѣхъ и вѣчно цари же были; и что государю нашему Богъ далъ, то у насъ кто возметъ? А ваши государи и неизвѣчные короли,“ долженъ былъ замѣтить московскій посланникъ, „да досталось мѣсто королевское по женѣ, и они нынѣ короли зовутца и пишутца, и то у нихъ отняти же ли? что кому Богъ далъ, тотъ то и держитъ“. Король отвѣтилъ Іоанну IV, не касаясь вопроса объ его титулѣ и не называя его царемъ ¹⁾).

Между тѣмъ истекъ срокъ перемирія, заключеннаго между королемъ и царемъ. Вслѣдствіе этого виленскій епископъ и князь Николай Радивиль послали въ 1555 г. грамоту къ митрополиту Макарію и князю Ивану Васильевичу Шуйскому съ предложеніемъ хлопотать о продленіи перемирія, въ теченіе котораго состоялось бы соглашеніе относительно новаго титула Іоанна IV ²⁾. Митрополитъ сообщилъ эту грамоту царю и далъ такой отвѣтъ епископу виленскому и князю Радивилу: хотя онъ, митрополитъ, отрекся отъ дѣлъ мірскихъ, однако, не желая кровопролитія, рѣшился, вопреки прежнему обычаю, принять на себя дѣло, не подлежащее его вѣдѣнію, и просить царя заключить миръ съ королемъ, на что царь отвѣтилъ ему, что „онъ титуло царского именованья на себя положилъ по своему прародителству, якоже отъ начала первый въ хрестіанѣхъ вѣнчанъ бысъ князь великій Владимиръ, егда крестилъ Русскую землю, и нынѣ съ всѣми Святými поминаемъ есть, и на иконахъ воображаемъ въ томъ вѣнцѣ, якоже въ дни живота своего пребываа, отнележе вѣнчанъ бысть. И послѣ того святаго блаженнаго Владимера, вѣнчанъ бысть на царство Русское правнукъ его, Владимиръ Манамахъ Всеволодовичъ; а нынѣ зъ Божьею благодатію онъ на свои государства Русскыя вѣнчался, и тое титуло царского именованья на себя положилъ, не укоряя иншихъ государей, или чести ихъ убавливая, но всѣмъ окольнимъ государемъ по ихъ достоинству почестъ ихъ имъ исправляетъ; а окольные всѣ государи не токмо хрестіанскыя, но и бусурманскыя, имени его не убавливаютъ, но и свыше прибавливаютъ на-

¹⁾ Тамъ же, стр. 452—454, 459, 460; „Книга пос. метр. вел. кн. лит.“ I, стр. 96 и 97.

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 467.

зываютъ его Бѣлымъ Русскимъ царемъ. А Максимилианъ цесарь еще отцу его, блаженные памяти великому государю Василью, въ докончальныхъ своихъ грамотахъ то титуло царскаго именования записалъ и златою своею печатью ту грамоту утвердилъ; а Сюлейманъ, салтанъ турскій, завсе въ своихъ грамотахъ царемъ его описуетъ; но одно видитъ непріятельство брата своего Жигимонта Августа короля и воспретительство о своемъ царскомъ именованьи отъ него пріемлетъ "... ¹⁾). Въ грамотѣ отъ имени книжнаго митрополита, слѣдуетъ думать, составленной при участіи книжнаго царя, послѣ изложенія правъ московскаго государя на царскій титулъ, повѣствуется, что царь, передавъ митрополиту охранную грамоту для королевскихъ пословъ, вручилъ вмѣстѣ съ тѣмъ грамоты султана и другихъ государей, писавшихъ имя его съ царскимъ титуломъ, и договорную грамоту императора Максимилиана I съ отцомъ его. Посылая охранную грамоту для литовскихъ пословъ, митрополитъ приложилъ къ ней грамоты султана и другихъ государей, какъ доказательство, что всѣ государи, кромѣ польско-литовскаго, титулуютъ Іоанна IV царемъ. „И вы сами себѣ о томъ разсудите гораздо“, читаемъ въ грамотѣ митрополита къ епископу виленскому и князю Радивилу, „пишете въ своемъ писаньи, что о имени царскомъ договариватись, обсылаясь съ иными государи, занже имъ также належитъ, какъ вашему государю; ино цесарь всему римскому закону глава, тотъ въ своемъ писаньи докончаномъ за своею печатью то титуло царскаго именования утвердилъ, которому государю и вѣнчанья отъ насъ не было; а мусулманскаго закона глава Сюлейманъ, салтанъ турской, тотъ въ своихъ грамотахъ описуетъ жо; а всемогущая превышняя сила Божія не токмо на своихъ государствахъ устроила его. царя, но и на иныхъ мѣстѣхъ царскихъ, на Казани и на Асторхани прославила его царемъ; и противу всемогущіе воли Божіей что постоитъ? Никтоже бо о себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, Богъ возложить, — кто сняти можетъ?...“ ²⁾). Князь Радивиль отвѣтилъ митрополиту посланіемъ, въ которомъ, между прочимъ, относительно правъ Іоанна IV на царскій титулъ писалъ, что, во-первыхъ, о договорной

¹⁾ Тамъ же, стр. 474.

²⁾ Тамъ же, стр. 475 и слѣд.

грамотѣ между императоромъ Максимиліаномъ и великимъ княземъ Василиемъ III, въ которой первый написалъ второго царемъ, не было извѣстно королю, тѣмъ болѣе, что Василій III не писался царемъ, и что самъ Іоаннъ IV первое время по вступленіи своемъ на престолъ не титуловалъ себя царемъ, вслѣдствіе чего королю, не переговоривъ съ другими христіанскими государями, не слѣдуетъ писать имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ; во-вторыхъ, изъ присланныхъ къ нему грамотъ мусульманскихъ государей, написанныхъ къ Іоанну IV, онъ усмотрѣлъ, что государи эти, всегда думая о томъ, чтобы сѣять раздоры между государями христіанскими, давали свои названія имъ, дабы сравнять себя съ ними. Такъ какъ, писалъ князь Радивиль, не спросивъ мнѣнія другихъ государей король не можетъ признать за московскимъ государемъ царскаго титула, и такъ какъ переговоры объ этомъ титулѣ будутъ неудобны въ случаѣ войны между польско-литовскимъ и московскимъ государствами, то онъ, посовѣтовавшись съ другими близкими совѣтниками короля, пришелъ къ заключенію, что пока слѣдуетъ просить короля отправить пословъ въ Москву для заключенія мира ¹⁾.

Какъ и прежде, чтобы заключить миръ, давалась надежда на признаніе королемъ царскаго титула московскаго государя. Для заключенія мира въ 1556 г. въ Москву явилось королевское посольство, которое передало царю отъ имени короля слѣдующее: „будучи въ братствѣ и доброй пріязни,... зъ нашими государи хрестіанскими поразумѣваючися, учтивости тобѣ брату нашему, яко государю хрестіанскому, зычити и мыслити о томъ будемъ, становячи дѣла наши, якобы въ передніе часы братская пріязнь межи насъ множилася и твердо держана...“ ²⁾. Королевскимъ посламъ отъ имени царя изложена была боярами исторія прежнихъ переговоровъ о заключеніи мира между королемъ и государемъ, не имѣвшихъ благополучнаго исхода потому, что король не хотѣлъ признать государя царемъ, что свидѣтельствовало о нежеланіи короля заключить вѣчный миръ съ государемъ для спокойствія христіанъ, ибо императоръ, сынъ его, другіе короли и мусульманскіе владыки въ грамотахъ своихъ къ государю титулуютъ его царемъ, въ доказа-

¹⁾ Тамъ же, стр. 482 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 495; „Кн. пос. метрики вел. кн. лит.“ I, стр. 119.

тельство чего литовскимъ посламъ были предъявлены эти грамоты ¹⁾. Послы представили возраженія, которыя и прежде дѣлались со стороны короля: царями не писались отецъ и дѣдъ Іоанна IV; царскій титулъ принадлежитъ только цесарю (императору), поэтому титулъ этотъ за московскимъ государемъ безъ переговоровъ съ другими государями не можетъ быть признанъ королемъ: „только государя вашего тѣмъ титуломъ описывать, ино съ всѣми государи про то заратитись“. Если Іоаннъ IV заключить вѣчный миръ съ королемъ, говорили послы, король переговорить съ другими государями о новомъ титулѣ/ московскаго государя и тогда признаетъ его царемъ, чтобы не было того, что „ишіе государи некоторые не пишутъ (московскаго государя царемъ), а государь бы нашъ одинъ писалъ“... Затѣмъ послы опять заявили, что король не знаетъ, почему московскій государь называлъ себя царемъ: „а государь нашъ о томъ и не слыхалъ, которымъ обычаемъ то титуло государь вашъ на себя положилъ, обсылка о томъ къ государю нашему не бывала; и коли жъ бы то было старое дѣло и пристойное, и государь бы вашъ о томъ обослалъ государя нашего и иншихъ государей христьянскихъ, какъ есть обычай государей христьянскихъ“ ²⁾. Бояре возразили посламъ, что Іоаннъ IV принялъ титулъ, принадлежавшій его предкамъ: Владиміру Святославичу, который былъ вѣнчанъ на царство русское царемъ греческимъ Василиемъ, и Владиміру Всеволодовичу Мономаху, который также вѣнчанъ былъ на царство русское царемъ греческимъ Константиномъ Мономахомъ, обсылаться же съ другими государями относительно царскаго титула Іоанну IV не къ чему, ибо всѣ другіе государи, кромѣ польско-литовскаго, пишутъ его царемъ; „одинъ вашъ государь“, говорили посламъ московскіе бояре, „намъ ся видить, не хотя доброго пожитія, того для писати не хочеть“. Бояре указали посламъ, что они невѣрно говорятъ, будто королю неизвѣстно, что Іоаннъ IV писалъ себя царемъ, и назвали посланниковъ, какъ королевскихъ, такъ и московскихъ, которые вели переговоры о царскомъ титулѣ и которые могли свидѣтельствовать объ этомъ; бояре говорили также, что никакія войны съ другими государями не грозятъ польскому

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 498—502.

²⁾ Тамъ же, стр. 503 и слѣд.

королю, если онъ признаетъ царскій титулъ Іоанна IV, ибо другіе государи, на которыхъ онъ указываетъ, пишутъ и писали московскаго государя царемъ, и въ доказательство словъ своихъ показали посламъ грамоты этихъ государей ¹⁾. Послы отвѣтили, что государь ихъ не далъ имъ наказа писать въ договорной грамотѣ имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ, поэтому не для чего имъ смотрѣть грамоты другихъ государей: „то вѣдаютъ“, говорили послы, „иные государи, какъ хотятъ такъ и пишутъ, а намъ какъ наказано, по тому намъ и дѣлать“. Однако, послѣ такого заявленія, послы „посмотрѣли маленько дву грамотъ, датцегого короля докончальные съ великимъ княземъ Васильемъ, да англінскаго короля Филиповы“ (сына императора Карла V, короля испанскаго), грамотъ же императора и другихъ государей не смотрѣли, заявивъ боярамъ, что имъ „тѣхъ грамотъ смотрити ненадобѣ того для: государю нашему тѣ грамоты невѣдомы, и намъ что здѣлать, коли намъ о томъ наказу нѣтъ?“ Относительно грамотъ мусульманскихъ государей послы сказали, что государи эти пишутъ московскаго государя царемъ „того для: сорячи государей христьянскихъ“ ²⁾. Бояре непремѣннымъ условіемъ мира между королемъ и своимъ государемъ поставили исполненіе требованія писать имя его съ царскимъ титуломъ. Послы отвѣтили отказомъ и предложили заключить вмѣсто мира перемиріе. Ихъ предложеніе было принято боярами.

Въ томъ же 1556 г. Іоаннъ IV отправилъ посольство къ королю для присутствія при крестномъ цѣлованіи его на договорныхъ грамотахъ. Московскимъ посламъ наказано было отвѣтить королю на сдѣланное имъ царю предложеніе заключить миръ для борьбы съ Татарами, что и царь „для добра христьянскаго“ неоднократно дѣлалъ подобное предложеніе королю, но король „того дѣла съ нами не дѣлалъ будтось за нашимъ титломъ царскимъ, что есмь на себя ново положили“, между тѣмъ царь, должны были говорить московскіе послы, часто разяснялъ королю чрезъ своихъ пословъ, что онъ принялъ титулъ не новый, но такой, который носили его предки, чрезъ то не возвышая себя надъ другими государями и не унижая ихъ чести: „занже государство

¹⁾ Тамъ же, стр. 504 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 506.

наше Русское отъ начала особнѣ съдержится нами, извѣчными государи русскими, поченъ отъ Августа, кесаря римского, и до Рюрика, иже былъ государемъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и отъ Рюрика правнуку его, блаженному, во святыхъ поминаемому, Владимиру Святославичю, иже крести Русскую землю и титуло царского именованья на себя положилъ, имѣже и нынѣ на святыхъ иконахъ вообразуется; и отъ великого Владимира внука его, Владимиру Манамаху Всеволодичю, иже титуломъ царского именованья вѣнчанъ бысть, съ прошенъемъ мира греческаго царя Костянтина Манамаха; и отъ славнѣйшаго Владимира Манамаха государство Русское по колѣнству доиде намъ, на немъ же, съ Божьею волею, отъ пресвященнаго Макарія, митрополита всеа Руси, и всего священнаго собора Русские земли титуломъ царского именованья вѣнчаны есмя, по прародителей нашихъ вѣнчанью, якоже отъ начала было въ родѣ нашемъ: потому и иншіе государи всѣ насъ тѣмъ нашимъ титуломъ описуютъ¹⁾. Въ доказательство послѣдняго, должны были говорить королю московскіе послы, царь приказалъ показать королевскимъ посламъ грамоты отъ императоровъ, султановъ турецкихъ, многихъ другихъ государей и четырехъ патріарховъ, въ которыхъ имя московскаго государя написано было съ царскимъ титуломъ, дабы королю извѣстно было, какъ другіе государи титулуютъ его. Московскіе послы должны были указать королю, что Іоаннъ IV увеличилъ права свои на царскій титулъ тѣмъ, что завоевалъ царства казанское и астраханское, и что „съ иншими государи въ нашемъ титулѣ обсылатися нечево для, и иншіе государи всѣ насъ тѣмъ титуломъ описуютъ...“. Посламъ наказано было заключить свою рѣчь къ королю предложеніемъ, чтобы онъ, если желаетъ вѣчнаго мира съ царемъ для избавленія христіанъ отъ власти магометанъ, прислалъ своихъ пословъ въ Москву для заключенія мира, котораго царь какъ прежде желалъ для борьбы съ мусульманскимъ міромъ, такъ желаетъ и теперъ¹⁾.

Московскимъ посламъ наказывалось въ случаѣ вопроса, почему Іоаннъ IV титулуется себя царемъ, тогда какъ ни отецъ его, ни дѣдъ такъ себя не титуловали, указать, что, во-первыхъ, пра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 519 и слѣд. „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ 1, стр. 121 и слѣд.

родитель его Владиміръ Святославичъ послѣ крещенія вѣнчанъ былъ на царство греческимъ царемъ и патріархомъ, и носилъ царскій титулъ, во-вторыхъ, Владиміръ Мономахъ, правнукъ Владиміра св., совершившій походъ на Царьградъ, также вѣнчанъ былъ на царство присланнымъ отъ греческаго царя царскимъ вѣнцомъ, и вслѣдствіе этого назывался царемъ; съ тѣхъ поръ, должны были говорить московскіе послы, стало обычаемъ на Руси, чтобы государь, вѣнчавшійся присланнымъ Владиміру Мономаху вѣнцомъ, назывался царемъ, и Іоаннъ IV, вслѣдствіе вѣнчанія на царство вѣнцомъ прародителя своего, началъ писать себя царемъ, и пишутъ его такъ другіе государи. Если бы пословъ спросили, почему отецъ и дѣдъ Іоанна IV не называли себя царями, послы должны были отвѣтить: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчались, потому и не писались“; посламъ при этомъ велѣно было указать, что литовскіе государи писались только великими князьями пока Ягайло не короновался польскимъ королемъ, „а нынѣ государи ваши пишутся короли потому же, которой коронованъ будетъ на королевство“. Въ случаѣ возраженія, что королю принадлежитъ „мѣсто королевское“, и потому онъ титулуется королемъ, послы должны были отвѣтить, что кромѣ русской земли Богъ далъ Іоанну IV царства казанское и астраханское, „и то мѣсто Казанское и Астороханское... извѣчное царское, потомужъ, какъ и Русское“..., при чемъ посламъ наказано было замѣтить: „намъ ся...видить, нечего вамъ и ново вставить на роздоръ, и вы того для непригожіе слова вставляете, чѣмъ бы межъ государей дѣло разодрати“ ¹⁾.

Изъ статейнаго списка посольства не видно, чтобы король далъ отвѣтъ Іоанну IV на представленныя имъ чрезъ пословъ доказательства правъ его на царскій титулъ; въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ царемъ король продолжалъ писать его государемъ и великимъ княземъ ²⁾.

Переговоры о царскомъ титулѣ возобновились въ 1563 г., когда въ Москву прибыло отъ короля посольство, во главѣ кото-

¹⁾ Тамъ же, стр. 527 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 533, 554, 567, 603, 616, 623, 627; С. И. Р. И. Об. т. 71, стр. 20, 21, 26, 27, 49.

раго стоялъ Юрій Ходкѣвичъ, для переговоровъ о заключеніи мира. Бояре, излагая предъ королевскими послами причины, вслѣдствіе которыхъ царь воевалъ съ королемъ, подробно пересказали имъ переговоры, которые велись между московскими и королевскими дипломатами относительно царскаго титула Іоанна IV со времени 1549 г. ¹⁾. Ставя однимъ изъ условій мира признаніе королемъ царскаго титула Іоанна IV, бояре предложили посламъ посмотреть грамоты иноземныхъ государей, писанныя къ царю и къ отцу его, чтобы убѣдиться, что одинъ только польскій король отказывается царю въ томъ, что признано за нимъ другими государями ²⁾. На вопросъ бояръ, имѣютъ ли послы отъ короля „приказъ о царскомъ имени“, Ходкѣвичъ отвѣтилъ, что если Іоаннъ IV обнаружитъ пріязнь къ королю, король склонится къ признанію за нимъ царскаго титула, и что посольство имѣетъ соотвѣтствующій наказъ отъ короля ³⁾. То же заявилъ Ходкѣвичъ и самому царю, упрекавшему короля за нежеланіе титуловать его царемъ: „государь нашъ милостивый король“, говорилъ царю Ходкѣвичъ, „о томъ о твоёмъ царскомъ титулѣ хотѣлъ обослаться съ кровными своими и тую почестливость хотѣлъ тебѣ брату своему описовати сполна, и не описовалъ потому, что межи васъ гдсударей нелюбье движетца, а нынѣ съ нами наука о томъ отъ государя нашего есть: будетъ межи васъ государей можетъ постановитись доброе дѣло, и государь нашъ за ту почестку не будетъ стояти“. Царь, прежними переговорами убѣжденный, что король не желаетъ внимать доказательствамъ правъ его на царскій титулъ, отвѣтилъ: „братъ нашъ (король), не хоти съ нами быти въ любви, наше имя описуетъ не сполна, и о томъ говорите, что брату нашему обослаться о томъ съ кровными своими; все еще братъ нашъ не учнетъ насъ писати всеа Русіи или учнетъ насъ писати Иваномъ, какъ простого человѣка; ино то братъ нашъ, наше имя безчествуя, тѣмъ братъ нашъ себя безчестить, ино онъ самъ вѣдаетъ“ ⁴⁾. Послы короля уѣхали изъ Москвы, не заключивъ мира и не признавъ царскаго титула Іоан-

¹⁾ С. И. Р. И. Об. т. 71, стр. 199 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 260 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 269.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 292 и слѣд.

на IV. Два года спустя, въ 1566 г., въ Москву снова явилось посольство отъ короля, во главѣ котораго и въ этотъ разъ стоялъ Юрій Ходѣвичъ, для заключенія мира. Вслѣдствіе невозможности для обѣихъ сторонъ прійти къ соглашенію рѣшено было вести рѣчь о перемиріи. Послы заявили боярамъ, что въ случаѣ принятія предложенныхъ королемъ условій король будетъ титуловать Іоанна IV царемъ. Бояре, отказываясь принять предложенныя имъ условія перемирія, отвѣтили, что царь не просить царскаго титула у короля, ибо получилъ титулъ этотъ отъ своихъ прародителей, „и тое честь кто у него государя возьметъ?“ ¹⁾. И это посольство не заключило мира; рѣшено было, что царь отправить къ королю своихъ пословъ для заключенія перемирія ²⁾.

Во исполненіе этого рѣшенія царь отправилъ къ королю въ 1567 г. посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ бояринъ Ѳеодоръ Колычевъ-Умного. Московскіе послы получили наказъ требовать, чтобы въ перемирной грамотѣ со стороны короля имя царя было написано съ царскимъ титуломъ, „а не напишутъ царскаго имени сполна, и имъ (посламъ) безъ царскаго имени никакъ не дѣлать“ ³⁾. Въ случаѣ, если бы московскихъ пословъ спросили, почему государь ихъ называется царемъ, посламъ наказано было отвѣтить: „что о томъ много рѣчей плодити? вѣдь вамъ государевы бояре и государя нашего послы неодинова извѣщали, почему государь нашъ царь и великій князь зоветца царемъ: то государю вашему и вамъ всѣмъ вѣдомо. А то государю нашему невелико, что государь вашъ государя нашего напишетъ царемъ, ни пакъ то безчестно, что государь вашъ царемъ государя нашего не напишетъ, и что государю нашему Богъ далъ, и то у него кто можетъ взяти? А болши того рѣчей неплодити. А нѣчто учнетъ про то укоряти, и Ѳеодору съ товарищи противъ того говорити: въ Литовской землѣ были великіе князи, а нынѣ государи ихъ короли и въ Литовскую землю они пришелцы, а не искони вѣчные были короли, а королевство имъ досталось въ приданье для женитбы, что королевну Едвигну понялъ Ягайло, а та королевна

¹⁾ Тамъ же, стр. 381.

²⁾ Тамъ же, стр. 430.

³⁾ Тамъ же, стр. 456.

не пошлого короля дочь, родъ ихъ князьи были въ Гнѣзднѣ, и потому вновь учинилися на королевствѣ, да и зватися учили короли. И то не искони вѣчное королевство, а сажаютъ на королевство короля панове по своей волѣ и держать его, какъ захотятъ; и кто укоряетъ государя, тотъ самъ себѣ укоризну приносить. Да болши того боярину Федору Ивановичу съ товарищи рѣчей о томъ не плодоти, а отговаривати, посмотря по ихъ рѣчемъ, какъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумить¹⁾. Посламъ наказывалось „говорити про сѣ дѣла по вопросу, о чемъ ихъ спросать, а самимъ имъ о тѣхъ дѣлѣхъ не говорити...¹⁾“. Посольство это было бесплодно, и царскіе послы уѣхали не заключивъ перемирія и не взявъ написаннаго отвѣта короля на ихъ рѣчи, потому что въ этомъ отвѣтѣ царь не былъ написанъ даже „великимъ государемъ“, но только „государемъ“²⁾.

Въ концѣ 1568 г. къ Іоанну IV пріѣхалъ королевскій гонецъ, который, по приказу литовскихъ пановъ радныхъ, назвалъ его въ привѣтствіи отъ имени короля царемъ. По приказу царя приставъ долженъ былъ гонца „спросити въ разговорѣ, а не наркомъ, что прежь того королевь послы и посланники и гонцы отъ короля государю царю и великому князю царского имени въ посольствѣ не говаривали, и онъ почему царское имя говорилъ, по приказу ли, ино отъ себя говорилъ“. Гонецъ отвѣтилъ, что назвалъ онъ Іоанна IV царемъ по приказу пановъ радныхъ, которые „велѣли государю тѣмъ почесть учинити“³⁾. Въ грамотѣ ко-

¹⁾ Тамъ же, стр. 474.

²⁾ Тамъ же, стр. 552.

³⁾ Тамъ же, стр. 578 и слѣд. Этой „почести“ предшествовала грамота Іоанна IV къ королю, отправленная имъ чрезъ королевскаго гонца Юрія Быковского, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1567 г. Въ этой грамотѣ Іоаннъ IV предлагалъ королю или назначить время и мѣсто для свиданія съ нимъ, или прислать гонца за охранной грамотой для пословъ, которые заключили бы миръ между ними (тамъ же, стр. 569). С. М. Соловьевъ отмѣчаетъ, что въ Литвѣ очень обрадовались предложенному царемъ возобновленію сношеній, потому что состояніе здоровья короля заставляло думать о важныхъ перемѣнахъ („Исторія Россіи“, VI, 239, изд. 5). Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что въ это время военныя дѣйствія со стороны короля не отличались сколько нибудь значительнымъ успѣхомъ. Проф. Форстенъ указываетъ на носившіеся тогда среди дипломатовъ

роля къ Иоанну IV, привезенной гонцомъ, титулъ царскій не былъ написанъ ¹⁾. Иоаннъ IV отпустилъ гонца съ охранной грамотой для королевскихъ пословъ. Послѣдніе прибыли въ Москву въ 1570 г. Иоаннъ IV принялъ ихъ и произнесъ имъ обширную рѣчь, въ которой изложилъ сношенія свои съ Сигизмундомъ II Августомъ и его отцомъ со времени вступленія своего на престолъ, перечисляя „неправды“ ихъ, въ томъ числѣ непризнание его царскаго титула ²⁾. О послѣднемъ съ послами не было рѣчи; вслѣдствіе споровъ о границахъ вмѣсто мира было заключено перемиріе на три года съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого времени вести переговоры о мирѣ. Въ перемирной грамотѣ со стороны короля имя Іоанна IV было написано безъ царскаго титула ³⁾.

Для подтвержденія заключеннаго перемирія Іоанномъ IV отправлено было къ королю посольство. Посламъ данъ былъ наказъ, какъ отвѣчать, если ихъ спросятъ, почему Іоаннъ IV называетъ себя царемъ. Отвѣтить они должны были то же самое, что наказывалось посламъ, отправленнымъ къ королю въ 1567 г. ⁴⁾.

Съ вступленіемъ на польскій престолъ короля Стефана Баторія возобновились со стороны Іоанна IV требованія признанія царскаго его титула, такъ какъ Стефанъ Баторій писалъ имя его безъ этого титула.

Въ отвѣтной грамотѣ московскихъ бояръ къ польскимъ и литовскимъ панамъ раднымъ, извѣщавшимъ бояръ объ избраніи на престолъ Стефана Баторія, находимъ, между прочимъ, упрекъ по адресу новоизбраннаго короля за ненаписаніе Іоанна IV царемъ. Указывая,

слуши, что шляхта воспротивилась намѣренію короля въ 1567 г. идти во главѣ приготовленнаго войска противъ русскихъ, не желая войны, и что между польскими и литовскими вельможами происходили крупныя несогласія („Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.“ I, 483 и слѣд. О военныхъ дѣйствіяхъ короля, русскихъ и шведовъ у Соловьева въ „Ист. Рос.“ VI, 237 и слѣд. и въ назв. трудѣ проф. Форстена стр. 487 и слѣд.).

¹⁾ Грамоты этой нѣтъ въ посольской книгѣ (см. прим. къ 71 т. С. Н. Р. И. Об. на стр. 579), находится она въ „Книгѣ посольской метрики вел. кн. литовскаго“ (I, № 175).

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 71, стр. 680 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 729.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 790 и 474.

что Баторій занималъ невысокое положеніе до избранія его королемъ („а Господарь вашъ учинился на Королевстве Полскомъ с невеликого местца з воеводства Седмигродского, а воеводство Седмигродское подданое было Угорскому Господарству), бояре ставили на видъ панамъ, что Іоанна IV титуловали царемъ всѣ великіе государи, императоръ же германскій и султанъ турецкій писали царемъ еще Василя III, „а тые Господари во всихъ Королевствахъ первіиіе Господари...“. Бояре писали панамъ, что миръ между королемъ и царемъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если король признаетъ Іоанна IV царемъ и будетъ писать полный территоріальный его титулъ ¹⁾).

Съ извѣстіемъ о своемъ избраніи на польскій престолъ Стефанъ Баторій отправилъ къ Іоанну IV посланниковъ Юрія Груденскаго и Льва Буховецкаго въ 1576 г. Грамота отъ короля къ царю была написана безъ царскаго титула ²⁾), что посланникамъ поставлено было на видъ: „...государь вашъ въ первомъ словѣ пишеть на разлитіе крови христіанской, что нашего царьскаго именованья сполна не описуетъ...“. Посланникамъ указано было, что императоръ германскій и султанъ турецкій писали царемъ еще отца Іоанна IV, а „поляки и литва безумнымъ обычаемъ насъ укоряють, а къ намъ царьскаго имени не пишуть“, что короля шведскаго Густава съ польской стороны титулуютъ королемъ, а у него нѣтъ „венца, какъ у насъ царскій венець, и ни отъ кого ему не дано и не можетъ того утвердити, откуда у нихъ королевѣство взялось. А мы, какъ есть государи христіанскіе, не смотря на ихъ уродство, для своего имени розлитіе крови христіанскіе не учинили, будучи по христіанскому обычею въ терпѣнни до сего времени...“. Іоаннъ IV противопоставляетъ себя Баторію, который, „съ такова съ семиградсково княжства, которое поддано было угорскому королевству, сѣлъ на такое великое государство на коруну полскую и на великое княжество литовское, и его Богъ почтилъ свѣше не по его достоинству, а онъ насъ великихъ государей извѣчныхъ безчествуя нашимъ достоинствомъ, въ нашемъ царскомъ титулѣ не описуетъ нашего царьскаго имени...; Въ упрекъ ставилось Баторію и то, что онъ не написалъ царя

¹⁾ „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, стр. 10 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 1.

„великимъ княземъ смоленскимъ и полоцкимъ“. „И то есть“ сказано было посланникамъ, „первая причина государя вашего Стефана короля на пролитіе крови крестьянскіе“¹⁾). Въ отвѣтъ Баторію на его посланіе Іоаннъ IV писалъ, что шлетъ по его предложенію охранную грамоту для пословъ его, которые должны были прибыть въ Москву для заключенія мира, и „которые бы послы великіе могли доброе дело о всихъ о тыхъ делехъ постановити“²⁾). Отправляя въ 1577 г. своихъ пословъ въ Москву, Баторій далъ имъ наказъ не титуловать Іоанна IV царемъ³⁾). Если, гласилъ королевскій наказъ посламъ, со стороны Іоанна IV будутъ предъявлены требованія, чтобы король призналъ его царемъ, послы должны отвѣтить, что король „такъ всего хочеть стеречи, што здавна бывало с Паны суседы, границамъ прилеглыми, также и з Великимъ Княземъ Московскимъ хочется заховати не змнейтаючи ни в чомъ титулу его...“⁴⁾). Послы должны были указать царю, что король, изъ уваженія къ его достоинству, въ обращеніяхъ къ нему не пишетъ: *ты, тебѣ*, какъ прежніе короли, но болѣе учтиво: *сы*⁵⁾). Посольство это, вслѣдствіе болѣзни одного изъ членовъ его, остановилось на пути въ Москву, о чемъ извѣстило царя и бояръ. Царь, отвѣчая на грамоту пословъ, выразилъ имъ свое неудовольствіе на то, что они написали „непопригожу“ имя его и не точно территоріальный титулъ его. Послы, находившіеся въ то время въ Оршѣ, отписали королю, между прочимъ, и объ этомъ. Тогда король отправилъ въ Москву гонца своего Полуяновича и велѣлъ посламъ до возвращенія этого послѣдняго оставаться въ Оршѣ⁶⁾). Полуяновичъ долженъ былъ вручить царю грамоту отъ короля безъ

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., Книга польскаго двора № 10, лл. 251 об.—253. Отвѣтъ отъ имени царя посланникамъ короля дали Афанасій Нагой и дьяки Щелкаловы. Описаніе отпускнуой аудіенціи, данной посланникамъ царемъ, въ „Донесеніи“ Буховецкаго („Сборникъ“ кн. Оболенскаго, № 6, стр. 8 и слѣд.).

²⁾ „Книга пос. метр. вел. кн. лит.“ II, № 9.

³⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 22.

⁵⁾ Тамъ же, см. стр. 17, 24.

⁶⁾ Бантышъ-Каменскій: „Переписка между Россією и Польшею“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“, 1860 г. кн. IV, стр. 152 и слѣд.

царскаго титула¹⁾ и, излагая предъ царемъ рѣчи отъ имени короля, передать отвѣтъ его на генеалогію царя отъ Августа („почаль выличать рожай свой отъ створенія света, отъ Адама и сыновъ его, потомъ за грѣхъ потопъ припоминаючи, а по потопѣ Аветта сына Ноевого рожай выличаючи до Несирота и по немъ до цесаря Августа, мянучи Августа Цесаря, братомъ Пруса, который обернулсе до Прусь...“), въ которой, по мнѣнію короля, ничего не заключалось „крутновного и правдивого“²⁾.

Прибывшее въ Москву въ началѣ 1578 г. королевское посольство не могло выработать съ боярами условій мира. Требуя территоріальныхъ уступокъ со стороны короля, бояре вмѣстѣ съ тѣмъ предъявили посламъ требованіе, чтобы король призналъ царскій титулъ государя³⁾. Вмѣсто мира между царемъ и королемъ было заключено перемиріе на три года. Послы въ перемирной грамотѣ отъ имени короля не написали имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ, и царь назвалъ короля не „братомъ“, но „сосѣдомъ“⁴⁾.

Заключенное перемиріе не было прочно. Въ концѣ іюня 1579 г. король отправилъ къ царю гонца съ заявленіемъ, что считаетъ перемиріе нарушеннымъ съ его стороны. Король, между прочимъ, критиковалъ генеалогію царя отъ Августа: „а чимъ того доходити хочешъ яко передъ послы нашими отъ тебе упоминано, народъ твой величаючи отъ Пруса, менучи его братомъ Августа Цесаря и в томъ непевную ведомость маешъ, кгдажъ Августъ Цесарь брата и потомства не медъ, и Прусь если есть въ якомъ писме тогды змышленнымъ братомъ Августови описанъ, чого малая потреба ширшимъ писаньемъ вспомянати...“⁵⁾.

Военные успѣхи Баторія побудили Іоанна IV отодвинуть споръ съ нимъ изъ-за царскаго титула на задній планъ и искать

1) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, № 15.

2) Тамъ же, стр. 27 и слѣд. Содержаніе отвѣтной грамоты царя къ королю въ назв. трудѣ Бантышъ-Каменскаго („Чтен.“ за 1860 г., кн. IV, стр. 153) и въ „Ист. Рос.“ Соловьева, VI, 313, изд. 5-е.

3) Бантышъ-Каменскій, назв. трудъ, въ „Чтен.“ за 1860 г., кн. IV, стр. 154.

4) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, стр. 29 и 34.

5) Тамъ же, стр. 44. Существованіе Пруса Іоаннъ IV доказывалъ названіемъ земли *Прускою* (см. списокъ отвѣтной рѣчи царя, данный Антонію Поссевино, въ „Пам. дип. сн.“ X, 231: „а что пишеть о Прусь, будто мы те

мира. Тяжелыя для московскаго государства условія мира, предлагавшіяся Баторіемъ, возбуждали въ Грозномъ гнѣвные вспышки. Подъ вліяніемъ одной изъ такихъ вспышекъ онъ написалъ въ 1581 г. Баторію грамоту, полную укоризнъ, въ которой, называя себя „смирненнымъ“, противопоставилъ королю — государю избранному — себя — „отчича и дедича, и наследника по Божью изволенію, а не по многоятежному чолочеству хотенію“ ¹⁾. Баторій не замедлилъ отвѣтомъ, въ которомъ, между прочимъ, опровергалъ происхожденіе Іоанна IV отъ Августа: „чтеши правдивыхъ летописцовъ“, писалъ король царю, „а не тверди басенъ бахоровъ твоихъ; або себе того несмышляй, чого в речы не было николи, яко еси змыслилъ о Прусе, брате Августовомъ“ ²⁾!

Безуспѣшные переговоры о мирѣ и неудачная борьба съ Баторіемъ принудили Іоанна IV отправить гонца Истому Шевригина „постучать“, по выраженію о. Пирлинга, „въ дверь папскаго дворца“ ³⁾. Царскій гонецъ везъ грамоту, въ которой царь предлагалъ папѣ Григорію XIII свое участіе въ союзѣ христіанскихъ государей противъ султана и хана, изъявлялъ желаніе быть въ сношеніяхъ съ папой, излагалъ „неправды“ Баторія и просилъ папу приказать „Стевану королю отъ своего папства и учителства, чтобъ Стеванъ король съ бесерменскими государи не складывался, и на кроворозлитѣ крестьянское не стоялъ...“ ⁴⁾.

Папа отвѣтилъ царю посольствомъ Антонія Поссевино, который выступилъ въ роли посредника между Іоанномъ IV и Баторіемъ ⁵⁾.

не гораздо пишемъ, что онъ не былъ, и Стеванъ бы король то намъ указаль, коли ужъ Пруса на семь свѣтъ не было, почему нынѣча называется Прусская земля, отъ ково она то прозвище взяла...“).

¹⁾ Кн. пос. метр. вел. кн. лит. стр. 140—141.

²⁾ Тамъ же, стр. 189. Въ другомъ мѣстѣ этой же отвѣтной грамоты Баторій упрекнулъ Іоанна за то, что тотъ велъ свой родъ отъ Августа: „...албо для лакомства албо для пыхи до Пруса якогось еалшивого, а николи на свете небывалого брата Цесара Августа родъ свой выводилъ“ (тамъ же, стр. 204).

³⁾ Un ponce du rare en Moscovie, pag. 6, Paris, an. 1884. Ходъ борьбы между Іоанномъ IV и Баторіемъ и переговоры о мирѣ въ 1580 г. у Соловьева въ „Ист. Рос.“ VI, 322 и слѣд., изд. 5 и въ изслѣдованіи проф. Форстена „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.“ I, 690 и слѣд.

⁴⁾ „Пам. дил. снош.“ X, 11.

⁵⁾ Pierling, La Russie et le Saint-Siège II, 21.

Въ исходѣ 1581 г. царскіе и королевскіе уполномоченные начали переговоры въ деревнѣ Киверова Гора, близъ Яма Запольскаго. Уполномоченными со стороны царя были князь Елецкій и печатникъ Алферьевъ, со стороны короля—Янушъ Збаражскій, князь Радзивиль и Гарабурда.

Московскіе уполномоченные требовали, чтобы имя Іоанна IV въ мирной грамотѣ было написано съ царскимъ титуломъ. Въ Дневникѣ переговоровъ ихъ съ королевскими послами, подъ первымъ январемъ 1582 г., читаемъ: „московскіе послы, проведя большую часть ночи у Антонія (Поссевино), просили его, дабы онъ всячески старался, если желаетъ оказать ихъ Великому Государю самую пріятную для него услугу, чтобы въ грамотахъ, въ которыхъ должны быть изложены условія мира, Государь былъ написанъ Царемъ Казани и Астрахани: по сравненію съ этимъ для Великаго Князя ничего не значать крѣпости, которыя онъ готовъ уступить королю. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Антоній толковалъ имъ многое объ единомъ Императорѣ христіанъ, титулъ котораго, перенесенный на Западъ съ Востока, гдѣ Византійскіе Императоры оказались менѣе вѣрными Католической Церкви, надлежало утверждать Апостольскому Престолу. Если Великій Князь (Moscu) пожелаетъ имѣть этотъ титулъ и пользоваться слѣдующими по закону почестями, пусть обратится къ верховному Первосвященнику такимъ же образомъ, какъ обращаются другіе христіанскіе Государы, которые прекрасно знаютъ, что Казань и Астрахань не имѣютъ столь важнаго значенія, чтобы (ради нихъ) данъ былъ новый титулъ какъ бы другого Царя, т. е. Императора. Если Цесарь это сдѣлаетъ (т. е., дастъ московскому государю царскій титулъ), то извѣстно, что слово „Царь“ означаетъ не Цесаря, но употребляемое Татарами [означаетъ нѣчто въ родѣ королевскаго титула]. На это Московскіе послы отвѣтили, что Гонорій и Аркадій изъ Рима прислали Владимиру, первому Московскому Князю, императорскую корону, верховный же Первосвященникъ чрезъ нѣкоего епископа Кипріана то подтвердилъ, и прочее въ этомъ родѣ говорили. Когда имъ Антоній возразилъ, что Гонорій и Аркадій жили болѣе чѣмъ за 500 лѣтъ до Владиміра, сказали [не вѣдая, что говорятъ], что были другіе Гонорій и Аркадій, которые жили въ то время, и снова стали на-

стойчиво просить Антонія, чтобы, такъ какъ называютъ верховнаго Первосвященника пастыремъ всего христіанства, приложилъ онъ стараніе, дабы Король не лишалъ ихъ Князя этого титула, и затѣмъ, дабы не былъ опущенъ титулъ (государя) Ливоніи¹⁾. Поссевино похвалилъ московскихъ уполномоченныхъ за названіе папы пастыремъ всего христіанства, но сказалъ, что Іоанну IV нельзя удержать за собою титулъ государя Ливоніи¹⁾. Пять дней спустя послѣ этой бесѣды московскіе уполномоченные снова заговорили о титулѣ своего государя. „Сначала исподволь, потомъ открыто и настойчиво, Московскіе уполномоченные потребовали, чтобы ихъ Князь въ грамотахъ прежде всего былъ названъ слѣдующими титулами: „Великій Государь Императоръ, Великій Князь и проч.“ Въ этомъ королевскіе уполномоченные имъ рѣшительно отказали, Антоній же, съ которымъ Московскіе уполномоченные часто, и не далѣе, какъ прошлую ночью, объ этомъ говорили, съ своей стороны совѣтовалъ имъ отказаться отъ этого требованія на томъ основаніи, что признаютъ одного только христіанскаго Императора, и что титулъ этотъ не можетъ быть признанъ безъ утвержденія верховнаго Первосвященника, который никогда не допуститъ, чтобы Цесарю Римскому была нанесена такая обида. Московскіе уполномоченные отказались отъ этого требованія, но упорно домогались, чтобы государь ихъ былъ написанъ Царемъ Казани и Царемъ Астрахани. Однако они и въ этомъ потерпѣли неудачу, хотя утверждали то, что отрицали королевскіе уполномоченные, именно, будто государь ихъ былъ такъ титулованъ Сигизмундомъ Августомъ. Когда Антоній спросилъ Московскихъ уполномоченныхъ, почему они не привезли съ собою тѣ грамоты Сигизмунда Августа, ибо это было бы наиболѣе важнымъ доказательствомъ истины ихъ словъ, уполномоченные отвѣтили, что упустили это изъ виду, но Михаилъ Гарабурда показалъ старинныя и скрѣпленныя печатями грамоты, въ которыхъ не было тѣхъ титуловъ (о которыхъ говорили московскіе уполномоченные)²⁾. На слѣдующій день засѣданіе московскихъ и королев-

¹⁾ Supplementum ad hist. Rus. mon., изд. Археогр. Ком., стр. 91 и слѣд., тоже у Старчевскаго: Historiae Ruthen. scriptores exteri, II, 59 sq.

²⁾ Supplem., pag. 96, у Старчевскаго стр. 63.

скихъ уполномоченныхъ возобновились, возобновились вмѣстѣ съ тѣмъ и требованія со стороны первыхъ, чтобы царскій титулъ Іоанна IV былъ признанъ королемъ. „Когда Московскіе уполномоченные стали настойчивѣе требовать, чтобы Великій Князь по крайней мѣрѣ признавался „Царемъ Казани и Царемъ Астрахани“, требованіе это было представлено Антонію; королевскіе уполномоченные говорили, что въ наказѣ Короля объ этомъ ничего не сказано, и предложили, чтобы Антоній сначала переговорилъ (о титулѣ) съ Московскимъ государемъ, къ которому онъ намѣренъ былъ возвратиться, а затѣмъ съ Королемъ. Антоній, обратившись къ Московскимъ уполномоченнымъ, сказалъ, что имѣются три способа, которыми, по его разумѣнію, можно что либо сдѣлать въ этомъ дѣлѣ. Одинъ (способъ), чтобы королевскіе послы называли Московскаго государя Господиномъ Казани и Астрахани, о чемъ, повидимому, Московскіе уполномоченные не заботятся, но на что, возможно допустить, согласятся королевскіе уполномоченные, которые говорили, что никогда нельзя будетъ внушить Королемъ Польши, чтобы Татарскимъ или Турецкимъ титуломъ, какимъ представляется титулъ Царь, христіанскій Государь называлъ бы христіанскаго (государя). Другой (способъ), чтобы московскіе уполномоченные заявили на это (отказъ признать Іоанна IV царемъ) протестъ, который намѣренъ допустить Антоній безъ обиды для того или другого государя и безъ препятствія для мира, уже почти заключеннаго. На это Московскіе уполномоченные возразили, что имъ протесты не извѣстны и не въ обычаѣ у нихъ. Третій (способъ), о чемъ онъ (Антоній) уже обѣщалъ, похлопотать объ этомъ (царскомъ титулѣ) предъ Королемъ и (если окажется необходимость) верховнымъ Первосвященникомъ, что прилично вѣрному христіанину. Послѣ этого Антоній высказалъ сожалѣніе предъ Московскими уполномоченными (между тѣмъ, какъ они въ высшей степени настойчиво докучали ему объ этомъ), что Великій Князь ни о чемъ подобномъ не давалъ ему порученія ни въ Старицѣ, хотя о многомъ другомъ тщательно велъ съ нимъ переговоры чрезъ своихъ думныхъ людей, ни тогда, когда послалъ къ нему письмо въ лагерь у Пскова, хотя писалъ о другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ, касавшихся мира; (высказывалъ также сожалѣніе) и по по-

воду того, что Московскіе уполномоченные до сего времени относительно титула молчали, а потому сами они виноваты, если время переговоровъ объ этомъ уже миновало. Вслѣдствіе этихъ убѣжденій Московскіе уполномоченные согласились, чтобы мирная грамота со стороны Короля была написана безъ тѣхъ титуловъ (ихъ государя), которыхъ они требовали ¹⁾“.

О попыткахъ московскихъ уполномоченныхъ склонить королевскихъ уполномоченныхъ къ признанію царскаго титула Іоанна IV находится извѣстіе въ отчетѣ Гарабурды ²⁾. И Гарабурда передаетъ, что королевскіе уполномоченные отказали московскимъ въ ихъ требованіи на томъ основаніи, что ни Стефанъ Баторій, ни его предшественники, короли польскіе и великіе князья литовскіе, никогда не титуловали московскаго государя царемъ. Московскіе уполномоченные утверждали, что имя ихъ государя писано было польскимъ королемъ съ царскимъ титуломъ, и въ доказательство словъ своихъ ссылались на Гарабурду, который это долженъ былъ знать. Гарабурда показалъ, что, сколько ему извѣстно, Сигизмундъ II Августъ, Генрихъ и Баторій не титуловали московскаго государя царемъ, но не отрицалъ, что какой нибудь писарь могъ написать имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ. Тогда московскіе уполномоченные попросили дать имъ десятидневный срокъ, обѣщая въ теченіе его представить грамоту, въ которой Сигизмундъ II Августъ, писавшій Іоанну IV вскорѣ по завоеваніи имъ Казани, называлъ его царемъ; королевскіе уполномоченные отрицали существованіе подобной грамоты, московскіе же предлагали имъ, пока представлятъ ее, написать Іоанна IV царемъ казанскимъ и царемъ астраханскимъ. Королевскіе послы отвѣтили, что они не желаютъ и однажды написать Іоанна IV царемъ (т. е., царемъ всея Руси), а имъ предлагаютъ писать его царемъ дважды; при чемъ добавили, что не имѣютъ наказа отъ короля о царскомъ титулѣ и потому говорить объ этомъ не желаютъ ³⁾.

¹⁾ Supplem. pag. 97, у Старчевскаго, стр. 63.

²⁾ „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, № 81.

³⁾ Тамъ же, стр. 228—229. Изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній между московскимъ и польско-литовскимъ государствами не видно, чтобы Іоаннъ IV когда либо названъ былъ царемъ со стороны короля, но заподо-

Болѣе обстоятельно переговоры о признаніи королемъ царскаго титула Іоанна IV излагаетъ статейный списокъ московскихъ уполномоченныхъ.

Изъ этого списка видно, что королевскіе уполномоченные готовы были написать въ мирныхъ грамотахъ имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ въ случаѣ уступки королю областей смоленской и части сѣверской, но Поссевино заявилъ московскимъ уполномоченнымъ, что безъ разрѣшенія папы королевскіе уполномоченные не могутъ писать московскаго государя царемъ, и что указанія, будто завоеваніе казанскаго и астраханскаго царствъ даютъ Іоанну IV право на царскій титулъ, не имѣютъ значенія потому, что царства эти принадлежали магометанскимъ царямъ. Мысль, что безъ разрѣшенія папы король не можетъ признать Іоанна IV царемъ, усердно внушалась Поссевино московскимъ уполномоченнымъ.

Когда Гарабурда началъ читать договорную запись между московскими и королевскими уполномоченными, первые замѣтили, что имя Іоанна IV написано было безъ царскаго титула. „И мы холопи твои“, доносили уполномоченные царю, „о томъ съ послы стояли накрепко и говорили, что не хотя добраго пожитья и покою въ христьянствѣ, такъ государя нашего пишете, а государю нашему царское имя Богъ далъ отъ прародитель его не чужое, а нѣ отъ колкихъ лѣтъ государи наши государили, болши шестисотъ лѣтъ, и что Богъ далъ государемъ нашимъ, и то у государей нашихъ хто можетъ отнять? Да и Онтонью (Поссевино) мы, холопи твои, говорили: и тебѣ Онтонью то вѣдомо, что государя нашего прародителей и его грамоты у цесаря и у папы съ царскимъ именованьемъ есть, и тебѣ посломъ пригоже о томъ говорить и розсужати, чтобъ межъ государей въ такихъ причинахъ кровь крестьянская не лилась. И послы литовскіе говорили: намъ деи, государя

зрѣтъ московскихъ уполномоченныхъ въ умышленномъ обманѣ врядъ ли возможно, потому что они предлагали представить королевскую грамоту съ царскимъ титуломъ Іоанна IV. Извѣстно, что въ 1568 г. пріѣзжалъ къ Іоанну IV гонецъ Сигизмунда II Августа, по приказанію литовскихъ пановъ въ рѣчи къ нему отъ имени короля называвшій его царемъ, но онъ привезъ съ собою грамоту короля безъ царскаго титула. Не это ли ввело въ заблужденіе московскихъ уполномоченныхъ?

вашего съ царьскимъ именованьемъ и смоленскимъ и лиелянскимъ не писывати, да и у васъ деи намъ записи съ царьскимъ именемъ и съ тѣми титулы не имывать; а прежь деи сего государь нашъ посылалъ ко государю вашему пословъ своихъ Станислава Крыйского съ товарищи о братцкой любви и о доброй пріязни, а царемъ ко государю вашему и смоленскимъ не писалъ же. И государь вашъ государю нашему въ тѣ поры братства не далъ, [а просилъ на братствѣ многихъ городовъ] ¹⁾, и мы нынѣ по томужъ отъ государя своего наукъ маемъ: будетъ государь вашъ поступитца государю нашему Смоленска, да Сѣверы всея, да Лукъ Великихъ, и мы за то государя вашего въ титулѣ царемъ казанскимъ и царемъ астороханскимъ напишемъ. Да учили послы съ Антономъ межъ себя говорити по латыни. И говоря съ послы Антоной говорилъ намъ холопомъ твоимъ: посломъ деи Стевана короля царемъ государя вашего безъ папина повелѣнья писать не доведетца, а царство казанское и астороханское было за бусурманскими цари, и вы дѣлаите безъ тѣхъ титулъ, а Смоленскъ деи взялъ государь вашъ у короля его вотчину, и того деи писати не доведетца жъ“. Московскіе уполномоченные сказали Поссевино, что въ качествѣ посредника онъ не долженъ быть пристрастенъ къ одной сторонѣ, „а государю нашему что Богъ далъ отъ прародителя его, и то кто можетъ отнять? и вамъ нынѣ пригоже такіе высокіе мѣры отставить, а говорити на покой крестьянской; а розсудите себѣ и то: обрали еста Стевана короля съ Семиградъ на коруну полскую и на великое княжество литовское, да и пишете его въ титулѣ королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, и толко вамъ государя нашего царя и великого князя не писати въ титулѣ съ царьскимъ именемъ и смоленскимъ и лиелянскимъ, ино потому розсудя и государя вашего Стефана короля королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ не писати жъ. И послы литовскіе говорили, только деи вамъ государя нашего королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ не писати, ино деи вамъ съ кѣмъ миритися, тому деи сстатися нелзя. И говорили мы, холопы твои, съ Антономъ и съ послы о томъ много и

¹⁾ Фраза въ скобкахъ изъ Книги польскаго двора; этой фразы нѣтъ въ изданномъ проф. О. И. Успенскимъ текстѣ.

стояли накрѣпко. И генваря въ 7 день съ нами литовскіе послы на томъ разѣхались и розорвали, а уговорити Антоня и пословъ не могли, чтобъ тебя государя въ титулѣ писали съ царьскимъ именованьемъ и смоленскимъ и либянскимъ. И у Антоня мы, холопи твои, и послѣ пословъ наодинѣ были и говорили ему о твоёмъ государевѣ имени и о титулѣ много, чтобъ Антоней тебѣ государю послужилъ, пословъ литовскихъ уговорилъ, и уговорити, государь, Антоня отнюдь не могли. А говорилъ Антоней: литовскимъ деи посломъ никакъ того не писывати, а безъ папина повелѣнья королю литовскому какъ государя вашего царемъ писати?“ На другой день утромъ Поссевино явился къ московскимъ уполномоченнымъ съ заявленіемъ, что онъ уже дважды посылалъ къ королевскимъ уполномоченнымъ, убѣждая ихъ не уѣзжать, не заключивъ мира, и выразилъ готовность еще разъ попытаться удержать королевскихъ пословъ, если только московскіе уполномоченные откажутся отъ требованія, чтобы имя государя ихъ было написано съ царскимъ титуломъ. Московскіе уполномоченные, не смотря на категорическій отказъ Поссевино содѣйствовать имъ въ этомъ, снова стали убѣждать его, чтобы онъ склонялъ королевскихъ уполномоченныхъ исполнить ихъ требованіе относительно царскаго титула. Но папскій посолъ отказалъ имъ: „безъ папина повелѣнья“, говорилъ онъ, „никакъ королю государя царемъ не писывати, а мнѣ деи того здѣлать не мочно, а литовскіе деи послы говорятъ вамъ по дѣлу, и прежніе деи короли литовскіе государю вашему съ царьскимъ именемъ и смоленскимъ не писывали, и вамъ деи то пригоже отставити...“. Московскіе уполномоченные отвѣтили Поссевино, что „прежніе короли литовскіе къ государю нашему писали титула всѣ, какъ при предкѣхъ бывало, а какъ государь нашъ взялъ царство казанское и астороханское, и король Жигимонтъ Августъ ко государю нашему и присылалъ на тѣхъ царствахъ съ поздравленьемъ Юрья Тишкѣвича, а нынѣ межъ государей дѣло новое стало, чего и съ предковъ не бывало, столько городовъ государь нашъ царь и великій князь поступаетца Стевану. королю даромъ безъ кровопролитія для покою христьянского, и коли такое доброе дѣло сстанетца межъ государей, и государя нашего съ царьскимъ именемъ какъ не писати, что ему государю Богъ далъ,

а не напишутъ послы государя нашего въ титулѣ съ царскимъ именемъ, ино и покою не быть“. Что отвѣтилъ Поссевино московскимъ уполномоченнымъ, несмотря на его настояніе не отказавшимся отъ своего требованія, изъ статейнаго списка не видно. Московскіе уполномоченные, непосредственно за вышеприведеннымъ своимъ отвѣтомъ польскому послу, вписали въ статейный свой списокъ, что часа за два до вечера того же дня, когда у нихъ былъ Поссевино, къ послѣднему пріѣхали королевскіе уполномоченные князь Янушъ Збаражскій и писарь Михайлъ Гарабурда, о чемъ Поссевино извѣстилъ и ихъ, пригласивъ явиться къ нему. Московскіе уполномоченные явились и снова, по словамъ ихъ, „говорили посломъ много, чтобъ они... государя написали въ записи въ договорной царемъ и великимъ княземъ и царемъ казанскимъ и царемъ астороханскимъ, да и смоленскимъ и лиолянскимъ“, представляя тѣ же основанія, какія ими были изложены утромъ того же дня предъ Поссевино. Польскіе уполномоченные отвѣтили имъ, что не имѣютъ отъ короля наказа исполнить ихъ требованіе, а Поссевино—что безъ повелѣнія папы Іоаннъ IV не будетъ написанъ царемъ. „И уговорити, государь, пословъ и Антонья никакъ не мочно“, доносили царю московскіе уполномоченные, „Антоней стоитъ съ послы заодно“. Вслѣдствіе этого они согласились, чтобы королевскіе уполномоченные написали имя Іоанна IV безъ царскаго титула, но заявили, что въ перемирной грамотѣ со стороны своего государя напишутъ имя его со всѣми титулами, на что королевскіе уполномоченные изъявили согласіе послѣ продолжительныхъ споровъ. Покончивъ эти споры, московскіе уполномоченные стали читать текстъ договора, въ которомъ Григорій XIII былъ названъ только папою, а Поссевино не посломъ, но посланникомъ, что возбудило гнѣвъ въ послѣднемъ: „и Антоней то услышавъ учелъ сердитовать“, отмѣтили въ своемъ статейномъ списокѣ московскіе уполномоченные. Папскій посолъ упрекалъ ихъ, что Іоаннъ IV не пишетъ папу „намѣстникомъ Христовымъ и учителемъ всего христьянства“, а его—Поссевино—посломъ. Отмѣчая неоднократно, что папскій посредникъ не соблюдалъ должнаго безпристрастія и оказывалъ поддержку королевскимъ уполномоченнымъ, московскіе послы въ заключеніи своего донесенія о ходѣ перегово-

воровъ на сѣздѣ у Киверовой Горы сдѣлали такую характеристику посредничеству Поссевино: „а стоитъ, государь, Онтоней съ королевы стороны, говорилъ съ литовскими послы на сѣздехъ въ одни рѣчи“¹⁾).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1582 г. въ Москву были отправлены королевемъ послы для подтвержденія заключеннаго договора. Они получили такой наказъ относительно царскаго титула: отказать московскому государю въ титулѣ царя всея Руси на томъ основаніи, что король имѣетъ подъ своею властью не только столицу русскихъ земель, но и большую часть окраинъ ихъ, если же государь изъявитъ готовность вернуть королю Смоленскъ и сѣверскую землю со всѣмъ тѣмъ, что было завоевано у короля Сигизмунда, въ такомъ случаѣ подать надежду, что король, быть можетъ, согласится писать его царемъ русскимъ, но не всея Руси; если бы Іоаннъ IV не согласился уступить королю за признаніе царскаго титула Смоленскъ и сѣверскую землю, послы должны были предложить ему отказаться въ пользу короля отъ правъ на Лифляндію²⁾). Королевскіе послы въ Москвѣ предложили уступить королю Смоленскъ и права на Лифляндію за признаніе царскаго титула³⁾, но на это бояре отвѣтили посламъ: „государь нашъ царь и великій князь велѣлъ вамъ говорить, чтобъ вы въ перемирной грамотѣ государя нашего титуло описали, какъ въ своихъ грамотахъ государь нашъ описуетца царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Василевичемъ всеа Русіи и великимъ княземъ Смоленскимъ, а государь нашъ государя вашего Стеана короля напишетъ братомъ и съ полнымъ именованьемъ и лифлянскимъ въ титулѣ учнетъ писать государя вашего, а въ томъ бы межъ государей нашихъ любовь множилась; коли ужъ государи помирились, ино бъ и впередъ во всемъ досады ни о чемъ не было съ обѣ стороны“. Послы отвѣтили боярамъ, что написать въ договорной грамотѣ Іоанна IV

¹⁾ „Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшею въ 1581—1582 годахъ“, изд. проф. Ѳ. И. Успенскимъ въ „Зап. Имп. Нов. Унив.“ т. 45, стр. 406 и слѣд.; гл. Архивъ М. И. Д. въ Москвѣ, Книга польскаго двора № 13, лл. 583—590. Переговоры о царскомъ титулѣ въ трудахъ о. Пирлинга: *Papae et Tsars*, p. 286 sqq.; *la Russie et le Saint-Siège*, II, p. 142 sqq.

²⁾ „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, стр. 249.

³⁾ Кн. польск. дв. № 14, лл. 182—183 и об.

царемъ всея Руси не могутъ, но „есть ли государь вашъ по-ступитца государю нашему Ругодива и иныхъ городовъ лифля-нскихъ, что за свѣйскимъ королемъ, и титулу лифлянского, и мы въ перемирной напишемъ государя вашего царемъ русскимъ, а не всеа Руси, а всеа Руси писать намъ государя вашего не умѣтъ, потому что государь нашъ держить за собою главу русскихъ го-родовъ Кіевъ и иные города, и намъ какъ государя вашего царемъ всеа Руси писать; а хоти-бъ и король Стеванъ похотѣлъ такъ сдѣлать, что государя вашего царемъ всеа Руси писать, ино бъ мы того не сдѣлали; намъ государь нашъ пануетъ такъ, на чемъ посполито на радѣ приговорять, то и дѣлать, а чего всею землею не прирадятъ, то государю нашему недѣлать“. Бояре сказали посламъ, что „они всчинаютъ новое дѣло, что къ доброму дѣлу не пристойтъ“, что „король Стеванъ во всѣхъ грамотахъ пишетъ великому государю и великому князю Ивану Василевичу всеа Руси, да и прежніе короли полскіе и великіе князи литовскіе по-томуужъ писали: государю всеа Руси, а нынѣ почему государя ца-ремъ всеа Руси не писать? И говорили о томъ съ послы рѣчи спорныя“. Послы отвѣтили, что имъ „такова наука дана отъ ко-роля“, и если Іоанну IV угодно не принять предложенныя ими условія, то они напишутъ въ договорной грамотѣ имя его безъ цар-скаго титула ¹⁾. Іоаннъ IV условій этихъ не принялъ, и въ договорной грамотѣ со стороны короля имя его написано было безъ царскаго титула ²⁾.

Не менѣе упорно, чѣмъ польско-литовскіе государи, и Римъ отказывалъ Іоанну IV въ признаніи его царскаго титула ³⁾.

¹⁾ Кн. польск. двора № 14, лл. 185 об.—187 об.

²⁾ „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, № 98.

³⁾ Въ этомъ отношеніи князя древней Руси, не требовавшіе признанія за ними какого либо новаго титула, были болѣе счастливы: великій князь Изяславъ въ буллѣ папы Григорія VII (въ 1075 г.) названъ былъ Rex, а су-пруга его—Regina (Hist. rus. mon., извл. А. И. Тургеневымъ, I, стр. 1; гр. Д. Толстой „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, стр. 4 и слѣд.; Pierling, La Russie est. I, pag. XII sqq); въ буллѣ папы Гонорія III (написанной въ 1227 г.) всѣ русскіе князья названы были Reges (Hist. rus. mon. I, pag. 20); королями были названы: вел. кн. Георгій Всеволодовичъ въ буллѣ папы Григорія IX (въ 1231 г., *ibid.* pag. 30), вел. кн. Данилъ галицкій въ булалахъ папы Иннокентія IV

Съ воцареніемъ Іоанна IV возобновились попытки папъ склонить московскаго государя общаніемъ королевскаго титула къ церковной уніи. Этому способствовали до нѣкоторой степени Шлитте и Штейнбергъ. Гансъ Шлитте, саксонецъ, отправленный царемъ въ 1547 г. за границу съ порученіемъ набрать тамъ ученыхъ и ремесленниковъ, сообщилъ императору Карлу V о мнимомъ намѣреніи царя присоединиться къ католической церкви ¹⁾. Въ 1550 г. въ головѣ Шлитте созрѣлъ планъ: исходатайствовать у папы королевскій титулъ для московскаго государя и устроить церковную унію между Римомъ и Москвою. Съ цѣлью выполненія этого плана Шлитте избралъ австрійца Штейнберга, котораго съ титуломъ московскаго канцлера отправилъ въ Римъ для осуществленія своего проекта, не уполно-

(ibid. №№ 62, 67, 68, 69, 72, 74, 75, 77) и въ буллѣ папы Александра IV (въ 1257 г., ibid. № 95) и Василько, князь владимірскій на Волни, въ буллѣ папы Иннокентія IV (въ 1247 г., ibid. pag. 67; Александръ Невскій названъ былъ въ буллѣ папы Иннокентія IV княземъ—*Dux* (ibid. № 78, въ 1248 г.). Титулъ *Rex*, даваемый папами русскимъ князьямъ, находитъ себѣ объясненіе въ стремленіи римскаго престола присоединить ихъ къ церкви католической. Тоже стремленіе побуждало папъ къ сношеніямъ съ московскими государями, но кромѣ этого было и другое побужденіе: озабоченные мыслію о борьбѣ противъ Турокъ, папы видѣли въ московскихъ государяхъ могущественныхъ союзниковъ для этой борьбы. Такимъ образомъ къ первой, давнишней, причинѣ сношеній папскаго престола съ князьями еще древней Руси, присоединилась новая. Сношенія эти не легко было поддерживать: на пути между Римомъ и Москвою находилась Польша. Занятая борьбою съ московскими государями, изъ которыхъ наиболѣе выдающійся собиратель земли русской Іоаннъ III объявилъ, что вся русская земля его отчина, Польша не желала уніи Москвы съ Римомъ: между ею и Москвою являлось раздора были русскія земли, вошедшія въ составъ литовскаго государства, почему Польша ревниво слѣдила за сношеніями Рима съ преемниками Іоанна III и надгала на нихъ, по выраженію о. Пирлинга, свое veto (*Papes et Tsars*, p. 12; о томъ положеніи, которое занимали короли Польши между московскими государями и папами, см. *op. cit.* p. 7). Вслѣдствіе этого далеко не всѣ миссіи, снаряжавшіяся изъ Рима въ Москву, достигали своего назначенія, но и онѣ представляютъ интересъ, потому что грамоты папъ къ московскимъ государямъ и инструкціи папскимъ посламъ открываютъ, чего Римъ желалъ отъ московскихъ государей и какиимъ путемъ думалъ достигъ желаемого.

¹⁾ Проф. Форстенъ „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.“ I, стр. 43; Pierling, *Rome et Moscou*, p. 7; *Papes et Tsars*, p. 33; *La Russie et le Saint-Siège*, I, p. 324.

моченный на то Иоанномъ IV ¹⁾. Въ Римѣ, гдѣ готовы были дать Иоанну IV королевскій титулъ за подчиненіе папскому престолу ²⁾, составлена была инструкція графу Герберштейну и Штейнбергу, которые должны были вести переговоры отъ имени папы съ Иоанномъ IV ³⁾, и написана была грамота отъ папы же къ московскому государю, въ которой выражалась радость по поводу желанія его съ подданными своими присоединиться къ католической церкви; въ надписи къ грамотѣ Иоаннъ IV былъ названъ: *Universorum Ruthenorum Imperator* ⁴⁾. Миссія эта не состоялась вслѣдствіе энергичнаго протеста короля Сигизмунда II Августа. По приказанію папы кардиналъ Маффеи передалъ представителю польскаго короля въ Римѣ копии съ нѣкоторыхъ документовъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ миссии Штейнберга, и посланіе къ Сигизмунду II Августу, въ которомъ тотъ извѣщался о намѣреніи папскаго двора приобрѣсти новаго члена римской церкви и даровать Польшѣ мирнаго сосѣда ⁵⁾. Результатомъ этого извѣщенія было отправленіе королемъ двухъ пословъ: одного къ императору германскому Карлу V и къ королю римскому Фердинанду I, другого—къ папѣ. Первый посолъ долженъ былъ прежде отправиться къ Фердинанду I съ просьбою убѣдить императора, дабы послѣдній не только не содѣйствовалъ московскому государю въ полученіи отъ папы короны и королевскаго титула за присоединеніе къ католической церкви, но отклонилъ бы папу отъ намѣренія почтить такимъ даромъ московскаго государя ⁶⁾. Король исполнилъ желаніе Сигизмунда II Августа; отъ императора получено было обѣщаніе поддержать въ Римѣ польскаго посла ⁷⁾, гдѣ послѣдній долженъ былъ употребить всѣ усилія,

¹⁾ Проф. Форстенъ, назв. тр., I стр. 46; Pierling, Rome est p. 12, Papes est. p. 38, La Russie est I p. 328. О. И. Успенскій высказываетъ соображенія, что миссія Штейнберга была дѣломъ не только Шлитте, но и императора Карла V (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. августъ, 396).

²⁾ Hist. rus. mon. I, № 131.

³⁾ Ibid. № 132.

⁴⁾ Ibid. № 133.

⁵⁾ Pierling, La Russie et le Saint-Siège, I, 339. О. И. Успенскій смотритъ на это извѣщеніе Сигизмунда II Августа какъ на актъ неосторожности Маффеи (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. августъ, 397).

⁶⁾ Hist. rus. mon. I, № 134. Pierling, op. cit. p. 343.

⁷⁾ Pierling, op. cit. p. 346.

чтобы воспрепятствовать миссии графа Герберштейна и Штейнберга. Польскому послу в Риме наказано было передать уверенность короля, что послѣ получения королевскаго титула отъ папы московскій государь и думать не будетъ о соединеніи церквей: такъ поступилъ Даніилъ галицкій съ папою Иннокентіемъ III, Василій же II едва не убилъ кардинала Исидора за принятіе флорентійской уніи; посолъ долженъ былъ указать, что папы Александръ VI и Левъ X не дали короны Василію II, послы котораго явились въ Римъ просить ее для своего государя ¹⁾. Въ случаѣ, если бы корона уже была отправлена Іоанну IV, польскій посолъ долженъ былъ представить протестъ, въ которомъ король изливаль горькія жалобы на папу: дать московскому государю королевскій титулъ значило вступить за враговъ Польши и нанести ударъ безопасности польскаго королевства, вслѣдствіе чего король отнынѣ не поручится за традиціонную покорность Польши св. престолу и готовъ будетъ даже на союзъ съ Турками. Но до такого протеста дѣло не дошло: корона не была отправлена въ Москву ²⁾. Іоаннъ IV и не зналъ, что изъ за королевской короны, которой онъ не просилъ, но которую папа намѣренъ былъ возложить на него, едва не произошелъ разрывъ между Римомъ и Польшею ³⁾.

Въ 1561 г. сдѣлана была попытка въ Римѣ завязать сношенія съ Москвою. Папа Пій IV рѣшилъ послать Іоанну IV приглашеніе принять участіе въ тридентскомъ соборѣ. Передача царю папскаго бреве возложена была на болонскаго уроженца Франциска Канобіо. Въ надписи папскаго бреве Іоаннъ IV названъ былъ „великимъ княземъ Московіи“ ⁴⁾. Канобіо не доѣхалъ до Москвы: въ

¹⁾ О. Пирлингъ отмѣчаетъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, что Василій III просилъ въ Римѣ королевской короны (*La Russie eccl.* I, 350, 1). Подробно изложена инструкція польскаго посла въ Римѣ Крыскаго Ф. И. Успенскимъ. Посолъ долженъ былъ передать папѣ отъ имени короля слѣд.: „нашъ спеціальнѣйшій и народа нашего интересъ—чтобы Московитъ никогда не получилъ королевскаго титула“ (*Ж. М. Н. Пр.* 1884 г. августъ, 400).

²⁾ *La Russie eccl.* I, 353.

³⁾ *Ibid.*, 357.

⁴⁾ *Hist. rus mon.*, I, № 140; Theiner, *Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae*, II, № 699. Въ бреве посломъ папы къ царю названъ епископъ фаросскій Захарій Делфино, который вмѣстѣ съ Канобіо былъ кандидатомъ на исполне-

Польшѣ (не смотрѣли благосклонно на сношенія Москвы съ Западомъ, и Сигизмундъ II Августъ не пропустилъ папскаго посла къ царю ¹⁾).

Неудача, постигшая миссію Канобіо, побудила Римъ снарядить новое посольство въ Москву, но на этотъ разъ тайно отъ Польши. Задача пробраться къ царю возложена была на Джіованни Джиральди, знакомаго съ польскимъ и нѣмецкимъ языками. Джиральди долженъ былъ вручить царю буллу о созваніи собора въ Тридентѣ и бревѣ Пія IV. Послѣднее пока не найдено, но инструкціи, данныя Джиральди, дошли до насъ ²⁾. Онѣ помѣчены сентябремъ 1561 г.; въ нихъ Іоаннъ IV названъ „королемъ“ и титулуется „Величествомъ“ ³⁾. О. Пирлингъ обращаетъ вниманіе на такое титулованіе московскаго царя. Въ глазахъ Рима, говоритъ онъ, королевскій титулъ былъ могущественнымъ средствомъ, чтобы сдѣлать московскаго государя послушнымъ св. престолу, поэтому удивительно, что титулъ этотъ давался безъ всякаго побужденія, безъ взаимныхъ уступокъ; инструкціи Джиральди представляются исключительными потому, что въ послѣдующихъ по времени документахъ со стороны Рима московскій государь королемъ не называется ⁴⁾. Обстоятельства, при которыхъ готовилась миссія Джиральди въ Москву, выяснены о. Пирлингомъ; объ этой миссіи не знали ни императоръ, ни польскій король. Не въ этомъ ли одна изъ причинъ, почему папа назвалъ Іоанна IV королемъ? Извѣстно, какъ польскій король противился, чтобы Римъ не давалъ московскому государю новаго титула даже въ томъ случаѣ,

ніе миссіи посла въ Москву; вслѣдствіе этого изготовлены были два одинаковыхъ по содержанію бреве: одно съ именемъ Канобіо, какъ посла папы, другое—съ именемъ Делфино. Выборъ одного изъ этихъ кандидатовъ предоставленъ былъ кардиналу Гозіу, представителю папы въ Вѣнѣ. (Pierling, *La Russie ect.*, I, 362). По словамъ о. Пирлинга бревѣ къ Іоанну IV съ именемъ Канобіо, нигдѣ не напечатанное, тождественно по содержанію съ бревѣ съ именемъ Делфино (*Rome et Moscou*, p. 138, II).

¹⁾ Pierling, *La Russie ect.*, I 368.

²⁾ Ibid. I, 374. Взглядъ Ѳ. И. Успенскаго на посольство Джиральди въ Ж. М. Н. Пр., 1884 г., августъ, 403.

³⁾ *Hist. rus. mon.*, I, № 141.

⁴⁾ *La Russie ect.* I, 375; *Rome et Moscou*, p. 139, III.

если бы царь призналъ папу главою церкви. Такъ какъ миссія Джиральди должна была совершиться втайнѣ, въ Римѣ могли думать, что король польскій не узнаетъ, что московскій государь названъ былъ королемъ. Съ другой стороны, папа, приказывая Джиральди называть Іоанна IV королемъ, что не обязывало римскій престолъ такъ титуловать московскаго государя и въ будущемъ, могъ видѣть въ этомъ средство приобрести расположеніе Іоанна IV. Римъ уже пробовалъ предлагать московскому государю королевскую корону подъ условіемъ присоединенія къ католической церкви, но не достигъ своей цѣли. Отправляя Джиральди въ Москву, Римъ могъ измѣнить свою политику въ томъ расчетѣ, что королевскій титулъ долженъ былъ польстить самолюбію московскаго государя, расположить его въ пользу папы и возбудить въ немъ желаніе сохранить этотъ титулъ за собою навсегда. Въ Римѣ могли знать, какъ Іоаннъ IV упорно домогался признанія его новаго титула со стороны другихъ государей.

Миссія Джиральди имѣла участь, подобную миссіи Канобіо: его не пропустила Польша въ Москву, и бревѣ папы къ Іоанну IV вмѣстѣ съ шифрованными депешами попало въ руки польскаго короля ¹⁾.

Неудачныя попытки Рима вступить въ сношенія съ Москвою не заставили его отказаться отъ надежды достигъ своей цѣли. Въ 1565 г. въ Римѣ опять было изготовлено бревѣ отъ Пія IV къ Іоанну IV. Передача этого бревѣ возложена была на нѣкоего епископа Бонифація, отличавшагося „апостольскою ревностью“, который долженъ былъ узнать отношеніе Іоанна IV къ лигѣ христіанскихъ государей. Въ своемъ бревѣ папа, упомянувъ сначала о неудачныхъ миссіяхъ Канобіо и Джиральди, рекомендовалъ московскому государю Бонифація. Но и эта миссія, повидимому, не состоялась ²⁾.

Папа Пій V не отказался отъ видовъ своихъ предшественниковъ на Москву. Въ 1570 г. въ Римѣ отъ имени папы было на-

¹⁾ Ibid. I, 375.

²⁾ Ibid., I, 378. О. Пирлингъ не приводитъ документовъ, относящихся къ этой миссіи; онъ говоритъ, что документы эти столь ветхи, что ихъ не выдаютъ. Объ этой миссіи нѣтъ упоминанія въ предшествующихъ по времени трудахъ О. Пирлинга: *Rome et Moscou* и *Papes et Tsars*.

писано Іоанну IV бреве и изготовлены инструкціи папскому нунцію въ Польшѣ Портико, которому поручалось, если окажется возможнымъ, отправиться въ Москву. Приглашая Іоанна IV принять участіе въ союзѣ христіанскихъ государей противъ Турокъ, папа писалъ царю, что до него дошло извѣстіе о бывшемъ нѣкогда въ немъ желаніи присоединиться къ католической церкви; если это желаніе исполнится, гласило бреве, то Іоаннъ IV испытаетъ отеческое къ нему расположеніе папы, который, чѣмъ только сможетъ, проявитъ свою къ нему благосклонность; о послѣднемъ поручалось обстоятельнѣе изложить послу Портико. Бреве заканчивается просьбою папы вѣрить словамъ его посла. Написано оно безъ царскаго титула ¹⁾. Нунцію предписывалось передать Іоанну IV, что папа недавно узналъ о посольствахъ отъ „его высочества“ къ папамъ Павлу III ²⁾ и Юлію III (посольство Штейнберга), что эти посольства оставили въ Римѣ наилучшее воспоминаніе и т. д. Нунцій долженъ былъ предложить московскому государю присоединиться къ лигѣ христіанскихъ государей, направленной противъ Турокъ. Къ этой инструкціи было добавлено шифрованное *post-scriptum*: папа слышалъ, что московскій государь изъявилъ желаніе получить слѣдующія милости и привилегіи: королевскій титулъ, священниковъ для наставленія его народа въ римскихъ обрядахъ, мастеровъ и проч. ³⁾. Но, съ одной стороны Портико не раздѣлялъ надеждъ Рима на успѣхъ возложенной на него миссіи ⁴⁾, съ другой—польскій король далеко не выразилъ одобренія новой попыткѣ Рима завязать сношенія съ Москвой. Король писалъ кардиналу Гозію въ Римъ, что не можетъ допустить отправленія папскаго нунція въ Москву по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Іоаннъ IV станетъ болѣе высокомернымъ и несговорчивымъ, если увидитъ иностранцевъ въ Кремлѣ, во-вторыхъ, обращеніе Московитовъ есть химера; король добавилъ, что Русскаго труднѣе обратить, чѣмъ Іудея, хотя упорство сыновъ Авраама

¹⁾ Theiner, *Vetera mon. Poloniae et Lithuaniae*, II, № 796.

²⁾ О. Пирлингъ замѣчаетъ, что сколько ему извѣстно, нѣтъ никакихъ слѣдовъ посольства отъ Іоанна IV къ названному папѣ (*La Russie ect.* I, p. 384, 1).

³⁾ *La Russie ect.* I, 383; инструкція Портико впервые издана о. Пирлингомъ въ его же трудѣ: *Rome et Moscou* p. 140, V.

⁴⁾ *La Russie ect.* I, 385.

вошло въ пословицу. Басня Эзопа заключала письмо короля: онъ выражалъ опасеніе, чтобы, нужды нѣтъ кто, не имѣлъ участи эзоповой собаки, которая выпустила изъ зубовъ добычу погнавшись за тѣнью, отраженною въ водѣ. Смыслъ былъ ясенъ: благопріятствовать Москвѣ значило посориться съ Польшею ¹⁾. Портико, не сочувствовавшій возложенной на него миссіи, прежде чѣмъ выполнить ее, отправилъ двухъ эмиссаровъ въ Москву, чтобы позондировать тамъ почву. Имена ихъ неизвѣстны, неизвѣстно также, выполнили ли они возложенное на нихъ порученіе. О. Пирлингъ считаетъ вѣроятнымъ, что они не имѣли возможности совершить путешествіе въ Москву ²⁾. Съ цѣлью отклонить Римъ отъ намѣренія вступить въ сношенія съ Москвою Портико воспользовался записками бѣжавшаго изъ московскаго плѣна солдата Альберта Шлихтинга, который въ мрачныхъ краскахъ изобразилъ Іоанна IV и посвятилъ свои мемуары польскому королю, а также донесеніями польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1570 г. Портико достигъ своей цѣли: папа извѣстилъ польскаго короля и его, что отказывается отъ мысли вступить въ сношенія съ московскимъ государемъ ³⁾.

Такому рѣшенію Пія V не послѣдовалъ его преемникъ. Въ 1576 г. въ Римѣ опять возрождается мысль о сношеніяхъ съ московскимъ государемъ. Начавшіяся въ этомъ отношеніи попытки О. Пирлингъ ставитъ въ связь съ донесеніемъ объ Іоаннѣ IV Кобенцеля, бывшаго въ Москвѣ въ 1576 г. въ качествѣ посла императора Максимилиана II ⁴⁾. Кобенцель полагалъ, что обратитъ на-

¹⁾ Ibid. I, 392.

²⁾ Ibid. I, 393.

³⁾ Ibid. I, 394.

⁴⁾ Кобенцель переѣхалъ московскую границу, направляясь въ Москву, въ началѣ декабря 1576 г. („Пам. дипл. снош. др. Рос.“ I, 486). Отпущенъ былъ Кобенцель царемъ изъ Можайска въ концѣ января 1576 г. (тамъ же, 568. Въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“ (1876 г. кн. II) напечатанъ съ предисловіемъ Бодянскаго переводъ „Донесенія о Московіи Іоанна Периштейна, посланника вѣмцагого императора Максимилиана II при московскомъ дворѣ въ 1575 г.“ О. Пирлингъ высказалъ мнѣніе, что „Донесеніе,“ приписываемое Периштейну, принадлежитъ и самому дѣлу Кобенцелю. Такое мнѣніе о. Пирлингъ основываетъ, во-первыхъ, на томъ, что въ Москвѣ, въ царствованіе Іоанна IV, не было императорскаго посла, который назывался бы Периштейномъ, и во-вторыхъ, на сравненіи „Донесенія“ съ русскимъ описаніемъ посольства Кобенцеля („Пам. дипл. сн.“

селеніе московскаго государства въ католицизмъ легко, и такъ какъ его донесеніе, судя по дошедшимъ до насъ спискамъ, было

I, 481) О. Пирлингъ указываетъ, что имена, даты и т. п. въ „Донесеніи“ и въ русскомъ описаніи посольства Кобенцеля вполне сходны (Rome et Moscou, p. 149, IX) Последнее замѣчаніе о. Пирлинга оправдывается сравненіемъ „Донесенія“ съ русскимъ описаніемъ посольства Кобенцеля. Въ первомъ говорится, что авторъ его отправилъ извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ изъ Орши въ Смоленскъ, у котораго его встрѣтилъ князь Дмитрій, объяснившій ему, что назначенъ сопровождать его къ царю („Чтен. въ Моск. Об. Ист. и Д. Р.“ 1876 г. кн. II, стр. 9). Авторъ „Донесенія“ называетъ этого князя Дмитрія по отчеству „Теллоничемъ“; по мнѣнію Бодянскаго—это князь Дмитрій Петровичъ Елецкій (тамъ же, стр. 4 и прим. 10). Въ русскомъ описаніи посольства Кобенцеля и его товарища Даніила Принца сказано, что царь, извѣщенный о прибытіи императорскихъ пословъ къ московской границѣ, выслалъ къ нимъ въ качествѣ пристава князя Дмитрія Елецкаго („Пам. дипл. св. др. Р.“ I, 481). Авторъ „Донесенія“ показываетъ, что къ нему въ Дорогобужъ присланы были царемъ для переговоровъ князь „Микита Романовичъ“ и съ нимъ другой князь изъ „Тайнаго его Совѣта“ и „канцелярскій“ со многими при нихъ „Боярами“ („Чтен.“, стр. 10), и въ русскомъ описаніи сказано, что въ Дорогобужъ къ императорскимъ посламъ отправлены были бояре: Никита Романовичъ Юрьевъ и князь Василій Сицкій-Ярославскій съ дѣкомъ Андреемъ Щелкаловымъ („Пам. дипл. св.“ I, 490). Въ „Донесеніи“ сказано, что авторъ его получилъ, по отъѣздѣ присланныхъ къ нему бояръ, отъ царя письмо, въ которомъ царь объяснялъ причину задержанія посольства въ Дорогобужѣ и обѣщалъ дать аудиенцію, какъ только представится къ тому возможность („Чтен.“, стр. 10), и въ русскомъ описаніи приведенъ текстъ царской грамоты къ посламъ, тождественный съ тѣмъ царскимъ письмомъ, содержаніе котораго передано въ „Донесеніи“, за исключеніемъ обѣщанія великихъ подарковъ послу („Пам. дипл. св. I, 500), о которыхъ упомянуто въ „Донесеніи“. Показанія автора „Донесенія“, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣстопробыванія царя посланный царемъ подарилъ ему сани и бѣлую лошадь („Чтен.“, стр. 10), затѣмъ, что принять онъ былъ царемъ чрезъ день послѣ его пріѣзда („Чтен.“, стр. 11), и на аудиенціи поднесъ царю подарокъ императора: ожерелье съ императорскою короною на верху украшенное 62 довольно крупными брилльянтами („Чтен.“, стр. 12), вполне подтверждаются русскимъ описаніемъ („Пам. д. с.“ I, 504 и 511, 513). Слова автора „Донесенія“, что царь на отцуской аудиенціи объявилъ ему объ отправленіи къ императору своихъ пословъ: князя Захарія Суборскаго и Андрея Арцыбашева, („Чтен.“, стр. 15) вполне подтверждаются русскимъ описаніемъ, въ которомъ только фамилія посылаемаго Суборскаго написана правильно („Пам. д. с.“ I, 545). Авторъ „Донесенія“ говоритъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву въ началѣ рождественскаго поста („Чтен.“, стр. 7), и такое показаніе не противорѣчитъ русскому описанію, по которому Кобенцель съ посольствомъ пріѣхалъ 1 декабря къ московскому рубежу. Не

очень распространено и известно въ высшихъ сферахъ, то о. Пирлингъ склоняется къ мысли, что въ Римѣ, благодаря Кобенцелю,

сходится „Донесеніе“ съ русскимъ описаніемъ въ опредѣленіи времени, прожитаго посломъ въ Дорогобужѣ: авторъ „Донесенія“ говоритъ, что онъ прожилъ въ Дорогобужѣ 53 дня („Чтен.“, стр. 10), по показанію же русскаго описанія Кобенцель находился тамъ съ 6 декабря („Пам. д. с.“ I, 487) по первый четвертъ послѣ Крещенія (тамъ же, 502)—менѣе 53 дней. Въ пользу того, что Кобенцель былъ авторомъ „Донесенія“, говоритъ еще слѣдующее: авторъ передаетъ, что во время обѣда у царя ему подносили блюда съ кушаньями и чаши съ виномъ главный кравчій со словами: „Jwape (называя меня по имени)! weliki szag“ и т. д. („Чтен.“, стр. 13), имя же Кобенцеля—Гансъ (Аделунгъ, „Критико-литерат. обзор. путеш. по Россіи“, „Чтен., 1863 г. кн. II, № 78; Предисловіе къ русскому переводу „Донесенія“ въ „Чтен.“, 1876 г. кн. II; въ русскомъ описаніи Кобенцель названъ Яномъ). Въ пользу того, что авторомъ „Донесенія“ былъ Кобенцель или кто либо изъ его свиты, говоритъ также сходство показаній „Донесенія“ съ сочиненіемъ о Московіи, которое принадлежитъ товарищу Кобенцеля по посольству—Даніилу Принцу изъ Бухона. По словамъ Принца на встрѣчу посольству, во главѣ котораго находились Кобенцель и онъ, подъ Смоленскомъ посланъ былъ князь Дмитрій Елецкій („Чтен.“, 1876 г. кн. III, стр. 49); шесть недѣль посольство провело въ Дорогобужѣ, куда царемъ были отправлены для переговоровъ съ послами „главные вельможи“ (тамъ же, стр. 49)—Никита Романовичъ, князь Василій Сицкій и дьякъ Щелкаловъ (тамъ же, стр. 50); по отъѣздѣ названныхъ лицъ изъ Дорогобужа Кобенцель и Даніилъ Принцъ получили царскую грамоту, текстъ которой приведенъ Даніиломъ Принцомъ, и которая тождествена по содержанію съ грамотою, внесенною въ русское описаніе приѣма Кобенцеля и Даніила Принца (тамъ же, стр. 50 и „Пам. дипл. сн. др. Р.“ I, 500; содержаніе царской грамоты вѣрно передано и въ „Донесеніи“, приписываемомъ Перистейну); Кобенцель и Даніилъ Принцъ приняты были царемъ въ Можайскѣ („Чтен.“, 1876 г., кн. III стр. 51); отъ императора они передали царю подарокъ: „золотую букву М, верхняя часть оторой представляла видъ императорской діадемы, украшенной алмазами...“ (тамъ же, стр. 54); съ отвѣтомъ царя отправлены были къ императору русскіе послы: Захарій Сугорскій и Андрей Арцыбашевъ (тамъ же, 57).

Еще Карамзинъ считалъ авторомъ „Донесенія“ Кобенцеля (II. Г. Р., изд. Эйнерлинга, къ т. IX прим. 440). Съ мнѣніемъ Карамзина не согласился Аделунгъ, приписавшій „Донесеніе“ Филиппу Пренистану, который, по его словамъ, проѣзжалъ посломъ въ Россію въ 1579 г. („Критико-литер. обзор. пут. по Россіи“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“, 1863 г., кн. II, № 77). Бодянский не считалъ авторомъ „Донесенія“ ни Іоанна Перистейна, ни Филиппа Пренистана, но высказалъ предположеніе, что „Донесеніе“ составлено кѣмъ либо не бывавшимъ въ московскомъ государствѣ, источникомъ же для составителя могло быть и описаніе путешествія въ московское государство, принадлежащее Кобен-

было забыто мнѣніе Портико ¹⁾. Вслѣдствіе этого папскій нунцій въ Германіи кардиналь Морони, воспользовавшись пріѣздомъ московскаго посольства къ императору Максимилиану II въ 1576 г., предложилъ князю Сугорскому и дьяку Арцыбашеву отвезти его письмо къ Іоанну IV, но московскіе послы отказались принять это письмо на томъ основаніи, что присланы они не къ папѣ, но къ императору ²⁾. О. Пирлингъ говоритъ, что московскимъ посламъ предлагалась грамота къ царю написанная не папою, но Морони ³⁾, и это ясно видно изъ грамоты послѣдняго, написанной позже къ Іоанну IV: Морони извѣстилъ царя, что онъ предложилъ московскимъ посламъ отвезти его письмо (*litteras meas*) къ ихъ государю, на что они отвѣтили отказомъ ⁴⁾.

Вслѣдствіе полученныхъ изъ Рима инструкцій кардиналь Морони въ томъ же 1576 г. предложилъ доктору богословія Рудольфу Кленхену отправиться въ качествѣ посла въ Москву ⁵⁾. Кленхенъ охотно принялъ на себя эту миссію. Морони далъ ему

целю („Чтен. въ Моск. Об. и Др. Р.^а, 1876 г. кн. II, Предисловіе къ русскому переводу „Донесенія“). Въ защиту мнѣнія Карамзина выступилъ проф. Д. И. Багалъ въ своей студенческой работѣ, въ которой представилъ новыя соображенія, приведшія его къ мнѣнію, что авторомъ „Донесенія“ былъ Кобенцель. Къ такому же заключенію пришелъ и о. Пирлингъ (*Rome et Moscou*, p. 149, IX). Проф. Вержбовскій, разъясняя обстоятельства миссіи Кобенцеля, общаетъ вполне и окончательно выяснитъ вопросъ объ авторѣ „Донесенія“, которое, говоритъ онъ, не принадлежитъ ни Кобенцелю, ни Перинштейну, но есть ни что иное, какъ меморандумъ, составленное вполнѣ въ особую цѣль, а отнюдь не то подробное донесеніе о выполненной миссіи, которое было представлено Кобенцелемъ императору по возвращеніи изъ Россіи, и которое до сихъ поръ не издано: Изданіе этого подлиннаго донесенія Кобенцеля общаю проф. Вержбовскимъ („Матеріалы къ ист. московск. госуд. въ XVI и XVII вв.“, вып. I, 18). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что „Донесеніе“ (итальянскій текстъ котораго изданъ въ *Hist. rus. mon.* I, № 179) составлено было на основаніи описанія Кобенцеля.

¹⁾ *La Russie eccl.* I, 407.

²⁾ *Op. cit.*, 408. Объ отказѣ московскихъ пословъ принять папскую грамоту къ царю см. въ статейномъ ихъ спискѣ („Пам. дипл. сн.“ I, 695).

³⁾ *Rome et Moscou*, 98.

⁴⁾ „Переписка папъ съ рос. государями“, изд. прот. Григоровичемъ, стр. 29 и у Старчевскаго: *Hist. Ruthen. scriptores exteri* II, pag. 3.

⁵⁾ *Pierling, La Russie eccl.* I, 409.

папское бревѣ съ своимъ письмомъ къ Іоанну IV и инструкціи, цѣлью его миссіи ставившія слѣдующія задачи: убѣдить московскаго государя признать главенство папы и принять участіе въ войнѣ противъ Турокъ ¹⁾. Кленхену наказывалось внушить московскому государю, что дружба и союзъ съ „Его Святѣйшествомъ, самимъ апостольскимъ престоломъ и св. Римскою Церковью“ будутъ для него и полезны и почетны, такъ что онъ можетъ ожидать отъ папы все то, что возвеличитъ его достоинство. Кленхенъ долженъ былъ указать Іоанну IV, что римскимъ первосвященникомъ было украшено титулами и соотвѣтствующими знаками достоинства не мало государей за добродѣтель и вѣру ихъ ²⁾. Морони предвидитъ, что Іоаннъ IV можетъ почувствовать себя обиженнымъ вслѣдствіе того, что бревѣ не перечисляетъ всѣхъ его титуловъ, и наказываетъ Кленхену въ такомъ случаѣ объяснить государю, что въ краткой формѣ написанія его имени не заключается ничего обиднаго для его достоинства ³⁾. Въ письмѣ своемъ къ Іоанну IV Морони называетъ его „свѣтлѣйшимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ“ ⁴⁾. Но и эта попытка Рима вступить въ сношенія съ Москвою при содѣйствіи императора не увѣнчалась успѣхомъ. Максимилианъ II, относившійся благосклонно къ намѣренію Рима отправить своего посла въ Москву, наканунѣ отъѣзда этого посла изъ Регенсбурга сообщилъ Морони, что нашелъ несвоевременнымъ отправленіе Кленхена къ московскому государю ⁵⁾.

Однако и эта неудача не заставила Римъ отказаться отъ мысли вступить въ сношенія съ московскимъ государемъ. Успѣшная борьба Персовъ съ Турками побудила папу хлопотать о соста-

¹⁾ Инструкціи Кленхену въ изд. прот. Григоровича: „Переписка папъ съ рос. госуд.“ стр. 35 и у Старчевскаго: Hist. Ruthen. scriptor. exteri II, pag. 4.

²⁾ Назв. изд. Григоровича 52 и Старчевскаго 6.

³⁾ Назв. изд. Григоровича 72 и Старчевскаго 9.

⁴⁾ Назв. изд. Григоровича 29 и Старчевскаго 3.

⁵⁾ Pierling, La Russie eccl. I, 412. Императоръ писалъ Морони, что считаетъ необходимымъ предварительное соглашеніе между государями о тѣхъ дѣлахъ, которыя долженъ былъ трактовать въ Москвѣ Кленхенъ (Pierling, Rome et Moscou, p. 154, XII). О. Пирлингъ указываетъ на мнѣніе Автоніа Поссевино что Максимилианъ II наложилъ свое veto на отправленіе Кленхена въ Москву вслѣдствіе боязни новаго успѣха папскаго престола (La Russie eccl. I, 412).

вленіи союза христіанскихъ государей для войны съ Турками на балканскомъ полуостровѣ. Враждебныя отношенія между Іоанномъ IV и Стефаномъ Баторіемъ были главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого проекта, вслѣдствіе чего усилія Рима направляются на устраненіе этого препятствія. Въ 1579 г. кардиналъ ди-Комо отправилъ депешу нунцію въ Варшавѣ Андрею Калигари, возлагая на него задачу примиренія Іоанна IV съ Баторіемъ для борьбы съ Турками. Калигари долженъ былъ раскрыть предъ Баторіемъ перспективу завоеванія не только Молдавіи и Валахіи, но и самаго Константинополя, и уполномочивался отправить въ Москву посла съ однимъ или двумя экземплярами постановленій флорентійскаго собора. Посолъ долженъ былъ преслѣдовать задачу присоединенія Іоанна IV какъ къ союзу христіанскихъ государей, направленному противъ Турокъ, такъ и къ католической церкви ¹⁾. Но Баторій не былъ расположенъ къ миру съ Іоанномъ IV, вслѣдствіе чего Калигари не могъ вступить въ сношенія съ Москвою ²⁾.

Давнишнія желанія папъ завязать сношенія съ Москвою осуществились въ 1580 г. Въ этомъ году Іоаннъ IV отправилъ въ Римъ гонца своего Истому Шеврилина съ грамотой къ папѣ. Царь писалъ, что желаніе его быть въ союзѣ съ папой и императоромъ для борьбы съ мусульманскими государями не можетъ осуществиться вслѣдствіе войны съ Баторіемъ, почему и предлагалъ папѣ велѣть Баторію „отъ своего папства и учителства“, чтобы тотъ отказался отъ союза съ мусульманскими государями и пересталъ проливать христіанскую кровь ³⁾.

¹⁾ Pierling, *La Russie* ect. I, 413 sqq., 419; *Rome et Moscou* p. 156, XIII. Содержаніе депеши ди-Комо на рус. яз. у проф. Успенскаго въ Ж. М. И. Пр., 1884 г., августъ, 409.

²⁾ Pierling, *La Russie* ect. I, 421 sqq. О. Пирлингъ указываетъ, что существовала мысль отправить посла въ Москву съ папскимъ бревемъ чрезъ Стокгольмъ, но она не была осуществлена (*ibid.* 430).

³⁾ „Пам. дил. св.“ X, 5. О. Пирлингъ указываетъ, что Іоаннъ IV тонко прикрылъ желаніемъ участвовать въ анти-оттоманской лигѣ настоящій мотивъ своего обращенія къ папѣ (*La Russie* ect. II, 3). Въ данномъ случаѣ Іоаннъ IV выставилъ такой же мотивъ обращенія къ папѣ, какой выставился Римомъ для объявленія его желаній вступить въ сношенія съ Москвою: анти-оттоманскій союзъ. Какъ Римъ прикрывалъ свое желаніе присоединить московское го-

Давно Римомъ желанный посолъ московскаго государя былъ принять съ почетомъ ¹⁾. Миссія Шевригина увѣнчалась успѣхомъ: для примиренія Іоанна IV съ Баторіемъ отправленъ былъ Антоній Поссевино ²⁾. Въ инструкціи, данной ему, видное мѣсто занимаетъ наставленіе склонить московскаго государя къ церковной уніи ³⁾: Поссевино долженъ былъ внушить Іоанну IV, что апостольскій престолъ награждаетъ тѣхъ государей почестями и великими титулами, которые заслужать ихъ благочестіемъ и храбростію, и что „Его Высочество, если окажется склоннымъ совершить то, о чемъ была рѣчь (рѣчь была о церковной уніи),

сударство къ католической церкви стремленіемъ включить московскаго государя въ союзъ, направленный противъ мусульманскихъ государей, такъ и Іоаннъ IV стремленіемъ къ тому же союзу прикрылъ свое желаніе прекратить борьбу Баторіемъ.

¹⁾ Статейный списокъ Шевригина въ „Пам. дип. сн.“ X, 17; Pierling, op. cit., II, 17. Въ консисторіи папа выразился, что по поводу прибытія московскаго посла *Sunt magnae gratiae agenda Deo...* (Hist. rus. mon. I, pag. 389).

²⁾ Проф. Успенскій указываетъ, что Римъ воспользовался обращеніемъ къ нему царя, чтобы возбудить вопросъ о церковной уніи, и приводитъ рядъ документовъ, которые обнаруживаютъ римскіе виды при снаряженіи въ Москву Поссевино. Что въ Римѣ на первомъ планѣ ставили вопросъ религіозный, ясно видно изъ словъ папы, сказанныхъ кардиналамъ въ консисторіи еще въ то время, когда Шевригинъ находился въ Римѣ и исполненіе желанія Іоанна IV было предметомъ обсужденія. Папа говорилъ, что хотя въ грамотѣ царя не было никакого упоминанія о церковной уніи, тѣмъ не менѣе и ему, папѣ, и другимъ казалось, что посланный къ московскому государю долженъ прежде начать дѣло присоединенія московскаго населенія къ римской церкви, а затѣмъ уже примирить Іоанна IV съ польскимъ королемъ (Hist. rus. mon. I, pag. 389. Это заявленіе папы имѣлось въ виду и о. Пирлингомъ (La Russie est. II, 21). Мнѣніе, что миссія Поссевино имѣла главнѣйшею своею цѣлью церковную унію, подтверждается описаніемъ этой миссіи, которое въ 1684 г. издано было въ Римѣ въ *Annuae litterae* ордена іезуитовъ, и недавно переиздано о. Пирлингомъ подъ заглавіемъ: *Antonii Possevini missio Moscovitica, Parisiis, an. 1882. Missio Moscovitica*, говоритъ въ предисловіи о. Пирлингъ, компиляція, составленная на основаніи письма Поссевино къ генералу ордена іезуитовъ Аквавивѣ и писемъ одного изъ спутниковъ Поссевино въ Старицу (Préface, IX). На одной изъ страницъ этой компиляціи читаемъ: *De religione autem (quod unum maximum ex hac missione petebatur) nihil summo P. Possevini studio confectum est* (49).

³⁾ Hist. rus. mon. I, № 212.

кроме награды, заключающейся въ вѣчномъ спасеніи, можетъ приобрести еще большія почести и государства чрезъ посредство этой, благочестивой и любви преисполненной, матери“ ¹⁾. Поссевино долженъ былъ также изъяснить Іоанну IV, что въ случаѣ участія его въ анти-оттоманской лигѣ христіанскихъ государей онъ, какъ ближайшій къ Турціи и могущественнѣйшій государь, можетъ завладѣть многими ей принадлежащими землями ²⁾.

Папскій посолъ, везя Іоанну IV грамоту отъ папы, написанную безъ царскаго титула, долженъ былъ обѣщать царю титулы за повиновеніе апостольскому престолу, но самъ онъ въ своихъ грамотахъ, судя по русскому ихъ переводу, еще до пріѣзда своего въ Москву называлъ Іоанна IV царемъ ³⁾.

Исполняя данныя ему инструкціи, Поссевино обратилъ вниманіе Іоанна IV на Востокъ, указывая, что предки его воевали съ успѣхомъ въ Азіи и на балканскомъ полуостровѣ, хотя и не имѣли той мощи, какою обладалъ Іоаннъ IV, и обѣщавъ ему отъ имени папы вмѣстѣ съ великою честью и титулами земли на Востокѣ: „которые на восходѣ солнца, чтобъ за тобою вѣчно были, а твои предковѣ, которые были, не одержали за собою тѣхъ Государствъ и люда, сколько ты имѣешь, и тѣ ходили воевать въ Азію, и въ Греки и въ Царьгородъ счастливыѣ, для чего навѣшшій Папа и святыи столецъ апостолскій отъ сходу солнца и до заходу всѣ прямые притчи сказалъ, чтобъ твое государство всегда было на восходѣ солнца, и тебябъ Государя великою честью и титлами умножить, которые пригодятца къ твоему величеству, а тобъ было по Божьему велѣнью, такъ какъ Святому Петру и его

¹⁾ Ibid. pag. 303.

²⁾ Ibid. 303. О миссіи Поссевино въ Москву у Д. Толстаго: „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, 33 и слѣд.

³⁾ Папская грамота къ царю въ „Пам. дипл. сн.“ X, 80; царемъ названъ былъ Іоаннъ IV въ грамотѣ Поссевино, отправленной къ нему изъ Праги чрезъ Швергина; на подписи этой грамоты Іоаннъ IV былъ написанъ только царемъ казанскимъ. Въ грамотѣ къ боярину Никитѣ Романовичу Юрьеву Поссевино также называлъ Іоанна IV царемъ („Пам. дипл. сн.“ X, 35 и слѣд.). По прибытіи своемъ въ Москву Поссевино титуловалъ Іоанна IV царемъ какъ въ рѣчахъ своихъ къ нему (тамъ же, 72, 98, 299) и въ грамотѣ къ нему же (тамъ же, 183), такъ и при переговорахъ съ боярами (тамъ же, 75, 77, 79, 267, 272).

намѣстникомъ Богъ далъ; таковожъ бы твоего царства титулу съ размноженіемъ ся писало и на небесѣхъ утвержено было... А въ тѣхъ дѣлѣхъ навѣншій Папа накладу своего не пытается...¹⁾. Отъ имени царя сказано было Поссевино, что онъ радъ воевать вмѣстѣ съ христіанскими государями противъ мусульманъ, но что для этого необходимо прежде всего установить миръ между христіанскими государями²⁾. Соглашаясь помириться съ Баторіемъ и итти на Востокъ, царь не желалъ отвернуться отъ Запада: „...и потому намъ нельзя поступиться королю всея Лиолянскіе земли,—только намъ ее всея поступиться, и намъ не будетъ ссылки ни съ Папою, ни съ Цесаремъ ни съ которыми съ иными государи съ Италѣйскими и съ Поморскими мѣсты, развее намъ какъ король Полской захочетъ пропускъ учинити, а не захочетъ король Полской пропуску учинити, ино намъ ни съ которыми государи ссылки не будетъ...“³⁾.

Въ другой разъ Поссевино за присоединеніе къ католической церкви обѣщалъ Іоанну IV не только „прародительскую вотчину“—Кіевъ, но и „царствующій градъ“. Царь на это отвѣтилъ іезуиту: „намъ съ вами не сойдетца въ вѣрѣ..., мы В. Г—рь во хрестыанской вѣрѣ родилися и Божією благодатью дошли есмя совершенного возрасту, пятьдесятъ лѣтъ съ лѣтомъ намъ, ино мнѣ неколи ужъ перемѣнитись и на большое государство хотѣти“⁴⁾. Эта бесѣда происходила между царемъ и Поссевино 21 февраля 1581 г.⁵⁾; изложенная и самимъ Поссевино, она соотвѣтствуетъ русской записи. За насажденіе „православной и католической вѣры“ на Востокъ Поссевино, по его словамъ, обѣщалъ Іоанну IV слѣдующее: „ты будешь (награжденъ и) вѣнчанъ болѣе славными титулами и регаліями, чѣмъ какими вѣнчался, и вскорѣ послѣ этого провозгласятъ тебя Императоромъ Востока“. Іоаннъ IV на это отвѣтилъ: „что касается власти надъ Востокомъ, то земля Господня (курсивъ подлинника), которую Онъ дастъ, кому Ему угодно будетъ“⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, 104.

²⁾ Тамъ же, 129.

³⁾ Тамъ же, 174.

⁴⁾ Тамъ же, 300 и слѣд.

⁵⁾ Тамъ же, 281.

⁶⁾ Supplem. ad hist. rus. mon. pag. 102, изд. Археограф. ком.

Изъ бесѣды съ Іоанномъ IV Поссевино вынесъ убѣжденіе, что царь и не думалъ о полученіи какого либо титула отъ папы. „Что касается Королевскихъ или Цесарскихъ титуловъ“, говоритъ Поссевино, „то онъ (Іоаннъ IV), уже присвоившій ихъ себѣ, вовсе не ищетъ ихъ у Апостольскаго Престола; Цесаря же онъ довелъ до того, что тотъ въ грамотахъ своихъ пишетъ его братомъ своимъ, Царемъ, т. е., или Королемъ Казани и Астрахани, или Императоромъ. Такъ какъ верховный Первосвященникъ ему такихъ титуловъ не усвоитъ, то и онъ его Святѣйшество называетъ только Пастыремъ и Учителемъ Римской Церкви, и хотя я ему относительно этого сдѣлалъ нѣкоторыя представленія, однако онъ не измѣнилъ такого титулованія, впрочемъ, публично назвалъ его (Святѣйшество) почтеннѣйшими титулами: верховнымъ Первосвященникомъ, намѣстникомъ Христа и нѣкоторыми другими подобными титулами. Самъ же онъ съ большимъ неудовольствіемъ переноситъ, что его Святѣйшество называетъ его только знатнымъ и Великимъ Княземъ Московіи. Но, быть можетъ, его Святѣйшество обсудитъ, нельзя ли прибавить что либо (къ его титуламъ) въ виду обширности областей его, а также въ виду надежды привлечь его къ лучшему, чтобы только перо потрясенное не сломилось. Пусть ему пишутъ такъ, чтобы онъ назывался Господиномъ не всея Руси, но только Руси, и не наслѣдникомъ Ливоніи, или что либо подобное, чѣмъ нарушились бы права другого“ ¹⁾).

Признать папу главою церкви Іоаннъ IV не желалъ и не былъ намѣренъ отвернуться отъ Запада, увлекаясь мыслию объ имперіи на Востокъ Европы. Римъ сильно заблуждался, надѣясь на успѣхъ миссіи Поссевино ²⁾. Общѣаемые папою титулы не плѣняли Іоанна IV, въ чемъ убѣдился и Поссевино. Нѣкогда Герберштейнъ выразился объ отцѣ Іоанна IV, что тотъ „самъ сдѣлалъ себя царемъ и императоромъ“ ³⁾, но не искалъ царскаго достоинства ни у папы,

¹⁾ Supplem. ad. hist. rus. mon. pag. 31.

²⁾ Мысль о насажденіи католицизма на Востокъ при содѣйствіи царя, считавшагося наслѣдникомъ правъ на византійскую имперію и титулы ея императоровъ, развита была Поссевино въ докладныхъ запискахъ, поданныхъ имъ въ Венеціи сенаторамъ еще на пути его въ Москву (Pierling, La Russie ect., II, 37, 2).

³⁾ Перев. Анонимова, 32.

ни у императора ¹⁾; тоже примѣнимо и къ Іоанну IV: онъ требовалъ только признанія того титула, который изрѣдка усвоилъ себѣ его дѣдъ, чаще его отецъ, и который всегда усвоилъ себѣ онъ послѣ вѣнчанія на царство, но подобно отцу своему, не желалъ принимать какіе либо титулы отъ власти земной.

При посредничествѣ Поссевино перемиріе было заключено съ Баторіемъ, и Іоаннъ IV, вѣрный высказанному имъ въ грамотѣ къ папѣ желанію заключить миръ съ Польшею, дабы вступить въ борьбу противъ мусульманскаго міра, отпуская Поссевино, отправилъ съ нимъ въ Римъ своего посланника Якова Молвянинова. Царь писалъ папѣ, что готовъ вступить въ переговоры съ христіанскими государями для заключенія союза съ ними, и что Поссевино получилъ отвѣтъ на всѣ сдѣланныя имъ предложенія. Называя себя въ грамотѣ къ папѣ царемъ, Іоаннъ IV не высказываетъ ему неудовольствія на то, что тотъ его не титуруетъ такъ, и не требуетъ признанія за нимъ царскаго титула ²⁾. Царь видѣлъ, что папа не былъ намѣренъ признать его титулъ, но готовъ дать ему титулы подъ условіемъ церковной уніи.

Въ царствованіе Іоанна IV начались сношенія московскаго государства съ Англіей ³⁾. Англійское правительство, заботясь о торговыхъ интересахъ своихъ подданныхъ, старалось находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ къ московскимъ государямъ, вслѣдствіе чего готово было, не жертвуя своими интересами, устранять все, что могло возбудить неудовольствіе московскихъ государей. Благодаря этому московскимъ государямъ не приходилось спорить съ англійскимъ правительствомъ изъ за признанія усвояемаго ими себѣ титула.

¹⁾ Тамъ же, 30 и слѣд.

²⁾ „Пам. дипл. сн.“ X, 351 и слѣд. Статейный списокъ Якова Молвянинова въ „Пам. дипл. сн.“ I, 881 и слѣд.

³⁾ О сношеніяхъ московскаго государства съ Англіей въ изслѣдованіяхъ академика Гамеля: „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, 2 статьи въ приложеніяхъ къ VIII и XV томамъ „Записокъ Имп. Ак. Н.“; Ю. Толстаго: „Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россією и Англією“, Спб. 1875 г.; проф. Замысловскаго: „Очеркъ сношеній Россіи съ Англією въ царствованіе Івана Грознаго“ въ „Древн. и Нов. Россія“, 1876 г. т. II, стр. 160; проф. Мартенса: „Россія и Англія въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ“ въ „Русской Мысли“, 1891 г. кн. I, стр. 38 и кн. II, стр. 1.

Въ грамотѣ короля Филиппа и королевы Маріи англійскихъ, написанной въ 1557 г., царь назывался Imperator ¹⁾. На надписи предшествующей по времени грамоты отъ короля Филиппа и королевы Маріи Іоаннъ IV названъ Empeour ²⁾; также названъ Іоаннъ IV въ переведенной на англійскій языкъ грамотѣ его къ королю Англій Эдуарду въ 1554 г. ³⁾. Названіе императоръ было обычнымъ титуломъ, который усвоился королевою англійскою Елизаветою Іоанну IV ⁴⁾.

Преемникъ Іоанна IV, подобно ему, требовалъ признанія за нимъ царскаго титула въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не усвоили этого титула.

Къ германскому императору такихъ требованій не приходилось предъявлять: во всѣхъ грамотахъ къ Ѳеодору Іоанновичу императоръ называлъ его царемъ ⁵⁾. Иначе дѣло обстояло со стороны Польши. Унаслѣдовавъ отъ отца своего царскій титулъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовалъ и споры изъ за него съ польскимъ королемъ.

Въ 1590 г. въ Москву пріѣхали королевскіе послы для заключенія мира ⁶⁾. Боярамъ велѣно было „поговорити съ послы о

¹⁾ Ю. Толстой, назв. изслѣд. № 4, стр. 18 и 15; царь ошибочно названъ Василиемъ.

²⁾ Тамъ же, № 3, стр. 9.

³⁾ Тамъ же, № 2, стр. 7.

⁴⁾ Тамъ же, № 6, стр. 22; № 8, стр. 28; № 16, стр. 49; № 25, стр. 90—92; № 26, стр. 96—97. Въ русскомъ переводѣ грамоты Елизаветы къ Іоанну IV названіе „императоръ“ передавалось словомъ „царь“ (С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 1, 8, 47), какъ называлъ себя Іоаннъ IV въ грамотахъ къ Елизаветѣ (въ передачѣ англійской: „Czar“, см. Ю. Толстаго назв. трудъ №№ 18 и 19, стр. 67; № 32, стр. 124; № 35, стр. 147; № 36, стр. 153; № 41, стр. 189). Въ англійскомъ переводѣ рѣчей московскихъ пословъ, отправленныхъ къ Елизаветѣ въ 1582 г., названію „царь“ соответствуетъ слово „king“ (тамъ же, № 42, стр. 190—193). Также и въ переводѣ грамоты царя Ѳеодора Іоанновича къ королевѣ Елизаветѣ слово „царь“ передано чрезъ „king“ (тамъ же, № 57, стр. 253 и 261), а „цесарь“ — чрезъ „emperor“ (тамъ же, стр. 259 и 267).

⁵⁾ „Пам. дипл. снош.“ I, 929, 936, 944—948, 975, 1098 и т. д.; II, 1—652.

⁶⁾ Описаніе Книгъ польскаго двора, излагающихъ сношенія Ѳеодора Іоанновича съ Польшею со времени воцаренія его, у Бантишъ-Каменскаго въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ за 1861 г. кн. I, стр. 1 и слѣд.

царьскомъ имени и о смоленскомъ титулѣ, чтобъ послы написали въ перемирной грамотѣ въ королевѣ словѣ государево имя сполна съ царскимъ именованьемъ "... ¹⁾). Бояре убѣждали пословъ, „чтобъ въ перемирную грамоту въ королевѣ словѣ написали послы государя царя и великого князя съ полнымъ царскимъ именованьемъ, какъ описуютъ его государя всѣ великіе государи: папа римской и салтанъ турецкой и цесарь хрестыанской и король ишпанской и иные великіе государи“. Послы отвѣтили боярамъ: „намъ о томъ отъ государя нашего отъ Жигимонта короля наказу нѣтъ, что государя вашего писати царемъ и смоленскимъ, а дана намъ наука писати въ перемирныхъ грамотахъ государя вашего имя и титуло во всемъ по прежнему; вы въ своей грамотѣ государя своего пишете, какъ хотите, а намъ писати по прежнему“. На упорныя требованія бояръ написать въ перемирной грамотѣ имя Ѳедора Іоанновича съ царскимъ титуломъ послы не менѣе упорно отвѣчали отказомъ, ссылаясь на неимѣніе полномочій, и предлагали, чтобы московскій государь отправилъ своихъ пословъ къ королю для переговоровъ о признаніи его царскаго титула ²⁾). Пришлось уступить посламъ, но Ѳедоръ Іоанновичъ не отказался отъ мысли склонить короля къ признанію за нимъ царскаго титула.

Въ 1591 г. московскіе послы, отправленные къ королю для подтвержденія заключеннаго въ Москвѣ перемирія, получили наказъ требовать отъ короля признанія царскаго титула Ѳедора Іоанновича. Московскіе послы должны были говорить, что Ѳедору Іоанновичу „царское имя Богъ далъ отъ прародителей его, государи нашего, и всѣ великіе государи: папа римской и цесарь хрестыанской и король ишпанской и салтанъ турецкой и иные великіе государи описуютъ государя нашего съ полнымъ царскимъ именованьемъ по его государеву достоинству, а шахъ перситцкой пишетъ великому государю нашему царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу съ его государскимъ съ царскимъ полнымъ именованьемъ и съ великою честью и съ прошеніемъ, чтобъ великій государь нашъ его принялъ въ любовь и въ братство и въ соединенье; одной стороны государя вашего

¹⁾ Главн. Архивъ М. И. Д. въ Москвѣ, Кн. польскаго двора № 20 л. 463.

²⁾ Кн. польскаго двора № 20 лл. 471—472 об.

въ томъ нелюбовь государь нашъ къ себѣ видитъ, что его великого государя нашего государь вашъ царьскимъ именваньемъ не описуетъ... (далѣе слѣдуетъ упрекъ королю за нежеланіе писать Федора Іоанновича государемъ „смоленскимъ“, и изложеніе правъ царя на этотъ титулъ). И государю бы вашему нынѣ въ перемирной грамотѣ для государя нашего любительного сходительства государя нашего имѣна писати съ полнымъ царьскимъ именваньемъ и смоленскимъ, какъ государя нашего описуютъ братья его всѣ великіе государи... А государь нашъ противъ того государя вашего Жигимонта короля учнетъ писати братомъ и лиелянскимъ и сполна титло описати, а самъ государь лиелянскимъ писатись не учнетъ. А безъ царьского именованья и безъ смоленскаго титла и безъ Ругодива межъ великихъ государей въ томъ доброе дѣло и впередъ совершенно статись не можетъ. И послы государя вашего Станиславъ Радиминскій съ товарищи ¹⁾ зъ государя нашего бояры, которые въ отвѣтъ были, говорили, что имъ о царьскомъ именваньѣ и о смоленскомъ титлѣ отъ государя ихъ Жигимонта короля науки нѣтъ, а дана имъ наука писати въ перемирныхъ грамотахъ государя нашего имѣ и титло во всемъ по прежнему, а о томъ бы государю нашему приказати къ Жигимонту королю... И нынѣ великій государь нашъ царь и великій князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ далъ намъ свой государевъ наказъ съ вами паны радами говорити, чтобъ государь вашъ Жигимонтъ король тоѣ грамоту, которую писали послы его на Москвѣ, велѣлъ переписать (съ) списка, каковъ намъ данъ отъ государя нашего, и титло государя нашего великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи самодержца велѣлъ написать въ перемирной грамотѣ сполна, съ царьскимъ именваньемъ и смоленскимъ потомужъ, какъ описуютъ государя нашего всѣ великіе государи по его достоинству... А государь нашъ великій государь царь и великій князь противъ того Жигимонту королю также любовь свою учинить: лиелянскіе всѣ горо-

¹⁾ Станиславъ Радоминскій и Габріель и Матвѣй Войны заключили въ Москвѣ въ 1590 г. перемиріе на 12 лѣтъ (Бантышъ-Каменскій „Переписка между Россією и Польшою“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“ 1861 г. кн. I, стр. 26).

ды, которые нынѣ за свѣйскимъ, опричь одново Ругодива, велить описати въ перемирной грамотѣ въ Жигимонтову королевѣ сторону и въ титулѣ государя вашего велить написати въ перемирной и впередъ учнетъ писати лиелянскимъ сполна, а самъ государь нашъ лиелянскимъ писатися не учнетъ. А за такими сходительными любовми межъ великихъ государей и межъ государствъ можетъ статися и вѣчное докончанье и соединенье на покой христьянской“. Наказъ московскихъ пословъ предвидить, что паны могутъ признать „дѣломъ не статочнымъ“ переписку перемирной грамоты, на которой царь цѣловалъ крестъ, и будутъ говорить, что „то уже дѣло приговорено и закрѣплено“. Въ такомъ случаѣ посламъ наказывалось отвѣтить, что если король согласится написать въ перемирной грамотѣ имя царя такъ, какъ царь желаетъ, то они, послы, напишутъ договорную запись и крестъ поцѣлуютъ на томъ, что царь велить написать новую перемирную грамоту, въ которой территориальный титулъ короля будетъ написанъ согласно ихъ обѣщанію. Если бы паны предложили, чтобы за признаніе царскаго титула королемъ царь велѣлъ написать въ перемирной грамотѣ короля братомъ своимъ и „королевства швецкого наблизшимъ дѣдичемъ и пришлымъ королемъ“, послы должны были отвѣтить, что сначала слѣдуетъ приговорить о царскомъ титулѣ Ѳедора Іоанновича, „и какъ о томъ приговорите, и тогда и тѣмъ титуломъ свѣйского королевства наблизшимъ дѣдичемъ и пришлымъ королемъ и съ братствомъ государь нашъ почнетъ описывать государя вашего, приговора о свѣйскомъ о той статьѣ, а не приговора о свѣйскомъ, тепере говорити нельзя“¹⁾.

Московскіе послы, какъ видно изъ ихъ статейнаго списка, изложили предъ панами все о царскомъ титулѣ по наказу²⁾, но паны потребовали за признаніе царскаго титула московскаго государя не то, что предвидѣлъ наказъ, данный посламъ. Имъ отвѣтили, что титулъ царя будетъ писаться со стороны короля такъ, какъ царь желаетъ, но подъ условіемъ уступки королю того, „что было изстари къ великому князству литовскому: Новгородъ Великій, Псковъ, Смоленскъ, Луки Великіе, сѣверская земля и иные города,

¹⁾ Кн. польскаго двора № 21 лл. 42 об.—48 об.

²⁾ Тамъ же, лл. 386—389.

и тобѣ все государь вашъ поступился къ корунѣ полской и къ великому княжеству литовскому, и государь нашъ тѣми титулы государя вашего учнетъ писати“. Обѣщая за уступку требуемыхъ городовъ признаніе царскаго титула, папы московскимъ посламъ замѣтили, что титулъ этотъ наследовалъ Ѳеодоръ Іоанновичъ не отъ родителей своихъ: „а у насъ есть прежніе докончальные грамоты, какъ бывало докончанье Казимеру королю съ прадѣдомъ государя вашего съ великимъ княземъ Иваномъ, и въ тѣхъ въ докончальныхъ грамотахъ писался государь вашъ великимъ княземъ, а не царемъ. А царемъ сталъ писатися отецъ государя вашего блаженные памяти великій государь и великій князь Иванъ Василевичъ всея Русіи. А къ намъ и нынѣ русскіе деньги заходятъ отъ вашихъ торговыхъ людей, которые деньги дѣланы при дѣдѣ государя вашего блаженные памяти при великомъ князѣ Васильѣ, и на тѣхъ деньгахъ печатано: князь великій, а не царь“. Московскіе послы панамъ отвѣтили: „мы тово отъ васъ пановъ радъ коруны полскіе и великого княжества литовского и не чаяли, что вамъ такіе безмѣрные слова говорити. Сами вы то можете вѣдать, что государь нашъ великій государь и ни одное деревни не отдастъ изъ того ни изъ котораго города, и вамъ было пригоже говорить то, чтобъ государь вашъ Жигимонтъ король государю нашему великому государю царю и великому князю Ѳеодору Ивановичу всея Русіи самодержцу поступился искони вѣчные вотчины государя нашего прородителей: Кіева и Волини и Подолья и Полотцка и Витепска и смоленскихъ пригородовъ по Березыню...“ Требовать отъ царя уступки королю русскихъ земель за признаніе царскаго титула значило, по словамъ московскихъ пословъ, не желать мира съ московскимъ государствомъ для борьбы противъ мусульманскаго міра ¹⁾).

Король подтвердилъ заключенное его послами двѣнадцатилѣтнее перемиріе, но Ѳеодора Іоанновича царемъ не призналъ. Эта первая попытка Ѳеодора Іоанновича склонить короля къ признанію за нимъ царскаго титула была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею.

Англійская королева Елизавета титуловала Ѳеодора Іоанновича такъ же, какъ и отца его ²⁾. Неудовольствій со стороны

¹⁾ Тамъ же, лл. 390—392.

²⁾ Ю. Толстой „Россія и Англія“, стр. 243 и слѣд.; С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 151 и слѣд., 174.

Федора Иоанновича на королеву за неполное написание титула его не было до 1590 г. Въ этомъ году Елизавета отправила къ царю грамоту, въ которой, между прочимъ, жаловалась на оскорбленія, нанесенныя въ Москвѣ посланнику ея Флетчеру, на нарушенія въ московскомъ государствѣ привилегій англійскихъ купцовъ и т. п. ¹⁾. Въ отвѣтѣ на грамоту королевы царь изъявилъ свое неудовольствіе за умаленіе его титула: „а грамоты твоего вел—ва къ намъ написаны съ умаленіемъ нашего достоинства и почетныхъ титуловъ, которые доселѣ въ другихъ твоихъ грамотахъ прописывались сполна. Тѣ твои грамоты были запечатаны твоею малою печатью, которая, какъ сказалъ Ер. Горсей, печать казначейства твоего вел—ва. А къ нашему вел—ву, братъ нашъ Султанъ Турецкій, Цесарь Римскій и иные великіе государи пишутъ наше достоинство и наши титулы сполна и прикладываютъ къ грамотамъ свою великую государственную печать; и мы то же дѣлаемъ для твоего вел—ва и для тѣхъ великихъ государей и пишемъ къ тебѣ грамоты съ полнымъ твоимъ титуломъ и прикладываемъ къ нимъ нашу великую печать... Сперва хотѣли мы не принимать твоихъ грамотъ, потому что онѣ были надписаны и запечатаны не по тому обычаю, какъ ты дѣлала прежде при отцѣ нашемъ, славныя памяти Иванѣ Васильевичѣ, В. Г. Ц. и В. К. всея Россіи, и какъ пишутъ къ намъ всѣ другіе великіе государи прописывая титулы наши сполна... Но, по прошенію нашего шурина, конюшаго и ближняго боярина, намѣстника Казанскаго и Астраханскаго Бориса Федоровича Годунова, мы твои грамоты приняли...“ ²⁾. О правахъ своихъ на тѣ титулы, которые не были написаны въ грамотѣ королевы, царь не считалъ нужнымъ писать; онъ ограничился только тѣмъ, что сослался на прежнія грамоты королевы, въ которыхъ титулъ его былъ написанъ сполна, и на грамоты тѣхъ государей, которые титула его не умаляли. Королева отвѣтила царю, что не имѣла намѣренія оскорбить его краткимъ написаниемъ титула его и неприложеніемъ къ грамотѣ великой государственной печати, ибо ничто столь не чуждо ей, какъ умаленіе чести, подобающей столь великому и могущественному

¹⁾ Ю. Толстой „Россія и Англія“, стр. 381—390.

²⁾ Тамъ же, 391 и слѣд.

государю, какъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, который, по мнѣнію ея, достоинъ бѣльшей чести чѣмъ та, которую она въ состояніи ему оказать; королева указывала въ доказательство отсутствія умысла оскорбить царя краткимъ написаніемъ титула его на свой титулъ, который ею пишется сокращенно, и общала впредь всегда писать имя царя такъ, какъ ему угодно ¹⁾. Ѳеодоръ Іоанновичъ отвѣтилъ королевѣ, что она написала ему относительно титула его „достаточно и весьма благожелательно“ ²⁾.

Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича возобновились сношенія съ Римомъ. Въ 1584 г. папою Григоріемъ XIII написаны были два бреве: къ царю и московскимъ боярамъ. Царю папа писалъ о любви своей къ отцу его, о миссіи Поссевино, выполненной послѣднимъ по желанію Іоанна IV, выраженному въ грамотѣ, отправленной чрезъ Шевригина, высказывалъ сожалѣніе по поводу смерти Іоанна IV; письменное обращеніе къ царю—знакъ расположенія къ нему—папа мотивировалъ предположеніемъ, что Ѳеодору Іоанновичу будетъ пріятно напоминаніе о добромъ расположеніи римскаго престола къ отцу его. Папа писалъ царю, что передачу ему своего бреве онъ возложилъ на Поссевино, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ ему выяснить, сколь онъ, папа, благожелателенъ по отношенію къ нему. Вслѣдствіе невозможности въ настоящемъ бреве изложить все желаемое, папа предлагалъ царю вѣрить словамъ Поссевино или, въ случаѣ Поссевино не имѣлъ бы возможности пріѣхать къ нему, письмамъ и посланнымъ отъ него лицамъ. Заканчивается папское бреве пожеланіями царю всего радостнаго и счастливаго. Титуловалъ папа Ѳеодора Іоанновича „государемъ Россіи, великимъ княземъ новгородскимъ, смоленскимъ, владимірскимъ, государемъ Казани, Астрахани и многихъ другихъ областей великимъ государемъ“ ³⁾.

Въ то время, когда на Поссевино возлагалась эта миссія въ Москву, Стефанъ Баторій строилъ широкіе планы завоеванія Москвы, разгрома турецкой имперіи и утвержденія своего могущества на берегахъ Босфора. Этими планами увлеченъ былъ и

¹⁾ Тамъ же, 413, 415—416.

²⁾ Тамъ же, 430.

³⁾ Hist. rus. mon. II, № 4.

Поссевино. Въ Москву онъ не поѣхалъ и передалъ папское брѣвѣ царскимъ посламъ, находившимся въ то время въ Польшѣ ¹⁾. Это брѣвѣ, повидимому, осталось безъ отвѣта со стороны царя.

Въ слѣдующемъ 1585 г. папа Сикстъ V, преемникъ Григорія XIII, шлетъ царю брѣвѣ, въ которомъ напоминаетъ о миссіи Поссевино къ отцу его и говоритъ о своемъ желаніи быть полезнымъ московскимъ великимъ князьямъ. Брѣвѣ заканчивается благими пожеланіями царю и народамъ его. Подобно своему предшественнику, Сикстъ V, называетъ Ѳеодора Іоанновича „государемъ Россіи, великимъ княземъ Московіи, Новгорода, Смоленска, Владиміра, государемъ Казани, Астрахани и многихъ иныхъ областей великимъ государемъ“ ²⁾. Доставить царю это брѣвѣ поручено было Поссевино, который употребилъ всѣ усилія, чтобы брѣвѣ это не дошло по назначенію. Съ своей стороны Баторій предлагалъ другой планъ соединеніи Москвы съ Римомъ: завоеваніе первой и посаженіе на тронъ Мономаха католическаго государя. Усиліями Поссевино и Баторія рѣшимость Рима вступить въ сношенія съ царемъ въ этотъ разъ была поколеблена, и брѣвѣ не было доставлено царю ³⁾. Однако успѣхъ Баторія не былъ продолжителенъ Римъ не отказался отъ мысли о дружественныхъ сношеніяхъ съ царями. Уже въ слѣдующемъ 1586 г. Сикстъ V снова пишетъ царю брѣвѣ, на этотъ разъ болѣе пространное: съ того времени, когда дѣдъ Ѳеодора Іоанновича, великій князь Василій III, обратился къ папѣ Клименту VII съ просьбою примирить его съ Сигизмундомъ I, королемъ польскимъ, апостольскій престолъ возымѣлъ желаніе не прекращать съ московскими государями

¹⁾ Д. А. Толстой: „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, 73. Болѣе обстоятельно у о. Пирлинга: *La Russie et le Saint-Siège*, II, 253 sqq. Тоже въ болѣе раннемъ по времени трудѣ о. Пирлинга: *Papes et Tsars (1547—1597)*, 379 sqq., Paris, а. 1890. Впервые о. Пирлингомъ изложены были московско-римскія сношенія въ періодъ времени отъ 1582 г. по 1587 г. въ сочиненіи его: *Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou*, Paris, а. 1885. Высказанный тогда о. Пирлингомъ взглядъ на отношеніе Рима къ завоевательнымъ проектамъ Баторія подвергнутъ былъ критикѣ проф. Ѳ. И. Успенскимъ въ Ж. М. Н. Пр., 1885 г., августъ, стр. 311.

²⁾ Hist. rus. mon. II, № 10.

³⁾ *La Russie ect.* II, 289 sqq.

дружбы которая может привести къ религіозному единомыслію ¹⁾. Папа напоминаетъ царю о посредничествѣ Поссевино и о посольствѣ Якова Молвянинова къ Клименту VII, пишетъ о скорби своей по поводу смерти отца Федора Іоанновича и радости по поводу водаренія его въ той надеждѣ, что онъ не менѣе благосклонно и съ не меньшею любовью, чѣмъ дѣдъ и отецъ его будетъ относиться къ св. престолу. Желая привѣтствовать царя и явить ему полное свое расположеніе, папа посылаетъ къ нему Антонія Поссевино, которому поручаетъ всячески способствовать водворенію мира между царемъ и Баторіемъ, завоевательные планы котораго относительно нѣкоторыхъ русскихъ земель сильно озабочиваютъ его. Брѣвѣ заканчивается пожеланіемъ, чтобы Господь просвѣтилъ разумъ царя и направилъ его къ вѣчному

¹⁾ Василий III, повидимому, не обращался съ подобною просьбою къ Клименту VII. На предложеніе Климента VII быть въ союзѣ съ христіанскими государями для борьбы противъ невѣрныхъ, Василий III въ 1525 г. отвѣтилъ чрезъ своего посла Дмитрія Герасимова, что онъ и впредь будетъ стоять противъ невѣрныхъ за христіанство, какъ стоялъ донныи (Прот. Григоровичъ, „Переписка папъ съ рос. государями“, 19; Pierling, *La Russie eccl.* I, 291, sqq. Въ слѣдующемъ 1526 г. Василий III отправилъ къ Клименту VII съ вѣрительною грамотою Трусова и Лодыгина (назв. тр. прот. Григоровича, 25). Прот. Григоровичъ указываетъ, что, по свидѣтельству Карамзина, документы, относящіеся къ посольству Трусова и Лодыгина, утратились (тамъ же стр. 104, прим. 14). Но Трусовъ и Лодыгинъ не были отправлены Василиемъ III къ Клименту VII съ просьбою примирить его съ Сигизмундомъ I. Вѣрительная грамота, данная имъ Василиемъ III, помѣчена декабремъ (см. назв. изд. прот. Григоровича, 26), между тѣмъ въ ноябрѣ 1526 г. Василий III заключилъ съ посланцами Сигизмунда I шестилѣтнее перемиріе, при чемъ согласился на этотъ срокъ вѣдѣствіе убѣжденій пословъ императорскихъ и папскаго, самъ же хотѣлъ трехлѣтняго перемирія (С. И. Р. И. Об. т. 35, № 101, стр. 728 и слѣд.). О миссіи Трусова и Лодыгина говорить о. Пирлингъ; они были посланы съ порученіемъ набрать въ Италіи архитекторовъ и ремесленниковъ и доставить ихъ въ Москву (*La Russie eccl.* I, 307). Замѣчаніе прот. Григоровича, что Лодыгинъ возвратился изъ Италіи въ 1528 г., основанное на замѣткѣ въ одной славянской рукописи, означенной его именемъ (назв. трудъ стр. 105, прим. 14) оправдывается показаніемъ о. Пирлинга (*La Russie eccl.* I, 309). Съ Лодыгинимъ выѣхалъ изъ Москвы епископъ Скары Gian Francesco, который посланъ былъ Климентомъ VII для примиренія Василия III съ Сигизмундомъ I послѣ выраженной великимъ княземъ готовности стоять противъ невѣрныхъ, но не по просьбѣ великаго князя (Pierling, *La Russie eccl.* I, 298 sqq.).

блаженству ¹⁾. Сикстъ V, подобно своему предшественнику, титуловалъ царя „государемъ Россіи, великимъ княземъ Московіи, Новгорода, Смоленска, Владиміра, государемъ Казани и Астрахани и многихъ иныхъ областей великимъ государемъ“ ²⁾. Но и это брѣвѣ не дошло по назначенію. Въ исходѣ 1586 г. скончался Баторій; кончина его измѣнила политическое положеніе дѣлъ на Востокѣ Европы. Поссевино, на котораго снова была возложена знакомая ему роль посредника между царемъ и королемъ, застигнутый въ горахъ Тироли на пути въ Польшу вѣстью о кончинѣ Баторія, возвратился въ Италію ³⁾.

Попытки Сикста V завязать сношенія съ Москвою не увѣнчались успѣхомъ; одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ его Климентъ VIII, обращаясь къ христіанскимъ государямъ съ призывомъ къ борьбѣ противъ Турокъ, отправилъ къ Ѳеодору Іанновичу аббата Александра ди Комоло, славянина по происхожденію, явившагося

¹⁾ О. Пирлингъ въ этомъ обращеніи папы къ царю видитъ благожелательное отношеніе Рима къ московскому государству. Иной взглядъ высказалъ Ѳ. И. Успенскій; онъ указываетъ, что Римъ принималъ участіе въ завоевательномъ проектѣ Баторія, направленномъ противъ московскаго государства (Ж. М. Н. Пр. 1885 г., августъ, 320). Врядъ ли Римъ относился враждебно къ самому существованію московскаго государства; по отношенію къ Москвѣ Римъ преслѣдовалъ одну цѣль: религиозное съ нимъ единеніе, и пока надежда на достиженіе этой цѣли существовала, Римъ не имѣлъ основанія относиться враждебно къ Москвѣ. Брѣвѣ Сикста V представляется слѣдствіемъ этой надежды. Не стать на сторону проекта Баторія, не противясь въ то же время королю, дабы не возбуждать его противъ себя, въ Римѣ могло быть нѣсколько побужденій: во-первыхъ, надежда достичь своей цѣли въ Москвѣ помимо Баторія, не связывая себя благодарностью къ нему за церковное завоеваніе московскаго государства, которое представлялось Баторію слѣдствіемъ политическаго его завоеванія; во-вторыхъ, осторожность требовала не возбуждать противъ себя Москвы, потому что завоевательныя проекты Баторія могли имѣть и неудачный исходъ; въ-третьихъ, въ Римѣ могли и не желать чрезвычайнаго политическаго усиленія Баторія, потому что, повидимому, не ожидали отъ этого большой выгоды для католической церкви. Такое воззрѣніе отразилось даже на апологетѣ плановъ Баторія, Поссевино, который однажды сказалъ ему: „я боюсь, что слѣдствіемъ вашихъ побѣдъ будетъ проникновеніе аrianизма и атеизма туда, гдѣ прежде была только схизма“ (Pierling, *La Russie ect.* II, 266).

²⁾ Hist. rus. mon. II, № 11.

³⁾ La Russie ect. II, 314 sqq.

въ Москву въ 1595 г. ¹⁾. Ди Комоло доставилъ царю бреве Климента VIII, который, подобно Сиксту V, наминалъ Ѳеодору Іоанновичу объ услугахъ и объ отношеніи римскаго престола къ дѣду и отцу его, о дружественномъ расположеніи послѣдняго къ римскому престолу и о желаніи Іоанна IV быть въ союзѣ съ христіанскими государями для борьбы противъ Турокъ. Папа выражалъ увѣренность, что Ѳеодоръ Іоанновичъ унаслѣдовалъ отъ отца своего такое же желаніе и убѣждаетъ осуществить его; дабы царь охотиѣ приступилъ къ борьбѣ съ Турками, папа посылаетъ къ нему священника Александра ди Комоло, знающаго русскій языкъ и вслѣдствіе этого имѣющаго возможность подробнѣе изложить то, что поручено ему. Обѣщая царю содѣйствіе другихъ христіанскихъ государей и вѣчную славу борца за христіанство, папа пишетъ ему, что съ своей стороны всячески отблагодарить его за участіе въ борьбѣ противъ невѣрныхъ, о чемъ ему подробнѣе изложить Александръ ди Комоло. Бreve помѣчено 1594 г. Подобно Сиксту V, Климентъ VIII титуловалъ царя „государемъ Россіи, великимъ княземъ Московіи, Новгорода, Смоленска, Владиміра, государемъ Казани и Астрахани и многихъ иныхъ областей великимъ государемъ“ ²⁾. Въ чемъ могла выразиться благодарность папы царю въ случаѣ участія его въ походѣ противъ Турокъ, о которой долженъ былъ подробно говорить ди Комоло, можно видѣть изъ инструкции, данной послѣднему ³⁾. Эта инструкция поясняетъ ди Комоло, что „еще при прежнихъ сношеніяхъ заявлялись разныя при-

¹⁾ Pierling, *La Russie eccl.* II, 330 sqq.

²⁾ *Hist. rus. mon.* II, № 26. Русскій переводъ въ изд. прот. Григорovichа: „Переписка папъ“ и т. д., стр. 79).

³⁾ Переводъ этой инструкции изданъ былъ въ „Древн. Рос. Вивліоеикѣ“ XII, стр. 449, изд. 2. Итальянскій текстъ этой инструкции изданъ былъ Д. Толстымъ въ его изслѣдованіи „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, 337. Вторично инструкция эта переведена на рус. яз. проф. Ѳ. И. Успенскимъ, въ изданіи котораго она озаглавлена какъ данная Ангвишіолу, отправляемому паномъ Климентомъ VIII къ князю Московіи въ 1594 г. Ѳ. И. Успенскій дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что въ Римѣ сначала было предположено отправить въ Москву Ангвишіолу, на имя котораго была составлена инструкция, но потомъ ему предпочли ди Комоло, какъ знавшаго славянскіе языки („Русская Истор. Библ.“ VIII, № 5, стр. 22 и прим. 1).

тизанія этихъ московскихъ князей на титулы и на почести, какіе они приписываютъ себѣ, производя свою генеалогію отъ древнихъ императоровъ римскихъ“. Инструкція велитъ ди Комоло въ случаѣ, если будетъ разговоръ на такую тему, „показать, что такіе титулы и достоинства всегда раздавались святымъ престоломъ; можете привести примѣры, болѣе имъ извѣстныя, изъ исторіи царства польскаго, Венгріи и Богеміи, равно какъ изъ исторіи восточной и западной имперіи, пользуясь этимъ случаемъ видѣрить въ умахъ тѣхъ, съ кѣмъ вамъ придется разсуждать, мысль объ авторитетѣ святого престола, и указать на достоинство, безопасность и честь тѣхъ, которые зависятъ отъ него и живутъ въ союзѣ съ нимъ, какъ милыя дѣти въ нѣдрахъ матери,“¹⁾). Инструкція предлагаетъ ди Комоло убѣдить царя отправить войско въ Молдавію, „чтобы вести потомъ войну съ Турками во Фракіи и занять города на Средиземномъ морѣ, что причинило бы послѣднимъ (Туркамъ) весьма важныя затрудненія“. Перечисляя выгоды для московскаго государства отъ такой экспедиціи, ди Комоло долженъ былъ указать и слѣдующее: „...овладѣвъ нѣкоторыми городами на Черномъ морѣ, что не представитъ особенныхъ затрудненій, она (московская нація) могла бы укрѣпиться тамъ и основать надежду на распространеніе славы и власти въ этомъ болѣе мягкомъ и счастливомъ климатѣ и открыть себѣ дорогу къ завоеванію самаго Константинополя, согласно древнимъ притязаніямъ Московитовъ, которые думаютъ, что имъ принадлежитъ эта имперія по наслѣдственному праву. Если будутъ отговариваться отдаленностью, можете сказать: Римъ еще дальше, однако же его святѣйшество рѣшился послать свой отрядъ, равно испанскій король, который живетъ еще дальше; что вѣра Христова и любовь къ религіи обладаетъ силой соединять и отдаленнѣйшія націи противъ тѣхъ, кто покушается попирать вѣру. Съ этою цѣлью имѣете употребить въ дѣло нѣкоторыя побужденія славы. Скажите, что угнетенныя націи говорятъ тѣмъ же или мало отличнымъ отъ Московитовъ языкомъ... Присоедините, что христіане всѣхъ этихъ странъ соблю-

¹⁾ Р. И. Б. VIII, стр. 34; „Др. Рос. Визл.“ XII, стр. 457; у Д. Толстаго I, стр. 341.

даютъ греческій обрядъ и имѣютъ такимъ образомъ еще больше правъ на поддержку со стороны ихъ; что Московиты могутъ надѣяться на самый широкій и блистательный успѣхъ...“ ¹⁾.

О результатѣ этого посольства ди Комоло изъ русскихъ источниковъ ничего не узнаемъ; полное описаніе пребыванія папскаго посла въ Москвѣ и переговоровъ съ нимъ до насъ не дошло, уцѣлѣлъ только конецъ описанія, въ которомъ изложенъ отпускъ ди Комоло изъ Москвы ²⁾. Толстой и О. Пирлингъ полагаютъ, что миссія ди Комоло не имѣла никакого успѣха въ Москвѣ ³⁾. Такою безуспѣшностью этой миссіи можетъ быть объяснено вторичное появленіе ди Комоло въ Москвѣ въ 1597 г. ⁴⁾.

¹⁾ Р. И. Б. VШ, 31. Инструкція, данная ди Комоло, приложена была еще Шербазовымъ („Ист. Рос.“ т. VI, ч. II, стр. 283). Столько понадобилось убѣжденій, чтобы побудить царя предпринять походъ вмѣстѣ съ другими государями противъ Турокъ, которые по мнѣнію Русскихъ, какъ полагали въ Римѣ, владѣли тѣмъ, что принадлежало царю по праву наслѣдства.

²⁾ „Пам. дипл. сн.“ X, 393—432.

³⁾ „Римск. католицизмъ“ I, 76; La Russie ect. II, 335 sqq.

⁴⁾ Первое посольство ди Комоло, повидимому, не имѣло никакого вліянія на успѣхъ въ Москвѣ посольства Варкоча, бывшаго тамъ въ исходѣ 1594 г. и въ началѣ 1595 г. Варкочъ, императорскій посолъ, хлопоталъ въ Москвѣ о помощи деньгами императору для борьбы противъ Турокъ. Хлопоты его были успѣшны: царь отправилъ императору мѣха, въ Москвѣ оцѣненные въ 44720 р. и 8 денегъ, за границу же ихъ оцѣнили почти въ десять разъ болѣе („Пам. дипл. снош.“ II, 237 и 292). Варкочъ выѣхалъ изъ Москвы 9 марта 1595 г. (тамъ же, 183), а 13 апрѣля того же года было отправлено къ императору русское посольство, которое повезло съ собою мѣха (тамъ же, 202). Впослѣдствіи русскіе послы въ Прагѣ, на вопросъ находившагося тамъ папскаго посла, былъ ли у царя папскій легатъ Александръ, отвѣтили, что у царя былъ папскій посолъ Александръ Колемиусъ, при нихъ же отпущенный царемъ (тамъ же, 348). Но это показаніе русскихъ пословъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что ди Комоло отпущенъ былъ царемъ изъ Москвы въ бытность ихъ тамъ: 26 апрѣля они уже находились въ Смоленскѣ, несмотря на то, что ѣхали изъ Москвы „мѣшкотно“ (тамъ же, 241 и слѣд.), тогда какъ ди Комоло отпущенъ былъ царемъ изъ Москвы 2 мая (тамъ же, 254). Говоря объ отпускѣ царемъ ди Комоло при нихъ, русскіе послы, повидимому, разумѣли, что ди Комоло отпущенъ былъ не въ бытность ихъ въ Москвѣ, но въ то время, когда они еще не выѣхали изъ предѣловъ московскаго государства. Дѣло въ томъ, что и Варкочъ и русское посольство въ Смоленскѣ ждали охранной грамоты польскаго короля для проѣзда чрезъ его владѣнія, и выѣхали изъ Смоленска только 10 іюня (тамъ же, 270 и слѣд.). Сюда же, въ Смо-

По повелѣнію папы въ 1597 г. ди Комоло предпринять вторичную поѣздку въ Москву ¹⁾. Еще находясь въ Смоленскѣ, на пути въ Москву, ди Комоло послалъ царю грамоту, въ которой изъяснялъ обстоятельства своего вторичнаго къ нему посольства: по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ 1595 г. въ Вильно онъ не могъ ѣхать въ Римъ по болѣзни, ко времени же выздоровленія его полученъ былъ имъ отъ папы приказъ остаться въ Вильно для „укрѣпленія вѣры хрестіанской въ Вилнѣ въ костелахъ“; въ то время, когда онъ занимался этимъ дѣломъ, папа прислалъ ему приказаніе вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ ѣхать къ царю и передать ему бревъ. Ди Комоло извѣщалъ царя, что предложилъ папѣ писать въ грамотахъ къ нему титулъ его сполна, какъ то предлагалъ еще Антоній Поссевино папѣ Григорію XIII по отношенію къ отцу царя, но въ то время Григорій XIII не принялъ предложенія

ленскъ, послѣ отпускнуой аудіенціи царя, пріѣхалъ и ди Комоло, на пути въ Ляту. Съ разрѣшенія царя ди Комоло посѣтилъ Варкоча и разспрашивалъ его о подробностяхъ пріема, оказаннаго ему царемъ; объ этомъ онъ могъ спросить Варкоча въ Москвѣ, если бы засталъ его тамъ (тамъ же, 254 и слѣд.). Что ди Комоло прибылъ въ Москву послѣ отъѣзда оттуда Варкоча, т. е. послѣ 9 марта 1595 г., можно заключить и изъ словъ самаго Варкоча. Еще въ Москвѣ 26 января 1595 г. на замѣчаніе Бориса Годунова, что о папскомъ послѣ, который, по словамъ Варкоча, долженъ былъ пріѣхать въ Москву, не было вѣсти, Варкочъ отвѣтилъ, что папскій посолъ долженъ былъ прибыть въ Москву вслѣдъ за нимъ, и что „чаяти его къ Государю вскорѣ“ (тамъ же, 129 и слѣд.). Не было папскаго посла въ Москвѣ и тогда, когда 5 февраля того же года на аудіенціи у царя Варкочу было объявлено, что царь шлетъ императору денежную помощь въ мѣхахъ (тамъ же, 139 и 154); это видно изъ словъ Варкоча, тогда же имъ сказанныхъ. Онъ говорилъ, что испанскій и папскій послы должны посѣтить императора, а отъ него уже отправятся въ Москву, когда императоръ будетъ извѣщенъ объ отпускѣ его, Варкоча, и что съѣздъ пословъ испанскаго и папскаго у императора предполагался въ первыхъ числахъ мая 1595 г. (тамъ же, 157). 27 февраля Варкочъ говорилъ боярамъ, что по возвращеніи его къ императору послѣдній отправитъ къ царю своихъ пословъ, а также испанскихъ и папскихъ, и спрашивалъ, куда царь велитъ ѣхать этимъ послами: въ Москву или въ какой либо пограничный городъ (тамъ же, 161 и 163). Повидимому, когда папскій посолъ прибылъ въ Москву, Варкоча тамъ уже не было, потому что вопросъ о денежной помощи императору для борьбы противъ Турокъ рѣшонъ былъ въ Москвѣ въ положительномъ смыслѣ.

¹⁾ О вторичномъ пріѣздѣ въ Россію ди Комоло см. „Пам. дипл. снош.“ X, 433 и слѣд.

Поссевино, теперь же предложеніе его, ди Комоло, принято папою: „а меня въ томъ дѣлѣ навѣншей Папа послушалъ, и грамоты ко мнѣ прислалъ къ Вашему Цар. Вел-ву съ полными титулами: и толко бы про тѣ грамоты провѣдали Поляки и Литва“, писалъ папскій посолъ царю, „и онѣ бы меня съ тѣми грамотами никакъ не пропустили къ Вашему Цар. Вел-ву,—король бы и воеводы всѣ на меня кручинилися, а мнѣ ихъ гнѣвъ ни во што, потому что навѣншей Папа воленъ въ титулахъ во всѣхъ, кому хочеть, тому дать“¹⁾. Папское бревѣ, которое ди Комоло долженъ былъ передать царю, помѣченное апрѣлемъ 1596 г., напоминаетъ о первой миссіи ди Комоло. Климентъ VIII убѣждаетъ царя воспользоваться силою, ему отъ Бога данною, и вступить въ борьбу противъ Турокъ въ союзѣ съ императоромъ; въ награду за защиту христіанъ отъ Турокъ царь стяжаетъ славу. Папа пишетъ, что о всѣхъ дѣлахъ, которыя упомянуты въ бревѣ, обстоятельно будетъ говорить ди Комоло, къ словамъ котораго царь долженъ имѣть полную вѣру. Бревѣ заканчивается названіемъ дара къ царю и изъясненіемъ значенія его. Ѳеодоръ Іоанновичъ титулуется: *Czar, Dominus Russiae, Magnus Dux Moscoviae etc.*²⁾. Царемъ же названъ Ѳеодоръ Іоанновичъ въ двухъ бревѣ папы Климента VIII къ Борису Годунову. Оба эти бревѣ написаны были одновременно съ бревѣ къ царю. Папа просилъ Годунова благосклонно выслушать его посла, знавшаго русскій языкъ, и оказать ему содѣйствіе, гдѣ оно потребуется³⁾.

Къ сожалѣнію, описаніе вторичного посольства ди Комоло не сохранилось въ полномъ видѣ: оно обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ—на изложеніи пребыванія папскаго посла въ Москвѣ⁴⁾. Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе въ Москвѣ произвело признаніе папою царскаго титула Ѳеодора Іоанновича⁵⁾. Подобно своему отцу,

¹⁾ Тамъ же, 454—456.

²⁾ Hist. rus. mon. II, № 27.

³⁾ Ibid. №№ 28 и 29.

⁴⁾ „Пам. дипл. сн.“ X, 501.

⁵⁾ Толстой говорить, что второе посольство ди Комоло кончилось точно такъ же, какъ и первое, т. е. ничѣмъ, несмотря на то, что посолъ былъ принятъ очень хорошо государемъ („Римскій католицизмъ“, I, 77). Къ сожалѣнію, Толстой не указалъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ заключилъ, будто

Федоръ Іоанновичъ не требовалъ отъ папы признанія царскаго титула. Въ Москвѣ понимали, что римскій престолъ не былъ намѣренъ признать, но готовъ былъ дать царю титулы на условіяхъ, о которыхъ тамъ не желали и говорить ¹⁾.

Старая династія московскихъ государей, пресѣкшаяся смертью второго царя, словно завѣщала преемникамъ своимъ блюсти, чтобы титулъ московскаго государя не умалялся тѣми государями, которыми онъ былъ уже признанъ, и требовать признанія царскаго титула со стороны тѣхъ государствъ, которыми титулъ этотъ еще не былъ признанъ. Преемники старой династіи, унаслѣдовавъ отъ нея титулы ея, унаслѣдовали вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательства правъ на нихъ.

Вскорѣ послѣ избранія своего на престолъ Борисъ Годуновъ отправилъ посланникомъ дьяка Афанасья Власьева къ германскому императору Рудольфу II ²⁾. Власьевъ, получивъ отвѣтную грамоту императора, замѣтилъ, что въ ней „Царское имя писано не съ полнымъ Царскимъ именованьемъ: Самодержца и титулъ не написано“, вслѣдствіе чего потребовалъ, чтобы имя царя было написано „съ

ди Комоло былъ оказанъ въ Москвѣ хорошій пріемъ. Извѣстно, что изъ Смоленска, на пути въ Москву, папскій посолъ писалъ царю: „пощади, милостивый Царь, вели корму прибавити, не вели съ голоду умерить“ („Пам. дипл. св.“ X, 456), описаніе же пріема его въ Москвѣ не сохранилось. Иной взглядъ былъ высказанъ о Цирлингомъ, который полагаетъ, что ди Комоло въ кремлѣ былъ оказанъ ледяной пріемъ (La Russie est. II, 366 sqq. О цѣляхъ миссіи ди Комоло тамъ же, 363 sqq.).

¹⁾ Въ царствованіе Федора Іоанновича въ 1589 г. явился въ Москву посолъ бухарскаго хана. Привезенная посломъ грамота хана къ царю была написана безъ царскаго титула, вслѣдствіе чего Борисъ Годуновъ написалъ хану письмо, въ которомъ упрекалъ его за написаніе имени царя безъ царскаго титула и указывалъ на другихъ государей, которые въ грамотахъ къ царю писали имя его съ царскимъ титуломъ („Сборникъ князя Хилкова, Хронологическое обозрѣніе политическихъ сношеній Россіи съ Бухарією“, стр. 446, и Прилож. на стр. 487).

²⁾ Описаніе посольства Власьева не сохранилось въ полномъ видѣ; судя по концу отвѣтной грамоты императора, выражавшаго радость по поводу вѣнчанія Бориса Годунова, можно думать, что Власьевъ былъ отправленъ новымъ царемъ къ императору съ извѣщеніемъ о вступленіи его на московскій престолъ („Пам. дипл. св.“ II, 653).

полнымъ Царскимъ имянованьемъ и съ титлы“¹⁾. Требованіе московскаго посланника было исполнено. Кромѣ этого раза московскимъ дипломатамъ не приходилось требовать, чтобы имя Бориса Годунова писалось въ грамотахъ къ нему отъ императора „съ полнымъ царскимъ имянованьемъ и съ титлы“: императоръ избѣгалъ всякихъ столкновеній на этой почвѣ съ московскимъ правительствомъ²⁾.

Попытки достигъ признанія царскаго титула со стороны Польши возобновились въ царствованіе Бориса Годунова.

Борисъ Годуновъ отправилъ къ польскому королю посланника Михаила Татищева съ дьякомъ Иваномъ Максимовымъ, извѣщая короля о своемъ воцареніи. Посольству этому было поручено требовать, чтобы король въ грамотахъ къ царю писалъ полный его титулъ. Статейный списокъ московскаго посольства не сохранился, но что оно пыталось исполнить возложенное на него порученіе, знаемъ изъ упоминанія объ этомъ впоследствии съ московской стороны³⁾. Такъ какъ посольство Татищева не имѣло успѣха, Борисъ Годуновъ, пользуясь пребываніемъ королевскаго посольства въ Москвѣ въ 1600 г., возобновилъ требованіе признанія за нимъ царскаго титула; королевскіе послы⁴⁾ явились въ Москву съ предложеніемъ заключить вѣчный миръ и союзъ для борьбы противъ Турокъ и Татаръ. Посламъ поставлено было однимъ изъ условій заключенія мира между Москвою и польско-литовскимъ государствомъ признаніе царскаго титула со стороны короля, но послы заявили боярамъ, что не имѣютъ съ собою наказа для переговоровъ о титулѣ.

¹⁾ Тамъ же, 715.

²⁾ Тамъ же, 778 и слѣд.

³⁾ „И съ ними (Татищевымъ и Максимовымъ) къ Жигимонту королю приказывалъ (царь), чтобъ Жигимонтъ король писалъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству съ полнымъ царскимъ именованьемъ“... (Главн. Архивъ М. И. Д. въ М., Кн. польскаго двора № 24, л. 85 об. У Бантышъ-Каменскаго въ его „Перепискѣ между Россією и Польшею“ не вѣрно указанъ л. 25 об. („Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Р.“ за 1861 г., кн. I, стр. 39, прим. 1).

⁴⁾ Канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга, Станиславъ Варшницкій и писарь литовскій Пелгримовскій (Бантышъ-Каменскій, „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ за 1861 г., кн. I, стр. 40).

Вслѣдствіе того, что послы не приняли условій, предложенныхъ боярами, рѣшено было заключить перемиріе ¹⁾. Для подтвержденія этого перемирія царемъ отправлено было въ 1601 г. къ королю посольство, состоявшее изъ боярина Михаила Салтыкова-Морозова, дворянина Плещеева и думнаго дьяка Власьева ²⁾. Московскіе послы потребовали, какъ видно изъ статейнаго ихъ списка, чтобы въ перемирной и другихъ грамотахъ отъ короля имя государя писалось съ полнымъ царскимъ титуломъ. Имъ отвѣтили, что титулъ государя будетъ написанъ такъ, какъ прежніе польскіе короли писали его въ грамотахъ къ московскимъ государямъ. Тогда послы заявили, что вслѣдствіе нежеланія прежнихъ польскихъ королей признать царскій титулъ московскихъ государей „по се время межъ великихъ государей нашихъ нелюбе и крови многіе за то лились. И впередъ толко король великого государя нашего не учнетъ описывать царемъ и самодержцомъ и титлы сполна, и за то межъ великихъ государей нашихъ любви совершенные и вѣчнаго миру въпередъ не будетъ, и будетъ похочетъ король съ царскимъ величествомъ быти въ совершенной дружбѣ и въ любви, и король бы великого государя нашего описывалъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ и самодержцомъ всеа Русіи по его царскому достоинству; а та превысочайшая царская степень величества великому государю нашему царю и великому князю Борису Фёдоровичу всеа Русіи самодержцу дана отъ Бога отъ прародителей великихъ государей нашихъ царей россійскихъ, почень отъ великого государя царя и великого князя Владимира Манамаха, отъ Грекъ высокодостоинѣйшую честь воспріимшаго, и вѣнчанъ царскимъ вѣнцемъ и діадимою отъ великихъ государей отъ константинопольскихъ царей совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патріархъ и всего вселенскаго собора, и именованъ царь и великій князь Владимиръ Манамахъ даждъ и до великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи самодержца и сына его хваламъ достойного ве-

¹⁾ Изложеніе переговоровъ бояръ съ послами не сохранилось, но о требованіи признанія царскаго титула узнаемъ со словъ московскихъ пословъ, бывшихъ въ Польшѣ въ 1601 г. (Кн. польскаго двора № 24, л. 71 и слѣд.).

²⁾ Бантышъ-Каменскій, назв. тр., въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р. за 1861 г., кн. I, стр. 41.

ликого государя и великого князя Оедора Ивановича всеа Русіи самодержца, мстителей неправды и законеннымъ прародителскимъ землямъ обрѣтателей и многихъ мусульманскихъ царствъ побѣдителей и обладателей; потомъ Божиимъ праведнымъ судомъ та превсочайшая царская степень величества дойде до великого государя нашего царя и великого князя Бориса Оедоровича всеа Русіи самодержца; не токмо что російского государства царское именованье великому государю нашему Богъ подаровалъ и мусульманскихъ государствъ царства казанского и астраханского и сибирского, и многіе крестьянскіе и мусульманскіе цари на своихъ царствахъ великому государю нашему его царскому величеству послушны учинилися и нынѣ великому государю нашему служить, и прославлена превсочайшая его царская степень величества славою и честію во всей вселенной отъ всѣхъ великихъ государей, и всѣ великіе государи: цесарь римской и король ишпанской и всѣ крестьянскіе государи и короли и навѣшшій папа римскій и мусульманскіе государи всѣ описуютъ великого государя нашего его царское имя съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ и самодержцомъ и титла сполна по его царскому достоянью; а какъ зъ Божьею помощію великій государь нашъ царь и великій князь Борисъ Оедоровичъ всеа Русіи самодержецъ учинился на своихъ преславныхъ великихъ государствахъ російского царствія царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцомъ и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ и діадимомъ по древнему обычаю, и великій государь нашъ его царское величество посылалъ къ Жигимонту королю государство свое обѣстити посланника своего и дворянина думного и ясельничего и намѣсника можайскаго Михаила Игнатовича Татищева діака Ивана Максимова и съ ними къ Жигимонту королю приказывалъ, чтобъ Жигимонтъ король писалъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству съ полнымъ царскимъ именованьемъ, чтобъ межъ ими великими государи за то нелюбие не водвизалось; и Жигимонтъ король и нынѣ великому государю нашему нелюбие свое оказываетъ, его царское величество описуетъ не съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ и самодержцомъ, и титлъ его царскихъ сполна не описуетъ, и послы государя вашего Жигимонта короля ты, Левъ Сопѣга, съ товарищи царского

величества бояромъ въ отвѣтъ на перемирьѣ королевского наказу о царскомъ именованьѣ у себя не сказалъ, перемѣня прежніе свои рѣчи, что прежь того великого государя нашего о царскомъ именованьѣ наказъ королевской у себя на докончаньѣ сказывалъ, и царскому величеству на перемирье и дѣлати было непригоже за несходителствомъ государя вашего, что его царского именованья и титлъ сполна не описуетъ. Да государь нашъ, истинный милосердый государь, по своему царскому милосердому обычаю жалѣя о кроворозлитѣ христіанскомъ, чтобъ кровь христіанская литися престала, во всемъ на себя поступаая, отставя всѣ мѣры, безъ чего было и дѣлатъ непригоже, и хотячи видѣть во христіанствѣ покой тишину, велѣлъ здѣлати на перемирье. И государю вашему Жигимонту королю и вамъ, паномъ радамъ, царскаго величества любовь и сходителство къ покою христіанскому пригоже знать и великого государя нашего его царского именованья и титла писать сполна по его царскому достоинству, что ему великому государю Богъ далъ, а безъ того впередъ дружба и любовь не крѣпка. А какъ будетъ межъ великихъ государей нашихъ дружба и любовь, и тогда зъ Божіею помощью могутъ противъ всѣхъ своихъ недруговъ стояти и своею царскою любовью, прося у Бога милости, могутъ православное христіанство изъ рукъ бесерменскихъ свободить; а то вамъ самимъ вѣдомо, какъ были великіе государства греческое и серпское и угорское и иные крестіанскіе государства, и тѣ всѣ великіе государства за незгодою и за несходителствомъ крестіанскихъ государей посѣли мусолманскіе государи...“¹⁾ Рѣчь московскихъ пословъ передана была королю. На другой день посламъ данъ былъ отвѣтъ: король радъ, что московскій государь желаетъ быть въ союзѣ съ нимъ и съ другими христіанскими государями, но „на перемирьѣ царского титула написать нынѣ не мочно, напередъ надобетъ съ государемъ нашимъ сойтися искреннею прямою любовью и говорити о докончаньѣ и о соединеньѣ, чтобъ межъ государей нашихъ утвердилась истинная сердечная братцкая любовь и дружба, и межъ ихъ государствъ вѣчный покой; а какъ

¹⁾ Книга польскаго двора № 24 лл. 83—87. Эта рѣчь опущена въ изданіи въ IV т. „Древн. Рос. Вивл.“ статейномъ спискѣ посольства боярина М. Г. Салтыкова-Морозова (стр. 14—120).

вѣчное dokonчанье и соединенье межъ великого государя нашего и великого государя вашего, и межъ ихъ великихъ государствъ учинитца по тѣмъ статьямъ, которые статьи подали государя нашего Жигимонта короля мы, послы, на Москвѣ государя вашего бояромъ, тогда и о царскомъ титулѣ приговоримъ, и писати тѣми титулы государя будемъ“¹⁾. Московскіе послы возразили панамъ: царь хочеть быть въ мирѣ съ королемъ, но пусть король обнаружитъ свое къ нему расположеніе—велитъ написать его царемъ въ перемирной грамотѣ. Паны общали московскимъ посламъ признаніе царскаго титула со стороны короля въ случаѣ заключенія мира между Польшею и Москвою, но послы требовали прежде всего признанія королемъ царскаго титула московскимъ государей и безъ такого признанія не желали и говорить о мирѣ. Свое требованіе московскіе послы основывали на томъ, что другіе государи пишутъ и писали московскихъ государей царями, и предложили показать подлинныя грамоты иностранныхъ государей къ царямъ, при чемъ впервые указали на извѣстную грамоту императора Максимилиана I къ Василию III, въ которой московскій государь названъ былъ цесаремъ, и на которую впослѣдствіи ссылался Петръ В. въ доказательство правъ своихъ на императорскій титулъ²⁾. „Мы вамъ“, говорили послы панамъ, „тому и грамоты подлинныя покажемъ, какъ всѣ великіе христьянскіе государи и мусульманскіе государи къ великимъ государемъ нашимъ царемъ писывали прежь сего и нынѣ пишутъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ: цари всеа Русіи и самодержцы, по ихъ царскому достоинству. Преже сего къ великому государю блаженные памяти къ царю и великому князю Василию Ивановичу всеа Русіи самодержцу цесарь Максимилианъ Первой писалъ великимъ государемъ кеса-

¹⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ IV, стр. 63.

²⁾ Подлинность этой грамоты была заподозрѣна на Западѣ Европы („Пам. динл. св.“ II, 1443). Упомянутое о ней при Борисѣ Годуновѣ является однимъ изъ доказательствъ подлинности ея. Устами своихъ дипломатовъ Годуновъ ссылался на грамоту Максимилиана къ Василию III не потому, что искалъ императорскаго титула, но царскаго, грамотъ же императорскихъ къ московскимъ государямъ съ царскимъ титуломъ послѣднихъ былъ цѣлый рядъ, такъ что Годунову не было нужды указывать на грамоту или подложную или сомнительной подлинности.

ремъ и великимъ княземъ всеа Русіи, и въ докончальныхъ грамотахъ о томъ писано; также къ великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи самодержцу цесарь Максимилианъ Второй и къ великому государю царю и великому князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи самодержцу Руделфъ цесарь писалъ великими государи цари всеа Русіи самодержцы ¹⁾, да и всѣ великіе государи крестыянскіе: король ишпанской и еранцовской и датцкой и аглинская королева, также и наивышшій папа римской, прежь сего писали и нынѣ къ великому государю нашему царю и великому князю Борису Ѳеодоровичу всеа Русіи самодержцу пишутъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ всеа Русіи и самодержцомъ, толко съ одной зъ государя вашего стороны сходительства нѣтъ“ ²⁾. Если только, грозили послы, король не велитъ написать въ перемірной грамотѣ имя государя съ царскимъ титуломъ, то государь перестанетъ титуловать Сигизмунда III королемъ, „и то какая честь“, говорили послы панамъ, „государю вашему? а вѣдь всѣ великіе государи славою и честію прославлены отъ Бога, и свое царское имя описуютъ цари по царскому вѣнчанью, а король по корунованью; почититъ государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего, и царское величество противъ учнетъ его чтить; а не почититъ король, и великій государь нашъ противъ не учнетъ чтить; и тутъ какому миру и дружбѣ и любви быть?“ ³⁾. Въ доказательство того, что московскихъ государей другіе государи называютъ царями, послы показали грамоты отъ этихъ государей. Паны

¹⁾ Такъ въ Книгѣ польскаго двора (№ 24 л. 107) отъ словъ: „прежь сего къ в. г. блаж. пам. къ ц. и в. к. Василию Ив...“ У Новикова: „преже сего къ Великому Государю блаженные памяти къ Царю и В. К. Василью Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, Цесарь Максимилианъ первой писалъ В—имъ Г—ремъ Кесаремъ и В. К. всеа Русіи; и въ докончальныхъ грамотахъ о томъ писалъ такъ же къ В. Г. Ц. и В. К. Ивану Васильевичу, всеа Русіи Самодержцу, Цесарь Максимилианъ второй; и къ В. Г. Ц. и В. К. Ѳеодору Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, Рудольфъ Цесарь писалъ В—ими Г—ари Цари, всеа Русіи Самодержцы...“ („Др. Р. Вивл.“ IV, 64). Приведенный отрывокъ рѣчи московскаго посольства, напечатанной у Новикова, не отличается ясностью, тогда какъ смыслъ этой рѣчи, записанной въ Книгѣ польскаго двора, вполне ясенъ.

²⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ IV, стр. 64.

³⁾ Тамъ же, стр. 65.

грамоты посмотрѣли и дали отвѣтъ московскимъ посламъ на ихъ рѣчи, объяснивъ, почему короли ихъ не признавали за московскими государями царскаго титула: „цесарь римской и иншіи короли и наивышшій папа римскій прежь сего писали и нынѣ пишутъ къ великимъ государемъ вашимъ и великимъ княземъ съ царскимъ титуломъ по любви, для того, что межъ ихъ розни и брани никакихъ не бывало, государства дальнѣе ничѣмъ съ государствами государя вашего не сошлись; а межъ государей нашихъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и великихъ государей вашихъ и великихъ князей многіе войны бывали, и крови многіе лились, и земли зашли за государей вашихъ; и нынѣ государю нашему на перемирьѣ какъ царской титулъ государю вашему писать? напередъ надобѣ ¹⁾, чтобъ всѣ прежніе незгоды исправить и сойтись искреннею сердечнею прямою любовью, и учинить межъ собою вѣчный покой; потомъ будетъ и царской титулъ, а на перемирьѣ царскаго титула не писывать“ ²⁾. Паны не оспаривали правъ московскаго государя на царскій титулъ ³⁾; признаніе этого титула другими государями они объясняли тѣмъ, что у нихъ съ московскими государями не было „розни и брани“, только вслѣдствіе которыхъ польско-литовскіе государи не называли московскихъ царями, но не потому, что сомнѣвались въ правахъ московскихъ государей на усвоенный ими себѣ титулъ.

Такимъ образомъ, польско-литовское правительство смотрѣло на признаніе царскаго титула московскаго государя какъ на слѣдствіе установленія мирныхъ отношеній со стороны послѣдняго и полагало, что перспектива такого признанія со стороны короля сдѣлаетъ московскаго государя болѣе уступчивымъ при заключеніи

¹⁾ Такъ въ Книгѣ польскаго двора (№ 24 л. 109), у Новикова: „...Г—рю в—му писать напередъ; надобѣ...“ (IV, 65).

²⁾ „Древн. Р. Вивл.“ IV, стр. 65 и слѣд.

³⁾ „...Слышали есмя ваши рѣчи и разумѣли“, говорили паны московскимъ посламъ, „и тѣ грамоты, которые есте намъ казали (къ московскимъ государямъ съ царскимъ титуломъ отъ другихъ государей) и чли, и вамъ объявляемъ, что государь нашъ Жигимонтъ король, и мы паны рада, того не отставливаемъ, и пригоже государю вашему титулъ царской писать; только то будетъ впередъ, какъ межъ государей искренняя сердечная любовь и вѣчное докончанье совершится...“ („Древн. Рос. Вивл.“ IV, 67).

мира. Последнее было прямо заявлено московским посламъ: „...коли нынѣ царской титулъ дать, и впередъ на кончанье не учнете дѣлать...“ ¹⁾.

Такой взглядъ польско-литовскаго правительства оспаривался московскими послами: признаніе царскаго титула московскаго государя со стороны польско-литовскихъ государей не можетъ быть слѣдствіемъ установленія мирныхъ отношеній между Москвою и Польшею, потому что непризнаніе этого титула было и будетъ причиною враждебныхъ отношеній Москвы къ Польшѣ: „...и вы и сами вѣдаете“, говорили послы панамъ, „что межъ государей нашихъ крови лились за царское именованье, что государи ваши короли польскіе и великіе князи литовскіе по своему безмѣрью великихъ государей нашихъ царей русійскихъ царскаго именования и титула сполна не писывали; и нынѣ только государь вашъ Жигимонтъ король не велитъ написать великаго государя нашего царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, царскаго именования и титула сполна, и за то межъ великихъ государей нашихъ любви совершенные и вѣчнаго миру впередъ не будетъ, и кровѣмъ литься“ ²⁾. Послы указывали, что враждебныя отношенія московскаго государства къ сосѣдямъ не препятствовали послѣднимъ признавать царскій титулъ государей московскихъ: „а иныхъ государей и земли сошлись съ государя нашего землею, и войны преже сего бывали, и тѣ всѣ описуютъ государя нашего съ полнымъ царскимъ именованьемъ“ ³⁾; московскому государю, говорили послы, нечего возвращать Сигизмунду III, напротивъ, пусть послѣдній возвратитъ царю русскія земли: „а что говорите, что многіе земли государей вашихъ позашли за государей нашихъ, и вамъ и самимъ вѣдомо, что многіе государя нашего земли зашли за государей вашихъ, и государю вашему Жигимонту королю пригоже то исправить, а царскому величеству не въ чемъ исправлять, и своей царской чести не выкупать статъ; и вамъ бы паномъ радамъ о томъ poradѣть, чтобъ великаго государя нашего

¹⁾ Книга польскаго двора № 24 л. 113; слова: „...впередъ на кончанье не учнете дѣлать...“ пропущены у Новикова („Др. Рос. Вивл.“ IV, 69).

²⁾ „Др. Рос. Вивл.“ IV, стр. 66.

³⁾ Тамъ же.

царское именованье въ перемирную грамоту велѣлъ написать по тому жъ, какъ всѣ великіе государи царское именованье описуютъ сполна; сами есте видѣли и чли всѣхъ государей грамоты: какая въ томъ прибыль или повышение государю вашему, что царского именованья не описывать? и какое уничиженье, или убытокъ, что описывать государя нашего царское именованье?“¹⁾).

Тщетно московскіе послы настаивали на написаніи царскаго титула своего государя въ перемирной грамотѣ со стороны короля, паны имъ отвѣтили: „отказываемъ вамъ нынѣ короткими словы, что на перемирьѣ царской титулъ нынѣ и впередъ не можетъ быти...“. Послы на это замѣтили: „...царского именованья и чести, что великому государю нашему Богъ далъ, у государя вашего не выкупать стать...“²⁾, но не утратили надежды склонить короля къ исполненію ихъ требованія относительно царскаго титула.

При обсужденіи условій перемирія московскіе послы снова завели рѣчь о царскомъ титулѣ: если приговорите съ нами, сказали они панамъ, о царскомъ титулѣ, данномъ Богомъ нашему государю, и государя своего склоните къ тому, чтобы онъ велѣлъ государю нашего въ перемирной грамотѣ написать царемъ и впредь бы его такъ титуловалъ, какъ всѣ другіе государи, грамоты которыхъ вы видѣли, тогда будетъ между нашимъ и вашимъ государями дружба и любовь. Паны отвѣтили отказомъ³⁾, но московскіе послы, день спустя, снова стали убѣждать ихъ склонить короля къ признанію царскаго титула государя, повторяя прежніе доводы. Посламъ сказали, что договоръ о царскомъ титулѣ состоится только въ томъ случаѣ, если будетъ заключенъ миръ⁴⁾. Тогда послы, „видя то, что о царскомъ именованьѣ паны рада дѣлать не хотятъ, и накрѣпко отказали“, сдѣлали слѣдующее предложеніе: „вы, паны рада, приговорите съ нами, и записи договорныя о томъ напишемъ, что государю вашему Жигимонту королю великого государя нашего царя и ве-

¹⁾ Тамъ же, 66 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 69.

³⁾ Тамъ же, 71 и слѣд.

⁴⁾ Тамъ же, 74 и 75.

ликого князя Бориса Ѳеодоровича всея Руссиі самодержца впередъ писати съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титулы, какъ его царское величество описуютъ всѣ великіе государи по его царскому достоинству“ ¹⁾). Но и это предложеніе было отвергнуто ²⁾).

Наканунѣ отпускнуой аудіенціи у короля, на выраженное канцлеромъ Львомъ Сапѣгою пожеланіе, чтобы между московскимъ и польско-литовскимъ государями заключенъ былъ вѣчный миръ, московскіе послы замѣтили: „а государю вашему пригоже было нынѣ великого государя нашего царя и великого князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Руссиі самодержца, видя его къ себѣ царского величества любовь и сходительство, написать въ нынѣшнюю перемирную грамоту, и впередъ писать его царское имя съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титулы, что ему великому государю Богъ далъ, то дружбѣ и любви и начало; а только государь вашъ великого государя нашего не учнетъ впередъ писать съ полнымъ царскимъ именованьемъ, и доброму дѣлу впередъ не бывать“. Сапѣга отвѣтилъ посламъ, что по заключеніи мира съ ихъ государемъ король признаетъ царскій его титулъ, при чемъ добавилъ: „и сами вѣдаемъ, что пригоже государю вашему съ царскимъ титуломъ писать, коли ему государю Богъ далъ, кому того не дать, только будетъ впередъ, какъ будете сами сходительны...“ ³⁾).

Дружественныя отношенія между московскимъ государствомъ и Англіей въ царствованіе Бориса Годунова не омрачались спорами изъ за царскаго титула: англійское правительство, какъ и прежде, титуловало московскаго государя царемъ ⁴⁾).

Къ царю Борису Годунову папа Климентъ VIII обращался дважды. Въ первый разъ, въ 1601 г., Климентъ VIII въ своемъ бреве къ царю писалъ, что питаетъ къ нему такую же благосклонность, какую питали предшественники его къ московскимъ государямъ, и высказывалъ надежду, что и Борисъ также вполне благожелателенъ къ нему и къ апостольскому престолу; папа просилъ

¹⁾ Тамъ же, 76.

²⁾ Тамъ же, 77.

³⁾ Тамъ же, 102.

⁴⁾ С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 318—323, 326—327, 357, 359—362, 404, 410, 413, 417, 419.

государя оказать помощь и покровительство отправленнымъ имъ двумъ посламъ въ Персію ¹⁾. Во второй разъ, въ 1604 г., Климентъ VIII въ бреве къ царю, упомянувъ о своемъ къ нему расположеніи, просилъ оказать содѣйствіе и покровительство монахамъ, отправляемымъ чрезъ московское государство въ Персію ²⁾. Оба бреве написаны безъ царскаго титула. Въ первомъ Борисъ называется: Dominus Russiae Magnus Dux Moscoviae, Noveguardiae, Smolentiae, Vlodimiriae, Dominus Cassani et Astracani, multorumque aliarum provinciarum Princeps magnus, во второмъ—Princeps Moscoviae et maximarum provinciarum Dominus potentissimus ³⁾.

Разстрига не удовольствовался титуломъ московскихъ царей. Въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ онъ титуловалъ себя: Nos serenissimus ac invictissimus Monarcha Demetrius Ioannis, Dei gratia Imperator et Magnus Dux totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae

¹⁾ Hist. rus. mon. II, № 32. Pierling, La Russie ect. II, 378 sq.

²⁾ Hist. rus. mon. II, № 33.

³⁾ Отправленнымъ въ 1601 г. къ персидскому шаху московскимъ посламъ данъ былъ наказъ въ случаѣ, если бы ихъ спросили въ Персію, почему Борисъ Годуновъ называетъ себя царемъ, дать такой отвѣтъ: „въ прежніе лѣта, тому блиско пяти сотъ лѣтъ, великій государь Владимиръ Всеволодиъ Манамахъ, иже отъ Грекъ высокодостойнейшую честь воспріимше, ходилъ на Греки, на Царьгородъ, и Корсунскіе города у Грекъ поималъ и плѣнилъ, а въ тѣ поры былъ во Царьгородѣ царь Костянтинъ Манамахъ, и прислалъ къ великому государю Владимиру Манамаху бити челомъ митрополита ееескаго Неоонта, а съ нимъ дву епископовъ и стратигъ своихъ просити мира и любви, а съ нимъ прислалъ греческихъ древнихъ великихъ государей костянтинопольскихъ царей греческихъ всю царскую утварь и честь свою царскую, и прежнихъ греческихъ царей зъ главы своей венецъ царскій, иже именуется Манамахова шапка, и Крестъ животворящаго Древа и діадему, которымъ венцемъ венчались на царство всѣ греческіе цари, и чѣпи златые и многіе царскіе дары. И тѣмъ царскимъ венцемъ и діадимою великій государь Владимиръ Монамахъ венчанъ бысть царемъ всеа Русіи самодержцемъ отъ Неоонта митрополита ееескаго. И отъ того времени по ся мѣста государи наши поставляютца на царство Владимерское и Московское, и на всѣ свои государства тѣмъ царскимъ саномъ отъ патріарха и митрополитовъ, и отъ епископовъ и ото всего священнаго собора. И всѣ великіе государи цесарь римскій, салтанъ турецкой, король ишпанской, папа римской и всѣ великіе государи къ великимъ государемъ нашимъ изначала пишутъ царемъ в. Р. самодержцомъ по ихъ царскому достоянію

Moschoviticae subjectorum, Dominus et Rex ¹⁾); такой же титулъ написанъ въ письмѣ Разстриги къ герцогу Карлу сюдерманландскому ²⁾. Такъ титуловалъ себя Разстрига и въ письмѣ къ папѣ, только безъ названій *Serenissimus ac invictissimus Monarcha* ³⁾.

Но, ни польскій король, ни папа не признавали его титула. Присланному къ Разстригѣ польскому посланнику Александру Гонсѣвскому, въ отвѣтъ на рѣчи его, было, между прочимъ, сказано (въ августѣ 1605 года), что государь еще ждетъ, въ какія отношенія стать къ королю польскому, ибо король умаляетъ его титулъ ⁴⁾. Отправляя въ сентябрѣ 1605 года посла своего Власьева къ польскому королю, Разстрига наказалъ Власьеву требовать признанія за нимъ титула „Цесарь“ ⁵⁾. Требованіе это не было удовлетворено королемъ, и только возбудило въ Польшѣ неудовольствіе противъ предъявлявшаго ихъ. Юрій Мнишекъ далъ

съ великою честью. А то вамъ и самимъ вѣдомо, каковы были великіе царства Казанское и Астороханское, и тѣ всѣ великіе государства, съ Божьею помощью, блаженныя памяти великій Государь ц. и в. кн. Иванъ Васильевичъ в. Р. поималъ и венчался царскою діадимою по древнему обычаю, какъ прежніе ихъ прародители венчались на свои государства. Также и ныне государь нашъ царское в. венчался царскимъ венцомъ и діадимою и скипетръ Російскаго царствія воспріяхъ. И потому великій государь нашъ ц. и в. кн. Борисъ Ѳеодоровичъ в. Р. самодержецъ по своему царскому достоинству описуетца царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ“ („Памятники диплом. и торгов. сношеній Московской Руси съ Персіей“, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго, т. II, стр. 40. Сиб. 1892).

¹⁾ С. Г. Г. и Д., II, № 108. Такой же титулъ въ грамотѣ Разстриги къ польскому королю, написанной 5 сентября 1605 г., съ тѣмъ только отличіемъ, что въ ней слово *Imperator* замѣнено словомъ *Caesar* („Рус. Ист. Библ.“ т. I, стр. 40). Въ этой же грамотѣ, изданной Ciampi, вмѣсто *Caesar*—*Czar* (*Esame Critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliew.*, стр. 65, № VI).

²⁾ Въ этомъ письмѣ Разстрига извѣщалъ герцога о своемъ вѣнчаніи на царство (*Hist. rus. mon.* II, № 66).

³⁾ С. Г. Г. и Д., II, № 107; Pierling, *Rome et Démétrius, Pièces justificatives*, I, 13, Paris, an. 1878.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., II, № 97. Бантышъ-Каменскій невѣрно относитъ этотъ упрекъ въ написаніи титула къ шведскому королю, („Переписка между Россією и Польшею по 1700 г.“ въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.“, 1861 г. кн. I, стр. 61.

⁵⁾ Бантышъ-Каменскій „Переписка между Россією и Польшею“ въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др.“, 1861 г. кн. I, стр. 59.

совѣтъ въ письмѣ своему будущему зятю (письмо помѣчено 25 дек. 1605 г.) отложить пока требованіе отъ короля признанія титула, ибо король безъ сейма, а сенаторы безъ пословъ ничего не могутъ постановить, при чемъ замѣтилъ, что Власевъ излишне настойчиво требовалъ, чтобы король призналъ титулъ его государя ¹⁾. О неудовольствіи, вызванномъ въ Польшѣ требованіемъ, которое предъявилъ Власевъ, писалъ Разстригъ секретарь его Янъ Бучинскій ²⁾. Послѣдній извѣщалъ Разстригу, что требованіе признать за нимъ титулъ „непобѣдимый цесарь“ вызвало рѣзкое возраженіе со стороны воеводы познанскаго, который указалъ, что ни одинъ христіанскій государь не усвоилъ себѣ такого титула ³⁾. Отъ имени короля данъ былъ такой отвѣтъ Бучинскому на заявленное имъ требованіе признать цесарскій титулъ Разстриги: „а что Государь его милость у Короля его милости титлы Цесарскіе добываетца, и Король его милость какъ в—ыныхъ дѣлахъ во всѣхъ радъ указывать любовь и милость братцкую Государю его милости, такъ і в томъ во всемъ пособить хочеть; толко обычаи есть не токмо в тои славной корунѣ Полскои, но і у всѣхъ Королеи, Монарховъ, Государей Крестыанскихъ, что безъ посолства і приговору, одинъ у другою старые титлы не отнимаетъ і не прибавливаетъ; а отъ Короля его милости тѣ всѣ титлы сполна Государю его милости пишуть, которые прежь сего отъ предковъ его Королевской милости к предкомъ Государя его милости писаны бывали, ничего не отставливая и не убавливая пишеть. А какъ Государь его милость великихъ пословъ своихъ до Короля его милости пошлетъ,

¹⁾ С. Г. Г. и Д., II, № 112, стр. 243.

²⁾ Бучинскій былъ отправленъ въ Польшу въ ноябрѣ 1605 г. (Бантыш-Каменскій, „Переписка между Россією и Польшею“ въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.“ 1861 г., I, стр. 63; Pierling, *Rome et Démétrius*, 102, Paris, an. 1878.

³⁾ „...А хочешь того“, передавалъ Бучинскій Разстригѣ слова воеводы познанскаго, „чтобъ тебя писалъ (король) титломъ: *непобѣдимымъ Цесаремъ*, чевѣ ни единъ на свете Крестыанской Государь такъ не дѣлаеть. Колибъ де тебя кто іной писалъ *непобѣдимымъ*, іно бы то было не диво, а то ты самъ себя такъ пишешь; а такое слово Богу одному подобаетъ, поганцы некрещенные такъ дѣлають, которые незнають всесилности Божіи..., и по твои де-и тои великоі спеси і гордости, подлинно тебя Богъ сопхнеть с столицы твоеи...“ (С. Г. Г. и Д., II, № 121, стр. 259.

которыхъ уже помѣтилъ, и Король его милость паномъ радамъ своимъ с великими послы Государя его милости велить о томъ говорить“¹⁾. О титулѣ писалъ Разстригѣ и папскій нунцій въ Польшѣ Рангони: король польскій очень расположенъ къ нему, Димитрію, по признать за нимъ требуемый имъ титулъ не можетъ безъ согласія вельможъ²⁾. Не смотря на увѣренія въ благожелательствѣ короля, Разстрига, въ цѣляхъ скорѣйшаго достиженія признанія за нимъ цесарскаго титула со стороны Польши, прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ маѣ 1606 г. прибыли въ Москву королевскіе послы Николай Олесьницкій и Александръ Гонсѣвскій. Разстрига принялъ ихъ 13 мая, но отказался взять отъ нихъ королевскую грамоту, когда узналъ, что въ ней имя его написано безъ царскаго титула. По приказанію его дьякъ Власевъ, во время аудіенціи, сказалъ польскимъ посламъ, что королевская грамота написана какому то князю всея Россіи, но не цесарю Димитрію Іоанновичу. На замѣчаніе польскаго посла, что королю нанесено оскорбленіе, потому что не принята его грамота, Разстрига отвѣтилъ, что виноватъ въ томъ самъ король, опускающій его титулы, между тѣмъ королю извѣстно, что онъ, Димитрій, не только царь, но и императоръ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. „Самъ Богъ даровалъ намъ сей титулъ“, говорилъ Разстрига польскимъ посламъ, „и мы носимъ его не одними словами, подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по всей справедливости, когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монархи, ни самые цесари Римскіе, не имѣли на него болѣе насъ права и преимущества. Мы не можемъ довольствоваться титуломъ княжескимъ или господарскимъ: ибо не только князья и господа, но, Божіею милостію, и короли состоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полныхъ: никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ. Къ тому же всѣ признаютъ насъ императоромъ: одинъ король Польскій не соглашается“. Одинъ изъ пословъ возразилъ Разстригѣ, что онъ не

¹⁾ С. Г. Г. и Д., II, № 122, стр. 264. Этотъ отвѣтъ данъ былъ въ январѣ 1606 г.

²⁾ Тамъ же, № 124, стр. 268; это письмо Рангони писано было 3 февраля 1606 г.

правильно усвоить себѣ цесарскій титулъ, потому что предки его никакого цесарства себѣ не покорили, но употребляли тотъ самый титулъ, съ которымъ король пишетъ имя Разстриги. Послѣдній отвѣтилъ, что ему прекрасно извѣстно, какіе титулы имѣли его предки, и эти титулы, написанныя въ грамотахъ, будутъ показаны посламъ, король же польскій, не признавая царскаго его титула, оскорбилъ не только его, Димитрія, но Бога и всѣхъ христіанъ, и ему, Димитрію, надлежитъ теперь опасаться короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ государей. Посолъ сказалъ Разстригѣ, что ему слѣдовало для признанія со стороны короля цесарскаго его титула отправить пословъ на сеймъ, который одинъ только можетъ рѣшить это дѣло, ибо король не властенъ въ прибавленіи титуловъ, посольство же, представляющее ему, отправлено было королемъ, но не сеймомъ. Разстрига возразилъ послу, что посольство отправлено было къ нему сеймомъ, и что ему отлично извѣстно, какъ въ Польшѣ нѣкоторые совѣтовали королю не признавать титуловъ его, Димитрія. Споръ окончился принятіемъ Разстригою королевской грамоты, при чемъ посламъ заявлено было, что это сдѣлано ради свадьбы государя съ Мариною Мнишекъ ¹⁾. Аудіенція эта происходила 13 мая; двѣ не-

¹⁾ „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“, II, стр. 150 и слѣд., 3-е изд. Устрялова; сравн. тамъ же, стр. 209 и слѣд. При описаніи „Похода московскаго царя Димитрія въ Москву“ ротмистра Станислава Борни, которое издано въ I т. „Рус. Ист. Библ.“ (польскій текстъ и русскій переводъ на стр. 365 и слѣд.), находится отвѣтъ Разстриги, данный королевскимъ посламъ Николаю Олесницкому и Александру Гонсевскому, подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ Димитрія, князя Московскаго, данный въ столичномъ городѣ Москвѣ на его свадьбѣ гг. посламъ его королевскаго величества Малогеоскому бастеляну Николаю Олесницкому и Велижскому старостѣ Александру Корвину“ (стр. 412). „Отвѣтъ“ этотъ заключаетъ въ себѣ исчисленіе правъ Разстриги на усвоенный имъ себѣ титулъ. „Удивляеть насъ“, гласитъ „Отвѣтъ“, „что его королевская милость называетъ насъ братомъ и другомъ, и въ то же время поражаетъ насъ какъ бы въ голову, ставя насъ какъ то низко и отнимая у насъ титулъ, который мы имѣемъ отъ самаго Бога, и имѣемъ не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ и съ такимъ правомъ, больше котораго не могли имѣть ни древніе Римляне, ни другіе древніе монархи. И мы имѣемъ это преимущество—называемся императоромъ—но той же причинѣ, по какой назывались такъ и они, потому что не только надъ нами нѣтъ никого выше кремъ Бога, но мы еще другимъ

дѣли спустя Разстрига былъ убитъ. Ксендзъ Янъ Велевицкій въ своихъ запискахъ передаетъ, что Разстрига за два дня до

раздаемъ права и, что еще больше, мы—государь въ великихъ государствахъ нашихъ, а это и есть быть монархомъ, императоромъ. По милости Божіей, мы имѣемъ такую власть и право повелѣвать, какія имѣли короли Ассирійскіе, Мидійскіе, Персидскіе, имѣемъ также подъ своею властію нѣсколько другихъ царей — Татарскихъ. Поэтому мы не понимаемъ, чѣмъ бы лучше насъ былъ въ настоящія времена великій ханъ, котораго всѣ историки называютъ императоромъ Татаръ (хотя многіе и насъ такъ называютъ)? Почему его милость — христіанскій кесарь и святѣйшій отецъ не стыдятся называть въ своихъ письмахъ насъ или нашихъ предковъ кесарями, каковыя письма имѣетъ при себѣ посолъ нашъ къ королю, придворный нашъ подскарбій Аѳанасій Ивановичъ Власевъ? Мы хорошо знаемъ, что наши предки не употребляли этого титула и не домогались его, но это намъ нисколько не вредитъ, потому что молчаніе монарховъ о правѣ или неупотребленіе его нисколько не подрываетъ его, точно такъ же, какъ нерадѣніе предковъ ничего не уничтожаетъ у потомковъ. Притомъ, всякое государство начинаетъ свою жизнь въ простотѣ и грубости, а чѣмъ дольше существуетъ, тѣмъ больше развивается въ своихъ законахъ, обычаяхъ, даже въ рѣчи. Такъ мы читаемъ, что въ тѣ простыя времена королей называли пастырями, судьями и другими подлыми именами. Въ подобной простотѣ начинали свою жизнь всѣ государства. Неудивительно поэтому, что тогда нерадѣли о многихъ дѣлахъ—и не только наши предки, но и другіе государи. И польскіе историки, если справедливо то, что они пишутъ, говорятъ о польскихъ короляхъ, что тѣ получили королевскую корону и титулъ отъ кесаря Оттона. Хотя они прежде назывались и были монархами, но отъ равнаго себѣ взяли то, что до того времени имѣли отъ Бога. Въ настоящее время они, конечно, не сдѣлали бы этого. Кромѣ того, всякому государю позволительно называться, какъ кто пожелаетъ. И дѣйствительно, у Римлянъ многіе кесари назывались народными трибунами, консулами, авгурами, точно также многіе изъ нихъ, когда имъ вздумалось, бросали титулъ императора. Тѣ же Римскіе кесари, какъ это извѣстно, назывались князьями. Кесарь Августъ не дозволилъ называть себя государемъ, не смотря на то, что былъ имъ на самомъ дѣлѣ, потому что сами Римляне особымъ закономъ дали ему полную власть управлять, освободивъ его отъ всѣхъ законовъ. Такъ и предки его королевской милости назывались сначала монархами, наконецъ королями. Итакъ, объявляемъ его королевской милости, что мы не только государь, не только царь, но и императоръ и не желаемъ какъ нибудь легко потерять этотъ титулъ для нашихъ государствъ. Если его королевская милость признаетъ насъ своимъ братомъ и другомъ, то почему не признаетъ за нами того, что намъ принадлежитъ. Кто отнимаетъ у меня преимущественно и украшеніе моего государства, которыми государи дорожатъ, какъ зеницею ока, то тотъ мнѣ большій врагъ, нежели тотъ,

смерти своей говорилъ съ негодованіемъ іезуиту Савицкому, что король польскій не признавалъ подобающаго ему титула ¹⁾.

Также неудачны были попытки Разстриги достичь признанія цесарскаго титула со стороны римскаго престола. Въ папскихъ бревахъ къ Разстригѣ читаемъ такой же его титулъ, какой писался царю Борису Годунову: Dominus Russiae, Magnus Dux Moschoviae, Noveguardiae, Smolentiae, Wlodimiriae, Dominus Casani et Astracani, multarumque provinciarum Princeps Magnus ²⁾. Выразить свое неудовольствіе на это Разстрига поручилъ секретарю своему Бучинскому, который долженъ былъ передать папскому нунцію въ Польшѣ Рангони слѣдующее: государь недоволенъ, что папа не признаетъ его царемъ, но называетъ въ письмахъ къ нему правите-

который покушается отнять у меня мою землю. Высшее проявленіе справедливости—воздавать всякому должное, и это больше всего должно быть соблюдаемо между королями, отъ которыхъ другіе должны учиться справедливости. Иное было дѣло, когда наши предки были во враждѣ съ Польскимъ королевствомъ: тогда позволительно было одному унижать другого,—это бывало и теперь бываетъ въ другихъ странахъ; но въ дружбѣ иначе слѣдовало дѣлать, и мы сильно надѣялись было, что его королевская милость, какъ старшій, по братски наставитъ насъ въ томъ, что служить ко благу и славѣ намъ и нашимъ государствамъ. „Отвѣтъ“ этотъ болѣе обширенъ и обстоятеленъ чѣмъ та рѣчь, которая была произнесена Разстригою Олесницкому и Гонсѣвскому на аудіенціи 13 мая, и которая извѣстна изъ „Дневника Марии и польскихъ пословъ“ въ изд. Устрялова. Лицо, записавшее „Отвѣтъ“, отмѣчаетъ, что онъ былъ данъ посламъ на свадьбѣ Разстриги. „Отвѣтъ“ этотъ почти тождественъ по содержанию съ тѣмъ документомъ, содержащимъ въ себѣ изложеніе правъ на цесарскій титулъ, который былъ найденъ въ бумагахъ папскаго нунція въ Польшѣ Рангони и изданъ о. Пирлингомъ. Объ этомъ документѣ рѣчь будетъ впереди.

¹⁾ „Записки гетмана Жолкевскаго о московской войнѣ“, Приложенія, стр. 174, изд. Муханова, Спб. 1871 г.

²⁾ Hist. rus. mon. II, №№ 37, 38, 44, 49; съ прибавкою въ началѣ титула Nobilis vir: №№ 56 и 62; краткій титулъ: № 76. Подъ этимъ номеромъ помѣщены два папскихъ бревахъ къ Разстригѣ; изъ нихъ второе, написанное 10 апр. 1606 г., безъ титула. Въ изданномъ Мухановымъ отрывкѣ изъ рукописи ксендза Яна Велевицкаго, въ переводѣ на русскій языкъ, находится это второе брехъ къ Разстригѣ, которое, по свидѣтельству Велевицкаго, было написано съ царскимъ титуломъ („Записки гетмана Жолкевскаго“, изд. 2-е, Приложенія, стр. 150). Соответствуетъ ли переводъ латинскому тексту? о. Пирлингъ въ этомъ не сомнѣвается (Rome et Démétrius, p. 114).

лемъ или государемъ, между тѣмъ какъ онъ Божіею милостію не только царь, но даже цесарь или императоръ, и папа, а также императоръ римскій, обыкновенно титуловали предшественниковъ его цесарями. Нунцію предлагалось передать это заявленіе въ Римъ ¹⁾.

Говоря о сношеніяхъ Разстриги съ Римомъ, о. Пирлингъ привелъ интересный документъ на латинскомъ языкѣ, безъ хронологической даты и подписи, найденный въ бумагахъ Рангони. Документъ этотъ, въ которомъ содержатся доказательства правъ государя русскаго на императорскій титулъ, могъ быть составленъ, какъ вѣрно предположилъ о. Пирлингъ, только въ канцеляріи Разстриги ²⁾. Слѣдуетъ думать, что этотъ документъ былъ представленъ Рангони для Рима, чѣмъ объясняется нахожденіе его среди бумагъ папскаго нунція въ Польшѣ. Изъ содержанія этого документа видно, что онъ не былъ предназначенъ для польскаго короля. „Такъ какъ неприлично безъ основанія домогаться ч. л. даже въ незначительныхъ дѣлахъ“, гласитъ приведенный о. Пирлингомъ документъ, „то тѣмъ болѣе это постыдно государю, котораго слова, дѣйствія, рѣшенія требуютъ особеннаго размысленія и должны быть предпринимаемы только въ томъ случаѣ, если внушаются правомъ и справедливостью, поэтому мы повелѣли представить основанія, въ силу которыхъ утверждаемъ, что намъ подобаетъ титулъ императора. Пусть кто нибудь скажетъ мнѣ, по какому праву получилъ этотъ титулъ первый римскій императоръ? Вотъ и мы, по такому же праву, должны будемъ получить это преимущество, именно право называться императоромъ Россіи, ибо мы не видимъ, по какому преимущественному праву римскіе и другіе болѣе древніе монархи могли присвоить себѣ этотъ титулъ. Вѣдь мы не только никого, кромѣ безсмертнаго Бога, надъ собою не знаемъ, но являемся высшимъ законодателемъ и даже самимъ закономъ въ обширнѣйшей нашей имперіи, а это значитъ быть монархомъ или императоромъ. Мы имѣемъ Божіею милостію такую же власть, какую имѣли цари Мидянъ, Ассиріянъ, Персовъ, и не понимаемъ, почему

¹⁾ Pierling, Rome et Démétrius, p. 103 et Pièces justificat. I, № 9. Бучинскій выѣхалъ въ Польшу въ половинѣ ноября 1605 г. (ibid., p. 102).

²⁾ Pierling, op. cit., p. 104 sq.

въ болѣе преимущественномъ положеніи (сравнительно съ нами) въ эти вѣка долженъ находиться великій ханъ, котораго почти всѣ историки называютъ императоромъ Татаръ, хотя знаемъ, что многіе называютъ также и насъ. Поэтому и свѣтлѣйшіе блаженнѣйшіе первосвященники и могущественнѣйшіе римскіе императоры не считали унизительнымъ для себя, обращаясь къ нашимъ предметамъ, титуловать ихъ императорами, подлинныя документы чего находятся въ нашемъ архивѣ, сообразно съ чѣмъ и посланнику нашему мы дали нѣчто подобное для свѣтлѣйшаго короля Польши. Мы не отвергаемъ, что предшественники наши никогда не пользовались этимъ титуломъ, и потому ни съ кѣмъ не имѣли спора изъ за него, но это не должно намъ вредить, такъ какъ умолчаніе между монархами о к. л. правѣ или непользованіе имъ не уничтожаетъ его, и небрежность предшественниковъ не можетъ ничего отнять у преемниковъ. Кромѣ того, всякая власть зарождается при обстановкѣ простой и грубой, однако съ теченіемъ времени приобретаетъ все болѣе и болѣе изящества въ нравахъ, законахъ, наконецъ въ рѣчи; вѣдь мы читаемъ, что въ началѣ міра, въ тѣ грубыя времена, цари, пастыри, судьи были называемы и иными низкими именами: извѣстно, что въ тѣ первые вѣка всѣ первоначальныя власти имѣли подобное. Итакъ, неудивительно, если въ колыбели и какъ бы въ дѣтствѣ не могли на все сразу обратить вниманіе не только наши предки, но даже другіе государи: ибо, если вѣрно передано польскими историками о короляхъ Польши, что послѣдніе получили корону и титулъ короля отъ германскаго императора Оттона, то велика была ихъ простота, выразившаяся не только въ томъ, что болѣе достойное названіе они перемѣнили на болѣе простое, между тѣмъ какъ дотолѣ назывались и были монархами, но еще болѣе въ томъ отношеніи, что отъ равнаго себѣ воспріяти то, чѣмъ дотолѣ владѣли какъ полученнымъ отъ самаго Бога; въ наше время они этого не сдѣлали бы. Наконецъ, всегда великіе государи свободно могли мѣнять по желанію названія и титулы, какъ, напр., у Римлянъ многіе императоры называли себя диктаторами, консулами, трибунами, авгурами; они же часто отвергали названіе „Императоръ“ и, когда имъ угодно было, снова принимали его. По единогласному свидѣтельству историковъ римскіе импера-

торы съ самаго начала назывались *Principes*; даже Августъ цесарь отказывался называть себя господиномъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, потому что римскій народъ царскимъ закономъ освободилъ его отъ подчиненія законамъ. Наконецъ мы знаемъ, что названіе „Императоръ“ вначалѣ не было соединено съ понятіемъ о власти монархической или королевской. Но, какъ знаютъ даже мало свѣдующіе въ древностяхъ, императорами въ свободной еще республикѣ провозглашались солдатами тѣ, которые хорошо вели дѣло, и по этой причинѣ послѣдующіе цезари усвоили себѣ этотъ титулъ, какъ въ послѣдствіи назывались побѣдителями, триумфаторами, августами, піями, антонинами. Слѣдовательно, пусть намъ отказываютъ въ томъ, что даже нѣсколько солдатъ возгласомъ своимъ давали людямъ, подчиненнымъ власти другого. Такъ какъ мы имѣемъ этотъ даръ и достоинство (императорскій титулъ) отъ самаго всемогущаго Бога, то намъ кажется, что мы не поступаемъ безрасудно, если усвоимъ себѣ намъ съ полнымъ правомъ принадлежащее“ ¹⁾. Этотъ меморандумъ не имѣлъ для Разстриги желаемыхъ послѣдствій. О. Пирлингъ говоритъ, что въ Римѣ могла быть рѣчь только о дарованіи Разстригѣ королевскаго титула, и этотъ титулъ могъ быть данъ ему, какъ принятому въ лоно католической церкви, ибо за отреченіе отъ православія такой титулъ предлагался и прежде московскимъ государямъ, но и въ признаніи королевскаго титула за Разстригою Римъ долженъ былъ считаться съ польскимъ королемъ, который никакихъ новыхъ титуловъ за Разстригою не признавалъ ²⁾. Такое заключеніе о. Пирлинга под-

¹⁾ Pierling, op. cit., *Pièces justificatives*, III, 12. Въ этомъ документѣ упоминается посланникъ къ польскому королю отъ Разстриги, которому даны были, повидимому, грамоты, свидѣтельствовавшія, что папы и германскіе императоры титуловали московскихъ государей императорами. Въ другомъ документѣ, тоже-дественномъ по содержанію съ приведеннымъ выше, который былъ предъявленъ польскимъ посломъ Олесницкому и Гонсѣвскому въ маѣ 1606 г. въ Москвѣ, читаемъ, что грамоты папы и императора къ московскимъ государямъ, написанныя съ цесарскимъ титуломъ послѣднихъ, находились у посланника Разстриги къ королю—Власьева („Рус. Ист. Библ.“ I, 414). Не былъ ли изданный о. Пирлингомъ документъ предъявленъ Раягони Власьевымъ, отправленнымъ въ Польшу въ сентябрѣ 1605 г.? Власьевъ имѣлъ наказъ требовать отъ короля признанія цесарскаго титула за Разстригою.

²⁾ Pierling, op. cit., p. 105 sq.

тверждается письмомъ кардинала Боргезе къ нунцію Рангони. Боргезе писалъ (4 марта 1606 г.) слѣдующее: „если В. С. вѣрите, что посредничество Н. С. можетъ убѣдить Его Величество (короля Польши) удовлетворить Димитрія титуломъ „Царь“, столь имъ желаемымъ, и что Его Величество не станетъ чувствовать ни малѣйшаго неудовольствія по поводу этого, то Его Святѣйшество согласенъ, чтобы Вы взялись за это дѣло, всегда предполагая, что такимъ образомъ можно сдѣлать Великаго Князя болѣе склоннымъ къ помощи королевству (польскому) противъ Татаръ. Что касается того, чтобы дать Димитрію новые титулы, то это дѣло неисполнимое, потому что можетъ не нравиться Его Величеству...“ ¹⁾.

У Разстриги была мысль отправить своего повѣреннаго къ папѣ, приведенная въ исполненіе въ декабрѣ 1605 г. Повѣреннымъ избранъ былъ іезуитъ Андрей Лавицкій, который, между прочимъ, долженъ былъ довести до свѣдѣнія папы, что у московскаго государя происходитъ съ королемъ польскимъ распрія изъ за титула императорскаго, отъ котораго государь не откажется легко, ибо имѣетъ на него всѣ права. Лавицкій долженъ былъ освѣдомиться о мнѣніи на этотъ счетъ папы ²⁾. О результатахъ этой миссіи Лавицкаго узнаемъ изъ записокъ ксендза Яна Велевицкаго. По свидѣтельству Велевицкаго Лавицкій долженъ былъ передать Разстригѣ, что „хотя его святѣйшество рѣшилось прекратить этотъ споръ (между Разстригою и польскимъ королемъ изъ за титула перваго), но оно сдѣлаетъ все, что можетъ послужить къ сохраненію и увеличенію достоинства его свѣтлости“ (Разстриги) ³⁾. Лавицкій выѣхалъ изъ Рима 11 апрѣля съ папскимъ бреве къ Разстригѣ, но до Москвы не доѣхалъ ⁴⁾.

О. Пирлингъ указываетъ, что мысль о дипломатической миссіи въ Москву существовала въ Римѣ еще во второй половинѣ 1605 г., но вслѣдствіе опасеній, что король польскій взглянетъ на эту миссію неблагоклонно, ее откладывали, поэтому видимъ въ Москвѣ

¹⁾ „Hist. rus. mon.“ II, № 73.

²⁾ Pierling, op. cit. p. 110 sqq.

³⁾ „Записки гетмана Жолкевскаго“, Приложенія, стр. 145 и слѣд., 2-е изд. Муханова; Pierling, op. cit., p. 114.

⁴⁾ Pierling, ibid.

папскаго посланника графа Александра Рангони только около середины февраля 1606 г. ¹⁾). Отпуская изъ Москвы Рангони, Разстрига поручилъ ему передать польскому королю твердую свою рѣшимость не переставать требовать признанія того титула, который ему подобаеъ ²⁾). Смерть помѣшала Разстригѣ привести въ исполненіе это намѣреніе.

Царь Василій Шуйскій, подобно своимъ предшественникамъ на московскомъ престолѣ, вскорѣ по воцареніи своемъ потребовалъ отъ польскаго короля признанія царскаго своего титула. Отправляя въ Польшу посланниками князя Григорія Волконскаго и дьяка Андрея Иванова съ объявленіемъ о вступленіи своемъ на престолъ ³⁾, Шуйскій далъ имъ наказъ въ случаѣ, если король не будетъ титуловать его царемъ, говорить панамъ раднымъ: „къ прежнимъ великимъ государемъ блаженные памяти къ царю и великому князю Ивану Василевичу всеа Русіи самодержцу и къ сыну его великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу писали въ своихъ грамотахъ всѣ великіе государи по ихъ царскому достоинству съ полнымъ царскимъ именованьемъ: цесарь римской и папа и король ишпанской и оранцовской и царь турецкой и шахъ кизылбашской, а государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего царскаго величества имя говорилъ въ рѣчи и въ разговорехъ не съ полнымъ царскимъ именованьемъ и самодержцемъ и его царскаго титла сполна не именуетъ, а та царская честь и повышение ихъ царскому имени

¹⁾ Ibid. p. 120 sq.

²⁾ С. Г. Г. и Д., II, № 103. Это порученіе къ польскому королю, данное Разстригою Рангони, отнесено въ цитируемомъ изданіи къ ноябрю 1605 г. О. Пирлингъ указываетъ на невѣрность этой хронологической даты. По его мнѣнію Разстрига далъ Рангони порученіе къ королю въ первой половинѣ марта 1606 г., потому что въ ноябрѣ 1605 г. Рангони не былъ въ Москвѣ (Pierling, Rome et Démétrius, p. 129, 5). Поправка о. Пирлинга подтверждается показаніемъ Велевицкаго, который въ своихъ запискахъ говоритъ, что Марина Миншекъ на пути своемъ въ Москву въ концѣ марта 1606 г. встрѣтила въ г. Мирѣ графа Рангони, возвращавшагося изъ Москвы („Записки гетмана Жолкевскаго“, Прложенія, стр. 144).

³⁾ Бантышъ-Каменскій, „Переписка между Россією и Польшею“, „Чт Моск. Об. Ист. и Др. Р.“, 1861 г., кн. I, стр. 83.

дана имъ государемъ нашимъ по ихъ царскому достоянью почень отъ великого государя Владимира Манамаха, отъ грекъ высоко-достоинѣйшую честь воспріимшаго. И вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ и діадимою отъ великихъ государей отъ константинопольскихъ царей совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патріархъ и всего вселенского собора и именованъ царь и великій князь Владимиръ Манамахъ даже и до великого государя царя и великого князя Ивана Василевича всеа Русіи самодержца и сына его великого государя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи самодержца и многихъ мусульманскихъ государствъ повелителя и обладателя. Потомъ Божиимъ праведнымъ судомъ на той превысочайшей царской степени Величества по степени прародителей ихъ великихъ государей царей російскихъ учинился государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ государь нашъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Руси самодержецъ, (и) не токмо что російского государства царское именованье Богъ ему государю подаровалъ и мусульманскихъ государствъ царства казанскаго и астраханскаго и сибирскаго, и многіе крестьянскіе и мусульманскіе цари на своихъ царствахъ великому государю нашему служатъ, и прославлена великихъ государей нашихъ превысочайшая царская степень величества славою и честію во всей вселенней отъ всѣхъ великихъ государей; и вамъ паномъ радамъ пригожь о томъ радѣти и государя своего Жигимонта короля на то наводити, чтобъ тѣ прежніе дѣла отставить, а писалъ бы къ великому государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи самодержцу по его царскому достоинству съ полнымъ царскимъ именованьемъ, какъ всѣ великіе государи описуютъ; а не учнетъ писати къ великому государю нашему съ полнымъ царскимъ именованьемъ, и Жигимонту королю то будетъ не честь же, что великій государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ учнетъ къ нему писати безъ королевскаго именованья“ ¹⁾).

Такъ какъ при королевскомъ дворѣ имя Василія Ивановича произносилось безъ царскаго титула, московскіе посланники заявили протестъ по наказу, на что имъ отвѣтили: „государь нашъ пишетъ

¹⁾ Г. А. М. И. Д., Книга польскаго двора № 26 л. 130 — 132 об.

къ государемъ вашимъ по прежнему обычаю, какъ изъ давнихъ лѣтъ ведетца, и прежь сего о томъ бывали рѣчи, да и нынѣ мы то оставимъ“ ¹⁾).

Признанія царскаго титула со стороны польскаго короля Василій Шуйскій не достигъ ²⁾).

Первый царь изъ новой династіи, Михаилъ Ѳеодоровичъ, требовалъ не только отъ польскаго короля признанія царскаго своего титула, но вынужденъ былъ требовать того же и отъ другихъ государей.

Въ 1613 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ къ германскому императору посольство съ грамотою, на которую былъ полученъ отвѣтъ императора, но не на имя царя. Въ этомъ отвѣтѣ императоръ называлъ Михаила Ѳеодоровича только государемъ, а московскихъ царей—великими князьями ³⁾. Михаилъ Ѳеодоровичъ не замедлил выразить императору свое неудовольствіе. Въ 1614 г. онъ отправилъ гонца къ императору съ грамотою, въ которой упрекалъ его за присланный отвѣтъ „невѣдомо кому имянемъ“ и за опущеніе царскаго титула: „а нашего Царскаго имени и титла по нашему Царскаго Величества достоинству“, писалъ царь императору „какъ описывалися предки наши, Великіе Государи, Цари и Великіе Князи Російскіе и какъ ихъ описывали братья ихъ, предки ваши, Великіе Государи Цесари Римскіе и иные всѣ Великіе Государи хрестыанскіе и мусулманскіе, и какъ нынѣ насъ, Великого Государя, всѣ Великіе же Государи хрестыанскіе и мусулманскіе описуютъ по нашего Царскаго Величества достоянію, что намъ, Великому Государю, отъ предковъ нашихъ Богъ далъ, и какъ мы, Великій Государь, къ Вамъ, брату нашему, Цесарскому Величеству, писали нашего Царскаго Величества имя и титло въ нашей грамотѣ и какъ посланникомъ нашимъ въ рѣчи наказали есмь вамъ говорить, не описано“... ⁴⁾. Въ наказѣ, данномъ гонцу, велѣно было не принимать отвѣтной

¹⁾ Тамъ же, л. 295 об.—298.

²⁾ Описаніе сношеній въ его царствованіе съ Польшею у Бантышъ-Каменскаго: „Переписка между Рос. и Польшею“ въ „Чтен. М. Об. Ист. и др. Р.“, 1861 г., I, стр. 83 и слѣд.

³⁾ „Пам. дипл. сн.“, II, 1057.

⁴⁾ Тамъ же, 1097; тоже въ другомъ мѣстѣ той же грамоты на стр. 1102.

грамоты отъ императора, если въ ней не будетъ написанъ царскій титулъ государя. Гонецъ долженъ былъ требовать написанія этого титула на тѣхъ же основаніяхъ, какія изложены были въ царской грамотѣ къ императору ¹⁾. Требованія гонца не были удовлетворены, отвѣтная грамота императора была написана безъ царскаго титула, вслѣдствіе чего гонецъ отказался принять ее ²⁾. Тогда ему даны были отвѣтные листы, въ которыхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ названъ былъ только государемъ, а предшественники его на московскомъ престолѣ—великими князьями московскими ³⁾. Гонецъ снялъ копіи съ этихъ листовъ, послѣ чего возвратилъ ихъ ⁴⁾.

Въ 1616 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ снова отправилъ посольство къ германскому императору. Въ Москвѣ предполагали, что императоръ и въ этотъ разъ откажетъ Михаилу Ѳеодоровичу въ царскомъ титулѣ, поэтому посланнику дана была грамота императора Рудольфа къ царю Борису Годунову, которую наказано было предъявить императору, если послѣдній „Государево имя и титулу не похочетъ писати сполна противъ прежнего“ ⁵⁾. Но императоръ въ отвѣтной грамотѣ велѣлъ написать имя Михаила Ѳеодоровича съ царскимъ титуломъ, и московскому посланнику пришлось только требовать, чтобы былъ написанъ весь территоріальный титулъ царя и названіе „самодержецъ“ ⁶⁾.

Первые посланники Михаила Ѳеодоровича къ германскому императору, по возвращеніи ихъ въ Москву, за принятіе императорской отвѣтной грамоты къ царю безъ царскаго титула были наказаны послѣ слѣдствія. Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что, во-первыхъ, на аудіенціяхъ московскихъ посланниковъ у императора, а также при переговорахъ съ ними, императорскими дипломатами государь московскій назывался царемъ, только имя царя не произносилось, при чемъ и императоръ не назывался по имени; во-вторыхъ, посланниковъ, по приказу императора, допрашивали, подлинно

¹⁾ Тамъ же, 1122.

²⁾ Тамъ же, 1180 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, 1185—1188.

⁴⁾ Тамъ же, 1182.

⁵⁾ Тамъ же, 1253.

⁶⁾ Тамъ же, 1331 и слѣд.

ли Михаилъ Оедоровичъ избранъ государемъ всею землею ¹⁾). На основаніи этого можно заключить, что императоръ не отказывалъ московскому государю въ царскомъ титулѣ, ибо этотъ титулъ давно былъ признанъ предшественниками императора, но что происшедшія ранѣе въ московскомъ государствѣ смуты не внушали императору вѣры въ прочность новаго московскаго правительства. Обращаетъ на себя вниманіе инструкція, данная первымъ посланникамъ Михаила Оедоровича къ императору, что отвѣтить, если при дворѣ императора ихъ спросятъ о неудавшейся кандидатурѣ на московскій престолъ императорскаго родственника ²⁾). Быть можетъ, желаніе императора видѣть кого либо изъ своихъ родственниковъ на московскомъ престолѣ было также причиною непризнанія на первыхъ порахъ Михаила Оедоровича царемъ.

Царскій титулъ Михаила Оедоровича признавался со стороны датскаго короля до 1618 г. Въ этомъ году и въ слѣдующемъ Михаилъ Оедоровичъ получилъ отъ датскаго короля двѣ грамоты, въ которыхъ титулъ его былъ написанъ „не попригожо“, опущены были слова: „царь“ и „московскій“. Вслѣдствіе этого царь въ 1619 г. послалъ королю грамоту, въ которой предлагалъ ему „велѣть описывать въ нашихъ государскихъ титлахъ наше государское имянованье по нашей государской чести и достоинству съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титлами, какъ мы описуемся въ нашихъ государскихъ титлахъ, и какъ къ намъ описуютъ всѣ великіе государи крестьянскіе и бусурманскіе, и какъ писывали прежніе короли дацкіе и ваше королевское величество къ прежнимъ великимъ государемъ царемъ російскимъ и къ намъ, великому государю, въ прежнихъ своихъ грамотахъ, чтобъ въ такихъ дѣлахъ межъ насъ, великихъ государей, добрая дружба и любовь и соединененье не умялялась, но отъ часу прибавлялась“. Царь грозилъ королю „убавленьемъ королевскаго титула и именинованія“ въ случаѣ неисполненія его требованія ³⁾). Король исполнилъ требованіе царя. Въ послѣдующихъ сношеніяхъ съ датскимъ королемъ

¹⁾ Тамъ же, 1065 и 1074.

²⁾ Тамъ же, 1004 и слѣд.

³⁾ „Рус. Ист. Б.“ XVI, № 106.

Михаилъ Ѳеодоровичъ не изъявлялъ своего неудовольствія на умаленіе его титула, кромѣ одного раза, именно въ 1621 г., когда въ грамотѣ короля было опущено въ царскомъ титулѣ слово „московскій“ ¹⁾.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича въ Москву пріѣхалъ первый французскій посланникъ Луи Дегэ де Курмененъ въ 1629 г. Бояре посланнику указали, что въ привезенной имъ царю королевской грамотѣ титулъ царскій не написанъ сполна. Посланникъ отвѣтилъ, что во Франціи существуетъ съ давнихъ временъ обычай, въ силу котораго король въ грамотахъ своихъ ко всѣмъ государямъ не прописываетъ всѣхъ титуловъ ихъ, равно какъ не пишетъ всѣ свои титулы, вводить же новшества въ этой области нельзя. На замѣчаніе бояръ, что Иванъ Кондыревъ, бывший царскимъ посланникомъ во Франціи въ 1615 г., привезъ царю королевскую грамоту, въ которой царскій титулъ былъ написанъ сполна, де Курмененъ отвѣтилъ, что такъ былъ написанъ титулъ царя по приказанію короля вслѣдствіе просьбы Кондырева, но что въ титулѣ царя такъ много названій разныхъ странъ, что ихъ не упомянуть. Когда бояре сказали де Курменену, что подобнаго возраженія никогда не бывало со стороны какого либо посланника, де Курмененъ поспѣшилъ успокоить ихъ: король, сказалъ онъ, прикажетъ впредь прописывать въ грамотахъ къ царю всѣ его титулы, въ чемъ онъ, посланникъ, клянется Богомъ и головою короля ²⁾. Отпуская де Курменена, царь послалъ королю грамоту, въ которой выражалъ свое неудовольствіе на то, что въ королевской грамотѣ титулъ его не былъ написанъ сполна. Всѣ государи, писалъ царь, султанъ турецкій, шахъ персидскій, императоры татарскій и римскій, короли Англіи и Даніи и многіе другіе великіе государи въ грамотахъ къ нему не опускаютъ ни одного изъ его титуловъ, и король, если желаетъ быть въ дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ, долженъ писать титулы его, Богомъ ему данные, сполна,

¹⁾ Тамъ же, № 110.

²⁾ Посольство де Курменена въ „Recueil des instructions don. aux ambas. et. min. de France“, VIII, р. 23 sqq., Paris, 1890. Копія съ грамоты Людовика XIII къ Михаилу Ѳеодоровичу, привезенной Кондыревымъ, въ назв. изданіи, р. 19. О посольствѣ де Курменена см. Соловьева „Исторію Россіи“, IX, 170, изд. 4-е, и П. В. Безобразова „О сношеніяхъ Россіи съ Франціей“, 7 и слѣд.

какъ самъ царь себя описуетъ въ грамотахъ къ королю. Въ свою очередь и царь общалъ королю писать въ грамотахъ къ нему всѣ его титулы ¹⁾).

Желаніе царя, выраженное имъ относительно титуловъ его въ грамотѣ къ французскому королю, было исполнено послѣднимъ. Въ 1631 г. явился къ Михаилу Ѳедоровичу французскій посланникъ Бертранъ Боннефуа, привезшій царю королевскую грамоту, въ которой царскій титулъ написанъ былъ сполна ²⁾).

Крымскій ханъ титуловалъ Михаила Ѳедоровича царемъ, но не писалъ полного его титула ³⁾, поэтому въ 1635 г. взята была шертная запись съ крымскаго князя Сулешова въ томъ, что въ договорной грамотѣ со стороны хана имя государя будетъ написано съ полнымъ царскимъ титуломъ ⁴⁾).

Михаилъ Ѳедоровичъ, подобно своимъ предшественникамъ, требовалъ признанія своего царскаго титула отъ польскаго короля. Но король, опираясь на избраніе королевича Владислава на московскій престолъ, не признавалъ Михаила Ѳедоровича московскимъ государемъ, что исключало всякія разсужденія о правахъ Михаила Ѳедоровича на царскій титулъ ⁵⁾).

По предложенію, сдѣланному въ 1615 г. съ польской стороны, отправлены были московскіе послы (князя Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій и окольничій Артемій Измайловъ съ товарищами) на съѣздъ съ польскими послами для переговоровъ о мирѣ ⁶⁾. Московскимъ посламъ было наказано, по окончаніи переговоровъ о мирѣ, когда рѣчь пойдетъ о томъ, какъ написать въ договорныхъ грамотахъ имя государя, потребовать, чтобы имя его было на-

¹⁾ „Recueil“ ест., р. 29.

²⁾ Ibid, р. 36; П. В. Безобразова назв. тр., 10.

³⁾ „Извѣстія Таврич. уч. арх. ком.“ № 10 (годъ четвертый, 1890), №№ 33—38, 41.

⁴⁾ Тамъ же, № 42, стр. 42; такая же запись была взята съ князя Сулешова и крымскихъ пословъ въ 1640 г. (тамъ же, № 9, стр. 23).

⁵⁾ Бантышъ-Каменскій: „Переписка между Россією и Польшею“ в „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ за 1862 г., кн. IV, стр. 8 и слѣд.; Соловьевъ „Исторія Россіи“, IX, 39 и слѣд., изд. 4-е.

⁶⁾ Переговоры должны были происходить между Смоленскомъ и Острожками (Назв. труды Бантышъ-Каменскаго, стр. 17, и Соловьева, стр. 45 и слѣд.).

писано прежде имени короля ¹⁾. Въ случаѣ, если бы королевскіе послы потребовали территориальныхъ уступокъ за то, что король велитъ написать въ договорной грамотѣ титулъ Михаила Федоровича такъ, какъ польскіе короли писали титулы московскихъ государей, послы должны были отвѣтить: „панове, великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ чести своея царскіе ни у кого не купилъ, и впередъ еѣ купить не у ково, почтилъ его тѣмъ выше Богъ Всемогуцій, которой всѣми владѣтъ, виситъ и низитъ, отъ престолъ сноситъ до гноище, а на царскій престолъ возводитъ его же хочетъ; царство Божій даръ, его жъ Богъ восхощетъ, того тѣмъ и одарить; всѣ великіе государи хрестыанскіе и мусульманскіе великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи его царского величества имя описуютъ по его царскому величества достоинству, какъ при прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ описывали съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титлы, а у государя вашего великому государю нашему чести своея не выкупливать, Богъ его царское величество почтилъ и безъ государя вашего...“ Московскимъ посламъ наказано было „говорити съ послы гладко и по-словно, чтобъ ни за что не розорвати“ ²⁾.

Переговоры московскихъ пословъ съ королевскими не привели ни къ миру, ни къ перемирію ³⁾.

Польскій король не призналъ Михаила Федоровича государемъ московскимъ и при заключеніи перемирія въ Деулинѣ; въ перемирной грамотѣ съ польской стороны написано было: „нынѣшній ихъ государь Михаилъ Федоровичъ, которого они нынѣ великимъ государемъ московскимъ у себя менуютъ“ ⁴⁾. Царскій титулъ Михаила Федоровича признанъ былъ со стороны польскаго короля только въ 1634 году, когда заключенъ былъ поляновскій договоръ. Отказъ Владислава отъ правъ на московскій престолъ

¹⁾ Г. А. М. И. Д., Кн. польскаго двора № 30 лл. 256 об. и 257.

²⁾ Тамъ же, лл. 258 и 259.

³⁾ Соловьевъ, „Ист. Р.“, IX, 61 и слѣд., изд. 4.

⁴⁾ Г. А. М. И. Д., реестръ 79, Польскій трактатъ № 58. Соловьевъ, „Ист. Р.“, IX, 134, изд. 4.

былъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаніемъ царскаго титула за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, потому что со стороны Польши царскій титулъ московскихъ государей былъ уже признанъ: Владиславъ, избранный на московскій престолъ, титуловался царемъ. Въ одной изъ статей поляновскаго договора относительно титула Михаила Ѳеодоровича было написано: „великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца и его государскихъ дѣтей и внучатъ и впередъ будущихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ великому государю нашему Владиславу королю полскому и великому князю литовскому и впередъ будущимъ государемъ королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ и всей рѣчи посполитой описывати (и) именувати съ полными титулы, какъ въ сей докончальной грамотѣ написано: великій государь царь и великій князь Михаилъ Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ владимерскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій“ и проч. ¹⁾.

Царскій титулъ московскихъ государей не былъ признанъ еще папою, къ которому было предъявлено требованіе признанія этого титула царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Алексѣй Михайловичъ возобновилъ сношенія московскаго государства съ Римомъ, отправивъ къ папѣ въ 1673 г. посланникомъ Павла Менезіуса съ предложеніемъ оказать вмѣстѣ съ другими христіанскими государями помощь польскому королю въ борьбѣ противъ турецкаго султана. Въ грамотѣ своей къ папѣ, упомянувъ о происхожденіи прародителей своихъ „отъ рода Августа Цесаря, обладающаго всею вселенною“, и великаго князя Владимира Мономаха, „отъ Грека высокодостоинѣйшую украшеніемъ главы честь воспріимшаго“, царь вспоминалъ о сношеніяхъ царя Іоанна IV съ папою Григоріемъ XIII „о нѣкоторыхъ государственныхъ и всему христіанству годныхъ дѣлѣхъ“. Царь обращался къ папѣ съ такимъ предложеніемъ, съ какимъ нѣкогда папы обращались къ

¹⁾ Г. А. М. И. Д. Книга польскаго двора № 43 л. 884. Текстъ поляновскаго договора, данный королевскимъ посламъ московскимъ, въ „Продолженіи древн. Рос. Вѣст.“ V, 245; постановленіе относительно царскаго титула на стр. 258.

московскимъ государямъ ¹⁾. Менезіусу было наказано требовать отъ „папѣныхъ ближнихъ людей“, чтобы въ отвѣтной папской „грамотѣ и на подписи В. Г-ря Е. Цар. Вел-ва имянованье и титула написаны были сполна во всемъ противъ Е. Цар. Вел-ва грамоты“ ²⁾.

Менезіусъ, исполняя данный ему наказъ требовать, чтобы папа въ отвѣтной грамотѣ къ царю велѣлъ написать имя его съ царскимъ титуломъ, предъ отпускной аудіенціей у папы попросилъ показать ему папскую грамоту. Такъ какъ въ грамотѣ этой Алексѣй Михайловичъ названъ былъ „любимымъ сыномъ, шляхетнымъ человѣкомъ“, Менезіусъ заявилъ іезуиту, показавшему эту грамоту, что папа обнаруживаетъ непріязнь къ государю, потому что не желаетъ титуловать его царемъ, какъ титулуютъ его всѣ государи, имѣющіе съ нимъ сношенія, и что поэтому грамота къ царю безъ царскаго титула не можетъ быть имъ принята. Іезуитъ сказалъ Менезіусу, что папа титулуетъ государя такъ, какъ прежніе папы титуловали московскихъ государей. Менезіусъ отвѣтилъ,

¹⁾ „Пам. дипл. снош.“ IV, 754 и слѣд.; Д. Толстой „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, 99.

²⁾ „Пам. дипл. св.“ IV, 793. Отправленію Менезіуса къ папѣ съ царскою грамотою предшествовала справка въ посольскомъ приказѣ о сношеніяхъ московскаго государства съ Римомъ. По справкѣ оказалось, что сношеній съ папскимъ престоломъ послѣ Іоанна IV не было (сношенія Разстриги не признавались), и что папа въ грамотѣ къ Іоанну IV не написалъ царскаго титула; возникшій вслѣдствіе этого вопросъ объ отправленіи посланника къ папѣ представленъ былъ на усмотрѣніе царя, для чего составлена была докладная записка, въ которой указана была выгода отъ обращенія царя къ папѣ: „Папа той его, В. Г-ря присылѣтъ будетъ радъ и окрестныхъ Государей для помочи противъ Салтана Турского подвигнетъ, а не послушать его окрестныхъ Государемъ будетъ не мочно“. Докладывалъ государю объ отправленіи посланника къ папѣ окольный Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ то время, когда „у В. Г-ря было съ бояры судѣнье“. Государь велѣлъ отправить посланника и къ папѣ (Пам. дипл. св.“ IV, 852). Повидимому, сношенія съ Римомъ возобновились благодаря Матвѣеву, въ то время управлявшему посольскимъ приказомъ, потому что Алексѣемъ Михайловичемъ приказано было отправить посланниковъ съ грамотами къ императору, королямъ испанскому, французскому, англійскому, датскому, шведскому, курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому и въ Голландію, въ посольскомъ же приказѣ возникъ вопросъ объ отправленіи посланника и къ папѣ (тамъ же, 851 и 852; Д. Толстой, назв. трудъ, I, 100).

что папа Григорій XIII прислалъ Іоанну IV грамоту чрезъ Антонія Поссевино съ такимъ же титуломъ, какой написанъ былъ въ грамотѣ къ Алексѣю Михайловичу, но Іоаннъ IV грамоты папской не принялъ, когда же Григорій XIII прислалъ другую грамоту къ Іоанну IV чрезъ Антонія Поссевино, и въ этой грамотѣ назвалъ царя „Государемъ Російскимъ В. княземъ Московскимъ, Новоградцкимъ, Смоленскимъ, Владимирскимъ, Государемъ Казанскимъ и Астараханскимъ и иныхъ многихъ государствъ и земель Княземъ Великимъ“, то Іоаннъ IV и этой грамоты не принялъ, потому что въ ней опущено было слово „царь“. Іезуитъ Менезіусу на это ничего не возразилъ, Менезіусъ же изложилъ сказанное имъ въ письмѣ и подаль его ему. Нѣсколько дней спустя, тотъ же іезуитъ спросилъ Менезіуса, не согласится ли онъ принять грамоту къ царю, въ которой титулъ его намѣрены были написать такъ, какъ былъ написанъ титулъ во второй грамотѣ Григорія XIII къ Іоанну IV, но Менезіусъ сказалъ, что возьметъ только такую грамоту, въ которой имя царя будетъ написано съ полнымъ царскимъ титуломъ. Іезуитъ удался отъ Менезіуса, но въ тотъ же день снова явился съ заявленіемъ, что написать имя Алексѣя Михайловича съ царскимъ титуломъ нельзя, ибо Римъ не измѣняетъ титулы государей. Менезіусъ отвѣтилъ іезуиту, что царь написалъ папѣ „не для какихъ спорныхъ статей, но о союзствѣ всего христіанского покоя. А вѣдомо В. Г-рю нашему Е. Цар. В—ву о томъ, что Папы многимъ потентатомъ ихъ потентанскія имянованія и титулы премѣнно учинили. Папа Иноцентей Четвертой въ году 1246 прислалъ великого посла Облаза съ грамотою до предка нашего В. Г—ря и В. Князя Данила Російского, а въ грамотѣ своей Папешской писалъ: „Данилу Королю Російскому“; да къ нему же, Государю, писалъ Папа Александръ Четвертый въ году 1257, а въ грамотѣ своей писалъ потому жъ: „Данилу Королю Російскому“. Папа Григорій Третьянадесять писалъ къ предку нашему ¹⁾ къ В. Г—рю Ц. и В. Кн. Іоанну Васильевичю, всеа Росіи Самодержцу, и въ грамотѣ своей Папешской Е. Цар. Вел—ва имянованіе и титуло писалъ въ другой по-

¹⁾ Тутъ, очевидно, опечатка, незамѣченная издателями, или описка въ рукописи, такъ какъ Менезіусъ говорилъ не отъ имени царя и не могъ, поэтому, сказать, говоря о царѣ Іоаннѣ IV, „предку нашему“.

сылѣ предъ прежнимъ премѣнно съ прибавкою. Папа Александръ Седмой писалъ Цесаря Фердинандуса Третьего къ брату его Леополдусу и имяновалъ въ грамотѣ: „шляхетному человѣку Леополдусу“; и той грамоты онъ, Леополдусъ, не принялъ. И тотъ же Папа писалъ въ другую посылку до него же, а въ грамотѣ своей имяновалъ: „честному брату нашему Леополдусу“. Папа Клементей Девятой началъ писать до Посполиты Рагужской, а пишетъ: „шляхетнымъ людямъ Посполиты Рагужской“. Папа Урбанусъ Осмый началъ писать къ Королю Португалскому: „дражайшему во Христѣ сыну нашему, Королю Португалскому“. А нынѣ В. Г—рю нашему Е. Цар. Вел—ву Папѣ учинить достойно, какъ ему, В. Г—рю, годно, потому что В. Г. нашъ, Е. Ц. Вел—во еще Папѣ честь и любовь свою Цар. Вел—ва явилъ и писалъ до него прежъ; а Папа предъ В. Г—ремъ нашимъ Е. Цар. Вел—вомъ окажется нелюбовію: Е. Цар. Вел—ва достоинства не исполняетъ“. И на этотъ разъ Менезіусъ подалъ письменное изложеніе сказаннаго имъ въ отвѣтъ іезуиту. Чрезъ нѣсколько дней къ Менезіусу снова явился іезуитъ и объявилъ ему, что папа прибавить въ обращеніи къ Алексѣю Михайловичу слово „велеможнѣйшій“, но назвать его царемъ не можетъ потому, что названія „царь“ и „цесарь“ тождественныя, и если папа будетъ титуловать государя царемъ, то возбудитъ противъ себя неудовольствіе императора и другихъ государей. Менезіусъ іезуиту возразилъ: „къ В. Г—рю нашему къ Е. Цар. Вел—ву В. Г. Е. Цес. Вел—во и иные христіянскіе и бусурманскіе Государи пишутъ во своихъ Государскихъ грамотахъ Е. Цар. Вел—ва имянованіе и титуло какъ онъ, В. Г. Е. Цар. Вел—во, самъ себя описуетъ. И папѣ то видимо, какъ до Папы Цар. Вел—во въ грамотѣ своей Цар. Вел—ва писался: Царь Російскій, Царь Казанскій, Царь Астараханскій, Царь Сибирскій, Повелитель Государь Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, а не Цесарей; и то должно было остерегать Цес. Вел—ву, а не Папѣ, а Папѣ въ томъ ни что не належитъ“. Іезуитъ сказалъ Менезіусу, что папа не знаетъ, какъ другіе государи пишутъ къ московскому государю, тогда Менезіусъ показалъ іезуиту грамоты къ царю отъ императора и другихъ государей. Іезуитъ ничего не возразилъ, но на другой день явился къ

Менезіусу съ вопросомъ, по приказанію папы, что означаетъ слово „царь“. Менезіусъ отвѣтилъ: „что есть именуется Папа, и Цесарь Римскій, и Салтанъ Турецкій, и Шахъ Персидскій, и Ханъ Крымскій, и Моголь Индѣйскій, и Претіанъ Абисинскій, и Зерефъ Арабскій, и Колманъ Булгарскій, и Деспотъ Пелепонейскій, и Калифа Вавилонскій и иные,—такъ же именуется по Словенскому нарѣчію: Царь Російскій. Да и во евангели Словенскомъ именовано: когда Спасителя нашего Христа Іудеи на распятіе привели, и говорили Пилату: „возми, возми распни Его“. И Пилатъ имъ сказалъ: „Царя ли вашего распну“? И Іудеи ему Пилату отвѣтъ дали: „не имѣемъ мы Царя, токмо Кесаря“. На другой день опять явился къ Менезіусу іезуитъ съ вопросомъ, какъ передать на латинскій языкъ слово „царь“, потому что папы въ грамотахъ своихъ къ государямъ, исключая цесаря, пишутъ титулы ихъ, какъ напр.: султанъ, шахъ и т. п., въ переводѣ на латинскій языкъ. Менезіусъ отвѣтилъ, что папы въ грамотахъ своихъ къ султанамъ, деспотамъ и другимъ государямъ съ подобными титулами не переводятъ титулы на латинскій языкъ, но передаютъ ихъ латинскими буквами, и что слово „царь“ перевести на латинскій языкъ нельзя. Нѣсколько дней спустя къ Менезіусу явился кардиналъ и сказалъ, что Алексѣй Михайловичъ написалъ титулъ папы въ грамотѣ своей не такъ, какъ титулуютъ папъ всѣ христіанскіе государи. Менезіусъ ему отвѣтилъ, что царь въ концѣ грамоты своей къ папѣ написалъ, чтобы папа не удивлялся, если титулъ его невѣрно написанъ, потому что у него съ папою сношеній не было, и титула его онъ не знаетъ. Кардиналъ на это ничего не возразилъ. На другой день къ Менезіусу явился папскій секретарь съ такимъ вопросомъ: если папа отправить своего посланника къ государю съ грамотою, въ которой назоветъ его „свѣтлымъ и велеможнѣйшимъ королемъ Російскимъ“, допустить его царское величество къ себѣ посланника съ грамотою, зная, что папы сокращенно пишутъ титулы всѣхъ государей? Менезіусъ отвѣтилъ, что не можетъ сказать, допустить ли государь къ себѣ посланника съ такою папскою грамотою, въ которой титулъ его будетъ написанъ не такъ, какъ пишется онъ въ царскихъ грамотахъ; папѣ извѣстно, добавилъ онъ, изъ письменнаго заявленія его, Менезіуса, что царь Іоаннъ IV не принялъ

грамоты папы Григорія XIII потому, что въ грамотѣ этой не былъ написанъ царскій его титулъ ¹⁾).

Изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми кардиналами Менезіусъ узналъ, что они намѣрены убѣждать папу написать государю грамоту съ царскимъ титуломъ. Нѣсколько времени спустя Менезіуса извѣстили кардиналъ Барберини и другіе старые кардиналы о томъ, что они говорили съ папою о признаніи царскаго титула Алексѣя Михайловича, и что папа имъ высказалъ намѣреніе назначить засѣданіе кардиналовъ для обсужденія вопроса о признаніи этого титула, самъ же онъ готовъ выказать свою любовь къ московскому государю и признать его царскій титулъ. Но тѣ же кардиналы вскорѣ дали знать Менезіусу, что племянникъ папы, также кардиналъ, противится признанію царскаго титула Алексѣя Михайловича папою и не хочетъ допустить обсужденія этого признанія кардиналами. Менезіусъ посѣтилъ кардинала Барберини, который ему передалъ, что если папа не напишетъ государю грамоты съ царскимъ титуломъ, то преемникъ его, избранный изъ старыхъ кардиналовъ, признаетъ этотъ титулъ московскаго государя, и что старые кардиналы отправятъ къ Алексѣю Михайловичу грамоту съ царскимъ его титуломъ, въ которой будутъ просить царя не гнѣваться на непризнаніе его титула папою и объяснять, что папа находится въ рукахъ своего племянника, человѣка гордаго, который не допускаетъ, чтобы кардиналы обсудили вопросъ о признаніи царскаго титула московскаго государя. Чрезъ день послѣ посѣщенія Барберини Менезіусъ былъ принятъ папою въ тайной аудіенціи. На вопросъ папы, почему онъ не желаетъ принять грамоту къ государю своему, Менезіусъ отвѣтилъ, что не принимаетъ потому, что папа не титулуетъ государя царемъ, какъ титулуютъ его всѣ христіанскіе и мусульманскіе государи. Папа сказалъ, что не можетъ титуловать государя царемъ потому, что царскаго титула московскихъ государей не признавали предшественники его, и что кардиналы, съ которыми онъ совѣщался относительно этого признанія, высказались противъ него ²⁾. Такъ „старые“, по выраженію Менезіуса, кардиналы непризнаніе царскаго титула Алексѣя Михайловича объяснили московскому послан-

¹⁾ „Пам. дипл. снош.“ IV, 1049—1056.

²⁾ Тамъ же, 1056 и слѣд.

нику излишнюю податливостью папы, находившагося подъ вліяніемъ своего племянника, который не допускалъ, чтобы въ обсужденіи вопроса о признаніи царскаго титула московскаго государя приняли участіе кардиналы, а папа тому же Менезіусу заявилъ, что кардиналы не допустили титуловать Алексѣя Михайловича царемъ.

День спустя послѣ тайной аудіенціи у папы Менезіусъ принялъ папскаго племянника, который заявилъ ему, что папа отправить въ Москву посланника для переговоровъ о титулѣ государя ¹⁾.

Ко времени пребыванія Менезіуса въ Римѣ относится интересное разсужденіе аббата Скарлати о правахъ московскихъ государей на царскій титулъ ²⁾. Въ своемъ разсужденіи Скарлати доказываетъ несостоятельность возраженій, которыя дѣлались московскому посланнику, требовавшему признанія царскаго титула его государя. Такихъ возраженій, говоритъ Скарлати, было два: первое, что папскій престолъ не измѣняетъ титуловъ, однажды принятыхъ по отношенію къ какому либо государю; второе, что слова *царь* и *императоръ* тождественныя, и кромѣ того слово *царь*, какъ иностранное, не можетъ быть переведено на латинскій языкъ. Несостоятельность перваго возраженія Скарлати доказываетъ примѣрами, изъ которыхъ видно, что папы измѣняли ти-

¹⁾ Тамъ же, 1059.

²⁾ Это разсужденіе подъ заглавіемъ: „Мнѣніе аббата Скарлати, чтобы титулъ Царя былъ данъ Государю Московскому“, изданное въ Hist. rus. mon., (II, № 116), невѣрно отнесено въ названномъ изданіи къ 1670 г. Изъ упоминанія въ разсужденіи аббата Скарлати имени царя Алексѣя Михайловича видно, что разсужденіе это было написано въ то время, когда въ Россіи царствовалъ Алексѣй Михайловичъ, указаніе же Скарлати, что онъ будетъ имѣть въ виду тѣ возраженія, которыя дѣлаются московскому посланнику, требующему признанія царскаго титула своего государя, опредѣляетъ болѣе точно время написанія разсужденія: оно вызвано было пребываніемъ въ Римѣ Менезіуса, который былъ единственнымъ посланникомъ Алексѣя Михайловича къ папѣ. Возраженія противъ титулованія московскаго государя царемъ, которыя, по словамъ Скарлати, дѣлались московскому посланнику, тѣ же, какія дѣлались Менезіусу, а опроверженія ихъ—въ сущности тѣ, которыя представлялись и устно и письменно Менезіусомъ. На невѣрность хронологической даты, которою издатели помѣтили разсужденіе аббата Скарлати, указалъ еще Толстой („Римскій католицизмъ“, I, стр. 106, прим. 1).

тулованія государей, въ томъ числѣ и русскихъ; документальныя данныя, указываетъ онъ, свидѣлствуютъ, что папы называли русскихъ князей королями, а московскихъ государей — великими князми. Отсюда слѣдуетъ, заключаетъ аббатъ, что московскій государь имѣетъ право на королевскій титулъ, какъ потомокъ признанныхъ папами русскихъ королей, въ числѣ ихъ и Даніила галицкаго, получившаго королевскую корону отъ папы. Во власти московскаго государя, говоритъ аббатъ, имѣющаго право на королевскій титулъ, замѣнить его царскимъ титуломъ, и такая замѣна признана была императоромъ, имѣющимъ право давать титулы, и другими государями, въ томъ числѣ и королемъ польскимъ. Что касается второго возраженія, будто слова *царь* и *цесарь* (императоръ) тождественныя, то несостоятельность и этого возраженія, по мнѣнію Скарлати, доказывается тѣмъ, что цесаремъ русскіе и нѣкоторые другіе народы называютъ только императора, но не царя, кромѣ того и самъ императоръ, ревниво оберегающій свой титулъ, не называлъ бы московскаго государя царемъ, если бы названія *царь* и *цесарь* означали одно и то же. Возраженіе, что слово *царь*, какъ иностранное (*barbara*), не можетъ быть употреблено въ латинской рѣчи, Скарлати опровергаетъ примѣрами изъ папскихъ бреве; онъ указываетъ, что даже въ бреве ученнѣйшаго и образованнѣйшаго папы Льва X писались такія иностранныя названія государей, какъ напримѣръ: султанъ, воевода и проч. По мнѣнію аббата не было основаній отказывать московскому государю въ царскомъ титулѣ, только къ слову *царь* слѣдовало прибавить слово *король*, чтобы второе слово пояснило значеніе перваго ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ мнѣніе аббата Скарлати въ переводѣ съ итальянск. яз. „Возраженія, дѣлаемыя съ цѣлю поддерживать отказъ въ титулованіи, которое требуетъ для своего государя господинъ посланникъ изъ Московіи, сводится главнымъ образомъ къ двумъ пунктамъ. Во-первыхъ, что св. престолъ въ обращеніяхъ къ государямъ не имѣетъ обыкновенія мѣнять титулы, и такъ какъ въ прежнихъ случаяхъ обыкновенно къ московскому государю примѣнялось обращеніе: *Dilecto filio nobili viro N. Magno Moscorum Duci* (возлюбленному сыну, благородному мужу N., великому князю Московскому), то и теперь должно соблюдаться титулованіе въ этой самой формѣ безъ измѣненія. Во-вторыхъ, если полагать возможнымъ измѣнять титулы, то ни въ какомъ случаѣ нельзя ему (московскому государю) давать титулъ „царь“, такъ какъ это слово означаетъ

Менезіусъ заявлялъ, что не возьметъ папской грамоты къ

императора и есть иностранное, а потому не можетъ быть употреблено папою въ латинскихъ письмахъ. Поэтому Его Святѣйшество въ письмахъ къ Султану и къ Софи называетъ ихъ королями, а не иными названіями, соответствующими ихъ достоинству. Что касается первой причины, то противъ нея есть возраженіе, что св. престолъ не только имѣетъ обыкновеніе мѣнять титулы въ первосвященническихъ посланіяхъ, сообразно обстоятельствамъ и времени, но всегда дѣлалъ это, какъ общезвѣстно, преимущественно по отношенію къ московскому государю; оказывается, что многіе папы, именно св. Григорій VII, Иннокентій IV и Александръ IV давали ему титулъ „святѣйшій“ съ наименованіемъ „король“; а Григорій XIII, обращаясь письменно (къ московскому государю) въ 1581 г., по примѣру брвѣ блаженнаго Піа V (которое не было послано по причинамъ, приведеннымъ Спондано въ 1571 г. подъ № XXV), писалъ: *Dilecto filio nobili viro Ioanni Basilidi Magno Moscorum Duci*. Это письмо было отвергнуто, какъ мало соответствующее достоинству столь великаго государя, которому ни одинъ государь христіанскій или невѣрный не отказываетъ въ титулѣ король, и къ которому даже самъ императоръ обращается подобнымъ образомъ, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ 1582 г. (св. престолъ) измѣнилъ въ многихъ отношеніяхъ форму перваго титула, прибавивъ почетныя выраженія; но такъ какъ вмѣсто слова „царь“ онъ (св. престолъ) употреблялъ названія: *Princeps Magnus* и *Dominator*, то этимъ не удовлетворился Василій (?), и всякіе переговоры были прерваны (Скарлати указываетъ далѣе на разные титулы европейскихъ государей и отмѣчаетъ, что титулы эти признавались папами, хотя не папы давали ихъ, напр., испанскій король самъ себя усвоилъ титулъ короля, и этотъ титулъ былъ признанъ папами, а нѣкоторымъ государямъ титулы давались германскимъ императоромъ, и тѣмъ же не менѣе титулы эти также признавались со стороны папъ). Отсюда слѣдуетъ, что московскій государь одинъ изъ пользующихся королевскимъ титуломъ—короля Россіи, во 1-хъ, по древнему и спеціальному одобренію папы Григорія VII, и затѣмъ, двѣсти лѣтъ спустя, по спеціальному возобновленію (права на королевскій титулъ) со стороны римскаго двора, благодаря авторитету котораго былъ торжественно помазанъ и коронованъ въ 1256 г. король Даніилъ (галицкій) Опизомомъ, легатомъ Иннокентія IV; преемники его (Даніила) во всякомъ случаѣ могли вмѣсто названія „король“ усвоить себя названіе „царь“, присущее ихъ достоинству, такъ какъ было (на то) согласіе и одобреніе всѣхъ государей, какъ христіанскихъ, такъ и невѣрныхъ, и самъ императоръ, которому не отказываютъ ни папа, ни другіе во власти давать и прибавлять титулы, подтвердилъ и укрѣпилъ (этотъ титулъ) своимъ собственнымъ примѣромъ, чему предшествовало продолжительное разслѣдованіе и познаніе дѣла въ Прагѣ, какъ передалъ Герберштейнъ и многіе другіе классическіе авторы времени императора Максимилиана I, почти двѣсти лѣтъ тому назадъ. Даже сами Поляки, естественные соперники московскаго государя, не отказываютъ ему въ этомъ преимуществѣ (царскомъ титулѣ), которое сдѣлалось ег-

царю безъ царскаго титула. Эту угрозу онъ привелъ въ исполне-

с собственнымъ и неотъемлемымъ. Нельзя отрицать, что хотя императоръ имѣетъ право давать титулы королей, герцоговъ и проч., (однако) не можетъ никоимъ образомъ дать кому либо титулъ императорскій, каковое право принадлежитъ только св. престолу, поэтому Максимилианъ и всѣ другіе его преемники не могли на законномъ основаніи титуловать „царемъ“ короля Россіи (если подъ титуломъ „царь“ разумѣть титулъ „императоръ“); тотъ, кто утверждаетъ, что слово это (царь) означаетъ „цесарь“, ошибается (по слѣдующимъ причинамъ): прежде всего потому, что на языкахъ русскомъ и иллирійскомъ (слову) „цесарь“ соответствуетъ „Кузага“, и такъ называютъ Московиты, Богемцы и другіе императора въ отличіе отъ царя, что означаетъ другое, и монархи Русскіе, которые хвалятся своимъ происхожденіемъ отъ Цезаря, принимаютъ это названіе скорѣе съ цѣлю обозначить происхожденіе и родъ, хотя въ силу общаго употребленія вполнѣ въ силу этого (названіе) стало также названіемъ ихъ достоинства; подобнымъ образомъ государь Арабовъ называется шерифомъ, что означаетъ происходящаго отъ пророка, т. е. Магомета, и даже блаженный Пій V называлъ (государя арабовъ) шерифомъ въ своемъ бреве 1521 г. ноября мѣсяца. Во 2-хъ, потому что императоръ, относясь равнѣю къ своему титулу, не давалъ бы титулъ „царь“ московскому государю, если бы титулъ этотъ былъ равенъ его собственному, и дѣйствительно, мы видѣли въ заглавіяхъ подлинныхъ грамотъ, которыя представилъ господинъ посланникъ (московскій), что государь это называется четыре раза „царь“, какъ и императоръ именуетъ его, а гдѣ тотъ (московскій государь) называетъ себя Imperator, его цесарское величество именуетъ его Dominator, что не только доказываетъ, что его величество не желаетъ давать ему собственный титулъ, но даже болѣе того, что слово „царь“ не одинаково съ словомъ „императоръ“ и совершенно отлично отъ него. Въ 3-хъ, наконецъ, потому что государь московскій въ своемъ титулѣ называетъ себя государемъ царей карталинскихъ и др. и пр., и это рѣшительно исключаетъ (мысль), что царь можетъ быть названъ императоромъ, но ясно видно, что ничто иное не можетъ означать въ такомъ смыслѣ, какъ (только) государя (повелителя) по отношенію къ государямъ подчиненнымъ и феодальнымъ. Что слово это (царь) иностранное, нельзя отрицать, но укажу, что папы въ прежнее время не были столь щепетильны, и изъ нихъ Левъ X, ученѣйшій и образованнѣйшій, владѣвшій перомъ Bembo, одинъ изъ самыхъ выдающихся латинистовъ, писалъ неоднократно въ своихъ бревахъ, которыя напечатаны: Воевода, Султанъ и Софи. Въ заключеніе еще можно прибавить, что сдѣлано было посланнику предложеніе палатинскимъ министрами: принять обыкновенное обозначеніе (слова) „царю“, т. е. *Supremo Domino Russiae*, что не было принято (посланникомъ), или лучше написать *Regi Russiae*, чѣмъ можно было бы оправдать, что вѣроятно, отличіе отъ титула, взятаго изъ примѣра названныхъ Льва X и блаженнаго Пія V, которые всякій разъ, когда называютъ Софи или Султана или Шерифа, прибавляютъ (слова): королю Персіи или Арабовъ; такимъ образомъ, обращаясь къ

ніе и грамоты не принялъ ¹⁾).

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1667 году, отправлено было первое посольство въ Испанію, состоявшее изъ стольника Потемкина и дьяка Румянцева ²⁾. Отвѣтная грамота испанскаго короля была написана съ царскимъ титуломъ Алексѣя Михайловича ³⁾ по требованію Потемкина. При переводѣ на испанскій языкъ титуловъ Алексѣя Михайловича непонятными

государю московскому (съ титуломъ): Alexio Michaelidi Czario Russiae Regi, не только слѣдовали бы образцу выше названныхъ первосвященниковъ, но этимъ было бы указано, что слово „царь“ не есть названіе достоинства, но происхожденія—онъ (царь) вѣдь хвалится, что происходитъ отъ Цесаря; подобнымъ же образомъ Michaelidi въ дѣйствительности означаетъ ничто иное, какъ сынъ Михаила, и не должно казаться страннымъ, что къ имени отца присоединяется другое имя предка славной памяти, ибо и въ Евангеліи говорится о нашемъ Спасителѣ: сынъ Давида, сынъ Авраама. Давать названіе „царь“ королю Русскихъ было бы еще менѣе неподобающимъ чѣмъ, какъ писали другіе папы, давать названія Софи или Шерифъ, которыя означаютъ: первое—покровителя суевѣрной религіи, второе—происхожденіе отъ Магомета. Эти первосвященники, прибавкою слова „король“, объясняли смыслъ, ими даваемый названію Султанъ или Софи. Такъ поступилъ тотъ же блаженный Пій V, когда писалъ священнику Іоанну съ титуломъ Rex Regum, каковой титулъ выше всякаго другого преимущества и свойствененъ только Господу Богу, присоединяя къ титулу для объясненія: Illustri Aethiopum Regi. Кажется, что присоединеніемъ къ названію „царь“ слова „король“ придавалось бы подобное значеніе, и можно было бы надѣяться къ большому его (московскаго государя) удовлетворенію, что обращеніе „царю“, т. е. *supremo Domino*, не означало бы возведенія его въ царское достоинство, но въ сущности было бы тѣмъ же, и вмѣсто того, чтобы созидать новый примѣръ, могли бы идти по старому пути св. Апостольскаго Престола“. (Hist. рус. мон., II, № 116, pag. 232. Проф. Л. Ю. Шепелевичу, оказавшему мнѣ помощь въ переводѣ разсужденія аббата Скарлати, долгомъ своимъ считаю выразить глубокую свою благодарность).

¹⁾ Грамота Климента X, не принятая Менезіусомъ, издана Theiner'омъ въ *Monuments historiques de Russie*, № 49, стр. 78, Rome, an. 1859, и Толстымъ: „Римскій католицизмъ, I, стр. 344, Прил., 2. Въ изданіи Theiner'a эта грамота датирована 4 сентябремъ 1673 г., а въ изданіи Толстаго—15 сентябремъ того же года. Грамота надписана: *Dilecto filio nobili viro Alexio Michaeli Magno Moschorum Duci*.

²⁾ Бантышъ - Каменскій, „Обзоръ вѣншихъ сношеній Россіи“, I, 162. Статейный списокъ посольства Потемкина въ „Древн. Рос. Вивл.“ IV, 360, изд. 2.

³⁾ „Др. Р. Вивл.“ IV, 432.

для переводчиковъ оказались слова: „царь“ и „самодержецъ“, вслѣдствіе чего секретарь испанскаго вѣдомства иностранныхъ дѣлъ („посольскихъ дѣлъ секретаріусъ“) спросилъ московскихъ посланниковъ: „что Царь и Самодержецъ разумѣется?“ Посланики, объясняя испанцу, почему Алексѣй Михайловичъ назывался царемъ, указали два основанія: первое—, что прародитель государя, царь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, воюя съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ, дошелъ до Константинополя, и императоръ, смирившійся предъ Владиміромъ Мономахомъ, послалъ ему въ даръ царскія утвари, которыми вѣнчались на царство всѣ византійскіе императоры; съ того времени, при вѣнчаніяхъ на царство, возлагаютъ на себя эти утвари всѣ русскіе цари. Второе—, что еще царь Іоаннъ IV, прадѣдъ Алексѣя Михайловича, покорилъ себѣ астраханское, казанское и сибирское царства, и такъ какъ ими владѣетъ Алексѣй Михайловичъ, то вслѣдствіе этого называется царемъ и самодержцемъ: „и нынѣ Великій Государь нашъ, Е. Ц. В., всѣ тѣ великія Царства, съ Божіею помощію, держитъ подъ своею Царскою высокою рукою; и по тѣмъ великимъ Царствамъ и Государствамъ Великій Государь нашъ, Е. Ц. В., во своихъ Ц. Вел—ва граматахъ Царемъ и Самодержцемъ описуется“ ¹⁾.

Менезіусу, когда онъ былъ въ Римѣ въ качествѣ посланника царя Алексѣя Михайловича, объявлено было, что папа намѣренъ отправить своего посланника въ Москву специально для переговоровъ о признаніи царскаго титула московскихъ государей, но это намѣреніе не было приведено въ исполненіе ²⁾. Въ 1685 году гонецъ императора германскаго Курцъ, послѣ аудіенціи у царей, заявилъ князю В. В. Голицыну, что получилъ отъ императора повелѣніе подать царямъ папскую грамоту. Грамота эта, по словамъ Курца, была написана папою по желанію императора, который просилъ папу признать царскій титулъ московскихъ государей, и папа, исполняя просьбу императора, послалъ царямъ чрезъ него грамоту, въ которой написалъ титулы ихъ такъ, какъ того требовалъ нѣкогда отъ римскаго престола царь Алексѣй

¹⁾ Тамъ же, 422—424.

²⁾ „Пам. дипл. сн.“ VI, 930.

Михайловичъ При этомъ Курцъ заявилъ, что по наказу императора онъ долженъ передать царямъ папскую грамоту только въ томъ случаѣ, если цари дадутъ обѣщаніе писать титулъ папы такъ, какъ писали его византійскіе императоры и великіе князья русскіе въ грамотахъ къ папамъ. Голицынъ отвѣтилъ Курцу, что „начала никакого дѣла истиннаго не слыша“, не можетъ передать его рѣчей царямъ и обѣщать ему отъ имени ихъ, что въ царскихъ грамотахъ къ папѣ титулъ его будетъ написанъ такъ, какъ писали его византійскіе императоры. Когда Курцъ подаль Голицыну копію съ папской грамоты, въ которой титулъ государей въ русскомъ переводѣ былъ написанъ: „Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи. и великихъ государствъ восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ Отчичемъ и Дѣдичемъ и Наслѣдникомъ и Самодержцемъ, Государемъ и Обладателемъ“, Голицынъ сказалъ Курцу, что доложить государямъ о сдѣланномъ отъ имени папы предложеніи и рѣшеніи ихъ объявить ему чрезъ пристава ¹⁾.

Въ грамотѣ своей папа убѣждалъ царей примкнуть къ союзу съ христіанскими государями для борьбы противъ турецкаго султана и выражалъ желаніе, чтобы цари присоединились къ католической церкви ²⁾.

Въ посольскомъ приказѣ были наведены справки о прежнихъ сношеніяхъ московскихъ государей съ папами ³⁾, послѣ чего Курцу данъ былъ такой отвѣтъ: титулъ царей написанъ въ папской грамотѣ не такъ, какъ пишутъ себя цари въ грамотахъ своихъ, и какъ титулуютъ ихъ въ грамотахъ къ нимъ императоръ и другіе христіанскіе государи; если папа желаетъ имѣть сношенія съ царями, то долженъ титуловать ихъ такъ, какъ они себя титулуютъ, и какъ титулуютъ ихъ въ грамотахъ къ нимъ императоръ и другіе государи. Курцъ отвѣтилъ, что папа не написалъ полный титулъ государей по незнанію, но впредь будетъ титуловать государей такъ, какъ они сами себя титулуютъ. На вопросъ Голицына, признаніи какого титула папа желаетъ со стороны

¹⁾ Тамъ же, 922 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 925.

³⁾ Тамъ же, 926 и слѣд.

государей, Курцъ сказалъ, что папѣ угоденъ тотъ титулъ, съ которымъ Іоаннъ IV обращался къ Григорію XIII: „наивышій пастырь“ ¹⁾. Курцу было объяснено, что Іоаннъ IV титуловалъ такъ папу потому, что въ Москвѣ въ то время не было патріарха, но былъ только митрополитъ, когда же „учинилися въ Російскомъ царствіи Патріархи и область въ архіерействѣ и престолъ воспріяли равно вселенскій, и съ того времени отъ В. Г—рей, отъ ихъ Цар. Вел—ва, къ Римскимъ Папамъ въ ихъ государскихъ грамотахъ „верховнѣйшимъ“ или „навышнимъ“ и не писано, и нынѣ того учинить не возможно...“ ²⁾, „потому что умаленіе отъ того слова будетъ въ архіерействѣ святѣйшему Московскому Патріарху и въ зазрѣніи отъ святѣйшихъ вселенскихъ Патріарховъ...“ ³⁾. Цари, сказано было Курцу, находили возможнымъ титуловать папу „честнѣйшимъ избраннѣйшимъ господиномъ, Папою Римскимъ и пастыремъ Римского костела достойнѣйшимъ“ ⁴⁾. Курцъ высказалъ увѣренность, что папа будетъ титуловать царей сообразно ихъ желанію и просилъ исходатайствовать для него аудіенцію, чтобы передать государямъ папскую грамоту ⁵⁾. Курцу дана была аудіенція, и цари приняли отъ него папскую грамоту ⁶⁾, но въ этой грамотѣ не были написаны имена царей и полный титулъ ихъ ⁷⁾. Вслѣдствіе этого Курцу было объявлено, что отвѣтная грамота отъ царей къ папѣ не будетъ отправлена по назначенію ⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, 941.

²⁾ Тамъ же, 942.

³⁾ Тамъ же, 943.

⁴⁾ Тамъ же. Такъ былъ титулованъ папа Иннокентій XII въ грамотѣ царя Петра I, отправленной къ нему чрезъ боярина Б. П. Шереметьева въ 1697 г.: *Honorandissimus Dominus Innocentius XII, Papa et Doctor Romanae Ecclesiae dignissimus* (Theiner, *Monum. histor. de Russie*, pag. 368, Rome, 1859).

⁵⁾ Тамъ же, 944.

⁶⁾ Тамъ же, 950.

⁷⁾ Предлагая царямъ присоединиться къ союзу христіанскихъ государей противъ турецкаго султана, папа обращался къ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ не называя ихъ по имени: „воспримите убо высокіе Царя и Князь...“ (тамъ же, 953), и притѣ того грамота не была подписана папою (тамъ же, 951—954).

⁸⁾ Тамъ же, 954 и слѣд.

Тотъ, кто впервые усвоилъ себѣ титулъ императора, довершилъ дѣло, начатое первымъ московскимъ царемъ: царскій титулъ Петра I признанъ былъ и римскимъ дворомъ, единственнымъ изъ европейскихъ дворовъ, который ко времени Петра I не признавалъ еще за московскимъ государемъ этого титула ¹⁾).

Пересматривая доказательства, которые представлялись московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ, не видимъ данныхъ, которые свидѣтельствовали бы, что государи эти смотрѣли на себя какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ и на этомъ преемствѣ основывали право свое на царскій титулъ. Въ доказательство правъ своихъ на этотъ титулъ московскіе государи ссылались, во-первыхъ, на царскія вѣнчанія Владиміра св. и Владиміра Мономаха, и во-вторыхъ, на обладаніе царствами казанскимъ, астраханскимъ и сибирскимъ, когда же большинство европейскихъ дворовъ признало за московскими государями царскій титулъ, тогда государи эти стали основывать право свое на усвоенный себѣ титулъ и на этомъ признаніи.

¹⁾ Hist. rus. mon. II, № 126. Лакіеръ: „Исторія титула государей Россіи“, Ж. М. Н. Пр., ч. 56, стр. 139; М. Капустинъ: „Признаніе титула царей русскихъ западно-европейскими государствами въ концѣ XVII в.“, „Москвитинъ“, 1851 г., № 24, кн. 2, стр. 532; его же: „Дипломатическія сношенія Россіи съ западною Европою во второй половинѣ XVII в.“, стр. 85 и слѣд., М. 1852.

